

NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

5

2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,

доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калинин,

кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ, кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

А. А. Реан,

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук, доцент

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор (Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,

Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubysenko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A. A. Rean,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

N. V. Romyantsev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

D. Subošić,

PhD, Professor (Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia, Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкьян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавельюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Scientist of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобoshko,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мانتусов,
доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

В. С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный
экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

V. S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored
Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,

доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

В. Ф. Енгальчев,

доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,

доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Ситников,

доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,

доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

V. F. Engalychev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Sitnikov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Sukhov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,

доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,

Doctor of Political Science, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии
Правительства РФ
в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. В. Пешков

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 5 • 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частноправовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

БЕЛЯКОВА А. В. «Объективная истина» в условиях «цифрового» правосудия	12
ВОЛЫНСКАЯ О. В., СЕМЕНКОВА Е. В. Применение видео-конференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам: перспективы и реальность	20
ГАДЖИАЛИЕВА Н. Ш. Законность как критерий судебной проверки решения по гражданским делам	26
ГАСАНОВ К. К., ПАУК Н. Н. Органы исполнительные власти: теоретико-правовой анализ дискреционных полномочий и их реализация	30
ГРОШЕВАЯ В. К. Координация работы Республиканского МВД Украинской ССР в организации деятельности борьбы с преступностью в 1960-е гг. XX в.	39
ДАЙШУТОВ М. М., ЧУГУНОВ А. А. Объективные и субъективные признаки незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц	48
ИВАНЯКОВ Р. И. Кадровый вопрос в пенитенциарной системе России XIX в.	56
КАДНИКОВ Н. Г., ЮДИНА У. С. К вопросу о квалификации преступлений, предусмотренных ст. 243, 243.1, 243.2 и 243.4 УК РФ, сопряженных с уничтожением или повреждением имущества	61
КАЛАШНИКОВ И. В., СТРАУНИНГ Ю. А. К вопросу о виктимологической профилактике преступлений, совершаемых на объектах Московского метрополитена	69
КАЛИНИН В. Н. К вопросу о развитии альтернативных несудебных способов разрешения правовых конфликтов	75
КУРАКИН А. В., АДМИРАЛОВА И. А. Проблемы правового регулирования применения физической силы сотрудниками полиции	81
КУРБАТОВА О. В., САКУЛИНА Л. Л. Принципы производства по делам об административных правонарушениях по административно-деликтному законодательству Российской Федерации и государств – участников СНГ	87
КУЖИКОВ В. Н., ГАБДРАХМАНОВ Р. Л. Предмет легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем	93

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 167

Подписано в печать 28.10.2024
Цена договорная

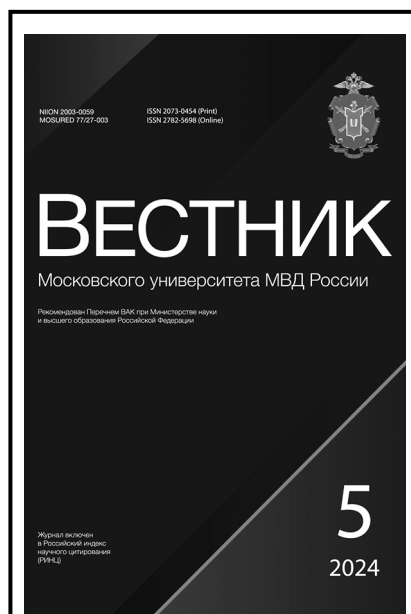
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

МАЙЛИС Н. П. Инновационные технологии, способствующие развитию цифровой трасологии	97
МАТИЕНКО Т. Л. Проблема кадрового обеспечения полиции: соотношение материального обеспечения чинов сыскной полиции и качества правопорядка в Российской империи в начале XX в.	101
МИХАЙЛЕНКО Н. В., РУДИН А. В. Арест криптовалют и цифровых финансовых активов: вызовы правового регулирования	109
МОЛЧАНОВА Т. В. Статистическое заблуждение в оценке организованной преступности в сфере экономической деятельности	115
ПАВЛИКОВ С. Г. Искусственный интеллект в контексте развития патентной деятельности	121
ПОДОСИННИКОВА Л. А. Правовой суверенитет и его особенности: самообусловленность, иммунитет и юрисдикция	124
ПРОЯВА С. М. Место инноваций в корпоративной стратегии промышленных групп (объединений предприятий) — производителей автоматизированных систем управления и связи двойного назначения	135
РАМАЗАНОВА К. К. Влияние морально-нравственных категорий на формирование принципов права (на примере клонирования человека)	140
САМСОНОВ В. Н., ЧЕКУЛАЕВ С. Ю. Объект преступления в сфере государственных закупок	145
САТУШИЕВА Л. Х. Правовая традиция как исторически обусловленный нормативно-ценностный социокультурный феномен	151
СВИРИН Ю. А. О конвергенции канонического и светского права	155
СЪЕДИНА Н. В., ЯЦЕВИЧ М. Ю. Особенности управления и контроля экологическими рисками в городских агломерациях: правовой аспект	161
ФЕДОРОВИЧ В. Ю. Научный вклад профессора В. П. Лаврова в развитие криминалистики и формирование научно-педагогических кадров	168
ШАРОВ Д. В. Интерес как общенаучная и правовая категория	173
ШАРОНОВ С. А. Увольнение работника как вид дисциплинарного взыскания	178

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика
Финансы

БАТУРИНА Е. В. Феномен «теневая экономика»: современное состояние понятийно-категориального аппарата	186
БОНДАРЕНКО Т. Г. Виды нелегальной деятельности и способы их идентификации на финансовом рынке Израиля	194

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

ДОХОЯН З. М. Обзор рекомендаций по противодействию нелегальной деятельности на финансовых рынках в отдельных странах ЕАЭС	200
ДЮЖОВ А. В. Трансформационные процессы ESG-рейтингования	205
ИВАНОВ А. В. Особенности обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации в современных условиях ...	212
ИСАЕВ М. Г. Направления интеграционного взаимодействия бизнес-систем в условиях цифровой трансформации	218
ЛЕОНОВ П. Ю. Исследование функций институтов, осуществляющих контрольно-надзорную и регуляторную деятельность в сфере противодействия нелегальным операциям на финансовых рынках в некоторых странах ЕАЭС	223
ОРДОВ К. В., ЗАЦАРНАЯ Н. А. Исследование экологической безопасности как составляющей устойчивого развития экономических районов России	228
ТУРСУНОВ Б. А. Виды нелегальной деятельности на финансовом рынке Великобритании. Системы и методы противодействия	233
ФОШКИН А. Е. Системы и методы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке Индии	239
ХАЧАТУРЯН К. С., ХАЧАТУРЯН С. А. Методы машинного обучения с подкреплением: теоретические основы и практическое применение	244
ЧУЙКОВА Н. М. Принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке	249

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

БАЛАШОВА В. А., ЕФИМКИНА Н. В. Субъективно-оценочное восприятие трудных ситуаций сотрудниками полиции	254
ГОНЧАРОВА Е. М. Психологические особенности влияния цифровых технологий на развитие социальных качеств личности	259
ЕНГАЛЫЧЕВ В. Ф., ГАЙВОРОНСКАЯ А. А. Психосемантическое исследование динамики социальных представлений о справедливости	266
МАРЬЯСИС И. Б. Особенности социально-психологической реадаптации несовершеннолетних, признанных виновными в совершении преступления	274
ПУСТОВИТОВА Д. А., ЧЕСНОКОВА И. А. Особенности влияния информационных технологий на морально-психологическое состояние сотрудников полиции	278
ЦВЕТКОВ В. Л., ХРУСТАЛЕВА Т. А. Психологические особенности правосознания сотрудников полиции	283
ШАРАФУТДИНОВА Н. В. Психологические условия развития профессионального самосознания субъектов служебной деятельности	289

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of science and technics,
the Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia*
N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Editor
M. V. Peshkov

Executive secretary
A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration
№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629

Editorial Staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 8 (499) 789-67-35
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 5 • 2024

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences

Public law (state law) sciences

Private law (civilistic) sciences

Criminal law sciences

International law sciences

BELYAKOVA A. V. «Objective truth» in the context of «digital» justice	12
VOLYNSKAYA O. V., SEMENKOVA E. V. The use of video conferencing in pre-trial criminal proceedings: prospects and reality	20
GADZHIALIEVA N. SH. Legality as a criterion for judicial review of decisions in civil cases	26
GASANOV K. K., PAUK N. N. Executive bodies: theoretical and legal analysis of discretionary powers and their implementation	30
GROSHEVAYA V. K. Coordination of the work of the Republican Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR in the organization of crime fighting activities in the 1960s of the 20th century.	39
DAYSHUTOV M. M., CHUGUNOV A. A. Objective and subjective signs of illegal implementation of activities to recover overdue debt of individuals.	48
IVANYAKOV R. I. The personnel issue in the penitentiary system of Russia of the XIX century	56
KADNIKOV N. G., YUDINA U. S. On the issue of the qualification of crimes provided for in Articles 243, 243.1, 243.2 and 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation involving the destruction or damage of property.	61
KALASHNIKOV I. V., STRAUNING YU. A. On the issue of victimological prevention of crimes committed at Moscow Metro facilities	69
KALININ V. N. On the issue of the development of alternative non-judicial ways to resolve legal conflicts	75
KURAKIN A. V., ADMIRALOVA I. A. Problems of legal regulation of the use of physical force by police officers	81
KURBATOVA O. V., SAKULINA L. L. Principles of proceedings in cases of administrative offenses under the administrative and tort legislation of the Russian Federation and the CIS member states	87
KUZHNIKOV V. N., GABDRAKHMANOV R. L. Subject of legalization of money or other property acquired by criminal means	93

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch — 300)

Order № 167

It is sent for the press 28.10.2024
Contractual price

Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

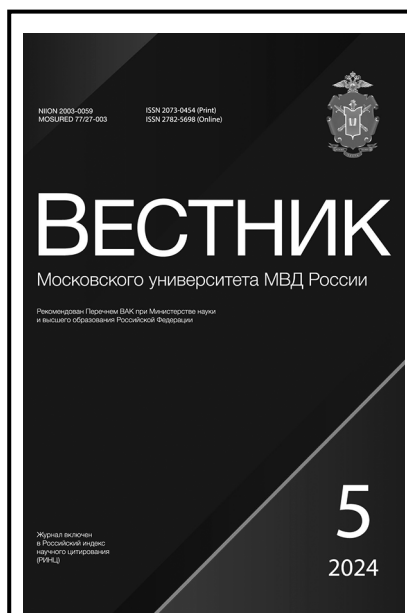
MAYLIS N. P. Innovative technologies that contribute to the development of digital tracology	97
MATIENKO T. L. The problem of police staffing: the ratio of material support for the ranks of the detective police and the quality of law and order in the Russian Empire at the beginning of the XX century	101
MIKHAYLENKO N. V., RUDIN A. V. Seizure of cryptocurrencies and digital financial assets: challenges of legal regulation	109
MOLCHANOVA T. V. Statistical misconception in the assessment of organized crime in the field of economic activity	115
PAVLIKOV S. G. Artificial intelligence in the context of patent development	121
PODOSINNIKOVA L. A. Legal sovereignty and its features: self-conditionality, immunity and jurisdiction	124
PROYAVA S. M. The place of innovation in the corporate strategy of industrial groups (associations of enterprises) — manufacturers of dual-purpose automated control and communication systems	135
RAMAZANOVA K. K. Influence of moral and ethical categories on the formation of principles of law (on the example of human cloning)	140
SAMSONOV V. N., CHEKULAYEV S. YU. Object of crime in the field of public procurement.	145
SATUSHIEVA L. KH. Legal tradition as a historically determined normative-value sociocultural phenomenon	151
SVIRIN YU. A. On the convergence of canon and secular law	155
SEDINA N. V., YATSEVICH M. YU. Features of environmental risk management and control in urban agglomerations: legal aspect	161
FEDOROVICH V. YU. Scientific contribution of Professor V. P. Lavrov to the development of criminalistics and the formation of scientific and pedagogical personnel	168
SHAROV D. V. Interest as a general scientific and legal category	173
SHARONOV S. A. Dismissal of an employee as a type of disciplinary action.	178

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics

Finance

BATURINA E. V. The phenomenon of the «shadow economy»: the current state of the conceptual and categorical apparatus	186
BONDARENKO T. G. Types of illegal activities and methods for their identification in the financial market of Israel.	194

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List
of the Agency «Ural-Press
Okrug» 84629,
or on the website Scientific
electronic library:
<http://elibrary.ru>

DOKHOYAN Z. M. Review of recommendations for combating illegal activities in financial markets in any EAEU countries.	200
DYUZHOV A. V. Transformational processes of ESG ratings.	205
IVANOV A. V. Peculiarities of ensuring financial security of the Russian Federation in modern conditions.	212
ISAEV M. G. Directions of integration interaction of business systems in the conditions of digital transformation.	218
LEONOV P. YU. Study of the functions of institutions implementing control, supervisory and regulatory activities in the field of combating illegal transactions in financial markets in any EAEU countries.	223
ORDOV K. V., ZATSARNAYA N. A. Research of environmental safety as a component of sustainable development of Russia's economic regions.	228
TURSUNOV B. A. Types of illegal activities in the UK financial market. Systems and methods of counteraction.	233
FOSHKIN A. E. Systems and methods of countering illegal activities in the Indian financial market.	239
KHACHATURYAN K. S., KHACHATURYAN S. A. Machine learning methods with reinforcement: theoretical foundations and practical applications.	244
CHUIKOVA N. M. Principles to combat illegal activities in the financial market.	249

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

BALASHOVA V. A., EFIMKINA N. V. Subjective and evaluative perception of difficult situations by police officers.	254
GONCHAROVA E. M. Psychological features of the influence of digital technologies on the development of social qualities of a person.	259
ENGALYCHEV V. F., GAIVORONSKAYA A. A. Psychosemantic study of the dynamics of social perceptions of justice.	266
MARYASIS I. B. Features of the socio-psychological readaptation of minors recognized as guilty of a crime.	274
PUSTOVITOVA D. A., CHESNOKOVA I. A. Features of the influence of information technology on the moral and psychological state of police officers.	278
TSVETKOV V. L., KHRUSTALEVA T. A. Psychological features of the legal awareness of police officers.	283
SHARAFUTDINOVA N. V. Psychological conditions for the development of professional self-awareness of subjects of official activity.	289

Научная статья

УДК 342.56:347.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-12-19>

EDN: <https://elibrary.ru/cmrdmd>

НИОН: 2003-0059-5/24-135

MOSURED: 77/27-003-2024-05-334

«Объективная истина» в условиях «цифрового» правосудия

Анна Владимировна Белякова

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия,
belyakova.av@gmail.com

Аннотация. Изучены вопросы соотношения «объективной истины» и внутреннего убеждения судьи, а также судебного усмотрения в условиях повсеместной цифровизации судебной деятельности. Сделано указание на необходимость более четкой правовой регламентации в применении и реализации информационных технологий в судебном процессе. Сформулирована авторская точка зрения о необходимости рассмотрения возможности достижения объективной истины в суде посредством состязания сторон при более активной позиции суда (реализация руководящей роли судьи в процессе). Обращено внимание на тот факт, что цифровая трансформация затрагивает все больше сфер и областей права, поэтому для сохранения основополагающих начал в отправлении правосудия, а также в целях пресечения злоупотребления правом автор предлагает рассмотреть вопрос развития современной концепции судебного права.

Ключевые слова: объективная истина, истина, справедливость, «цифровое» правосудие, внутреннее убеждение судьи, судебное усмотрение, состязательность судебного процесса

Для цитирования: Белякова А. В. «Объективная истина» в условиях «цифрового» правосудия // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 12–19. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-12-19>. EDN: CMRDMD.

Original article

«Objective truth» in the context of «digital» justice

Anna V. Belyakova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
belyakova.av@gmail.com

Abstract. The issues of the correlation between «objective truth» and a judge's internal conviction, as well as judicial discretion in the context of the widespread digitalization of judicial activity, are examined. An indication is given of the need for clearer legal regulation in the use and implementation of information technology in the judicial process. The author's viewpoint is formulated regarding the need to consider the possibility of achieving an objective truth in court through the contest of the parties and the more active role of the court in the process (realization of the leading role of the judge). Attention is drawn to the fact that digital transformation is affecting more and more areas and spheres of law, and therefore, in order to preserve fundamental principles in justice administration and curb abuse of law, it is suggested that a modern concept of judicial law be developed.

Keywords: objective truth, justice, digital justice, judge's inner conviction, judicial discretion, adversarial nature of the judicial process

For citation: Belyakova A. V. «Objective truth» in the context of «digital» justice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):12–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-12-19>. EDN: CMRDMD.

*«Власть судебная есть право, свободно
находить в деле истину, и полагать
решение по справедливости и по закону».*
[18, с. 2]

Вынесенная в эпиграф цитата дореволюционного правоведа И. Наумова отражает тысячелетнее содержание правосудия, которое на современном этапе начинает приобретать новые формы и очертания.

Цифровые технологии позволяют сблизить расстояние и преодолеть часовые пояса, но повсеместное их использование может повлечь за собой необрати-

мые последствия, имеющие накопительный эффект, которые ведут к отдельным проблемам и рискам в будущем. В особенности это относится к сфере правосудия, так как вопросы законности, обоснованности и справедливости судебных решений на сегодняшний день не теряют своей актуальности.

«Возведение цифровых алгоритмов на пьедестал», а также их идеализация нивелируют не только роль и значение всего накопленного объема человеческих и профессиональных знаний, но и ставят под вопрос само значение биологической жизни. Данная ремарка направлена на то, чтобы обратить внима-

© Белякова А. В., 2024

ние на необходимость разделения сфер и видов профессиональной деятельности, в которых необходимо с большой осторожностью внедрять, применять и использовать программное обеспечение.

Изменяется понимание и содержание самой сути правосудия посредством интеграции высокотехнологичных цифровых сервисов. Например, в средствах массовой информации, а также в рамках научных дискуссий и форумов рассматриваются, обсуждаются и популяризируются вопросы усиления данного рода программного обеспечения путем внедрения в судебную систему, например, «роботов-судей» [19], «цифровых помощников судей» [26].

При этом не все так однозначно, как кажется на первый взгляд. Полагаю, что вышеуказанное программное обеспечение является современным инструментарием для достижения тех или иных профессиональных задач, но для принятия стратегических, управленческих, правообразующих решений необходим человек в лице конкретного должностного лица, эксперта или специалиста.

Происходящая повсеместная цифровизация на современном этапе обесценивает не только интеллектуальный, профессиональный и творческий потенциал деятельности юристов (имеются в виду все представители юридической профессии), но и юриспруденции и права в целом.

Для рассмотрения и разрешения спора, суду (в лице конкретного судьи) необходимы не только профессиональные знания и навыки, правовое мышление, правовое сознание, жизненный и профессиональный опыт, но и морально-нравственные установки каждого судьи [23]. Кроме того, это определенная взаимосвязь правовых и психологических знаний в профессиональной судебной деятельности, которые, взаимодействуя, позволяют определить объективную истину по делу. При изучении материалов дела, а также при проведении судебного заседания и заслушивании позиций заинтересованных лиц на основании своего профессионального и жизненного опыта судья может объективно оценить существо спора, руководствуясь не только правовыми знаниями, но и знаниями в области социологии, конфликтологии и психологии, а в отдельных случаях — экономики и иных сфер. Это связано с тем, что заинтересованные лица могут как осознанно, так и неосознанно интерпретировать фактические обстоятельства и факты, предшествующие правовому конфликту.

Судебное усмотрение реализуется в анализе и формулировании выводов по каждому конкретному делу с учетом представленных доказательств и действующего законодательства. На основании внутреннего убеждения судья оценивает ситуацию и поведение сторон и других участников по делу, затем на основании усмотрения принимается и выносится судебный акт, который в последующем может быть пересмотрен вышестоящей инстанцией. Суд (в лице конкретного судьи) формулирует позицию, направленную на создание либо изменение правовых отношений, применяя к тому или иному спору нормы права, которые регламентируются действующим законодательством.

Таким образом, внутреннее убеждение судьи, которым он руководствуется при разрешении дела по существу и при вынесении судебного решения, должно быть основано на всех обстоятельствах дела, включая не только представленные письменные доказательства, но и объяснения и пояснения сторон, поскольку в некоторых случаях судебные прения раскрывают больше информации, чем представленные документы [23].

Безусловно, большинство споров имеют однородную правовую природу и объединены в отдельные категории дел, но в связи с трансформацией социально-экономической сферы и развитием не только виртуального пространства, онлайн-торговли, но и ряда иных правоотношений, отягощенных цифровизацией, возрастает роль судьи как объективного, незаинтересованного лица, осуществляющего руководство процессом для принятия законного и обоснованного судебного решения.

В правовой доктрине существует мнение о необходимости развития и усиления роли того или иного программного обеспечения с позиции оптимизации и осуществления «шаблонного» правосудия, поскольку оно упрощает решение отдельных задач и сокращает сроки их выполнения [10]. Автор согласна с учеными-правоведами, поддерживающими цифровизацию правосудия, в том, что рациональное использование технических средств позволяет не только оптимизировать процессы, но сократить сроки рассмотрения дел и уменьшить судебную нагрузку.

Происходящие на современном этапе развития общества нивелирование практической деятельности юриста как формы истолкования закона, уяснения его смысла и содержания путем конкретизации поня-

тий, которые выражены в словесной форме в нормативных правовых актах. При этом толкование — процесс познания закона, так как закон сформулирован как общее абстрактное правило. Его содержание раскрывается через конкретные признаки и положения, позволяя познать смысл закона и применить его в том или ином конкретном случае, а именно через фактические обстоятельства, поскольку норма права, имея общий характер, охватывает больший круг отношений и при этом детализируется опосредованно другими нормами права, тем самым формулируя системное регулирование тех или иных общественных отношений [8].

Иными словами, это сложно структурированная мыслительная, интеллектуальная деятельность, основанная на знаниях законов, норм права, материалов судебной практики, личного опыта, а также на понимании механизмов развития и трансформации социально-экономических, политических и геополитических процессов в обществе, экономике, политике и т. п. Она применяется к каждому конкретному случаю и предусматривает также знание основ психологии, социологии, межличностных отношений, конфликтологии и иных знаний, которые формируются не только в период обучения на юридическом факультете, но и на протяжении всей профессиональной жизни. Юриспруденция — это выбор не только профессии, но и жизненного пути, так как каждый конкретный случай, рассматриваемый в суде, может обладать «специфическими» фактическими обстоятельствами, которые предстоит установить и (или) выяснить. Таким образом, возникает риск перехода к «шаблонному», стандартизированному правосудию, что впоследствии может сформировать дополнительную нагрузку на проверочные судебные инстанции.

Происходящие процессы технологизации позволяют упрощать поиск и обобщать информацию, а также систематизировать ее по заданным параметрам и критериям. При этом следует обратить внимание на то, что чем сложнее и структурнее цифровые продукты, тем проще злоупотреблять правами, так как недобросовестное (злонамеренное) поведение заинтересованных лиц не поддается алгоритмизации.

Например, из анализа материалов судебной практики следует, что тенденция злоупотребления правом сохраняется [1; 2].

В связи с этим изменяется содержание правовых категорий «внутреннее убеждение судьи» и «судеб-

ное усмотрение» в условиях цифровизации не только процессуальной деятельности судьи, но и в социально-экономических отношениях.

Автор разделяет точку зрения Е. Г. Комиссаровой о том, что «информатизация правосудия не изменяет и не изменяет традиционные принципы гражданского процесса, их содержательное наполнение. Ее ресурсы призваны создавать условия для их воплощения в реальную практику правоприменения и правореализации во благо существующих принципов. Любые внешние по отношению к праву изменения, включая информационный прогресс, при отражении их в праве должны быть подчинены его принципам, а не наоборот» [15].

С позиции доступа к правосудию в современных условиях И. Н. Лукьянова отмечает, что цифровой «способ разрешения дел не должен навязываться населению, чтобы граждане, не владеющие свободно навыками общения с цифровыми технологиями, не оказались лишенными доступа к правосудию вовсе или возможности эффективно участвовать в исследовании доказательств дистанционно посредством видео-конференц-связи или веб-конференции» [16].

Установление объективной истины в большинстве случаев ассоциируется с уголовным правом и уголовным процессом [3; 14; 17; 20]. При этом на сегодняшний день для гражданского судопроизводства это также является немаловажным, так как изменение и трансформация общественных отношений, а также повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий приводят к тому, что в результате «искажения» фактов и «интерпретации» действительности возникает необходимость усиления роли и значения установления «объективной истины» по делу.

Поиск «объективной истины» в современном судебном процессе трансформировался, потому что состязательность процесса также видоизменилась. Автор косвенно уже отмечала, что современное техническое оснащение позволяет подготовить и использовать любой документ [23], а проведение онлайн-заседания — интерпретировать информацию и сведения по существу дела наиболее выгодным образом для той или стороны [23]. Имеющаяся тенденция формального, унифицированного, а в отдельных случаях «шаблонного» судебного правосудия обусловлена тем, что существует достаточный уровень судебной (а в отдельных случаях судебской) на-

грузки. Поэтому автор и обращает внимание на необходимость использования ранее накопленного научного потенциала и идей по вопросу «реанимирования» концепции судебного права в современных реалиях [5].

Истина в указанном контексте понимается как соответствие действительности, либо как отражение в сознание человека того, что есть в объективной действительности [21].

Установление объективной истины немаловажно во всех видах судопроизводства, так как не существует малозначительных категорий дел. Каждый правовой конфликт отягощен психоэмоциональным окрасом для заинтересованных лиц, так как для них разрешение правовых вопросов, связанных непосредственно с личностью или имуществом, приобретает первостепенное значение, поскольку любой правовой конфликт, который трансформируется в спор, приводит к необходимой вовлеченности с точки зрения времени, дополнительных материальных издержек (это не только уплата государственной пошлины, но и получение юридической помощи на платной основе), также возникает период правовой неопределенности, в котором пребывает заинтересованное лицо до момента вынесения судебного акта по существу спора.

Поэтому установлению, а в отдельных случаях поиску объективной истины в судебном процессе необходимо уделить внимание с точки зрения отправления правосудия в «цифровом формате».

Автором уже была высказана точка зрения о том, что судебная деятельность не может осуществляться посредством «цифровых алгоритмов» и по «строгим заданным» параметрам, так как это одна из форм государственной деятельности, имеющая строгую регламентацию в федеральном законодательстве, на должность судьи избираются в строго установленном порядке и с учетом соответствия данной должности [4].

Поэтому полагаю, что дискуссии о необходимости развития программного обеспечения с целью внедрения его для отправления правосудия, являются сложными и требующими более детальной проработки, так как профессиональная деятельность судей заключается не только в унифицированном подходе при принятии судебного акта, но и в проведении юридического анализа и прогнозировании. На современном этапе развития правовой док-

трины данному аспекту, к сожалению, не уделяется достаточного внимания.

При этом на значение установления объективной истины в судопроизводстве и правосудии представители различных научных школ обращают и обращали пристальное внимание [6; 9; 22; 24].

Автору же ближе точка зрения ученых-процессуалистов о том, что установление (а в отдельных случаях достижение) объективной истины подразумевает, в первую очередь, установление фактических обстоятельств по делу, а во вторую, — активность суда, его руководящую роль в поиске и достижении истины по делу с целью принятия законного и обоснованного судебного акта [9; 27].

В гражданском судопроизводстве в различные исторические периоды развития России объективная истина, как один из принципов процесса, находила отражение в процессуальном законодательстве, а в иные была исключена [7; 12].

При этом, «истина, как и справедливость, имманентна правосудию. Достижение судом истинного знания об обстоятельствах дела, правах и обязанностях заинтересованных лиц невозможно без инициативы сторон в процессе, в первую очередь, — в доказывании» [11].

В настоящее время автор полагает, что объективная истина в современном правосудии принимает новые очертания и значение, так как проникновение и заселение алгоритмов в процессе отправления правосудия приводит к тому, что происходит уход от основополагающих начал (принципов права) и стандартов правосудия к алгоритмизации судебной деятельности, которая строится не на установлении фактических обстоятельств и поиске справедливости как основе защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов, а на «шаблонном», стандартизированном, унифицированном применении законов.

Внедрение и усиление роли информационных технологий в современном правосудии приводит к тому, что возникают вопросы о том, может ли робот-судья осуществлять одну из форм государственной деятельности, а именно, правосудие, а также осуществлять поиск объективной истины и справедливости при рассмотрении и разрешении конкретного дела по существу. Знание норм права и действующих законов, материалов судебной практики и обладание иными знаниями и навыками не позволяют в полном объеме осуществлять профессиональную деятельность, не-

обходимо еще чувствовать и понимать, прогнозировать и анализировать детали, видеть и слышать все происходящее в совокупности. Иными словами, видеть картину происходящего в полном объеме.

Объективная истина по делу в современных условиях развития общества имеет важное значение, так как профессиональное использование искусственного интеллекта и цифровых сервисов позволяет интерпретировать в выгодном для заинтересованных лиц формате не только представленные материалы по делу, но и сокрыть истинное отношение участников судебного процесса по тому или иному вопросу, о чем в частности автор уже указывал в иных работах [23]. Поэтому и усиливается роль усмотрения судьи, потому что для установления истины по делу необходимо усиливать руководящую роль суда в судебном процессе. Современное программное обеспечение или цифровой алгоритм, применяемый в деятельности судьи, не смогут в полном объеме установить достаточность и достоверность представленных доказательств, выявить причинно-следственные связи, а также определить морально-нравственное отношение сторон к данному делу или по тому или иному вопросу, возникающему в процессе судебного разбирательства.

Искусственный интеллект, цифровые сервисы, информационные системы функционируют по строго заданным разработчиками и заказчиками параметрам. Возникает вопрос: возможно ли на этапе подготовки и разработки того или иного цифрового сервиса предусмотреть дальнейшее развитие социально-экономических отношений в объективной реальности либо иные «стихийно» возникающие фактические обстоятельства, которые необходимо учитывать для восстановления полной картины произошедших событий, предшествующих подаче иска?

Существуют риски не только искажения представляемых суду доказательств, но и формирования дополнительного пласта судебных разбирательств, так как заинтересованные лица будут вынуждены обращаться в судебные органы с целью защиты нарушенных прав. Также это будет способствовать необходимости развития экспертной деятельности в указанной области, так как злоупотребление правами в виртуальном пространстве, а также с использованием технологических инструментов продолжает развиваться как правовой феномен.

Примерами могут служить создание и распространение ложной и дискредитирующей информа-

ции о жизни и личности тех или иных граждан, формирование негативного образа в глобальной сети Интернет и в офлайн-пространстве посредством искусственного интеллекта и иных цифровых сервисов, и продуктов [13], а также распространение киберпреступлений [25].

В связи с этим необходимо рассматривать состоятельность судебного процесса как один из способов достижения объективной истины по делу. Состязательность процесса должна иметь направленность в установлении фактических обстоятельств, раскрытии правовых позиций заинтересованных лиц, выявлении событий, предшествующих правовому конфликту (особенно в уголовном процессе, но и в иных видах судебного процесса), установлении полной картины произошедших событий, породивших правовой конфликт, имеющих значение, так как все это способствует раскрытию истины по делу.

Хотелось бы обратить внимание на то, что правосудие, как одна из форм государственной деятельности, направленная на защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов, наиболее тесно взаимодействует с обществом того или иного государства. В отдельных случаях эффективно функционирующая судебная система может позволить избежать не только развития социальной напряженности, но и повысить уровень доверия к отдельным государственным институтам.

Справедливость, как одно из понятий, затрагивает вопросы права, правосудия и юриспруденции, а также морали, нравственности и философии. Поэтому она является одной из базовых точек в дискуссии о соотношении искусственного интеллекта и отправления правосудия, являясь при этом оценочной категорией, и требует рассмотрения взаимосвязи с внутренними убеждениями судьи (судебным усмотрением) при вынесении судебного решения применительно к каждому конкретному делу, а именно, при установлении объективной истины по делу с использованием технических и технологических средств и сервисов.

При этом отправление правосудия очень тесно взаимодействует не только с правовыми категориями, но и основополагающими человеческими ценностями, на защиту которых оно и направленно.

Установление объективной истины по делу — это не линейный процесс, а возможность проанализировать произошедшие события в прошлом, изучить

представленные материалы и доказательства в настоящем и спрогнозировать их дальнейшее развитие в будущем, поскольку в большинстве случаев процессуальные отношения не заканчиваются принятием и вступлением в законную силу судебного акта, а переходят в стадию исполнения судебного решения. Поэтому, например, наложение мер по обеспечению иска на стадии подготовки дела к судебному разбирательству может способствовать своевременному исполнению судебного акта.

На основании всего вышеизложенного считаю, что вопросы установления справедливости, объективной истины, понимания и осознания всего происходящего, прогнозирование, анализ, критический взгляд и критическое правовое мышление не только недоступны цифровым алгоритмам, но и не существует на данный момент программного обеспечения, позволяющего обучить искусственный интеллект «объемному трехмерному восприятию». При этом юриспруденция обязывает не только обладать знаниями, умениями и навыками, но также требует наличия способности применять их во всех областях своей жизни, быть цельной и самодостаточной личностью как в личной, так и в профессиональной деятельности; т. е. речь идет о цельности восприятия прошлого, настоящего и возможного будущего, что в данный момент подвластно только человеку.

Полагаю, что программное обеспечение или иные информационные технологии, используемые в судебном процессе, не могут в полном объеме установить достаточность и достоверность представленных доказательств, выявить причинно-следственную связь между фактическими обстоятельствами, а также определить истинные мотивы и морально-нравственное отношение заинтересованных лиц.

Происходящая в современной системе правосудия автоматизация упрощает «профессиональную жизнь» судей, при этом остаются не проработанными организационно-технические вопросы (например, межведомственное взаимодействие как внутри судебной системы, так и вне ее), а также вопросы защиты прав, свобод и законных интересов заинтересованных лиц (то, каким образом можно исключить злоупотребление правом со стороны недобросовестного участника процесса).

Не исключено и возникновение такого феномена, как «техническое (информационное) злоупотребление», которое будет провоцировать возникновение

исков, например, о взыскании автоматически сформированной задолженности с физических или юридических лиц, что также впоследствии приводит к дополнительным спорам об оспаривании данных платежей. Поэтому на современном этапе в национальной судебной системе возрастает роль установления объективной истины по делу.

В связи с этим считаю, что современная концепция развития судебного права позволит разрешить вопросы интеграции цифровых сервисов в национальную судебную систему с точки зрения рассмотренных выше вопросов и многих других, так как судебная система связана с реализацией ряда функций, одной из которых является государственная деятельность по защите нарушенных прав, свобод и законных интересов заинтересованных лиц. В связи с этим необходимо отметить, что на данном этапе не существует цифрового алгоритма, позволяющего возложить на него реализацию государственной функции по отправлению правосудия. Данная сфера государственной деятельности является крайне уязвимой, потому что непоследовательность при внедрении цифровых сервисов может привести к накопительному эффекту и последствиям, которые могут иметь фатальный характер [4].

Поэтому упрощение судебного процесса посредством формирования программного обеспечения, направленного на алгоритмизацию правосудия, по мнению автора, требует более строгой проработки с точки зрения судебной и государственной политики. Восстановление справедливости, защита нарушенных прав, свобод и законных интересов является более сложным, многоуровневым и интеллектуальным процессом, чем реализация «линейного», «алгоритмированно-зависимого» правосудия.

Список источников

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 октября 2021 г. по делу № 33-43158/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 мая 2023 г. по делу № 33-22217/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бастрыкин А. И. Об объективной истине в уголовном процессе: история и современность // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 18–29.
4. Белякова А. В. Доклад на тему: «Искусственный интеллект в судебной системе — правосудие

«без лица»?» // XII науч.-практ. конф. «Право в цифровую эпоху». М., 2023.

5. Белякова А. В. Судебное право: новое прочтение // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 104–123.

6. Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: моногр. СПб., 2009.

7. Боннер А. Т., Фурсов Д. А. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 3. С. 42–47; № 4. С. 44–48; № 5. С. 37–42; № 6. С. 42–47.

8. Братусь С. Н. Юридическая природа судебной практики в СССР // Советское государство и право. 1975. № 6. С. 13–21.

9. Воронов А. Ф. Эволюция принципа объективной истины в гражданском процессе // Законодательство. 2004. № 12. С. 35–42.

10. Воронцова И. В., Колобынина Е. А. Проблематика использования искусственного интеллекта в цивилистическом процессе // Современное право. 2024. № 5. С. 71–74.

11. Гражданское процессуальное право: учебник. В 2 т. / Т. К. Андреева, С. Ф. Афанасьев, В. В. Блажеев и др. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2022.

12. Жуйков В. М. Судебная реформа в России конца XX — начала XXI века // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 191–221.

13. Капитонова Е. А. Визуальный фейк, созданный посредством нейросети: социально-правовые риски и проблемы квалификации // Закон. 2024. № 1. С. 39–48.

14. Кашепов В. П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 138–151.

15. Комиссарова Е. Г. Философия «электронной» состязательности в гражданском судопроизводстве / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич и др. // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 460–472.

16. Лукьянова И. Н. Достоверность электронных доказательств в судебном разбирательстве онлайн (некоторые рассуждения о проблемах электронного правосудия в эпоху «COVID-19» и после) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7. С. 44–50.

17. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития [Интервью с Л. В. Головкин] // Закон. 2024. № 4. С. 8–20.

18. Наумов И. Изложение юридических предметов для руководства к познанию практического правоведения. СПб., 1812.

19. Робот-судья — уже не столь далекое будущее // Российская газета. 2019. 12 сент. // URL: <https://rg.ru/2019/09/12/robot-sudia-uzhe-ne-stol-dalekoe-budushchee.html?ysclid=m1tpptwsur615604563>

20. Смолин А. Ю. Совесть или алгоритм: о технологических перспективах и противоречиях уголовного процесса // Российский судья. 2021. № 5. С. 54–59.

21. Социологический энциклопедический словарь / ред. Г. В. Осипов. М., 1998.

22. Сырых В. М. Объективная истина — основополагающий и общеобязательный принцип правосудия // Провинциальные научные записки. 2018. № 2(8). С. 69–72.

23. Тихомиров Ю. А., Белякова А. В. Усмотрение в условиях цифровизации // Российское правосудие. 2023. № 6. С. 5–16.

24. Туманов Д. А. Нужен ли современному судопроизводству принцип объективной истины? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12(88). С. 28–40.

25. Шевко Н. Р., Казанцев С. Я., Турутина Е. Э. Анализ киберпреступности в период пандемии // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 250–252.

26. Цифровые помощники позволят сократить количество ошибок в работе адвокатов и судей // Коммерсантъ. 2021. 22 окт. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5049048?ysclid=m1j297ifzm129603001>

27. Ярков В. В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А. Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 49–66.

References

1. The appeal ruling of the Moscow City Court dated October 26, 2021 in case no. 33-43158/2021 // LRS «ConsultantPlus».

2. The appeal ruling of the Moscow City Court dated May 24, 2023 in case no. 33-22217/2023 // LRS «ConsultantPlus».

3. Bastrykin A. I. On objective truth in criminal proceedings proceedings: history and modernity // Bulletin of the Russian Law Academy. 2023. No. 1. P. 18–29.

4. Belyakova A.V. Report on the topic: «Artificial intelligence in the judicial system — justice «without a

face?» // XII scientific and practical conference «Law in the digital age». M., 2023.

5. Belyakova A. V. Judicial law: a new reading // *Journal of Russian Law*. 2024. Vol. 28. No. 2. P. 104–123.

6. Bonner A. T. Problems of establishing the truth in civil procedure: monogr. St. Petersburg, 2009.

7. Bonner A. T., Fursov D. A. The history of the development of domestic civil procedural thought // *Arbitration and civil procedure*. 2012. No. 3. P. 42–47; No. 4. P. 44–48; No. 5. P. 37–42; No. 6. P. 42–47.

8. Bratus S. N. The legal nature of judicial practice in the USSR // *Soviet State and law*. 1975. No. 6. P. 13–21.

9. Voronov A. F. Evolution of the principle of objective truth in the civil process // *Legislation*. 2004. No. 12. P. 35–42.

10. Vorontsova I. V., Kolobynina E. A. Problematics of the use of artificial intelligence in the civil process // *Modern law*. 2024. No. 5. P. 71–74.

11. Civil procedural law: textbook. In 2 volumes / T. K. Andreeva, S. F. Afanasyev, V. V. Blazheev etc. 2nd ed., reprint. and additional. Vol. 1. M., 2022.

12. Zhuikov V. M. Judicial reform in Russia of the late XX — early XXI century // *Bulletin of the civil procedure*. 2021. No. 5. P. 191–221.

13. Kapitonova E. A. Visual fake created through a neural network: socio-legal risks and qualification problems // *Law*. 2024. No. 1. P. 39–48.

14. Kashapov V. P. Transformation of the system of principles of judicial proceedings in the implementation of judicial reform // *Journal of Russian Law*. 2017. No. 2. P. 138–151.

15. Komissarova E. G. The philosophy of «electronic» competition in civil proceedings / edited by O. A. Kuznetsova, V. G. Golubtsova, G. Ya. Borisevich and others // *Perm Law Almanac. An annual scientific journal*. 2019. No. 1. P. 460–472.

16. Lukyanova I. N. Reliability of electronic evidence in online court proceedings (some reflections on the problems of electronic justice in the era of COVID-

19 and after) // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2020. No. 7. P. 44–50.

17. We need to determine the model of the criminal process for its further development [Interview with L. V. Golovko] // *Law*. 2024. No. 4. P. 8–20.

18. Naumov I. Presentation of legal subjects for guidance to the knowledge of practical jurisprudence. St. Petersburg., 1812.

19. The robot judge is no longer so the distant future // *Rossiyskaya Gazeta*. 2019. September 12 // URL: <https://rg.ru/2019/09/12/robot-sudia-uzhe-ne-stol-dalekoe-budushchee.html?ysclid=m1tpptwsur615604563>

20. Smolin A. Yu. Conscience or algorithm: on technological prospects and contradictions of the criminal process // *Russian judge*. 2021. No. 5. P. 54–59.

21. Sociological encyclopedic dictionary / edited by G. V. Osipov. M., 1998.

22. Syrykh V. M. Objective truth is the fundamental and generally binding principle of justice // *Provincial scientific notes*. 2018. No. 2(8). P. 69–72.

23. Tikhomirov Yu. A., Belyakova A. V. Discretion in the conditions of digitalization // *Russian justice*. 2023. No. 6. P. 5–16.

24. Tumanov D. A. Does modern judicial procedure need the principle of objective truth? // *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*. 2021. № 12(88). P. 28–40.

25. Shevko N. R., Kazantsev S. Ya., Turutina E. E. Analysis of cybercrime during the pandemic // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 2. P. 250–252.

26. Digital assistants will reduce the number of errors in the work of lawyers and judges // *Kommersant*. 2021. 22 Oct. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5049048?ysclid=m1j297ifzm129603001>

27. Yarkov V. V. The role of the court in establishing the circumstances of the case through the prism of research by Professor A. T. Bonner // *Bulletin of Civil procedure*. 2022. No. 4. P. 49–66.

Информация об авторе

А. В. Белякова — ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Belyakova — Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 14.10.2024.
The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 14.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-20-25>

EDN: <https://elibrary.ru/cxhkfk>

НИОН: 2003-0059-5/24-136

MOSURED: 77/27-003-2024-05-335

Применение видео-конференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам: перспективы и реальность

Ольга Владимировна Волынская¹, Евгения Викторовна Семенкова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ ovolinskaya@mail.ru

² sevg22@yandex.ru

Аннотация. Использование видео-конференц-связи при производстве по уголовным делам способно существенно облегчить как доступ участников к правосудию, так и работу органов по осуществлению такого производства. Внедрение возможностей видео-конференц-связи в досудебное производство имеет как свои положительные, так и отрицательные черты, которые были систематизированы авторами, а также предложены пути дальнейшего использования данной технологии в досудебном производстве, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: уголовный процесс; досудебное производство, видео-конференц-связь, предварительное расследование, следственные действия, допрос, очная ставка, опознание, возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, получение объяснений, ознакомление, разъяснение прав

Для цитирования: Волынская О. В., Семенкова Е. В. Применение видео-конференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам: перспективы и реальность // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 20–25. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-20-25>. EDN: CXHKFK.

Original article

The use of video conferencing in pre-trial criminal proceedings: prospects and reality

Olga V. Volynskaya¹, Evgeniya V. Semenkova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ ovolinskaya@mail.ru

² sevg22@yandex.ru

Abstract. The use of video conferencing in criminal proceedings can significantly facilitate both the access of participants to justice and the work of the authorities in carrying out such proceedings. The introduction of video conferencing capabilities in pre-trial proceedings has both its positive and negative features, which were systematized by the authors of this article, as well as ways to further use this technology in pre-trial proceedings, including at the stage of initiation of a criminal case.

Keywords: criminal proceedings; pre-trial proceedings, video conferencing, preliminary investigation, investigative actions, interrogation, confrontation, identification, initiation of a criminal case, verification of a crime report, obtaining explanations, familiarization, clarification of rights

For citation: Volynskaya O. V., Semenkova E. V. The use of video conferencing in pre-trial criminal proceedings: prospects and reality. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):20–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-20-25>. EDN: CXHKFK.

Вопросы развития современных технологий и их внедрения в различные сферы общественной жизни являются на сегодняшний день одним из востребованных и перспективных направлений развития общества и государства. Уголовный процесс не является исключением, его совершенствование — неотъемлемая часть государственной политики в области правотворчества, о чем говорят непрекращающиеся изменения уголовно-процессуального закона. Одним из множества направлений совершенствова-

ния является внедрение новых технологий в данную сферу, в частности систем видео-конференц-связи (далее — ВКС).

Под ВКС, как правило, принято понимать определенные технологии, благодаря которым с помощью специального технического оборудования, возможна передача звука и изображения собеседников, контактирующих между собой на достаточно удаленном расстоянии. Однако, легальное определение ВКС отсутствует. Федеральный закон «О связи» закрепляет

© Волынская О. В., Семенкова Е. В., 2024

такое понятие, как «электросвязь» (п. 35 ст. 2) [1], которое охватывает различные виды и способы передачи данных, таким образом включая в себя и ВКС. В то же время Департамент Верховного Суда РФ определяет ВКС как способ осуществления процессуальных действий, установленных законом с использованием программно-технических средств... [3]. В системе МВД России конференции с применением видеосвязи осуществляются с использованием сервиса ИСОД и определяются как один из его сервисов для обеспечения коммуникации сотрудников (сервис видео-конференц-связи (СВКС-м)).

Впервые системы ВКС в уголовном процессе были применены более 20 лет назад [16]. Долгое время, несмотря на совершенствование технических возможностей связи, видеоконференция использовалась лишь при осуществлении производства по уголовным делам в судах различных инстанций, а также при рассмотрении отдельных вопросов, возникающих в связи с исполнением приговора. Естественно, такие возможности обеспечивались нормами уголовно-процессуального закона, который предусматривал основы применения ВКС только в судебном производстве по уголовным делам. Однако, несмотря на существовавшие возможности применения систем ВКС особое развитие эти технологии в уголовном процессе получили в период распространения COVID-2019. Пандемия подстегнула к активации возможностей использования дистанционных технологий при рассмотрении уголовных дел в судах различных инстанций. Распространение использования ВКС в судах привело к возникновению ряда вопросов, а также к дальнейшим изменениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях его совершенствования. Кроме того, законодатель серьезно задумался о возможностях распространения ВКС и на досудебное производство по уголовным делам.

Справедливости ради следует отметить, что попытки внедрения ВКС в производство следственных действий неоднократно предпринимались, однако они не увенчались успехом [4; 5]. Лишь 30 декабря 2021 г. Президентом России были утверждены изменения в УПК РФ относительно производства допроса, очной ставки и опознания с применением ВКС [2].

На сегодняшний день применение систем видео-конференц-связи возможно не только в рамках судебного производства, но и в досудебном производстве по уголовным делам (ст. 189.1 УПК РФ). Не вызывает

сомнений, что появление возможностей по производству следственных действий с применением ВКС окажет положительное влияние на осуществление предварительного расследования.

Во-первых, возможности применения ВКС при осуществлении следственных действий могут существенно сократить сроки предварительного расследования, что бесспорно отразится и на реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), а также будет способствовать реализации прав участников уголовного судопроизводства, на что в своем решении указал Конституционный Суд РФ [6]. Нередко при осуществлении предварительного расследования сложности в производстве отдельных следственных действий, связанные зачастую со значительным удалением участников уголовного судопроизводства от места осуществления предварительного расследования, препятствуют принятию как промежуточных, так и итоговых решений по уголовному делу (привлечение лица в качестве обвиняемого или, напротив, прекращение уголовного преследования; снятие ареста с имущества участников уголовного судопроизводства и др.). Несвоевременность принятия таких решений может существенно нарушить права участников процесса, лишив их свободы, работы, прибыли или ограничить в их реализации.

Во-вторых, применение ВКС позволит сэкономить материальные ресурсы. При чем здесь есть два аспекта: 1) сокращение расходов на оплату проезда, проживания должностных лиц, убывающих в командировки с целью производства следственных действий; 2) сокращение расходов на оплату труда сотрудников, так как производство дистанционного следственного действия займет гораздо меньшее количество времени, что позволит должностным лицам проводить процессуальные действия по иным уголовным делам, в итоге — увеличить объем проделанной работы.

В-третьих, применение ВКС по отдельным категориям дел может способствовать реализации превенции, как общей, так и частной. Так, уголовные дела небольшой или средней тяжести нередко в связи с невозможностью производства следственных действий приостанавливаются и направляются в архив, а затем просто прекращаются в связи с истечением сроков исковой давности, что конечно негативно отражается на правиле о неотвратимости наказания, и, соответственно, на превентивном его значении. Принятие окончательного решения по уголовным делам

благодаря применению ВКС укрепляет превентивное значение производства по уголовному делу.

В-четвертых, в некоторых случаях благодаря применению ВКС при производстве следственных действий должностные лица могут обеспечить безопасность участников процесса, купировав возможности оказания давления на свидетелей, потерпевших и иных участников следственных действий.

Однако, наряду с положительными тенденциями применения ВКС, при производстве следственных действий можно выделить и отрицательные, которые имеют как правовой, так и организационный характер. Учеными-процессуалистами неоднократно указывались различные недостатки следственных действий, производимых в рассматриваемой форме [7; 11; 13; 14]. Думается, что такие недостатки можно разделить на несколько групп.

Первая группа — проблемы технического характера, к которым можно отнести: 1) помехи, которые могут возникать при применении технических средств и электронной связи; 2) необходимость обеспечения органов предварительного расследования специальным оборудованием (мощные серверы по хранению и передаче данных; персональные компьютеры достаточной мощности с наличием микрофонов, веб-камер); специальные предустановленные программы с возможностями видеозаписи онлайн конференции; 3) необходимость обеспечения безопасности видеоконференц-трансляции в целях сохранения государственной, семейной, банковской и иных видов тайн, а также данных предварительного расследования.

Вторая группа — проблемы антропогенного фактора, такие как: 1) некомпетентность должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, в организации ВКС и устранении неполадок в случае их возникновения; 2) необходимость обучения таких лиц, а также повышения квалификации; 3) нехватка специалистов, осуществляющих техническую поддержку как при организации сеансов ВКС, так и при возникновении проблем технического характера во время таких сеансов.

Третья группа — проблемы правового характера, к которым, на наш взгляд, следует отнести некоторые недоработки порядка, предусмотренного ныне существующей нормой. Прежде всего к таким проблемам следует отнести оценку достоверности доказательств, полученных с применением ВКС, что связано во-первых, со сложностями оценки обстановки, в которой

осуществляется следственное действие, во-вторых, с отсутствием давления на участников уголовного судопроизводства, в-третьих, с оценкой внезапных отключений связи по техническим причинам во время производства следственного действия.

Также весьма проблемным правовым моментом является неопределенность в субъектном составе лиц, которые могут быть допрошены посредством ВКС, например, не совсем ясно возможно ли распространение рассматриваемого порядка на несовершеннолетних участников процесса или экспертов, специалистов по представленному заключению. Особенно это актуально в случае, если экспертиза производилась в экспертном подразделении на существенном удалении от места производства предварительного расследования.

Недостаточная проработанность порядка ознакомления участников по месту нахождения допрашиваемого лица с протоколом следственного действия, составленного следователем (дознавателем), направившим поручение, также представляет собой весьма спорный момент существующей сегодня нормы. Следователь (дознаватель), которым было направлено поручение о производстве дистанционного допроса, обязан ознакомить участвующих лиц с протоколом следственного действия путем его оглашения, после чего участники могут принести замечания о дополнении или уточнении протокола. Процедура такого ознакомления с протоколом вряд ли может обеспечить права участников следственных действий, так как воспринять на слух содержание протокола, особенно в условиях ВКС, не всегда возможно. И здесь стоит сослаться с А. Р. Белкиным, который называет данную процедуру неэффективной и предлагает предусмотреть возможность визуального ознакомления участников с составленным протоколом путем передачи его копии по имеющимся техническим каналам связи [8, с. 13].

Следующей проблемой данной группы выступает излишняя перегруженность нормы, регламентирующей дистанционный порядок проведения следственных действий (необходимость направления подписки и ордера адвоката, если последний участвовал в следственном действии), что существенно отражается на сроках предварительного расследования. Думается, что с учетом порядка проведения данного следственного действия и необходимости осуществления видеозаписи при проведении рассматриваемых следственных действий, подписание, ордер и иные материалы

могут быть также предоставлены посредством передачи копий через доступные каналы связи.

Кроме того, правовым несовершенством нормы, регламентирующей возможности применения ВКС при производстве следственных действий является отсутствие необходимости уточнения у участвующих в таких действиях лиц их способности воспринимать видео- и аудиотрансляцию действий лиц, находящихся по ту стороны монитора, а также отсутствие возможности отказаться от участия в производстве следственного действия с применением ВКС. На данную проблему также указывали отдельные процессуалисты [15, с. 133; 12, с. 77]. Думается, что предоставление таких прав участникам следственных действий, возможности производства которых предполагают использование ВКС, обеспечит соблюдение их прав в уголовном судопроизводстве. Так, например, при плохом качестве связи лицо должно иметь право отказаться от участия в следственном действии, а должностное лицо должно отказаться от его производства в силу ничтожности результатов, полученных таким образом.

Учитывая вышеизложенные проблемы различного характера полагаем необходимым направить усилия на их устранение. При этом использование современных технологий в уголовном судопроизводстве должно получать новые грани своего развития для оптимизации работы органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, а также для предоставления новых возможностей реализации прав участниками уголовного процесса. В этой связи считаем, что дальнейшие пути использования видео-конференц-связи в уголовном процессе должны быть связаны с реализацией прав участников по уведомлению по различным процессуальным действиям, ознакомлению с решениями, а также разъяснением участникам их прав. Кроме того, возможности использования видео-конференц-связи видятся и на стадии возбуждения уголовного дела при производстве действий при проверке сообщения о преступлении.

В соответствии со ст. 144 УПК РФ в числе прочих процессуальных действий должностное лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, вправе получать объяснения. При этом, узаконив возможность получения объяснений в уголовно-процессуальной норме, законодатель, тем не менее, вовсе не предусмотрел процедуру производства данного процессуального действия, несмотря на его доказатель-

ственное значение при производстве по уголовному делу (ч. 1.2 ст. 144, ст. 75, 89, п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). В этой связи по поводу данного процессуального действия в уголовном процессе довольно длительное время ведутся жаркие дискуссии [13, с. 66; 10, с. 39; 9, с. 6–11]. Поддерживая авторов, заявляющих о необходимости регламентации процессуального порядка производства данного процессуального действия и не вдаваясь в дискуссии, хотелось бы отметить возможности применения видео-конференц-связи при его производстве. На наш взгляд, нормы, регламентирующие порядок производства допроса с использованием видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ), могут быть применены по аналогии и на получение объяснений в уголовном процессе. При этом должны быть учтены те проблемы, ошибки и неточности, которые имеются на сегодняшний день в регламентации дистанционного порядка производства следственных действий.

Подытоживая сказанное выше, еще раз подчеркнем необходимость совершенствования уголовного судопроизводства, в том числе путем внедрения в процедуру осуществления отдельных процессуальных действий современных достижений науки и техники. Одним из направлений такого совершенствования очевидно является внедрение возможностей видео-конференц-связи при осуществлении производства по уголовному делу. Однако, при развитии уголовного процесса в данном направлении не стоит забывать и о качестве, ведь инструменты уголовного судопроизводства способны в наибольшей степени ограничивать права лиц, вовлеченных в его сферу, что не дает законодателю права на бездумное преобразование существующего порядка и насильственное внедрение новейших достижений научно-технического прогресса. Каждое нововведение должно быть дозированным, проверяться временем и с учетом научных разработок, основанных на практических данных, оптимизироваться под реалии современности. Производство следственных действий с использованием видео-конференц-связи, несмотря на существенную оптимизацию производства по уголовному делу, на сегодняшний день вызывает немало проблем и вопросов. Уверены, что их решение позволит распространить возможности видео-конференц-связи и на иные процессуальные действия как на стадии предварительного расследования, так и при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Список источников

1. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // URL: https://files.sudrf.ru/1224/user/401_2015_30122020.pdf
4. Проект Федерального закона № 764131-6 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видео-конференц-связи)» (зарегистрирован 8 апреля 2015 г.) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/764131-6>
5. Проект Федерального закона № 434998-7 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видео-конференц-связи)» (зарегистрирован 5 апреля 2018 г.) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7>
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей 1 и 4 статьи 244.1 и пункта 1 части 1 статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Бакланова Л. Н. Использование видео-конференц-связи при производстве допроса // Молодой ученый. 2023. № 3(450). С. 316–319.
8. Белкин А. Р. Использование видео-конференц-связи в следственных действиях: технические преимущества и процессуальные проблемы // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4. С. 12–16.
9. Дубоносов Е. С., Яшин В. Н. Получение объяснения как способ проверки сообщения о преступлении: проблемы и пути их устранения // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 1. С. 3–13.
10. Зинатуллин З. З., Туров С. Ю. Некоторые размышления о путях совершенствования досудебного производства по уголовным делам: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2012. С. 58–61.
11. Ильяшевич Т. А., Емельянова Н. Ю. Актуальные вопросы производства допроса с использованием видео-конференц-связи в досудебном производстве // Теория и практика расследования преступлений. Краснодар, 2024. С. 315–318.
12. Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex russica. 2022. № 6(187). С. 74–84.
13. Петрухин И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 64–70.
14. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 98–105.
15. Самсонов П. А. Дистанционное участие потерпевшего в процессуальных действиях на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 132–141.
16. Адвокатская газета // URL: <https://www.adv-gazeta.ru/novosti/vs-otchitalsya-za-20-let-ispolzovaniya-video-konferents-svyazi/>

References

1. Federal Law No. 126-FZ of July 7, 2003 (as amended on August 8, 2024) «On Communications» (with amendments and Additions, intro. effective from September 1, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Law No. 501-FZ dated December 30, 2021 «On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated December 28, 2015 No. 401 «On approval of the Regulations for the organization of the use of video conferencing in the preparation and conduct of court sessions» // URL: https://files.sudrf.ru/1224/user/401_2015_30122020.pdf
4. Draft Federal Law No. 764131-6 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

(regarding the conduct of a preliminary Investigation using video Conferencing systems)» (registered on April 8, 2015) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/764131-6>

5. Draft Federal Law No. 434998-7 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (on interrogation of a Witness by an investigator via video conferencing)» (registered on April 5, 2018) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7>

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 25, 2013 No. 14-P «In the case of checking the Constitutionality of the provisions of Part 1 of Article 1, paragraph 1 of Part 1, Parts 6 and 7 of Article 3 of the Federal Law «On Compensation for Violation of the Right to Judicial Proceedings within a Reasonable Time or the Right to Execute a Judicial Act within a Reasonable time», parts 1 and 4 of Article 244.1 and paragraph 1 of part 1 of Article 244.6 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. E. Popova» // LRS «ConsultantPlus».

7. Baklanova L. N. The use of video conferencing during interrogation // Young scientist. 2023. No. 3(450). P. 316–319.

8. Belkin A. R. The use of video conferencing in investigative actions: technical advantages and procedural problems // Criminal proceedings. 2022. No. 4. P. 12–16.

9. Dubonosov E. S., Yashin V. N. Obtaining an explanation as a way to verify a crime report: problems and

ways to eliminate them // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2023. No. 1. P. 3–13.

10. Zinatullin Z. Z., Turov S. Yu. Some reflections on ways to improve pre-trial proceedings in criminal cases: sat. mat. international scientific and practical conference Ufa, 2012. P. 58–61.

11. Ilyashevich T. A., Yemelyanova N. Yu. Actual issues of interrogation using video conferencing in pre-trial proceedings // Theory and practice of crime investigation. Krasnodar, 2024. P. 315–318.

12. Malysheva O. A. Procedural guarantees of the rights of participants in investigative actions carried out using a video conferencing system // Lex russica. 2022. No. 6(187). P. 74–84.

13. Petrukhin I. L. Initiation of a criminal case under the current CPC of the Russian Federation // State and law. 2005. No. 1. P. 64–70.

14. Plakhota K. S. The use of video conferencing by the investigator (inquirer) in the production of investigative actions // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. No. 1. P. 98–105.

15. Samsonov P. A. Remote participation of the victim in procedural actions at the stage of preliminary investigation // Current problems of Russian law. 2023. No. 5. P. 132–141.

16. Advocate newspaper // URL: <https://www.adv-gazeta.ru/novosti/vs-otchitalsya-za-20-let-ispolzovaniya-video-konferents-svyazi/>

Информация об авторах

О. В. Вольтнская — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Е. В. Семенова — доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. V. Volynskaya — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

E. V. Semenkova — Associate Professor of the Criminal Procedure Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 14.10.2024.

The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 14.10.2024.

Научная статья

УДК 347.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-26-29>

EDN: <https://elibrary.ru/cxljdo>

НИОН: 2003-0059-5/24-137

MOSURED: 77/27-003-2024-05-336

Законность как критерий судебной проверки решения по гражданским делам

Наида Шамильевна Гаджиалиева

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, naidka79@mail.ru

Аннотация. Рассматривается категория законности судебного решения в аспекте критериев правосудия. На основе анализа нормативных и научных источников дана характеристика критерия законности судебного решения в содержательном плане, выделены элементы его составляющие. Делается вывод, что диапазон критерия законности включает в себя проверку не только на соответствие решения материально-правовым и процессуальным нормам, но и правовым позициям высших судебных инстанций.

Ключевые слова: критерии правосудия, законность судебного решения, судебное решение, апелляционная инстанция, незаконность судебного решения

Для цитирования: Гаджиалиева Н. Ш. Законность как критерий судебной проверки решения по гражданским делам // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 26–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-26-29>. EDN: CXLJDO.

Original article

Legality as a criterion for judicial review of decisions in civil cases

Naida Sh. Gadzhialieva

Dagestan State University, Makhachkala, Russia, naidka79@mail.ru

Abstract. The category of legality of a judicial decision in the aspect of criteria of justice is considered. Based on the analysis of normative and scientific sources, the criterion of the legality of a court decision is characterized in terms of content, its constituent elements are highlighted. It is concluded that the range of the legality criterion includes verification not only for compliance of the decision with substantive and procedural norms, but also with the legal positions of higher judicial instances.

Keywords: criteria of justice, legality of a court decision, court decision, appeal instance, illegality of a court decision

For citation: Gadzhialieva N. Sh. Legality as a criterion for judicial review of decisions in civil cases. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):26–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-26-29>. EDN: CXLJDO.

Согласно процессуальному регламенту, законность является базовым критерием, по которому осуществляется проверка правосудности судебного акта. Еще дореволюционные исследователи права, такие как Г. Ф. Шершеневич, Е. В. Васильковский рассматривали «содержание законности судебных решений как основной критерий их правильности» [1; 2, с. 243].

Являясь критерием надлежащего правосудия, законность включает в себя различные содержательные составляющие (элементы), которые должны учитываться проверочной инстанцией в совокупности. Одним из таких элементов является проверка судебного решения на предмет соответствия нормативным предписаниями не только материального, но и процессуального права.

Законодательно установлено, что нормативные предписания материального права считаются неправильно примененными тогда, когда правоприменитель не применил закон, подлежащий применению либо, наоборот, применил закон, не подлежащий при-

менению, а также если правоприменитель ошибочно истолковал применимый закон.

Нарушения предписаний процессуального характера следует рассматривать как деяние, противоречащее установленному законом порядку гражданского судопроизводства, т. е., по сути, в процессе правоприменительного цикла происходит отклонение от правил, содержащихся в конкретной правовой норме. Как верно подметил В. В. Ярков, нарушение норм гражданского процессуального права, установленного процессуального регламента составляют не только неправомерные процессуальные действия, но и бездействия [3, с. 96].

Следует отметить, что формы проявления нарушений гражданско-процессуальных норм разнообразны, в этой связи не все нарушения процессуального характера влекут отмену или изменение судебного постановления, вынесенного в рамках правоприменительного цикла первой инстанции. Таковыми являются только такие нарушения, которые в силу их

© Гаджиалиева Н. Ш., 2024

существенности могут привести к нарушению принципа объективной истины и, как следствие — к постановлению неправильного решения. Поэтому, отклонение от процессуального регламента рассмотрения гражданского дела, которое не повлияло на всестороннее, полное и объективное рассмотрение дела не приобретает статуса основания для отмены судебного акта. Из этого следует, что не каждое нарушение норм права есть судебная ошибка, влекущая отмену или изменение акта судебного правоприменения. Нарушения процессуального характера, не влекущие отмену акта судебного правоприменения в силу их незначительности и неспособности повлиять на правильность судебного акта, можно назвать формальными нарушениями, не влекущими отмену.

В доктрине гражданского процессуального права категории «судебная ошибка» и «нарушение норм закона» как основание отмены судебных решений) как правило отождествляются, т. е. определяются одно через другое. Так, Н. Н. Вопленко судебную ошибку понимает как вывод суда, противоречащий нормам права, не достигнувший поставленных перед ним целей [4]. И. М. Зайцев рассматривает судебную ошибку, допускаемую аппаратом суда, как «неправильности (действия, результаты действий), свидетельствующие о недостижении целевых установок судопроизводства» [5, с. 91]. Е. Г. Тришина называет судебную ошибку погрешностью, нарушающей нормы материального и процессуального права, в результате чего судебное постановление становится неправомерным [6, с. 11]. В свою очередь Г. А. Жилин под судебной ошибкой понимает несовпадение результата судебной деятельности с целевыми установками [10].

Таким образом, судебная власть не застрахована от судебных ошибок в виде неверного применения материально-правовых и процессуальных норм. Если эта ошибка допущена в рамках правоприменительного цикла первой инстанции, предназначением апелляции является ее исправление.

На наш взгляд, для апелляционного правоприменительного цикла целесообразнее применять термин «правоприменительная ошибка», поскольку еще с дореволюционных времен доктрина оперирует термином «ошибка», смысл которого по своей сути намного мягче, чем резкое слово «нарушение».

Следует отметить, что некоторые авторы, в целях интерпретации правосудного решения в контексте оснований отмены судебных актов, раскрывают ан-

типоды самих критериев правосудности решения, такие как незаконность, необоснованность и несправдливость [7; 8]. Так, например, В. Д. Иванов отмечает, что «судебные акты по гражданским делам являются незаконными, когда они вынесены с нарушением гражданского или гражданско-процессуального законодательства, в результате чего грубо нарушаются соответствующие права, свободы и законные интересы граждан, организаций, права и интересы РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, а также иных лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений, и препятствуют реализации задач гражданского судопроизводства» [9, с. 414–425].

Таким образом, содержательная характеристика законности как критерия правосудности решения суда раскрывается в доктрине не только сквозь призму нормативных предписаний закона, но и посредством негативной интерпретации исследуемой категории, что образует такое противоположное по смыслу понятие, как «незаконность» судебного решения.

Важно отметить, что законодательство так стремительно развивается, порой не успевая за происходящими в обществе трансформациями, что и перед правоприменителями возникает дилемма: как применять материально-правовые и процессуальные нормы в новых реалиях.

В этой связи особую актуальность приобретают разъяснения постановлений Пленума ВС РФ, его обзоры. Внутри судов нижестоящих уровней проводятся обобщения судебной практики по наиболее спорным вопросам.

В актах судебного правоприменения, часто встречаешь ссылку судей при принятии решений на постановление Пленума или обзор по судебной практике Верховного Суда РФ, что, на наш взгляд, весьма существенно повышает уровень правоприменительной деятельности. При этом неверное их применение или неприменение вообще сложно назвать нарушением норм материального или процессуального права, поскольку к таковым они не относятся, а абз. 3 п. 4.1 ст. 198 ГПК РФ гласит, что в мотивировочной части акта судебного правоприменения, вынесенного в форме решения «могут», а не «должны» содержаться ссылки на постановления высших судебной инстанций.

В юридической литературе отмечается, что после принятия Федерального закона № 451-ФЗ [11], произошли изменения, позволяющие правоприменителю, осуществляющему судебную деятельность, ссылаться

в своих актах судебного правоприменения на практику высших судебных инстанций. Этот шаг законодателя демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию критерия законности судебного решения, изменившего его в содержательном плане.

В результате такого законодательного подхода законность, как критерий надлежащего правосудия, на сегодняшний день приобрел более широкий диапазон действия и теперь в него включается «точное соблюдение норм процессуального права, соответствие с нормами материального права и с учетом правовой позиции, содержащейся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ, Обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ, которые подлежат применению к данному правоотношению, или применение в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права».

Считаем такое расширительное толкование критерия законности правильным, соответствующим сложившейся судебной практике, поскольку вышестоящие инстанции, как правило, отменяют акты судей, проигнорировавших постановления высших судебных инстанций.

По сути, это означает, что в новых правовых реалиях произошла генерация второго элемента критерия законности, предполагающего проверку судебного акта, в том числе и на соответствие правовым позициям высших судебных инстанций.

Несмотря на то, что в результате внесенных изменений критерий законности де-факто получил расширение и включает в себя не только соответствие решения материально-правовым и процессуальным нормам, но и постановлениям высших судебных инстанций, де-юре адекватного расширения он не получил. Дело в том, что технико-юридическое оформление абз. 3 п. 4.1 ст. 198 ГПК РФ придает данной норме форму диспозитивного предписания относительно мотивировки судебного решения постановлениями Пленума ВС РФ.

В этой связи в юридической литературе предлагают изменить редакцию абз. 3 п. 4.1 ст. 198 ГПК РФ посредством закрепления императивного предписания относительно ссылок на практику высших органов правосудия, в том числе органа конституционного контроля и Верховного Суда РФ. Для этого предлагают предусмотреть, что «в мотивировочной части актов судебного правоприменения не «могут», а «должны» содержаться ссылки на правопримени-

тельную практику высших судебных инстанций» [12]. Считаем, что данное предложение достаточно обосновано и направлено на юридизацию фактического содержания критерия законности акта судебного правоприменения.

С учетом того, что судьи, при принятии решений вправе руководствоваться вышеперечисленными актами высшей судебной инстанции, на поверхность всплывает еще один актуальный вопрос: «к какому нарушению следует отнести неверное применение обозначенных источников?».

К сожалению, ни в доктрине гражданского процессуального права, ни в процессуальном законодательстве этот вопрос не получил должной регламентации и осмысления и поэтому считаем целесообразным восполнить этот пробел правового регулирования. Для этого предлагаем содержание п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ изменить путем дополнения и изложить его в следующей редакции: «неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ».

Полагаем, что такая конструкция правового предписания позволит существенно повысить юридический статус руководящих разъяснений, имеющих важное значение для обеспечения единообразия судебной практики, поскольку в такой редакции правовые позиции, сформулированные в постановлениях высших судебных инстанций, по сути, приобретают юридическую силу нормативного предписания.

Резюмируя изложенное, можно заключить следующее.

1. Законность судебного решения является сложной юридической категорией, имеющей несколько аспектов проявления. С одной стороны, законность судебного решения является свойством, требованием, предъявляемым к судебному решению, а с другой, критерием проверки судебного решения в проверочной инстанции.

2. Законность судебного решения как критерий проверки правосудности судебных актов следует рассматривать в широком аспекте, поскольку он включает в себя проверку не только на соответствие решения материально-правовым и процессуальным нормам, но и правовым позициям высших судебных инстанций.

3. Можно выделить следующие элементы критерия законности, составляющие его содержание: а) проверка на соответствие нормам материального и про-

цессуального права; б) соответствие правовым позициям высших судебных инстанций.

допроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 2. С. 21–25.

Список источников

1. Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности. Казань, 1898.
2. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Ч. 1. Одесса, 1901.
3. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012.
4. Вопленко Н. Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 41.
5. Зайцев И. М. Судебные ошибки. Совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности. Ярославль, 1989.
6. Тришина Е. Г. Проблема судебного контроля в гражданском судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
7. Романенко Н. В. Неправосудное правосудие // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 13–17.
8. Зайцев С. В. Незаконность и необоснованность как основания для отмены вступивших в законную силу судебных актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 2. С. 29–35.
9. Иванов В. Д. Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ) // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия: сб. ст. / отв. ред. В. В. Ершов, Н. А. Тузов. М., 2008. С. 414–425.
10. Жилин Г. А. Целевые установки гражданского судопроизводства и проблема судебной ошибки // Государство и право. 2000. № 3. С. 4.
11. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17 октября 2019 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312093/
12. Гатауллин Р. А. Эффективность правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации в системе процессуальных гарантий гражданского су-

References

1. Shershenevich G. F. On the sense of legality. Kazan, 1898.
2. Vaskovsky E. V. Civilistic methodology. Part 1. Odessa, 1901.
3. Yarkov V. V. Legal facts in the civilistic process. M. : Infotropik Media, 2012.
4. Voplenko N. N. Mistakes in law enforcement: the concept and types // The Soviet state and law. 1981. No. 4. P. 41.
5. Zaitsev I. M. Judicial errors. Improvement of legislation and law enforcement activities. Yaroslavl, 1989.
6. Trishina E. G. The problem of judicial control in civil proceedings: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2000.
7. Romanenko N. V. Unjust justice // Criminal proceedings. 2024. No. 2. P. 13–17.
8. Zaitsev S. V. Illegality and unreasonableness as grounds for the cancellation of judicial acts that have entered into force // Arbitration and civil procedure. 2014. No. 2. P. 29–35.
9. Ivanov V. D. The imposition of a knowingly unlawful verdict, decision or other judicial act (Article 305 of the Criminal Code Russian Federation) // Anthology of scientific thought: to the 10th anniversary of the Russian Academy of Justice: collection of articles / ed. V. V. Ershov, N. A. Tuzov. M., 2008. P. 414–425.
10. Zhilin G. A. Targets of civil proceedings and the problem of judicial error // State and law. 2000. No. 3. P. 4.
11. Federal Law No. 451-FZ of November 28, 2018 (as amended on October 17, 2019) «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312093/
12. Gataullin R. A. The effectiveness of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation in the system of procedural guarantees of civil proceedings // Arbitration and civil procedure. 2023. No. 2. P. 21–25.

Информация об авторе

Н. Ш. Гаджиалиева — доцент кафедры гражданского процесса Юридического института Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

N. Sh. Gadzhialieva — Associate Professor of the Civil Procedure Department of the Law Institute of the Dagestan State University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 14.10.2024.
The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 14.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-30-38>

EDN: <https://elibrary.ru/bxuawt>

NIJON: 2003-0059-5/24-138

MOSURED: 77/27-003-2024-05-337

Органы исполнительные власти: теоретико-правовой анализ дискреционных полномочий и их реализация

Карим Кадырович Гасанов¹, Наталья Николаевна Паук²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, tasha-bush@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6959-1481

Аннотация. Рассматриваются дискреционные полномочия. Это тема, которая заставляет задуматься об общем стиле административно-правового регулирования и касается не только вопросов деятельности собственно исполнительной власти, административных органов, но и законодательства, которое регулирует административные отношения. Российская наука административного права до сих пор надлежащим образом не ответила на три центральных вопроса: 1) в чем сущность административной дискреции? 2) каково ее предназначение? 3) как она реализуется в правоприменительной практике? Это обстоятельство не содействует выработке качественных законодательных решений по приведению данного усмотрения к высоким стандартам правового, демократического российского государства.

Проводится комплексный теоретико-правовой анализ дискреционных полномочий органов исполнительной власти России (их должностных лиц) и их реализации в правотворческой и правоприменительной сфере деятельности; выяснению особенностей их правового регулирования.

В целях решения поставленных задач, с учетом особенностей объекта и предмета научного исследования, использовались совокупность философско-мировоззренческих, общенаучных и специальных методов научного познания: а) диалектический метод; б) метод системного анализа; в) структурно-логический метод; г) сравнительно-правовой метод; д) логические методы; е) функциональный метод; ж) метод обобщения.

Проанализировано явление административного усмотрения. Определены понятия, признаки и содержание дискреционных полномочий органов исполнительной власти (должностных лиц) как особая часть властных полномочий, входящих в содержание их компетенции. Исследованы вопросы правового обеспечения организации и деятельности органов исполнительной власти (их должностных лиц) как субъектов реализации дискреционных полномочий. Охарактеризованы формы наружного выражения содержания дискреционной деятельности и правовые гарантии ее воплощения. Нарботаны научно-обоснованные выводы, предложения и рекомендации по усовершенствованию правового регулирования института дискреционных полномочий органов исполнительной власти (их должностных лиц). Отмечается, что наличествует основательная необходимость в увеличении качества применения административных усмотрений, в том числе при помощи коллективов и отдельных ученых путем разработки современных комплексных научных исследований по вопросам более качественной реализации дискреционных полномочий органами исполнительной власти (их должностными лицами).

Ключевые слова: административное право, органы исполнительной власти, должностные лица, субъект властных полномочий, правотворческая деятельность, правоприменительная деятельность, административное усмотрение, дискреционные полномочия, принципы дискреционных полномочий, формы реализации дискреционных полномочий, гарантии реализации дискреционных полномочий

Для цитирования: Гасанов К. К., Паук Н. Н. Органы исполнительные власти: теоретико-правовой анализ дискреционных полномочий и их реализация // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 30–38. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-30-38>. EDN: BXUAWT.

Original article

Executive bodies: theoretical and legal analysis of discretionary powers and their implementation

Karim K. Gasanov¹, Natalya N. Pauk²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia,
tasha-bush@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6959-1481

Abstract. Discretionary powers are considered. This is a topic that makes us think about the general style of administrative-legal regulation and concerns not only the issues of the activity of the executive power proper, administrative bodies, but also the legislation that regulates administrative relations. Russian science of administrative law has not yet properly answered three central questions: 1) what is the essence of administrative discretion? 2) what is its purpose? 3) how it is realized in law enforcement practice? This circumstance does not contribute to the development of quality legislative solutions to bring this discretion to the high standards of a legal, democratic Russian state.

A comprehensive theoretical and legal analysis of the discretionary powers of the executive authorities of Russia (their officials) and their implementation in the law-making and law enforcement sphere of activity is carried out, clarifying the specifics of their legal regulation.

© Гасанов К. К., Паук Н. Н., 2024

In order to solve the tasks set, taking into account the peculiarities of the object and subject of scientific research, a set of philosophical, philosophical, general scientific and special methods of scientific cognition were used: a) dialectical method; b) method of system analysis; c) structural and logical method; d) comparative legal method; e) logical methods; f) functional method; g) the method of generalization.

The phenomenon of administrative discretion is analyzed. The concepts, signs and content of discretionary powers of executive authorities (officials) are defined as a special part of the powers included in the content of their competence. The issues of legal support for the organization and activities of executive authorities (their officials) are investigated as subjects of the exercise of discretionary powers. The forms of external expression of the content of discretionary activity and legal guarantees of its implementation are characterized. Scientifically based conclusions, proposals and recommendations have been developed to improve the legal regulation of the institute of discretionary powers of executive authorities (their officials). It is noted that there is a fundamental need to increase the quality of the application of administrative discretion, including with the help of collectives and individual scientists by developing modern comprehensive scientific research on the issues of better implementation of discretionary powers by executive authorities (their officials).

Keywords: administrative law, executive authorities, officials, subject of authority, law-making activity, law enforcement activity, administrative discretion, discretionary powers, principles of discretionary powers, forms of implementation of discretionary powers, guarantees of implementation of discretionary powers

For citation: Gasanov K. K., Pauk N. N. Executive bodies: theoretical and legal analysis of discretionary powers and their implementation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):30–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-30-38>. EDN: BXUAWT.

Проблема *дискреционных полномочий* (от франц. *«discretionnaire»* — зависящий от личного усмотрения) носит комплексный междисциплинарный характер. В современных условиях проведения активных государственно-правовых преобразований, поиска оптимальных моделей взаимодействия государства и общества актуализируются вопросы создания эффективной системы исполнительной власти, которая учитывает идеи и требования Конституции Российской Федерации и основывается на демократических началах.

Обеспечение прав и свобод человека как высшей социальной ценности является тем вектором, который будет способствовать оптимизации взаимоотношений между органами исполнительной власти, физическими и юридическими лицами и станет одним из стержней укрепления правового государства и демократического общества. Именно в различных правовых отношениях органы исполнительной власти и их должностные лица реализуют определенные нормативно-правовыми актами дискреционные полномочия, которые дают возможность применения *административного усмотрения* в правотворческой и правоприменительной сферах деятельности, фактически оказывают властно-организующее влияние на соответствующие объекты управления.

Вопросы дискреционных полномочий органов публичной администрации в современных условиях до конца комплексно в теории административного права не исследованы, не обобщена и не в полной мере изучена также практика их реализации. Вместе с тем, научные изыскания этой проблематики в настоящее время особенно востребованы. Это связано: с одной стороны, с процессами демократизации зако-

нодательства, децентрализацией исполнительной власти, что приводит к расширению применения сферы усмотрения; а с другой стороны, — с последствиями многих иллюзий и ошибок, полученных в наследство от советской власти, первого десятилетия самостоятельной российской государственности, которые не могли отчасти не отразиться на функционировании права в целом и на механизме правотворчества и правоприменения субъектов властных полномочий.

Актуальность научного исследования теоретических и практических проблем дискреционных полномочий и их реализации возрастает ввиду необходимости не только научного изучения их природы и роли применения административного усмотрения в деятельности органов исполнительной власти (их должностных лиц), но и в: а) обозначении мест этих явлений в арсенале средств управления и правового регулирования; б) создании условий для повышения социальной значимости административного права; в) определении дальнейших шагов в совершенствовании законодательства.

Сакцентируем внимание, что в последнее время энергично ведутся научные изыскания по финальному становлению, фиксации в научном сообществе дефиниций *«дискреционные полномочия»* и *«административное усмотрение»* применительно к деятельности российских органов исполнительной власти [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Вместе с тем, научное осмысление процессов, происходящих в данной области, с позиций современного правоведения и правоприменения несколько запаздывает и без надлежащего целеустремленного внимания остаются многие требующие решения проблемы. Дополним, что с достаточным основанием можно утверждать, что на-

учные исследования дискреционных полномочий, осуществляемые через призму их носителей, принципов, форм, гарантий правомерности их реализации с позиции административного права проводились в условиях современных реалий, все-таки, поверхностно, отрывчато, что определяет актуальность обращения нами к теоретическому базису дискреционных полномочий в административном праве.

Для достижения поставленных целей и решения задач, с учетом специфики объекта и предмета научной статьи, мы используем *совокупность философско-мировоззренческих, общенаучных и специальных методов научного познания*. За методологическую основу взяты положения диалектики как общего способа познания процессов и явлений, а также совокупность общенаучных и специальных методов исследования. Благодаря *диалектическому методу* удалось исследовать правовую природу и определить сущность явления усмотрения и понятия «дискреционные полномочия органов исполнительной власти (их должностных лиц)», их содержание и признаки. Используя *метод системного анализа и структурно-логический метод*, проведено объективное исследование системы органов исполнительной власти, организационно-правового механизма реализации органами исполнительной власти дискреционных полномочий. *Сравнительно-правовой метод* использован при анализе отечественной практики и опыта других дружественных государств евразийского пространства в сфере, связанной с применением дискреционных полномочий органов публичной администрации. *Логические методы* (дедукция, индукция, аналогия, синтез) применены в процессе решения всех задач научной статьи. *Функциональный метод* позволил исследовать дискреционные полномочия органов исполнительной власти (их должностных лиц) через выяснение форм их реализации как внешнего выражения и средств осуществления их функций и задач в публично-правовой сфере. *Метод обобщения* использован для формулирования заключительных положений проводимого исследования.

Путем сравнительной характеристики отметим, что усмотрение, вытекающее из свободы воли определенного субъекта, может носить: 1) абсолютный и ограниченный; 2) положительный или отрицательный характер. Уточним, что усмотрение субъектов властных полномочий носит ограниченный характер, не является «свободным» усмотрением, имеет:

1) внешние (закон); 2) внутренние (нормы морали, нравственности, правосознание) ограничители.

Полагаем, что *усмотрение органов исполнительной власти* (их должностных лиц) — это усмотрение, осуществляемое на основании и в пределах закона, соотносимое с понятием «*дискреция*» как часть и целое, реализуемое в процессе осуществляемого ими государственного управления и государственного регулирования, по своей сущности является административным усмотрением, имеющим обязательно-разрешительный характер административно-правового регулирования. Зафиксируем, что административное усмотрение выступает одним из средств выполнения возложенных на органы исполнительной власти (их должностных лиц) задач и полномочий.

Сакцентрируем внимание, что право применения административного усмотрения обусловлено полномочиями органов исполнительной власти (их должностных лиц), которые предоставляются для достижения цели, которую определил законодатель в административно-правовой норме и в соответствии с ее назначением.

Определим, что дискреционные полномочия входят в полномочия органов исполнительной власти (должностных лиц) в качестве обязательного структурного элемента компетенции органа исполнительной власти и касаются исключительно применения административного усмотрения в пределах этой компетенции. Мы являемся сторонниками того, что: а) взвешенное сочетание в дискреционном полномочии определенной степени «свободы», «выбора», «варианта поведения»; б) баланс публичного и частного интереса в осуществлении властного полномочия — это важные составляющие в деятельности органов исполнительной власти.

Практически дискреционные полномочия органов исполнительной власти реализуются в принятых ими нормативных и индивидуальных правовых актах или в конкретных действиях/бездействии (мероприятиях). При этом цель, задачи и функции органа исполнительной власти являются определяющими по форме реализации дискреционных полномочий.

К специфическим признакам дискреционных полномочий органов исполнительной власти (их должностных лиц) отнесем: а) наличие совокупности прав и обязанностей на осуществление правомерного выбора варианта поведения, где каждая альтернатива законна; б) применяются только в случаях, пре-

дусмотренных законом, и внутри закона; в) правомерный выбор варианта поведения осуществляется путем применения административного усмотрения; г) не предусматривают обязанности согласовывать свои решения (действия/бездействие) с каким-либо другим субъектом.

Содержание дискреционных полномочий органов исполнительной власти (их должностных лиц) составляют дискреционные права и обязанности (правообязанности), проявляющиеся в их нормативно закрепленной компетенции. Конкретизируем, что свобода распоряжаться нормативно регламентированными материальными и процессуальными правами и обязанностями предполагает определенную степень свободы действовать по собственному усмотрению в административных правоотношениях, ограниченных рамками административно-правовых норм.

Дадим авторское определение понятия «*дискреционные полномочия*» — это совокупность прав и обязанностей, закрепленных административным законодательством для выполнения возложенных на орган исполнительной власти или его должностное лицо функций, предоставляющих ему определенную степень свободы усмотрения оценивать ситуации, осуществлять правомерный выбор между законными альтернативами и не предусматривают обязанности согласовывать свои решения с любым другим субъектом. Целесообразным считаем необходимость его закрепления в *федеральных законах общего характера*, к примеру, в таких как:

♦ Федеральный конституционный закон от 6 декабря 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»;

♦ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»;

♦ Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»;

♦ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»;

♦ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

В федеральных законах по направлению деятельности отдельных министерств, ведомств, государственных органов, к примеру, в таких как:

♦ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

♦ Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

В подзаконных нормативных правовых актах, к примеру, в таких как:

♦ Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»;

♦ приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации»;

♦ приказ Минюста России от 5 августа 2021 г. № 132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».

Детализируем, что применение *правовых принципов* в процессе реализации дискреционных полномочий имеет два аспекта: 1) выбор принципа, релевантного в конкретной ситуации; 2) интерпретация содержания принципа. Релевантный выбор принципа права предполагает применение отобранного в результате поиска такого принципа, содержание которого полностью соответствует конкретной ситуации. В случаях, когда толкование правовой нормы или публично значимых фактов предусматривает различные (возможные) варианты действий/бездействия, следует прибегать к интерпретации, основанной на принципах административного права.

Органы исполнительной власти, реализуя дискреционные полномочия, должны учитывать требования принципов: а) верховенства права; б) законности; в) использования дискреционного полномочия в надлежащих целях; г) объективности (обоснованности); д) беспристрастности; е) равенства перед законом; ж) пропорциональности; з) разумного времени; и) применения указаний, к) здравомыслия. Предлагаем принципы применения дискреционных полномочий органов исполнительной власти России делить на: 1) фундаментальные; 2) общие; 3) специальные.

Субъектами реализации дискреционных полномочий выступают: 1) органы исполнительной власти

России высшего, окружного, регионального, местного уровней; 2) их должностные лица, в том числе руководители (руководящий состав); структурные подразделения органов исполнительной власти, осуществляющие властные управленческие функции.

Определяющими в характеристике субъектов реализации дискреционных полномочий являются: а) содержание полномочий; б) особенности компетенционных связей с другими органами; в) степень непосредственного участия в осуществлении управленческой деятельности, а обусловленная правовыми нормами возможность применения административного усмотрения выбора оптимального варианта поведения при принятии решений (совершении действий/бездействия) или предполагаемого последствия применения административно-правовой нормы является основным признаком, их идентифицирующим. Объем дискреционных полномочий органов исполнительной власти зависит от их компетенции и административно-правового статуса в системе органов исполнительной власти.

На основании проведенного анализа нами замечено, что классически к основным правовым формам реализации дискреционных полномочий органов исполнительной власти (их должностных лиц) относятся: 1) принятие нормативных и индивидуальных правовых актов; 2) совершение иных юридически значимых действий (конклюдентные акты действия/бездействие), заключение административных договоров.

Особенностями специальных гарантий правомерности реализации дискреционных полномочий органов исполнительной власти (должностных лиц), предлагается считать: а) нормативное закрепление компетенции органов исполнительной власти и их должностных лиц; б) принципы применения дискреционных полномочий; в) законодательное установление и соблюдение процедуры принятия нормативных и индивидуальных актов, учитывающих применение административного усмотрения; г) контроль за реализацией дискреционных возможностей.

Изучая полномочия как средства правового ограничения свободы органов исполнительной власти (их должностных лиц) при применении административного усмотрения, обеспечивающие недопустимость правового произвола в правотворческой и правоприменительной деятельности, мы выяснили, что к таким средствам относятся: 1) юридико-технические границы (при создании правовых норм); 2) материально-

правовые (нормативные, организационные и доктринальные) границы; 3) процедурно-правовые границы.

Предлагаем в компетенционных законах, кроме целей, задач, функций, полномочий, сроков, четко определять дискреционные полномочия органов исполнительной власти (их должностных лиц), предусматривающие возможность применения административного усмотрения, пределы реализации которых могут уточняться бланкетно нормами других нормативных правовых актов, а также принципы применения дискреционных полномочий, с раскрытием их правореализационного значения.

Особый смысл в нормативном правовом регулировании дискреционных полномочий органов публичной администрации в сфере защиты прав, свобод и законных интересов частных лиц играет институт уполномоченного по правам (омбудсмена) как средство контроля за деятельностью органов публичной администрации и защиты от их незаконных действий/бездействия (произвола).

Важным аспектом эволюции публично-правовой сферы в России выступает комплексный пересмотр правовой основы института дискреционных полномочий, прежде всего, основных принципов, гарантий, в которых должны найти свое отражение современные евразийские демократические ценности. Нами отмечается, что изучение и внедрение в национальное законодательство положительного опыта правового регулирования реализации дискреционных полномочий развитых дружественных зарубежных государств является необходимым условием максимальной интеграции России, прежде всего, в евразийское пространство, что позволит повысить уровень защиты прав, свобод и интересов физических и юридических лиц в отношениях с органами исполнительной власти (их должностными лицами).

В выводах статьи сформулируем наиболее существенные результаты и положения научного исследования, приведем теоретические обобщения, которые заключаются в комплексном исследовании правовой природы дискреционных полномочий органов исполнительной власти России и их реализации в правотворческой и правоприменительной сферах деятельности с учетом положительного опыта. Согласно задачам исследования, предложен ряд выводов, в частности.

1. Реализация предусмотренных Конституцией России и законами России властных полномочий органами исполнительной власти (их должностными

лицами) невозможна без применения усмотрения или дискреции (сущность которого выражена через категории «свобода» и «выбор»), обусловленные объективными и субъективными причинами, они «пропитаны» принципом законности, выступают самостоятельным и важным элементом государственного управления (регулирования).

Усмотрение имеет место, когда предписания административно-правовых норм не устанавливают конкретный вариант действий/бездействия, но наделяют орган исполнительной власти определенной степенью свободы (возможностью) при осуществлении исполнительно-распорядительной (управленческой) деятельности выбирать наиболее эффективное, целесообразное решение или совершать соответствующие деяния.

Усмотрение, как определенный процесс и результат выбора органом исполнительной власти варианта поведения (решения (действия/бездействия), носит субъективный, интеллектуально-логико-волевой характер. В широком смысле он содержит различные характеристики, которые вытекают из свободы воли применяющего его субъекта, поэтому данный процесс может быть абсолютным и ограниченным, положительным или отрицательным.

Усмотрение органов исполнительной власти (их должностных лиц) — это административное усмотрение, которое вытекает из норм права прямо или косвенно и предоставляет им возможность, оценивая фактические обстоятельства, осуществлять в пределах компетенции (полномочий) мотивированный правомерный выбор законных альтернатив, установленных административно-правовыми нормами. Он выражается в принятии правовых актов управления, совершении других юридически значимых действий, оценке фактических обстоятельств, определении прав и обязанностей, объема и характера устанавливаемых мер и обусловлен субъективными качествами личности: а) правосознание; б) нравственность; в) психологические черты; г) опыт; д) уровень и качество знаний; е) мотивация; ж) ценностная ориентация; з) эмоциональный и интеллектуальный потенциал, имеющий единичный, конкретный, субъективный, произвольный, непредсказуемый, стихийный, неопределенный и неустойчивый характер.

2. Понятие «дискреционные полномочия» и «административное усмотрение» взаимосвязаны и являются неразрывным объективно-субъективным опо-

средованием одного явления — *дискреции*, присущего органам исполнительной власти и их должностным лицам. Дискреционные полномочия являются составной частью полномочий и обязательным структурным элементом компетенции органа исполнительной власти (должностного лица) по применению административного усмотрения.

Содержание дискреционных возможностей составляют дискреционные права и обязанности. Право органа исполнительной власти (должностного лица) дискреционно, когда предусматривает определенную степень свободы, действовать по собственному усмотрению, ограниченному рамками административно-правовых норм (при реализации дискреционных полномочий выход за рамки норм административного права недопустим, так как является нарушением правовых предписаний). Это возможность самостоятельно, активно, инициативно, творчески реализовывать властные полномочия в административном правоотношении путем применения административного усмотрения на основе и в пределах установленных, санкционированных и ратифицированных государством норм. Дискреционная обязанность органа исполнительной власти (должностного лица) — объективно необходимое поведение осуществить правомерный выбор между законными альтернативами без согласования своих решений (действий/бездействия) с любым другим субъектом.

3. В процессе практической реализации дискреционные полномочия находятся под регулирующим влиянием норм административного права, олицетворяются в виде определенных нормами дискреционных прав и обязанностей органов исполнительной власти (их должностных лиц) по применению административного усмотрения при принятии юридически обязательных нормативных и индивидуальных правовых актов, или при совершении конкретных деяний.

При всей очевидной необходимости и важности правового регулирования административных правоотношений, осуществление дискреционных полномочий в основном связано с элементами творчества, имеющего как рациональный, так и эмоциональный характер (интуиция, риск), который иногда не может поддаваться правовому регулированию. В этой связи акцентируется внимание на необходимости разработки, (с привлечением общественности) обсуждения и принятия законодательными органами власти общероссийского федерального закона «О дискрецион-

ных полномочиях органов исполнительной власти». Целесообразно официальное определение понятия «дискреционные полномочия» и законодательное установление границ таких полномочий (компетенция органа или должностного лица, цель, баланс публичных и частных интересов), за рамки которых не может выходить должностное лицо при совершении им дискреционного действия/бездействия.

4. В практической реализации дискреционных полномочий органов исполнительной власти (их должностных лиц) важнейшая роль принадлежит системе принципов их применения. Важнейшими принципами применения дискреционных полномочий являются фундаментальные, общие и специальные.

Определяющее значение для института дискреционных полномочий имеют *фундаментальные принципы* верховенства права и законности, которые закреплены в Конституции Российской Федерации и конкретизируются и развиваются в других нормативно-правовых актах, выступают главными стандартами в правотворческой и правоприменительной деятельности органов исполнительной власти (их должностных лиц). *Общими принципами* дискреционных полномочий являются: основные принципы, регулирующие осуществление дискреционных полномочий; принципы процедуры, применяемые к осуществлению дискреционных полномочий; принципы контроля за исполнением дискреционных полномочий. *Специальными принципами* реализации дискреционных полномочий предлагается считать принципы здравого смысла и необходимости.

5. Функционально структурный механизм системы органов исполнительной власти (их должностных лиц), содержание их правосубъектности в связи с реализацией организационно-распорядительных функций с применением административного усмотрения определяет и объем их дискреционных полномочий. Компетенция и административно правовой статус в системе органов исполнительной власти ограничивает определенную степень самостоятельности этих субъектов в организационном и функциональном отношениях. Объем и содержание дискреционных прав и обязанностей характеризуют правовое положение органа исполнительной власти (должностного лица).

Необходимо дальнейшая оптимизация правового статуса, компетенции, полномочий органов исполнительной власти на высшем, окружном, субъектовом,

местном уровнях путем как формирования, так и усовершенствования соответствующей нормативной основы их деятельности. При этом предоставленные им дискреционные полномочия на соответствующем уровне и применительно к соответствующей категории служащих или сотрудников должны определяться (конкретизироваться) соответствующими подзаконными актами.

6. Формой реализации дискреционных полномочий является внешне выраженная деятельность органа исполнительной власти (должностного лица), осуществляемая в рамках его компетенции. Реализация дискреционных полномочий органов исполнительной власти (должностных лиц) обусловлена правовым характером их применения, т. е. осуществляется при наличии соответствующих оснований и необходимых процедур, что приводит к конкретным правовым последствиям. Основными признаками правовых форм являются: а) юридическая фиксация; б) правовое содержание; в) правовые последствия; г) процедурный характер обеспечения. Формы реализации дискреционных полномочий определяют пределы применения органами исполнительной власти административного усмотрения.

Форма реализации дискреционных полномочий наполнена допустимым и наиболее целесообразным и оптимальным вариантом деяния, обеспечивает качественное выполнение задач органа исполнительной власти с наименьшим расходом сил, средств и времени для осуществления возложенных на них функций.

7. Гарантии правомерности реализации дискреционных полномочий органов исполнительной власти (их должностных лиц) — правовые явления, устремленные на обеспечение законности деятельности в правотворческой и правоприменительной сферах, защиту физических и юридических лиц от неправомерной дискреционной власти.

Считаем целесообразным разделить гарантии правомерности реализации дискреционных полномочий органов исполнительной власти (их должностных лиц) на общие и специальные. *Общие гарантии* — политические, экономические, идеологические предпосылки, правовая культура и уважение права — выступают важными условиями реализации дискреционных полномочий органов исполнительной власти (их должностных лиц) в правовом государстве.

Систему *специальных гарантий* составляют специфические организационно-правовые средства и приемы, а также юридические институты, действие которых непосредственно направлено на достижение законности реализации дискреционных полномочий органов исполнительной власти. Нормативное закрепление компетенции органов исполнительной власти и их должностных лиц, принципы применения дискреционных полномочий, наличие четкой, законодательно определенной процедуры подготовки нормативных и индивидуальных актов, учитывающих применение административного усмотрения, контроль за реализацией дискреционных полномочий — выступают необходимыми средствами правовых ограничений определенных исполнительной властью (их должностными лицами). Их смысл заключается не только в создании юридико-технических, материально-правовых и процедурно-правовых границ реализации дискреционных полномочий, а также в строгом, неуклонном воплощении в жизнь правовых норм, начал гуманистического права — прежде всего, основных неотъемлемых прав человека, а также связанных с ними других институтов, что должно обеспечивать недопустимость правового произвола в правотворческой и правоприменительной деятельности в ходе применения административного усмотрения органами исполнительной власти (должностными лицами).

Итак, административное усмотрение как юридическое явление имеет право на существование именно при координации деятельности публичной администрации с другими субъектами административного права как по вертикали, так и по горизонтали. Такая правовая конструкция помогает органам государственной власти быть достаточно маневренными и варьировать в стереотипной реализации своих полномочий в целях модернизации служебной деятельности. Бесспорно, что прогрессивный результат от применения дискреционных полномочий является существенным условием для достижения баланса частных и публичных интересов. Трудности реализации дискреционных полномочий наблюдаются преимущественно в области осуществления административных процедур, что уменьшает прозрачность их реализации, а также содействует появлению административных препятствий за счет затребований избыточных документов вследствие срыва сроков реализации административных процедур. Поэ-

тому имеется серьезная потребность в повышении качества использования административных усмотрений, в том числе при помощи научного сообщества путем подготовки доктринальных научных изысканий по вопросам наиболее качественной реализации дискреционных полномочий органами исполнительной власти.

Список источников

1. Соловей Ю. П. Дискреционный характер административного акта как обстоятельство, исключающее судебную проверку его законности // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 4. С. 72–99.
2. Зырянов С. М. Пределы усмотрения в правоприменительной деятельности органов исполнительной власти // *Актуальные проблемы административного права и процесса*. 2017. № 4. С. 25–27.
3. Щукина Т. В. Административное усмотрение и его проявление в административных процедурах: новые трансформации в условиях цифрового государства и информационного общества // *Юридическая наука*. 2018. № 2. С. 137–141.
4. Щепало С. В., Зайцев Д. И. Административное и судебное усмотрение в российской науке: проблемы соотношения // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2022. № 46. С. 107–118.
5. Оносов Ю. В. Об административном усмотрении в деятельности органов исполнительной власти // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2021. Т. 12. № 2(44). С. 176–182.
6. Ченерелли А. Геракл против Лернейской гидры, или Суд и дискреционное административное полномочие // *Журнал административного судопроизводства*. 2021. № 2. С. 29–34.
7. Чорный В. Н., Сенатова Е. В. Административное усмотрение начальника при реализации прав сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Вестник Самарского юридического института*. 2019. № 4(35). С. 96–100.
8. Смирнова А. А. Об усмотрении в административном правотворческом процессе // *Журнал российского права*. 2017. № 8(248). С. 92–102.
9. Ярковой С. В. Административное усмотрение в правоприменительной деятельности административно-публичных органов и их должностных лиц // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2017. № 1(28). С. 144–152.

10. Даланов Д. С. Дискреционные полномочия сотрудников уголовно-исполнительной системы при применении мер безопасности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3(54). С. 44–49.

11. Зайцев Д. И. Административное усмотрение в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11(99). С. 199–208.

12. Чабан Е. А. Пределы административного усмотрения (дискреции) органов исполнительной власти в процессе принятия управленческого решения: учеб. пособие. М., 2019.

References

1. Solovey Yu. P. The discretionary nature of an administrative act as a condition excluding judicial verification of its legality // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 4. P. 72–99.

2. Zyryanov S. M. Previous improvements in the law enforcement activities of executive authorities // Actual problems of administrative law and process 2017. No. 4. P. 25–27.

3. Shchukina T. V. Administrative improvement and its implementation in administrative procedures: new transformations in the conditions of the digital state and information society // Legal science. 2018. No. 2. P. 137–141.

4. Shchepalo S. V., Zaitsev D. I. Administrative and judicial improvement in Russian science: problems of communication // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2022. No. 46. P. 107–118.

5. Onosov Yu. V. On administrative discretion in the activities of executive authorities // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. Vol. 12. No. 2(44). P. 176–182.

6. Chenerelli A. Hercules v. Lernaean Hydra, or the Court and discretionary administrative authority // Journal of Administrative Proceedings. 2021. No. 2. P. 29–34.

7. Chorny V. N., Senatova E. V. Administrative improvement of the chief in the implementation of the rights of citizens of the penal enforcement system // Bulletin of the Samara Law Institute. 2019. No. 4(35). P. 96–100.

8. Smirnova A. S. On efforts in the administrative law-making process // Journal of Russian Law. 2017. No. 8(248). P. 92–102.

9. Yarkova S. V. Administrative discretion in law enforcement activities of administrative and public bodies and their officials // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2017. No. 1(28). P. 144–152.

10. Dalanov D. S. Discretionary full-scale criminals of the penal enforcement system in the application of security measures // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3(54). P. 44–49.

11. Zaitsev D. I. Administrative improvement in the digital age // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2022. No. 11(99). P. 199–208.

12. Chaban E. A. Preliminary administrative inspection (discretion) of executive authorities in the process of making a managerial decision: text. manual. М., 2019.

Информация об авторах

К. К. Гасанов — заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Н. Н. Паук — заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

K. K. Gasanov — Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

N. N. Pauk — Deputy Head of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 15.10.2024. The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Научная статья

УДК 354.31:343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-39-47>

EDN: <https://elibrary.ru/chmzrt>

НИОН: 2003-0059-5/24-139

MOSURED: 77/27-003-2024-05-338

Координация работы Республиканского МВД Украинской ССР в организации деятельности борьбы с преступностью в 1960-е гг. XX в.

Виктория Константиновна Грошевая

Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия,
vik-groshevaya@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы в сфере координации деятельности Министерства внутренних дел Украинской ССР по борьбе с преступностью в 1960-е гг. XX в. Указывается, что в данный период криминогенная обстановка характеризовалась ростом рецидивной и организованной преступности. Координация деятельности МВД УССР по борьбе с преступностью в то время осуществлялась в рамках глобальной милицейской реформы и была направлена преимущественно на усиление борьбы с преступлениями общеуголовной направленности, незаконным оборотом оружия, фальшивомонетничеством, преступностью несовершеннолетних, самогоноварением, пьянством и туеядством, а также на охрану общественного порядка и обеспечение безопасности движения автотранспорта. Анализируется ряд нормативных правовых актов, принятых в рамках борьбы с преступностью, прослеживается ход реализации конкретных координационных механизмов, реализованных МВД УССР в то время, среди которых: ежемесячные оперативные совещания с участием руководства МВД, представителей прокуратуры, суда и других заинтересованных ведомств; разработки совместных приказов и директив, определявших общие задачи и порядок взаимодействия подразделений МВД с другими органами правопорядка; комплексных мероприятий по борьбе с конкретными видами преступлений. Отмечается, что благодаря скоординированным действиям МВД УССР и других органов правопорядка удалось добиться уменьшения количества зарегистрированных преступлений, раскрытия значительного числа тяжких и особо тяжких преступлений, ликвидации крупных преступных группировок, улучшения состояния работы по предупреждению преступности, что, в целом, способствовало обеспечению правопорядка и защите прав граждан УССР.

Ключевые слова: Украинская ССР, Министерство внутренних дел, Министерство охраны общественного порядка, милиция, преступность, координация работы

Для цитирования: Грошевая В. К. Координация работы Республиканского МВД Украинской ССР в организации деятельности борьбы с преступностью в 1960-е гг. XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 39–47. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-39-47>. EDN: CHMZRT.

Original article

Coordination of the work of the Republican Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR in the organization of crime fighting activities in the 1960s of the 20th century

Viktoriya K. Groshevaya

Donetsk Branch of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Donetsk,
Donetsk People's Republic, Russia, vik-groshevaya@mail.ru

Abstract. The problematic issues in the field of coordinating the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR in the fight against crime in the 1960s of the twentieth century are considered. Indicates that during this period, the criminogenic situation was characterized by an increase in recidivism and organized crime. At that time, the coordination of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR to combat crime in the Ukrainian SSR was carried out within the framework of the global police reform and was mainly aimed at strengthening the fight against ordinary crimes, illegal arms trafficking, counterfeiting, juvenile delinquency, moonshine, drunkenness and parasitism, as well as protecting public order and ensuring the safety of motor transport. A number of normative legal acts adopted in the framework of the fight against crime are analyzed, the progress of the implementation of specific coordination mechanisms implemented by the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR at that time is described, among which: monthly operational meetings with the participation of the leadership of the Ministry of Internal Affairs, representatives of the prosecutor's office, the court and other interested departments; the development of joint orders and directives defining common tasks and the order of interaction of departments The Ministry of Internal Affairs with other law enforcement agencies; comprehensive measures to combat specific types of crimes. It is noted that thanks to the coordinated actions of the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR and other law enforcement agencies, it was possible to reduce the number of registered crimes, disclose a significant number of serious and especially serious crimes, eliminate large criminal groups, improve the state of crime prevention, which, in general, contributed to ensuring law and order and protecting the rights of citizens of the Ukrainian SSR.

Keywords: Ukrainian SSR, Ministry of Internal Affairs, Ministry of Public Order, police, crime, coordination of work

For citation: Groshevaya V. K. Coordination of the work of the Republican Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR in the organization of crime fighting activities in the 1960s of the 20th century. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):39–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-39-47>. EDN: CHMZRT.

© Грошевая В. К., 2024

В 1960-е гг. XX в. украинское общество, как и весь советский народ, ощущало проникновение влияния коммунистической партии во все сферы жизни.

Проектом программы КПСС, принятым XXII съездом КПСС (17–31 октября 1961 г.), было установлено: «Партия ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих»¹. Отмечалось, что в обществе, которое строит коммунизм, не могло быть места правонарушениям и преступности, однако пока имелись эти проявления, была необходимость применения строгих мер наказания к лицам, их совершившим. Также главное внимание направлялось на предотвращение преступлений.

Ключевая роль в исполнении задач, поставленных КПСС и советским правительством в борьбе с преступностью и правонарушениями, была отведена правоохранительным органам, в число которых входила и советская милиция.

Так, принятой новой программой партии перед правоохранительными органами ставилась задача полного искоренения преступности. Перед органами милиции были поставлены конкретные задачи, направленные на обеспечение порядка в обществе и борьбы с преступностью.

Стоит отметить, что в практической работе органов внутренних дел важное значение имели новый Уголовный кодекс УССР² и Уголовно-процессуальный кодекс УССР³, утвержденные Верховным Советом УССР 28 декабря 1960 г.

Так, с введением вышеуказанных кодексов с 1 апреля 1961 г., в целях правильного применения нового законодательства в оперативно-служебной деятельности органов и подразделений МВД, указанием МВД УССР от 31 января 1961 г. с руководящим и оперативно-начальствующим, а также с сержантским и рядовым составом отделов и подразделений МВД организовывалось тщательное изучение новых кодексов, по окончании чего у сотрудников МВД принимались зачеты с выставлением оценок. Начальникам учебных заведений МВД УССР и начальникам межобластных учебных пунктов необходимо было внести соответствующие изменения и дополнения в программы обучения курсантов и слушателей⁴.

В то же время, в начале 1960-х гг. в СССР правительством принимается ряд нормативных актов, направленных на ужесточение уголовной ответственности по различным видам преступлений. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г.

«Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» в целях усиления борьбы с особо опасными преступлениями Президиумом Верховного Совета СССР допущено применение смертной казни — расстрела, за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, за изготовление с целью сбыта или сбыт поддельных денег и ценных бумаг, а также в отношении особо опасных рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления, занимающихся террором в местах лишения свободы, заключенных, совершивших нападения на администрацию исправительного учреждения или организующих с этой целью преступные группировки, а также активно участвующих в таких группировках.

23 мая 1962 г. Министром внутренних дел И. Х. Голловченко было направлено распоряжение № 115, где указывалось, что Президиум Верховного Совета УССР, обсудив практику применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями», отметил, что в республике была проведена определенная работа по выполнению данного Указа. Начальниками УВД областей и горрайорганов милиции принимались решительные меры к улучшению работы по выявлению тяжких преступлений, против жизни и здоровья человека, а также преступлений имущественного характера⁵.

27 июня 1961 г. Президиумом Верховного Совета Украинской ССР принимается Указ «Об усилении ответственности за самогоноварение и пьянство в Украинской ССР»⁶, внося соответствующие изменения в Уголовный кодекс УССР. Также 1 июля 1961 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях», согласно которому за спекуляцию валютными ценностями допускалось применение смертной казни в виде расстрела⁷.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. // URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13891>

² Уголовный кодекс Украинской ССР: утвержден Верховным Советом Украинской ССР 28 декабря 1960 г. // Новости Верховного Совета СССР. 1961. № 2. Ст. 14.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР: утвержден четвертой сессией Верховного Совета СССР пятого созыва 28 декабря 1960 г. // Новости Верховного Совета СССР. 1961. № 2. Ст. 15.

⁴ Архив Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики. Ф. 13. Оп. 2. Д. 202. Л. 46, 47.

⁵ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 213. Л. 253, 253 об.

⁶ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 199. Л. 307, 307 об., 308.

⁷ Ведомости Верховного Совета Украинской ССР от 14 июля 1961 г. № 29, год издания 20-й. Ст. 352.

Издавались и другие уголовно-правовые акты, устанавливавшие или усиливавшие ответственность за тяжкие преступления. Так, в феврале 1962 г. Президиумом Верховного Совета СССР принимаются Указы: «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»⁸, «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование»⁹, «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество»¹⁰. Все вышеперечисленные Указы были объявлены приказом МВД УССР № 75 от 9 марта 1962 г.¹¹.

26 июля 1966 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об усилении ответственности за хулиганство», в соответствии с которым Президиумам Верховных Советов союзных республик предлагалось внести в законодательство союзных республик изменения и дополнения¹².

Следуя требованиям Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», работники милиции начали более оперативно реагировать на хулиганские и другие преступные проявления, не оставляя безнаказанными лиц, их совершивших.

С принятием Указа от 26 июля 1966 г. в результате более действенного реагирования административных органов и широкой общественности на факты хулиганских проявлений в республике снижалось количество наиболее тяжких преступлений [1, с. 6]. Так, в 1966 г. в результате борьбы с хулиганством в большинстве областей и в целом по Украине общее число особо опасных преступлений уменьшилось, а количество раскрытых преступлений в республике составило 98,9 % [2, с. 96].

Подчеркнем, что Указом Президиума Верховного Совета УССР от 5 сентября 1962 г. республиканское Министерство внутренних дел Украинской ССР было преобразовано в республиканское Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР (далее — МООП), а Управления внутренних дел исполкомов областных Советов депутатов трудящихся — в Управления охраны общественного порядка исполкомов областных Советов депутатов трудящихся¹³. Данный Указ Президиума Верховного Совета УССР был объявлен приказом МООП УССР № 324 от 6 сентября 1962 г.¹⁴. Позже, в ноябре 1968 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР МООП было переименовано в союзно-республиканское МВД¹⁵.

Кроме ужесточения ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законодательством за совершение некоторых видов преступлений, укреп-

лялся административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. 26 июля 1966 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». В соответствии с Указом было утверждено Положение об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы¹⁶, которым определялось, что лица, в отношении которых был установлен административный надзор, в случае нарушения правил этого надзора привлекались к административной или уголовной ответственности в порядке, установленном законодательством союзных республик.

Административный надзор органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, предусмотренный Указом, являлся важным административно-правовым средством предотвращения как рецидивной преступности, так и преступности и правонарушений в целом.

В соответствующих актах МООП СССР и МООП УССР серьезное внимание уделялось обеспечению правильности, обоснованности применения административного надзора, применению индивидуального подхода к каждому освобожденному из мест лишения свободы с тем, чтобы не допустить незаконного ограничения прав граждан [3, с. 83–84].

29 июня 1961 г. был принят Закон УССР «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета Украинской ССР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда или ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»»¹⁷.

⁸ Ведомости Верховного Совета Украинской ССР от 23 февраля 1962 г. № 8, год издания 21-й. Ст. 107.

⁹ Там же. Ст. 108.

¹⁰ Ведомости Верховного Совета Украинской ССР от 2 марта 1962 г. № 9, год издания 21-й. Ст. 115.

¹¹ Архив Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики. Ф 13. Оп. 2. Д. 208. Л. 125.

¹² Ведомости Верховного Совета СССР от 27 июля 1966 г. № 30(1324), год издания 29-й. Ст. 595.

¹³ Ведомости Верховного Совета Украинской ССР от 14 сентября 1962 г. № 36, год издания 21-й. Ст. 451. С. 672.

¹⁴ Архив Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики. Ф. 13. Оп. 2. Д. 210. Л. 71.

¹⁵ Указ Президиума ВС СССР от 25 ноября 1968 г. № 3339-VII «О переименовании Министерства охраны общественного порядка СССР в Министерство внутренних дел СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 48. Ст. 467.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30(1324). Ст. 597.

¹⁷ Ведомости Верховного Совета Украинской ССР от 7 июля 1961 г. № 28, год издания 20-й. Ст. 337.

Приказом Прокурора УССР, Министра юстиции УССР и Министра внутренних дел УССР от 26 сентября 1961 г. № 12/26-Д-300 была объявлена инструкция «О порядке оформления и рассмотрения материалов на лиц, привлеченных к ответственности по Указу Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 12 июня 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» и порядке исполнения постановлений суда и общественных приговоров на этих лиц»¹⁸.

Борьба велась также и с бродяжничеством. В первом полугодии 1960 г. наибольший рост и активизация преступной деятельности бродяг имела место в г. Одессе, где из общего числа привлеченных к уголовной ответственности бродяги составляли 12,1 %, в Ровенской области — 10,8 %, Крымской — 8,2 %, в Харькове — 7,8 %, Львове — 7,1 %, Днепропетровске — 6,2 %¹⁹.

В совместном распоряжении МВД УССР и Прокуратуры УССР от 4 января 1962 г. № 3/2-5 отмечалось, что в ряде областей республики органы милиции и прокуратуры ослабили борьбу с бродяжничеством и попрошайничеством, в большинстве областей эта работа являлась запущенной. В результате, в целях активизации борьбы с бродяжничеством и попрошайничеством, для осуществления контроля, координации и учета работы по борьбе с бродяжничеством МВД УССР и Прокуратурой УССР было предложено создать при УВД и городских управлениях милиции оперативно-следственные группы из числа работников отделов службы, уголовного розыска, паспортного и дознания²⁰.

Особое место в работе республиканских органов внутренних дел занимала борьба с преступностью несовершеннолетних, уровень которой был довольно высок.

28 октября 1963 г. МООП УССР была утверждена согласованная с Прокуратурой УССР «Инструкция о порядке направления детей и подростков в воспитательные колонии для несовершеннолетних МООП Украинской ССР»²¹.

Приказом МООП УССР от 11 мая 1964 г. № 197 была введена новая «Инструкция об организации работы органов милиции в борьбе с детской безнадзорностью и правонарушениями со стороны несовершеннолетних» [4, с. 91, 478–482].

В 1966 г. органы внутренних дел продолжали вести работу по искоренению безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних, вследствие

чего в некоторых областях УССР количество несовершеннолетних, совершивших преступления, уменьшилось, однако в целом по республике их число увеличилось на 7,5 % [2, с. 96].

В целях предотвращения насильственных и имущественных преступных посягательств важную роль играло усиление борьбы с хищением огнестрельного оружия, а также с его незаконным оборотом. Так, для обеспечения общественной безопасности, предупреждения возможного использования огнестрельного и холодного оружия в преступных целях органы милиции проводили мероприятия по открытию стрелковых тиров, а также оружейно-ремонтных мастерских, осуществляли надзор и выдачу разрешений на приобретение оружия, проводили контроль за хранением и перевозкой оружия, торговлей оружием, а также выдавали разрешения на приобретение и хранение размножающих аппаратов, на изготовление печатей и штампов.

Нормативно-правовую основу данного направления деятельности милиции составляли следующие документы: МВД УССР были утверждены «Инструкция о порядке изготовления, хранения и использования печатей и штампов учреждениями, организациями и предприятиями Украинской ССР» от 17 ноября 1961 г. [5, с. 143]; Инструкция «О порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов к нарезному оружию, открытия стрелковых тиров, оружейно-ремонтных мастерских, торговли нарезным огнестрельным и охотничьим гладкоствольным оружием на территории Украинской ССР» от 31 мая 1962 г.²²; Приказ МООП УССР от 19 мая 1965 г. № 251 «Об упорядочении оформления разрешения на предметы и вещества, подпадавшие под действие правил разрешительной системы» [5, с. 143]. В нормативных документах обозначалось предупреждение возможного использования огнестрельного и холодного оружия в преступных целях, а также охрана данных объектов, которая была обусловлена необходимостью обеспечения общественной безопасности.

Органами милиции также проводилась работа по выявлению и изъятию огнестрельного и холод-

¹⁸ Архив Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 196.

¹⁹ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 193. Л. 220.

²⁰ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 213. Л. 7.

²¹ Там же. Ф. 13. Оп. 21. Д. 226. Л. 44.

²² Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 209. Л. 76.

ного оружия. Например, в результате проведения мероприятий, направленных на выявление и изъятие оружия, за первое полугодие 1962 г. у преступников и населения было изъято 5294 ствола огнестрельного и 890 единиц холодного оружия [4, с. 79].

В исследуемый период органами милиции осуществлялась борьба и со спекуляцией. Так, например, 19 апреля 1961 г. Советом Министров УССР было принято постановление № 538 «О дополнительных мерах по борьбе со спекуляцией легковыми автомобилями»²³. Указанное постановление объявлено 30 мая 1961 г. приказом МВД УССР № 190, согласно которому органы Госавтоинспекции не имели права регистрировать легковые автомобили, которые были куплены гражданами вне магазинов государственной торговли, или собранных ими из отдельных агрегатов и запасных частей, а также обменянных между собственниками автомобилей²⁴. Кроме того, годом ранее, в марте 1960 г., МВД УССР был принят приказ № 59 «О запрещении регистрации мотоциклов, собранных из запасных частей и агрегатов»²⁵.

Вместе с тем, органами милиции предпринимались мероприятия, направленные на противодействие пожарам как на объектах народного хозяйства, так и лесных пожаров, проводилась работа по раскрытию поджогов.

В распоряжении МВД УССР № 37 от 13 апреля 1960 г., направленном начальникам УВД исполкомов областных советов депутатов трудящихся УССР, отмечалось, что в I квартале 1960 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года в республике увеличилось количество пожаров и особенно резко возросли убытки от них (в 3,7 раза). За этот короткий период времени на Украине произошло 17 крупных пожаров, которыми государству был причинен материальный ущерб на сумму более 8 млн руб., или 75 % всех убытков от пожаров за квартал. Эти пожары произошли в областях: Черкасской, Сумской, Сталинской, Крымской, Винницкой, Житомирской, Днепропетровской, Полтавской, Закарпатской, Волынской, Запорожской, Киевской, Черниговской и Харьковской²⁶.

3 сентября 1962 г. начальникам УВД исполкомов областных советов депутатов трудящихся УССР был направлен утвержденный МВД УССР в конце августа 1962 г. план проведения республиканского учебного семинара с начальниками УПО-ОПО УВД областей в период с 10 по 15 декабря 1962 г. Целью семинара являлось: обмен опытом работы аппаратов УПО-ОПО УВД, частей и команд по организации

профилактической работы, службы, подготовки, пожаротушения и эксплуатации пожарной техники; анализ работы аппаратов УПО-ОПО УВД, частей, команд и райпожинспекторов по борьбе с пожарами на объектах народного хозяйства и разработка мероприятий по улучшению этой работы; ознакомление с новыми средствами и способами тушения пожаров и перспективами развития пожарной техники и связи²⁷.

Проводилась борьба и с хищением урожая. Так, например, 29 мая 1962 г. прокурорам областей и районов, начальникам областных управлений внутренних дел и районным органам милиции, председателям областных судов и районным судьям УССР было направлено совместное распоряжение Министра внутренних дел УССР, Министра юстиции и Прокурора УССР № 3-64/121/5-Д, где указывалось, что, учитывая ошибки прошлых лет, необходимо было на надлежащем уровне провести работу по предупреждению хищений урожая²⁸.

Большое внимание в деятельности республиканских органов внутренних дел уделялось координации борьбы с дорожно-транспортными происшествиями. Согласно приказу МВД УССР № 71 от 21 февраля 1961 г. «О серьезных недостатках в работе Госавтоинспекций по обеспечению безопасности движения транспорта и пешеходов» во втором полугодии 1960 г. по сравнению с таким же периодом 1959 г. в республике был допущен значительный рост количества дорожно-транспортных происшествий и пострадавших при этом лиц. Особенно неблагоприятное положение создалось в Волынской, Днепропетровской, Станиславской, Черновицкой, Луганской, Запорожской областях и городах Одессе, Днепропетровске и Киеве, где количество происшествий возросло с 25 до 50 %²⁹.

В указании МВД УССР от 9 июня 1961 г. № 91 отмечалось, что в результате ослабления организаторской работы УВД по выполнению мероприятий в ряде областей Украины создалось крайне тревожное положение с аварийностью на местном транспорте. Особенно тяжелые последствия от аварий, наездов и несчастных случаев за 1960 г. имели место в Черновицкой, Луганской, Одесской, Запорожской, Сталинской, Днепропетровской, Станиславской,

²³ Архив Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики. Ф. 13. Оп. 2. Д. 199. Л. 246.

²⁴ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 199. Л. 245.

²⁵ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 190. Л. 72.

²⁶ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 193. Л. 87.

²⁷ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 214. Л. 126.

²⁸ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 213. Л. 274, 274 об.

²⁹ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 199. Л. 65.

Волынской областях, а также в городах Киеве, Одессе, Днепропетровске и Харькове³⁰.

С целью усиления борьбы с аварийностью на автотранспорте и городском электротранспорте 26 октября 1961 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об ответственности водителей автотранспорта и городского электротранспорта за управление транспортом в нетрезвом состоянии»³¹, который был объявлен работникам милиции 12 ноября 1961 г. приказом МВД СССР³².

С целью учета дорожно-транспортных происшествий, приказом Министра внутренних дел СССР от 28 ноября 1961 г. № 387 был объявлен табель отчетности органов милиции МВД СССР по госавтоинспекции, где начальникам УВД, начальникам управлений, отделов и отделений милиции с 1 января 1962 г. необходимо было предоставлять отчетность о дорожно-транспортных происшествиях согласно приложению к приказу³³. Данным приказом была введена в действие «Инструкция по учету дорожно-транспортных происшествий», где указывалось, что учет имеет своей целью выявить все дорожно-транспортные происшествия на автотранспорте и городском электротранспорте и дать возможность изучения причин и обстоятельств этих происшествий для предупреждения их в дальнейшем³⁴.

12 апреля 1962 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 395 «О ходе исполнения постановления Совета Министров СССР от 7 сентября 1959 г. № 1377 «Об усилении борьбы с аварийностью на автомобильном транспорте»»³⁵. Данное постановление было объявлено приказом МВД СССР № 176, которым предусматривался разработанный Госавтоинспекцией УМ МВД СССР примерный план подготовки и проведения декад безопасности движения³⁶.

19 июня 1962 г. начальникам УВД областей СССР, начальникам управлений, отделов и отделений милиции, начальникам участков дорожной милиции была направлена ориентировка МВД СССР № 144 о недостатках в работе Госавтоинспекции по надзору за движением транспорта и пешеходов МВД СССР, которой предлагалось принять необходимые меры к устранению всех выявленных недостатков. К работе по надзору за движением транспорта и пешеходов необходимо было привлекать участковых уполномоченных, патрульных наружной службы и других служб милиции, а также мобилизовать внимание всех работников Госавтоинспекции на создание отличных постов, участков и подразделений ГАИ³⁷.

13 сентября 1962 г. начальникам управлений МООП областей СССР было направлено распоряжение МООП СССР № 214, где указывалось, что МООП СССР крайне встревожено непрекращающимся ростом количества дорожно-транспортных происшествий и тяжелых последствий от них в республике, особенно в Донецкой, Днепропетровской, Запорожской, Луганской, Одесской и Херсонской областях. В целях улучшения работы по обеспечению безопасности движения транспорта и пешеходов предлагалось разработать план мероприятий, в котором предусматривалось направление опытных работников управления в города и районы для организации и проведения надзора за движением транспорта, проверок выполнения руководителями автохозяйств инструкции по безопасности движения, усиления пропаганды правил движения и активизации работы общественности по укреплению дисциплины на транспорте. Потребовать от начальников органов милиции и госавтоинспекций строгого выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1961 г. «Об ответственности водителей автотранспорта и городского электротранспорта за управление транспортом в нетрезвом состоянии»³⁸.

21 декабря 1963 г. МООП СССР также было дано указание № 335 «О порядке производства первоначальных следственных действий по делам о дорожно-транспортных происшествиях», в связи с чем предлагалось при производстве расследования по делам о дорожно-транспортных происшествиях руководствоваться прилагаемым «Кратким методическим пособием», таблицами для определения скорости движения, тормозного и полного остановочного пути автотранспорта и указаниями по их применению.

Приложением к указанию являлось краткое пособие для следователей МООП и работников ГАИ по расследованию ДТП³⁹.

В связи с принятием ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановления от 23 июля 1966 г., ЦК КП Украины 12 августа 1966 г. было рассмотрено состояние борьбы с преступностью в республике и при-

³⁰ Архив Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики. Ф. 13. Оп. 2. Д. 202. Л. 281.

³¹ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 383.

³² Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 382.

³³ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 357.

³⁴ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 359.

³⁵ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 209. Л. 37.

³⁶ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 209. Л. 36, 39 об.

³⁷ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 213. Л. 320.

³⁸ Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 214. Л. 187, 188.

³⁹ Там же. Ф. 13. Оп. 21. Д. 226. Л. 168, 169, 170.

нято постановление «О мерах по усилению борьбы с проявлениями преступности в некоторых районах и городах Украинской ССР», а также были утверждены конкретные меры по выполнению Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. Во всех областях состояние работы административных органов по борьбе с преступностью было проверено прокуратурой, МООП и Верховным судом УССР [2, с. 95–96].

Стоит отметить, что важную роль в борьбе с преступностью играла координация действий между Министерством внутренних дел, органами прокуратуры, суда и Комитетом государственной безопасности.

Постановление ЦК КПСС от 20 марта 1962 г. «О судебной практике и прокурорском надзоре» обязало Прокуратуру СССР, Верховный Суд СССР, Комитет государственной безопасности, Министерства внутренних дел союзных республик и их органы на местах усилить координацию своих действий по борьбе с преступностью. Согласно постановлению была необходимость в проведении межведомственных совещаний с участием прокурора области, председателя областного суда, начальника УВД и начальника УКГБ, а также по усмотрению и других лиц. Поднимался вопрос об окончании практики, когда действия ведомств по раскрытию преступлений было разобщено [4, с. 77]. Таким образом, правящей партией организовывалась тесная межведомственная связь, которая содействовала успешному искоренению преступности в стране.

Функции органов милиции, прокуратуры и суда тесно переплетались в борьбе с преступностью.

Так, общими силами разрабатывались мероприятия по устранению недостатков в борьбе с преступностью, проводились совместные проверки работы периферийных органов, результаты обсуждались на межведомственных совещаниях.

Координация осуществлялась в основном путем разработки и проведения различных совместных мероприятий по борьбе с преступностью. Разрабатывались объединенные планы по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР об усилении борьбы с преступностью. В этих планах большое внимание уделялось изучению причин преступности, обобщению судебной практики, изучению состояния соблюдения законности на предприятиях и в учреждениях, обобщению и распространению положительного опыта деятельности административных органов и общественности, а также проведению совместных профилактических мероприятий по предотвращению преступности.

Полезность межведомственных совещаний заключалась в том, что этим подчеркивалась ответственность всех звеньев милиции, прокуратуры и суда за строжайшее соблюдение законности и укрепление правопорядка [6].

Опыт координации деятельности органов милиции, прокуратуры и суда периодически изучался. В 1966 г. работниками указанных ведомств были разработаны совместные меры по борьбе с преступностью в районе, где предусматривалось усиление борьбы с хищением социалистической собственности, преступлениями против жизни и здоровья, борьбы с хулиганством и др.

Тесное взаимодействие органов милиции, прокуратуры и суда обеспечивало положительные результаты в борьбе с преступностью. Этот опыт обобщался и рассылался всем начальникам районных отделов милиции, районным прокурорам, председателям народных судов [7, с. 66].

Министр МООП УССР И. Х. Головченко отмечал, что прочно вошла в практику такая форма взаимодействия между органами охраны общественного порядка и прокуратуры, как создание смешанных оперативно-следственных групп для раскрытия наиболее тяжких преступлений [1, с. 3–4].

Практика показала, что следователи прокуратуры были организационно оторванными от оперативно-технических подразделений органов милиции, а это негативно отражалось на раскрытии преступлений. Расследование наиболее сложных уголовных дел требовало тесного взаимодействия следователей с оперативными сотрудниками милиции. Эффективных координированных действий и желаемых результатов возможно было достичь лишь путем объединения следственных и оперативных подразделений в одном ведомстве⁴⁰.

Необходимо подчеркнуть, что усилению борьбы с преступностью также способствовало принятие в апреле 1963 г. решения Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому следователям органов охраны общественного порядка были предоставлены полномочия производства предварительного следствия, наряду со следователями органов прокуратуры и государственной безопасности⁴¹.

⁴⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 16. Ст. 181.

⁴¹ Ведомости Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики от 19 апреля 1963 г. № 16, год издания 22-й. Ст. 266.

На необходимость преодоления недостатков в работе следственных подразделений указывалось в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы с преступностью» от 23 июля 1966 г., где была отмечена необходимость повышения уровня эффективности руководства работой следственных подразделений со стороны начальников управлений ООП облисполкомов, а также делался акцент на строгом соблюдении законности в деятельности следователей и организации тесного взаимодействия всех служб при раскрытии и расследовании преступлений [8, с. 7].

Министр охраны общественного порядка УССР И. Х. Головченко в своей статье «Преступности не место в советском обществе» отмечал, что органы охраны общественного порядка уделяют внимание своевременному раскрытию преступлений, выявлению и разоблачению преступников. МООП был проведен ряд практических мер, которые положительно повлияли на повышение борьбы с преступлениями. Более 40 % органов милиции республики добились раскрытия всех совершенных преступлений. Это являлось результатом более тесного взаимодействия всех служб милиции, следственного аппарата и других подразделений охраны общественного порядка, усиления контактов с органами прокуратуры и максимального использования всех оперативных возможностей. Изменился также подход к оценке роли отдельных служб милиции в борьбе с преступностью. Деятельность аппаратов криминалистических исследований оценивали не по количеству проведенных экспертиз, а по конечным результатам применения научно-технических средств в предотвращении преступлений и их раскрытии. С помощью средств и методов криминалистики в республике раскрывалось почти треть тяжких преступлений [1, с. 3–4]. Так, в приказе МВД УССР от 9 февраля 1961 г. № 41 «О поощрении работников научно-технических аппаратов МВД Украинской ССР» отмечалось, что в 1960 г. в результате умелой организации работы по использованию органами милиции приемов и средств криминалистики в борьбе с уголовной преступностью хороших показателей добились научно-технические аппараты УВД Житомирской, Львовской, Киевской, Харьковской, Черкасской и других областей. На основе умелого сочетания оперативных возможностей и средств криминалистики органами милиции указанных областей значительная часть особо опасных преступлений была раскрыта при непосредственной помощи научно-технических подразделений⁴².

Кроме того, МООП УССР, прежде всего, требовало от органов милиции и следственных аппаратов систематически и глубоко анализировать состояние преступности в области, городе или районе с тем, чтобы на этой основе улучшить предупредительно-профилактическую работу [1, с. 3–4].

Акцентируем внимание на том, что для обеспечения личных прав и свобод граждан в деятельности милиции по укреплению законности и правопорядка на первом месте стояли такие меры, как предупреждение, профилактика правонарушений и преступлений, выявление и пресечение преступлений, организационная и воспитательная работа.

В распоряжении МВД УССР от 21 июля 1961 г. № 127 указывалось, что: «Активизировалась и более правильно проводится работа, связанная с передачей на поруки и перевоспитание трудящихся лиц, впервые совершивших незначительные преступления». Вместе с тем было отмечено, что в отдельных органах милиции недооценивалась сила общественного воздействия на правонарушителей, продолжалось привлечение к уголовной ответственности лиц, впервые совершивших явно малозначительные преступления, которые могли бы стать на путь исправления без применения к ним мер уголовного наказания. В то же время, некоторые органы милиции навязывали коллективам трудящихся и передавали им на поруки особо опасных преступников и лиц, виновных в совершении тяжких преступлений⁴³.

Таким образом, во главу угла перед правоохранительными органами советское руководство и руководство Республики ставило задачи укрепления социалистической законности, соблюдения правопорядка и искоренения преступности, а также причин, которые ее порождали. Указанные задачи требовали от руководства МВД-МООП УССР совершенствования форм и методов борьбы с преступностью.

Координация работы республиканского МВД-МООП УССР в период 1960–1966 гг., осуществлявшаяся в рамках глобальной милицейской реформы, была направлена на усиление борьбы с общеуголовной преступностью, на борьбу с хулиганством, насильственными и имущественными преступлениями; взяточничеством, нарушением правил о валютных операциях, изготовлением и сбытом фальшивых денег и ценных бумаг, преступностью несовершеннолетних, самогеноварением и пьянством, на противо-

⁴² Архив Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики. Ф 13. Оп. 2. Д. 199. Л. 46.

⁴³ Там же. Ф 13. Оп. 2. Д. 203. Л. 39.

действие незаконному обороту оружия, на обеспечение безопасности движения автотранспорта, борьбу с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда, и другими преступлениями. Проводились мероприятия по осуществлению административного надзора за определенной категорией лиц в целях сокращения рецидивной преступности.

Несмотря на всю совокупность проблем, руководством МВД-МООП УССР на протяжении 1960–1966 гг. проводился ряд практических мер, которые положительно влияли на состояние борьбы с преступностью. Успешные результаты в данной сфере были достигнуты благодаря совместным согласованным действиям правоохранительных органов, в первую очередь, органов внутренних дел, прокуратуры и государственной безопасности. С позитивной стороны себя зарекомендовала такая форма взаимодействия органов милиции и прокуратуры, как создание смешанных оперативно-следственных групп для раскрытия наиболее тяжких преступлений. Также на усиление борьбы с преступностью положительно повлияло предоставление права вести предварительное следствие органам охраны общественного порядка.

Список источников

1. Головченко И. (министр охраны общественного порядка УССР) Преступности не место в советском обществе // Советское право. 1967. № 9. С. 3–7.
2. Червоненко Г. А. Организационно-правовое обеспечение административной службы милиции Донбасса во второй половине 60-х – 70-х гг. XX в. // Наука. Религия. Общество. 2004. № 3. С. 94–99.
3. Тевлин Р. (учитель). Надзор органов милиции за лицами освобожденными из мест лишения свободы // Советское право. 1967. № 9 (сентябрь). С. 83–87.
4. Михайленко П. П., Кондратьев Я. Ю. История милиции Украины в документах и материалах. В 3 т. Т. 3. К. : Генеца, 2000.
5. Чернега А. П. Правовое регулирование деятельности органов милиции Украинской ССР в 1956–1985 гг.: дисс. ... канд. юрид. наук. К., 2007.

Информация об авторе

В. К. Грошева — начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. K. Groshevaya — Head of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 20.08.2024.
The article was submitted 29.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 20.08.2024.

6. Рожков А. Координация деятельности суда, прокуратуры и милиции — залог успеха (председатель народного суда Ленинского района г. Днепропетровска) // Советское право. 1968. № 1. С. 67–68.

7. Чауш П. Координация деятельности суда, прокуратуры и милиции — залог успеха (председатель Хмельницкого областного суда) // Советское право. 1968. № 1 (январь). С. 65–66.

8. На службе народа: становление и развитие следственного аппарата органов внутренних дел Украины. К., 2008.

References

1. Golovchenko I. (Minister of Public Order Protection of the Ukrainian SSR) crime has no place in Soviet society. 1967. No. 9. P. 3–7.
2. Chervonenko G. A. organizational and legal support of the Administrative Service of the Militia of Donbass in the second half of the 60s – 70s of the XX century // Science. Religion. Society. 2004. No. 3. P. 94–99.
3. Tevlin R. (teacher). Supervision of police bodies over persons released from places of deprivation of Liberty // Sovetskoe pravo. 1967. No. 9 (September). P. 83–87.
4. Mykhailenko P. P., Kondratiev Ya. Yu. History of the militia of Ukraine in documents and materials. In 3 vols. Vol. 3. K. : Geneza, 2000.
5. Chernega A. P. Legal Regulation of the activity of militia bodies of the Ukrainian SSR in 1956–1985: diss. ... candidate of legal sciences. K., 2007.
6. Rozhkov O. Coordination of the activities of the court, prosecutor's office and militia — the key to success (chairman of the people's Court of the Leninsky District of Dnepropetrovsk) // Sovetskoe pravo. 1968. No. 1. P. 67–68.
7. Chaush P. Coordination of the activities of the court, prosecutor's office and militia — the key to success (chairman of the Khmelnytsky regional court) // Sovetskoe pravo. 1968. No. 1 (January). P. 65–66.
8. In the service of the people: formation and development of the investigative apparatus of internal affairs bodies of Ukraine. K., 2008.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-48-55>

EDN: <https://elibrary.ru/atadin>

ИПОН: 2003-0059-5/24-140

MOSURED: 77/27-003-2024-05-339

Объективные и субъективные признаки незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц

Михаил Михайлович Дайшутов¹, Александр Александрович Чугунов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ m7648260@yandex.ru

² aachugunow@list.ru

Аннотация. Рассматриваются законодательные изменения, которые были внесены в УК и УПК России Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ в части, касающейся особенностей уголовно-правового регулирования незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. Особое внимание уделено юридическому анализу ст. 172.4 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, просроченность, деятельность, возврат, задолженность, субъект, объективная сторона, объект преступления, субъективная сторона

Для цитирования: Дайшутов М. М., Чугунов А. А. Объективные и субъективные признаки незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 48–55. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-48-55>. EDN: ATADIN.

Original article

Objective and subjective signs of illegal implementation of activities to recover overdue debt of individuals

Mikhail M. Dayshutov¹, Alexander A. Chugunov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ m7648260@yandex.ru

² aachugunow@list.ru

Abstract. The legislative changes that were introduced into the Criminal Code and Criminal Procedural Code of Russia by the Federal Law No. 323-FZ dated July 10, 2023 in the part concerning the peculiarities of criminal-legal regulation of illegal activities on the return of overdue debts of individuals are considered. Special attention is paid to the legal analysis of article 172.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, overdue, activity, return, debt, subject, objective side, object of the crime, subjective side

For citation: Dayshutov M. M., Chugunov A. A. Objective and subjective signs of illegal implementation of activities to recover overdue debt of individuals. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):48–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-48-55>. EDN: ATADIN.

Неправомерные действия, совершаемые в целях возврата просроченных задолженностей физических лиц, представляют существенную общественную опасность, однако до июля 2023 г. специальный уголовно-правовой запрет на подобные деяния отсутствовал, и соответствующее преступное поведение квалифицировалось, в зависимости от обстоятельств содеянного, по таким статьям, как, к примеру, 119, 127, 137, 163, 167 УК РФ и др. В свою очередь, Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального ко-

декса Российской Федерации» уголовный закон дополнен ст. 172.4, предусматривающей ответственность именно за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц (что по сути, как отмечают исследователи, к примеру, А. Я. Аснис, следует оценивать не как новеллу, а как законодательную дифференциацию ответственности за иные, уже закрепленные уголовным законом противоправные деяния — в частности, за самоуправство) [5, с. 112]. Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации данное преступление отнесено к подследственности дознава-

© Дайшутов М. М., Чугунов А. А., 2024

телей (по ч. 1 ст. 172.4 УК РФ) и следователей (по ч. 2 и 3 данной статьи) органов внутренних дел Российской Федерации [2].

Анализ сводных статистических сведений о состоянии судимости в России за 2023 г., представленных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствует об отсутствии в настоящее время судебной практики по рассматриваемой норме (очевидно, ввиду ее новизны) [10]. Кроме того, наука уголовного права в настоящее время не изобилует исследованиями, подробно раскрывающими характеристики рассматриваемого преступления, что, на наш взгляд, также не способствует стремлению правоприменителей обращаться к новой норме при даче правовой оценки делинквентному поведению, гипотетически подпадающему под признаки отраженного в ней состава. В этой связи, в целях формирования более обширного теоретического базиса, способствующего снижению временных затрат практических сотрудников при расследовании и рассмотрении изучаемой категории дел, разумным видится комплексный анализ нормы, закрепленной ст. 172.4 УК РФ, предусматривающий раскрытие объективных и субъективных признаков изучаемого деяния.

В первую очередь, обратимся к объекту данного преступления. Опуская общий и родовый объекты, перейдем к определению видовой и непосредственной его разновидностей. Так, совершенно обоснованно, на наш взгляд, законодателем преступление, предусмотренное ст. 172.4 УК РФ, включено в гл. 22 УК РФ, объединяющую противоправные деяния в сфере экономической деятельности. Сама специфика общественных отношений, на которые производится посягательство, предполагает наличие определенной правовой связи экономического характера между сторонами потерпевшего и субъекта, что уже позволяет отграничивать исследуемое преступление от иных (к примеру, от вымогательства, не содержащего указания на наличие между сторонами закрепленных на основании устной или письменной договоренности обязательств; в норме же, закрепленной ст. 172.4 УК РФ, преступное посягательство напрямую связано с наличием подобной договоренности).

Обращаясь к еще более узкой градации, не включенной напрямую в традиционном подходе к классификации объектов (предшествующей уровню непо-

средственного объекта), отметим, что, по нашему мнению, рассматриваемое преступление посягает на общественные отношения в сфере надлежащего исполнения обязательств имущественного характера (т. е. предполагающих наличие правоотношений, в силу которых у должника имеется обязательство совершить в пользу кредитора определенное действие (к примеру, уплатить денежные средства или осуществить передачу имущества) либо воздержаться от его совершения, а у кредитора — право требовать исполнения такого обязательства от должника) [7], а говоря еще конкретнее — срочных обязательств финансового характера.

Затрагивая основной непосредственный объект представленного преступления, ученые-правоведы, к примеру, И. М. Середа и С. А. Ступина, таковым обозначают общественные отношения, определяющие порядок осуществления между субъектами экономики деятельности по возврату просроченной задолженности, отдельно обращая внимание на тот факт, что возникать такая задолженность должна из договорных денежных обязательств [11, с. 373]. Иные исследователи непосредственным объектом называют общественные отношения в области производства на законных основаниях деятельности, направленной на возврат просроченной физическими лицами задолженности [13, с. 52]. А. Я. Аснисом основной непосредственный объект в общем виде рассматривается как «социальная ценность в виде установленного порядка возвращения (погашения) гражданами кредиторской задолженности» [5, с. 116].

На наш взгляд, указанные определения по отдельности не в полной мере отражают основной непосредственный объект рассматриваемого преступления, однако в совокупности позволяют сформулировать ряд значимых характеристик, способствующих генерированию комбинированного определения. Однако, прежде чем представить наше видение последнего, обратим внимание на тот факт, что, как справедливо отмечают И. М. Середа и С. А. Ступина, не любые общественные отношения, возникающие по поводу возврата просроченной задолженности, охраняются рассматриваемой уголовно-правовой нормой: фактически, к таковым следует относить лишь взаимодействия, входящие в предмет регулирования и сферу применения Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятель-

ности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [11, с. 374]. Согласно ст. 1 данного нормативного правового акта, не подпадают под содержание его положений общественные отношения, возникшие:

- ♦ при производстве действий по возврату возникшей в ходе осуществления предпринимательской деятельности (и при этом просроченной) физическим лицом, являющимся индивидуальным предпринимателем, задолженности;

- ♦ между физическими лицами — должником и кредитором — по которым последний с целью возврата задолженности, размер которой не превышает 50 тыс. руб., самостоятельно осуществляет сообразные достижению данной цели действия (и при этом задолженность возникла не в результате цессии — перехода прав кредитора);

- ♦ в связи с взысканием по истечении срока задолженности с физических лиц, если задолженность возникла в сфере законодательства об электроэнергетике, теплоснабжении, водоснабжении, водоотведении и газоснабжении, жилищного законодательства и (или) законодательства, регулирующего отношения в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами [4].

Как следствие, по нашему мнению, основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, являются общественные отношения в сфере надлежащего, регламентированного Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»» (далее — Федеральный закон № 230-ФЗ) порядка возврата просроченной задолженности, возникшей из договорных обязательств, должником по которым является физическое лицо.

Также нельзя не отметить, что для исследуемого состава преступления характерен и дополнительный непосредственный объект. Так, например, А. Я. Аснис в качестве такового рассматривает физическую свободу, здоровье и телесную неприкосновенность, вещные права, а также честь и достоинство должника и его близких [5, с. 116]. Практически идентичная

многообъектная модель юридической конструкции обнаруживается исследователями в составе вымогательства [6, с. 4]. В нем дополнительным объектом, по мнению, к примеру, А. Г. Безверхова, выступают такие права, свободы и законные интересы, как физическая неприкосновенность, физическое и психическое благополучие (здоровье), честь и достоинство личности, его деловая репутация и доброе имя, свобода, неприкосновенность частной и семейной жизни и т. д. [6, с. 5].

Как следствие, поскольку преступное поведение, приведенное в ст. 172.4 УК РФ, сопряжено «с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких», логично заключить, что посягательство на основной непосредственный объект сопряжено с покушением на общественные отношения в сфере охраны прав на жизнь, здоровье человека, его физическую неприкосновенность, собственность, а также честь и достоинство личности. При этом посягательство может производиться не только на один из множества перечисленных, но и на два и более дополнительных объекта. Однако необходимо обратить внимание, что в случаях, когда совершение преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, будет сопряжено с реальным (а не воспроизведенным лишь в виде угроз) причинением вреда обозначенным выше общественным отношениям, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, необходимым будет вменение соответствующего квалифицирующего состава, предусмотренного ч. 2 и 3 рассматриваемой статьи (без дополнительной квалификации по статьям, предусматривающим ответственность, к примеру, за причинение вреда имуществу или здоровью), либо совокупности преступлений (при совершении рассматриваемого деяния, сопряженного, например, с причинением смерти человеку).

Кроме того, обозначим, что потерпевшим в исследуемом нами противоправном деянии может являться, что справедливо отмечается исследователями, как имеющее задолженность (с истекшим сроком ее погашения) физическое лицо, так и близкое ему лицо [13, с. 52], т. е. человек, жизнь, здоровье и благополучие которого имеют ценность для должника ввиду сложившихся между данными людьми межличностных отношений (т. е. использованный в Уголовном

кодексе Российской Федерации термин практически полностью соотносится с аналогичным понятием, закрепленным в п. 3 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [2].

Предметом рассматриваемого преступления, согласно мнению исследователей (например, А. Я. Асниса), следует считать денежные средства в сумме, соответствующей размеру задолженности перед кредитором (при этом относить к предмету имущество в любой другой форме, а равно денежные средства в сумме, превышающей сумму задолженности, по меньшей мере спорно) [5, с. 117]. Мы согласны с указанной позицией, и, развивая отраженное в ней суждение, отметим, что в случае, если субъект совершения рассматриваемого преступления выдвигает требование о передаче не только суммы задолженности, но и неких иных материальных благ (денежных средств, вещей и т. п.), содеянное в этой части следует рассматривать как вымогательство (т. е. именно в той, где предметом выступают любые ценности, отличные от категории «денежных средств в сумме, равной размеру задолженности перед данным кредитором»).

Теперь перейдем к отражению объективной стороны состава преступления, закрепленного ст. 172.4 УК РФ. Первоначально следует отметить, что он является формальным и предполагает обязательное совершение действия, направленного на возврат просроченной физическим лицом задолженности, а также специальный способ его производства. Такие действия могут быть самыми разнообразными: направление письменной корреспонденции различными способами; отправка сообщений по сетям связи общего пользования и (или) страницам сайтов в сети Интернет, в том числе с использованием ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»; телефонные переговоры, как производимые самолично, так и с применением автоматизированного интеллектуального агента («бота»); личные встречи и др.) [4]. Однако необходимо отметить, что не только действия, напрямую указанные в ст. 4 Федерального закона № 230-ФЗ, могут составлять объективную сторону преступления, закрепленного изучаемой статьей. К ним также могут относиться любые противоправные манипуляции, совершаемые для достижения заявленной в диспозиции нормы цели возврата просроченной задолженности.

К способам совершения исследуемого преступления законодатель отнес следующие:

- ♦ выдвигание угрозы применения насилия;
- ♦ выдвигание угрозы уничтожения или повреждения имущества;
- ♦ выдвигание угрозы распространения порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких заведомо ложных сведений;
- ♦ реальное распространение таких сведений [3].

Первые два, из перечисленных, способа практически полностью дублируют те, что закреплены в норме, устанавливающей ответственность за вымогательство. В свою очередь, последние два демонстрируют различия: вымогательство, во-первых, предполагает именно угрозу (фактическое распространение в данном составе уже «вторично» и, по сути, является не играющим роли с точки зрения квалификации следствием воплощения реально выдвинутой угрозы), а во-вторых — деяние, предусмотренное ст. 172.4 УК РФ, предполагает в качестве способа распространение именно заведомо ложных сведений, в то время как способ, сформулированный в норме, посвященной вымогательству, значительно шире, и закрепляет запрет на угрозу распространения любых (в том числе истинных) сведений, которые могут опозорить потерпевших либо причинить иной существенный вред правам или законным интересам таких лиц.

Таким образом, в конструкции способа совершения преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, посвященного угрозе распространения или распространению заведомо ложных сведений, обнаруживается пробел: в случае, если «черные коллекторы» будут угрожать распространением либо реально распространят сведения, не являющиеся заведомо ложными, в их действиях в данной части формально будут отсутствовать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ. В этой связи целесообразным видится корректировка изложения способа совершения деяния путем исключения словосочетания «заведомо ложных», относящегося к характеристике распространяемых сведений.

Момент окончания рассматриваемого деяния исследователи связывают с моментом совершения действия, нацеленного на возврат долга, при его производстве указанными в диспозиции ст. 172.4 УК РФ способами [13, с. 53]. Также ученые-правоведы

(А. Я. Аснис) к указанному моменту добавляют в качестве альтернативного варианта и временную точку, когда сведения, порочащие честь потерпевшего (либо его близких), становятся известными любому иному лицу [5, с. 118]. Мы, обобщая приведенные позиции, полагаем, что моментом окончания надлежит считать время завершения производства действия, направленного на возврат задолженности (независимо от того, каким именно из указанных в диспозиции способов оно совершено).

Переходя к отражению субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, следует первоначально обратиться к его субъекту. Исследователи однозначно сходятся во мнении, что субъект в изучаемом противоправном деянии является специальным. В качестве такового рассматривают вменяемых физических лиц в возрасте от 16 лет и старше, действующих от имени организации-кредитора или в ее интересах [5, с. 119]. При этом в данную категорию также включаются лица, которым переданы права кредитора по договору уступки права; лица, действующие в интересах таких лиц или от их имени; работники организации-кредитора (т. е., согласно абз. 2 ст. 20 Трудового кодекса Российской Федерации, физические лица, вступившие в трудовые отношения с работодателем) [1]. Из указанного следует вывод о том, что если лицо официально не трудоустроено в организации либо, к примеру, между ним и работодателем отношения имеют гражданско-правовой характер, то оно не может выступать субъектом именно в рассматриваемом преступлении.

И. М. Середа и С. А. Ступина справедливо отмечают, что при отсутствии у лица специальных, определенных законодателем в диспозиции нормы, закрепленной ст. 172.4 УК РФ, признаков, истребование им просроченной задолженности, совершенное обозначенными выше способами, уже представляет собой вымогательство [11, с. 374]. Указанную точку зрения разделяет и А. Я. Аснис [5, с. 119].

Говоря о субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, начнем с рассмотрения такого ее признака, как вина, исследователи указывают, что основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы данного преступления характеризуются виной в форме прямого умысла, однако допускается различное (как умышленное, так и неосторожное) отношение к некоторым

последствиям незаконной коллекторской деятельности в ситуациях, когда субъектом для достижения преступного результата используются такие способы, как уничтожение или повреждение имущества, а также применение насилия, опасного для жизни или здоровья (отношение к таким последствиям возможно как умышленное, так и неосторожное) [5, с. 119]. Мы полагаем, что, поскольку рассматриваемый состав является формальным и наступление общественно опасных последствий не является обязательным признаком объективной стороны, необходимость отражения отношения виновного лица к последствиям своих противоправных действий не усматривается. Достаточным представляется установление того факта, что лицо осознавало общественную опасность производимых действий, направленных на возврат просроченной задолженности, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения установленного порядка возврата такого рода задолженности физического лица, а также желало их наступления.

Говоря об уголовно-правовой оценке последствий действий лица, с применением опасного или неопасного для жизни или здоровья потерпевшего насилия, необходимой и логичной видится экстраполяция уже выработанных высшим судебным органом позиций относительно особенностей квалификации действий, сопряженных именно с применением насилия (отраженных, к примеру, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [9] или в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое») [8].

Также для рассматриваемого преступления обязательным признаком субъективной стороны является цель (в то время как эмоциональное состояние лица и мотив совершения деяния не имеют значения при уголовно-правовой оценке). Законодателем при формулировании цели использована конструкция «направленные на возврат просроченной задолженности физических лиц». Однако с учетом определения понятия «цель», представляемого как «мысленная модель будущего результата, к достижению ко-

торого стремится лицо при совершении преступления» [12, с. 129], даже в отсутствие прямого указания на «цель» в формулировке диспозиции нормы логично констатировать ее закрепление как конститутивного признака субъективной стороны в исследуемом преступлении. Как следствие, в случае осуществления кредитором (его представителем) по отношению к должнику — физическому лицу действий, не нацеленных на получение от него денежных средств в сумме, равной размеру просроченной задолженности, его деяние не представляется возможным квалифицировать по ст. 172.4 УК РФ.

Таким образом, в рамках данного исследования нами проанализированы объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ. По нашему мнению, рассматриваемое преступление посягает на общественные отношения в сфере надлежащего исполнения обязательств имущественного характера (т. е. предполагающих наличие правоотношений, в силу которых у должника имеется обязательство совершить в пользу кредитора определенное действие (к примеру, уплатить денежные средства или осуществить передачу имущества) либо воздержаться от его совершения, а у кредитора — право требовать исполнения такого обязательства от должника) [7], а говоря еще конкретнее — срочных обязательств финансового характера. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, являются общественные отношения в сфере надлежащего, регламентированного Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»» порядка возврата просроченной задолженности, возникшей из договорных обязательств, должником по которым является физическое лицо.

Также, поскольку преступное поведение, приведенное в ст. 172.4 УК РФ, сопряжено «с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких», посягательство на основной непосредственный объект сопряжено с покушением на обще-

ственные отношения в сфере охраны прав на жизнь, здоровье человека, его физическую неприкосновенность, собственность, а также честь и достоинство личности (которые будут являться дополнительными объектами). При этом посягательство может производиться не только на один из множества перечисленных, но и на два и более дополнительных объекта.

Потерпевшим в исследуемом противоправном деянии может являться как имеющее задолженность (с истекшим сроком ее погашения) физическое лицо, так и близкое ему лицо. Предметом рассматриваемого преступления следует считать денежные средства в сумме, соответствующей размеру задолженности перед кредитором, и в случае, если субъект совершения рассматриваемого преступления выдвигает требование о передаче не только суммы задолженности, но и неких иных материальных благ (денежных средств, вещей и т.п.), содеянное в этой части следует рассматривать как вымогательство.

Отражая объективную сторону состава преступления, закрепленного ст. 172.4 УК РФ, мы отметили, обязательным его признаками следует считать действие, направленное на возврат просроченной физическим лицом задолженности, а также способ его производства. При этом в конструкции способа совершения преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, посвященного угрозе распространения или распространению заведомо ложных сведений, нами обнаружен пробел: в случае, если «черные коллекторы» будут угрожать распространением либо реально распространяют сведения, не являющиеся заведомо ложными, в их действиях в данной части формально будут отсутствовать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ. В этой связи целесообразным видится корректировка изложения способа совершения деяния путем исключения словосочетания «заведомо ложных», относящегося к характеристике распространяемых сведений.

Моментом окончания преступления, закрепленного ст. 172.4 УК РФ, надлежит считать время завершения производства действия, направленного на возврат задолженности (независимо от того, каким именно из указанных в диспозиции способов оно совершено).

В качестве субъектов данного преступления рассматривают вменяемых физических лиц в возрасте

от 16 лет и старше, действующих от имени организации-кредитора или в ее интересах. Однако если лицо официально не трудоустроено в организации либо, к примеру, между ним и работодателем отношения имеют гражданско-правовой характер, то оно не может выступать субъектом именно в рассматриваемом преступлении.

Деяние характеризуется виной в форме прямого умысла, при этом обязательным является наличие специальной цели возврата просроченной физическим лицом задолженности.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/fa53613fc0baced92ae91e78087fdb41cc69ed88/

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200497/

5. Аснис А. Я. Уголовно-правовая новелла об ответственности за незаконную коллекторскую деятельность // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 7. С. 111–122.

6. Безверхов А. Г. О некоторых вопросах квалификации вымогательства // Уголовное право. 2016. № 2. С. 4–11.

7. Методические рекомендации по оформлению справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (подготовлены Следственным комитетом Российской Федерации, 2021 г.) // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/71629072/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/>

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по

делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 2003. 18 янв.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. 12 дек.

10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690>

11. Середя И. М., Ступина С. А. Вымогательство и незаконные действия при возврате просроченной задолженности физических лиц: соотношение по объекту преступления // В кн. Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: мат. XII междунар. науч.-практ. конф., посвященной 280-летию со дня рождения Г. Р. Державина. Иркутск, 2023. С. 370–377.

12. Уголовное право. Общая часть (опорные конспекты лекций): курс лекций / А. А. Абдульманов и др. М., 2022.

13. Цой Л. В. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. № 2(23). С. 51–53.

References

1. The Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on April 6, 2024) // CL RF. 2002. No. 1 (part 1).

2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ // LRS «ConsultantPlus» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/fa53613fc0baced92ae91e78087fdb41cc69ed88/

3. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 14, 2024) // CL RF. 1996. No. 25. Art. 2954.

4. Federal Law No. 230-FZ dated July 3, 2016 «On the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Individuals in the Implementation of Overdue Debt Repayment Activities and on Amendments to the Federal Law «On Microfinance Activities and Microfinance Organizations» // LRS «ConsultantPlus» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200497/

5. Asnis A. Ya. Criminal law novella on liability for illegal collection activities // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. No. 7. P. 111–122.

6. Bezverkhov A. G. On some issues of qualification of extortion // Criminal law. 2016. No. 2. P. 4–11.

7. Methodological recommendations for the preparation of certificates of income, expenses, property and property obligations (prepared by the Investigative Committee of the Russian Federation, 2021) // LRS «Garant» // URL: <https://base.garant.ru/71629072/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/>

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2002 No. 29 (ed. dated December 15, 2022) «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» // Rossiyskaya Gazeta. 2003. January 18.

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 dated December 4, 2014 «On judicial practice in cases of crimes against se-

xual integrity and sexual freedom of the individual» // Rossiyskaya Gazeta. 2014. December 12.

10. Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2023 // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690>

11. Sereda I. M., Stupina S. A. Extortion and illegal actions in the return of overdue debts of individuals: the ratio of the object of the crime // In the book. Problems of modern legislation in Russia and foreign countries: mat. XII International Scientific and Practical conference dedicated to the 280th anniversary of the birth of G. R. Derzhavin. Irkutsk, 2023. P. 370–377.

12. Criminal law. General part (supporting lecture notes): course of lectures / A. A. Abdulmanov etl. M., 2022.

13. Tsoi L. V. Criminal liability for illegal activities to repay overdue debts of individuals // Scientific notes of the Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 2023. No. 2(23). P. 51–53.

Информация об авторах

М. М. Дайшугов — начальник кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. А. Чугунов — заместитель начальника кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. M. Dayshutov — Head of the Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. A. Chugunov — Deputy Head of the Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-56-60>

EDN: <https://elibrary.ru/bhkbqd>

НИОН: 2003-0059-5/24-141

MOSURED: 77/27-003-2024-05-340

Кадровый вопрос в пенитенциарной системе России XIX в.

Роман Игоревич Иवानяков

Псковский филиал Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний,
Псков, Россия, skspui@gmail.com

Аннотация. Анализируется опыт решения вопроса, связанного с кадровым обеспечением пенитенциарной системы России в дореволюционный период. Отдельное внимание уделяется имевшимся в России результатам подготовки кадров для службы в пенитенциарных учреждениях и преподавания в университетах России курса «Тюрьмоведение».

Ключевые слова: пенитенциарная система России, история уголовно-исполнительной системы, подготовка кадров

Для цитирования: Иवानяков Р. И. Кадровый вопрос в пенитенциарной системе России XIX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 56–60. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-56-60>. EDN: BHKBQD.

Original article

The personnel issue in the penitentiary system of Russia of the XIX century

Roman I. Ivanyakov

Pskov Branch of the Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Pskov, Russia, skspui@gmail.com

Abstract. Analyzed the experience of solving the issue related to staffing of the Russian penitentiary system in the pre-revolutionary period. Special attention is paid to the results of training of personnel for service in penitentiary institutions and teaching the course «Prison Science» in Russian universities.

Keywords: penitentiary system of Russia, history of the penal enforcement system, personnel training

For citation: Ivanyakov R. I. The personnel issue in the penitentiary system of Russia of the XIX century. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):56–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-56-60>. EDN: BHKBQD.

Проблема подготовки квалифицированных кадров и в целом комплектования кадрами правоохранительных органов актуальна не только в настоящее время, эту проблему пытаются решить на протяжении нескольких столетий.

В странах Западной Европы и Северной Америки эту проблему начали активно рассматривать в первой половине XIX в., и данная проблема неоднократно была предметом дискуссий, например, в ходе собраний тюремных деятелей, которые проводились в различных итальянских городах в 40-х гг. XIX в.

В дальнейшем обсуждение различных вопросов тюремного дела стало настолько популярными, что собрания и съезды теоретиков и практиков пенитенциарии приобрели международный статус и с 1846 г. были перенесены во Франкфурт-на-Майне, а затем проводились в различных городах Европы и Северной Америки [7].

Однако следует отметить, что достаточно долгое время эти собрания и съезды носили частный характер и инициатива их проведения исходила от частных лиц, а не от государственных органов; более того, в

их работе долгое время не принимали участия должностные лица официальных государственных органов и, как следствие, те выводы, резолюции и постановления, которые на них принимались, носили исключительно неофициальный, рекомендательный, характер [7]. Лишь в 60–70-х гг. XIX в. подходы к организации работы и проведению этих собраний и съездов начинают меняться. Их организаторы начинают тесное взаимодействие с органами государственной власти государств Западной Европы и Северной Америки, и в последующем в их работе начинают принимать участие представители государственных пенитенциарных структур [11, с. 1].

В ходе работы этих конгрессов начинает уделяться большое внимание решению практических вопросов, в том числе в сфере подготовки кадров.

Кадровый вопрос стал одним из важнейших в ходе международных пенитенциарных конгрессов, которые проходили во второй половине XIX – начале XX в. в разных странах Западной Европы и Северной Америки. С 1872 по 1910 гг. состоялось восемь подобных конгрессов, на каждом из них обсуж-

© Иवानяков Р. И., 2024

дались наиболее актуальные вопросы пенитенциарной теории и практики того времени. В Лондонском конгрессе 1872 г. принимали участие 314 человек, в Стокгольмском 1878 г. — 296, в Римском — 234, в Санкт-Петербургском 1890 г. — 740, в Парижском 1895 г. — 808 человек [7]. В работе этих конгрессов принимали самое активное участие представители отечественной пенитенциарной системы.

Особенно бурные дискуссии по этому вопросу и связанным с ним вопросам развернулись в ходе I Международного пенитенциарного конгресса, который проходил в 1872 г. в Лондоне. Участники этого конгресса уделили самое пристальное внимание формированию органов центральной тюремной администрации, отмечая, что именно от нее зависит качество работы всех тюремных учреждений [1, с. 14].

Во время работы II Международного пенитенциарного конгресса, который проходил 1878 г. в Стокгольме, его участники уже обсудили вопрос о привлечении на службу, в том числе на рядовые должности, достойных кандидатов, а также вопрос о том, каким образом удерживать их в дальнейшем на службе [2, с. 34].

Вопрос о привлечении на службу достойных кандидатов подробно рассматривался во время работы IV Международного пенитенциарного конгресса, который проходил в 1890 г. в Санкт-Петербурге. Кроме того, участники конгресса обсудили вопрос о необходимости приобретения тюремными служащими необходимого образования и вопросы преподавания в университетах дисциплин «Тюремное дело» [3, с. 50–51].

В России проблема обеспечения кадрами пенитенциарных учреждений приобрела особую актуальность во второй половине XIX в. в связи с созданием множества совершенно новых исправительных учреждений.

Данный вопрос рассматривался в ходе различных собраний, съездов и заседаний российских пенитенциарных деятелей, в частности, его неоднократно обсуждали во время заседаний Пенитенциарной комиссии Санкт-Петербургского юридического общества, а также на съездах представителей воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних.

Особенно пристальное внимание вызывал вопрос кадрового обеспечения воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. Отчасти это было вызвано тем, что 5 декабря 1866 г. принимается Закон «Об исправительных приютах и колониях для несовершеннолетних». Значительно позже, в 1909 г., создается Положение о воспитательно-ис-

правительных заведений для несовершеннолетних [10]. Именно в этих документах были предусмотрены требования, которые предъявлялись сотрудникам колоний и приютов для несовершеннолетних [9; 8; 4].

Следует отметить, что в XIX в. должностные лица тюремной администрации традиционно подразделялись на две главные категории: высших и низших; к высшим или руководящим должностям принадлежали директора тюрем, их непосредственные помощники, заменяющие и дополняющие их по отдельным отраслям тюремной службы; к низшим или рядовым должностям относили старших и младших надзирателей, а также различных иных тюремных служащих, выполнявших разные обязанности, например обучение заключенных профессиям и ряд других [12, с. 138–139].

Если обратиться к воспитательно-исправительным приютам и колониям для несовершеннолетних, то необходимо подчеркнуть, что к руководящему составу этих заведений (директорам и начальникам) предъявлялись достаточно простые требования — наличие аттестата на право преподавания, а в случае его отсутствия — документы об окончании высшего или среднего учебного заведения [10].

Что касается рядовых должностей (в официальных документах они именовались низшими должностями), то существовавшее законодательство, регламентирующее деятельность воспитательно-исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних, не регламентировало состав сотрудников указанных колоний и приютов, а также требования, предъявляемые к ним.

Предполагалось, что отсутствующие в нормативных актах положения будут содержаться в локальных актах, регламентирующих деятельность каждого воспитательно-исправительного заведения [6]. Однако анализ уставов воспитательно-исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних, существовавших в этот период времени в России, свидетельствует, что во многих уставах отсутствовали соответствующие разделы, в тех же уставах, где такие разделы имелись, информация была неполной [8].

Уставы большинства колоний и приютов, как правило, предусматривали следующий состав служащих: врач, священник, воспитатели и иные лица, которые необходимы для обеспечения воспитательно-образовательного процесса. К числу таких лиц в различных колониях и приютах могли относить мастеров, «дядек», которые заменяли воспитателей, либо оказывали воспитателям помощь, учителей, наставников [5].

Единственное, в чем сходились теоретики и практики, занимавшиеся организацией деятельности воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, — то, что для этой работы необходимо влияние образованного, глубоко преданного делу человека [4, с. 41–44].

Если рассматривать пенитенциарную систему в целом, то в ходе собраний, съездов и заседаний их участники считали, что в первую очередь необходимо уделять внимание подбору достойных кандидатов на должности руководителей или директоров исправительных учреждений, а также их заместителей и помощников. Руководители должны обладать «надлежащими знаниями и способностью приложения их» [12, с. 140] и солидным общим образованием.

Что же касается специального профессионального образования, то долгое время в этом вопросе не было единого мнения, так как предполагалось, что, во-первых, тюремная деятельность предполагает необходимые юридические знания, а также естественно-исторические и педагогические познания; во-вторых, нередко отмечалось, что предъявление требования о наличии определенного профессионального образования значительно сократило бы число потенциальных кандидатов [12, с. 140].

В то же время членами Комиссии Санкт-Петербургского юридического общества отмечалось, что общее образование желательно было бы дополнить знаниями из области истории и теории наказания в целом и тюремоведения в частности. Кроме теоретической подготовки, необходима также практическая подготовка, которая может быть организована в форме прохождения стажировки в образцовых местах заключения.

В ходе прохождения стажировки более опытные кандидаты на тюремные должности могут привлекаться к исполнению тюремной службы — первоначально для выполнения отдельных поручений, а в последующем — для замещения обязанностей должностных лиц на период их отсутствия.

Таким образом, потенциальные будущие руководители постепенно и под авторитетным руководством получают навык в тюремной деятельности. Причем члены Комиссии отмечали, что было бы желательным, чтобы каждый кандидат прошел при образцовой тюрьме, по возможности, все виды тюремной службы, не исключая службы в качестве старших и младших надзирателей [12, с. 140].

В отношении рядовых сотрудников или низших должностных лиц тюремной администрации отмеча-

лось, что кандидатов на эту службу необходимо достаточно большое количество, с учетом этого к ним должны предъявляться менее жесткие требования. Однако необходимо, чтобы они также обладали необходимыми профессиональными познаниями. Целесообразнее всего было бы создание школ тюремных надзирателей. Опыт организации таких школ существовал в отдельных странах Западной Европы и Северной Америки, и одной из образцовых считалась школа тюремных надзирателей, созданная в Риме.

Однако, учитывая то, что таких школ в России еще не было совсем, а в случае их создания, возможности в организации подготовки и выпуска достаточного для нужд пенитенциарной системы России количества сотрудников было бы недостаточным, то от этой идеи фактически отказались.

В качестве основного требования к кандидатам на замещение должностей низших должностных лиц тюремной администрации было оставлено наличие у них опыта воинской службы. Это требование обосновывалось также тем, что кандидаты, прошедшие воинскую службу, наиболее дисциплинированы, они в наибольшей степени будут склонны к продолжению службы уже в пенитенциарной системе.

Приобретение навыков практической деятельности должно осуществляться в тюрьмах в ходе устройства на службу. Именно при устройстве на службу кандидатам будут даваться пояснения о различных сторонах и потребностях тюремной жизни.

Такая подготовка должна осуществляться под руководством наиболее опытного персонала и, по возможности, как можно ближе к тем местам заключения, где предполагается дальнейшая служба того или иного кандидата.

С учетом этого, приобретение практических навыков должно происходить не в центральных образцовых тюрьмах, а в провинциях, главных городах губерний, откуда после подготовки необходимо отправлять кандидатов на службу в одну из тюрем той же провинции [12, с. 145–146].

В целом при рассмотрении вопроса о пополнении состава служащих в тюремных учреждениях, начиная с должностей директоров и смотрителей и заканчивая рядовым составом, большинство теоретиков пенитенциарной науки и практических деятелей тюремных учреждений сходились во мнении о том, что это возможно при решении следующих проблемных вопросов:

1) определение величины и размера жалования и его периодическое увеличение;

2) предоставление права на более ранний выход на пенсию по сравнению с другими службами;

3) предоставление возможности карьерного роста для сотрудников пенитенциарных учреждений [12, с. 140–146].

По итогам рассмотрения этого вопроса на заседании Комиссии Санкт-Петербургского юридического общества его участники пришли к следующим выводам [12, с. 147]:

1) для интересов тюремного дела необходимо в первую очередь обеспечить соответствующее замещение тюремных должностей;

2) при подборе кандидатов на службу следует четко разграничивать требования, предъявляемые к руководящему составу и рядовым сотрудникам;

3) при рассмотрении кандидатур на руководящие должности нужно подбирать кандидатов, имеющих систематическое общее образование, на должности рядовых сотрудников — лиц, прошедших военную службу низших чинов;

4) подготовка кандидатов на рядовые должности должна включать в себя изучение истории и теории тюремного дела, практическое изучение всех деталей тюремной службы под руководством директоров образцовых тюрем. Прошедшие такую подготовку кандидаты должны вноситься в списки, представляемые руководству Главного тюремного управления для последующего замещения возникающих вакансий, причем прохождение каких-либо конкурсных экзаменов считалось неуместным;

5) подготовка кандидатов на рядовые должности должна осуществляться не путем школьного обучения, а в результате практического прохождения службы под руководством опытных директоров в тех местностях, где предполагается дальнейшая служба сотрудников;

6) необходимо создать надлежащие условия службы, которые будут привлекательны для кандидатов.

Как видим, особое внимание в ходе рассмотрения кадрового вопроса было уделено необходимости организации соответствующей подготовки должностных лиц.

Следует отметить, что в 1873 г. в Санкт-Петербурге была предпринята попытка открыть при юридическом факультете Санкт-Петербургского университета специальный курс тюремного дела. Этот курс с успехом преподавался сначала в Санкт-Петербургском университете, а затем в других российских университетах. Более того, в соответствии с Уставом российских университетов 1884 г., знание тюремного

дела позволяло получить отличную оценку по уголовному праву [12, с. 35–36].

По мнению И. Я. Фойницкого, в ходе изучения тюремного дела необходимо успешно сочетать научное изучение вопросов по применению наказаний и практическое наблюдение фактов тюремной жизни и демонстрацию их студентам.

Однако он отмечал, что наблюдение за фактами тюремной жизни и закрепление изученного материала, практическое изучение тюремного дела и применения наказаний наиболее эффективно в тюремных учреждениях, но это может нарушить порядок тюремной жизни. В связи с этим данную работу необходимо проводить небольшими группами — не более 5–6 человек под руководством преподавателя.

В случае с демонстрацией, по мнению ученого, можно создавать большие по численности учебные группы, но для того чтобы не нарушать тюремный распорядок, демонстрация в тюремных учреждениях необходимо осуществлять в очень редких случаях, не более пяти раз в год; студентов для демонстрации нужно собирать в таких частях тюремных учреждений, где многочисленность учебной группы не будет нарушать тюремный порядок, например, в свободных комнатах канцелярии или в церкви.

При демонстрации тюремной жизни нужно соблюдать ряд требований и правил, и в ходе демонстрации обязательно должен присутствовать сотрудник тюремной администрации, чтобы не допустить неуместных вопросов, оскорбительных отзывов и т. д. [12, с. 35–36].

По мнению большинства ученых-пенитенциаристов и практических тюремных деятелей, для того чтобы привлечь достойные кадры на службу в пенитенциарную систему, необходимо сформировать положительный облик пенитенциарной системы в целом и сотрудников, проходящих в них службу в частности. Только в этом случае служба в пенитенциарных учреждениях будет пользоваться уважением и почетом, а поиск потенциальных кандидатов будет успешным.

Список источников

1. Международный тюремный конгресс в Лондоне // Постановления шести международных тюремных конгрессов и систематический указатель к ним / сост. Ф. А. Малинин. СПб., 1904.
2. II Международный тюремный конгресс в Стокгольме // Постановления шести международных тюремных конгрессов и систематический указатель к ним / сост. Ф. А. Малинин. СПб., 1904.

3. IV Международный тюремный конгресс в Санкт-Петербурге // Постановления шести международных тюремных конгрессов и систематический указатель к ним / сост. Ф. А. Малинин. СПб., 1904.

4. Иवानяков Р. И., Пушилин Р. В., Сайгушев А. А. Исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних в истории Российского государства: моногр. Псков, 2010.

5. Иवानяков Р. И., Васенков М. В. Особенности преступности несовершеннолетних в XIX — начале XX века // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 225–227.

6. Иवानяков Р. И., Смирнова И. Н. Обсуждение проблем исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в ходе международных пенитенциарных конгрессов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 3. С. 26–30.

7. Иवानяков Р. И., Круглова Е. А. Деятельность международных пенитенциарных конгрессов и съездов в XIX — начале XX века // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 1. С. 18–22.

8. Иवानяков Р. И., Пилявец Ю. Г., Пушилин Р. В. Кадровая политика в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в XIX веке // Закон и право. 2020. № 7. С. 41–44.

9. Исполнение уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: от истоков к современности / О. В. Мельникова, Р. И. Иवानяков, Ю. Г. Пилявец, Р. В. Пушилин; под ред. О. В. Мельниковой. Псков, 2023.

10. Пушилин Р. В. Подбор и подготовка кадров приютов и колоний для несовершеннолетних в XIX веке // Вопросы современной науки и практики. 2020. № 2(3). С. 127–131.

11. Таганцев Н. С. Стокгольмский тюремный конгресс. СПб., 1880.

12. Труды Пенитенциарной комиссии Санкт-Петербургского юридического общества / под ред. И. Я. Фойницкого. СПб. : Санкт-Петербургское юридическое общество, 1890.

References

1. International Prison Congress in London // Resolutions of six international prison congresses and a systematic index to them / comp. F. A. Malinin. SPb., 1904.

2. II International Prison Congress in Stockholm // Resolutions of six international prison congresses and a systematic index to them / comp. F. A. Malinin. SPb., 1904.

3. IV International Prison Congress in St. Petersburg // Resolutions of six international prison congresses and a systematic index to them / comp. F. A. Malinin. SPb., 1904.

4. Ivanyakov R. I., Pushilin R. V., Saigushev A. A. Execution of punishments against minors in the history of the Russian state: monograph. Pskov, 2010.

5. Ivanyakov R. I., Vasenkov M. V. Features of juvenile delinquency in the XIX — early XX century // Eurasian Law Journal. 2021. No. 8(159). P. 225–227.

6. Ivanyakov R. I., Smirnova I. N. Discussion of the problems of execution of punishments against minors during international penitentiary congresses // Penal enforcement system: law, economics, management. 2012. No. 3. P. 26–30.

7. Ivanyakov R. I., Kruglova E. A. Activity of international penitentiary congresses and congresses in the XIX — early XX century // Penal enforcement system: law, economics, management. 2015. No. 1. P. 18–22.

8. Ivanyakov R. I., Pilyavets Yu. G., Pushilin R. V. Personnel policy in educational and correctional institutions for minors in the XIX century // Law and law. 2020. No. 7. P. 41–44.

9. Execution of criminal penalties against minors: from the origins to the present / O. V. Melnikova, R. I. Ivanyakov, Yu. G. Pilyavets, R. V. Pushilin; edited by O. V. Melnikova. Pskov, 2023.

10. Pushilin R. V. Selection and training of personnel of shelters and colonies for minors in the XIX century // Issues of modern science and practice. 2020. No. 2(3). P. 127–131.

11. Tagantsev N. S. Stockholm Prison Congress. SPb., 1880.

12. Proceedings of the Penitentiary Commission of the St. Petersburg Law Society / edited by I. Ya. Foynitsky. SPb. : St. Petersburg Law Society, 1890.

Информация об авторе

Р. И. Иवानяков — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

R. I. Ivanyakov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья
УДК 343.3/.7
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-61-68>
EDN: <https://elibrary.ru/azbxmr>

НИОН: 2003-0059-5/24-142
MOSURED: 77/27-003-2024-05-341

К вопросу о квалификации преступлений, предусмотренных ст. 243, 243.1, 243.2 и 243.4 УК РФ, сопряженных с уничтожением или повреждением имущества

Николай Григорьевич Кадников¹, Ульяна Сергеевна Юдина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ krim-pravo@yandex.ru

² yudina.uljana@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются различные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 243, 243.1, 243.2 и 243.4 УК РФ, сопряженных с уничтожением или повреждением имущества. Исследуются объективные и субъективные признаки указанных преступлений. Формулируются критерии ограничения данных преступлений от иных общественно опасных деяний. Анализируются примеры из судебной практики по квалификации рассматриваемых преступлений (ст. 243, 243.1, 243.2 и 243.4 УК РФ) по совокупности с другими преступлениями, в частности, предусмотренными ст. 213, 214 и 282 УК РФ соответственно. Приводятся данные официальной статистики, касающиеся преступлений исследуемой категории. Формулируются предложения по более точной квалификации вышеуказанных преступлений.

Ключевые слова: уничтожение или повреждение имущества, квалификация преступлений, уничтожение или повреждение объектов культурного наследия народов Российской Федерации, уничтожение либо повреждение воинских захоронений, вандализм, хулиганство

Для цитирования: Кадников Н. Г., Юдина У. С. К вопросу о квалификации преступлений, предусмотренных ст. 243, 243.1, 243.2 и 243.4 УК РФ, сопряженных с уничтожением или повреждением имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 61–68. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-61-68>. EDN: AZBXMR.

Original article

On the issue of the qualification of crimes provided for in Articles 243, 243.1, 243.2 and 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation involving the destruction or damage of property

Nikolay G. Kadnikov¹, Ulyana S. Yudina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ krim-pravo@yandex.ru

² yudina.uljana@yandex.ru

Abstract. Various problems of qualification of crimes provided for in Articles 243, 243.1, 243.2 and 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation involving destruction or damage to property are considered. The objective and subjective signs of these crimes are investigated. The criteria for distinguishing these crimes from other socially dangerous acts are formulated. The article analyzes examples from judicial practice on the qualification of the crimes under consideration (Articles 243, 243.1, 243.2 and 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation) in combination with other crimes, in particular, provided for in Articles 213, 214 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, respectively. The data of official statistics concerning crimes of the studied category are presented. Proposals are being formulated for a more precise qualification of the above-mentioned crimes.

Keywords: destruction or damage to property, qualification of crimes, destruction or damage to objects of cultural heritage of the peoples of the Russian Federation, destruction or damage to military graves, vandalism, hooliganism

For citation: Kadnikov N. G., Yudina U. S. On the issue of the qualification of crimes provided for in Articles 243, 243.1, 243.2 and 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation involving the destruction or damage of property. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):61–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-61-68>. EDN: AZBXMR.

Квалификация преступлений представляет собой важный этап уголовно-правовой оценки содеянного, которая оказывает определяющее влияние на все последующие решения по уголовному делу, в частности, и на вынесение судом приговора. Следует со-

гласиться с Н. Г. Кадниковым в том, что точность квалификации означает установление соответствия совершенного общественно опасного деяния признакам состава преступления, закрепленного в Особенной части УК РФ, а также дает возможность прийти

© Кадников Н. Г., Юдина У. С., 2024

к выводу о наличии или отсутствии правового основания для возникновения и реализации уголовной ответственности [10, с. 8–9].

Особое внимание необходимо обратить на преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие охрану общественной нравственности, которые являются важнейшим условием нормальной деятельности общества, всех его граждан. Данные преступления обладают существенной степенью общественной опасности, причиняют вред общественной нравственности, включающей моральные принципы, основанные на общечеловеческих ценностях и устоях (таких как уважение к жизни, доброта, справедливость, честность, ответственность). Кроме того, общественная нравственность связана с уважением исторической памяти (сохранение объектов культурного наследия, воинских захоронений и воинской славы) и этикой поведения в различных сферах общественной жизни, таких как политика, бизнес, право. Справедливо замечание специалистов о том, что отсутствие или нарушение норм общественной нравственности ведет к социальным конфликтам, неприятию других людей и разрушению социальных связей [17].

Однако в науке уголовного права нередко возникают дискуссии по поводу отнесения тех или иных преступлений к числу преступных деяний, посягающих на общественную нравственность, включая предусмотренные ст. 243, 243.1, 243.2 и 243.4 УК РФ [29; 30]. Что касается подвидового объекта составов данных преступлений, то более точной нам представляется мнение, согласно которому объектом подобных преступлений следует признавать общественные отношения, обеспечивающие сохранность объектов культурного и археологического наследия природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей, воинских захоронений, памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России, памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы. Несомненно и то, что дополнительным непосредственным объектом указанных составов преступлений являются отношения собственности, так как в качестве дополнительных последствий указанных деяний предусмотрены уничтожение или повреждение имущества.

Общественная опасность вышеуказанных преступлений состоит в том, что они посягают на куль-

турное и историческое наследие народов Российской Федерации, сохранение которого наряду с защитой культуры и исторической памяти, согласно Стратегии национальной безопасности [27], являются национальными интересами нашего государства. Кроме того, в указанном документе отмечается, что российские культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. В связи с этим защита культуры и исторической памяти необходима в целях укрепления единства народов нашего государства, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития. В частности, общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ (Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия народов РФ, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ, либо выявленных объектов культурного наследия) предполагает утрату памятником как минимум ряда атрибутивных признаков, которые, по мнению В. А. Никулиной, соответствуют признакам, юридически закрепленным в реестре (либо признакам объекта, признанного в установленном порядке выявленным объектом культурного наследия) и подтверждают свидетельство наличия у объекта таких свойств [16, с. 342].

Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ) опасны тем, что в результате указанных действий уничтожается или повреждается культурный слой, содержащий следы существования человека и включающий археологические предметы, время возникновения которых превышает сто лет.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ, предполагает умаление памяти погибших при защите Отечества или его интересов, что является недопустимым.

Ввиду того, что квалификация преступлений оказывает значительное влияние на уголовно-правовую статистику, а именно способствует более точной оценке качественной и количественной сторон преступности, обратимся к данным официальной статистики по поводу распространенности рассматриваемых преступлений.

Преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 243 УК РФ, — «лидеры» статистической отчетности среди рассматриваемых нами пре-

ступлений, так как их совершается наибольшее количество по сравнению с другими. Так, в 2017 г. было зарегистрировано 54 подобных преступления, в 2018 г. — 52, в 2019 г. — 87, в 2020 г. — 102, в 2021 г. — 116, в 2022 г. — 86. Преступлений, предусмотренных ст. 243.1 УК РФ, за аналогичные периоды было зарегистрировано соответственно 9, 5, 6, 8, 12, 13. Несмотря на небольшое количество, отметим, что наблюдается их рост, в отличие от числа преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, которых было зарегистрировано соответственно 5, 8, 18, 29, 19, 13.

Отметим рост преступлений, предусмотренных ст. 243.4 УК РФ. В 2020 г. их было зарегистрировано 3, в 2021 г. — 21, в 2022 г. — 121 преступление [13]. Их небольшая распространенность связана с государственной охраной объектов культурного наследия, обозначенной в ФЗ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» как одной из приоритетных задач органов государственной власти РФ и ее субъектов. Принимаются определенные меры по обеспечению сохранности данных объектов (ст. 36), а также ограничивается движение транспортных средств на их территории (ст. 38) [31].

Кроме того, следует обратить внимание на количество объектов, представляющих культурную ценность. Так, в нашем государстве насчитывается около 200 тыс. объектов культурного наследия федерального и регионального значения, 31 из которых входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [18].

Установление уголовной ответственности за подобные общественно опасные деяния является социально обусловленным, так как противодействие им с помощью иных отраслей законодательства не всегда является оправданным, особенно если это касается угрозы уничтожения или повреждения объектов, взятых государством под охрану.

КоАП РФ содержит нормы, предусматривающие ответственность за совершение менее опасных деяний в отношении объектов культурного наследия, археологических предметов (ст. 7.13, 7.14, 7.14.1, 7.14.2, 7.15, 7.15.1, 7.16). Но этого недостаточно, так как ответственности подлежат в основном юридические лица. Эти нормы оказывают соответствующее влияние на охрану указанных выше объектов и предметов. Однако причинению более существенного вреда в виде уничтожения или повреждения указанных объектов, в частности, данные действия в отношении культурного слоя, как считают многие ученые и практики, можно противодействовать только по-

средством уголовного права. Важно помнить: предмет преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ включает: объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленные объекты культурного наследия, природные комплексы, объекты, взятые под охрану государства, или культурные ценности [12, с. 768–769].

Однако специфика составов административных правонарушений и указанных преступлений в данной сфере, бланкетность их диспозиций, неточность в указании размера ущерба при уничтожении и повреждении имущества, позволяет сделать вывод о проблемах, возникающих при квалификации указанных преступлений. Существующего на сегодняшний день судебного толкования недостаточно: Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержит лишь некоторые моменты. Если при уничтожении или повреждении памятников истории и культуры лицо наносит на них надписи соответствующего содержания, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 243 УК РФ и 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) [20, п. 11].

Важную роль играют цели и мотивы преступления. Так, в апреле 2023 г. аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого Г. облил горючей жидкостью две колонны фасада здания СПб ГБУ «Историко-литературный музей г. Пушкина», после чего поджег их. Изначально действия Г. были квалифицированы по ч. 2 ст. 213 УК РФ, тогда как Пушкинский районный суд Санкт-Петербурга переквалифицировал их на ч. 1 ст. 213 УК РФ [1]. Однако здание, в котором расположен музей — Управление городское с оградой и воротами — включено в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, находящихся в г. Санкт-Петербурге (утв. постановлением Правительства РФ от 10 июля 2001 г. № 527) [21].

Учитывая вышесказанное, действия Г. надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 243 УК РФ или ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 243 УК РФ в зависимости от наличия повреждений и ч. 1 ст. 213 УК РФ при установлении умысла на совершение хулиганства.

При рассмотрении действий, связанных с уничтожением или повреждением культурных ценностей, следует разграничивать составы преступлений, предусмотренные ст. 167 и 243 УК РФ [33, с. 133]. Последние соотносятся как общая и специальная, что исключает квалификацию по их совокупности. Также необходимо помнить об отличии их объективных признаков, в том числе и предметов посягательства.

По мнению Р. Б. Осокина, размер ущерба, причиненного преступлением, предусмотренным ст. 243 УК РФ, не влияет на квалификацию деяния по причине специфики предмета [19, с. 201]. Одной из проблем квалификации рассматриваемого преступления является совершение его лицом, которое, имея умысел на уничтожение или повреждение чужого имущества, совершает преступные действия в отношении объектов культурного наследия. При таких обстоятельствах налицо ошибка в предмете преступного посягательства [10, с. 37; 28, с. 145–149]. К примеру, если на объекте отсутствовала информация о его принадлежности к объектам культурного наследия, или же в момент совершения преступления было темное время суток, что помешало лицу определить вид объекта. На наш взгляд, налицо квалификация по ст. 167 УК РФ. Однако если лицо было осведомлено о специфике предмета преступления, то требуется квалификация по ст. 243 УК РФ. По указанной статье надлежит квалифицировать и действия лица, которое в процессе совершения преступления заметило указатель с информацией о том, что предметом преступления является именно объект культурного наследия, однако при этом продолжило осуществлять свой преступный умысел [14, с. 10].

Интересный с практической точки зрения случай произошел в декабре 2021 г. в Ельцин-центре. Охранник центра В. нарисовал шариковой ручкой глаза на картине ученицы художника Казимира Малевича Анны Лепорской «Три фигуры», стоимостью 75 млн руб. При этом В. сообщил, что принял полотно за детский рисунок, а дорисовать глаза его попросили подростки [25]. В УМВД по Екатеринбургу отказались возбуждать уголовное дело ввиду незначительности ущерба. В этой связи министерство культуры РФ направило жалобу в Генпрокуратуру с просьбой отменить отказ в возбуждении дела, а также переqualифицировать действия В. со ст. 167 УК РФ на ст. 243 УК РФ [2]. Суд первой инстанции признал мужчину виновным в вандализме, тогда как суд апелляционной инстанции решил, что приведенные в предыдущем приговоре доказательства не позволяют сделать

безусловный вывод, что охранник совершил акт вандализма с прямым умыслом, кроме того, он учел мнение приглашенного на заседание эксперта о том, что действия подсудимого могут считаться только нанесением ущерба, а не обезображиванием картины. При этом стоимость реставрации картины составила 250 тыс. руб., однако суд оправдал В. [26].

По нашему мнению, квалификация по ч. 1 ст. 214 УК РФ возможна, если умысел лица направлен конкретно на порчу имущества в общественном месте [15]. Достаточно интересная ситуация, так как было доказано отсутствие умысла у лица на совершение преступного деяния, однако, налицо повреждение картины, и если подобные дела рассматривать исключительно в рамках гражданского судопроизводства, то, на наш взгляд, количество подобных деяний может увеличиться.

Возникает вопрос о квалификации деяний исследуемой категории по неосторожности. Преступление, предусмотренное ст. 243.1 УК РФ, совершается только по неосторожности, тогда как преступления, предусмотренные ст. 243 и 243.2 УК РФ, на наш взгляд, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности.

Не исключено невиновное нанесение вреда указанным объектам уголовно-правовой охраны. Например, нередко несовершеннолетние задевают экспонаты в музеях, например, при попытке сделать фото. Так, например, в июле 2020 г. в музее «Царское Село» г. Санкт-Петербурга ребенок случайно повредил «Бюст умирающего гиганта». В результате на скульптуре XVIII в. образовались сколы и трещины, а родителям потерпевшего необходимо было выплатить компенсацию [3]. Ранее скульптура упала на десятилетнего мальчика в музее-мастерской Зураба Церетели во время попытки сделать фото на ее фоне. Скульптура оказалась не закреплена, и в результате ее падения несовершеннолетний получил перелом одного пальца руки и повредил другой [24]. Однако подобные случаи происходят и с достигшими 16-летнего возраста [11].

На наш взгляд, уголовная ответственность возможна исключительно при уничтожении или повреждении культурных объектов в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Так, например, 11 мая 2022 г. житель Канска, находясь с девушкой в старом двухэтажном доме, который являлся объектом культурного наследия, после распития спиртных напитков уснул с непотушенной сигаретой. От искры вспых-

нула сухая ветошь, вследствие чего произошел пожар. Действия лица были квалифицированы по ст. 168 УК РФ [6]. Полагаем, данная квалификация ошибочна, несмотря на то, что суд учел в первую очередь, способ — неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности. Однако следует особое внимание обратить на особенности предмета преступления — объекта культурного наследия. В этой связи правильной представляется квалификация по ст. 243 УК РФ с учетом неосторожной формы вины.

Вместе с тем в теории уголовного права есть предложения о дополнении ст. 168 УК РФ квалифицирующим признаком, подчеркивающим особую значимость предмета преступления. Так, по мнению Э. М. Гильманова, необходимо выделить следующий квалифицирующий признак уничтожения или повреждения имущества по неосторожности: совершение данных действий в отношении культурных ценностей или объектов культурного наследия [9, с. 50]. Полагаем, что данное предложение заслуживает внимания, но требует дополнительных аргументов с учетом судебной практики.

Особой спецификой отличается состав преступления, предусмотренный ст. 243.4, которая введена в УК РФ ФЗ от 7 апреля 2020 г. № 112-ФЗ [32]. В Пояснительной записке определен предмет преступления: расположенные на территории нашего государства или за ее пределами воинские захоронения, памятники, увековечивающие память погибших при защите Отечества или его интересов, и др. [22]. Однако до настоящего времени возникают вопросы при квалификации подобных деяний. Как представляется, субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла: действия направлены на достижение сугубо противопublicной цели — причинение ущерба историко-культурному значению объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России, памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы.

Поэтому мы не согласны с мнением тех специалистов [23, с. 101], которые полагают, что указанное преступное деяние может быть совершено и с прямым, и с косвенным умыслом.

Характерен следующий пример. Житель Нолинского района, находясь на территории мемориального комплекса, посвященного воинам, погибшим

в годы Великой Отечественной войны, расположенного около здания администрации муниципального образования «Кырчанское сельское поселение», обломками кирпича умышленно повредил три мемориальные гранитные доски. Совершенно справедливо данное лицо было признано виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 243.4 УК РФ [7].

За совершение аналогичного преступления был осужден А. К., который подошел к расположенному в г. Куровское Орехово-Зуевского городского округа Московской области мемориальному комплексу «Памяти погибшим воинам-Куровчанам» и, взяв памятный венок, находящийся возле Вечного огня, положил его на открытый огонь мемориала. В результате произошло возгорание и последующее разрушение основания под газовую горелку Вечного огня, была повреждена декоративная звезда, сгорела ритуальная композиция в виде памятного венка. Противоправными действиями А. К. муниципальному учреждению был причинен ущерб на сумму более 680 тыс. руб. [5]. На наш взгляд, при назначении наказания судам следует обращать внимание на причиненный ущерб.

Подобные деяния совершаются зачастую группой лиц или группой лиц по предварительному сговору. Так, в г. Исикуль Омской области трое мужчин умышленно подожгли два пластиковых венка на мемориальном комплексе «Памятник землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945», в результате чего были повреждены мемориальные плиты. Совершенно справедливо они были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «б» ч. 2 ст. 243.4 УК РФ [4]. Аналогично были квалифицированы действия неизвестных лиц, отпиливших голову коня, на котором восседает маршал Рокоссовский, на горельефе «Парад Победы в Москве 24 июня 1945 г. на Манежной площади в Москве» [8], что совершенно справедливо, если будет установлено, что злоумышленники действовали группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Важно четко представлять себе критерии отграничения подобных преступлений от иных общественно опасных деяний. Во-первых, следует уточнить объект и предмет преступления (посягательство связано с уничтожением или повреждением указанных в данной статье материальных предметов, имеющих особое значение). Во-вторых, местом совершения преступления законодателем определена не только территория

РФ, но и территория за ее пределами. В-третьих, определяющее значение имеет субъективная сторона преступления, включающая вину в форме прямого умысла и цель, которая определяет поведение виновного: желание причинить вред именно историко-культурному значению таких объектов.

Если указанные в статье объекты охраны подвергаются преступному воздействию без указанной в законе цели, то возможна иная квалификация. По мнению ряда специалистов, осквернение, сопряженное с повреждением или уничтожением предмета преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 214 и 243.4 УК РФ [14, с. 142]. По нашему мнению, для правильной уголовно-правовой оценки подобных общественно-опасных деяний необходимо судебное толкование, соответствующее современным реалиям.

Список источников

1. Аспирант Политехнического университета получил 3 года условно за поджог музея // *Коммерсантъ* // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6323495>
2. В Ельцин-центре вандал испортил картину ученицы Малевича стоимостью 75 млн руб. // *Коммерсантъ* // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5159121>
3. В музее «Царское Село» ребенок повредил «Бюст умирающего гиганта» // *Говорит Москва* // URL: <https://govoritmoskva.ru/news/241005/>
4. В Омской области вынесен приговор... // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Омской области // URL: <https://omsk.sledcom.ru/news/item/1736984/>
5. В Орехово-Зуево вынесен приговор... // Генеральная прокуратура Российской Федерации // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/mass-media/news?item=76501523
6. Влюбленный житель Канска случайно поджег памятник архитектуры // *Российская газета* // URL: <https://rg.ru/2022/05/12/reg-sibfo/vliublennyj-zhitel-kan-ska-sluchajno-podzheg-pamiatnik-arhitektury.html>
7. Вынесен приговор жителю Нолинского района за повреждение мемориального сооружения // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области // URL: <https://kirov.sledcom.ru/news/item/1758062/>
8. Дело возбудили после повреждения горельефа... // URL: <https://news.rambler.ru/incidents/51939110-delo-vozbudili-posle-povrezhdeniya-gorelefa-pa-rad-pobedy-na-manezhnoy-ploschadi-v-moskve/>
9. Гильманов Э. М. Некоторые вопросы уголовной ответственности за повреждение или уничтожение объектов культурного наследия // *OeconomicaeJus*. 2019. № 1. С. 47–55.
10. Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М., 2019.
11. Картина Дали в галерее «Главный проспект» была повреждена по неосторожности // *Коммерсантъ* // URL: <https://www.kommersant.ru/gallery/3787829>
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2019.
13. Единый отчет о преступности (Форма 1-Г) за 2020–2022 гг. / По данным ГИАЦ МВД России.
14. Налимов Ю. Д. Вандализм: дифференциация уголовной ответственности и квалификация: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
15. Налимов Ю. Д. Общественное место как конструктивный признак объективной стороны вандализма // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2020. Т. 11. № 3(41). С. 297–301.
16. Никулина В. А. Особенности объекта и предмета преступления, предусмотренного статьей 243.1 УК РФ // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2022. № 3(50). С. 340–352.
17. Общественная нравственность: значение, понятие, роль // *На яблоне* // URL: <https://nayablonе.ru/raznoe/obshhestvennaya-nravstvennost-znachenie-ponyatie-rol>
18. Объекты культурного наследия пересчитали // *РИА «Победа РФ»* // URL: <https://pobedarf.ru/2023/04/19/obekty-kulturnogo-naslediya-pereschitali/>
19. Осокин Р. Б. Объективные признаки состава уничтожения или повреждения культурных ценностей // *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. № 9(43). С. 196–202.
20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Правительства РФ от 10 июля 2001 г. № 527 «О перечне объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, находящихся в г. Санкт-Петербурге» // URL: https://base.garant.ru/1586044/#block_1000
22. Пояснительная записка «О внесении изменений в Уголовный кодекс российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/917030-7>

23. Селиверстов Н. О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2(90). С. 99–103.

24. Скульптура из музея Зураба Церетели упала на ребенка // Известия // URL: <https://iz.ru/647175/2017-09-18/skulptura-iz-muzeia-zuraba-tsereteli-upala-na-rebenka>

25. Суд оправдал нарисовавшего глаза на картине экс-охранника Ельцин-центра // РБК // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/637726419a794786c86690e4?from=copy>

26. Суд оправдал охранника Ельцин-центра по делу о порче картины ученицы Малевича // Коммерсантъ // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5669995>

27. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

28. Уголовное право. Общая часть: учебник / [А. А. Абдульманов и др.]; под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

29. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова и Ю. А. Красикова. М. : Норма ; Инфра-М, 2000.

30. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. М., 1999.

31. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

32. Федеральный закон от 7 апреля 2020 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

33. Юдина У. С. Дифференциация уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

References

1. Graduate student of the Polytechnic University received 3 years probation for arson of the museum // Kommersant // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6323495>

2. In the Yeltsin Center a vandal ruined a painting of Malevich's student worth 75 million rubles // Kommersant // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5159121>

3. In the Tsarskoye Selo Museum a child damaged the «Bust of a dying giant» // Moscow Speaks // URL: <https://govoritmoskva.ru/news/241005/>

4. Verdict was passed in the Omsk region... // Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Omsk region // URL: <https://omsk.sledcom.ru/news/item/1736984/>

5. Verdict was passed in Orekhovo-Zuyevo... // Prosecutor General's Office of the Russian Federation // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/mass-media/news?item=76501523

6. Loving resident of Kansk accidentally set fire to an architectural monument // Rossiyskaya Gazeta // URL: <https://rg.ru/2022/05/12/reg-sibfo/vliublennyj-zhitel-kanska-sluchajno-podzheg-pamiatnik-arhitektury.html>

7. Sentence was passed to a resident of the Nolinsky district for damage to a memorial structure // Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Kirov region // URL: <https://kirov.sledcom.ru/news/item/1758062/>

8. The case was initiated after damage to the high relief... // URL: <https://news.rambler.ru/incidents/51939110-delo-vozbudili-posle-povrezhdeniya-gorelefa-parad-pobedy-na-manezhnoy-ploschadi-v-moskve/>

9. Gilmanov E. M. Some issues of criminal liability for damage or destruction of cultural heritage objects // OeconomiaetJus. 2019. No. 1. P. 47–55.

10. Kadnikov N. G. Qualification of crimes and issues of judicial interpretation. M., 2019.

11. Dali's painting in the Main Avenue gallery was damaged by negligence // Kommersant // URL: <https://www.kommersant.ru/gallery/3787829>

12. Comment to The Criminal Code of the Russian Federation. 6th ed., reprint. and additional / edited by N. G. Kadnikov. M. : Jurisprudence, 2019.

13. Unified Crime Report (Form 1-D) for 2020-2022 // According to the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

14. Nalimov Yu. D. Vandalism: differentiation of criminal liability and qualification: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2022.

15. Nalimov Yu. D. Public place as a constructive sign of the objective side of vandalism // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. Vol. 11. No. 3(41). P. 297–301.

16. Nikulina V. A. Features of the object and subject of the crime provided for in Article 243.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2022. No. 3(50). P. 340–352.

17. Public morality: meaning, concept, role // On the apple tree // URL: <https://nayablone.ru/raznoe/obshestvennaya-nravstvennost-znachenie-ponyatie-rol>
18. Objects of cultural heritage have been recalculated // RIA «Pobeda RF» // URL: <https://pobedarf.ru/2023/04/19/obekty-kulturnogo-naslediya-pereschitali/>
19. Osokin R. B. Objective signs of the composition of destruction or damage to cultural values // Socio-economic phenomena and processes. 2012. No. 9(43). P. 196–202.
20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 No. 11 (ed. dated October 28, 2021) «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes» // LRS «ConsultantPlus».
21. Resolution of the Government of the Russian Federation dated July 10, 2001 No. 527 «On the list of objects of historical and cultural heritage cultural heritage of federal (all-Russian) significance located in St. Petersburg» // URL: https://base.garant.ru/1586044/#block_1000
22. Explanatory note «On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/917030-7>
23. Seliverstov N. O. Problems of differentiation of Articles 243 and 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2(90). P. 99–103.
24. Sculpture from the Zurab Tsereteli Museum fell on a child // Izvestia // URL: <https://iz.ru/647175/2017-09-18/skulptura-iz-muzeia-zuraba-tsereteli-upala-na-rebenka>
25. The court acquitted the ex-Yeltsin Center guard who painted the eyes in the painting // RBC // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/637726419a794786c86690e4?from=copy>
26. The court acquitted the Yeltsin Center guard in the case of the damage to the painting of Malevich's pupil // Kommersant // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5669995>
27. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
28. Criminal law. General part: textbook / [A. A. Abdulmanov et al.]; edited by N. G. Kadnikov. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2023.
29. Criminal law of Russia. Special part / edited by A. N. Ignatov and Yu. A. Krasikov. M. : Norm ; Infra-M., 2000.
30. Criminal law. The Part Is Common. A special part: textbook / under the general editorship of L. D. Gaukhman, L. M. Kolodkin, S. V. Maksimov. M., 1999.
31. Federal Law No. 73-FZ of June 25, 2002 (as amended on July 24, 2023) «On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation» (with amendments and additions, introduction. effective from September 1, 2023) // LRS «ConsultantPlus».
32. Federal Law No. 112-FZ of April 7, 2020 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
33. Yudina U. S. Differentiation of criminal liability for destruction or damage to other people's property: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2022.

Информация об авторах

Н. Г. Кадников — профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ;

У. С. Юдина — преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. G. Kadnikov — Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation;

U. S. Yudina — Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024. The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-69-74>

EDN: <https://elibrary.ru/elyoqx>

ИПОН: 2003-0059-5/24-143

MOSURED: 77/27-003-2024-05-342

К вопросу о виктимологической профилактике преступлений, совершаемых на объектах Московского метрополитена

Игорь Владимирович Калашников¹, Юлия Анатольевна Страунинг²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kalashnikov.major.ru@mail.ru

² sohmet07@mail.ru

Аннотация. Исследуются особенности преступности на Московском метрополитене, характеризующие безопасность пассажиров. По результатам проведенного анализа делается вывод о необходимости совершенствования и введения новых форм и методов профилактики преступлений и о том, что резервом в профилактике преступлений является организация системной работы по обеспечению защиты пассажиров за счет активизации их личного участия.

Ключевые слова: преступность, предупреждение, виктимологическая профилактика, безопасность пассажиров, метрополитен

Для цитирования: Калашников И. В., Страунинг Ю. А. К вопросу о виктимологической профилактике преступлений, совершаемых на объектах Московского метрополитена // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 69–74. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-69-74>. EDN: ELYOQX.

Original article

On the issue of victimological prevention of crimes committed at Moscow Metro facilities

Igor V. Kalashnikov¹, Yulia A. Strauning²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kalashnikov.major.ru@mail.ru

² sohmet07@mail.ru

Abstract. The peculiarities of crime on the Moscow Metro, characterizing the safety of passengers, are studied. Based on the results of the analysis, the conclusion is made about the need to improve and introduce new forms and methods of crime prevention, as well as that the reserve in crime prevention is the organization of systematic work to ensure the protection of passengers through the activation of their personal participation.

Keywords: crime, prevention, victimological prevention, passenger safety, metro

For citation: Kalashnikov I. V., Strauning Yu. A. On the issue of victimological prevention of crimes committed at Moscow Metro facilities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):69–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-69-74>. EDN: ELYOQX.

Современное состояние криминогенной ситуации в России характеризуется неблагоприятными количественными и качественными показателями. В 2023 г. отмечено возрастание числа зарегистрированных преступлений в 40 регионах страны. Из-за преступных действий погибла 21,0 тыс. человек, а 32,4 тыс. человек получили серьезные увечья. Ущерб от преступлений составил 587,6 млрд руб., удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений среди зарегистрированных вырос с 27,3 % в 2022 г. до 30,3 %.

По мнению экспертов, в ближайшее время эта тенденция продолжится из-за объективных факто-

ров, главным образом связанных с кризисами в экономике и социальной сфере, что существенно влияет на криминогенную обстановку как на уровне страны, так и в отдельных регионах и крупных городах. Особое значение придается Москве как столице и центру экономической, политической и общественной жизни, где необходимо особое внимание уделять поддержанию общественного порядка и правопорядку. Центральная роль в этом процессе отведена защите граждан от преступных действий.

На расширенной коллегии МВД России 2 апреля 2024 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин

© Калашников И. В., Страунинг Ю. А., 2024

акцентировал внимание на основных приоритетах: поддержание общественного порядка, борьба с экстремизмом, противодействие незаконной миграции, работа участковых служб, а также действия МВД по борьбе с организованной преступностью и профилактике правонарушений. Министр внутренних дел В. А. Колокольцев добавил, что одной из ключевых задач министерства является профилактика преступлений для защиты прав и законных интересов граждан и снижения уровня преступности.

В этой связи необходимо отметить, что оценка состояния преступности остается одной из дискуссионных в криминологии. На практике нередко между оценкой состояния преступности и эффективностью деятельности ОВД, прежде всего, по профилактике и раскрытию преступлений, ставится знак равенства, побуждая, в первую очередь, добиваться низких показателей в состоянии преступности.

Социологические опросы, криминальная статистика и количество обращений и жалоб граждан показывают, что текущие меры профилактики преступлений не обеспечивают достаточный уровень защиты от преступлений. Это особенно актуально для общественных мест с высоким числом людей, где увеличиваются криминальные риски.

К такого рода объектам относится Московский метрополитен, который является крупнейшим городским транспортным оператором, а также держит пальму первенства в мире по количеству пассажиров за день, который в среднем достигает 7 млн человек. По данным метрополитена в 2023 г. пассажиропоток составил 2 102 649 338 человек, что значительно больше, чем в 2022 г. — 2 018 893 285 пассажиров, с увеличением на 83 756 053 или на 4,1 %.

В настоящее время Московский метрополитен включает в себя 14 линий, монорельсовую дорогу и МЦК. Под контролем полицейских подразделений на ММ находятся 270 станций (не включая монорельс и МЦК), где 110 станций пересадочные, 41 близка к крупным транспортным узлам, включая железнодорожные вокзалы, из которых 22 расположены на МЦК. 52 станции метро связаны с массовыми мероприятиями, из них 12 находятся поблизости от крупных спортивных комплексов, а на 23 станциях есть подземные переходы, которые обслуживаются городскими службами.

Московский метрополитен активно расширяется, ежегодно вводятся в эксплуатацию новые станции,

депо и даже целые линии. Кроме того, Московское центральное кольцо и Московские центральные диаметры работают на полную мощность. С учетом центральных диаметров, метрополитеновская сеть насчитывает около 1000 км путей; совсем недавно было вдвое меньше.

Принимаемые меры по развитию метрополитена — это острая необходимость, поскольку численность перевозимых им пассажиров находится на пределе технических возможностей и сдерживается только за счет введения новых станций, пересадочных узлов и других технических нововведений. Расчетная численность перевозок до недавнего времени составляла 7 млн пассажиров, а фактически метро перевозит более 9 млн пассажиров в сутки. Поэтому это нельзя не учитывать в правоохранительной деятельности. В последнее время в метро растет число экстремальных ситуаций, психологические и физиологические нагрузки на персонал подземки, сотрудников полиции, которые работают к тому же в условиях искусственного освещения, недостатка кислорода, в среде с повышенным шумом, содержанием влаги и пыли в воздухе.

Проводимые на метрополитене мониторинги свидетельствуют, что по рабочим дням пассажиропоток в нем увеличивается, а по выходным — уменьшается. Утренние и вечерние пиковые периоды по рабочим дням приходятся соответственно с 7 до 10 часов и с 16 до 19 часов. Увеличение числа поездок отмечается и по временам года. Первый «пик» приходится на конец зимы — начало весны. Летом, когда большинство москвичей отдыхает и проживает за городом, количество пассажиров вновь существенно уменьшается, особенно в июле и августе. На изменения интенсивности пассажиропотоков влияют также проблемы, возникающие при сокращении перевозок наземным транспортом из-за погодных условий и по другим причинам. В метрополитене наиболее перегружены 5 из 13 линий — Таганско-Краснопресненская, Замоскворецкая, Серпуховско-Тимирязевская, Люблинская и Калининская (до полутора раз). Особенно сильно перегружены станции Комсомольская, Выхино, Юго-западная, Новогиреево, ВДНХ, Кузьминки, Речной вокзал, Тушинская, Щелковская и Китай-город, через которые проходит до 150 тыс. человек в сутки. Поскольку между интенсивностью пассажиропотоков и состоянием преступности есть взаимосвязь, эти же линии и станции «отличаются» повышенным криминалом.

Столь сложное транспортное хозяйство обслуживает около 40 тыс. квалифицированных специалистов (без учета численности органов внутренних дел), действия которых подчинены строгому выполнению инструкций и предписаний в круглосуточном режиме и в части криминальной безопасности в соответствии с ФЗ «О транспортной безопасности».

Для обеспечения законности, правопорядка и безопасности на Московском метрополитене образованы прокуратура, структурно входящая в Прокуратуру г. Москвы, Управление внутренних дел ГУ МВД России по г. Москве на правах окружного управления, в составе которого подразделения уголовного розыска, борьбы с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, охраны общественного порядка, девять отделов полиции, работающих на кольцевой и радиальных линиях, полк полиции по сопровождению электропоездов, другие службы.

Таким образом, Московский метрополитен можно охарактеризовать как сложный многофункциональный и всепогодный транспортный объект или транспортный «конвейер», выполняющий в условиях миграционной и деловой активности населения одну из основных городских функций — перевозку пассажиров. Метрополитен, во многом определяющий социальный облик города в целом, его общественную и культурную жизнь как столицы Российской Федерации, в тоже время является объектом повышенной опасности, криминального притяжения для определенной категории лиц, что требует значительных усилий в предупреждении преступлений и обеспечении безопасности пассажиров.

Что касается безопасности на Московском метрополитене (ММ), с 2019 по 2023 гг. произошло значительное снижение уровня преступности на 18,6 %. Уровень раскрываемости преступлений на ММ составил 33,7 %, что подтверждает эффективную защиту пассажиров. Использование государственной автоматизированной информационной системы «Сфера» в 2023 г. позволило УВД на ММ ГУ МВД России по г. Москве идентифицировать 2923 человека, находившихся в розыске, задержано 2530 лиц за преступления и установить местонахождение 393 пропавших без вести. В ходе отработки информации о совершенных преступлениях идентифицировано и задержано 592 лица, причастных к совершению общественно опасных деяний [1].

Современные процессы реальной жизни г. Москвы требуют поиска и приведения новых резервов профилактики преступлений и нарушений общественного порядка, на которые влияют следующие факторы:

- ♦ социально-экономическая напряженность в обществе, связанная с кризисными процессами в стране и мире;
- ♦ неблагоприятные тенденции в криминологической обстановки;
- ♦ оптимизация структуры и численности правоохранительных органов и сокращение их финансирования;
- ♦ увеличение линий и числа станций метрополитена.

Особенно необходимость усиления безопасности пассажиров связана с расширением числа объектов метрополитена, открытия новых станций и пересадочных узлов, вводом Московского центрального кольца как части городской транспортной системы. Немаловажен и тот факт, что при общем сокращении преступности отмечается увеличение заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях от пассажиров, что можно расценивать как необходимость наращивания системы мер защиты пассажиров метро от противоправных посягательств.

В этой связи необходимо отметить особенности преступности на ММ в сравнении с общей ситуацией в г. Москве. По данным Управления внутренних дел на ММ, в 2023 г. количество зарегистрированных преступлений сократилось на 9,7 %, до 1624 преступлений, что на 175 меньше по сравнению с предыдущим периодом. В общем, по городу снижение составило 3 %. Уровень раскрываемости увеличился на 18 % и составил 64,3 %, что на 29,9 % выше, чем по городу (там он 34,4 %). Число приостановленных уголовных дел снизилось на 32 %, до 617 (-291), тогда как по городу это снижение составило 8,2% [1].

В общественных местах за отчетный период произошло 899 преступлений (-330; -26 %), из которых 674 успешно расследованы (+61). Уровень раскрываемости составил 69,5% (+17,7%). В г. Москве в целом регистрация снизилась на 26,5 % (35,633; -12,860), с раскрываемостью 36,7 % (+3,1 %).

Анализируя структуру преступности в ММ, необходимо учесть, что метрополитен является основным транспортным предприятием, не только осуществляющим перевозку пассажиров, но и имеющим на

своей территории павильоны по продаже товаров повседневного спроса и печатной продукции, банкоматы, офисы финансово-кредитных организаций. Этим обусловлен тот факт, что в общем массиве преступлений, совершаемых в метро, преобладают преступления против собственности — 52,8 % или 858 преступлений.

Структура преступности по итогам 2023 г. выглядит следующим образом: 35 % кражи (570; -339); 17,2 % преступления в сфере НОН (280; +141); 15,2 % мошенничества общеуголовной направленности (248; +29); 4,8 % заведомо ложные сообщения об акте терроризма (79; -51); 4,4 % побои (72; +10); 2,2 % грабежи (37; -2); 1,2 % хулиганства (19; +5); 1,2 % хранение оружия (19; -1). Не допущено разбойных нападений.

Основную долю зарегистрированных на территории метрополитена преступлений по-прежнему составили кражи личного имущества граждан — 35 %. Их снижение составило 37,3 % (570; -339), в том числе снижено число карманных краж на 55,3 % — с 392 до 175 преступлений.

За указанный период зарегистрировано и раскрыто 7 (-1; -12,5 %) умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, по г. Москве снижение регистрации на 8,8 % (495; -48). Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью сократилось на 20 % (12; -3) и умышленное причинение легкого вреда здоровью меньше на 11,5 % (23; -3), все преступления раскрыты.

Регистрация грабежей сократилась на 5,1 % с 39 до 37 преступлений, по г. Москве совершено 1065 (-472; -30,7 %) грабежей.

Количество хулиганств увеличилось на 55,6 % (19 случаев, +5), тогда как в г. Москве зафиксировано снижение числа таких случаев на 16,5 %.

Число зарегистрированных случаев мошенничества выросло на 13,2 % (248 случаев, +29), а в столице этот рост составил 26,3 % (48 002, +9973).

На 39,2 % уменьшилось число зарегистрированных преступлений, подпадающих под действие ст. 207 УК РФ, касающейся заведомо ложных сообщений об актах терроризма (число случаев сократилось со 130 до 79), при этом в г. Москве снижение составило 24,1 % (1856 случаев, -589). Угрозы поступают как по телефону, так и на электронную почту.

Станции с наибольшей криминальной напряженностью включают «Комсомольскую», «Курскую»,

«Павелецкую», «Белорусскую», «Таганскую», «Красносельскую», «Киевскую», «Домодедовскую», «Текстильщики» и «Охотный ряд».

Таким образом, можно сделать вывод, что на территории Московского метрополитена наблюдается четкая тенденция к снижению общего количества регистрируемых преступлений. Однако, по нашему мнению, важно установление реального состояния преступности с учетом ее латентности в целях обеспечения полноты отражения криминологической ситуации в соответствии с Положением о едином учете преступлений, и особенно при резком колебании показателей уголовной статистики [2, с. 136].

В криминологических исследованиях отмечается, что уровень регистрации преступности в среднем колеблется в пределах от одной четверти до половины фактически совершаемых преступлений, а по экономическим и коррупционным латентность еще выше [1]. Существует классификация латентности на два вида: скрытая (неизвестная правоохранительным органам) и скрываемая (известная, но не зарегистрированная в установленном порядке). Ознакомление с аналитическими материалами УВД на ММ и выяснение мнения экспертов позволяет предположить, что первый вид латентности наиболее реально имеет место в связи с тем, что в метро совершаются чаще всего имущественные преступления (кражи), которые сами пассажиры не могут отличить от потери вещей. Насильственные действия с тяжкими последствиями в метро составляют незначительную долю, а с малозначительными инцидентами пассажиры нередко не обращаются в полицию в связи с занятостью или по другим причинам.

В УВД на ММ ведется работа по укреплению регистрационной дисциплины, создана специальная комиссия по контролю за соблюдением законности и учетно-регистрационной дисциплины. Виновные, допустившие нарушения учета преступлений, привлекаются к ответственности. Отмечается в 2023 г. сокращение числа жалоб и заявлений о правонарушениях на 2,8 %, приостановлено; меньше уголовных дел на 25,2 %. На сайте УВД на ММ размещена информация о порядке сообщения о преступлении.

Однако для объективного анализа показателей преступности и защиты прав пассажиров желательно периодически проводить выявление и учет латентной преступности предлагаемыми криминологией методами: опрос пассажиров, изучение экспертных оценок, сопоставление показателей ОВД, работающих в

равных условиях, анализ косвенных данных, свидетельствующих о преступлениях и др. [3, с. 87].

В условиях оптимизации штата органов внутренних дел и сокращения экономических ресурсов на правоохранительную деятельность активизация антивиктимных потенциальных возможностей жертв уберезет их от причинения преступлением физического и материального вреда. Для этого органам внутренних дел необходимо активизировать это направление профилактики, сделав ее системной и целенаправленной, обеспечить соответствующую подготовку сотрудников, реально исполнять требования законов о защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, используя предоставленные полномочия и возможности других субъектов, располагающих возможностями в предупреждении преступности, научные разработки, практически оправдавший себя у нас в стране и за рубежом опыт применения антивиктимных мер. А главное, добиться изменения психологии низкой гражданской активности по защите жертв преступлений, неумения граждан активно защититься от преступных посягательств.

В завершение рассмотрения вопроса об особенностях преступности на Московском метрополитене, характеризующих безопасность пассажиров, можно сделать следующие выводы.

Сокращение преступности на ММ и ее доли в городской является хорошим поводом для полноты выявления и регистрации преступлений, а также анализа мер, которыми сокращение преступности было достигнуто и обеспечено снижение криминальной нагрузки на пассажиров. Соблюдение регистрации и учета преступлений в УВД на ММ находится на постоянном контроле, но сделать эту работу более эффективной могло бы выявление латентной преступности путем использования криминологических методов. При этом необходимо учитывать возможные осложнения криминогенной ситуации в связи с кризисными явлениями в мире и стране, ограниченными возможностями в условиях оптимизации численности правоохранительной системы, а также развитием метрополитена, влекущим увеличение пассажиропотоков и требующим наращивания сил порядка, совершенствования и введения новых форм и методов профилактики преступлений.

Резервом в профилактике преступлений в условиях осложнения криминогенной обстановки является организация системной работы по обеспечению за-

щиты пассажиров за счет активизации их личного участия в противодействии преступности посредством:

- ♦ большего информирования о криминогенной ситуации с указанием линий, станций, где возникают криминальные ситуации, например, использования постоянно обновляемой криминологической карты, Интернета, рекламы живого содержания и др.;

- ♦ выявления рекомендованными криминологией методами латентных преступлений для объективности оценки преступности и создания предпосылок по возмещению причиненного ущерба пассажирам, сокращению посягательств на личность и имущество граждан;

- ♦ уделения особого внимания на виктимологическое предупреждение и раскрытие имущественных и насильственных преступлений, которые всегда причиняют ущерб пассажирам и преобладают в преступности на ММ;

- ♦ обращения внимания при организации правоохранительной деятельности на потенциальных жертв преступлений, находящихся в метро в нетрезвом состоянии, виктимные группы из числа мигрантов, пожилых людей, детей и женщин с соответствующим поведением;

- ♦ расширения информационной базы, характеризующей виктимность и виктимологические группы потенциальных жертв преступлений минимум в объеме аналогичном сведениям о лицах, совершающих преступления. Такой анализ считать необходимой частью комплексного анализа оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

Список источников

1. Комплексный анализ состояния оперативной обстановки на территории обслуживания УВД на Московском метрополитене за 12 месяцев 2023 г. // URL: <https://77.мвд.рф>
2. Калашников И. В. Совершенствование деятельности участкового уполномоченного полиции по выявлению и устранению причин и условий совершения преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7.
3. Калашников И. В., Аскарбеков Ы. А. Международный опыт предупреждения разбойных нападений (по материалам Кыргызской республики). В сб.: Актуальные проблемы противодействия преступности в России и пути их решения: всерос. науч.-практ. конф. М., 2023.

References

1. Comprehensive analysis of the state of the operational situation in the ATC service area on the Moscow Metro for 12 months of 2023 // URL: <https://77.mia.rf>

2. Kalashnikov I. V. Improving the activities of the district police commissioner to identify and eliminate the causes and conditions of crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs Russia. 2019. № 7.

3. Kalashnikov I. V., Askarbekov Y. A. International experience in preventing robberies (based on materials from the Kyrgyz Republic). In the collection: Actual problems of countering crime in Russia and ways to solve them: all-Russian scientific and practical conference. M., 2023.

Библиографический список

1. Аванесов Г. А. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». 9-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2024.

2. Антонян Е. А. и др. Криминология и предупреждение преступлений: учебник для студентов образовательных учреждений СПО. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019.

3. Калашников И. В. и др. Криминология. Общая часть: учебник. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.

4. Страунинг Ю. А. и др. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учеб. пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.

5. Федоров А. В. и др. Основы криминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.

Bibliographic list

1. Avanesov G. A. Criminology: a textbook for university students studying in the field of «Jurisprudence». 9th ed., reprint. and additional M. : UNITY-DANA, 2024.

2. Antonyan E. A. et al. Criminology and crime prevention: textbook for students of educational institutions SPO. M. : UNITY-DANA, 2019.

3. Kalashnikov I. V. et al. Criminology. General part: textbook. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2022.

4. Strauning Yu. A. et al. Prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies: studies. manual. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2022.

5. Fedorov A. V. et al. Fundamentals of criminology. 2nd ed., reprint. and additional M. : UNITY-DANA, 2023.

Информация об авторах

И. В. Калашников — заместитель начальника кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. А. Страунинг — заместитель начальника кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. V. Kalashnikov — Deputy Head of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

Yu. A. Strauning — Deputy Head of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 34.347.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-75-80>

EDN: <https://elibrary.ru/ekyhoy>

ИПОН: 2003-0059-5/24-144

MOSURED: 77/27-003-2024-05-343

К вопросу о развитии альтернативных несудебных способов разрешения правовых конфликтов

Владимир Николаевич Калинин

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Старотеряево, Россия, vladimirnk@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается негосударственная система альтернативного урегулирования споров, включающая, прежде всего, институт медиации и третейского (арбитражного) разбирательства, которая в Российской Федерации действует наряду с государственной системой судебной защиты. Делается вывод о том, что в последнее время важную роль в развитии отечественного правосудия законодатель отводит альтернативным способам разрешения споров частноправового характера. Развитие примирительных процедур является одним из приоритетных направлений совершенствования механизмов разрешения споров и защиты нарушенных субъективных прав. Достоинства медиации и третейского (арбитражного) разбирательства подтверждают жизнеспособность данных институтов, выступающих альтернативой судебному порядку рассмотрения споров.

Ключевые слова: судебная защита, медиация, медиатор, медиативное соглашение, третейское (арбитражное) разбирательство, альтернативные способы разрешения конфликтов

Для цитирования: Калинин В. Н. К вопросу о развитии альтернативных несудебных способов разрешения правовых конфликтов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 75–80. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-75-80>. EDN: ЕКУНОУ.

Original article

On the issue of the development of alternative non-judicial ways to resolve legal conflicts

Vladimir N. Kalinin

Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Staroteryaev, Russia, vladimirnk@yandex.ru

Abstract. It considers the non-state system of alternative dispute resolution, including, first of all, the institute of mediation and arbitration (arbitration) proceedings, which in the Russian Federation operates along with the state system of judicial protection. The conclusion is made that recently the legislator assigns an important role in the development of domestic justice to alternative ways of resolving disputes of private law nature. The development of conciliation procedures is one of the priority directions of improvement of mechanisms of dispute resolution and protection of violated subjective rights. The merits of mediation and arbitration (arbitration) proceedings confirm the viability of these institutions as an alternative to the judicial procedure for consideration of disputes.

Keywords: judicial protection, mediation, mediator, mediation agreement, arbitration (arbitration) proceedings, alternative ways of conflict resolution

For citation: Kalinin V. N. On the issue of the development of alternative non-judicial ways to resolve legal conflicts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):75–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-75-80>. EDN: ЕКУНОУ.

Проблемы, возникающие в процессе развития и укрепления конституционно-правовых основ судебной власти, сложны и многообразны.

Судебная власть направлена на защиту прав и свобод граждан, конституционного строя, государственных, общественных и индивидуальных интересов. Судебная власть обеспечивает справедливое правосудие, конституционность нормотворчества и закон-

ность правоприменения. Судебная власть способствует предупреждению правонарушений и укреплению режима законности, обеспечивая верховенство Конституции РФ и соответствие ей всей системы нормативно-правовых актов. Как обязательный элемент демократического правового государства независимая и авторитетная судебная власть является залогом эффективной реализации принципа разделения вла-

© Калинин В. Н., 2024

стей, соблюдения верховенства права, стабильности конституционного строя.

Современная российская судебная система страдает многими недостатками, затрудняющими в полной мере эффективно осуществлять главное ее назначение — защиту прав и свобод граждан. Объясняется это многими причинами организационного и иного характера: недостаточной развитостью судебной системы, перегруженностью судей, медлительностью судебного разбирательства во многих случаях¹.

Следует также иметь в виду, что судебная власть в силу своей консервативной природы поддается конституционному реформированию с большим трудом, нежели власть исполнительная или законодательная (представительная). Однако необходимо добиться основной цели — повышения уровня эффективности судебной защиты граждан, качества правосудия, его социализации, усиления гарантий независимости, профессионализма судей, справедливости, объективности и беспристрастности судебных решений. При этом возможно дальнейшее развитие упрощенных процедур судопроизводства, снижающих нагрузку на судебную систему. Перспективным направлением является развитие альтернативных процедур урегулирования возникших конфликтов, а также цифровизация судопроизводства и внедрение элементов электронного правосудия.

По общему правилу разрешение значимых правовых конфликтов осуществляется путем судебной защиты, т. е. посредством правосудия. Однако, не все возникающие конфликты целесообразно решить в судебном порядке. Особенно это касается споров в сфере гражданского (коммерческого) оборота. Правосудие при всех своих достоинствах имеет ряд недостатков, к которым можно отнести длительность и сложность судопроизводства, а также значительные судебные издержки. Прекращение конфликта властным решением суда зачастую не способствует его добровольному исполнению проигравшей стороной.

В современных условиях актуализируется необходимость развития негосударственных процедур разрешения частноправовых споров и конфликтов. Проводимая в Российской Федерации судебная реформа, в том числе, направлена на развитие и оптимизацию альтернативных способов урегулирования споров.

Альтернативные способы разрешения споров выступают эффективным способом оптимизации правосудия и снижения судебной нагрузки. Гибкие и оперативные неюрисдикционные способы разрешения конфликтов имеют свои значительные преимущества, и умение их применять, порой, не менее важно, чем умение пользоваться возможностями длительной и дорогостоящей судебной защиты. Доверие к частноправовым процедурам, характерное для демократической организации общества, предполагает развитие альтернативных государственной судебной защите методов, по крайней мере, в сфере экономического оборота [8, с. 73].

Обращение к альтернативным способам разрешения споров соответствует закрепленному в ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации праву каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Политика российского государства в сфере правосудия за последние годы также направлена на поиск и развитие альтернативных способов урегулирования споров и внедрение примирительных процедур в сферу защиты нарушенных прав.

К альтернативным формам разрешения конфликтов на современном их этапе развития, реализуемым вне рамок судебного разбирательства, в Российской Федерации можно отнести: переговоры, посредничество, медиацию и арбитраж (третейское разбирательство).

Наиболее часто применяемыми среди указанных процедур в России являются медиация и третейское разбирательство.

Процедура медиации — внесудебный способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях выработки ими взаимоприемлемого решения. Медиация (от лат. *mediare* — посредничать) существует так же давно, как сам конфликт. Медиация — это разрешение спора путем, позволяющим сторонам конфликта достичь мира, который, даже худой,

¹ По данным судебной статистики, только 0,8 % от всех приговоров суда являются оправдательными, при этом около 40 % от них впоследствии отменяются в вышестоящих инстанциях. По словам председателя региональной общественной организации «Независимый экспертно-правовой совет» М. Поляковой, «судей обязывают докладывать, какие решения они должны принимать. Судьи боятся выносить оправдательные приговоры, поэтому закрывают глаза на доводы адвокатов и огрехи следствия» [2, с. 27].

лучше доброй ссоры. Применение процедуры медиации не ущемляет интересы участников, и, в отличие от судебного разбирательства, в медиации нет выигравшей и проигравшей стороны. Цель медиации — в разрешении конфликта на основе нахождения баланса интересов его участников.

Устанавливая институт медиации, законодатель преследовал и цель приведения в соответствие отечественного гражданского процессуального законодательства международным стандартам.

Порядок и особенности проведения процедуры медиации регулируются специальным Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) [16].

Внедрение в России новых альтернативных судебных процедур разрешения конфликтов, имея в виду, прежде всего, развитие института медиации, предполагает сокращение затрат будет уходить на судебные разбирательства и повышение эффективности правового регулирования в целом².

К сожалению, медиативные процедуры пока не получили достаточно широкого распространения в российской юридической практике³. Институт медиации в России еще не настолько популярен, чтобы на него полагалось большое количество участников спора. О существовании процедуры медиации знает лишь очень небольшой процент граждан.

В числе факторов, препятствующих развитию медиации, следует назвать несовершенство процессуального законодательства, поддержка со стороны судебных и иных государственных структур, недоверие граждан к фигуре медиатора, а также отсутствие института обязательной медиации [5, с. 132–133].

Как отмечает в этой связи Л. В. Головкин, менталитет и культура российских участников споров встречают медиацию в штыки, противопоставляя ей справедливость и ответственность [4, с. 28].

Необходимым условием проведения процедуры медиации является принцип добровольности, подразумевающий добровольное участие в ней всех сторон спора и отказ от обращения к другим способам разрешения споров (судебным, административным) на время проведения процедуры.

Дальнейшее совершенствование процедуры медиации может быть связано с расширением сферы ее применения, имея в виду не только частно-право-

вые (гражданские) отношения, но и публично-правовые конфликты.

Возможно расширение применения процедуры медиации на стадии исполнительного производства.

В целях совершенствования законодательного регулирования института медиации, возможно закрепление в АПК и ГПК отдельного производства о признании и приведении в исполнение медиативного соглашения (по аналогии с производством по выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов) [12, с. 40–43].

Кроме того, возможно не менее эффективным, чем обязательная медиация, будет другой путь — установление на стадии приема искового заявления обязанности проведения обязательного досудебного урегулирования с помощью вручения ответчику претензии с приглашением на перемирие [7, с. 111].

Имеется предложение о передаче функций по оказанию медиативных услуг нотариусам [11, с. 17]. Сегодня медиативное соглашение может быть удостоверено нотариусом и обеспечено там самым исполнительной силой (ст. 59.1 Основ законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г.)⁴.

Перспективным является развитие онлайн медиации, реализуемой при помощи интернет-технологий в случаях, когда участники конфликта удалены друг от друга или же в виде предварительного этапа процедуры медиации [6, с. 49–54].

Изложенные позволяет сделать вывод о жизнеспособности института медиации, выступающего альтернативой судебному порядку рассмотрения споров [13, с. 47–51].

Анализируя причины низкой популярности альтернативных судебных способов разрешения конфликтов среди населения, можно выделить главное: доступность судебной защиты. В Российской Федерации, в отличие от многих стран, установлен низкий, несопоставимый со стоимостью правосудия, уровень государственных пошлин, что стимулирует

² Следует отметить точку зрения Т. Е. Абовой, согласно которой «альтернативные формы разрешения споров нужны для удобства сторон, а не ради снижения нагрузки на судей» [1, с. 10–13].

³ Согласно данным судебной статистики, с 2011 по 2017 гг. лишь только 0,008 % дел в судах общей юрисдикции и 0,002 % дел в арбитражных судах прошли с участием медиаторов [14].

⁴ Как отмечает Е. А. Нефедьев, еще дореволюционные юристы различали судебные и внесудебные мировые сделки, внесудебные соглашения заключались посредством записи, совершенной у нотариуса [10, с. 336].

к использованию судебной защиты как основного способа разрешения конфликта [9, с. 7].

В целях увеличения обращения к медиаторам и, как следствие, снижения показателей судебной нагрузки высказываются предложения об упразднении одного из самых основных признаков отечественного гражданского судопроизводства, которым оно характеризовалось со времен Судебной реформы 1864 г. — его доступности.

В отличие от зарубежных стран, современное российское судопроизводство по-прежнему характеризуется как дорогое: это касается как размера уплачиваемой госпошлины, так и судебных издержек. В зарубежных странах его затраты на судебное разбирательство обусловлены, в первую очередь, значительными судебными издержками, включающими оплату труда адвокатов [3, с. 15].

Несмотря на очевидные преимущества примирительных процедур, значительный шаг в их нормативном урегулировании был сделан только в 2019 г.⁵, когда в ГПК РФ была введена самостоятельная гл. 14-1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение» [17], а в АПК РФ этим же законом была введена гл. 15 с аналогичным названием. До этого любые внесудебные примирительные процедуры носили исключительно гражданско-правовой характер.

В принятом в 2021 г. постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» [15] разъясняются вопросы применения судами законодательства о досудебном урегулировании споров.

ГПК РФ и АПК РФ предусматривают право сторон на любой стадии процесса использовать примирительные процедуры, в том числе, при содействии суда. Более того, из анализа положений законодательства вытекает, что суд обязан предпринять меры, направленные на примирение сторон, содействовать им в урегулировании спора, исходя из интересов сторон и задач судопроизводства.

Достаточно урегулированной процедурой альтернативного разрешения споров является *арбитраж (третейское разбирательство)* к которому прибегают в основном предприниматели и участники внешне-торгового оборота.

Правовую основу арбитража составляет Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об

арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Принципиальным для возможности разрешения спора в третейском суде является наличие действительного и исполнимого арбитражного соглашения о передаче спора в третейский суд, что исключает возможность обращения сторон в государственные суды.

С момента зарождения третейскому разбирательству был присущ элемент доверительности, который предполагал, что стороны спора доверяют разрешение конфликта не государственному органу, а частному лицу-арбитру. Соответственно, в таких отношениях добросовестность и добровольность предполагались как принципы, а государство снимало с себя ответственность за исполнимость таких решений.

Одним из наиболее уязвимых для арбитража остается вопрос реализации принципов состязательности и равноправия сторон, что связано, прежде всего, со стремлением участников экономического оборота использовать институт третейского разбирательства в целях злоупотребления правом и отсутствием механизмов пересмотра решений арбитража по существу⁶.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в последнее время важную роль в развитии отечественного правосудия законодатель отводит альтернативным способам разрешения споров частноправового характера. Развитие примирительных процедур является одним из приоритетных направлений совершенствования механизмов разрешения споров и защиты нарушенных субъективных прав.

В Российской Федерации, наряду с государственной системой судебной защиты, действует негосударственная система третейского разбирательства.

⁵ Чуть ранее возможность примирения сторон исполнительного производства была введена Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». Данным законом были внесены изменения в Федеральный закон от 2 октября № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», закрепившие диспозитивные права сторон исполнительного производства, а именно право на примирение.

⁶ В этой связи в Законе об арбитраже было бы целесообразно закрепить в качестве принципа арбитража добросовестность сторон и установить ответственность для лиц, в результате действий которых участники оборота понесли убытки.

сударственная система альтернативного урегулирования споров, включающая, прежде всего, институт медиации и третейского (арбитражного) разбирательства.

Относительно новым и перспективным видом примирительных процедур является судебное примирение, позволяющее снизить нагрузку на судебную систему. Участники спора экономят силы, время, средства, а также сохраняют репутацию, что особенно важно в предпринимательской сфере.

Дальнейшее совершенствование российского гражданского судопроизводства, помимо развития альтернативных судебных процедур, следует связывать с цифровизацией отраслевых процессуальных отношений, что позволяет формировать новую модель взаимодействия суда с участниками судопроизводства. Цифровизация является неотъемлемой составляющей процесса совершенствования правосудия в большинстве развитых стран мира. Внедрение цифровых технологий позволяет упростить доступ к правосудию и повысить его эффективность. В российском гражданском судопроизводстве цифровизация затронула в большей мере приказное и упрощенное производство, что объясняется их спецификой. Однако о реализации модели электронного правосудия в полном объеме сегодня говорить еще рано.

Список источников

1. Абова Т. Е. Альтернативные способы разрешения споров нужны для удобства сторон, а не ради снижения нагрузки на судей // *Арбитражная практика*. 2011. № 3. С. 10–13.
2. Авдеев М. Ю. Анализ и оценка результатов судебной реформы на современном этапе // *Образование и право*. 2018. № 5.
3. Борисова Е. А. Развитие российской медиации: торопиться не надо // *Российская юстиция*. 2021. № 10.
4. Головкин Л. В. Медиация — понять, принять и применять // *Вестник Арбитражного суда г. Москвы*. 2008. № 5.
5. Егорова Т. 3. Медиация в российских условиях // *Вестник Удмуртского университета*. 2015. Т. 26. Вып. 6.
6. Елисеев Д. Б. Медиация как способ досудебного урегулирования конфликтов // *Адвокатская практика*. 2020. № 2.
7. Колпакова А. В. Проблемы применения медиации в судах общей юрисдикции: сб. мат. III международн. науч.-практ. конф. «Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения». Липецк, 2015.
8. Кузбагаров А. Н. Защита интеллектуальных прав с применением альтернативных способов защиты // *Вестник Московского университета МВД России*. 2018. № 5.
9. Момотов В. В. Традиции и преемственность в развитии судебной системы России: историко-правовой опыт Российской империи и судебная система Российской Федерации в современных условиях // *Российская юстиция*. 2021. № 9.
10. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1908.
11. Новиков Н. А., Михайлова Е. В. Внесудебное и судебное примирение: проблемы и перспективы // *Российский судья*. 2021. № 10.
12. Рехтина И. В. Медиация в России как альтернативный способ разрешения споров и элемент интеграции в Европейское сообщество // *Юрист*. 2012. № 11.
13. Тресков А. П. Медиация как альтернативная гарантия реализации принципов судебной власти // *Российский судья*. 2021. № 11.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 января 2018 г. № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // *Российская газета*. 2021. 2 июля.
16. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // *СЗ РФ*. 2010. № 31. Ст. 4162.
17. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Российская газета*. 2019. 31 июля.

References

1. Abova T. E. Alternative dispute resolution methods are needed for the convenience of the parties, and not for the sake of reducing the burden on judges // *Arbitration Practice*. 2011. No. 3. P. 10–13.
2. Avdeev M. Yu. Analysis and evaluation of the results of judicial reform at the present stage // *Education and law*. 2018. No. 5.
3. Borisova E. A. Development of Russian mediation: there is no need to hurry // *Russian Justice*. 2021. No. 10.
4. Golovko L. V. Mediation — to understand, accept and apply // *Bulletin of the Arbitration Court of Moscow*. 2008. No. 5.
5. Egorova T. Z. Mediation in Russian conditions // *Bulletin of the Udmurt University*. 2015. Vol. 26. Issue 6.
6. Eliseev D. B. Mediation as a way of pre-trial conflict resolution // *Law practice*. 2020. No. 2.
7. Kolpakova A. V. Problems of mediation application in courts of general jurisdiction: sat. mat. III International Scientific and Practical Conference «Mediation practice in Russia: problems, difficulties, solutions». Liptsk, 2015.
8. Kuzbagarov A. N. Protection of intellectual property rights using alternative methods of protection // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 5.
9. Momotov V. V. Traditions and continuity in the development of the judicial system of Russia: the historical and legal experience of the Russian Empire and the judicial system of the Russian Federation in modern conditions // *The Russian justice system*. 2021. No. 9.
10. Nefediev E. A. Textbook of Russian civil procedure. 3rd ed. M. : Printing House of the Imperial Moscow University, 1908.
11. Novikov N. A., Mikhailova E. V. Extrajudicial and judicial reconciliation: problems and prospects // *Russian judge*. 2021. No. 10.
12. Rekhtina I. V. Mediation in Russia as an alternative way of dispute resolution and an element of integration into the European Community // *Jurist*. 2012. No. 11.
13. Treskov A. P. Mediation as an alternative guarantee of the implementation of the principles of judicial power // *A Russian judge*. 2021. No. 11.
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 18, 2018 No. 1 «On Introducing into the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation the draft federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the improvement of conciliation procedures»» // *LRS «ConsultantPlus»*.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 18 on June 22, 2021 «On some issues of pre-trial settlement of Disputes considered in civil and arbitration proceedings» // *Rossiyskaya Gazeta*. 2021. July 2.
16. Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 «On an alternative dispute settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure)» // *CL RF*. 2010. No. 31. Art. 4162.
17. Federal Law No. 197-FZ of July 26, 2019 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // *Rossiyskaya Gazeta*. 2019. July 31.

Информация об авторе

В. Н. Калинин — доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Kalinin — Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-81-86>

EDN: <https://elibrary.ru/fokcfe>

NIION: 2003-0059-5/24-145

MOSURED: 77/27-003-2024-05-344

Проблемы правового регулирования применения физической силы сотрудниками полиции

Алексей Валентинович Куракин¹, Ирина Александровна Адмиралова²

¹ Государственный университет управления, Москва, Россия, kurakinaleksey@gmail.com

² Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Домодедово, Россия, irina_adm@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы и основания применения физической силы. Обращено внимание на то, что физическое воздействие со стороны сотрудника полиции — это разновидность административного принуждения, объективная необходимость пресечения правонарушения; несмотря на это законом установлены пределы ее применения. Проанализированы пределы применения физической силы и высказаны предложения, направленные на повышение эффективности данного принуждения.

Ключевые слова: сила, воздействие, подготовка, полиция, сотрудник, боль, единоборство, противоборство, принуждение, спорт

Для цитирования: Куракин А. В., Адмиралова И. А. Проблемы правового регулирования применения физической силы сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 81–86. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-81-86>. EDN: FOKCFE.

Original article

Problems of legal regulation of the use of physical force by police officers

Alexey V. Kurakin¹, Irina A. Admiralova²

¹ State University of Management, Moscow, Russia, kurakinaleksey@gmail.com

² All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Russia irina_adm@mail.ru

Abstract. The problems and grounds for the use of physical force are considered. Attention is drawn to the fact that physical impact on the part of a police officer is a type of administrative coercion, an objective necessity to stop an offense; despite this, the law establishes the limits of its use. The limits of the use of physical force are analyzed and proposals aimed at improving the effectiveness of this coercion are made.

Keywords: force, impact, training, police, employee, pain, martial arts, confrontation, coercion, sport

For citation: Kurakin A. V., Admiralova I. A. Problems of legal regulation of the use of physical force by police officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):81–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-81-86>. EDN: FOKCFE.

Полицейские различных государств, в том числе и нашей страны, в ходе выполнения возложенных на них задач применяют специальные, а иногда и технические средства, а также и физическую силу, зачастую это нужно для подавления сопротивления или воли противоборствующего лица. Как писал в свое время Ю. П. Соловей: «...применение силы остается жесткой реальностью полицейской практики. Правда состоит в том, что социальная роль субъектов, обеспечивающих полицейскую функцию государства, не может быть правильно понята вне их полномочий

прибегать в случае необходимости к физическому принуждению» [1, с. 106].

Среди мер государственного принуждения «особым статусом» обладают те меры, которые связаны с физическим принуждением. Обусловлено это тем, что вследствие физического принуждения имеет место ограничение целого ряда личных, неотъемлемых прав личности, а именно право на свободу и физическую неприкосновенность. Никто не имеет права на физическое принуждение, кроме уполномоченных на то государством и законом субъектов и только в тех

© Куракин А. В., Адмиралова И. А., 2024

случаях, когда для этого имеются законные основания. Вследствие физического принуждения, а именно применения физической силы человеку причиняется физическая боль, может быть нанесена как физическая, так и нравственная травма. Для того, чтобы этого не было, законом установлены запреты на применения физической силы, а также обозначены пределы ее применения. Нужно понимать, что физическая сила, а именно удары по корпусу человека, загиб руки за спину и другие разрешенные способы физического воздействия применяются сотрудником полиции не для того, чтобы причинить боль, унижить человека, а для достижения той цели, ради которой закон разрешает применять физическую силу. Как отмечается в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. «О полиции» [3, с. 900], «...сотруднику полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Сотрудник полиции пресекает действия, которыми гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание» (ст. 5). Как писал Ю. П. Соловей, «применение физической силы не должно быть наказанием, пыткой или издевательством над соответствующим лицом» [1, с. 106]. Данные положения можно считать принципами, на которых основано право на применение физической силы сотрудником полиции.

Так, по общему правилу недопустимо применять физическую силу в отношении женщин, особенно с явными признаками беременности, инвалидов, несовершеннолетних. Согласно закону от 7 февраля 2011 г. «О полиции» «о каждом случае применения физической силы, в результате которого причинен вред здоровью гражданина или причинен материальный ущерб гражданину либо организации, сотрудник полиции обязан сообщить об этом руководству и в течение 24 часов с момента представить соответствующий рапорт» (ст. 19). Право на применение мер принуждения, а в особенности физической силы и специальных средств, является составной частью правового статуса сотрудника полиции. В этой связи Н. П. Волкова пишет, что «...применение сотрудником полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия — это инструмент, который предоставляется для решения возложенных на него задач. Право применять указанные меры принуждения — неотъемлемый элемент специального статуса сотрудника полиции» [2, с. 29].

Учитывая наличие обозначенных полномочий надо отметить, что сотрудник полиции должен быть подготовлен как физически, так и иметь навыки использования самых различных мер физического развития. Право на применение сотрудником полиции физической силы определено в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. «О полиции» [3, с. 900], этому вопросу посвящен целый ряд статей, но в особенности ст. 19 и 20. Достаточно часто сотруднику полиции нужно применять в комплексе, как физическую силу, так и специальные средства. Но нередки случаи, когда применяется только физическая сила или отдельно специальные средства. В этой связи дифференцированно рассмотрим основания для применения физической силы, а также определим, что это за категория.

Меры принуждения любого характера применяются при наличии законных оснований, в каждом конкретном случае такие основания свои. Как отмечается в комментарии к закону «О полиции», «основным отличием в возникновении оснований для применения сотрудниками полиции физической силы от оснований для применения специальных средств или огнестрельного оружия является пассивное неповиновение иных лиц выполнить законное требование сотрудника полиции либо пассивное нарушение общественного порядка» [3, с. 156].

Данный подход не столь убедителен; как представляется, основанием для применения физической силы может являться как «пассивное», так и «активное» нарушение общественного порядка. Физическая сила применяется тогда, когда меры психологического воздействия не дают должного результата, а также тогда, когда без применения физической силы в конкретной ситуации обойтись попросту нельзя. Если цель достигнута посредством применения физической силы, то применять спецсредства, а тем более огнестрельное оружие, недопустимо.

Физическая сила, это, отчасти, то состояние, которым обладает любой человек. Физическая сила — это такое качество здоровья, которое дано человеку по факту его рождения. Однако физическая сила — это также и приобретенное качество с течением некоторого времени, которое человек посвятил своему физическому развитию, занимаясь регулярно спортом, или физкультурой. Физическая культура часть общей культуры человека и личности сотрудника полиции. Физическая культура развивает лучшие каче-

ства человеческой личности, способствует интеллектуальному развитию человека, а также повышает эффективность профессиональной деятельности сотрудника. Как отмечается в доктрине, «физические качества — это свойства организма, обеспечивающие двигательную деятельность человека. К этим качествам относят мышечную силу; быстроту; выносливость; гибкость и ловкость» [4, с. 40]. Физическая культура и спорт — часть жизнедеятельности любого человека, в особенности того, чья профессиональная деятельность предполагает необходимую физическую подготовку, а именно осуществление в рамках закона физического воздействия на другое лицо в целях прекращения совершения им противоправных действий. Профессиональная деятельность сотрудника полиции, особенно того, который осуществляет свои профессиональные функции в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, предполагает его должное здоровье, физическое развитие, а также необходимую физическую подготовку, а именно владение навыками применения необходимых силовых приемов, борьбы. Необходимые профессиональные навыки приобретаются человеком вследствие занятия им соответствующими видами спорта, их еще называют служебными или прикладными видами спорта. Так, согласно Федеральному закону от 4 декабря 2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ст. 6242) служебно-прикладные виды спорта — это виды спорта, основой которых являются специальные действия (в том числе приемы), связанные с выполнением сотрудниками своих служебных обязанностей (ст. 2). Идеальная ситуация когда человек до поступления на службу в полицию занимался видами спорта, которые имеют служебный характер, а именно какими-либо единоборствами. Это, безусловно, может помочь профессиональному становлению сотрудника, а также будет способствовать его дальнейшему физическому и интеллектуальному развитию.

Сотрудники полиции, так же, как и другие люди с точки зрения своих физических возможностей, все разные, есть сотрудники высокого и низкого роста, у каждого свой вес и другие физические особенности, все это, безусловно, должно быть учтено при применении физической силы. Казалось бы, далекие от права качества и свойства человека, при определенных обстоятельствах могут иметь юридическое значение.

Сотрудник полиции — это человек физически здоровый и крепкий, это необходимое условие для поступления на службу. В текущей реальности на службе в полиции находится достаточно много женщин, которые замещают должности, которые ранее комплектовались исключительно мужчинами; это должности в патрульно-постовой службе полиции, участковые уполномоченные полиции. Работа в этих службах достаточно часто требует применения физической силы и специальных средств в отношении правонарушителей, в частности людей устроивших «семейный скандал», людей, которые ведут себя не подобающим образом в общественных местах и не выполняют законных требований сотрудника прекратить правонарушение. Сотрудник полиции женщина объективно не может физически справиться с дерзким и физически крепким правонарушителем общественного порядка. Сотрудник женщина физически не сможет применить загиб руки за спину, оказать иное физическое воздействие на нарушителя с целью пресечения правонарушения, и тем самым помочь гражданам. Данная проблема вполне очевидна, и она требует своего разрешения.

Далее отметим, что получение необходимых навыков единоборств (физической подготовки) эффективно только тогда, когда человек сам в этом заинтересован; крайне сложно обучить сотрудника приемам борьбы, навыкам самообороны или боксу, когда он этого не хочет или не имеет должного прилежания. Для овладения навыками единоборств также необходимы определенные способности, самостоятельные тренировки, здоровый образ жизни, а также любовь к соответствующему виду спорта. Отдельные сотрудники полиции формально относятся к своей спортивно-прикладной подготовке, и должным образом не владеют навыками применения физической силы (приемами борьбы), имеют слабую беговую подготовку и физическую выносливость. В то время как целый ряд людей, которые оказывают противодействие полиции и власти в целом, совершая при этом дерзкие и тяжкие преступления, уделяют серьезное внимание своему физическому развитию. В программах физической подготовки сотрудников полиции основной акцент сделан на обучении приемам самообороны, в то время как в профессиональной деятельности сотруднику может понадобиться и силовая (мускульная подготовка), а также беговая подготовка. В этой связи за-

нения по профессиональной подготовке должны быть максимально разнообразными.

Сотруднику полиции в повседневной служебной деятельности приходится сталкиваться с ситуациями, когда меры морально-психологического воздействия на правонарушителя не действуют. Так, перед применением физической силы сотрудник должен потребовать от лица, совершающего правонарушение, прекратить его, иногда имеют место ситуации настоятельной просьбы проследовать за сотрудником полиции, и если этого не происходит, требования сотрудника полиции не выполнены, то имеют место основания как для применения физической силы, так и для применения специальных средств. Во взаимоотношениях сотрудник полиции — гражданин, применять физическую силу и специальные средства на основании закона может только сотрудник. Применение физической силы или специальных средств в отношении сотрудника полиции, который действует законно, является преступлением (ст. 318 УК РФ). В тоже время, за превышение полномочий, связанных с применением физической силы, сотрудник полиции может нести ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Как уже было отмечено, право на применение физической силы предоставлено сотруднику полиции для противодействия соответствующему сопротивлению; это право нужно для подавления воли противоборствующего лица. Как отмечает М. Р. Глушков, «...противодействие задержанию ставит перед сотрудниками задачу его преодоления, которая решается, в конечном счете, через применение физической силы» [5, с. 10].

Как уже было отмечено, сотрудник полиции должен быть физически подготовлен, должен хорошо бегать, это нужно для того чтобы догнать лицо, совершившее административное правонарушение, или преступление, которое по своим качествам и признакам не может быть отнесено к тяжким или особо тяжким деяниям. В этом случае применять огнестрельное оружие при преследовании нарушителя нельзя. Сотрудник полиции должен обладать навыками различных единоборств нужно отметить, что навыков только самбо может быть недостаточно. Именно приемам самбо (самооборона без оружия) традиционно обучают сотрудников полиции. Нужно отметить, что в «уличном бою» наиболее эффективным единоборством является такое единоборство,

как «бокс». Исходя из этого, навыками бокса также должен обладать сотрудник полиции. Оптимальная ситуация, когда сотрудник полиции не только интеллектуально разносторонен, но и обладает достаточно широкой спортивной компетенцией, связанной с применением физической силы, задействованной для противодействия как административным правонарушениям, так и преступлениям. Как отмечается в комментарии к закону «О полиции», «применение физической силы — это принудительно воздействие, которое основано на использовании мускулистой силы и индивидуальных физических возможностей каждого конкретного сотрудника полиции и может сопровождаться причинением боли, смерти, повреждением или разрушением предметов и механизмов» [3, с. 156].

Следует отметить, что применение отдельных специальных средств, стоящих на вооружении полиции, возможно только с использованием физической силы. Например, при использовании средств разрушения преград, резиновой палки необходима физическая сила. Как верно отметили В. В. Черников и Ю. П. Соловей, «...боевые приемы борьбы как разновидности физической силы, применяемой сотрудником, могут относиться к любым системам рукопашного боя — боксу, самбо, дзюдо, каратэ. Для закона это безразлично, главное чтобы тяжесть последствий, наступивших в результате применения сотрудником ударов, бросков и других приемов, была соразмерной характеру и степени опасности пресекаемого правонарушения, силе оказываемого противодействия» [6, с. 312].

Оказавшись в ситуации применения физической силы, сотрудник полиции, самостоятельно оценивает обстановку, свои физические возможности. Несмотря на правовую неопределенность в деле регулирования применения физической силы, сотрудник полиции должен действовать разумно, не превращать применение физической силы в избивание того человека, в отношении которого оказывается соответствующие физическое воздействие. Не допускать ситуации, которая может подрывать доверие к полиции со стороны граждан, наблюдающих за процессом применения физической силы.

Используя приемы различных единоборств в целях преодоления физического сопротивления, сотрудник полиции должен стремиться к минимальному физическому ущербу, четко понимать имею-

щиеся ограничения физического воздействия; при этом сотрудник должен наносить удары только по корпусу соответствующего лица, применять болевые и удушающие приемы в случившейся схватке максимально разумно. В большинстве случаев применение физической силы не должно приводить к тяжким последствиям для соответствующего лица. Применение физической силы — это комплекс волевых и осознанных действий сотрудника полиции, в которых используются приемы различных единоборств с целью подавления сопротивления и воли противоборствующего лица, совершившего противоправное деяние. Физическая сила применяется в целях пресечения правонарушения, она также необходима для создания возможностей для дальнейшего применения процессуальных мер, например доставления и задержания правонарушителя, осуществления его досмотра, изъятия вещей и документов и иных вещественных доказательств.

Применение физической силы — это то, с чего может начинаться процесс применения мер специального пресечения; если мер только физического воздействия недостаточно, и складывающаяся ситуация требует иного, то могут быть применены и специальные средства, а в исключительных случаях и оружие. Нужно отметить, что физическая сила сотрудником полиции применяется для пресечения преступлений и административных правонарушений. Достаточно часто имеет место ситуация, когда сотрудник применяет физическую силу именно для пресечения административных правонарушений, поскольку применять многие специальные средства, а тем более оружие для пресечения административных правонарушений просто недопустимо.

Физическая сила применяется для противодействия неповиновению законному требованию сотрудника полиции проследовать в территориальный орган МВД, или сесть в транспортное средство с целью осуществления соответствующего доставления. В этом случае применяются различные меры физического воздействия: загиб руки за спину, различного рода захваты, для того чтобы заставить соответствующее лицо подчиниться законному требованию сотрудника. Применение физической силы иногда необходимо для осуществления досмотровых мероприятий, а именно личного досмотра, а также досмотра вещей, находящихся при соответствующем физическом лице. В этом случае человек, в отношении кото-

рого применяется данное физическое воздействие, может быть «положен» на землю (пол) лицом вниз, или поставлен лицом к стене или к автомобилю. Весь процесс физического принуждения может сопровождаться и психологическим воздействием, в ходе которого выдвигаются требования, касающиеся должного поведения соответствующего лица, в этом воздействии могут звучать слова относительно более серьезного воздействия, если сопротивление будет продолжено, или законные требования выполняться не будут. В этой связи физическое воздействие переплетается с психологическим воздействием на волю и сознание того лица, в отношении которого данное физическое принуждение, оказывается.

Алгоритм действия сотрудника полиции перед применением физической силы следующий. Так, сотрудник обязан сообщить лицам, в отношении которых предполагается применение физической силы о том, что он является сотрудником полиции. Сотрудник полиции при применении физической силы, действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила. Также сотрудник полиции обязан оказать помощь гражданину, получившему телесные повреждения в результате применения физической силы, а также принять меры по предоставлению ему медицинской помощи в возможно короткий срок. Таким образом, сотрудник должен выполнить ряд обязанностей, перед тем как он применит физическую силу, а также после ее применения.

Далее отметим, что физическая сила применяется не только в отношении человека, но и в отношении имущества. Так с помощью физического воздействия сотрудника полиции может быть устранено препятствие, в частности выбита дверь, разбито стекло у автомобиля; последнее нужно для физического извлечения из салона водителя, находящегося в состоянии опьянения и отказывающегося самостоятельно выйти из него. Разбитие стекла автомобиля, который закрыт, осуществляется путем удара по нему локтем или ногой, такое воздействие может быть нужно для предотвращения несчастного случая или иного происшествия. Осуществляя физическое воздействие на имущество, повреждая его, сотрудник полиции должен понимать ситуацию, что если его действия будут признаны незаконными, то он будет нести за повреждение имущества как уголовную, так и дисциплинар-

ную ответственность, а также возмещать причиненный имущественный и моральный вред. Физическая сила применяется сотрудником полиции как самостоятельная мера принуждения, так и в тех случаях, когда имеются основания для применения специальных средств и огнестрельного оружия. При применении физической силы не допускается причинение тяжкого вреда здоровью того лица, в отношении которого данное принуждение осуществлено. Принцип адекватности физического воздействия должен пронизывать весь процесс применения физической силы; сотрудник полиции должен четко понимать, что если достаточно нанести один расслабляющий удар, то наносить второй удар не нужно. Также надо понимать анатомические особенности человека, это позволит не допустить серьезных травм соответствующего лица. Сотрудник полиции также должен знать, что причиненный физический и имущественный вред в результате применения им физической силы может быть обжалован соответствующим лицом.

Список источников

1. Соловей Ю. П. Правовое регулирование применение милицией силы // Государство и право. 1993. № 4.
2. Волкова Н. П. Проблемы применения сотрудниками полиции физической силы, специальных

средств и огнестрельного оружия // Экономический вестник правоохранительных органов. 2016. № 1.

3. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» / под ред. И. Л. Трунова. М., 2012.
4. Физическая подготовка / под ред. А. Ф. Кузнецова. Омск, 2012.
5. Глушков М. Р. Проблемный аспект применения физической силы при проведении ОРМ // Оперативник (сыщик). 2015. № 1.
6. Черников В. В., Соловей Ю. П. Комментарий к Закону РФ «О милиции». М., 2000.

References

1. Solovey Yu. P. Legal regulation of the use of force by the police // State and law. 1993. No. 4.
2. Volkova N. P. Problems of the use of physical force, special means and firearms by police officers // Economic Bulletin of law enforcement agencies. 2016. No. 1.
3. Commentary on the Federal Law «On Police» / edited by I. L. Trunova. M., 2012.
4. Physical training / edited by A. F. Kuznetsov. Omsk, 2012.
5. Glushkov M. R. The problematic aspect of the use of physical force during an OPM // Operative (detective). 2015. No. 1.
6. Chernikov V. V., Solovey Yu. P. Commentary on the Law of the Russian Federation «On militia». M., 2000.

Информация об авторах

А. В. Куракин — профессор кафедры частного права Государственного университета управления, доктор юридических наук, профессор;

И. А. Адмиралова — профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Kurakin — Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Legal Sciences, Professor;

I. A. Admiralova — Professor of the Department of Police Training for Public Order Protection Units and Migration Units of the All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024. The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-87-92>

EDN: <https://elibrary.ru/fskass>

NION: 2003-0059-5/24-146

MOSURED: 77/27-003-2024-05-345

Принципы производства по делам об административных правонарушениях по административно-деликтному законодательству Российской Федерации и государств – участников СНГ

Ольга Владимировна Курбатова¹, Любовь Львовна Сакулина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Statya2015@mail.ru

² sl13@rambler.ru

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент **Б. Ц. Жалсанов**

Аннотация. Рассматриваются положения административно-деликтного законодательства Российской Федерации и государств – участников СНГ, позволяющие раскрыть принципы производства по делам об административных правонарушениях. Акцентируется внимание на гарантиях реализации принципов производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: правонарушение, производство, принципы, наказание, субъект административной юрисдикции, принятие решения

Для цитирования: Курбатова О. В., Сакулина Л. Л. Принципы производства по делам об административных правонарушениях по административно-деликтному законодательству Российской Федерации и государств – участников СНГ // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 87–92. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-87-92>. EDN: FSKASS.

Original article

Principles of proceedings in cases of administrative offenses under the administrative and tort legislation of the Russian Federation and the CIS member states

Olga V. Kurbatova¹, Lyubov L. Sakulina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Statya2015@mail.ru

² sl13@rambler.ru

Reviewer: Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **B. Ts. Zhalsanov**

Abstract. The provisions of the administrative and tort legislation of the Russian Federation and the CIS member states are considered, which allow to disclose the principles of proceedings in cases of administrative offenses. Attention is focused on guarantees of the implementation of the principles of proceedings in cases of administrative offenses.

Keywords: offense, production, principles, punishment, subject of administrative jurisdiction, decision-making

For citation: Kurbatova O. V., Sakulina L. L. Principles of proceedings in cases of administrative offenses under the administrative and tort legislation of the Russian Federation and the CIS member states. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):87–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-87-92>. EDN: FSKASS.

Принципы как важнейшая категория юридической науки определяют концептуальные основы и сущность права и раскрываются через общие начала, идеи, положения, установки и т. д., которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права. В научной литературе подчеркивается, что система

принципов позволяет с ней «сверяться», сравнивать все нормы, подлежащие применению [1, с. 86].

Для правоприменителя принципы императивны, т. е. иные процессуальные нормы должны им соответствовать, подчиняться и конкретизировать содержание. Будучи определяющими, принципы обуславливают решение вопросов, возникающих при

© Курбатова О. В., Сакулина Л. Л., 2024

производстве по делу об административном правонарушении [2, с. 252].

Принимая во внимание, что принципы названного производства производны как от задач законодательства об административных правонарушениях, так и задач самого производства по делу, а задачи прямо подчинены действию принципов, то соотношение данных категорий может быть выражено через желаемый результат и средства и правила его достижения.

В научной литературе под принципами производства по делам об административных правонарушениях понимают нормативно закрепленные требования к организации рассматриваемого производства, определяющие его основы и необходимые для уяснения смысла других правовых норм [3]; основные положения, длительное время не претерпевающие значительных изменений [4, с. 126] и определяющие сущность производства, содержание и смысл всех его регулирующих процессуальных норм и направляющих производство на решение стоящих перед ним задач [2, с. 252].

Объективно-субъективная правовая природа принципов отражает социальные и правовые реалии развития общества, степень правовой защиты личности, являясь результатом деятельности государства в рамках существующей правовой политики. Универсальность как признак принципов обеспечивает стабильность рассматриваемого производства [4, с. 127]. Субъективность принципов проявляется в способах закрепления объективного содержания в действующем законодательстве.

Представим результаты проведенного сравнительно-правового анализа административно-деликтного законодательства России — Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [5], и государств — участников СНГ¹: Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках (далее — Кодекс АзРоАП) [6]; Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее — КоАП РК) [7]; Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях (далее — Кодекс КРоАП) [8]; Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности (далее — Кодекс АО РУ) [9]; Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее — ПИКоАП РБ) [10]; Процессуального кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан (далее — ПКоАП РТ) [11], в части

закрепления принципов производства по делам об административных правонарушениях. Некоторые нормативные положения государств — участников СНГ целесообразно использовать при совершенствовании административно-деликтного законодательства Российской Федерации в рамках третьей волны его реформирования [12].

Можно констатировать, что административно-деликтные законы России и государств — участников СНГ в целом единообразно закрепляют принципы, при этом в них отдельно закреплены принципы законодательства об административной ответственности и принципы производства по делам об административных правонарушениях. Исключением является Кодекс Кыргызской республики о правонарушениях, так как в нем нет отдельно закрепленных принципов производства, а только принципы ответственности за правонарушения.

Учитывая различные способы структуризации положений законов, определяющих основные, исходные начала административно-деликтного производства, вначале рассмотрим принципы производства, которые законодательно закреплены именно в качестве таковых.

Так, принцип языка, на котором ведется производство по делу, закреплен в кодексах Российской Федерации, республик Азербайджан, Казахстан, Узбекистан; не нашел отражения в кодексе Кыргызской Республики. Гарантии реализации данного принципа схожи и выражаются в закреплении права участвующих в производстве лиц на предоставление информации, разъяснений, жалоб, ходатайств, на ознакомление с материалами дела на родном языке или на том, которым владеют, а также на услуги переводчика.

¹ Не будет проанализировано административно-деликтное законодательство следующих государств: Грузии (вышла из состава СНГ в 2009 г.); Украины (с 2014 г. фактически не участвует в деятельности Содружества, однако официального уведомления о выходе из организации не направляла; не подписала Устав Содружества); Туркменистана (не подписал Устав Содружества); Молдовы (с учетом принятого решения об инициации выхода страны из межпарламентской ассамблеи СНГ, а также принятых решений о денонсации ряда соглашений); Армении (с учетом того, что закон действует с 1985 г. и многие положения не актуальны. При этом также следует учитывать недружественное поведение Армении, выразившееся в ратификации Римского статута Международного уголовного суда, в проведении в сентябре 2023 г. совместных армяно-американских учений на территории Армении и др. действий).

Принцип открытости рассмотрения дела закреплен в кодексах Российской Федерации, республик Азербайджан, Узбекистан (особенность — установление места рассмотрения дела в целях повышения воспитательной и предупредительной роли самого производства); не нашел отражения в кодексе Кыргызской Республики, а в кодексе Республики Казахстан указан среди принципов законодательства об административных правонарушениях.

Кодекс Республики Узбекистан, помимо названных, закрепляет принцип равенства граждан перед законом и органом (должностным лицом), рассматривающим дело.

Отметим, что на производство влияют принципы законодательства об административных правонарушениях, которые в административно-деликтных законах России, республик Азербайджан, Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан закреплены в отдельных главах. Так, например, речь идет о принципах законности и равенства перед законом, а также презумпции невиновности (в кодексе Республики Узбекистан определен в качестве принципа производства по делу).

Отличием названных законов от КоАП РФ является расширение перечня принципов законодательства об административных правонарушениях, в который включены: демократизм (Узбекистан); неотвратимость ответственности (Узбекистан, Кыргызстан); справедливость (Узбекистан, Кыргызстан, Азербайджан); гуманизм (Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан).

В кодексе Республики Кыргызстан также закреплен принцип индивидуализации взыскания; в кодексе Республики Азербайджан — предупреждение административных проступков (выражается в выработке и осуществлении государственными органами (структурами) и муниципалитетами мероприятий, направленных на предупреждение таких проступков, выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению, повышение правосознания и культуры граждан и их воспитание в духе строгого соблюдения законов).

Более подробно принципы законодательства об административных правонарушениях регламентированы в кодексе Республики Казахстан. В дополнение к вышеуказанным закреплены следующие принципы: неприкосновенность личности, уважение ее достоинства и чести; неприкосновенность частной жизни,

собственности и охрана тайны; независимость субъекта административной юрисдикции при рассмотрении дела; освобождение от обязанности давать свидетельские показания (распространяется также на священнослужителя и уполномоченного по правам человека); обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь, а также безопасности в ходе производства (проверка документов, удостоверяющих личность лиц, желающих присутствовать при производстве по делу, осуществление их личного досмотра и досмотра находящихся при них вещей); право оспаривания процессуальных решений и обжалования процессуальных действий; судебная защита прав, свобод и законных интересов лица (в том числе путем установления запрета на изменение предусмотренной законом подсудности без согласия лица, в отношении которого ведется производство по делу).

Обратим внимание, что в республиках Беларусь и Таджикистан производство по делам об административных правонарушениях регулируется отдельными законами (процессуальными кодексами); соответственно, принципы производства в них и закреплены, причем в расширенном варианте. При этом следует учитывать законодательные формулировки и структуризацию закона. В то время как для государств, в которых материальные и процессуальные вопросы административной ответственности регламентируются одним кодифицированным законом, многие принципы производства вытекают из положений принципов административной ответственности.

Так, в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях принципы административного процесса (т. е. определенного законом порядка деятельности его участников по делу об административном правонарушении) представлены очень обширно. Принципы законности, презумпции невиновности, языка, равенства перед законом, открытости не нарушают традицию установления базовых принципов производства и ответственности. При этом существенным достоинством ПИКоАП РБ является закрепление гарантии реализации принципа законности, выразившееся в установлении ответственности уполномоченных органов и признании их решений, принятых по делу, не имеющими юридической силы, а также признании полученных с нару-

шением порядка доказательств недопустимыми. Это обстоятельство представляется важным, так как зачастую принцип законности носит декларативный характер, отличается предельной абстрактностью, обобщенностью, фундаментальностью и неконкретностью. [13, с. 33].

Остальные принципы производства по процессуальному законодательству Республики Беларусь тождественны принципам законодательства об административных правонарушениях Республики Казахстан. Среди них:

- ♦ обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов (предусматривает создание условий для осуществления данной защиты, своевременное принятие мер для удовлетворения законных требований участников процесса; устанавливает запреты на ограничение прав, свобод и законных интересов участников процесса, на понуждение к исполнению не установленных законом обязанностей, либо к отказу от своих прав, на принуждение к даче объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников; возмещение вреда, причиненного лицу в результате нарушения его прав и свобод во время деликтного процесса);

- ♦ неприкосновенность личности, уважение ее достоинства, чести, деловой репутации, а также жилища и иных законных владений (установление запрета на вхождение на указанные объекты против воли лица; обязывание уполномоченных субъектов по соблюдению процедуры вторжения на указанные объекты);

- ♦ право физического лица, в отношении которого ведется процесс, на защиту (лично или с помощью защитники);

- ♦ независимость субъекта административной юрисдикции, ведущего процесс;

- ♦ обжалование процессуальных действий, постановлений уполномоченных субъектов. Отметим, что по КоАП РФ процессуальные действия обжалованию не подлежат, такая возможность предусмотрена только в рамках КАС РФ [14].

Кроме того, в ПИКоАП РБ нашел отражение также принцип публичности административного процесса, предполагающий принятие мер уполномоченными субъектами по обнаружению, предупреждению (профилактике) административных правонарушений, а также выявлению лиц, их совершивших. В этой связи отметим, что в научной литературе

принцип публичности рассматривается как одно из оснований деятельности от имени государства и в его интересах [15, с. 244]. Осуществление прокурорского надзора за исполнением законов при ведении процесса как принцип выступает общей гарантией реализации всех перечисленных в процессуальном законе Республики Беларусь принципов.

В Республике Таджикистан процессуальный административно-деликтный закон закрепляет принципы процессуального законодательства об административных правонарушениях, не называя их принципами производства, которые в целом идентичны закрепленным в аналогичном законе Республики Беларусь (законность; судебная защита прав, свобод и законных интересов личности; равенство перед законом и судом; защита чести, достоинства личности и деловой репутации; обеспечение безопасности при оформлении и ведении производства; гласность; правовая поддержка производства; презумпция невиновности; независимость судей; язык производства).

Различия касаются следующих моментов:

- ♦ принцип законности гарантируется закрепленной нормативно обязанностью уполномоченных субъектов приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный суд Республики Таджикистан об установлении соответствия конкретной нормы Конституции Республики Таджикистан, если применяемая норма ущемляет конституционные права и свободы человека. Решение высшего судебного органа дает основание для возобновления производства;

- ♦ ПКоАП РТ закрепляет право каждого на получение правовой помощи в ходе производства, а также принцип обеспечения безопасности в процессе производства (обязывая уполномоченных субъектов принимать меры по защите жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества лиц, участвующих в производстве, а также их близких родственников в случае получения достоверной информации об угрозах жизни либо имуществу);

- ♦ закрепляя принцип презумпции невиновности, ПКоАП РТ не устанавливает исключения из данного принципа, обусловленные фиксацией правонарушения техническими средствами. Такое исключение из данного принципа есть только в КоАП РФ и ПИКоАП РБ.

Таким образом, можно констатировать, что принципы производства по делам об административ-

ных правонарушений, принципы ответственности и принципы законодательства об административных проступках (здесь приведены законодательные формулировки) взаимосвязаны, представляют собой неразрывное единство.

Проведенный анализ принципов административно-деликтного производства также показывает, что часть из них носит общедекларативный характер и, как подчеркивается в научной литературе, не имеет прикладного значения при разрешении административных дел [13, с. 34]. Другая часть носит собственно процессуальный, прикладной характер, имеющий практическую значимость при разрешении конкретных дел субъектами административной юрисдикции.

При этом отметим существенное достоинство административно-деликтного закона Республики Кыргызстан в части закрепления такого принципа, как индивидуализация взыскания. В отечественном административно-деликтном законе такой принцип не назван, его можно вычленировать, анализируя обычные и специальные правила назначения административного наказания, применение которых должно быть направлено на персонализацию мер административного принуждения.

Список источников

1. Гриненко А. В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: дисс. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
2. Хадисов Г. Х. и др. Административно-деликтное право: учебник. В 2 т. Т. II. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020.
3. Нобель А. Р. Понятие, правовая природа и признаки принципов производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 28–34.
4. Кальницкая И. В. К вопросу о роли принципов в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. № 4. С. 125–127.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
6. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках, утв. Законом Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ «Об утверждении Кодекса Азербайджанской Респуб-

лики об административных проступках» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427

7. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399

8. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164

9. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22 сентября 1994 г. № 2015-XII // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092

10. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-3 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32621478

11. Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 975 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31428231

12. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30 января 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Государственное управление и административное право: советская эпоха и современность: моногр. / под ред. А. И. Стахова, В. А. Зюзина. М., 2022.

14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990>

15. Барабаш А. С., Цуканов Н. Н. Особенности проявления публичности в уголовном процессе и в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3. С. 244–249.

References

1. Grinenko A. V. The system of principles of criminal procedure and its implementation at the pre-trial stages: diss. ... doctor of legal sciences. Voronezh, 2001.
2. Hadisov G. H. et al. Administrative and tort law: textbook. In 2 vols. II. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2020.

3. Nobel A. R. The concept, legal nature and signs of the principles of proceedings in cases of administrative offenses // Actual problems of Russian law. 2020. No. 5. P. 28–34.
4. Kalnitskaya I. V. On the role of principles in the proceedings on administrative offenses // Bulletin of the KRSU. 2009. Vol. 9. No. 4. P. 125–127.
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
6. The Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offenses, approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 29, 2015 No. 96-VQ «On approval of the Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offenses» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427
7. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses dated July 5, 2014 No. 235-V // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399
8. Code of the Kyrgyz Republic on Offenses dated October 28, 2021 No. 128 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164
9. Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Responsibility dated September 22, 1994 No. 2015-XII // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092
10. Procedural and Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses dated January 6, 2021 No. 92-Z // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32621478
11. Procedural Code of Administrative Offences of the Republic of Tajikistan dated July 22, 2013 No. 975 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31428231
12. The draft «Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» (prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation, project ID 02/04/01-20/00099061) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of January 30, 2020) // LRS «Consultant-Plus».
13. Public administration and administrative law: the Soviet era and modernity: monograph. / edited by A. I. Stakhov, V. A. Zyuzin. M., 2022.
14. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990>
15. Barabash A. S., Tsukanov N. N. Features of the manifestation of publicity in criminal proceedings and in proceedings on administrative offenses // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2012. No. 3. P. 244–249.

Информация об авторах

О. В. Курбатова — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент;

Л. Л. Сакулина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. V. Kurbatova — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

L. L. Sakulina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-93-96>

EDN: <https://elibrary.ru/gybizk>

НИОН: 2003-0059-5/24-147

MOSURED: 77/27-003-2024-05-346

Предмет легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

Валерий Николаевич Кужигов¹, Равиль Лутфирахманович Габдрахманов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kv1010@bk.ru

² garal-51@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные и дискуссионные вопросы определения предмета преступления по легализации денежных средств или иного имущества приобретенных преступным путем. Обосновано совершенствование российского уголовного законодательства с учетом происходящих качественных изменений в сфере совершаемых преступлений в области экономики.

Ключевые слова: международные конвенции, постановление Пленума Верховного Суда РФ, совершенствование уголовного законодательства

Для цитирования: Кужигов В. Н., Габдрахманов Р. Л. Предмет легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 93–96. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-93-96>. EDN: GYBIZK.

Original article

Subject of legalization of money or other property acquired by criminal means

Valery N. Kuzhikov¹, Ravil L. Gabdrakhmanov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kv1010@bk.ru

² garal-51@yandex.ru

Abstract. Actual and debatable issues of determining the subject of the crime of legalization of money or other property acquired by criminal means are considered. The improvement of Russian criminal legislation is justified, taking into account the ongoing qualitative changes in the field of economic crimes.

Keywords: international conventions, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, improvement of criminal legislation

For citation: Kuzhikov V. N., Gabdrakhmanov R. L. Subject of legalization of money or other property acquired by criminal means. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):93–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-93-96>. EDN: GYBIZK.

В последние годы во всем мире происходят масштабные изменения, имеет место глобализация всех сфер жизнедеятельности. В этой связи юридические нормы отстают от таких перемен, и не происходит полноценного осмысления окружающего мира. Активно меняется политическая, экономическая и финансовая обстановка. Россия активно старается взаимодействовать с новыми странами, поэтому возникают контакты с разными ранее не совсем известными банками и, таким образом, формируются новые экономические направления сотрудничества. Параллельно с этим и преступные элементы также контактируют с этими новыми субъектами международной кооперации и выстраивают свои отношения по обходу законодательства. Вот с такими новыми

вызовами приходится сталкиваться органам государственной власти.

Еще необходимо учитывать, что юристы, которые должны давать правовую оценку происходящим таким кардинальным изменениям, в целом проявляют известный консервативный подход. Как иногда говорят про юристов, что они дети своего общества, и дети своего времени. При этом Россия должна выполнять все подписанные и ратифицированные общеправовые и другие международные конвенции. При осуществлении своей деятельности по рассматриваемой проблематике, именно через призму такого понимания права, Российские судебные инстанции и сотрудники правоохранительных органов должны принимать правильные решения при юридической

© Кужигов В. Н., Габдрахманов Р. Л., 2024

квалификации общественно-опасных деяний. Российская Федерация как субъект международного права до последнего времени активно сотрудничала со всеми международными структурами было согласовано принятие ряда конвенций:

- ♦ «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» от 20 декабря 1988 г.;

- ♦ «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 г.;

- ♦ «Против коррупции» от 31 октября 2003 г.;

- ♦ «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 г.;

- ♦ «Об уголовной ответственности за коррупцию» от 27 января 1999 г.;

- ♦ «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма» от 16 мая 2005 г.

Вышеназванные конвенции обязали наше государство привести законодательство в соответствие с этими стандартами, и наше государство выполнило эти требования.

26 февраля 2019 г. [1] были внесены дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». Эти изменения коснулись и закрепления доказательственной базы по отыманию активов.

На доктринальном уровне подчеркивалось, что субъект преступления по легализации доходов должен обладать информацией, что денежные средства или иное имущество были приобретены преступным путем. Такие сведения должны содержаться в приговоре суда на основе совершенного предыдущего (предикатного) преступления до легализации таких доходов. На сегодняшний день (с 2019 г.) такое разъяснение субъекта преступления по легализации доходов выглядит неправильным с учетом разъяснения Верховного Суда России. В новой редакции вышеназванного Пленума предмет преступления по легализации определяется и по принятым процессуальным решениям дознавателя или следователя. Для этого в процессуальных документах должны быть сведения, что подозреваемый или обвиняемый осуществлял действия, направленные

на то, чтобы продемонстрировать, что этими активами владеет и пользуется якобы на законном основании. Речь идет о прекращении уголовного преследования на стадии предварительного расследования. Самое главное — чтобы имело место событие совершенного деяния, и содержались доказательства, и была дана соответствующая уголовно-правовая оценка. Это касается следующих оснований, которые позволяют прекратить расследование в связи:

- ♦ со смертью лица;

- ♦ с недостижением возраста уголовной ответственности;

- ♦ с истечением сроков давности преступления;

- ♦ с деятельным раскаянием;

- ♦ с принятием акта об амнистии;

- ♦ с примирением сторон;

- ♦ был возмещен причиненный ущерб;

- ♦ с прекращением уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера, в виде судебного штрафа.

Это не полный перечень, потому что еще имеются основания по уголовно-процессуальному кодексу России, когда гражданин, с учетом его статуса в иерархии государственной власти, может и не привлекаться к уголовной ответственности. Такое правовое положение содержится в п. 6 ч. 1 ст. 24, 25.1 и 28.1 УПК РФ [2]. Это разъясняет указанный Пленум Верховного Суда РФ в новой редакции. Уголовное преследование может быть прекращено в связи с отсутствием согласия, в следующих случаях, с учетом требований выше обозначенных норм УПК РФ:

- ♦ Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела;

- ♦ в отношении Генерального прокурора РФ — Председателем Следственного комитета РФ на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ, принятого по представлению Президента РФ, о наличии в действиях Генерального прокурора РФ признаков преступления;

- ♦ в отношении Председателя Следственного комитета РФ — исполняющим обязанности Председателя Следственного комитета РФ на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ, принятого по представлению Президента РФ, о наличии в действиях Председателя Следственного комитета РФ признаков преступления;

♦ в отношении сенатора РФ и депутата Государственной Думы — Председателем Следственного комитета РФ с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы, полученного на основании представления Генерального прокурора РФ;

♦ в отношении судьи Конституционного Суда РФ — Председателем Следственного комитета РФ с согласия Конституционного Суда РФ.

Такой расширенный вариант разъяснения Пленума Верховного Суда, что предметом легализации могут быть признаны материальные ценности до признания предикатного преступления судом в своем обвинительном приговоре, конечно, будут вызывать споры. Потому что высшая судебная инстанция, в какой-то степени, можно сказать, выходит за пределы своих полномочий. Когда уголовное законодательство прямо указывает: «приобретенные преступным путем». Далее не буду повторяться, какой государственный орган признает вину в совершенном деянии.

Кроме этого, отдельно стоит упомянуть, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ с учетом требований Конвенции Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма» [4], криптовалюту, т. е. виртуальный актив следует отнести к предмету легализации. Такой подход суда продолжает вызывать горячие споры на доктринальном уровне. Здесь также возникают трудности при квалификации в правоприменительной практике. Представляется, что виртуальные активы следовало бы в начале признать как «иное имущество» по Гражданскому законодательству. Для этого внести дополнение в ст. 128 ГК РФ. Такой же точки зрения придерживается и М. М. Долгиева [3]. Последние изменения в эту норму были внесены 24 июля 2023 г. в контексте цифрового рубля, но про цифровую валюту виде криптовалюты ничего не было указано, хотя Верховный Суд указал на это еще 2019 г. В итоге получается, что, вместо законодателя, Верховный Суд создает новую норму? Достаточно часто преступные элементы криптовалюту применяют по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств или психотропным веществ. Это подтверждается вынесенными многочисленными обвинительными приговорами судов [5].

Платежи могут осуществляться как в наличной, так и в безналичной форме, включая расчеты с циф-

ровыми рублями. Иностранная валюта может действовать на территории России, но регламентируется отдельным федеральным законом. До последнего времени, как правило, иностранная валюта была в основном представлена в виде долларов и евро. Сейчас уже появляются все больше и больше другие валюты и другие формы расчетов. Финансовые потоки уходят в Юго-Восточную Азию, в центрально-азиатские и арабские страны.

На сегодняшний день Россия активизировала работу по широкому внедрению цифрового рубля в экономику страны. На это стимулирует, в том числе, и введенные многочисленные санкции со стороны западных государств. Внедрение цифрового рубля, скорее всего, будет проходить на платформе Банка России. Полномасштабное постепенное внедрение в экономику, в хозяйственную деятельность и сферу финансов предполагается начать с 2025 г.

Основной структурой, призванной содействовать эффективному противодействию легализации доходов, является Росфинмониторинг России [6]. Эта структура, с учетом цифровой трансформации процессов, предпринимает шаги, призванные минимизировать риски для страны, связанные с отмыванием активов. Для этого развивает цифровые сервисы, которые позволяют оценить риски, обмениваться информацией с иностранными структурами, занимающимися финансовой разведкой; заработало программное обеспечение для выявления прозрачности блокчейна. Как известно криптовалюта создается на базе существующих правил блокчейна. Самая известная криптовалюта в мире на сегодняшний день, это «биткоин» Их в мире сотни вариантов. Сейчас инструменты позволяют отслеживать эти цепочки движения криптовалюты: от покупателя к продавцу и т. д.

Ряд вопросов возникает по поводу изъятия и хранения криптовалюты или иных виртуальных активов. К сожалению, Пленум Верховного Суда РФ в своих разъяснениях не указывает, по какому курсу следует посчитать стоимость криптовалюты. Представляется, что с учетом волатильности виртуальной валюты, стоимость следует определять по биржевому курсу на момент легализации этих активов.

Таким образом, предмет легализации доходов можно установить с проведением предварительного расследования, не доводя возбужденное уголовное дело до обвинительного приговора суда по предикатному преступлению, совершенному до легализации

доходов. С учетом таких подходов, может быть, следует возвратиться к старой редакции УК РФ по легализации доходов, когда было указано, что предметом легализации являлись ценности, приобретенные «незаконным путем». Поэтому по ранее действующему уголовному законодательству под легализацию доходов попадали и активы, приобретенные с нарушением требований других отраслей права и, в том числе, за не соблюдение требований подзаконных актов. Правда следует констатировать, что, даже не смотря на такой подход, по старой редакции УК РФ, когда даже не обязательно было доказывать вину, потому что кроме уголовного закона нарушались требование и других отраслей права, уголовные дела возбуждались очень редко. Такое положение, с точки зрения работы правоохранительных органов по противодействию, можно объяснить общей непростой ситуацией в стране в так называемые «нулевые годы». Кроме этого, в стране еще продолжался переходный этап развития страны по накоплению первоначального капитала и создание слоя капиталистов. К сожалению, с развитием новых технологий и нейросетей резко возрастают масштабы совершаемых преступлений в сфере экономической деятельности и, соответственно, все сложнее будет доказывать происхождение преступно нажитых капиталов. Поэтому правоохранительной системе государства следует акцентировать свое внимание не только на получении доходов, но и может быть, даже в первую очередь, на

расходах физических и юридических лиц. Для этого необходимо создание правовой базы для такой деятельности. Сложившаяся ситуация влияет на теневую экономику. Отдельная тема: следует разработать законодательство о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц.

Список источников

1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/
2. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/>
3. Долгиева М. М. Конфискация криптовалюты // Законность. 2018. № 11. С. 45–49.
4. URL: <https://www.consultant.ru/search/?q/>
5. Сидоренко Э. Л. Наркотики и криптовалюта: новые криминологические тренды // Наркоконтроль. 2018. № 2. С. 8–13.
6. URL: <https://www.fedsfm.ru/about/declaration/>

References

1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/
2. URL: <http://www.fedsfm.ru/documents/>
3. Dolgieva M. M. Confiscation of cryptocurrencies // Legality. 2018. No. 11. P. 45–49.
4. URL: <https://www.consultant.ru/search/?q/>
5. Sidorenko E. L. Drugs and cryptocurrency : new criminological trends // Drug Control 2018. No. 2. P. 8–13.
6. URL: <https://www.fedsfm.ru/about/declaration/>

Информация об авторах

В. Н. Кузиков — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Р. Л. Габдрахманов — профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. N. Kuzhikov — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

R. L. Gabdrakhmanov — Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 02.10.2024.
The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 02.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-97-100>

EDN: <https://elibrary.ru/hdpjsw>

НИОН: 2003-0059-5/24-148

MOSURED: 77/27-003-2024-05-347

Инновационные технологии, способствующие развитию цифровой трасологии

Надежда Павловна Майлис

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, jlmaylis@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с использованием инновационных технологий при исследовании различных новых видов следов, которые остаются на месте происшествия. Обозначены проблемы и предложены пути их решения при изучении цифровой информации, отображающейся в следах; при унификации терминов при изучении экспертных ошибок.

Ключевые слова: цифровая трасология, инновационные технологии, цифровые следы, термины и стандартизация понятий, экспертные ошибки

Для цитирования: Майлис Н. П. Инновационные технологии, способствующие развитию цифровой трасологии // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 97–100. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-97-100>. EDN: HDPJSW.

Original article

Innovative technologies that contribute to the development of digital tracology

Nadezhda P. Maylis

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, jlmaylis@yandex.ru

Abstract. Current issues related to the use of innovative technologies in the study of various new types of traces that remain at the scene of an accident are considered. The problems are outlined and the ways of their solution are proposed in the study of digital information displayed in traces, unification of terms, expert errors.

Keywords: digital traceology, innovative technologies, digital traces, terms and standardization of concepts, expert errors

For citation: Maylis N. P. Innovative technologies that contribute to the development of digital tracology. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):97–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-97-100>. EDN: HDPJSW.

Введение. Институт судебной экспертизы и основные его составляющие, представляющие собой различные классы и роды судебных экспертиз, в последние годы активно используют инновационные технологии при исследовании вещественных доказательств. Как известно, одним из важных направлений в раскрытии и расследовании преступлений являются различные следы, которые остаются на месте происшествия в результате несанкционированных действий преступников. Различные виды следов достаточно хорошо изучены в разделе трасологии, но в настоящее время, с появлением электронной информации и ее следов, необходимо их более углубленное изучение, что позволит получать фактические данные, используемые в качестве доказательств.

Материалы и методы. Развитие научно-технического прогресса привело к разработке инновационных технологий, которые позволяют изучать и исследовать новые виды следов, отображаемых на электронных носителях. Такие следы большинством ученых принято называть «цифровыми», они являются невидимыми, но имеют материальную природу, что

позволяет использовать имеющуюся в них информацию в целях доказывания. Традиционные следы, которые всегда остаются на месте происшествия, изучаются в рамках такого важного направления в судебной экспертизе, как трасология. Несмотря на то, что научные и методические основы ее достаточно разработаны, в настоящее время, исходя из новых способов совершения преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники, появлением новых видов следов, требуются иные подходы к их изучению и исследованию. Сложности в экспертной практике связаны со многими обстоятельствами. Прежде всего, с многочисленными объектами, предоставляемыми в распоряжение эксперта. К ним относится большая группа следов человека (рук, босых ног, зубов, обуви), следы орудий и инструментов, исследование замков, пломб, следы транспортных средств, животных, микрообъектов и редковстречающихся объектов. В целом очертить круг изучаемых объектов, являющихся вещественными доказательствами в трасологии, достаточно сложно. В этой связи требуется разработка как общей методики иссле-

© Майлис Н. П., 2024

дования различных объектов с использованием современных инновационных технологий, так и частных методик по отдельным ее видам.

В контексте обозначенной темы рассмотрим возможности развития трасологической экспертизы на современном уровне и некоторые пути решения имеющихся проблем.

Несмотря на еще недостаточное изучение природы новых видов следов в трасологии, учеными получены положительные результаты, например, при использовании 3D-сканирования, 3D-печати при исследовании следов обуви [1], изделий массового производства 3D-оборудования, 3D-признака; разработаны методические рекомендации по исследованию следов инновационных производственно-технологических механизмов, компьютерные 3D-модели, с которых изготавливаются изделия, и некоторых других объектов, являющихся вещественными доказательствами [2].

Кроме того, исследователями создано автоматизированное рабочее место эксперта-трасолога, интегрированного в систему обработки данных (ИСОД) МВД России с применением 3D-сканирования, 3D-моделирования, 3D-микроскопии при исследовании объектов трасологических экспертиз; разработан и внедрен в судебно-экспертную деятельность электронный документооборот с использованием интегрированной системы обработки данных (ИСОД) МВД России.

Исходя из самых разнообразных объектов, которые исследуются в трасологической экспертизе, в рамках современной «цифровой трасологии», которая была нами выделена в самостоятельный раздел в рамках общей трасологии в 2008 г. [3], необходимо продолжать изучение и разрабатывать новые подходы и по другим объектам.

Важное место в общей трасологии занимает механизм образования следов и в этой связи необходимо отметить отличие его при формировании традиционных и цифровых следов.

При исследовании следов в общей трасологии, основным фактором является механическое контактное взаимодействие следообразующего и следовоспринимающего объектов, имеющих физические свойства; при образовании же цифровых следов, форма и размеры объекта в традиционном понимании отсутствуют, можно зафиксировать лишь изменения на уровне электромагнитных взаимодействий цифрового сигнала, которые могут быть выявлены только с помощью технических средств, преобразующих электрон-

но-цифровую модель объекта в вид, доступный для восприятия исследователя. При таком различии как в обнаружении, так и при фиксации цифровых следов требуется свой комплекс методов, приемов и технических средств, а также порядок их применения. Эти факторы необходимо учитывать при использовании в процессе исследования различных видов моделирования, так как они отличаются при исследовании традиционных следов. Поскольку цифровые следы являются электронной информацией, то необходимо использовать компьютерное моделирование на уровне комплексных исследований. Такой вид моделирования с использованием цифровых технологий позволяет выявлять и устанавливать механизм следообразования, определять действия и их последствия в результате совершенного деяния, что будет способствовать установлению механизма совершенного преступления в целом.

Реализация компьютерного моделирования возможна при комплексном подходе с учетом использования знаний из различных областей, а это, в свою очередь, обязывает экспертов совершенствовать свои знания в тех или иных технологических процессах. При таком комплексном подходе, когда эксперты, принимающие участие в производстве конкретной экспертизы, имеют различные специальные знания, используют технические термины, принятые в своей специальности, особенно в области компьютерной техники, процессуальным субъектам сложно понять их смысловую нагрузку при оценке результатов проведенной экспертизы. Не всегда понимание таких терминов доступно и эксперту другой специальности, в случае проведения комплексной экспертизы. В этой связи необходима дополнительная подготовка процессуальных субъектов (следователей, судей и экспертов). Более того, на наш взгляд, целесообразно разработать справочник специальных терминов и понятий, используемых при производстве таких экспертиз. Это позволит процессуальным субъектам, не имеющим специальных знаний в области компьютерных технологий, правильно оценить результаты проведенной экспертизы.

Особое место занимает сохранение извлеченной компьютерной информации. Как известно, к традиционным материальным следам предъявляются требования их сохранности, начиная не только с осмотра места происшествия, но и при их фиксации, транспортировки и при производстве конкретных экспертиз. Они описаны во многих учебных и методических пособиях и, как правило, выполняются. Относительно

цифровых следов необходимо разработать рекомендации, содержащие требования к их сохранности с учетом их специфики и механизма следообразования.

Результаты и обсуждение. В рамках развития цифровой трасологии на современном уровне необходимо следовать определенным цифровым стандартам для соблюдения всех условий формирования доказательств.

При производстве многих видов судебных экспертиз, в том числе и трасологической, используются стандартизированные понятия, закрепленные в ГОСТах или иной нормативно-технической документации.

При описании того или иного процесса, объекта используются как уже устоявшиеся понятия и обозначающие их термины, так и новые, содержащие, в том числе, технические термины, закрепленные в соответствующих ГОСТах. Использование технических терминов, интегрированных в судебную экспертизу из предметных областей соответствующих родов (видов) экспертиз, является естественным процессом, что же касается использования их в традиционных видах экспертиз, в том числе и трасологических, то нередко возникает вопрос: насколько правомерно их использование при описании и самих объектов и признаков, которые отображаются в процессе их изготовления. В рамках трасологической экспертизы такой подход является обоснованным, особенно при исследовании объектов в разделе механоскопия и транспортной трасологии. Так, например, при описании изделий массового производства, необходимо обращать внимание на имеющиеся дефекты на них, допускаются ли они ГОСТом, в случае же если не допускаются, то следует их рассматривать как частные признаки оборудования, механизма, на котором они изготавливаются, т. е. признаки производственно-технологического характера. Определение их позволяет эксперту решать многие вопросы, например, с одной ли матрицы изготовлены предметы (изделия), на одном и том же предприятии, в одной и той же партии, соответствуют ли они определенным стандартам и образцам. Выявление отклонений от ГОСТа, наличие каких-либо дефектов, должно указываться в заключении эксперта, а их правильная экспертная оценка, несомненно, будет способствовать качественному экспертному исследованию и достоверности выводов.

Использование технических терминов в транспортной трасологии имеет место особенно при решении диагностических задач. Так, например, как мы отмечали ранее [4, с. 359–385], в технической диагно-

стике используется «диагностический тест», под которым понимается совокупность проверок для определения состояния системы. В транспортной трасологической экспертизе, можно разработать экспертный диагностический тест при исследовании соответствующих объектов, при этом можно создать систему диагностических свойств, на их основании выделить структуру признаков, характеризующих эти свойства. При исследовании транспортных средств, их деталей, необходимо знать различные стандарты и по их изготовлению, технические условия и многие требования к различному оборудованию. Особенно важно учитывать стандарты при комплексных исследованиях, когда устанавливаются свойства отделившихся в результате дорожно-транспортных происшествий деталей, частиц стекла, лакокрасочного покрытия и т. п.

При использовании технических терминов, на наш взгляд, необходимо в исследовательской части заключения эксперта давать пояснения, что в конкретном случае под тем или термином подразумевается. Такой подход не будет вызывать сомнений в обоснованности полученных результатов, не приведет к назначению дополнительной экспертизы в связи с неясностью уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом. Необходимо отметить, что на важность применения ясной терминологии указывал и Пленум Верховного Суда от 21 декабря 2010 г. № 28. В п. 13 постановления отмечается, что «под недостаточной ясностью следует понимать невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, которые невозможно устранить путем допроса в судебном заседании эксперта, производившего экспертизу».

В контексте рассматриваемых проблем в современной трасологии нельзя обойти вниманием и возможность допущения экспертных ошибок, связанных с использованием новых технологий при изготовлении различных исследуемых объектов и при непосредственном производстве трасологических экспертиз. Большая доля технических ошибок может повлиять на объективность полученных результатов при исследовании самых разнообразных объектов. Так, например, при изготовлении изделий массового производства в настоящее время на промышленных предприятиях используются инновационные технологии, при этом оборудование постоянно модерни-

зируется. Эксперты, не зная в полной мере производственных признаков на изделиях, изготовленных по новым технологиям, в том числе 3D-печати, зачастую приходят к ошибочным выводам.

В контексте обозначенной темы отметим некоторые экспертные ошибки при исследовании цифровых следов. В зависимости от этапов исследования, они могут быть выявлены на этапе обнаружения, изъятия и при исследовании [5].

На этапе обнаружения ошибки могут быть допущены экспертом в силу его невнимательности, недостаточной компетентности или нарушения методики поиска цифровых следов.

На этапе изъятия цифровых следов могут быть внесены изменения в информацию, содержащуюся на электронных носителях. Это может быть связано с недостаточной компетентностью специалиста и нарушения им методики изъятия, намеренного или намеренного ее искажения при неотложности оперативных действий.

На этапе исследования цифровых следов к ошибкам можно отнести непредумышленное нарушение специалистами в области компьютерной экспертизы основного правила криминалистики и судебной экспертизы — сравнивать подобное с подобным. В связи с тем, что у некоторых специалистов в области компьютерной экспертизы отсутствует базовое криминалистическое образование, они не всегда осведомлены об этом правиле. Как следствие, специалист может проводить сравнение разных объектов, например, действий правонарушителя с появившейся в результате этих действий информацией, вынося при этом суждения, которые с криминалистической точки зрения ошибочны.

Заключение. Таким образом, углубленное изучение возможностей исследования различных следов в рамках «цифровой трасологии» будет способствовать их расширению на более высоком уровне, новым подходам на основе инновационных технологий, как этого требует современность.

Информация об авторе

Н. П. Майлис — профессор кафедры оружия и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ.

Information about the author

N. P. Maylis — Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.
The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Список источников

1. Несмиянова И. О. Применение информационных технологий в производстве трасологических экспертиз: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
2. Коглина В. А. Криминалистическое исследование изделий массового производства, изготовленных по инновационным технологиям: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
3. Майлис Н. П. Место трасологии в системе судебных экспертиз на основе интеграции знаний // Теория и практика судебной экспертизы. М., 2008.
4. Майлис Н. П. Использование технических терминов как важная составляющая при производстве диагностических экспертиз: III междунар. науч.-практич. конф. «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы». М., 2019. С. 359–385.
5. Майлис Н. П. Ошибки при производстве трасологических экспертиз. В кн.: «Судебная экспертиза: типичные ошибки». 2-е изд. перераб. и доп. М., 2024.

References

1. Nesmeyanova I. O. Application of information technologies in the production of tracological examinations: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2021.
2. Kaplina V. A. Forensic investigation of mass-produced products manufactured using innovative technologies: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2021.
3. Mailis N. P. The place of tracology in the system of forensic examinations based on the integration of knowledge // Theory and practice of forensic examination. M., 2008.
4. Mailis N. P. The use of technical terms as an important component in the production of diagnostic examinations: III international scientific and practical conference. «Debatable issues of the theory and practice of forensic examination». M., 2019. P. 359–385.
5. Mailis N. P. Errors in the production of tracological examinations. In the book: «Forensic examination: typical mistakes». 2nd ed. reprint. and additional. M., 2024.

Научная статья

УДК 340.15:351.74

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-101-108>

EDN: <https://elibrary.ru/gprcvs>

ИПОН: 2003-0059-5/24-149

MOSURED: 77/27-003-2024-05-348

Проблема кадрового обеспечения полиции: соотношение материального обеспечения чинов сыскной полиции и качества правопорядка в Российской империи в начале XX в.

Татьяна Львовна Матиенко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, pet4332@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о соотношении материального обеспечения и условий службы сотрудников сыскной полиции Российской империи в начале XX в. На основе широко круга источников, отражающих состояние материального обеспечения и социальной защищенности сотрудников сыскной полиции, выявлено, что чины сыскных отделений относились к низкооплачиваемой категории государственных гражданских служащих. Обоснован тезис о том, что именно этот фактор стал причиной кадрового дефицита в сыскной полиции, несоответствия личных качеств ее сотрудников предъявляемым к ним служебным требованиям и низким показателей раскрываемости преступлений.

Ключевые слова: полиция, сыскные отделения, материальное обеспечение, Министерство внутренних дел, кадры полиции, Российская империя

Для цитирования: Матиенко Т. Л. Проблема кадрового обеспечения полиции: соотношение материального обеспечения чинов сыскной полиции и качества правопорядка в Российской империи в начале XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 101–108. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-101-108>. EDN: GPRCVS.

Original article

The problem of staffing the police: the ratio of material support for the ranks of the detective police and the quality of law and order in the Russian Empire at the beginning of the XX century

Tatyana L. Matienko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, pet4332@yandex.ru

Abstract. The question of the ratio of material security and conditions of service of the staff of the detective police of the Russian Empire at the beginning of the XX century is considered. Based on a wide range of sources reflecting the state of material security and social security of detective police officers, it was revealed that the ranks of detective departments belonged to the low-paid category of state civil servants. The thesis is substantiated that this factor was the reason for the personnel shortage in the detective police, the inconsistency of the personal qualities of its employees with the official requirements imposed on them and low crime detection rates.

Keywords: police, detective departments, material support, Ministry of Internal Affairs, police personnel, Russian Empire

For citation: Matienko T. L. The problem of police staffing: the ratio of material support for the ranks of the detective police and the quality of law and order in the Russian Empire at the beginning of the XX century. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):101–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-101-108>. EDN: GPRCVS.

Исследование историко-правового опыта решения проблемы кадрового обеспечения полиции не только позволяет расширить знания о развитии системы органов внутренних дел, дает возможность составить объективное представление об их роли и месте в государственном механизме, но и нацеливает на раскрытие причин низкого авторитета полиции в обществе и непрестижности полицейской службы. Проведенная в 2011 г. реформа органов внутренних дел

Российской Федерации дала лишь кратковременный эффект повышения престижности профессии полицейского и усиления обеспеченности полиции профессиональными кадрами. На внеочередном заседании Совета Федерации, проходившем 14 мая 2024 г., министр внутренних дел В. А. Колокольцев озвучил, что некомплект личного состава в органах внутренних дел составил на тот момент 152 тыс. сотрудников, в том числе в уголовном розыске — 20 % [24, с. 31, 32].

© Матиенко Т. Л., 2024

Следует заметить, что проблеме кадрового обеспечения органов внутренних дел присуща историческая преемственность с момента образования российской полиции в 1718 г. На каждом этапе развития российского общества и государства она не только проявляла способность к воспроизводству, но и была острой и трудно разрешимой. Важность раскрытия причин и условий перманентной неразрешенности проблемы кадрового обеспечения российской полиции как научной исследовательской задачи, и основанного на его результатах и выводах поиска путей и средств ее преодоления диктуется тем очевидным фактором, что полиция не только является основным органом в системе исполнительных органов власти, но и максимально близко стоящим к обществу и выполняющим жизненно важные для него задачи охраны общественного порядка и противодействия преступности. Обращение к историко-правовому опыту материального обеспечения и социальной защищенности сотрудника сыскной полиции Российской империи обусловлено тем, что сыскная полиция не являлась самостоятельной службой, и сыскные отделения в системе общей полиции находились в статусе структурных подразделений полицеймейстерских канцелярий (территориальных органов местной городской полиции). Поэтому соотношение материального обеспечения и социальной защиты сотрудников сыскной полиции с условиями их службы отражает общую картину кадрового обеспечения полиции, адекватной состоянию российского общества и государства.

Формирование сыскной полиции Российской империи следует рассматривать как неизбежное следствие двух глобальных модернизаций общественного и государственного строя, проведенных во второй половине XIX — начале XX вв. Рост преступности, вызванный ускорением социально-экономических процессов капиталистического развития после отмены крепостного права в 1861 г., и реформы правоохранительной системы (предварительного следствия в 1860 г., полиции в 1862 г., судебной в 1864 г.), определившие место полиции в уголовном процессе, как органа дознания, имели результатом осмысление необходимости создания в структуре общей полиции специальных (профессиональных) подразделений — сыскных полиций в Санкт-Петербурге, Киеве, Москве и еще в 12 значимых городах Империи. Катализатором создания сети сыскных отделений в

1908–1916 гг. стали революционные события 1905–1906 гг., заставившие монархию и ее правительство встать на путь конституционных реформ и усиления полиции, в том числе ее специальных подразделений по борьбе с преступностью, причем не только с политической (охранные отделения), но и с общеуголовной. Оценка заместителя министра внутренних дел В. Ф. Джунковского состояния криминальной напряженности в этот период — «шквал революционной смуты... немало содействовал» росту преступности «до небывалых в России размеров» [2] — раскрывает не только трагизм состояния общества и государства и неспособность полиции эффективно противостоять внутренним угрозам, но и поспешность реформы общеуголовного сыска, проведенной с опережением общей реформы полиции, разрабатывавшейся с 1906 г. и ангажированной Министром внутренних дел и Председателем Совета министров П. А. Столыпиным во Второй Государственной Думе в марте 1907 г. [25, с. 55–56].

Направленный 29 декабря 1907 г. в Государственную Думу третьего созыва доклад П. А. Столыпина и законопроект «Об организации сыскной части в империи», опубликованный вместе с пояснительной запиской к нему, в официальном органе печати — Вестнике полиции — в январе 1908 г., были сконцентрированы на обосновании необходимости создания в составе общей полиции новых дополнительных подразделений, и, как следствие, расширение штатов полиции, и без того критикуемой либеральной оппозицией и радикальными партиями. В таких условиях, судя по содержанию доклада, вопрос о материальном обеспечении и социальной защищенности служащих сыскной полиции разработчиками законопроекта был поставлен на второй план и основательно разработан не был. Однако, из содержания как доклада, так и законопроекта усматривается стремление руководства МВД установить для служащих сыскных отделений приоритетные штатные нормативы и оклады по должности по сравнению с окладами служащих других подразделений общей полиции. Выдвинутые аргументы были убедительны: «деятельность сыскной полиции поставлена в такие условия, при которых наиболее доступны злоупотребления, а потому создавать путем ограничения окладов этих лиц лишние и естественные поводы к нарушению служебного долга невозможно»; «в деле исследований преступлений чины сыскных отделений являются

руководителями органов общей полиции, а потому для успеха выполнения этих функций должны занимать несколько более высокое положение в иерархическом отношении» [21, с. 8].

Кроме того, авторы законопроекта «Об организации сыскной части в Империи» (директор Департамента полиции МВД М. И. Трусевич и чиновник особых поручений Департамента полиции В. И. Лебедев), обосновывая утверждение о том, что приравнение должностного положения и материального обеспечения служащих в сыскных отделениях к общим нормативам в полиции является «нецелесообразным и противоречащим современным потребностям жизни», приводили примеры оплаты труда служащих полиции в западноевропейских странах: «в Лондоне городской получает 100 фунтов стерлингов, а в Париже — 150, и на каждого лондонского городского приходится задержанных 18 преступников, а на парижского — 30» [21, с. 8]. Тем не менее, в основу «алгоритма» определения денежного довольствия сотрудника сыскной полиции был положен тезис — «исчислить оклады служащих в сыскных отделениях в большем, сравнительно с общею полицией размере».

Однако в тот период денежное довольствие подавляющего большинства чинов полиции было явно невысоким. Даже после повышения в 1908 г. должностных окладов, годовое содержание полицейского служащего составляло 216 руб., городского — 300 руб., урядника — 400 руб., околоточного надзирателя — 600 руб., станового (городового) пристава — 800 руб., полицмейстера — 1700 руб., уездного исправника — 1500 руб., его помощника — 1000 руб. Дополнительно выдавались на обмундирование по 25 руб. и ежемесячно по несколько рублей на наем и содержание квартир. Путем различных надбавок правительство стремилось стимулировать полицейских оставаться на службе. С 1892 г. по «Правилам о преимуществах службы городских» (от 8 июня 1892 г.) городскому, прослужившему семь лет, полагалась надбавка в одну треть оклада, но не более 50 руб., еще через пять лет службы — такая же надбавка. При увольнении в отставку с выслугой 20 лет ему одновременно выплачивалось 250 руб., а за 30 лет стажа полагалась пенсия 96 руб. в год.

Содержание нижних чинов полиции во всех местностях было гораздо ниже заработка среднего сельского рабочего, а становой пристав получал меньше,

чем любой служащий солидной купеческой конторы [14, с. 114]. Численность служащих полиции в Санкт-Петербурге и Москве была приблизительно одинаковой с численностью служащих полиции в других крупнейших городах Европы. При этом расходы на одного полицейского в 1911–1915 гг. были в Петербурге в 2,5 раза, а в Москве — в пять раз ниже, чем средние расходы на одного полицейского в западноевропейских столицах [27, с. 206]. Материальное обеспечение русской дореволюционной полиции считалось самым низким в Европе. Вещевым довольствием чины общей полиции, в отличие от служащих жандармерии, не обеспечивались.

По Закону «Об организации сыскной части» годовое содержание начальника сыскного отделения первого разряда составляло 1600 руб., его помощника — 1200 руб., полицейского надзирателя сыскной полиции — 750 руб., чиновника, заведующего столом, — 420 руб., городского — 360 руб. Оклады чинов сыскных отделений 2–4-го разрядов, соответственно, были ниже на 200–100 руб. Переводчикам сыскной полиции полагался оклад 400 руб. в год. Такое материальное обеспечение было незначительным не только в сравнении с обеспечением полицейских в других государствах, но и в сравнении с материальным достатком различных категорий населения в самой России. Для сравнения можно привести среднегодовые заработки из других профессиональных сфер: повара — 455 руб., рабочие машиностроительного производства — 525 руб., торговые рабочие и приказчики — до 1000 руб. и более [29, с. 291–293], учителя земских школ — от 960 до 1200 руб., преподаватели вузов — от 1200 до 6000 руб. [3, с. 5], врачи земских больниц — от 1200 до 2000 руб. [1], старшие врачи психиатрических больниц и стоматологи — до 2500 руб., а фельдшеры — от 240 до 480 руб. [8, с. 197], управляющие акцизными сборами — 1400 руб. [23, с. 240]. Даже швейцар при доме товарища Министра внутренних дел зарабатывал больше, чем многие из полицейских работников. Ему полагалось в год 600 руб. жалованья и 80 руб. на пошив ливреи¹.

Для полноты картины следует привести часть сведений о годовом материальном обеспечении (включая столовые и квартирные деньги) служащих суда и прокуратуры, утвержденного в 1864 г.: председатель судебной палаты — 5000 руб. (из них жалова-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3. Д. 8. Л. 53, 82.

ние — 3000 руб.), председатель окружного суда — 4500 руб. (из них жалование — 2500 руб.), член окружного суда — 2200 руб. (из них жалование — 1200 руб.), прокурор судебной палаты — 5000 руб. (из них жалование — 3000 руб.), прокурор окружного суда — 3500 руб. (из них жалование — 2000 руб.), судебный следователь — 1500 руб. (из них жалование — 1000 руб.) [20]. Примечательно то, что чины судебно-прокурорского ведомства получали денежное довольствие в серебряных рублях. В 1899 г., 1901 г. и 1905 г. оклады членов окружных судов были увеличены в зависимости от района в размере от 200 до 600 руб. [28, с. 42].

Выводы очевидны. Служащие сыскной полиции, как и их коллеги по общей полиции, относились к категории низкооплачиваемых государственных гражданских служащих, меньше них получали жалование только служащие почты, санитары, аптекари и библиотекарки — 240 руб. в год [5, с. 42].

Как следствие, выраженная в пояснительной записке к законопроекту о создании сыскной полиции надежда Департамента полиции на то, что «сравнительная материальная обеспеченность» чинов сыскной полиции по сравнению с должностными окладами других чинов полиции привлечет «в ряды сыскных чинов людей наиболее способных и испытанных» и будет «служить одним из побуждений к переходу на службу по сыскной части и к возможно продолжительному пребыванию в ней» [21, с. 8], не оправдалась. Лиц, служивших в общей полиции, служба в формирующихся сыскных отделениях не привлекала даже более высоким должностным положением. Например, начальник сыскного отделения по служебному положению приравнивался к помощнику полицмейстера и имел право принятия самостоятельных решений не только при расследовании преступлений, но и по другим служебным вопросам, в отличие от участковых приставов. Назначение всех сотрудников сыскного отделения проходило только с согласия его начальника [13, с. 136]. Кроме того, начальник сыскного отделения самостоятельно распоряжался кредитом, выделяемым ежегодно на канцелярские расходы, фотографию, разъезды сотрудников и агентуру.

Проблемы с кадровым комплектованием сыскных отделений возникли с самого начала, и процесс формирования сыскных отделений в указанных в Законе «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. в 89 городах растянулся почти на два года. Ва-

кантным был зачастую пост начальника сыскного отделения (причем, для сыскных отделений всех разрядов), о чем красноречиво свидетельствуют разного рода дошедшие до нас архивные документы — от переписки губернаторов с Департаментом полиции по кадровым назначениям до отчетов статских советников по результатам ревизии сыскных отделений². Причиной отказа лиц, служащих на должностях полицейских надзирателей и приставов городской и уездной полиции, от предложений губернаторов занять пост начальника сыскного отделения была, как писал в Департамент полиции киевский губернатор А. Ф. Грис в 1909 г., «признанная недостаточность положенного по этой должности содержания»³. По установленным на основе изучения архивов данным из 83 кандидатов на должности начальников сыскных отделений, окончивших в 1908 г. специальный двухмесячный курс подготовки при Департаменте полиции, остались на службе 38 человек [22, с. 71].

Должности рядовых чинов сыскных отделений — полицейских надзирателей и городских — замещались также с большим трудом и по той же причине — «вследствие невыгодности службы». Эта «невыгодность» состояла в том, что чины сыскных отделений, в отличие от других служащих общей полиции, не обеспечивались социальными благами (бесплатным жильем или «квартирными деньгами» на наем жилых помещений с отоплением и освещением, дополнительными выплатами, лечением в больницах, пенсией за счет городских благотворительных фондов), которые были обязаны им предоставлять органы городского и земского управления, на что неоднократно указывали начальники сыскных отделений в ежегодных отчетах [11, с. 4; 19, с. 352]. Из положенного вещевого довольствия за счет государственной казны чины сыскных отделений обеспечивались только обмундированием. На вооружение сотрудников сыскной полиции не было предусмотрено ассигнований, поэтому, несмотря на то, что иметь оружие каждому из них считалось необходимостью, сыщики приобретали его за свой счет [13, с. 142].

Величина материального обеспечения и фактическое отсутствие социальной защищенности чинов сыскных отделений не коррелировали с объемом их

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 29. Д. 800. Лит. 42. Л. 1–2; Оп. 261. Д. 201. Л. 3; Оп. 291. Д. 10. Л. 43–45; Оп. 292. Д. 7. Л. 40.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 29. Д. 800. Лит. 42. Л. 1–2.

служебных обязанностей и условиями службы. Прямые служебные права и обязанности чинов сыскных отделений, производные от компетенции сыскных отделений как профессиональных органов борьбы с преступностью заключались в производстве дознания и розыска «по особо выдающимся делам» общеуголовного характера, исполнении поручений прокуроров окружных судов в ходе их расследования, несении суточных дежурств, ведении регистрационных учетов преступников, участии в ежедневных обходах участков и периодически проводимых облавах [12; 13, с. 164–172]. В то же время, поскольку сыскные отделения являлись подразделениями общей полиции, постольку ее местные начальники всех уровней — губернаторы и полицмейстеры — часто привлекали чинов сыскных отделений к выполнению несвойственных для них служебных поручений, а именно: участие в досудебном производстве по политическим делам⁴, конвоирование арестантов, надзор за простицией [15, с. 198], негласные проверки аптек, торговых и парфюмерных лавок для преследования подпольного производства алкогольной продукцией и ее беспатентной торговли [13, с. 169], и участие в оцеплении мест стоянок на железнодорожных станциях эшелонов, следующих на фронт [13, с. 173].

Незначительность материального и социального обеспечения служащих сыскной полиции диссонировала с довольно высокими требованиями к кандидатам к занятию должностей в ней: для кандидата на начальника сыскного отделения — подтверждение окончания училища Министерства просвещения (среднего учебного заведения), для кандидатов на должности полицейских надзирателей — не менее двух классов такого училища, на должности городских — умения читать и писать по-русски; для кандидатов на все должности — отсутствие дисциплинарных взысканий (не говоря уже о судимости и оставлении «в подозрении»), благонадежность (сведения о ней обычно получались негласным путем) и высокие нравственные качества [13, с. 131, 137–138].

На практике это противоречие порождало, во-первых, коррупционные риски — присвоение начальниками сыскных отделений части ежегодно выделяемых на каждое сыскное отделение кредитов (чаще всего средств на содержание негласной агентуры, которая только числилась на бумаге) и незаконное стремление сотрудников получить вознаграждение от потерпевших за розыск похищенного у них имуще-

ства, о чем красноречиво свидетельствуют сохранившиеся в архивах отчеты о ревизиях сыскных отделений, общий итог которых был сконцентрирован в справке Департамента полиции о недостатках в функционировании сыскных отделений за 1910–1912 гг. [9]. Во-вторых, несоответствие требований к кандидатам на службу в сыскную полицию уровню материального и социального обеспечения ее сотрудников отрицательно сказалось на качественном составе кадров сыскной полиции (штат формировался «зачастую из числа лиц, не пригодных к работе в общей полиции» [6]) и привело к их массовому оттоку («уходят лучшие работники» [19, с. 352]), что признавали в МВД и не раз оглашали в официальной печати [6; 7; 16; 17].

Печальным следствием неразрешенности кадровой проблемы сыскных отделений стал их невесомый вклад в противодействие с возрастающей из года в год преступностью на фоне социально-экономического и политического кризиса в стране. По статистическим данным с 1900 по 1913 гг. рост преступности был угрожающим: с показателя 0,0017 количества преступлений к числу проживающего населения он поднялся до 0,0020, а с учетом 25–35 % латентных преступлений — в среднем до 0,0025–0,0035, т. е. в два раза [4, с. 40]. Раскрываемость зарегистрированных преступлений сыскными отделениями не превышала 40–45 %, и, как отмечалось в официальной печати, «нередко преступления не открываются вполне, а только приоткрываются» [13, с. 125]. Таким образом, сыскные отделения не выполнили возлагавшуюся на них миссию профессиональной борьбы с преступностью и не внесли существенного вклада в укрепление правопорядка, а руководство МВД в оценке текущей криминальной обстановки переходило от ее статистической оценки к эмоциям: «Случаи уголовных преступлений участились до того, что стали повседневным явлением» [10].

Повышение материального обеспечения сыскной полиции состоялось только в конце 1916 г., когда Совет министров принял Положение «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов», но сама Империя уже катилась к закату. Созданная по инициативе П. А. Столыпина в 1911 г. межведомственная комиссия под председательством

⁴ ГАРФ. Ф. 102. 1910. Оп. 291. Д. 8. Л. 26–26 (об), Л. 59; Оп. 292. Д. 2. Л. 188.

А. А. Макарова, выполнив свою задачу по разработке проекта реформы полиции, направила в марте 1913 г. соответствующие законопроекты в Государственную Думу. Однако законодатели на протяжении трех лет откладывали их рассмотрение, и реформирование полиции в части улучшения ее кадрового состава и его материального обеспечения правительству пришлось проводить в ускоренном и исключительном порядке. Согласно Положению от 23 октября 1916 г., оклады руководителей полиции были увеличены в 1,6 раза, остальных служащих полиции в 1,75–1,5 раза, в зависимости от занимаемой должности. Оклад начальника сыскного отделения возрос в 1,9 раз, его помощника — в 2,3 раза, полицейских надзирателей и городских сыскной полиции — в 1,85 раза [18, с. 3082–3103]. Но, как известно, эти меры были запоздалыми.

Выявленные причинно-следственные связи соотношения уровня материального обеспечения служащих сыскных отделений, как профессионального ядра общей полиции в противодействии преступности, и состоянием правопорядка в последние десятилетия функционирования государственно-правовой системы Российской империи конкретизируют зависимость качества его второй величины от количества первой. Историко-правовой урок, полученный Российской империей накануне ее краха, наглядно показывает, что для укрепления кадрового состава полиции, которая является основным органом охраны правопорядка и важнейшим внутренним гарантом стабильности и жизнеспособности всей существующей государственно-правовой системы, недостаточно только формулирования на законодательном и подзаконном уровнях высоких профессиональных и нравственных требований к личности сотрудника полиции. Они, безусловно, обязательны для такого государственного служащего, который ежедневно стоит на страже закона и порядка. Но материальные и социальные гарантии сотрудника полиции должны быть адекватными как этим требованиям, так и текущим социальным и экономическим условиям, чтобы действительно привлечь на службу в полицию лучших представителей общества, обеспечение безопасности которого и является главной задачей государства.

Список источников

1. Балдин К. Е. Условия труда и быта медицинской интеллигенции города Иваново-Вознесенска

на рубеже XIX–XX вв. // Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 79–81.

2. Беседа с Тов. Мин. вн. Д. св. Его Величества г-м. В. Ф. Джунковским // Вестник полиции. 1913. № 29. С. 664.

3. Вязьмитинов М. Н. Система материального обеспечения и поощрения преподавателей и учителей в образовательных учреждениях императорской России // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2017. № 2. С. 4–14.

4. Дворкин О. А., Никитина Е. С. Преступность в Российской империи с учетом сотрудников полиции // Национальная ассоциация ученых. 2023. № 88. С. 37–41.

5. История Москвы. В 6 т. Т. 5. / ред. А. М. Панкратова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952–1959.

6. К вопросу о постановке дела в провинциальных сыскных отделениях // Вестник полиции. 1909. № 30. С. 638.

7. К вопросу о постановке дела в провинциальных сыскных отделениях // Вестник полиции. 1909. № 35. С. 742.

8. Коноплева Е. Л., Остапенко В. М. Условия труда земского медицинского персонала Смоленской губернии в начале XX в. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. № 27(2). С. 196–199.

9. Краткая справка из отчетов членов Совета Министра Внутренних дел и Вице-Директора Департамента Полиции, которыми были обревизованы в различных губерниях восемь сыскных отделений // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 292. Д. 2.

10. Краткий отчет о совещании деятелей уголовного сыска // Вестник полиции. 1913. № 8. С. 560.

11. Ланге В. В. Преступный мир. Мои воспоминания об Одессе и Харькове. Одесса: тип. Л. Нитче, 1906.

12. Матиенко Т. Л. Правовой статус сотрудника сыскной полиции как субъекта дознания и розыска в России в начале XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 14–19.

13. Матиенко Т. Л. Сыскная полиция и зарождение оперативно-розыскной деятельности общей полиции Российской империи. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

14. Нарбутов Р. В. Полиция Российской империи (1862–1917 гг.): историко-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1992.

15. Невский С. А. «Душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» (полиция в Российском государстве в XVIII — начале XX вв.). М., 2028.

16. Недочеты закона об организации сыскной части // Вестник полиции. 1913. № 26. С. 607–608.

17. Недочеты закона об организации сыскной части // Вестник полиции. 1913. № 27. С. 630–631.

18. Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. № 307.

19. Отчет о деятельности кишиневского сыскного отделения за 1912 г. // Вестник полиции. 1913. № 15-16. С. 351–352.

20. Полное собрание законов Российской империи. 1864. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 3. СПб., 1867.

21. Проект об организации сыскной части в Российской империи // Вестник полиции. 1908. № 7. С. 7–9.

22. Рыжов Д. С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью (1866–1917 гг.) / под ред. А. В. Горожанина, А. Я. Малыгина. Самара : Самарский Юридический институт, 2001.

23. Сборник законоположений и правительственных распоряжений касающихся обязанностей полиции столичной, городской и уездной с разъяснениями по циркулярам подлежащих министерств и объяснениями по решениям Правительствующего Сената / сост. А. В. Трифионовым, состоящим на службе в С.-Петерб. столич. полиции. СПб. : тип. В. В. Комарова, 1890.

24. Стенограмма 567 заседания Совета Федерации. М. : Федеральное Собрание Российской Федерации, 2024 // URL: council.gov.ru/activity/meetings/156555/transcript

25. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–19011 гг. М. : Молодая гвардия, 1991.

26. Сыскные отделения и их новый руководитель // Вестник полиции. 1914. № 20. С. 496.

27. Фосдик Р. Б. Организация полиции в Европе. Пг. : Петрогр. гор. самоуправление, 1917.

28. Шалягина Е. В. Материальное положение и служебная нагрузка судебных чиновников в дорево-

люционной России (на примере Восточной Сибири) // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2. С. 38–43.

29. Энциклопедический словарь. В 86 т. Т. XII / изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб. : Семеновская типография, 1890–1907.

References

1. Baldin K. E. Working conditions and life of the medical intelligentsia of the city of Ivanovo-Voznesensk at the turn of the XIX–XX centuries // *Intelligentsia and the world*. 2023. No. 2. P. 79–81.

2. Conversation with Comrade Ya. vn. D. St. His Majesty Mr. V. F. Dzhunkovsky // *Bulletin of the police*. 1913. No. 29. P. 664.

3. Vyazmitinov M. N. The system of material support and encouragement of teachers and lecturers in educational institutions of Imperial Russia // *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University*. 2017. No. 2. P. 4–14.

4. Dvorkin O. A., Nikitina E. S. Crime in the Russian Empire, taking into account police officers // *National Association of Scientists*. 2023. No. 88. P. 37–41.

5. History of Moscow. In 6 vol. Vol. 5 / ed. A. M. Pankratov. M. : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952–1959.

6. On the issue of setting up a case in provincial detective departments // *Bulletin of the police*. 1909. No. 30. P. 638.

7. On the issue of setting up a case in provincial detective departments // *Bulletin of the police*. 1909. No. 35. P. 742.

8. Konopleva E. L., Ostapenko V. M. Working conditions of the Zemstvo medical staff of the Smolensk province at the beginning of the XX century. // *Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*. 2019. No. 27(2). P. 196–199.

9. Summary from the reports of the members of the Council of the Minister of Internal Affairs and the Vice-Director of the Police Department, which were audited in different provinces by eight detective departments // *State Archive of the Russian Federation*. F. 102. Op. 292. D. 2.

10. Summary report on investigation of the activities of the criminal investigation department // *Bulletin of the police*. 1913. No. 8. P. 560.

11. Lange V. V. The criminal world. My memories of Odessa and Kharkov. Odessa : type. L. Nitsche. M., 1906.

12. Matienko T. L. The legal status of a detective police officer as a subject of inquiry and search in Russia at the beginning of the XX century // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 1. P. 14–19.
13. Matienko T. L. Detective police and supervision of the operational search activities of the general police of the Russian Empire. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2019.
14. Narbutov R. V. Police of the Russian Empire (1862–1917): historical and legal aspect: diss. ... candidate of legal sciences. M., 1992.
15. Nevsky S. A. «The soul of citizenship and all good orders and the fundamental foundation of human security and convenience» (police in the Russian state in the XVIII — early XX centuries). M., 2028.
16. Shortcomings of the law on the organization of the detective unit // *Bulletin of the police*. 1913. No. 26. P. 607–608.
17. Shortcomings of the law on the organization of the detective unit // *Bulletin of the police*. 1913. No. 27. P. 630–631.
18. On strengthening the police in 50 provinces of the Empire and on changing the official and financial status of police officers // *Collection of laws and orders of the Government, issued under the Governing Senate*. 1916. No. 307.
19. Report on the activities of the Chisinau detective department for 1912 // *Bulletin of the police*. 1913. No. 15–16. P. 351–352.
20. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1864. Collection 2. Vol. XXXIX. 3. St. Petersburg, 1867.
21. The project on the organization of the detective unit in the Russian Empire // *Bulletin of the police*. 1908. No. 7. P. 7–9.
22. Ryzhova D. S. The struggle of the Russian police against professional crime (1866–1917) / edited by A. V. Gorozhanin, A. Ya. Malygin. Samara : Samara Law Institute, 2001.
23. Collection of laws and government orders concerning the obligations of the metropolitan, city and county police with explanations on circulars of subordinate ministries and departments of ministries and departments by decisions of the Governing Senate / comp. A. V. Trifonov, serving in St. Petersburg. capital. St. Petersburg Police. St. Petersburg : type V. V. Komarova, 1890.
24. Transcript of 567 meetings of the Federation Council. M. : Federal Assembly of the Russian Federation, 2024 // URL: council.gov.ru/activity/meetings/156555/transcript
25. Stolykina P. A. We need a great Russia.: The complete collection of speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1901. M. : Molodaya Gvardiya, 1991.
26. Detective departments and their new head // *Bulletin of the police*. 1914. No. 20. P. 496.
27. Fosdick R. B. Organization of the police in Europe. Pg. : Petrograd. city self-government, 1917.
28. Shalyagina E. V. The financial situation and the official workload of judicial officials in pre-revolutionary Russia (on the example of Eastern Siberia) // *Siberian Legal Bulletin*. 2011. No. 2. P. 38–43.
29. Encyclopedic Dictionary. In 86 vol. Vol. XII / ed. by F. A. Brockhaus and I. A. Efron. St. Petersburg : Semyonovskaya Printing House, 1890–1907.

Информация об авторе

Т. Л. Матиенко — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации.

Information about the author

T. L. Matienko — Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 02.10.2024.

The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 02.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-109-114>

EDN: <https://elibrary.ru/iocccm>

ИПОН: 2003-0059-5/24-150

MOSURED: 77/27-003-2024-05-349

Арест криптовалют и цифровых финансовых активов: вызовы правового регулирования

Наталья Васильевна Михайленко¹, Артем Владимирович Рудин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ natamvz@internet.ru

² avuniversity@mail.ru

Аннотация. Исследуются правовые аспекты наложения ареста на криптовалюты и иные цифровые финансовые активы. Выполнен детальный анализ текущей правовой базы, регулирующей обращение с цифровыми активами. Рассмотрены случаи из практики правоохранительных органов по аресту криптовалют, предпринимаемых органами внутренних дел. Выделены основные проблемные вопросы; обозначены направления их решения.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, криптовалюта, наложение ареста, правоохранительные органы, следователь

Для цитирования: Михайленко Н. В., Рудин А. В. Арест криптовалют и цифровых финансовых активов: вызовы правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 109–114. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-109-114>. EDN: IODCCM.

Original article

Seizure of cryptocurrencies and digital financial assets: challenges of legal regulation

Natalya V. Mikhaylenko¹, Artem V. Rudin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ natamvz@internet.ru

² avuniversity@mail.ru

Abstract. The legal aspects of seizure of cryptocurrencies and other digital financial assets are studied. A detailed analysis of the current legal framework regulating the treatment of digital assets is performed. Cases from the practice of law enforcement agencies on the seizure of cryptocurrencies undertaken by internal affairs bodies are considered. The main problematic issues are highlighted; directions for their solution are outlined.

Keywords: digital financial assets, cryptocurrency, seizure, law enforcement, investigator

For citation: Mikhaylenko N. V., Rudin A. V. Seizure of cryptocurrencies and digital financial assets: challenges of legal regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):109–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-109-114>. EDN: IODCCM.

Развитие рынка цифровых активов открывает перед правоохранительными органами как новые перспективы, так и серьезные вызовы. Освоение механизмов приостановления операций, наложения ареста и конфискации активов в цифровой среде становится ключевым фактором для обеспечения правопорядка и безопасности в государстве.

7 апреля 2022 г. Михаил Владимирович Мишустин выступил перед депутатами Государственной Думы, выразив позицию относительно криптовалют. Он подчеркнул, что криптоактивы представ-

ляют собой не просто финансовый инструмент, требующий осторожного подхода. Правительство нацелено на детальную проработку законодательной базы, чтобы охватить все значимые характеристики, присущие криптовалютам, и не рассматривает их исключительно как расчетное средство или валюту. Михаил Владимирович Мишустин акцентировал внимание на том, что законодательные меры должны учитывать высокую динамику крипторынка и его возможное воздействие на финансовую систему [1].

© Михайленко Н. В., Рудин А. В., 2024

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закона) [2] цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

В уголовном судопроизводстве отмечается разносторонний подход по отношению к криптовалюте и цифровым активам.

Криптовалюта фигурирует в нескольких категориях дел, где-то являясь непосредственно целью (мошенничество), а где-то средством, промежуточным звеном (отмывание денег, оборот наркотических средств).

В ч. 2 ст. 115 УПК РФ указано, что наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение.

Таким образом, наложение ареста на имущество возможно путем прямого запрета, адресованного собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться, или полное изъятие и передача на хранение.

Рассмотрим варианты наложения ареста на цифровые финансовые активы, цифровую валюту, хранящуюся на «горячем» кошельке.

В случае запрета, адресованного собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и, в необходимых случаях, пользоваться, нельзя гарантировано быть уверенным в отсутствии доступа к криптокошельку у его владельца или третьего лица, обладающего приватным и публичным ключом. Применимо к рассматриваемой ситуации, третье лицо, располагая доступом к криптокошельку, смогут осуществлять всевозможные операции, что делает запрет неэффективным.

В данном случае установить связь между определенным индивидом и переводом цифровых финансовых активов, а также цифровой валюты с его кошелька, представляется практически невозможным. В ситуации конфискации имущества с последующей его передачей правоохранительным органам, требуется создание специального кошелька для приема цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Этот кошелек должен быть мультивалютным, обеспечивая поддержку максимального спектра разнообразных цифровых финансовых активов и видов цифровой валюты.

Необходимо рассматривать возможность ареста самих цифровых финансовых активов, цифровой валюты, выпущенных в Российской национальной доменной зоне или с использованием комплексов программно-аппаратных средств, информационных систем, технические средства которых размещены на территории Российской Федерации, или выпущенных в иностранной доменной зоне, или с использованием комплексов программно-аппаратных средств, информационных систем, технические средства которых размещены на территории иностранного государства.

Такой вариант ареста цифровых финансовых активов, цифровой валюты на данный момент не представляется возможным ввиду отсутствия должного законодательного регулирования и взаимодействия между странами, при этом в случае разработки единого международного стандарта указанный способ будет наиболее эффективным.

На сегодняшний день процедура наложения ареста на криптовалютное имущество представляет собой многообразие методов. Перед законодателем стоит задача выбора модели регулирования этого процесса, что, в конечном итоге, определит его процедурную природу. Предполагается, что эта модель будет, прежде всего, зависеть от вида кошелька, на котором хранится криптовалюта. Таким образом, законодатель должен принять решение о том, какую систему регулирования он выберет для наложения ареста на криптовалютные активы, взвешивая различные аспекты и особенности хранения цифровых активов.

Развитие механизма приостановления операций (замораживания), наложения ареста и конфискации криптовалют и других цифровых активов представляется несколькими путями.

1. Для наложения ареста на криптовалюту будут применяться общие положения, предусмотренные ст. 115 УПК РФ, а в случае гражданско-правовых отношений — ст. 140 ГПК РФ. Законодатель не предусматривает существенных изменений в УПК РФ, касающихся данной проблематики. Следовательно представит в суд ходатайство о наложении ареста на криптовалюту, и суд рассмотрит его аналогично другим видам имущества.

Такой подход, хотя и действующий, кажется малоэффективным. Генеральная прокуратура Российской Федерации, МВД России и другие ведомства выступают за установление специального порядка наложения ареста на криптовалюты. Более того, данный подход игнорирует разнообразие видов криптовалют. Например, для «холодных» кошельков арест носителя проводится по общим правилам ст. 115 УПК РФ, что гарантирует сохранность валюты. Однако, этот метод не подходит для «горячих» кошельков, где оборот криптовалюты может осуществляться дистанционно с любого устройства, независимо от носителя.

2. Процедура наложения ареста на криптовалюту отражает схожесть с аналогичным воздействием на ценные бумаги, где ст. 116 УПК РФ применяется в соответствии с общими правилами, хотя существуют особенности, связанные с динамичной природой криптовалютного рынка. Высокая волатильность криптовалюты исключает возможность применения стандартных подходов, требуя дополнительных мер для учета колебаний стоимости актива в процессе. Установление относимости к конкретному лицу также оказывается вызовом, особенно при учете различных форм хранения, включая направление на специальный счет. Однако, следует отметить, что данный подход не учитывает полностью сценарии ареста криптовалюты, размещенной на децентрализованных биржах, где регистрации аккаунта не требуется, исходя из необходимости тщательного рассмотрения и разработки новых методов для эффективного воздействия на такие активы.

3. Создание отдельной нормы, связанной с приостановлением операций (замораживанием), наложением ареста и конфискации криптовалют и других цифровых активов, с указанием конкретного способа, применимого к той или иной ситуации. Например, рассмотрев ходатайство следователя о наложении ареста на криптовалюту И. И. Иванова, со-

державшую на холодном кошельке, суд постановил провести арест путем изъятия криптокошелька или оставления криптомонет обвиняемого в том же криптокошельке, но с обязательным изменением приватного ключа. В случае нахождения валюты на горячем кошельке, суд может обязать компетентные органы провести заморозку (блокировку) виртуальных активов. Реализация такого пути возможна только после законодательного определения статуса криптовалюты. В данном случае способ изъятия и приостановления операций будет зависеть от криминалистических особенностей хранения криптовалют и цифровых активов. При этом добровольная выдача криптовалюты будет реализовываться по общим правилам, равнозначно выдаче подозреваемым похищенного имущества.

Вопросу хранения криптовалют и цифровых активов следует уделить отдельное внимание. Судебно-следственная практика многообразна; так, отмечают следующие случаи:

1) добровольная конвертация криптовалюты подозреваемым в рубли и размещение ее на банковском счете, на который в последующем накладывается арест и по общим правилам определяется хранение;

2) изъятие криптовалюты на аппаратный кошелек; изъятие физического носителя (аппаратный кошелек, компьютер, ноутбук, смартфон, запоминающее устройство HDD, бумажный кошелек); перевод криптовалюты из криптокошелька обвиняемого на подконтрольный правоохранительным органам криптокошелек с последующим осмотром и приобщением к уголовному делу. В данном случае порядок хранения определяется положениями ст. 82 УПК РФ;

3) направление требования о заморозке (блокировке) виртуальных активов определяется по общим положениям наложения ареста на имущества ч. 7 ст. 115 УПК РФ.

Таким образом, возможным вариантом хранения может выступать конвертация криптовалюты в рубли по курсу на день перевода. При этом процедура перевода средств из криптовалюты в денежную единицу Российской Федерации предполагает совершение ряда действий, регламентировать которые необходимо на законодательном уровне. Другим способом хранения может стать создание криптокошелька, на который переводится криптовалюта, в данном случае ответственность за сохранность несет лицо или ведомство, принявшие решение о

таком способе хранения. Обеспечить хранение возможно путем перевода средств (по курсу на день перевода) с криптовалютного счета на бирже в сети Интернет на банковский счет с последующим наложением ареста на указанные средства. Наиболее оптимальным и безопасным вариантом хранения является создание единой специализированной государственной организации федерального уровня для решения вопросов хранения виртуальных активов или соответствующего ведомственного управления (управление по контролю оборота цифровых активов Федерального казначейства).

Рассмотрев судебную-следственную практику и правовую регламентацию приостановления операций (замораживание), наложения ареста и конфискации криптовалют и других цифровых активов, можно выделить следующий правоприменительный механизм, действующий в настоящее время.

1. Устанавливается назначение криптовалюты и цифровых активов (предмет, способ, вещественное доказательство и т. д.). Назначение может быть установлено как путем проведения первоначальных следственных действий (принятие заявления, опрос, осмотр), так и в ходе последующего этапа расследования (допрос, обыск, выемка).

2. В зависимости от назначения криптовалюты и цифровых активов определяется способ хранения (на личном компьютере, планшете, смартфоне, съемном носителе, криптокошельке, веб-сервисе или бирже, бумажном носителе). Способ хранения криптовалюты и цифровых активов устанавливается путем проведения оперативно-розыскных мероприятий и истребования сведений у поставщиков (провайдеров) услуг виртуальных активов (криптовалюты, обменники, в том числе в открытых источниках обозревателей блокчейна — www.blockchain.com).

3. Определив способ хранения криптовалюты и цифровых активов, рассматривается способ изъятия или приостановления, блокировки (заморозки) криптовалюты и цифровых активов. Решение о способе изъятия и блокировке напрямую зависит от установленных в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий сведений.

Так, в случае добровольной выдачи возможно провести выемку криптовалюты; в случае принудительной выдачи — провести обыск, направленный на обнаружение и изъятие; при нахождении криптовалюты на онлайн-сервере — направить соответ-

ствующее требование о блокировке. Особое внимание следует уделить международной практике, в которой, при направлении требования об аресте, предполагается использование термина «заморозка» или приостановление операций с подозрительными криптоактивами; использование данной терминологии в российской правовой системе не требуется. Заморозка активов на криптобиржах, по-прежнему, возможна только на основании обоснованного ходатайства в адрес руководства криптовалютной биржи, в частности CEO AML.

Легальные биржи не заинтересованы в обороте криптовалюты с признаками криминального происхождения и исполняют просьбы российских органов правопорядка. При переводе постановления суда на английский язык (язык международного общения) следует избегать формулировок о наложении ареста на имущество. Международная практика свидетельствует об исполнении криптобиржами следующего документа «TEMPORARY RESTRAINING ORDER FREEZING ASSETS», в котором отдельно указывается установленное судом правовое требование о замораживании активов, необходимое для предотвращения растрачивания или перевода этих активов из-под юрисдикции Суда, вынесшего такое решение.

Столкнувшись с проблемой санкционных ограничений международного масштаба, возможным выходом становится направление запроса, например, от организаций международного сотрудничества (АСЕАНАПОЛ, ОДКБ, ШОС, БРИКС), при этом следует указывать на трансграничный характер платежей.

4. Для последующей реализации изъятия или приостановления, блокировки (заморозки) криптовалюты и цифровых активов необходимо определить и провести соответствующие правовые действия. В ходе добровольной выдачи криптовалюты и цифровых активов составляется постановление о производстве выемки. В случае перевода криптовалюты на криптокошелек правоохранительных органов или аппаратный криптокошелек в обязательном порядке привлекается специалист, в протоколе выемки делается соответствующая отметка и описание процесса изъятия. Данный способ весьма спорный, потому как ст. 183 УПК РФ в настоящее время не предусматривает изъятия информации (цифровых сведений). Спецификой криптовалюты является то,

что в случае представления доказательственного значения будет достаточно постановления следователя, а в случае изъятия криптовалюты как информации о вкладах и счетах необходимо судебное решение. При принудительном изъятии криптовалюты и цифровых активов необходимо руководствоваться положениями ст. 115 УПК РФ. Следователю необходимо ходатайствовать перед судом о наложении ареста на криптовалюту и цифровые активы. В постановлении следователю необходимо отразить установленные особенности: назначение, хранение, способ изъятия и блокировки (заморозки) криптовалюты и цифровых активов. Учитывая обстоятельства, указанные следователем, суд принимает решение о наложении ареста на криптовалюту и цифровые активы с последующим изъятием путем производства выемки или обыска (в случае хранения криптовалюты на физических носителях) либо обязывает поставщиков (провайдеров) услуг виртуальных активов осуществить блокировку (заморозку), перевод криптовалюты и цифровых активов (в случае хранения криптовалюты на онлайн-сервере) путем направления следователем соответствующего решения суда поставщикам услуг виртуальных активов.

Действующий в настоящее время правоприменительный механизм приостановления операций (замораживания), наложения ареста и конфискации криптовалют и других цифровых активов не регулирует в должной мере возникающие гражданско-правовые споры, уголовно-правовые и процессуальные правоотношения, возникающие в ходе судопроизводства, требует детальной законодательной разработки с последующей апробацией и внедрением в правоприменительную практику.

Для разрешения вопросов нормативно-правового регулирования и правоприменительной деятельности механизма приостановления операций (замораживания), наложения ареста и конфискации криптовалют и других цифровых активов необходимо:

1) законодательно определить статус криптовалюты с целью последующего отождествления в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве;

2) разработать соответствующие изменения в уголовном, гражданском и административном процессе, которые позволят реализовать необходимые для ареста меры. К примеру, внести изменение в

ч. 1 ст. 183 УПК РФ, определив, что при необходимости изъятия определенных предметов, документов, информации, содержащейся на цифровых носителях и цифровых активах, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка. В ч. 3 ст. 183 УПК РФ «выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, «цифровых активов»... производится на основании судебного решения...»;

3) законодательно регламентировать наложение судом ареста на криптовалюту и цифровые активы, указав обязательные обстоятельства, подлежащие установлению для рассмотрения данного вопроса. К примеру, добавить в ст. 115 УПК РФ п. 10 следующего содержания: «При наложении ареста на цифровые активы судом учитывается назначение и нахождение цифровых активов, а также способ последующей блокировки, приостановления, извлечения и их конфискации»;

4) законодательно определить хранение изъятых из оборота криптовалюты и цифровых активов, установив ответственность за органом, принявшим решение. Создать единую специализированную государственную организацию федерального уровня для решения вопросов хранения виртуальных активов или соответствующее ведомственное управление (управление по контролю оборота цифровых активов Федерального казначейства).

Указанные меры поспособствуют выработке единого правового механизма, регулирующего приостановление операций (заморозку), наложения ареста и конфискации криптовалют и других цифровых активов в Российской Федерации.

Список источников

1. Обращение премьер-министра Российской Федерации Михаила Мишустина от 7 апреля 2022 г. // РИА Новости // URL: <http://ria.ru/20220407/kriptovalyuty-1782288950.html?ysclid=lmo0xc7ihb240902383>
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Address of the Prime Minister of the Russian Federation Mikhail Mishustin dated April 7, 2022 // RIA Novosti // URL: <http://ria.ru/20220407/kriptovalyuty-1782288950.html?ysclid=Imo0xc7ihb240902383>

2. Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Тутынин И. Б., Химичева О. В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты: моногр. М. : Юрлитинформ, 2022.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. (ред. от 11 августа 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы // URL: <http://mos-gorsud.ru>

4. Решения судов общей юрисдикции // URL: <http://судебныерешения.рф>

5. Статистика и аналитика МВД России // URL: <http://мвд.пф/dejatelnost/statistics>

Bibliographic list

1. Tutynin I. B., Khimicheva O. V. Application of measures of criminal procedural coercion in the investigation of crimes committed using cryptocurrency: monogr. M. : Yurlitinform, 2022.

2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: adopted by the State Duma on November 22, 2001: approved by the Federation Council on December 5, 2001 (ed. from 11 August 2023) // LRS «ConsultantPlus».

3. The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow // URL: <http://mos-gorsud.ru>

4. Decisions of courts of general jurisdiction // URL: <http://judicialdecisions.rf>

5. Statistics and analytics of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL: <http://MinistryofInternalAffairsoftheRussianFederation/dejatelnost/statistics>

Информация об авторах

Н. В. Михайленко — доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Рудин — старший преподаватель кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

N. V. Mikhaylenko — Associate Professor of the Department of Countering Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. V. Rudin — Senior Lecturer of the Department of Combating Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-115-120>

EDN: <https://elibrary.ru/kcjara>

NPON: 2003-0059-5/24-151

MOSURED: 77/27-003-2024-05-350

Статистическое заблуждение в оценке организованной преступности в сфере экономической деятельности

Татьяна Витальевна Молчанова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, molcha@yandex.ru

Аннотация. Представлен статистический анализ преступлений, совершенных в форме организованной преступной группы и преступного сообщества в сфере экономической деятельности. Статистическая оценка проведена на основе данных представленных отдельными формами статистической отчетности ГИАЦ МВД России. Сделан вывод о том, что имеющиеся количественные параметры рассматриваемого вида преступности не отражают фактического ее состояния и приводят к статистическому заблуждению. Информация, представленная в статистических карточках, не соответствует критериям объективности и достоверности по преступлениям, совершаемым в форме ОГ и ПС в сфере экономической деятельности. Сохранение тенденции «скрытности» деятельности организованных преступных структур в сфере экономической деятельности требует от государственных институтов принятия комплексного мер, направленных на открытость и прозрачность в их выявлении, регистрации, раскрытии и расследовании.

Ключевые слова: статистика, экономическая деятельность, организованные группы, преступные сообщества, оценка, заблуждение, искажение, интерпретация, латентность, нарушение учетно-регистрационной дисциплины

Для цитирования: Молчанова Т. В. Статистическое заблуждение в оценке организованной преступности в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 115–120. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-115-120>. EDN: KCJARA.

Original article

Statistical misconception in the assessment of organized crime in the field of economic activity

Tatyana V. Molchanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, molcha@yandex.ru

Abstract. The statistical analysis of crimes committed in the form of organized criminal group and criminal association in the sphere of economic activity is described. Statistical evaluation is carried out on the basis of data provided by separate forms of statistical reporting of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It is concluded that the available quantitative parameters of the considered type of crime do not reflect its actual state and lead to statistical misconception. The information presented in statistical cards does not meet the criteria of objectivity and reliability for crimes committed in the form of OG and SAR in the sphere of economic activity. The persistence of the trend of «hidden» activities of organized criminal structures in the sphere of economic activity requires from state institutions to take comprehensive measures aimed at openness and transparency in their detection, registration, disclosure and investigation.

Keywords: statistics, economic activity, organized groups, criminal communities, assessment, misconception, distortion, interpretation, latency, violation of accounting and registration discipline

For citation: Molchanova T. V. Statistical misconception in the assessment of organized crime in the field of economic activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):115–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-115-120>. EDN: KCJARA.

В соответствии с Федеральным Законом от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» под официальным статистическим учетом понимается деятельность, направленная на проведение, в соответствии с официальной статистической методологией, федеральных статисти-

стических наблюдений и обработки данных, полученных в результате этих наблюдений, и осуществляемая в целях формирования официальной статистической информации.

В представленном исследовательском материале мы хотим изложить научное представление и понимание несомненной важности достоверных данных,

© Молчанова Т. В., 2024

полученных при выявлении, регистрации, учете, отчете, их обработке, анализе и интерпретации имеющихся статистических данных; несоблюдение правильности выполнения вышеуказанных действий порой приводит исследователей к статистическому заблуждению.

Статистическое заблуждение — это ошибочное толкование или вывод, основанный на статистических данных, который может возникнуть из-за неправильно организованной учетно-регистрационной деятельности, обработки и анализа информации (не всегда достоверной) или некорректного применения статистических методов. Оно также может включать в себя недостаточную выборку данных или просто случайные совпадения, которые ошибочно принимаются за закономерности, в том числе искаженную интерпретацию. Для того чтобы избежать такого рода статистические заблуждения, необходимо внимательно воспринимать информацию (формуляры статистического учета и отчетности), тщательно анализировать данные, учитывать контекст и критически оценивать статистические выводы.

В этой связи полученные данные, в результате искаженной статистической оценки (статистического заблуждения), безусловно, приводят к неверной их интерпретации.

«Интерпретация является самым важным и завершающим этапом статистического исследования. Она основывается на количественном измерении данных уголовной статистики. Объяснение смысла статистических данных всегда вызывает множество научных дискуссий и споров, приводит к формированию неоднозначных трактовок, противоречивых взглядов и мнений» [4].

Отметим, что в настоящее время практически все данные уголовной статистики представлены в статистических карточках, включая информацию о совершенных преступлениях, лицах, результаты движения уголовного дела, подозреваемых, причиненном ущербе и др. [9].

Агрегированные данные, полученные из статистических карточек, безусловно, представляют собой весьма значимый источник информации для осуществления комплексного анализа преступности. Путем анализа этих данных исследователи могут выявить тенденции преступного поведения, определить основные причины и факторы, способствующие совершению преступлений, обнаружить отдельные условия,

которые могут оказывать влияние на уровень, динамику и характер преступности в обществе.

Мы солидарны с позицией отдельных исследователей, что «данные, получаемые в результате обобщения информации статистических карточек, являются одним из важнейших источников для анализа преступности, причин и условий, способствующих совершению преступлений и разработке мер по борьбе с преступностью, а также выявления и устранения недостатков в работе правоохранительных органов и дальнейшего укрепления законности» [1].

Не умаляя значимость статистических карточек, необходимо помнить об объективности и достоверности информации, составляющей их содержание.

Информация, представленная в статистических карточках, не всегда удовлетворяет критериям объективности и достоверности в полной мере.

В нашем исследовательском обсуждении мы хотим обратить внимание на частный случай статистического измерения преступности — *организованная преступность в сфере экономической деятельности*.

Как нами было отмечено ранее, в 2019 г. «преступления, совершенные в составе организованной преступной группы или преступного сообщества, представлены незначительными статистическими параметрами. Это свидетельствует об отсутствии объективной криминологической информации, а наличие фактической носит характер ее существенного искажения» [5].

По прошествии пяти лет обозначенная выше тенденция продолжает свое развитие. В сфере экономической деятельности возникают сложности с точной оценкой уровня организованной преступности по нескольким факторам.

Во-первых, многие преступные действия в сфере экономических отношений могут быть скрыты или недооценены из-за недостаточности «усилий» по сбору (учет и регистрация) статистических данных. Во-вторых, превышение или злоупотребление должностных полномочий оказывает негативное воздействие на процесс сбора и анализа данных, что приводит к искажению статистических показателей и неверному восприятию реальной ситуации. В третьих, существенным фактором малозначительной фиксации преступлений, совершенных в форме организованной группы и преступного сообщества, является, как отмечалось ранее, «низкая эффективность в выявлении членов организованных преступных групп и руково-

дителей преступных объединений, непринятие мер к должному документированию оперативным путем преступных связей между их участниками, а также данных, указывающих на такие признаки, как устойчивость, сплоченность, что существенно осложняет процесс доказывания организованного характера преступной группы» [6].

Это статистическое заблуждение может привести к серьезным последствиям. Такие искажения могут привести к неправильному восприятию масштабов преступности и недооценке рисков для экономики и общества. Неправильные данные могут привести к неправильным стратегическим решениям, недостаточным мерам по противодействию преступности и даже дополнительному росту организованной преступности из-за неполного понимания ее масштабов.

Следует отметить, что «построение эффективной системы государственного единого статистического учета преступлений является чрезвычайно важной задачей для российской государственности, без решения которой сложно формировать адекватную уголовную политику и принимать обоснованные управленческие решения в сфере противодействия преступности» [2].

Современная статистическая оценка организованной преступности в сфере экономической деятельности не только не отражает реальное ее состояние, но и является, по сути, ложной, подрывая основы научной достоверности и обоснованности не только представленного исследования, но и последующих научных изысканий.

В нынешнем понимании организованная преступность не ограничивается простым перечислением преступных действий, а рассматривается как значимый фактор в экономической сфере, влияющий на всю структуру и динамику социально-экономических отношений в стране.

Особо подчеркнем, что преступные деяния в форме ОГ и ПС в целом во всех сферах криминальной деятельности фиксируют тенденцию к снижению.

Специалисты также указывают на подобную тенденцию: «Статистический анализ демонстрирует неуклонное снижение выявляемости организованной преступности. По данным ГИАЦ МВД России, за последние 12 лет (2008–2020 гг. число регистрируемых преступлений, совершенных участниками организованных преступных формирований (ОПФ), сократилось в пять раз (с 30,7 до 5,8 тыс. человек) [7]. Вопреки некоторому увеличению в период 2021–2023 гг. [11], организованная преступность продолжает занимать минимальные позиции учета в измерении современной преступности.

Ниже представлено статистическое описание динамики участия лиц в преступных деяниях, затрагивающих экономическую сферу в форме организованных преступных групп и преступных сообществ, которое по определенным характеристикам отличается от общей линии тренда по России.

В ходе проведенного анализа за период с 2013 по 2023 гг. отмечается значительная изменчивость в показателях удельного веса, характеризующаяся перио-

Таблица 1

Динамика лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности в составе организованной группы и преступного сообщества за период 2013–2023 гг. [11]

Год	Выявлено лиц, гл. 22	Организованной группой лиц	Преступным сообществом
2013	7938	310 (3,91)	14 (0,18)
2014	7081	326 (4,60)	12 (0,17)
2015	8894	534 (6,00)	24 (0,26)
2016	9789	895 (9,14)	8 (0,08)
2017	11 476	1228 (10,70)	32 (0,27)
2018	14 834	1378 (9,29)	31 (0,21)
2019	15 931	1353 (8,49)	51 (0,32)
2020	15 539	1453 (9,35)	13 (0,08)
2021	16 972	1782 (10,50)	36 (0,21)
2022	17 231	1828 (10,61)	94 (0,55)
2023	16 889	1585 (9,38)	164 (0,97)

дическими колебаниями в преступной деятельности организованных групп и преступных сообществ (табл. 1). В статистической таблице анализируются временные ряды статистических данных, отражающие динамику организованных преступных групп и преступных сообществ в течение 11 лет. Обнаружена нестабильная, но уверенная тенденция к увеличению активности за данный период, за исключением 2023 г.

Количественные параметры преступлений, совершенных в форме организованной группы, имеют хотя бы «какие-либо количественные значения», статистически поддающиеся «условной» криминологической оценке. В отношении ПС, то за период с 2013 по 2023 гг. средний удельный вес лиц, совершивших преступления в составе преступного сообщества в сфере экономической деятельности, оценивается как 0,3 %. Значение этого показателя варьируется в пределах от 0,18 % в 2013 г. до 0,97 % в 2023 г. Это всего лишь цифровые значения ниже порога криминальной «чувствительности».

Особо подчеркнем, что «именно преступные сообщества совершают наиболее опасные и тяжкие преступления, при этом лидеры таких сообществ создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами и делят преступные доходы, что представляет наибольшую общественную опасность» [3]. Особую опасность представляют те из них, которые контролируют отдельные сферы экономики и оказывают негативное влияние на криминальные процессы, однако и количественные характеристики тяжести преступлений в составе ОГ и ПС в сфере экономической деятельности не находят должного выявления и фиксации в формах статистического наблюдения.

На основе анализа деяний, предусмотренных гл. 22 УК РФ и характеризующихся их значительной степенью латентности, мы пришли к заключению о невозможности достоверного восприятия состояния организованной преступности в сфере экономической деятельности на основе имеющейся статистической информации ввиду отсутствия реальных

данных о фактически выявленных и зафиксированных преступлениях.

На такого рода статистическую ситуацию оказывают свое влияние *естественность и искусственность* латентности. Отметим, что несмотря на то что органы прокурорского надзора играют важную роль в противодействии искажению данных о преступности, вопрос об эффективности предпринимаемых мер, а также сложности в умышленном или непреднамеренном введении в статистическое заблуждение продолжает оставаться открытым для изучения.

Справочно: в 2023 г. в России рассмотрено 35 653 403 заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [10, с. 98] из них 1 947 160 зарегистрированных преступлений, что составляет **5,46 %** от всех поступивших заявлений (сообщений). Так, в Москве в 2023 г. принято 1 501 755 заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, из них зарегистрировано 133 985 преступлений (**8,92 %**).

Представленные статистические факты свидетельствуют о низком удельном весе в регистрации исключительно преступлений в целом по стране, что находит свое естественное регистрационное отражение по преступным деяниям, совершенным в форме ОГ и ПС в сфере криминальной экономической деятельности.

Во многом это обусловлено нарушениями учетно-регистрационной дисциплины, в том числе с субъективно-объективным восприятием обстоятельств произошедшего события, связанного с противоправным поведением (в частности, с вопросами об отказе в возбуждении уголовного дела). Статистические сведения о нарушении законности свидетельствуют, что по фактам неправомерных действий сотрудников ОВД при приеме, регистрации и разрешении заявлений, сообщений о происшествиях фиксируется их низкий удельный вес — **8,34 %** среди общего количества выявленных нарушений УРД, допущенных сотрудниками ОВД.

Таблица 2

Отдельные показатели нарушения учетно-регистрационной дисциплины, допущенные сотрудниками органов внутренних дел в 2023 г. [8]

Общее количество выявленных нарушений учетно-регистрационной дисциплины и статистической работы, допущенных сотрудниками органов внутренних дел	Общее число рассмотренных писем, жалоб, обращений по фактам неправомерных действий сотрудников ОВД при приеме, регистрации и разрешении заявлений, сообщений о происшествиях	Удельный вес, %
1 438 912	120 006	8,34

Таблица 3

Отдельные показатели нарушения учетно-регистрационной дисциплины, допущенные сотрудниками органов внутренних дел в 2023 г. [8]

Общее число рассмотренных писем, жалоб, обращений по фактам неправомерных действий сотрудников ОВД при приеме, регистрации и разрешении заявлений, сообщений о происшествиях	Удельный вес выявленных органами прокуратуры допущенных сотрудниками органов внутренних дел фактов укрытия заявлений и сообщений о преступлениях путем отказа в приеме и (или) нерегистрации к общему числу зафиксированных таких фактов укрытия заявлений и сообщений о преступлениях	Удельный вес, %
120 006	536	0,44

Табл. 2, 3 иллюстрируют едва ли заметный удельный вес укрытия заявлений и сообщений о преступлениях *путем отказа в приеме и (или) нерегистрации* к общему объему зафиксированных фактов укрытия. Очевидно, что основная масса информации о фактах совершения преступлений в форме ОГ И ПС находится на субъективном усмотрении следственно-оперативных подразделений, поскольку для инкриминирования рассматриваемых квалифицирующих признаков деяния необходимы весомые *обстоятельства, указывающие на тяжесть совершения преступлений*.

Справочно: за умышленные ошибки, искажающие государственную статистическую отчетность, предусмотрена юридическая ответственность, которая регламентирована законом Российской Федерации от 13 мая 1992 г. № 2761-І «Об ответственности за нарушение порядка представления государственной статистической отчетности».

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что проблема организованной преступности в сфере экономической деятельности в России отличается значительной степенью скрытости и скрываемостью. Этот феномен обусловлен не только сложностью выявления преступных схем и их участников, но и недостаточной эффективностью правоприменительной системы, а также глубокой непрозрачностью самих экономических отношений.

Нынешняя организованная преступность демонстрирует тесные взаимосвязи с лицами, обладающими существенным социальным влиянием. Подобного рода лица извлекают выгоду от самого наличия организованной преступности и, возможно, предпринимают усилия по сокрытию подобных связей с целью защиты своих личных, экономических и политических интересов, а также сохранения своего статуса и привилегий.

Продолжение тенденции скрытности в деятельности организованных преступных структур в сфере экономической деятельности требует от государст-

венных институтов принятия комплексного и системного подхода. Этот подход должен включать в себя не только изменения оперативно-розыскных мер правоохранительных органов, но и разработку инструментов, направленных на повышение прозрачности в привлечении к ответственности за преступления, совершаемые в форме ОГ И ПС в сфере экономической деятельности.

Представленные в настоящей статье числовые данные количественного измерения организованной преступности в сфере экономической деятельности демонстрируют уровень, который находится ниже заданного криминологическими стандартами порога «преступной чувствительности», что указывает на отсутствие критической криминальной активности в экономической деятельности организованных групп и преступных сообществ.

Список источников

1. Ахмадуллин А. С. О необходимости совершенствования учета преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2(40). С. 141–144.
2. Ларичев В. Д., Панкратьев А. Н. Учет налоговых преступлений на современном этапе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 1(92). С. 8–13.
3. Майстренко Г. А. Организованная преступность в России и формы ее проявления // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 138–140.
4. Молчанова Т. В. Трудности статистической интерпретации преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2(52). С. 90–97.
5. Молчанова Т. В. Статистическое восприятие количества лиц, совершающих преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) в сфере экономической деятельности // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 188–192.

6. Молчанова Т. В., Гаджимурадов Ш. А. Статистическое измерение преступлений, совершенных организованной преступной группой и преступным сообществом в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 51–56.

7. Стукалова Т. В., Сухаренко А. Н. Уголовное преследование лидеров преступной среды в России: состояние и проблемы. М. : Проспект, 2022.

8. Оценка состояния учетно-регистрационной дисциплины и статистической работы территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне за 2023 г. // ГИАЦ МВД России.

9. Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Расширенный статистический сборник «Состояние преступности в России за 2023 г.» // ГИАЦ МВД России.

11. Сводный отчет по России «Сведения о лицах, совершивших преступления». Разд. 2. Сведения об отдельных криминологических характеристиках лиц, совершивших преступления // ГИАЦ МВД России. Ф. 492. Кн. 1.

References

1. Akhmadullin A. S. On the need to improve the accounting of crimes // The rule of law: theory and practice. 2015. No. 2(40). P. 141–144.

2. Larichev V. D., Pankratiev A. N. Accounting for tax crimes at the present stage // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 30. No. 1(92). P. 8–13.

3. Maistrenko G. A. Organized crime in Russia and forms of its manifestation // Civil service and personnel. 2019. No. 3. P. 138–140.

4. Molchanova T. V. Difficulties of statistical interpretation of crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14. No. 2(52). P. 90–97.

5. Molchanova T. V. Statistical perception of the number of persons committing crimes as part of an organized group or criminal community (criminal organization) in the field of economic activity // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 3. P. 188–192.

6. Molchanova T. V., Gadzhimuradov Sh. A. Statistical measurement of crimes committed by an organized criminal group and a criminal community in the field of economic activity // Business security. 2019. No. 4. P. 51–56.

7. Stukalova T. V., Sukharensko A. N. Criminal prosecution of leaders of the criminal environment in Russia: state and problems. M. : Prospect, 2022.

8. Assessment of the state of accounting and registration discipline and statistical work of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the regional level for 2023 // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

9. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the FSB of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the Federal Drug Control Service of the Russian Federation dated December 29, 2005 No. 39/1070/1021/253/780/353/399 «On unified accounting of crimes» // LRS «ConsultantPlus».

10. Expanded statistical collection «The state of crime in Russia for 2023» // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

11. Summary report on Russia «Information on persons who committed crimes». Section 2. Information on certain criminological characteristics of persons who committed crimes // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. F. 492. Book 1.

Информация об авторе

Т. В. Молчанова — доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Molchanova — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-121-123>

EDN: <https://elibrary.ru/khkeqe>

НИОН: 2003-0059-5/24-152

MOSURED: 77/27-003-2024-05-351

Искусственный интеллект в контексте развития патентной деятельности

Сергей Герасимович Павликов

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, 89152499929@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются различные подходы в правоприменительной практике — если искусственный интеллект создает объект интеллектуальной собственности, то орган государственной власти (как правило, суд) либо выдает такой патент «на имя» самого искусственного интеллекта (ЮАР), либо, что чаще, отказывает в этом требовании (США). Очевидно, что это уже в ближайшем будущем станет одной из ключевых проблем актуальной патентной деятельности, связанной с определением получателя патента, и компетентные органы (прежде всего, Всемирная организация интеллектуальной собственности) должны обеспечить максимальную унификацию правоприменения в отношении этого вопроса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, патентная деятельность, патент, нейротехнологии, интеллектуальная собственность, объект, защита, закон, риски, исключительные права

Для цитирования: Павликов С. Г. Искусственный интеллект в контексте развития патентной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 121–123. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-121-123>. EDN: KHKEQE.

Original article

Artificial intelligence in the context of patent development

Sergey G. Pavlikov

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia, 89152499929@mail.ru

Abstract. Various approaches in law enforcement practice are being considered. If an artificial intelligence creates an intellectual property object, then a government authority (usually a court) either issues such a patent «in the name» of the artificial intelligence itself (South Africa), or, more often, refuses this requirement (USA). Obviously, in the near future, this will become one of the key problems of current patent activity related to determining the recipient of a patent, and the competent authorities (primarily the World Intellectual Property Organization) should ensure maximum unification of law enforcement in relation to this issue.

Keywords: artificial intelligence, patent activity, patent, neurotechnology, intellectual property, object, protection, law, risks, exclusive rights

For citation: Pavlikov S. G. Artificial intelligence in the context of patent development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):121–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-121-123>. EDN: KHKEQE.

Роль патентных исследований возрастает в современном мире и, прежде всего, в области инноваций и технологического развития. Автор статьи полностью разделяет мнение о том, что широкое применение нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности, включая патентную деятельность, повлекло появление новых для цивилистики проблем. Среди них особую актуальность имеет проблема определения правового режима объектов интеллектуальной собственности, созданных с помощью указанных сквозных цифровых технологий. Прежде всего, требуется определить, являются ли такие произведения объектом защиты, а если да, то кто является их правообладателем [1, 71–73].

Одной смелых попыток кардинально разрешить вопросы, связанные с искусственным интеллектом (далее — ИИ) стало принятие 13 марта 2024 г. Европарламентом соответствующего закона, основная цель которого — улучшить функционирование внутреннего рынка, установив единую правовую базу. Требования Закона касаются разработчиков систем ИИ, их поставщиков, импортеров, дистрибьюторов и т. д.

В Законе выделены четыре типа систем с ИИ:

1) запрещенные системы (например, системы распознавания лиц, которые могут использовать правоохранительные органы по предварительному судебному или административному разрешению) в частности, для поиска пропавших людей;

© Павликов С. Г., 2024

2) системы высокого риска. Сюда включают системы ИИ, относящиеся к критически важным областям (медицина, образование, правосудие, избирательный процесс и т. д.), например, системы, способные влиять на выборы;

3) системы с ограниченным риском, в частности чат-боты. При использовании таких систем необходимо уведомлять людей, что они взаимодействуют с системой ИИ, предупреждать, какие персональные данные она собирает и с какой целью. Это правило не применяется, если из обстоятельств и контекста использования очевидно, что взаимодействие происходит с ИИ;

4) системы с минимальным или нулевым риском. Такие системы можно использовать свободно. Сюда относятся видеоигры с поддержкой ИИ, фильтры для спама [2].

Однако, ознакомление с текстом этого Закона, явно претендующего на «глобальность» и «всеохватывающий» характер, вызывает определенное разочарование. По сути нерешенным остался главный вопрос об ответственности за деяние как самого ИИ, так и его разработчиков. Справедливо мнение Е. Н. Абрамовой и Е. В. Хамидуллиной о том, что необходим такой «механизм, который позволит в первую очередь защитить права граждан, которые являются авторами результатов интеллектуальной деятельности, от несанкционированного использования их произведений ИИ. Если ни у кого не будет возникать ответственности за неправомерное использование ИИ доступной в сети Интернет информации, авторы будут постоянно сталкиваться с нарушением их прав, ведь достаточно однократного попадания в сеть произведения, чтобы ИИ мог его использовать в дальнейшем. Как представляется, допустимым и эффективным способом может стать введение нового исключительного права, первоначально возникающего у пользователя технологии, который намеренно ее использовал в целях создания произведения. В противном случае заинтересованность в приобретении таких устройств, которые создают «ничейные» произведения или объекты «всеобщего достояния», будет сведена к минимуму, что не будет способствовать развитию общества. Не представляется необходимым предоставление обладателю исключительных прав иных интеллектуальных прав (ст. 1226, 1255 ГК РФ). Так, право на доступ к произведениям изобразительного искусства может потерять свою актуальность в

связи с сохранением алгоритма создания произведения у пользователя искусственного интеллекта, который сможет в любой момент воспроизвести свое произведение. Приведенная позиция требует дальнейшего обоснования, что должно стать предметом отдельной статьи. В настоящее время подобный подход ограничивается нормой п. 3 ст. 1228 ГК РФ, согласно которой только автор может быть первым обладателем исключительного права. При отсутствии автора исключительное право не возникает, а значит, у произведения нет правовой охраны. Однако в современных условиях развития цифровизации во всех сферах жизнедеятельности общества право с неизбежностью подвергнется (и уже подвергается) трансформации. В данном случае трансформация даже менее болезненна, чем, например, это наблюдается в сфере защиты персональных данных, правового режима объектов гражданских прав и т. п. Достаточно ввести исключение из общего правила, установленное в указанной норме, или распространить на результаты деятельности нейросети наиболее подходящий из существующих правовых режимов (например, режим смежных прав, служебных произведений или иной)» [1].

Уже имели место ситуации, когда ИИ создавал системы (DABUS в США), а создатель этого ИИ пытался получить патент (суд отказал ему в этом), причем не на свое имя, а на ИИ [3]. Впрочем, в ЮАР уже зарегистрировали патент, созданный искусственным интеллектом, а о возможности присваивать ИИ авторство до сих пор ведутся дебаты в судах и министерствах разных стран. Очевидно, что это уже в ближайшем будущем это станет одной из ключевых проблем актуальной патентной деятельности, связанной с определением получателя патента — ИИ или его создатель?

Впрочем, многие исследователи замечают, что использование различных «умных» инструментов, в том числе с применением технологий ИИ, в патентной-информационной работе — это требование не только дня завтрашнего, но уже сегодняшнего дня. Однако выбор того или иного инструмента и объем его использования должен быть гибким, а роль специалиста-эксперта, контролирующего процесс и принимающего решения, не может перекладываться на программный продукт, пусть даже вооруженный ИИ [4]. Такой точки зрения придерживаются многие авторы [5; 6].

«Существующая модель патентной охраны, — пишет В. О. Калятин, — внешне нейтральная по отно-

шению к использованию искусственного интеллекта, в действительности внутренне несовместима с ним. Это не означает необходимости отказа от нее. Представляется, что ориентиром могут быть решения, уже реализованные в сфере авторского права, где результаты, в отношении которых преобладают организационные, а не творческие усилия, стали регулироваться в рамках смежных прав. Этот же подход может быть реализован и в патентном праве: для результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта, можно предоставлять охрану, опираясь на организационные усилия лица, а не творческую деятельность. Развитие законодательства в этом направлении будет соответствовать потребностям не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня человечества» [7].

Итак, имеет место различный подход в правоприменительной практике: если ИИ создает объект интеллектуальной собственности, то орган государственной власти (как правило, суд) либо выдает такой патент «на имя» самого ИИ (ЮАР), либо, что чаще, отказывает в этом требовании (США). Очевидно, что это уже в ближайшем будущем это станет одной из ключевых проблем актуальной патентной деятельности, связанной с определением получателя патента, и компетентные органы (прежде всего, Всемирная организация интеллектуальной собственности) должны обеспечить максимальную унификацию правоприменения в отношении этого вопроса.

Список источников

1. Абрамова Е. Н., Хамидуллина Е. В. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // *Хозяйство и право*. 2024. № 10. С. 71–83.
2. Кирьянова Е. В., Романенкова Е. И., Тымчук Ю. А. Интеллектуальная собственность. Обзор событий в России и за рубежом (первое полугодие 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

С. Г. Павликов — заведующий кафедрой патентного права и правовой охраны средств индивидуализации Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. G. Pavlikov — Head of the Department of Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization of the Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

3. URL: <https://moluch.ru/archive/469/103386/>
4. URL: <https://www.gorodissky.ru/publications/articles/iskusstvennyy-intellekt-v-patentno-informatsionnoy-rabote-riski-i-perspektivy/>
5. Пономарева Д. В., Барабашев А. Г. Патентная защита результатов научной деятельности и искусственный интеллект: проблемы и вызовы // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 3. С. 36–43.
6. Шиткина И. С., Бирюков Д. О. Искусственный интеллект: правовые аспекты // *Право и экономика*. 2023. № 11. С. 5–14; № 12. С. 5–15.
7. Калятин В. О. Готово ли патентное законодательство к использованию искусственного интеллекта? // *ИС. Промышленная собственность*. 2024. № 3. С. 58–62.

References

1. Abramova E. N., Khamidullina E. V. The rights to the results of intellectual activity created using artificial intelligence // *Economy and law*. 2024. No. 10. P. 71–83.
2. Kiryanova E. V., Romanenkova E. I., Tymchuk Yu. A. Intellectual property. Review of events in Russia and abroad (the first half of 2024) // *LRS «ConsultantPlus»*.
3. URL: <https://moluch.ru/archive/469/103386/>
4. URL: <https://www.gorodissky.ru/publications/articles/iskusstvennyy-intellekt-v-patentno-informatsionnoy-rabote-riski-i-perspektivy/>
5. Ponomareva D. V., Barabashev A. G. Patent protection of scientific results and artificial intelligence: problems and challenges // *Law and the digital economy*. 2020. No. 3. P. 36–43.
6. Shitkina I. S., Biryukov D. O. Artificial intelligence: legal aspects // *Law and economics*. 2023. No. 11. P. 5–14; No. 12. P. 5–15.
7. Kalyatin V. O. Is patent legislation ready to use artificial intelligence? // *IS. Industrial property*. 2024. No. 3. P. 58–62.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-124-134>

EDN: <https://elibrary.ru/kiypdl>

ИПОН: 2003-0059-5/24-153

MOSURED: 77/27-003-2024-05-352

Правовой суверенитет и его особенности: самообусловленность, иммунитет и юрисдикция

Людмила Анатольевна Подосинникова

Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, Москва, Россия

Аннотация. Дается теоретическое объяснение некоторых аспектов новой юридической конструкции «правовой суверенитет». Сама жизнь заставляет присмотреться к данному феномену, чтобы сформировать собственную суверенную государственность. Существующие взгляды на объем данного понятия, а самое главное — его содержание, образуют особый понятийно-смысловой ряд. В теории государства и права правовой суверенитет, как разновидность государственного суверенитета, включает в себя такие содержательные компоненты, как самообусловленность, иммунитет и юрисдикция, о чем пишут некоторые авторы. Тем не менее, объяснение логики содержания данного феномена остается дискуссионной проблемой, поскольку правовой суверенитет имеет внешнюю и внутреннюю направленность и силу. Представлено авторское понимание внутренней основы правового суверенитета через представленный смысловой и понятийный ряд правовых конструкций.

Ключевые слова: суверенитет, правовой суверенитет, право, самообусловленность, иммунитет, юрисдикция

Для цитирования: Подосинникова Л. А. Правовой суверенитет и его особенности: самообусловленность, иммунитет и юрисдикция // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 124–134. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-124-134>. EDN: KIYPDL.

Original article

Legal sovereignty and its features: self-conditionality, immunity and jurisdiction

Lyudmila A. Podosinnikova

Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev, Moscow, Russia

Abstract. A theoretical explanation of some aspects of the new legal construction «legal sovereignty» is given. Life itself forces us to take a closer look at this phenomenon in order to form our own sovereign statehood. The existing views on the scope of this concept, and most importantly, its content, form a special conceptual and semantic series. In the theory of state and law, legal sovereignty, as a type of state sovereignty, includes such substantive components as self-conditionality, immunity and jurisdiction, as some authors write. Nevertheless, the explanation of the logic of the content of this phenomenon remains a debatable problem, since legal sovereignty has an external and internal orientation and force. The author's understanding of the internal basis of legal sovereignty is presented through the presented semantic and conceptual range of legal structures.

Keywords: sovereignty, legal sovereignty, law, self-conditionality, immunity, jurisdiction

For citation: Podosinnikova L. A. Legal sovereignty and its features: self-conditionality, immunity and jurisdiction. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):124–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-124-134>. EDN: KIYPDL.

В последнее время в политическом и научном дискурсе активизировалась проблема суверенизации российской государственности в ее различных аспектах и разновидностях. Одним из таких аспектов государственного суверенитета выступает правовая его форма или правовой суверенитет. Данное понятие связано с понятиями: «правовое пространство», «самоограничение», «иммунитет», «автаркия» и т. д. Все это в целом позволяет говорить об относительно новом научном направлении юридической науки.

Историческая эволюция доктрины правового государства и концепции верховенства закона (в ряде случаев отождествляемых между собой) существенным образом расширяют представления о внутреннем правовом суверенитете государства. На примере действия права и соблюдения требований права как безусловного императива общественной и государственной жизни можно проследить последовательное укрепление внутреннего правового суверенитета государства, подчиняющего себя принципу верховенства права.

© Подосинникова Л. А., 2024

Процесс становления концепции правового государства свидетельствует о том, что его содержательные элементы выступают базисом для понимания природы внутреннего правового суверенитета, поскольку классические характеристики суверенитета государства в рамках данной идеи дополняются самоограничением государства как концептуальным следствием суммы правотворческой монополии государства и подчинения данного государства установленным требованиям собственного законодательства.

Самоограничение государства изданными законами вытекает непосредственно из правотворческих актов, которые могут производиться исключительно государством как субъектом внутреннего правового суверенитета. Ж. Боден полагал, что суверен не связан законами, так как закон представляет собой приказание самого суверена, а потому для него не обязательное, но он ограничен другим правом, независимым от суверена, существующим ранее государства и стоящим над ним — законом «Бога и природы» [5, с. 146].

В современном виде идея самоограничения государства была сформулирована немецким юристом Г. Еллинеком, перу которого принадлежит теория параллелизма, предполагающая, что «что созданное государством право обязывает не только подвластных лиц, но и само государство, а весь государственный порядок в обществе есть, в то же время, и правовой порядок» [30, с. 21]. Согласно данной теории, право и государство развиваются параллельно друг другу, что позволяет теоретической юриспруденции отождествлять государственный порядок и правовой порядок.

Г. Еллинек последовательно отстаивал идею о том, что создаваемое право ограничивает и само государство, так как «превращение власти государства, первоначально повсюду фактической, в правовую — всегда обуславливалось тем, что присоединялось убеждение о нормативном характере, этого фактического элемента, что должно быть так, как есть» [8, с. 250].

Самоограничение государства является следствием его внутреннего правового суверенитета, поскольку, во-первых, никто, кроме государства, не наделен правом издания законов, ограничивающих данное государство, а во-вторых, сам факт издания законов свидетельствует о свободном волеизъявле-

нии государства в отношении собственного ограничения. Если какой-либо закон, ограничивающий государство, был бы издан не свободным образом, а под воздействием какого-либо внешнего принуждения, то такое государство утратило бы свой внутренний правовой суверенитет.

Любая концепция самоограничения государства должна предполагать, с одной стороны, наличие у суверенного государства возможности для экспансии собственных притязаний, не ограниченных каким-либо внешним воздействием; с другой, — требуется наличие воли к добровольному усечению данной экспансии за счет введения дополнительных барьеров на пути реализации собственных притязаний. Такая комбинация параметров действия возможна лишь у внутренне суверенного государства, которое готово проявлять собственную самостоятельность и независимость в правовой жизни общества.

Принято считать, что власть не знает собственных пределов и «всегда стремится к неограниченному расширению властного пространства» [3, с. 16].

При этом неверно рассматривать волевое самоограничение как признак дефицита или полного отсутствия суверенитета; подлинная свобода государства, т. е. его независимость (автономия), проявляется в возможности избрать все имеющиеся в распоряжении правовые средства воздействия на правовую жизнь общества. В иной ситуации наличие императивного запрета на самоограничение государства само по себе может выступать в качестве признака его несuverенности — если для государства что-то недоступно, причем недоступно в силу объективных внешних причин, то значит, такое государство не обладает в полной мере внутренним правовым суверенитетом.

Самоограничение выступает противоположным вектором реализации внутреннего правового суверенитета по отношению к ничем не ограниченной экспансии его воли; однако по-настоящему свободное и независимое государство может двигаться в том или ином направлении, исходя из собственного желания (волеизъявления). Запрет, который налагается некоторыми представителями теоретической юриспруденции, подразумевающий принципиальную неспособность суверенного государства к самоограничению [17], сам по себе является признаком его несвободы.

Отношение между государством и правом является сущностным и диалектическим [9, с. 10]; здесь

налицо «внутрисистемное взаимодействие» [13, с. 19], которое проявляется в том, что государственный и правовой суверенитет (как и существенные их элементы и части) взаимосвязаны.

Внутренний правовой суверенитет может быть исследован с точки зрения теории государства и права в нескольких аспектах.

Во-первых, внутренний правовой суверенитет может быть рассмотрен как маркер самобытного пути правового развития конкретного общества, обладающего уникальным обликом права, базирующегося на соответствующих культурных традициях и наделяющего государства известной мерой свободы от влияния чужеродных правовых институтов и чужеродной правовой культуры.

Во-вторых, внутренний правовой суверенитет может быть рассмотрен и как компонент теоретической модели взаимодействия государства как ведущего субъекта правотворчества, формирования и осуществления правовой политики, охватывающей все институты гражданского общества.

В-третьих, внутренний правовой суверенитет является средством теоретической концептуализации многомерности господства государства как субъекта правотворчества в правовой жизни общества, фиксирующего тенденции формирования и формального закрепления правовых статусов в государственно-правовой реальности конкретного государства.

Наконец, в-четвертых, внутренний правовой суверенитет конституирует правовую реальность: от идей правового государства до реализации законности и правопорядка в обществе и государстве.

Объединение указанных аспектов понимания правового суверенитета формирует самостоятельное проблемное научное поле для теоретико-правовых изысканий, которые на сегодняшний момент произведены в юридической науке не в должной мере.

Научной гипотезой для дальнейшего понимания является тезис о том, что внутренний правовой суверенитет является логическим следствием последовательной дифференциации видов суверенитета государства, которое обладает всем комплексом характеристик, типичных для суверенитета государства, а также содержит в себе специфические признаки (черты), отражающие природу суверенных действий государства внутри последнего.

Концепция суверенного государства как института, способного к самостоятельному установле-

нию своих правовых границ, восходит к работам Г. Краббе, обосновавшим идею о способности права связывать и ограничивать государственную власть (суверенитет права). Г. Краббе противопоставляет доктрину правового государства и правового суверенитета традиционным представлениям о государственном суверенитете, которые видели «в государстве властную личность, которая отличается от всех других корпораций или органов тем, что он, и только он один, излучает власть управлять, право командовать» [10, с. 407].

Однако, по мнению Г. Краббе, попытки монополизировать всю власть государства несостоятельны, поскольку значительная часть правопорядка сложилась за пределами государства и не получила своей силы от государства. Поскольку власть, существующая вне закона, никогда не может создать обязательство, постольку Г. Краббе делает вывод, что нормы права, как и всякие социальные нормы вообще, коренятся в духовной жизни общества. В каждой области духовной жизни «применяются преобладающие нормы и заявляют о себе как суверенные, закон также может сохранять свой суверенитет в своей собственной области» [10, с. 412]. И. А. Ильин также подчеркивал, что «вся жизнь государственного союза суть правовые нормы» [11, с. 144] и тоже отдавал приоритет духовной жизни общества. В. С. Нерсисянц также указывал, что право формируется и развивается задолго до юридического оформления конкретных правовых норм, представляя собой первичный прототип для последующих нормативных формулировок [14].

Такой подход в большей степени ориентирован на теоретическое осмысление возможностей ограничения власти государства посредством установления правовых пределов осуществления его полномочий. Данный взгляд развивает концепцию суверенитета права как самостоятельного феномена, соразмерного и даже превосходящего по своей силе феномен государства.

Для познания сущности внутреннего правового суверенитета, которая является средством для выявления его особенностей, принципиальное значение приобретает вопрос о том, в какой области государство реализует свое господство как субъект суверенного правового воздействия.

Т. С. Мелешкина существенно сужает трактовку правового суверенитета, усматривая в нем само-

стоятельность и независимость государства «при осуществлении национальной правовой политики в целях обеспечения внутригосударственного правопорядка и эффективного взаимодействия с другими субъектами международных отношений» [19, с. 6]. В предложенном контексте правовой суверенитет ограничен вполне определенной областью действий государства — национальной правовой политикой. Очевидно, что правовая политика государства, представляя собой деятельность по разработке и внедрению стратегии «в области создания и применения права» [24, с. 71], преимущественно ограничивается сферой внутренней жизни общества.

Государство независимо в определении основных направлений своей правовой политики, так как результатом ее реализации становится производство правовых норм и применение их на практике. В этом контексте правовой суверенитет приобретает черты, близкие по своим основным характеристикам юрисдикции государства. Однако, с позицией Т. С. Мелешкиной можно согласиться только в том случае, если предлагаемое ею понятие представляет собой именно аспект внутреннего правового суверенитета.

Необходимо помнить, что правовая жизнь общества намного разнообразней в своих проявлениях, а национальная правовая политика государства представляет собой лишь отдельный аспект правового воздействия на общественные отношения. Право, как многофакторная система регулирования поведения индивидов в общества, требует от государства последовательного умножения инструментов правового воздействия, применение которых составляет содержание внутреннего правового суверенитета. Ключевой особенностью внутреннего правового суверенитета государства является представление о пространстве его осуществления (действия). Суверенитет государства обыкновенно связывается с территорией данного государства. Территория государства является его атрибутом, которому соответствует право «государства осуществлять юрисдикцию в пределах своей территории» [2, с. 300]. Территория необходима для осуществления суверенитета государства как в контексте того, что без территории государство невозможно, так в контексте понимания того, что без территории невозможно осуществление полномочий государства и правового воздействия со стороны органов государственной власти.

Право также требует для своего существования определенной пространственной локализации, в противном случае невозможно будет определить границы правового воздействия на общественные отношения, а также пространственные пределы осуществления юридических полномочий государства. Для описания локализованной сферы действия права и, как следует предполагать, внутреннего правового суверенитета государства, принято использовать представление о правовом пространстве. Эта универсальная правовая категория трактуется А. С. Пиголкиным в качестве применимости действия права на определенной территории [22, с. 102].

Таким образом, правовое пространство рассматривается сквозь призму триады действия права (во времени, в пространстве, по кругу лиц). Правовое пространство как локализованная область действия правового суверенитета государства, очевидно, определяется не столько непосредственными границами территории государства (учитывая возможность экстерриториального действия), сколько наличием у правового суверенитета иммунитета к воздействию иностранных юрисдикций (проявление внутреннего правового суверенитета), а также наличием возможности реального обеспечения экстерриториального действия своих юридических правил (аспект внешнего правового суверенитета).

Рассмотрев основные положения относительно соотношения внутреннего правового суверенитета и суверенитета государства, а также юрисдикции и правового суверенитета государства, представляется обоснованным раскрыть особенности внутреннего правового суверенитета.

Во-первых, необходимо отметить такую особенность внутреннего правового суверенитета, как его самообусловленность, т. е. его становление в отношениях с другими, где он выступает интегрирующим началом социального целого, объединяя единичные воли, поскольку присущая обществу динамика имеет внутренний характер, определяется внутренней причиной и источником. Самообусловленность является той необходимой сущностью, которая обеспечивает целостность, имманентный потенциал государственно организованного общества существовать и развиваться без внешних причин, обособленно от иных себе подобных образований. Вывод о самообусловленности внутреннего правового суверенитета носит аналитический, а не синтетический характер,

если использовать методику кантовского разделения априорного знания. Логика рассуждения в данном случае такова: всякое правовое явление может иметь либо зависимый, т. е. обусловленный, либо независимый, т. е. самообусловленный характер.

Говоря о зависимости какого-либо явления, следует выделить его возможности:

- ♦ явление может испытывать существенное внешнее влияние со стороны какого-либо другого явления. Такое влияние определяет характер и образ существования первоначального правового явления, а также способы его функционирования;

- ♦ зависимость правового явления может означать необходимость наличия какой-либо внешней причины для самого существования данного явления, т. е. без наличия данной причины это правовое явление не возникает и не развивается. В этом случае речь идет о каузальной зависимости.

Самообусловленное правовое явление или правовой процесс не испытывает какого-либо фатального для себя внешнего влияния, а также не требует для своего существования какой-либо внешней причины (отсутствует состояние каузальной зависимости); здесь проявляется «проблема самообусловленности правовой жизни человека, способности к пограничному выбору, выходу из социального нормального или возвращению в него» [16, с. 65].

При различении данных состояний (зависимости и самообусловленности) становится очевидным, что из самого понятия о природе внутреннего правового суверенитета можно вывести его самообусловленный характер, что методологически подтверждается процессуальными подходами к соотношению субъекта и объекта в философии [28, с. 32].

Самообусловленность правового суверенитета, вырастающую из внутренней потребности реализации потенциала развития государства, следует определить как внутреннюю обусловленность динамичной событийностью и представлять как свободу, т. е. фундаментальное качество функционирования суверенного государства в силу следующего:

- ♦ поскольку внутренний правовой суверенитет является атрибутом государства, а всякий атрибут сопутствует своему денотату, постольку внутренний правовой суверенитет не может предшествовать или последовать моменту возникновения государства. Внутренний правовой суверенитет возникает вместе с государством и существует как его конститутивный

предикат. Существование внутреннего правового суверенитета аналитически выводится из самого понятия о государстве как универсальном субъекте непосредственного правотворчества;

- ♦ функционирование внутреннего правового суверенитета не зависит, и не обуславливается каким-либо внешним правовым явлением или процессом, но сам внутренний правовой суверенитет государства выступает в качестве причины действия целого ряда правовых институтов, как это было показано выше на примере юрисдикции. Любое гипотетическое внешнее явление, способное оказывать predetermined влияние на внутренний правовой суверенитет, приводило бы к стеснению полновластия и независимости государства, а, следовательно, к утрате этим государством своего суверенитета.

Таким образом, внутренний правовой суверенитет носит самообусловленный характер, что подразумевает как тождество его самому себе, так и каузальную замкнутость на самом себе (обусловлен собой). Внутренний правовой суверенитет выступает в качестве причины самого себя и свидетельствует о свободе волеизъявления при принятии и претворении в жизнь правовых решений, определяющих правовое развитие общества в пределах существования и функционирования правового пространства, а также об отсутствии каких-либо внешних влияний (факторов), стесняющих волю государства.

Во-вторых, внутренний правовой суверенитет государства имеет автаркический характер. Внутренний правовой суверенитет предоставляет государству возможность самостоятельно и независимо определять векторы правового развития, ставить и достигать цели правового регулирования, решать задачи совершенствования правового воздействия на общественные отношения.

Реализация внутреннего правового суверенитета предполагает опору на правовую традицию и культуру конкретного общества и государства, в русле которых развивается правовая жизнь данного общества на протяжении всего периода его исторического существования. Свобода целеполагания при реализации внутреннего правового суверенитета свидетельствует о самодостаточности факторов внутреннего развития общества для определения основополагающих направлений его эффективного функционирования.

Этот вывод последовательно следует из понимания того обстоятельства, что условием достижения

«свободы от» [20, с. 319–320], т. е. независимости, выступает совершенствование деятельной активности, и свобода, понимаемая в таком смысле, неизменно предполагает «необходимость расти и развиваться в соответствии со спецификой человеческого существования (как автономная самоорганизующаяся система)» [31, с. 126].

Логико-правовым следствием самообусловленности внутреннего правового суверенитета является представление о самодостаточности внутренних возможностей государства для решения задач правового развития общества. Возможность свободно принимать решения в области права, не зависеть от внешних обстоятельств или влияний, стесняющих свободы волеизъявления государства, свидетельствует о возможности самообеспечения процесса правового развития ресурсами его внутренней правовой жизни.

Этимология слова восходит к греческому *autarkeia* — самоудовлетворение (от *autos* — сам и *pagkeo* — нахожусь в достатке), самообеспеченность; самодостаточность. В последнее время появились попытки ввести понятие автаркии в разных смыслах в научный оборот [15].

Эту категорию обосновывали юристы, экономисты, политологи: Г. Торо и Д. Дефо, А. Гамильтон и Даниэль Д. Леон, М. Бакунин и А. Оджалан, Г. Сингер и Ф. Лист. Основная идея — взаимопомощь и взаимобусловленность, противостояние чуждому миру за его границами. На базе этих идей сегодня функционируют такие теории, как «зеленый анархизм», сюрвиализм, анархо-примитивизм, движение киббуцев и социальный мутуализм. Кроме того, в ряде стран популяризируется автономизм, палеоконсерватизм. Увлечение автаркией нередко охватывает целые государства: чучхе (Северная Корея), красных кхмеров (Кампучия), Уджамаа (Танзания), Свадеши (Индия), Атманирбхар Бхарат (Индия)» [7, с. 74–75].

Представляется, что автаркия — это скорее идеология развития государства, в основе которой лежит вектор обеспечения безопасности национальных интересов личности, общества и государства, определенной самодостаточности исходя из имеющихся природных, географических, социокультурных особенностей. Данное понятие рассматривалось также в работах российских ученых евразийцев: Л. П. Карсавина, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Н. Н. Алексеева, Г. В. Флоровского, М. В. Шахматова, Г. В. Вернадского и др.

Н. Н. Алексеев вообще предлагал включить автаркию в число главных признаков, характеризующих подлинные государства [23]. Обосновывая концепцию автаркии как суверенного государства, евразийцы связывали ее с национальной проблемой, а именно с суверенитетом нации и национальной правовой системой.

Автаркия может быть рассмотрена как система правовых мер, разрабатываемых и реализуемых государством, посредством которых достигается надлежащая полнота суверенности нормативно-правовой силы (мощи) государства, которая минимизирует внешнее воздействие на себя [1, с. 18].

Автаркия как модель правового развития государства, логически вытекающая из природы внутреннего правового суверенитета, подчеркивает, что правовая система общества, в конечном итоге, является результатом действия внутренних механизмов развития (преимущественно или тотально). Еще Г. Еллинек утверждал: суть автаркии заключается в том, что государству не нужно никакое «пополняющее общение» [8]. При преимущественном подчинении правового развития государства внешним факторам последовательно утрачивается не только правовая идентичность общества, но и суверенность данного государства, из «рук» которого ускользают рычаги воздействия на правовую жизнь данного общества. Сегодня социально-экономическая и политическая ситуация в российском государстве неизбежно предполагает новый вектор развития экономики и права: автаркию, т. е. политику, направленную на самообеспечение, создание замкнутого цикла экономики, отказ от глобальных экономических и политических проектов. Справедливости ради надо отметить, что политика автаркии в советской России была продолжением традиции царской России, так как фактически Россия в XIX в. была чуть ли не единственной страной в мире, которая имела обособленный экономический уклад, что позволяло самостоятельно осуществлять внутреннюю и внешнюю политику независимо от иностранного капитала, не говоря уже о политическом влиянии на Российское государство: автономия, самообеспеченность, высокие пошлины на ввозимые товары (особенно вводимые С. Ю. Витте), стимулировали развитие не только экономики, но формирование национальной правовой системы Российской империи [12].

Не всякая деятельность государства может быть интерпретирована в качестве действия суверенного

субъекта права, т. е. не всякое действие освобождает государство от какой-либо ответственности со стороны внешних участников международно-правового общения. Здесь наблюдается различие в суверенных действиях государства и тех действиях, которые не требуют непосредственной реализации суверенных полномочий. В силу данного обстоятельства «действия государства условно подразделяются на действия *jure imperii* (относящиеся к действиям государства в суверенном качестве) и действия *jure gestionis* (относящиеся к действиям государства в торговой, финансовой, коммерческой, иной частной сфере)» [27, с. 129].

При этом правовой суверенитет государства позволяет различать, собственно, само государство как носителя суверенных прав и органы государства (государственный аппарат) как уполномоченные звенья государственного управления, наделенные определенными властными полномочиями.

Иммуниет государства призван обеспечить независимость принимаемых им решений, которые разрабатываются и претворяются в жизнь исключительно в интересах данного государства. Традиционно иммунитету государства принято рассматривать как феномен международного права [26, с. 6], в рамках которого данный принцип выводится из принципа суверенного равенства государств и взаимного уважения государственного суверенитета. Следовательно, как и в случае с ранее рассмотренными понятиями, иммунитет государства следует рассматривать как следствие, выводимое из самой сущности правового суверенитета государства.

Как уже было показано выше, правовой суверенитет можно также рассматривать в отрицательном смысле — как защиту от неправомерных притязаний иностранных государств навязать принципы и ценности своих правовых систем. В данном контексте правовой суверенитет свидетельствует также о состоянии защищенности процесса правового развития государства, поскольку отсутствие данного состояния может рассматриваться как свидетельство отсутствия реального суверенитета государства.

Н. А. Ушаковым юрисдикция увязывается с принципом иммунитета посредством расширения ее понятийного значения — как осуществление государством своих властных полномочий [29, с. 9].

В этом отношении иммунитет государства является инструментом закрепления конкретных пра-

вовых средств защиты правового суверенитета государства, которые могут применяться как во внутренней жизни данного государства, так и вовне. В свою очередь, И. А. Демидов, не без основания, рассматривает иммунитет государства как явление, основанное на суверенитете государства, выражающееся в верховенстве государственной власти внутри страны и независимостью от какой-либо другой власти в международных отношениях [6, с. 11].

Исходя из изложенного, следует отметить, что иммунитет суверенного государства также проистекает из равенства суверенных участников международных отношений, взаимодействие которых возможно исключительно на основе взаимного уважения и признания суверенных прав. Погружение в контекст реализации внутреннего правового суверенитета позволяет рассматривать иммунитет государства в качестве проявления защищенности его внутренней правовой жизни, функционирования и развития его правовой системы, в рамках которой органы государственной власти обладают защитой от внешнего посягательства на порядок принятия властно-распорядительных решений, определяющих правовое развитие. Это позволяет придать иммунитету государства не только внешнее, но и внутреннее выражение, поскольку внутренний иммунитет государства также позволяет ему оказывать необходимое и эффективное правовое воздействие на сознание и волю людей и, тем самым, осуществлять процесс правового регулирования общественных отношений.

Иммуниет государства следует рассматривать в качестве многоотраслевого проявления правового суверенитета, что находит свое проявление как в отраслях публичного, так и частного права. Правовой суверенитет рассматривается в качестве основания и обоснования наличия иммунитета государства.

М. М. Богуславский усматривает природу иммунитета государства в неподчиненности одного суверенного государства действию законодательства другого государства [4, с. 14]. Следовательно, иммунитет государства является логико-правовым следствием его независимости, в силу чего суверенные права одного государства, предполагающие возможность принятия решений, влияющих на правовую жизнь общества, не могут посягать на сферу реализации суверенных прав другого государства. Это естественное и закономерное развитие действия правового суверенитета, без которого невозможно

объяснить существование иммунитета государства лишь как конвенционального положения в праве.

Иммунитет государства предполагает невозможность применения принуждения к нему со стороны другого государства, что согласуется с выявленными ранее особенностями правового суверенитета. Естественно, существование внутреннего правового суверенитета государства невозможно в условиях подчиненности его воле внешнему влиянию или принуждению.

Отсюда в теоретической юриспруденции также принято выводить неподсудность одного государства органам власти другого государства, изъятие одного государства из юрисдикции другого, а также о наличии комплекса иммунитетных прав государства, которые можно рассматривать в качестве составляющего элемента комплекса суверенных прав [25, с. 39].

Иммунитет государства следует рассматривать в качестве следствия привилегированного статуса государства как суверенного участника международных отношений, который качественно отличается от иных субъектов международного права. Равенство суверенных участников международного права предполагает отказ от возможности применения принуждения по отношению к другим государствам и, как следствие, запрет на такое принуждение.

Рассмотренные выше правовые явления позволяют констатировать динамический характер существования внутреннего правового суверенитета, порождающего разнообразные по своей сути институты и инструменты национального права. Динамика внутреннего правового суверенитета достигается не за счет возникновения данного правового явления, так как он возникает вместе с государством как суверенным политико-правовым образованием, а за счет усилий, которые могут укреплять или ослаблять внутренний правовой суверенитет, т. е. развитие последнего.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что разнообразие концепции автаркии, выдвинутые различными учеными в разное время, не потеряли и сегодня своей актуальности и «ресурсность» сохранения и обеспечения целостности государства и его правового суверенитета.

В-третьих, наряду с самообусловленным и автаркическим характером реализации внутреннего правового суверенитета заслуживает внимания еще

одно качество, производное от рассматриваемой категории, и присущее внутреннему правовому суверенитету — правовой иммунитет государства.

Латинская этимология данного понятия восходит к слову «*immunitas*», которое означает «освобождение». Правовой иммунитет государства является закономерным звеном понятийного ряда, раскрывающего свободу действий государства, как компонент его правового суверенитета.

Государство как суверенный субъект права вынужденно защищать себя от любого негативного влияния со стороны других государств и быть полноправным участником межгосударственных правоотношений.

Современная доктрина международного права различает абсолютный и функциональный иммунитет. При этом под абсолютным иммунитетом понимается возможность государства осуществлять любую деятельность в качестве суверенного субъекта права, в то время как функциональный суверенитет предполагает, что «государство пользуется иммунитетом только тогда, когда выступает как носитель суверенной власти» [17, с. 115]. Различение двух типов иммунитета государства имеет значение для понимания особенностей внутреннего правового суверенитета.

В доктрине международного права материальный и процессуальный иммунитеты различаются так же, как различаются материальное и процессуальное право. Материальный иммунитет предполагает возможность применения только национального права государства в рамках гражданско-правовых отношений с этим государством. Процессуальный иммунитет требует обеспечения неподсудности одного государства судебным органам другого государства [17, с. 115].

Отсюда, понятие «иммунитет государства» дуалистично: его можно рассматривать либо с позиции государства, осуществляющего деятельность на территории иностранного государства, и тогда иммунитет государства — это право государства на освобождение от юрисдикции другого государства; либо с позиции принимающего государства, и тогда иммунитет — это частичный отказ государства от осуществления своей территориальной юрисдикции относительно действий и собственности иностранного государства [18, с. 250].

Связь иммунитета государства с его правовым суверенитетом проявляется, прежде всего, в гаран-

тировании того, что данное государство будет защищено от какого-либо внешнего воздействия, либо от воздействия самого этого государства.

Сказанное позволяет сделать следующие обобщения и выводы.

Во-первых, внутренний правовой суверенитет обладает всем объемом атрибутов суверенитета государства, однако наделен специфическими чертами. Он реализуется в особой локализованной сфере — правовом пространстве, т. е. в области применения права как действенного инструмента регулирования общественных отношений со стороны государства. Внутренний правовой суверенитет носит самообусловленный характер, конституирует возможность государства самостоятельно и независимо определять векторы своего правового развития, обладает собственным механизмом формирования и реализации. Механизм внутреннего правового суверенитета представлен совокупностью правовых средств, с помощью которых государство достигает поставленной цели — укрепления государственного суверенитета.

Во-вторых, закономерным компонентом учения о внутреннем правовом суверенитете является идея о самоограничении государства, которое, при отсутствии значимых препятствий на пути экспансии своей воли, добровольно отказывается от данной экспансии и подчиняет себя требованиям права (верховенство права). Самоограничение государства является средством стимулирования и развития внутреннего правового суверенитета за счет дополнительных прилагаемых усилий в части, касающейся подчинения деятельности органов государственной власти требованиям права.

В-третьих, подчинение государства, обладающего внутренним правовым суверенитетом, требованиям права (верховенство права) является необходимым условием установления и поддержания правопорядка. Внутренний правовой суверенитет становится неотъемлемым элементом общественного порядка, законности и частью социальной нормативности в целом. Поскольку упорядоченные надлежащим образом общественные отношения подвергаются соответствующему правовому воздействию (правовому регулированию), постольку в качестве одного из результатов внутреннего правового суверенитета необходимо рассматривать установление в обществе правопорядка.

В-четвертых, наличие закономерной связи между способом решения вопроса о носителе внутреннего правового суверенитета и конкретным типом правового суверенитета не свидетельствует о влиянии представлений о сущности права на концепцию государства и общества (общественных отношений) и, как результат, на носителя внутреннего правового суверенитета. В зависимости от конкретного типа правового суверенитета носителем внутреннего правового суверенитета может выступать государство, общество, народный дух, индивид или суверен, принимающий решение в исключительной ситуации.

Список источников

1. Альбов А. П. Внутренний суверенитет: самообусловленность, автаркия, иммунитет // Современный юрист. 2022. № 4(41). С. 8–21.
2. Ассаф А. Н. Территория как вопрос метафизики: философский подход к определению территориального суверенитета в международном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3(42). С. 298–311.
3. Ашихмина А. В., Епифанов А. Е., Абдрашатов В. М. Механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Волгоград : ВолГУ, 2008.
4. Богуславский М. М. Иммунитет государства. М., 1962.
5. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии. Т. 2. М., 1970.
6. Демидов И. А. Иммунитет государства и его собственности. М., 2014.
7. Егоров С. В. Испытание автаркией // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 22. С. 68–76.
8. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.
9. Кененов А. А. Социалистическое государство и право: некоторые вопросы их соотношения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973.
10. Krabbe H. Staat en recht // De Gids. Jaargang 91. Amsterdam : P.N. van Kampen and Zoon, 1927.
11. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1994.
12. Ильюхов А. А. Вынужденная автаркия: исторический опыт // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1(33). С. 26–31.
13. Неновски Н. Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982.

14. Нерсисянц В. С. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 70–72.

15. Макарычев А. В. Автаркия власти как специально-политический феномен // Вызовы современности и ответственность философа: мат. «круглого стола», посв. всемир. Дню философии / под общ. ред. И. И. Иванова. Бишкек, 2003. С. 69–76.

16. Малахов В. П. Право в контексте философского сознания // Пространство и время. 2014. № 2(16). С. 63–66.

17. Мальцев В. А., Элязян А. Ш. Иммуниет государства: доктрины, виды и современные проблемы // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1(51). С. 114–120.

18. Международное частное право: учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г. К. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2004.

19. Мелешкина Т. С. Политико-правовые механизмы защиты суверенитета российского государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

20. Оглезнев В. В., Брянский С. Н. Йсаия Берлин и проблемы определения понятия «свобода» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4(32). С. 318–325.

21. Осыченко Е. В. Самоограничение государства правом в контексте правовой автономности гражданского общества // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 10. С. 2–4.

22. Пиголкин А. С. Действие закона // Юридический энциклопедический словарь. М., 1987.

23. Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев; сост. А. Дугин, Д. Тараторин. М., 1998.

24. Рыбаков О. Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Журнал российского права. 2002. № 3(63). С. 71–78.

25. Сальников В. П., Сальников М. В., Романовская В. Б., Пужаев В. В. Правовая природа государственного иммунитета // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4(42). С. 36–43.

26. Силкина И. В. Актуальные проблемы иммунитета иностранного государства и его собственности в международном частном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

27. Старженецкий В. В. Эволюция института юрисдикционных иммунитетов 123 государств: рав-

ный над равным власть имеет? // Международное правосудие. 2014. № 4(12). С. 123–140.

28. Степанов А. А. Процессуальная методология инвариантного деятеля // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 9. С. 26–32.

29. Ушаков Н. А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. М., 1993.

30. Фролова Е. А. Понятие и типология права // Право и государство: теория и практика. 2012. № 5(89). С. 12–25.

31. Фромм Э. Иметь или быть? М., 2014.

References

1. Albov A. P. Internal sovereignty: self-conditionality, autarky, immunity // Modern Lawyer. 2022. No. 4(41). P. 8–21.

2. Asaf A. N. Territory as a question of metaphysics: a philosophical approach to the definition of territorial sovereignty in international law // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2020. No. 3(42). P. 298–311.

3. Ashikhmina A. V., Epifanov A. E., Abdrashitov V. M. The mechanism of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. Volgograd: Volga State University, 2008.

4. Boguslavsky M. M. State immunity. M., 1962.

5. Boden J. Six books about the state // Anthology of World Philosophy. T 2. M., 1970.

6. Demidov I. A. Immunity of the state and its property. M., 2014.

7. Egerev S. V. The temptation of autarky // Management of science: theory and practice. 2022. Vol. 4. No. 22. P. 68–76.

8. Jellinek G. The general doctrine of the state. St. Petersburg, 2004.

9. Kenenov A. A. The socialist state and law: some issues of their correlation: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. M., 1973.

10. Krabbe H. Staat en recht // De Gids. Jaargang 91. Amsterdam: P.N. van Kampen and Zoon, 1927.

11. Ilyin I. A. The general doctrine of law and the state. Collected works. T. 4. M., 1994.

12. Ilyukhov A. A. Forced autarky: historical experience // Actual problems of economics and law. 2015. No. 1(33). P. 26–31.

13. Nenovsky N. Unity and interaction of state and law. M., 1982.

14. Nersesyants V. S. On understanding Soviet law // The Soviet State and law. 1979. No. 8. P. 70–72.
15. Makarychev A. V. Autarky of power as a special political phenomenon // Challenges of modernity and responsibility of the philosopher: mat. The «round table», posv. the whole world. the Day of Philosophy / under the general editorship of I. I. Ivanov. Bishkek, 2003. P. 69–76.
16. Malakhov V. P. Law in the context of philosophical consciousness // Space and time. 2014. No. 2(16). P. 63–66.
17. Maltsev V. A., Elyazyan A. S. State immunity: doctrines, types and modern problems // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2023. No. 1(51). P. 114–120.
18. International private law: textbook / L. P. Anufrieva, K. A. Bekyashev, G. K. Dmitrieva [et al.]; ed. by G. K. Dmitriev. 2nd ed., reprint. and additional M. : TK Velbi, Prospect, 2004.
19. Meleshkina T. S. Political and legal mechanisms for protecting the sovereignty of the Russian state: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. M., 2007.
20. Ogleznev V. V., Bryansky S. N. Isaiah Berlin and the problems of defining the concept of «freedom» // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2015. No. 4(32). P. 318–325.
21. Osychenko E. V. Self-limitation of the state by law in the context of legal autonomy of civil society // Constitutional and municipal law. 2008. No. 10. P. 2–4.
22. Pigolkin A. S. The effect of the law // Legal encyclopedic dictionary. M., 1987.
23. The Russian people and the state / N. N. Alekseev; comp. A. Dugin, D. Taratorin. M., 1998.
24. Rybakov O. Y. Legal policy as a legal category: concept and signs // Journal of Russian Law. 2002. No. 3(63). P. 71–78.
25. Salnikov V. P., Salnikov M. V., Romanovskaya V. B., Puzhaev V. V. The legal nature of state immunity // Rule of law: theory and practice. 2015. No. 4(42). P. 36–43.
26. Silkina I. V. Actual problems of immunity of a foreign state and its property in private international law: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2007.
27. Starzhenetsky V. V. Evolution of the institution of jurisdictional immunities of 123 states: does an equal have power over an equal? // International justice. 2014. No. 4(12). P. 123–140.
28. Stepanov A. A. Procedural methodology of an invariant figure // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2009. No. 9. P. 26–32.
29. Ushakov N. A. Jurisdictional immunities of states and their property. M., 1993.
30. Frolova E. A. The concept and typology of law // Law and the State: theory and practice. 2012. No. 5(89). P. 12–25.
31. Fromm E. To have or to be? M., 2014.

Информация об авторе

Л. А. Подосинникова — доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева, кандидат юридических наук.

Information about the author

L. A. Podosinnikova — Associate Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Advocacy and Notary named after G. B. Mirzoev, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.08.2024; одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 11.10.2024.

The article was submitted 13.08.2024; approved after reviewing 13.09.2024; accepted for publication 11.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-135-139>

EDN: <https://elibrary.ru/kjmuhtm>

НИОН: 2003-0059-5/24-154

MOSURED: 77/27-003-2024-05-353

Место инноваций в корпоративной стратегии промышленных групп (объединений предприятий) — производителей автоматизированных систем управления и связи двойного назначения

Сергей Михайлович Проява

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы формирования стратегии промышленных групп (объединений предприятий) — производителей автоматизированных систем управления и связи двойного назначения на основе современных инновационных моделей НИОКР.

Ключевые слова: инновационная деятельность, модель «открытых инноваций», НИОКР, промышленные группы (объединения предприятий)

Для цитирования: Проява С. М. Место инноваций в корпоративной стратегии промышленных групп (объединений предприятий) — производителей автоматизированных систем управления и связи двойного назначения // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 135–139. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-135-139>. EDN: KJMUHM.

Original article

The place of innovation in the corporate strategy of industrial groups (associations of enterprises) — manufacturers of dual-purpose automated control and communication systems

Sergey M. Proyava

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The current issues of forming the strategy of industrial groups (associations of enterprises) — manufacturers of dual-use automated control and communication systems based on modern innovative R&D models are considered.

Keywords: innovative activity, the «open innovation» model, R&D, industrial groups (business associations)

For citation: Proyava S. M. The place of innovation in the corporate strategy of industrial groups (associations of enterprises) — manufacturers of dual-purpose automated control and communication systems. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):135–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-135-139>. EDN: KJMUHM.

В начале 2000-х гг. в Российской Федерации была принята стратегическая программа совершенствования ОПК государства, а на ее основе — дальнейшего развития Вооруженных сил. В результате намеченных преобразований в оборонно-промышленном комплексе за прошедшие десятилетия обеспеченность Вооруженных сил и других силовых структур новыми образцами, типами и видами вооружения, военной и специальной техники (ВСВТ) достигло 85 %, при этом за Россией по-прежнему сохраняется статус одного из мировых лидеров в области военно-технического сотрудничества.

В то же время, военное производство в российской экономике, как и в зарубежных странах, отли-

чается глубиной научных и технологических заделов. При этом разработку и производство вооружения и военной техники разумно рассматривать в разрезе создания и увеличения производства современной, конкурентной гражданской продукции. Исходя из этого, высокотехнологическое развития военного сектора отечественной экономики двойного назначения должно являться его приоритетной целью.

Специальная военная операция на Украине (СВО) еще раз подтвердила, что ключевым направлением модернизации ОПК России должно стать своевременное обеспечение Вооруженных сил современными автоматизированными средствами и системами связи, разведки и управления, радиоэлектронной борьбы.

© Проява С. М., 2024

В докладе «Обзоры ОЭСР по инновационной политике: Российская Федерация» (2010) отмечалось, что «Средства государственного бюджета были и остаются важнейшим источником финансирования НИОКР в России, доля частного финансирования здесь все еще невелика. По данным за 2010 г. на госбюджет приходилось 66,5 % затрат на эти цели (в то время, как в странах ОЭСР ситуация в точности обратная — в среднем доля предпринимательского сектора там в этих затратах приближается к 70 %)» [1, с. 100]. «К сожалению, — как на то указала Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию (Институт исследований и экспертизы ВЭБ), — в 2022 г. этот показатель в России вырос до 75 %» [2].

В то же время, последние события у нас в стране, связанные в той или иной степени с проведением СВО, политикой нацеливания экономики на решение оборонных задач, наметился серьезный интерес крупного российского бизнеса к вопросам современного научно-технического обеспечения военных задач. Все чаще стали заметны достижения в собственных научных разработках, в обновлении управления НИОКР в самих корпорациях, и, наряду с этим, — формирование нового уровня деловых и партнерских отношений как с другими заинтересованными хозяйственными структурами, так и государством.

На сегодняшний день основным целеполаганием в свете научных исследований для крупных компаний является:

- ♦ генерация и закрепление неординарных замыслов и концепций;
- ♦ модернизация существующих и разработка современной продукции и услуг;
- ♦ создание опытных образцов продукции двойного назначения;
- ♦ поиск и внедрение инновационных разработок на рынке схожей продукции и смежных отраслей промышленности;
- ♦ укрепление взаимодействия заказчиков с исполнителями и др.

Анализ исследуемой проблемы, с точки зрения участия крупного бизнеса в дальнейшем продвижении инноваций в области технологического развития военной отрасли экономики, показывает, что, к сожалению, на первом месте до сих пор остается со-

вершенствование имеющихся продуктов и технологий, а не их создание «с нуля».

«Необходимым условием активного внедрения инноваций является завершение предприятиями модернизации для сокращения технологического разрыва с целью снижения издержек и доведения своей продукции до минимально конкурентного уровня. Модернизация путем покупки готовых технологий/производств является приоритетной для направлений, имеющих серьезное технологическое отставание, поскольку позволяет с минимальным риском и меньшими издержками нарастить конкурентоспособность» [3]. Как считают топ-менеджеры некоторых корпораций, модернизация должна опережать инновации. Сегодня значительная часть крупных производственных компаний, в том числе в России, имеют свои научно-исследовательские институты или центры, поставившие перед собой задачу самим создавать конкурентные преимущества, самостоятельно вкладываться в НИОКР.

Для таких крупных объединений предприятий как, например, АО «Концерн Созвездие», «действующего в специфической отрасли (ОПК), где сохранилась высокая доля использования «советской» технологической базы и модели управления, наиболее остро стоит, прежде всего, проблема снижения издержек» [4].

Отличительной современной моделью, реализуемой крупными международными корпорациями и отечественными группами крупных предприятий, работающих преимущественно в области двойного назначения, является модель так называемых «открытых инноваций» (ОИ). Генри Уильям Чесбро — американский теоретик организаций, один из первых применивший категорию «открытые инновации», отмечает, что «это процесс систематического поиска и приобретения внешних источников знаний и технологий, а также эффективное использование этих знаний как внутри самой компании, так и в процессе тесного взаимодействия со сторонними организациями» [5]. Данная модель предполагает обмен знаниями и технологиями посредством их лицензирования и коммерциализации для внешнего потребления, и обратный процесс приобретения новых компетенций от других субъектов экономической деятельности. Особенно это важно в сфере развития двойных технологий.

Ведущие исследователи американского аналитического агентства Booz & Co Барри Ярузельски и Ри-

чард Холман определили основные «стратегические сферы активности» высокотехнологичных предприятий, являющихся наиболее эффективными, подтверждающими разрабатываемую ими теоретическую модель открытых инноваций [6]. К таким можно отнести развитие процессных и технологических инноваций на предприятии, в том числе систем управления, информационных технологий, маркетинга и др.; стимулирование процессов открытого обмена инновациями между работниками внутри предприятия и с внешними агентами; построение успешных механизмов взаимодействий с партнерами, потребителями, заказчиками, учебными и научными организациями, венчурными компаниями и др.; формирование системы полезного использования перспективных идей, посредством их стимулирования, отслеживания и контроля; организация работы подразделения, напрямую работающего со всем фондом инноваций.

В то же время, «открытость инноваций» не означает их бесплатность. Лицензирование и финансовое вознаграждение — обязательное условие стимулирования их развития.

Сегодня ряд значимых международных корпораций столкнулись с рядом серьезных проблем в области НИОКР, когда расходы на них перестали приносить ожидаемый экономический эффект. Это и повышение издержек на разработку новаций, невозможность сокращения сроков их освоения, ускоренная их амортизация, завершение лицензий и др.

Это потребовало от крупных компаний принятия кардинальных мер по преодолению сложившихся негативных тенденций, направленных на формирование соответствующих эпохе научных компетенций организаций.

«До 2022 г. российская стартап-экосистема показывала рекордное развитие. К концу 2021 г., по данным МТС, объемы рынка российского венчура составили почти 1,8 млрд долл. на 217 сделок, это были беспрецедентные показатели. Однако с весны прошлого года ситуация изменилась в худшую сторону. По оценкам Фонда развития интернет-инициатив, рынок венчурного финансирования на сегодня сократился в десять раз» [7]. В то же время, уход из России ряда международных компаний открыл новые ниши — в частности, путешествия, b2b-софт, программное обеспечение (ПО) для промышленности и энергетики, облачное ПО, искусственный интеллект и машинное обучение.

В настоящее время наметилась тенденция создания объединений и групп крупных предприятий, при которых происходит не только создание инновационных альянсов на взаимовыгодной организационной трансформации, затрагивающей, в том числе и их внутрифирменные структуры. Например, массовую передислокацию в 2023–2024 гг. производств крупных, технологически развитых европейских компаний в США, в том числе производящих высокотехнологичную военную продукцию. По некоторым данным в Германии — это около двух третей компаний.

Предприятия «пытаются искать возможности для коллабораций со стартапами, проявляют активный интерес к отдельным продуктам или решениям, иногда нанимают целые стартап-команды для того, чтобы они внедряли внутри корпорации те или иные решения». Интерес к стартапам проявляет и средний бизнес. Если в сегменте крупного бизнеса со стартапами работают 90 % компаний, то в среднем — около 30 %, что тоже достаточно много. Во многих компаниях появляются департаменты инноваций, программы акселерации, школы продуктов для работников» [8].

Повышение вычислительных мощностей информационных систем, развитие искусственного интеллекта в НИОКР, становятся общемировыми трендами в сфере создания современных автоматизированных систем управления и связи двойного назначения.

Сегодняшняя инновационная и научно-исследовательская активность крупных компаний явилась следствием, в том числе того, что «Одним из наиболее серьезных изменений в управленческих моделях последнего времени является постепенный распад крупных полностью интегрированных компаний и переход к модели виртуальных интегрированных компаний (VIPCO)» [9].

Отечественным крупным промышленным группам (объединениям предприятий) и, прежде всего, — корпорациям и холдингам, в целях формирования и реализации передовой инновационной стратегии на базе изменения всей концепции НИОКР, потребуются решать ту же проблему, что и западным высокотехнологичным компаниям в области управления и связи, выпускающим продукцию двойного назначения, а именно, функциональное деление подразделений НИОКР на более компактные и результативные.

Новые VIPCO компании в сфере высоких технологий управления и связи основаны на инновацион-

ных интернет-технологиях организации бизнеса, временно объединены в рамках единого виртуального (информационного) пространства, но на разных уровнях партнерских отношений как с производственными, так и с научными, учебными организациями, государственными органами, учреждениями и предприятиями в различных сферах науки и техники. Создается система, способная на основе координации и эффективного взаимодействия участников оперативно решать поставленные задачи. Данный подход позволил Правительству РФ организовать на основе государственной программы увеличения в десять раз производства БПЛА военного и гражданского назначения, так необходимых уже сегодня российским войскам в ходе СВО.

В этой связи становится актуальным развитие современных форм и практик активного использования новых бизнес-моделей для рассматриваемых нами групп предприятий, к которым можно отнести, например, активное использование патентования и лицензионной деятельности; стандартизации технологий и оборудования; совместную деятельность, в том числе на базе научных и учебных организаций (спиноффы); аутсорсинг; венчурные контракты; инновации, на основе отзывов и рекомендаций конечных потребителей — военнослужащих, управляющих сложными информационно-техническими устройствами в ходе боевых действий в условиях СВО) и др. Присовокупив к этому опыт иностранных компаний, высокотехнологическое оборудование которых успешно используется в ходе военных компаний последних десятилетий, можно сказать, что подобные инновационные практики, реализуемые в их совокупности или в комбинации, позволяют предприятиям, выпускающим продукцию двойного назначения, ориентироваться не только на период ее военного применения, но и более длительный период гражданского применения.

Таким образом, стратегией развития корпоративной стратегии промышленных групп (объединений предприятий) — производителей автоматизированных систем управления и связи двойного назначения следует назвать программу стратегических инноваций, направленных на занятие передовых рыночных позиций в сфере радиоэлектроники, информационных систем и технологий на базе искусственного интеллекта, повышения научно-технологического уровня производственных процессов, организационно-

кадрового проектирования, повышение потенциала НИОКР. При этом, эффективность намеченных мер достигается только на основе ресурсной составляющей экономики страны — материальной, интеллектуальной, кадровой, в том числе, с учетом фактора (ресурса) времени как для выпуска современных высокоинтеллектуальных средств ведения войны, так и в ходе ее ведения.

Список источников

1. Обзоры ОЭСР по инновационной политике: Российская Федерация. М., 2011.
2. Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета: Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию; Институт исследований и экспертизы ВЭБ: науч. доклад. М. : РУДН, 2024.
3. Пояснительная записка к проекту Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по испытаниям и исследованиям в автомобилестроении» (подготовлен Минтрудом России 5 декабря 2016 г.) // URL: <https://base.garant.ru/56696688/>
4. URL: <https://sozvezdie-dmr.ru/about-us/>
5. Генри Уильям Чесбро. Открытые инновации: новый императив для создания технологий и получения прибыли от них. Бостон : Издательство Гарвардской школы бизнеса, 2003.
6. Barry Jaruzelski, Richard Holman. The Three Paths to Open Innovation // Strategy&Business. 2011. May 23.
7. Волотовская Е. Стартап-шоппинг: зачем корпорации скупают технологии // URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/522056-startap-sopping-zacem-korporacii-skupaut-tehnologii>
8. Как корпорации ищут инновации у стартапов // URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/651fc16d9a7947638644566e>
9. Дементьева М. М. Виртуальная корпорация как перспективная форма организации бизнеса // Креативная экономика. 2009. Т. 3. № 4. С. 101–107.

References

1. OECD Reviews on Innovation Policy: Russian Federation. M., 2011.
2. Economics of scientific and Technological Breakthrough and Sovereignty: Interdepartmental Working Group on Technological Development under the

Government Commission on Economic Modernization and Innovative Development; VEB Institute for Research and Expertise: scientific report. M. : RUDN, 2024.

3. Explanatory note to the draft Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation «On approval of the professional standard «Specialist in testing and research in the automotive industry» (prepared by the Ministry of Labor of the Russian Federation on December 5, 2016) // URL: <https://base.garant.ru/56696688/>

4. URL: <https://sozvezdie-dmr.su/about-us/>

5. Henry William Chesbro. Open Innovation: a new imperative for creating technologies and profiting from them. Boston : Harvard Business School Press, 2003.

6. Barry Jaruzelski, Richard Holman. The Three Paths to Open Innovation // Strategy&Business. 2011. May 23.

7. Volotovskaya E. Startup shopping: why corporations buy technologies // URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/522056-startup-shopping-zacem-korporacii-skupaut-tehnologii>

8. How corporations look for innovations from startups // URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/651fc16d9a7947638644566e>

9. Dementieva M. M. Virtual corporation as a promising form of business organization // Creative Economy. 2009. Vol. 3. No. 4. P. 101–107.

Информация об авторе

С. М. Проява — преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

S. M. Proyava — Lecturer of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Учеб. пособие

Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф НИИ образования и науки

Козьминых С. И.

Учебное пособие предназначено для изучения методики и технологии организации защиты информации в органах внутренних дел, а также способов ее совершенствования в целях формирования у обучаемых практических навыков работы по организационному обеспечению защиты информации. Рассматриваются концептуальные положения организационного обеспечения информационной безопасности ОВД. Анализируются источники и каналы утечки информации, составляющей государственную тайну. Особое внимание уделено обеспечению комплексной безопасности объектов информатизации органов внутренних дел.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) 10.05.05 «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере».

С. И. Козьминых

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-140-144>

EDN: <https://elibrary.ru/kaxbpu>

ИПОН: 2003-0059-5/24-155

MOSURED: 77/27-003-2024-05-354

Влияние морально-нравственных категорий на формирование принципов права (на примере клонирования человека)

Карина Каримовна Рамазанова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, virta-jane@mail.ru

Аннотация. Анализируются понятия нравственность, мораль, гуманизм, а также влияние указанных категорий на принципы права и правовые отношения в обществе; показана роль принципов права как способ регулирования правоотношений между субъектами права. Указанные понятия рассмотрены в контексте примера клонирования человека, с точки зрения двух основных подходов. Терапевтический подход к клонированию человека представляется морально оправданным в большей степени, поскольку целью выступает спасение жизни живущего человека. Продemonстрирована степень влияния морально-нравственной системы критериев оценки на правовую природу отношений и нормы права. Показана способность влияния норм морали, нравственности на технический прогресс в различных сферах общественной жизни. Обосновано, что моральные, нравственные нормы в вопросе клонирования человека, с точки зрения юридической природы, выступают правовыми ограничениями, блокируют развитие правовых отношений до момента адаптации социума к указанному явлению. Временный запрет относительно клонирования человека, введенный на территории России, предполагает наступление обстоятельств, готовности общества, с точки зрения морально-нравственных норм, а, следовательно, к формированию принципов права, и закреплению норм, регулирующих данные правоотношений, либо к их абсолютному запрету.

Ключевые слова: мораль, нравственность, этика, клонирование, личность, право, правосознание, гуманизм, принципы права

Для цитирования: Рамазанова К. К. Влияние морально-нравственных категорий на формирование принципов права (на примере клонирования человека) // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 140–144. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-140-144>. EDN: KAXBPU.

Original article

Influence of moral and ethical categories on the formation of principles of law (on the example of human cloning)

Karina K. Ramazanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, virta-jane@mail.ru

Abstract. The concepts of morality, morality, humanism, the influence of these categories on the principles of law and legal relations in society are analyzed; the role of the principles of law as a way of regulating legal relations between subjects of law is shown. These concepts are considered in the context of the example of human cloning, from the point of view of two main approaches. The therapeutic approach to human cloning seems to be morally justified to a greater extent, since the goal is to save the life of a living person. The degree of influence of the moral system of evaluation criteria on the legal nature of relations and the norms of law is demonstrated. The ability of the influence of moral norms on technological progress in various spheres of public life is shown. It is proved that moral norms in the issue of human cloning from the point of view of legal nature act as legal restrictions, block the development of legal relations until the moment of adaptation of society to this phenomenon. The temporary ban on human cloning, introduced on the territory of Russia, presupposes the onset of circumstances, the readiness of society from the point of view of moral norms, and therefore to the formation of principles of law, and the consolidation of norms regulating these legal relations, or to their absolute prohibition.

Keywords: morality, ethics, cloning, personality, law, legal awareness, humanism, principles of law

For citation: Ramazanova K. K. Influence of moral and ethical categories on the formation of principles of law (on the example of human cloning). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):140–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-140-144>. EDN: KAXBPU.

Моральные и нравственные принципы, нашедшие свое отражение в принципах права, являются основополагающей системой для формирования норм права, реализации правоотношений субъектами пра-

ва. Моральные нормы, закрепленные в общественном сознании, несут в себе основные ориентиры в рамках правил поведения, задающих тон взаимодействия личности с третьими лицами. Оценочные кри-

© Рамазанова К. К., 2024

терии, влияющие на восприятие обществом индивида относительно статичны, в рамках определенного периода времени. Однако, мораль подвержена некоторым изменениям, они происходят в силу изменчивости самого общества, на что оказывает влияние технический прогресс, процесс глобализации и ряд других факторов.

Стремление человека к идеальным параметрам в рамках правосознания, универсальность претворения моральных идей в жизнь выражается в принципах права. Они, в свою очередь, являются результатом мысли человечества, оформленные в виде нормы права, влияющей на области правоприменения, нормотворчества, правосудия. Основные принципы права сегодня являются венцом как теоретической мысли, так и результатом эмпирического пути развития права. Фиксация принципов права в нормах позитивного права, таких как: принцип законности, справедливости, ответственности, добросовестности, разумности и т. д., дают обществу уверенность в устойчивости основных тезисов в контексте правоотношений, складывающихся между субъектами права. Закрепляя подобные принципы в нормативно-правовых актах, государством, таким образом, принимаются превентивные меры относительно возможных правонарушений в рамках общественных отношений. Потому соблюдение закрепленных принципов права является профилактикой возникновения конфликта субъекта с законом.

В рамках естественного права обозначены принципы, регулирующие межсубъектные отношения с точки зрения общественных поведенческих паттернов, определяющие пределы дозволенности действий субъектов, а также являющиеся ориентиром в них, однако не получившие такого закрепления. Принципы естественного права подразумевают данность человеку определенных правомочий, презюмирующихся в силу природного характера, и являются неотъемлемой частью правового общества. Соблюдение принципов естественного права гарантирует естественные права человека.

Принципы, на которых базируется право, тесно переплетаются с ценностями общества. Согласно п. 4 и п. 5 Указа Президента РФ [1] традиционными ценностями являются нравственные ориентиры, образующие основу правосознания гражданского общества России. Права и свободы человека, жизнь, достоинство, высокие нравственные идеалы, миро-

сердие, справедливость и другие ценности, упомянутые в данном Указе, так же относятся к традиционным ценностям российского общества.

Нравственные категории формируются личностью посредством когнитивного развития, интерпретации норм поведения, принятых в обществе. Нравственность предлагается рассматривать как собственное суждение личности о потребном и непотребном, основанное на воспринятых моральных ценностях. Выводы субъекта о дозволенном и недозволенном значительно гибче общественных, поскольку человек ограничен собственными когнитивными способностями.

Для того, чтобы рассматривать приемлемость оценочных критериев к определенным поступкам или событиям, необходимо понимать природу заданных условий. Важно определить причину категоризируемой единицы, объяснить ее развитие и оценить последствия для того, чтобы составить суждение о нравственности или безнравственности, моральности или аморальности рассматриваемого объекта, будь это событие, действие, или бездействие. Естественно, что в процессе развития технологий в различных областях жизнедеятельности, возникновения новых объектов права, меняется привычная для субъекта среда, и как следствие — восприимчивость действительности и отношение к ней. Модернизируются правовые нормы, способные регулировать общественные отношения в связи с вновь возникшими объектами права. Следствием технического прогресса также является изменение отношения субъекта права как к самому вновь возникшему объекту, так к общественным отношениям, возникающим по поводу этого объекта права. Моральная оценка общества относительно того или иного вновь возникшего объекта права может быть неоднозначной. В качестве примера можно привести опыт клонирования, который вызывает противоречивую реакцию в обществе. С одной стороны, успех в этой области является прорывом для всего человечества с точки зрения науки, биоинженерии, медицины, клонирование открывает возможности для людей, находящихся в отчаянном положении с точки зрения сохранения жизни. Однако доводы, отвергающие целесообразность указанной деятельности, сыграли решающую роль в правовой системе многих стран мира относительно вопроса о клонировании.

Важно разделять объект клонирования, поскольку это является ключевым фактором с точки зрения

общественного восприятия на допустимость или недопустимость проведения таких процедур. С точки зрения морали, отношение общества к клонированию представителей фауны более спокойное, допустимое. Известно большое количество опытов, завершившихся созданием овец, свиней, верблюда и даже домашних животных. Однако, относительно клонирования человека возникает конфликт науки и принципов права, причем как позитивного, так и естественного.

С нашей точки зрения, следует внести ясность относительно видов клонирования и их целей, поскольку цель клонирования определяет существенную разницу с точки зрения моральной оценки, и как следствие — это находит отражение в закреплённых нормативно-правовых актах различных государств. Выделяют два вида клонирования человека, различные по итоговой цели. В первую очередь, клонирование терапевтическое, где основной целью является сохранение жизни и здоровья индивида. Второй вид клонирования — репродуктивное, здесь главная цель в создании точной копии живого или умершего человека.

В основе терапевтического клонирования способом достижения цели служит получение стволовых клеток для их использования, с целью создания органов или тканей. Полученный биоматериал гарантированно способен прижиться в силу того, что является абсолютной генетической копией донора [2]. В данном случае субъект, от которого получен биоматериал и субъект реципиент — это одно лицо.

С точки зрения морально-нравственных оценочных критериев, получение эмбриона с целью извлечения стволовых клеток, а затем прерывание его развития так же вызывает ряд этических вопросов. Однако, поскольку идеей терапевтического клонирования является излечение человека, страдающего от заболеваний, угрожающих жизни, его применение может быть этически оправдано. Принимая во внимание международную практику, в частности гражданское общество США, Великобритании, Австралии, России и ряда других стран [3], оправдывают цели терапевтического клонирования, что закрепляется в законодательстве. Стоит принять во внимание, что эти же государства абсолютно отвергают возможность репродуктивного клонирования исходя из этических взглядов.

В качестве примера можно привести российский закон о временном запрете на клонирование [4], который вводит запрет на неопределённый срок отно-

сительно репродуктивного клонирования ориентируясь на принципы уважения к личности человека и принципы защиты его прав и свобод, но данный запрет не охватывает терапевтическое клонирование. Однако приведенный выше закон устанавливает возможность регулирования законодательством отношений в области клонирования человека в будущем, а значит допускает развитие технологий изменения общественного сознания в рамках моральных и нравственных ориентиров по вопросам клонирования человека. В результате указанных трансформаций логичным исходом представляется преобразование нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения в области репродуктивного клонирования.

Клонирование с целью создания генетической копии человека ставит перед обществом вопросы не только о правах и свободах личности как донора, так и клонированного субъекта, но и вопросы относительно умаления ценности человеческой жизни, правовое положение итогового результата клонирования так же обуславливает беспокойство относительно его сознания, правосознания, возможности формирования нравственных паттернов поведения за счет когнитивных способностей, а также вопрос интеграции человеческой копии в правовое общество. Современное общество, с точки зрения морального вектора, отвергает идею об интеграции в социум результатов репродуктивного клонирования в силу многообразных факторов. Помимо перечисленных выше вопросов, ставящих общественность в тупик, немаловажную роль играет религиозный аспект, который является одним из фундаментальных аспектов, формирующих моральные устои общества.

Рассматривая клонирование человека как возможность создания сверхчеловека путем подборки и комбинации генов, избегая наследственные отягощения для здоровья, формируя клон как субъект, лишенный природных человеческих недостатков, возникает проблема неравенства относительно человека, родившегося естественным путем, что также будет создавать неопределённость в области принципов естественного и позитивного права.

Рассматривая тему этики клонирования человека в контексте принципов права и морально-нравственных постулатов, сложно обойти вниманием принцип гуманизма. Гуманизм трактуется как признание высшим благом человеческой жизни, его

прав и свобод, и, что важно в данном контексте, признание ценности личности человека, т. е. уважение его индивидуальных проявлений в рамках общественных отношений [5, с. 126–127]. Важна самоидентификация, способность человека давать нравственную оценку происходящему вокруг, а также собственным действиям для построения правовых отношений с обществом. Гуманизм является конституционно закрепленным принципом и выражается в признании верховенства человека, его прав и свобод в иерархии ценностей в обществе, а государство является гарантом соблюдения этих прав и свобод [6, ст. 2]. Признавая человеческую жизнь как высшую ценность, возникают сомнения относительно статуса клонированного субъекта, как итог репродуктивного клонирования. Можно ли признать его человеком, личностью? И может ли государство выступить в качестве гаранта относительно ценности его жизни, прав и свобод? Способен ли дубликат интегрироваться в общество, осуществлять когнитивные функции в рамках формирования собственного правосознания. Что же касается репродуктивного клонирования, неясно, можно ли считать моральным поступком создание эмбриона только с целью изъятия биоматериала, а после осуществленных процедур этично ли уничтожить получившийся эмбрион.

На сегодняшний день на законодательном уровне нет однозначного ответа на поставленные вопросы. Временный запрет демонстрирует неготовность общества к однозначным оценочным интерпретациям с позиции биологического, этического и, как следствие, правового взгляда на текущий период времени. Туманным представляется определение правового статуса объекта клонирования до тех пор, пока отсутствует этическое восприятие общества относительно создания человеческого аналога.

Моральная, нравственная составляющая актуального вопроса, (как и любого другого) является основой для формирования устойчивой идеи, выражающейся в принципе права. Способность этих идей к гармоничной оценочной дифференциации поступков, явлений со стороны общества, является направляющим вектором, закрепляющим эти объективные позиции в праве. В случае с клонированием нормы морали и нравственности, содержащиеся в принципах права, на сегодняшний день в мире выступают ограничительным фактором в развитии правоотношений в данной области.

С точки зрения правовой природы эти принципы выполняют несвойственные им функции, они являются правовыми ограничениями, устанавливающими запрет на возникновение тех или иных общественных отношений, к которым современное общество еще не готово. Таким образом, в отличие от иных принципов права, морально-этические принципы не только являются ориентирами для развития правового регулирования отношений различных сфер общественной жизни, но и служат определенными границами для такого развития.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об Утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Свиридова-Чайлахян Т. А., Чайлахян Ч. М. Терапевтическое клонирование. Современные подходы к получению пациент-специфичных линий эмбриональных стволовых клеток // Клеточная трансплантология и тканевая инженерия. 2009. Т. IV. № 2. С. 28–31.
3. Рябков А. А., Рябков А. А. Перспективы правового регулирования репродуктивного клонирования человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019.
4. Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (ред. от 29 марта 2010 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие. М. : Инфра-М : Норма, 1997.
6. Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 «On the Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // LRS «ConsultantPlus».
2. Sviridova-Chilakhyan T. A., Chilakhyan Ch. M. Therapeutic cloning. Modern approaches to obtaining

patient-specific embryonic stem cell lines // Cell transplantation and tissue engineering. 2009. Vol. IV. No. 2. P. 28–31.

3. Ryabkov A. A. Ryabkov A. A. prospects for legal regulation of human reproductive cloning // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019.

4. Federal Law of May 20, 2002 No. 54-FZ «On the temporary ban on human cloning» (ed. of March 29, 2010) // LRS «ConsultantPlus».

5. Voevodin L. D. The legal status of a person in Russia: textbook. M. : Infra-M : Norm, 1997.

6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) with amendments approved in the course of all-Russian voting on July 1, 2020 // LRS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Володина О. В. Гуманизм как личностно-ориентированный идеал мироустройства // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 5. С. 174–178.

2. Громов В. Г., Ярошук А. В. Проблема клонирования человека. Правовые и морально-этические аспекты // Основы экономики, управления и права. 2020. № 6(25). С. 58–61.

3. Дерюгина Т. В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: дисс. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010.

4. Дерюгина Т. В., Зайцев А. О. Нравственность и право как основы правового воспитания и правомерного осуществления субъективных гражданских прав // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 1. С. 28–32.

5. Чебунин А. В. Смысл и функции гуманизма // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 2. С. 3–16.

Bibliographic list

1. Volodina O. V. Humanism as a personality-oriented ideal of the world order. Siberian Pedagogical Journal. 2012. No. 5. P. 174–178.

2. Gromov V. G. Yaroshchuk A. V. The problem of human cloning. Legal and moral and ethical aspects // Fundamentals of Economics, Management and Law. 2020. No. 6(25). P. 58–61.

3. Deryugina T. V. Theoretical problems in the sphere of realization of subjective civil rights: diss. doctor of legal sciences. Volgograd, 2010.

4. Deryugina T. V., Zaitsev A. O. Morality and law as the basis of legal education and lawful exercise of subjective civil rights // Legal paradigm. 2017. T. 16. No. 1. P. 28–32.

5. Chebunin A. V. The meaning and functions of humanism // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2021. No. 2. P. 3–16.

Информация об авторе

К. К. Рамазанова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. K. Ramazanova — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 343.37

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-145-150>

EDN: <https://elibrary.ru/klqtrz>

ИПОН: 2003-0059-5/24-156

MOSURED: 77/27-003-2024-05-355

Объект преступления в сфере государственных закупок

Владимир Николаевич Самсонов¹, Сергей Юрьевич Чекулаев²

¹ b.h.samsonov@gmail.com, ORCID 0009-0006-6237-435X

² serge4ek@yandex.ru, ORCID 0009-0008-1747-5287

Аннотация. Исследуется содержание объекта преступлений в сфере государственных закупок. Выделяются отличительные особенности преступлений, совершаемых при проведении закупок, в частности, направленность преступного воздействия на бюджетные денежные средства; раскрывается механизм преступного воздействия. Рассматриваются различные подходы к пониманию объекта таких преступлений, предлагается собственное определение объекта как теоретической основы норм о преступлении в сфере госзакупок.

Ключевые слова: государственные закупки, государственный оборонный заказ, злоупотребление должностными полномочиями, объект преступления, коррупция

Для цитирования: Самсонов В. Н., Чекулаев С. Ю. Объект преступления в сфере государственных закупок // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 145–150. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-145-150>. EDN: KLQTRZ.

Original article

Object of crime in the field of public procurement

Vladimir N. Samsonov¹, Sergey Yu. Chekulayev²

¹ b.h.samsonov@gmail.com, ORCID 0009-0006-6237-435X

² serge4ek@yandex.ru, ORCID 0009-0008-1747-5287

Abstract. The content of the object of crimes in the field of public procurement is being investigated. The distinctive features of crimes committed during procurement are highlighted, in particular, the direction of criminal influence on budgetary funds; the mechanism of criminal influence is revealed. Various approaches to understanding the object of such crimes are considered, and their own definition of the object is proposed as the theoretical basis of the norms on crimes in the field of public procurement.

Keywords: public procurement, state defense order, abuse of power, object of crime, corruption

For citation: Samsonov V. N., Chekulayev S. Yu. Object of crime in the field of public procurement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):145–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-145-150>. EDN: KLQTRZ.

Закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а равно государственный оборонный заказ являются важнейшими инструментами государства по удовлетворению различных потребностей от снабжения отдельных муниципальных государственных органов до выполнения важнейших федеральных программ. Колоссальный объем денежных средств, затрачиваемых на указанные закупки, исчисляется в десятках миллиардов рублей, что обусловлено не только постоянным ростом цен на товары, но и неизменно растущим количеством задач, встающих перед государством.

Уровень коррупции неизменно высок: 35 340 и 36 407 зарегистрировано преступлений коррупцион-

ной направленности в 2022 и 2023 гг., соответственно, ущерб от которых за указанный период составил более 100 млрд руб.¹. Учитывая высокую латентность таких преступлений, объемы расхищаемых средств вполне сопоставимы с годовыми бюджетами крупных регионов России. Высокая вероятность преступных устремлений обуславливает необходимость создания особых механизмов защиты от преступного воздействия на общественные отношения, обеспечивающих законный порядок прове-

¹ Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2022. Ф. 494. Кн. 1.

© Самсонов В. Н., Чекулаев С. Ю., 2024

Таблица 1

Статистические сведения о преступлениях, совершаемых в сфере государственных закупок²

Статья УК РФ	Количество уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением		
	2021 г.	2022 г.	2023 г.
285 / 286 ³	1289 / 2285	1358 / 2076	1326 / 1821
200.5	9	16	23
285.4	8	10	11
201.1	4	7	10
304	1	4	1
200.4	2	1	1
200.6	0	0	0

дения закупок. Так, с 2017 г. в уголовное законодательство введено десять составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за различные преступления как в сфере оборонного заказа (ст. 201.1, 285.4, 285.5 УК РФ и др.), так и закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200.4, 200.5, 304 УК РФ и др.) [1] Статистические сведения о количестве преступлений приведены в табл. 1.

Ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ включены в уголовное законодательство только в 2022 г., поэтому оценка динамики таких преступлений на данный момент представляется преждевременной⁴. При этом необходимо отметить, что большинство преступлений, совершаемых в сфере закупок, квалифицируются по ст. 159, 160, 285, 286, 290 УК РФ или другим нормам уголовного права, не имеющим квалифицирующих признаков, связанных с закупками.

Относительно небольшое количество уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением о преступлениях, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, а равно при выполнении государственного оборонного заказа, несмотря на стабильно высокий уровень коррупции, обусловлено, в том числе, несогласованностью уголовного закона и законодательства о государственных закупках. Единый подход в толковании и применении понятий уголовного законодательства о преступлениях в сфере закупок позволит не только повысить уровень правотворчества, но и усовершенствовать правоприменительную практику.

Отличительной особенностью преступлений, совершаемых при проведении закупок, является направленность преступного воздействия на бюджет-

ные денежные средства, обеспечивающие государственный контракт. Механизм преступного воздействия выражается в хищении, растрате, неэффективном использовании (конкретный способ зависит от состава преступления) бюджетных средств, выделенных для удовлетворения определенной потребности государственного заказчика, что, в свою очередь, влияет на итоговое качество поставленных товаров, работ, услуг, от затягивания сроков или снижения качества до полного неисполнения госконтракта. При этом не имеет значения, действовал ли виновный с корыстным мотивом или преследовал иную личную заинтересованность, так как ущерб наносится, в первую очередь, интересам государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а не экономическим отношениям, обеспечивающим материальное благосостояние личности, общества и государства.

Примером могут служить действия директора бюджетного образовательного учреждения, которая, действуя из иной личной заинтересованности, выразившейся в желании показать себя успешным руководителем, фиктивно приняла фактически не

² Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2022. Ф. 491. Кн. 1.

³ Данных о количестве злоупотреблений и превышений должностных полномочий, совершенных в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд не ведется, однако, значительное количество таких преступлений совершается именно в указанной сфере (прим. авт.).

⁴ Зарегистрированные уголовные дела по указанным статьям в 2022–2023 гг. отсутствуют. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2022. Ф. 491. Кн. 1.

поставленные товары по государственному контракту на сумму почти 35 млн руб., после чего оплатила такие работы. Своими действиями директор создала условия для последующего хищения указанных средств в полном объеме поставщиком, который получив оплату, принял решение о невыполнении условий контракта и попытался скрыться с полученными средствами. Действия поставщика были квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Вред как от злоупотребления директора, так и хищения поставщика выразился не только в утере бюджетных средств на сумму 35 млн руб., но и невыполнении условий контракта по поставке товаров в учреждение, что негативно сказалось на текущей деятельности бюджетного образовательного учреждения, в частности оказался существенно затруднен прием государственных экзаменов⁵. При этом указанный пример приемки фактически не поставленных товаров, работ, услуг или поставленных с существенными недостатками, можно считать хрестоматийным, когда действия должностного лица за рамками законодательства о закупках приводят к преступным последствиям.

Преступник, воздействуя на бюджетные средства, наносит вред интересам государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, выраженным в условиях государственного контракта на поставку тех или иных товаров, работ, услуг. При этом, если утерянные денежные средства в некоторых случаях удастся вернуть, например, в рамках уголовного процесса, то устранить вред, причиненный государственным интересам, оказывается значительно труднее, а чаще всего невозможно в силу пропуска установленных в контракте сроков, низкого качества комплектующих, использовавшихся при проведении работ и т. д.

Таким образом, исследуемые составы преступления воздействуют на единый объект, регулирующий отношения в области обеспечения интересов (потребностей) государственных органов, что позволяет объединить такие деяния в однородную группу. Вместе с тем, современное отечественное законодательство о закупках содержит существенное количество различных понятий и терминов, обладающих правовой спецификой. Как справедливо отмечает Г. В. Костылева, «использование в уголовно-правовой норме специальных понятий отраслевого законодательства или терминов широкого толкования без учета их пра-

вовой специфики и унификации для целей уголовного законодательства создает понятийную неопределенность» [2]. К таким понятиям можно отнести «государственные закупки», «государственный заказ» и др., рассмотрение которых в свете уголовно-правовой специфики необходимо не только для толкования объекта преступного воздействия и устранения «правовой неопределенности», но и совершенствования имеющихся составов преступлений, посягающих на исследуемые правоотношения.

Современное уголовное законодательство оперирует двумя квалифицирующими признаками: совершение преступления «в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» и «при выполнении государственного оборонного заказа», каждый из которых отсылает к порядку реализации определенного вида закупки. Несмотря на существующие различия в заказчике, порядке определения и требований к поставщику и др., так или иначе, суть указанных процедур сводится к удовлетворению конкретизированных (закрепленных в контракте) потребностей государства в лице его органов. Таким образом, обе группы преступлений посягают на схожий объект преступления, который необходимо четко определить.

В литературе встречается понятие «публичных закупок», как любых закупок, проводимых публично, т. е. среди неопределенного круга потенциальных поставщиков, как правило, на специальных электронных площадках (сайтах) в сети Интернет. Так, К. В. Кичик включает в такие закупки и «корпоративные закупки», проводимые в соответствии с Законом № 223-ФЗ субъектами, подпадающими под действие этого закона в качестве заказчиков [3]. Также и в научной литературе достаточно часто встречается термин «преступления в сфере публичных закупок» [4; 5], использование которого не основано, так как современное законодательство не предусматривает специальной уголовной ответственности за преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц.

О. В. Синчурич предлагает ввести категорию «коррупционных преступлений в сфере закупок» [6]. Указание на коррупционность преступлений исключает деяния при осуществлении закупок отдельными

⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 17 августа 2017 г. по делу № 1-155/2017 // ГАС РФ «Правосудие».

видами юридических лиц. Вместе с тем, в соответствии с Указанием Генеральной прокуратуры РФ и МВД России, преступления, предусмотренные ст. 200.6, 285.4–285.6 УК РФ, могут быть отнесены к коррупционным лишь при установлении корыстного мотива⁶, следовательно, деяния, совершенные с иной личной заинтересованностью остаются за рамками коррупционных преступлений в сфере закупок. Как уже было сказано ранее, независимо от направленности умысла преступника, ущерб наносится однородным общественным отношениям, соответственно, отсутствует необходимость разделения преступлений в сфере государственных закупок по признакам субъективной стороны состава.

Для целей формулирования объекта уголовно-правовой защиты представляется необходимым использование термина «государственные закупки», под которыми в науке понимается «процесс, в котором у другой стороны посредством особых механизмов государством приобретаются товары» [7]. Учитывая, что в данном случае товары следует рассматривать в более широком смысле, как некие блага, включающие в себя также работы и услуги, то для согласования с действующим законодательством и государственные закупки следует рассматривать как процесс, в ходе которого у другой стороны посредством особых механизмов государство приобретает товары, работы и (или) услуги.

Использование указанного термина имеет ряд преимуществ. Во-первых, он предоставляет возможность объединить процессы закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и государственного оборонного заказа, так как в обоих случаях именно государство выступает «покупателем», а отдельные виды юридических лиц, и корпоративные закупки из данного понятия исключаются. Во-вторых, закупки рассматриваются в качестве процесса, т. е. деятельности, направленной на удовлетворение определенных потребностей государства, с помощью предусмотренных законодательством механизмов (включающей в себя все стадии: от подготовительного этапа до контроля за результатом проведения закупки), а не выраженной документом потребности (по сути задания), под которой в науке зачастую понимается государственный заказ [8; 9; 10].

Таким образом, объектом преступлений в сфере государственных закупок являются общественные отношения, обеспечивающие процесс приобретения го-

сударством товаров, работ, услуг у другой стороны, с целью удовлетворения конкретизированных потребностей, задействующий предусмотренные законодательством механизмы закупок. Для целей уголовного права необходимо также определить непосредственные объекты преступлений в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и государственного оборонного заказа как составляющих государственных закупок.

Преступления в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд посягают на общественные отношения по удовлетворению конкретизированных потребностей государственного (муниципального) заказчика путем проведения закупок товаров, работ, услуг у поставщика (подрядчика, исполнителя). Несмотря на то, что больше половины исследуемых составов не содержатся в гл. 30 УК РФ, вред от них направлен против интересов государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, так как государственные закупки всегда являются инструментом обеспечения интересов, потребностей государственного заказчика.

Объектом преступлений в сфере оборонного заказа выступают общественные отношения по выполнению заданий государственного заказчика государственного оборонного заказа на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности РФ, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества РФ с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами РФ, исполнителем поставок продукции по государственному оборонному заказу.

На основании изложенного можно классифицировать преступления в сфере государственных закупок, выделяя следующие категории:

- 1) преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд (ст. 200.4–200.6, 304 УК РФ);
- 2) преступления при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1–201.3, 285.4–285.6 УК РФ);
- 3) преступления, которые могут быть совершены в сфере государственных закупок. Перечень таких

⁶ Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 19 июня 2023 г. № 401/11 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

преступлений открыт, к наиболее распространенным можно отнести ст. 159, 160, 169, 286, 290, 293 УК РФ в сфере государственных закупок, ст. 285 УК РФ в сфере закупок для государственных (муниципальных) нужд и др. Особенность данной группы преступлений состоит в том, что в случае их совершения при проведении закупок, последние не будут оказывать влияния на квалификацию содеянного.

По конструкции состава преступления, можно выделить «специальные» и квалифицированные составы преступлений в сфере государственных закупок. К последним можно отнести ст. 285.5, 201.1, 304 УК РФ. Примером специального состава преступления в сфере госзакупок может служить ст. 200.4 УК РФ, где специфика проявляется не только в объекте преступления, но и других элементах состава: объективная сторона в виде нарушения законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и специальный субъект — работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров. При последующем совершенствовании уголовного законодательства при конструировании новых составов преступлений отдельную статью целесообразно вводить лишь для специальных составов преступлений в сфере государственных закупок, в иных случаях для формирования единообразной правоприменительной практики следует использовать квалифицирующий признак «при осуществлении государственных закупок» или признак соответствующий определенному порядку удовлетворения государственной потребности, предусмотренный соответствующей частью статьи.

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что современное уголовное законодательство включает в себя преступления в сфере государственных закупок, как группу составов, посягающих на единый объект преступления: общественные отношения, обеспечивающие порядок приобретения государством товаров (работ, услуг) у другой стороны, с целью удовлетворения конкретизированных потребностей, действующий предусмотренные законодательством механизмы закупок. Учитывая, что преступления в сфере государственных закупок неизменно наносят вред интересам государственной власти (государственной службы и службы в органах

местного самоуправления), указанные составы необходимо разместить в гл. 30 УК РФ. При необходимости дополнительной криминализации деяний, совершаемых в исследуемой сфере, целесообразно использовать факультативный признак, соответствующий определенному виду закупки. Необходимость включения в уголовное законодательство самостоятельного (предусмотренного отдельной статьей) состава преступления должна быть обусловлена наличием особенностей, связанных с государственными закупками, не только объекта посягательства, но и других элементов состава.

Список источников

1. Самсонов В. Н. Развитие уголовного законодательства об ответственности за преступления при осуществлении государственных закупок // Российский следователь. 2024. № 6. С. 32–36.
2. Костылева Г. В. К вопросу о правовых категориях, характеризующие преступления, совершаемые в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Образование и право. 2023. № 2. С. 273–280.
3. Кичик К. В. Законодательство России о публичных закупках (обзорная статья) // Публичные закупки: проблемы правоприменения: мат. третьей всерос. науч.-практ. конференции (9 июня 2015 г. МГУ имени М.В. Ломоносова). М., 2015. С. 91–114.
4. Исютин-Федотков Д. Обзор преступлений, совершаемых в сфере публичных закупок // Прогосказ.рф. 2022. № 10. С. 49–64.
5. Смоляков П. Н. Проблемы индивидуализации наказания за преступления и административные правонарушения в сфере публичных закупок // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 112–117.
6. Синчурин О. В. Понятие коррупционных преступлений в сфере закупок и их классификация // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 125–129.
7. Шмелева М. В. Система государственных (муниципальных) закупок: методология и реализация: моногр. М. : Юстицинформ, 2021.
8. Андреева Л. В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. М. : Волтерс Клувер, 2009.
9. Звонова Е. А. Финансирование государственных закупок. М. : Инфра-М, 2009.
10. Антоненко М. А. Понятие «Государственный заказ» в законодательстве и цивилистической

науке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 3(58). С. 63–66.

References

1. Samsonov V. N. The Development of Criminal Law on the Liability for Crimes Associated with State Procurements // Russian investigator. 2024. No. 6. P. 32–36.
2. Kostyleva G. V. On the issue of legal categories characterizing crimes committed in the field of procurement for state and municipal needs // Education and Law. 2023. No. 2. P. 273–280.
3. Kichik K. V. Legislation of Russia on public procurement (review article) // Public procurement: problems of law enforcement: mat. of the third All-Russian scientific and practical conference (June 9, 2015 Lomonosov Moscow State University). M., 2015. P. 91–114.
4. Isutin-Fedotkov D. Review of crimes committed in the field of public procurement // Progoszakaz.rf. 2022. No. 10. P. 49–64.
5. Smolyakov P. N. Problems of individualization of punishment for crimes and administrative offenses in the field of public procurement // Russian Juridical Journal. 2020. No. 4. P. 112–117.
6. Sinchurin O. V. The concept of corruption crimes in procurement and their classification // Civil service and personnel. 2019. No. 1. P. 125–129.
7. Shmeleva M. V. System of state (municipal) procurement: methodology and implementation (monograph). M. : Yustitsinform, 2021.
8. Andreeva L. V. Procurement of goods for federal government needs: legal regulation. M. : Volters Kluver, 2009.
9. Zvonova E. A. Financing of public procurement. M. : Infra-M, 2009.
10. Antonenko M. A. The concept of «State order» in legislation and civil science // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3 (58). P. 63–66.

Информация об авторах

В. Н. Самсонов — кандидат юридических наук;
С. Ю. Чекулаев — кандидат юридических наук, доцент.

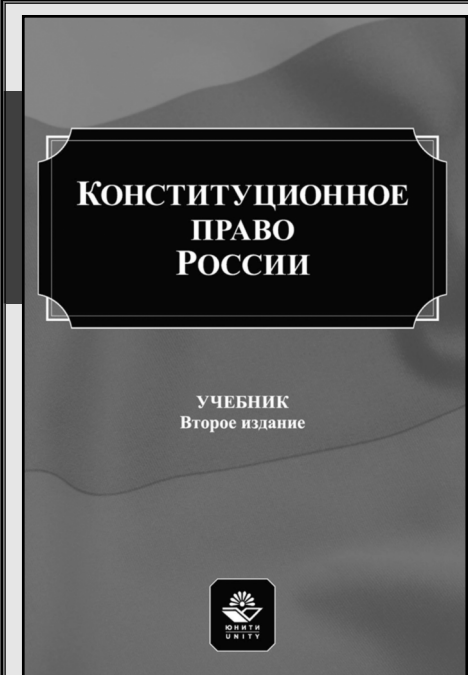
Information about the authors

V. N. Samsonov — Candidate of Legal Sciences;
S. Yu. Chekulayev — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

	КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ 2-е изд., перераб. и доп. Учебник Гриф НИИ образования и науки Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой. Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики. Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти. Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 348.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-151-154>

EDN: <https://elibrary.ru/kdlmin>

NIION: 2003-0059-5/24-157

MOSURED: 77/27-003-2024-05-356

Правовая традиция как исторически обусловленный нормативно-ценностный социокультурный феномен

Любовь Хабасовна Сатушиева

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, 9157235@mail.ru

Аннотация. Раскрывается влияние правовых традиций на процесс формирования и функционирования правовых семей, национальных правовых систем в качестве фундаментального элемента, предопределившего их сущностное и содержательное самовыражение. Проводится сравнительный анализ ключевых правовых семей современности: романо-германской, англо-саксонской, религиозной и социалистической, где правовая традиция определена в качестве социокультурной доминанты. Анализируется роль и влияние правовой традиции на правотворческую и правоприменительную деятельность. Уделяется внимание значению правовых традиций в качестве регулятора общественного устройства в условиях глобализации и унификации права в мировом сообществе. Рассматриваются некоторые проблемы, связанные с вопросами сохранения национальной правовой идентичности в условиях расширяющегося международного правового взаимодействия в XXI столетий.

Ключевые слова: правовая традиция, правовая семья, социокультурный феномен, политико-правовые отношения, государство

Для цитирования: Сатушиева Л. Х. Правовая традиция как исторически обусловленный нормативно-ценностный социокультурный феномен // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 151–154. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-151-154>. EDN: KDLMIN.

Original article

Legal tradition as a historically determined normative-value sociocultural phenomenon

Lyubov Kh. Satushieva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, 9157235@mail.ru

Abstract. The influence of legal traditions on the process of formation and functioning of legal families, national legal systems as a fundamental element that predetermined their essential and meaningful self-expression is determined. A comparative analysis of the key legal families of modern times is carried out: Romano-Germanic, Anglo-Saxon, religious and socialist, where legal tradition is defined as a socio-cultural dominant. The role and influence of legal tradition on law-making and law-enforcement activity is analyzed. Attention is paid to the importance of legal traditions as a regulator of social structure in the conditions of globalization and unification of law in the world community. Some problems related to the issues of preserving national legal identity in the conditions of expanding international legal interaction in the XXI century are considered.

Keywords: legal tradition, legal family, socio-cultural phenomenon, political and legal relations, the state

For citation: Satushieva L. Kh. Legal tradition as a historically determined normative-value sociocultural phenomenon. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):151–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-151-154>. EDN: KDLMIN.

В современном мире по-новому переосмысливаются категории «традиция», «обычай», «ценность» в качестве уникальных социокультурных феноменов, предопределивших специфику и особенности национального государственного устройства, правовой системы, экономики, политики. Причиной тому модернизация мировых политико-правовых отношений, где на смену глобальным либеральным ценностям и идеологическим установкам становятся востребованными национальные этнокультурные традиции, которые исторически обусловлены и детерминированы с множественными факторами, свойственными лишь

только для конкретного государства, народа. Особую роль в качестве национального структурного компонента, предопределившего самобытный характер развития национальной государственности, занимают правовые традиции.

Правовые традиции сущностно и содержательно обусловлены исторически сложившимися устоявшимися принципами, нормами и обычаями, которые имеют межпоколенческую преемственность в качестве регулятора общественных отношений, основ государственного строя. Поэтому, не случайно, правовые системы в качестве социокультурного содер-

© Сатушиева Л. Х., 2024

жательного элемента конструктивно опираются на правовые традиции в качестве нормативно-ценностного фундамента, скрепляющего основы национальной государственности.

Определяя роль правовых традиций в общественном устройстве, необходимо отметить, что это своего рода важный маркер, указывающий на аутентичность общества, поскольку содержательно включает в себя не только нормативные компоненты, но и культурные, политические, экономические особенности. Благодаря чему в национальном государстве формируются по-своему уникальная правовая идеология и правовая культура, что придает правовую идентичность общественным отношениям, этнокультурную самобытность правовой системе. Это указывает на прямую взаимосвязь правовой системы с правовой традицией в силу того, что обе категории сущностно и содержательно опираются на исторически обусловленные и сложившиеся социокультурные регуляторы, институты, принципы, при этом детерминируя основы общественного, государственного устройства и правопорядка. Характерно то, что правовые традиции, обычаи, принципы могут разительно отличаться друг от друга как сущностно, так и содержательно в различных государствах, что предопределяет возникновение и развитие разнообразия видов регуляторов среди национальных правовых систем.

В то же время, наличие множества схожих правовых элементов (источники, идеология, культура, обычаи, религия, понятие права и др.) способствуют группированию национальных правовых систем в единую правовую семью. Здесь также немаловажным элементом является правовая традиция, которая подчеркивает специфику типа правовой семьи. Рассмотрим более предметно ключевые типы правовых семей в соотношении с правовыми традициями, которые оказали влияние на устройство как национальных государств, так некоторых регионов мира.

1. *Романо-германская правовая семья* содержательно основывается на нормативных регуляторах, которые аксиологически воспринимаются как важные источники, гарантирующие устойчивое развитие и деятельность национальных правовых систем. Поэтому не случайно, что доминирующим принципом построения национальной правовой системы является принцип верховенства закона. Поскольку верховенство закона обеспечивается позитивистской ролью государства в правотворческой деятельности, постольку этот принцип является стержневым

в обеспечении государственной устойчивости. При этом значение закона в качестве важного актора общественного устройства подкреплено правовой традицией.

2. *Англосаксонская правовая семья* основывается на судебных прецедентах, которые в качестве высшей формы источников права предопределили иерархическое построение национальной правовой системы. В основе правовой традиции заложено исторически обусловленное и неотъемлемое прецедентное право как нормативно-ценностный идеал, регулятор в разрешении казусов текущей жизни вне зависимости от времени и места их выработки и формализации. Востребованность по настоящее время прецедентных решений, которые вынесены в иных исторических, политико-правовых, социокультурных реалиях, указывает на их межпоколенческую востребованность. Обуславливает самобытный характер национальных правовых систем в составе единой группы отмеченной правовой семьи.

3. *Славянская правовая семья* основной упор делает на самобытные этнокультурные особенности (язык, духовно-нравственные ценности, фольклор, обычаи, форма хозяйственной деятельности, вера и др.), которые посредством особого исторического пути развития приобрели характер правовых традиций. Поэтому не случайно в государствах, относящихся к данному типу правовых семей, несмотря на юридически обоснованный формализм верховенства закона на уровне государственного устройства, в быту преобладают нравственные ценности в качестве регуляторов общественных отношений (представления о крепкой семье, социальной справедливости, равенстве, коллективизме, о Боге, взаимной ответственности и др.). Эти духовно-нравственные ценности, обуславливающие мотив выбора поведения субъектом отношения, имеют высший осознанный моральный идеал. Незримо объединяют людей в некий мир взаимных добрых чувств, идеологических предпочтений. Примером тому, «русский мир».

4. *Религиозная правовая семья* базируется на канонических постулатах, которые отражают вероисповедные предпочтения его почитателей, приобретших характер осознанных правовых традиций. Иерархию источников права в данной правовой системе предопределяют священные заповеди, религиозные тексты, сакральные символы, особая религиозная этика главенствующая в обществе религиозного учения.

Традиционные духовно-нравственные ценности «первенствующей» религии являются регуляторами императивного характера в устройстве общественных отношений. Религиозные постулаты предопределяют экономическую деятельность, политико-правовые отношения в обществе и государстве. Социокультурная среда практически полностью детерминирована религиозными воззрениями и урегулирована канонами. Нормы позитивного права не противоречат и не ограничивают влияние канонов в устройстве государственного порядка, деятельности институтов общества и органов государственной власти, а дополняют регулятивный характер канонов.

Вышеотмеченное указывает на то, что в содержательной основе любой правовой семьи национальной правовой системы конструктивно заложены правовые традиции, которые сущностно отражают нравственно-ценностный характер формализованных регуляторов. Их роль, место и значение в устройстве общества, государства, а в некоторых случаях и уровень влияния на региональную геополитику.

Однако современный мир, погруженный в технологическую модернизацию общественных правоотношений, трансформацию систем государственного управления ввиду активного развития цифровых технологий, с одной стороны, упрощает информирование о сложившихся правовых традициях в стране пребывания субъекта, с другой стороны, — правовые традиции рассматриваются как рудимент социокультурной формы взаимоотношений.

Доступ к пониманию, усвоению регулятивной роли аксиологического значения правовой традиции позволяет обеспечить правовую определенность субъекта отношения в стране пребывания, а национальной правовой системе — устойчивость законодательства и доверие со стороны населения к правосудию. Особенно это важно в условиях государственно-правовых реформ, когда необходимо найти баланс между теми изменениями, которые происходят в окружающей среде и сохранить незыблемыми традиционные основы национальной правовой системы. Следовательно, в современном мире правовая традиция как основа национальных правовых систем является важнейшим элементом, обеспечивающим стабильность и устойчивость правового социокультурного пространства, ее развитие и адаптацию к современным реалиям и потребностям.

Причиной же игнорирования важности роли правовой традиции для национальных правовых систем

стало то, что в конце XX столетия государствами, придерживающимися либеральных ценностей, интегрирован механизм унификации социальных регуляторов. Критерием унификации является содержательное единство значений регуляторов, ценностный характер их внешнего проявления без сущностной градации. Это позволило сделать узнаваемыми, упрощенно понимаемыми содержательные элементы субъектами отношений тех регуляторов, которые приобрели доминирующий характер в социокультурной среде. Юридическая практика при этом стала универсальной в правовой жизни тех государств, которые вошли в единое политико-правовое пространство. Духовно-нравственные ориентиры приобрели также абсолютно универсальное идеологическое содержание, которое соответствует реалиям, востребованным в социокультурной среде. Благодаря чему в обществе развились отношения без взаимных обязательств, цель которых — свобода и примат личностных предпочтений. Историческая память народа, которая связана с важными моментами общественного, государственного устройства, определена как деструктивная компонента, влекущая «торможение» развития прогрессивных форм отношений. Прежние традиционные моральные воззрения, нравственные ориентиры рассматриваются в качестве рудиментов.

Отмеченные обстоятельства способствовали сущностно-содержательной подмене, искажению значения традиционных социальных регуляторов, духовно-нравственных ценностей. При этом характерно то, что национальные государства, отрицающие универсальные либеральные ценности, стали определяться в качестве «изгоев» прогрессивного мира, которым воспрещен доступ к рынкам мировой торговли, обмену информацией, новым технологиям, участие в работе по принятию коллективных решений. Правовые идеалы, правовая культура, прежде детерминированные с правовой традицией, приобрели очертания бессистемных категорий, цельность и содержание которых свободно от категорий мер разумного, должного, объективного, исторически обусловленного поведения субъектов отношений. Благодаря чему в человеческих отношениях, межгосударственной политике проявились «двойные» стандарты взаимодействия. Прежде исторически обусловленные традиции отменяются, игнорируются, фальсифицируются на государственном уровне.

В современной Российской Федерации руководство страны избрало стратегическое направление раз-

вития общественных отношений, где регуляторы содержательно отражают исторически обусловленные традиционные духовно-нравственные ценности. Подобная государственная политика приобрела законодательное оформление и закрепление в ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ, где говорится об исторической межпоколенческой преемственности правды, памяти о предках, о вере в идеалы и Бога, оказавших влияние на развитие Российского государства, его политическую целостность. Поэтому национальная правовая система РФ в условиях исходящих внешних угроз от деструктивных неолиберальных идеологических установок, совершенствует механизм правового регулирования, где правовые традиции являются нравственно-ценностной платформой для правотворчества, правоприменения, правореализации.

Стремление государственной власти сохранить исторически обусловленные правовые традиции многонационального состава населения страны, гарантировано создает условия для справедливого развития всех институтов гражданского общества, их равноправное взаимодействие с органами государственной власти. Минимизирует условия для формирования возможных негативных социокультурных, политико-правовых факторов, цель которых — разрушить установившийся гражданский мир, государственный порядок, национальную безопасность. Способствует созданию сильного и справедливого правового государства, идеалы которого предопределены фундаментальными самобытными традиционными народными ценностями.

Таким образом, правовая традиция — это нормативно-ценностная базовая разновидность социокультурной категории, имеющая транзитивный вневременной, императивно-регулятивный характер. Формирует духовно-нравственные, интеллектуально-волевые личностно-коллективные установки, которые предопределяют специфику выбора типа общественного и государственного устройства, содер-

жание национальной правовой системы, легитимируя стандарты для самоидентификации личности, общества, государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Законы о флаге, гербе и гимне Российской Федерации. 6-е изд., испр. М. : ВАКО, 2023.
2. Актуальные проблемы генезиса правовой культуры. Теоретико-правовой аспект: учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.
3. Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3(37). С. 13–19.
4. Пашенцев Д. А. Современные подходы к пониманию правовой традиции // Российское государственное ведение. 2016. № 3. С. 7–16.
5. Сулипов Р. С. Понятие и признаки правовых традиций: теоретический аспект // Вестник Пермского университета. 2010. № 4(10). С. 49–52.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation. Laws on the flag, coat of arms and Anthem of the Russian Federation. 6th ed., ispr. M. : WACO, 2023.
2. Actual problems of the genesis of legal culture Theoretical and legal aspect: studies. a manual for university students. M. : UNITY-DANA, 2022.
3. Salnikov V. P., Salnikov M. V. Legal culture and legal tradition in their categorical relation and understanding // The Rule of law: theory and practice. 2014. No. 3(37). P. 13–19.
4. Pashentsev D. A. Modern approaches to understanding the legal tradition // Russian state studies. 2016. No. 3. P. 7–16.
5. Sulipov R. S. The concept and signs of legal traditions: a theoretical aspect // Bulletin of the Perm University. 2010. № 4(10). P. 49–52.

Информация об авторе

Л. Х. Сатущиева — доцент кафедры конституционного и административного права Института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. Kh. Satushieva — Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Institute of Law, Economics and Finance of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-155-160>

EDN: <https://elibrary.ru/lajkxo>

ИПОН: 2003-0059-5/24-158

MOSURED: 77/27-003-2024-05-357

О конвергенции канонического и светского права

Юрий Александрович Свирин^{1,2,3}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, usvirin@mail.ru

² Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

³ Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России», Москва, Россия

Аннотация. Анализируется конвергенция норм канонического и светского позитивного права России. Проведено научное исследование и сделана юридико-доктринальная оценка влияния канонических норм на действующее право России. По мнению автора, источником светского права Древней Руси, а затем и современной России являлись христианские нормы, которые через христианское право Греции, а затем Византии были реципированы в право Древней Руси. Помимо этого, общим источником канонического права и светского права России являлось римское право. Приводится утверждение, что в настоящее время в России параллельно существуют две системы права: каноническое и светское. Несмотря на дивергенцию указанных отраслей права, они тесно переплетены и воздействуют друг на друга, примером чего могут служить судебные решения, в которых суды при разрешении некоторых споров применяют нормы канонического права. При этом церковные отношения регулируются не только каноническими, но и светскими нормами.

Ключевые слова: каноническое право, светское право, источник права

Для цитирования: Свирин Ю. А. О конвергенции канонического и светского права // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 155–160. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-155-160>. EDN: LAJKXO.

Original article

On the convergence of canon and secular law

Yuriy A. Svirin^{1,2,3}

¹ All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, usvirin@mail.ru

² Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia

³ All-Russian Non-Governmental Organisation «Association of Lawyers of Russia», Moscow, Russia

Abstract. The convergence of norms of canonical and secular positive law of Russia is analyzed. The scientific research is carried out and a legal and doctrinal assessment of the influence of canonical norms on the current law of Russia is made. According to the author, the source of secular law of Ancient Russia, and then modern Russia were Christian norms, which through the Christian law of Greece and then Byzantium were recipitated in the law of Ancient Russia. In addition, the common source of canon law and secular law of Russia was the Roman law. It is argued that at present in Russia there are two parallel systems of law: canon law and secular law. Despite the divergence of these branches of law, they are closely intertwined and influence each other, an example of which can be judicial decisions, in which courts in resolving certain disputes apply the norms of canon law. On the other hand, church relations are regulated not only by canonical norms, but also by secular norms.

Keywords: canon law, secular law, source of law

For citation: Svirin Yu. A. On the convergence of canon and secular law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):155–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-155-160>. EDN: LAJKXO.

В современной правовой научной доктрине мало исследований, посвященных соотношению канонического и светского права. Такой научный вакуум вполне объясним, поскольку еще Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 г. церковь была отделена от государства, а само российское государство было провозглашено светским. Светский характер РСФСР, а затем и РФ фактически наложил запрет на научные исследования, посвященные со-

отношению канонического и светского позитивного права.

Между тем, более века назад, в период возникновения канонической науки (XIX в.), тема конвергенции двух правовых систем широко обсуждалась на различных научных площадках.

В настоящее время в доктрине педалируется практически общая концепция о происхождении права России. Согласно этой концепции, российское право

© Свирин Ю. А., 2024

является континентальным правом, многие положения которого были рецептированы из немецкого права, которое, в свою очередь, базируется на римском праве. Таким образом, следует вывод о том, что источником российского права является римское право.

Однако, если взглянуть на возникновение российского права через призму сопоставления канонического и светского права, то следует несколько иной вывод.

Что же представляет собой каноническое право. Протоиерей А. Задорнов под каноническим правом понимает нормы, составляющие содержание канонических сборников Православной Церкви, куда включаются тексты I тысячелетия церковной истории, а также современные нормы, регулирующие внутреннее устройство Церкви и ее отдельных институтов [5]. Ю. В. Ерохина предлагает рассматривать каноническое и церковное право в рамках одного российского права [4]. Таким образом, указанный автор российское право рассматривает как некую конвергенцию светских норм, канонических норм и церковных норм.

Несмотря на разность суждений о сущности церковного и канонического права, в литературе справедливо указывается, что, в отличие от светского российского права, каноническое (церковное) право существует вот уже более двух тысяч лет, т. е. появилось ранее светского российского права, не изменяя своих догматов, являясь эффективным регулятором церковных отношений [9].

Христианское право на раннем этапе своего развития возникло, безусловно, на основе римского права и как правовая материя являлось основой греческого права. Затем через Византию пришло в Россию, образовав самостоятельную правовую субстанцию — каноническое право, многие положения которого впоследствии вошли в светское право. На византийскую природу российского права, в частности, указывает епископ Иоанн (Соколов) в ряде своих работ. Так, указанный автор приходит к выводу о том, что право неподсудности гражданскому суду и право судить за «бесчиния в народе, противные духу христианской нравственности» были рецептированы в светское право Древней Руси из эдиктов императора Константина Великого (IV в.), т. е. из византийского права.

Анализ исторических источников позволяет прийти к выводу о том, что в эпоху средневековья в основе светского права лежало божественное право,

т. е. установленное Богом для всех людей. Так, после принятия христианства, под преступлением стало пониматься не только причинение вреда, но и нарушение религиозных предписаний, что ставило знак равенства между словами преступление и грех, а светский закон одновременно являлся и христианским законом, поскольку охранял отношения, регулируемые религиозными предписаниями.

Также из десяти заповедей закона Божьего, только четыре ориентируют на любовь к Богу. Остальные шесть имеют в своей основе любовь к ближнему и закрепляют высокий уровень нравственного поведения людей, закрепляют семейные ценности.

На раннем этапе развития России мы можем наблюдать соотношение закона и благодати, т. е. соотношение внешней юридической формы и внутренней формы в виде духовного начала. Однако, несмотря на имеющуюся конвергенцию двух форм, следует признать все же их самостоятельность.

Первоначально такой источник права, как «закон» использовался в каноническом праве и только потом данный термин был заимствован светским правом, под которым в настоящее время понимается нормативный правовой акт, принятый законодательным органом государства, выражающий волю народа, обладающий высшей юридической силой и регулирующий наиболее важные общественные отношения.

В 1870 г. вышел научный труд профессора Н. К. Соколова «О влиянии церкви на историческое развитие права», в котором автор отмечает, что правовая область в России складывалась под влиянием как государства, так и церкви, основываясь при этом на нравственных принципах, заложенных в каноническом праве [11].

После 1917 г. в России существовавший симбиоз канонического и светского права закончился. Десятилетия параллельно существовали две самостоятельные правовые системы: светское право и каноническое право. И только в последние 20 лет между ними вновь стала проявляться правовая связь, детерминируя их воздействие друг на друга.

Между двумя системами права есть как общие черты, так и различия.

В отличие от светского права, в котором правовая норма направлена на неоднократное применение, в состав канонического права включаются каноны, регулирующие единичные случаи. Н. Г. Сапсай спра-

ведливо пишет: «Каноны создавались в определенных обстоятельствах и времени и были предназначены для конкретных случаев» [12].

В отличие от светского права, которое является *jus scriptum* (писанным правом), каноническое право объединяет в себе одновременно черты *jus scriptum* и *jus non scriptum* — т. е. писанного и неписанного права.

Также, в отличие от канонического права, светское российское право воздействует на отношения между всеми без исключения субъектами внутри государства. Каноническое право распространяется только на христиан, т. е. на тех, кто посредством крещения вступил в церковную общность, которая представляет собой «одно тело», объединяющее клир и народ [13]. Таким образом, у канонического права нет территориальных границ, оно является экстерриториальным.

Несмотря на некоторые черты дивергенции светского и канонического права, между двумя правовыми системами существуют все же больше общих черт.

Во-первых, право, как правовой регулятор общественных отношений, возникло на основе естественного права, которое впервые получило закрепление в виде христианских норм. Таким образом, и действующее светское право России и каноническое право обладают свойством регулятивности и состоят из норм.

После принятия христианства языческие традиции сменились религиозными догмами [10], на смену которым впоследствии пришли нормы позитивного права. Таким образом, можно констатировать, что становление позитивного права в России обусловлено сменой языческих традиций религиозными нормами, которые в последующем были рецептированы в позитивное право. Тут, как видим, прослеживается преемственность между каноническим и светским правом.

Доказательством исторической связи и обусловленности двух правовых систем являются исторические источники права древнерусского государства, например: Устав князя Владимира Святославовича, Устав князя Ярослава, Русская Правда, Соборное Уложение 1551 г., Соборное Уложение 1649 г. в которых канонические нормы тесно переплетены со светскими нормами.

Многие канонические нормы послужили источником для светского права. В частности, А. А. Виш-

невский указывает на то, что в процессе становления уголовного права каноническое право сыграло важную роль [1]. П. П. Серков обосновал концепцию взаимосвязи между юриспруденцией и религией в области правоотношений, и как справедливо указывает автор, обе сферы имеют общий источник [14, с. 498].

В современной судебной практике, наряду со светскими нормами, в качестве источника права суды иногда ссылаются на нормы канонического права. В частности, Саратовский областной суд в апелляционном определении 21 января 2016 г. по одному из дел указал, что отношения между религиозными организациями и священнослужителями не регулируются нормами Трудового кодекса РФ, а регулируются каноническими нормами.

Во-вторых, некоторые церковные отношения регулируются не каноническими, а светскими нормами из чего следует вывод о том, что некоторые светские законы являются источниками канонического права. Например, в церкви возникают правоотношения между церковной организацией и наемными работниками и такие отношения регулируются трудовым законодательством [14, с. 50]. Следовательно, Трудовой кодекс РФ в определенных случаях является источником канонического права.

Гражданский кодекс РФ также является источником канонического права, поскольку церковные учреждения вступают в гражданские договорные отношения со светскими организациями и гражданами.

В светских государствах, несмотря на то, что религия отделена от государства, тем не менее, источники канонического права признаются и уважаются государством. Кроме того, каноническая доктрина относит к церковным источникам права некоторые светские законы.

Как видим право светское и каноническое как бы переплетаются и находятся во взаимосвязи, воздействуя друг на друга. Иерей о. Василий Лосев справедливо указывает на то, что источниками церковного права, помимо Устава Русской Православной Церкви, решений Соборов, являются также Конституция РФ и Федеральный закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [6, с. 45].

Примером проникновения христианских норм в светское право России также может служить рецепция христианских норм о греховном поведении, которые нашли отражение в Уголовном кодексе РФ. И. М. Рагимов указывает, что причина преступного

поведения заключается в том, что Господь Бог создал человека, на котором легла печать первородного греха вследствие свободного выбора прародителей Адама и Евы. Оказавшись во власти искушения, человек вступает на путь, ведущий к преступлениям [8].

Анализ Русской Правды также доказывает влияние православных церковных норм на становление и развитие светского права Древней Руси.

В ранние и средние века церковь активно вторгалась в российский законодательный процесс. В частности, брак у древних славян первоначально регулировался обычаем, но постепенно брак становится церковным, а со временем и светским. Такое же развитие институт брака получил и в других европейских странах. В частности, во Франции только при Наполеоне браком стал признаваться только тот, который соответствовал гражданской форме заключения брака.

В России Устав Князя Владимира следует рассматривать как первую попытку рецепции канонических норм в свод государственных законодательных актов.

О рецепции канонических норм в светское право также говорит и факт обоснования божественности светской власти. Так, в послании апостола Павла к римлянам говорится, что «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены».

В западных странах в период феодализма власть церкви нередко приравнивалась к власти короля. В «Саксонском зарцале» (первая половина XIII в.) сказано, что два меча представил Бог земному царству для защиты христианства. Папе — духовный; императору — светский.

Как видим, многие канонические нормы были имплементированы в нормы светского российского законодательства.

О консолидации норм светского и канонического права говорит тот факт, что правовое положение священника как субъекта правоотношений всегда тесно связано с правовым положением Церкви и государства в тот или иной период истории. Например, определение правового статуса священнослужителя в Римской империи не существовало. Однако позднее активно появляются нормы, регулирующие права и обязанности священника не только в церковных, но и в светских государственных актах. Развитие государственного законодательства все более детализи-

рует правосубъектность священнослужителя, тем не менее, не давая истолкования данного понятия. Из анализа канонической и светской литературы следует, что правосубъектность священника регулировалась как нормами светского, так и канонического права. Здесь очевиден симбиоз канонического и светского права, поэтому трудно не согласиться с мнением Е. П. Гарановой о том, что церковное право оказало большое влияние на становление и развитие правовой системы России в историческом плане; через его институты российское государство воспринимало бесценный опыт классической римской и византийской юриспруденции, а церковный суд оказал определяющее воздействие на формирование системы общегражданской юрисдикции [3].

Иногда между нормами канонического и светского права возникают противоречия. Например, настоятель прихода, будучи священнослужителем, обязан быть застрахован по обязательному пенсионному страхованию. Однако, настоятель не является наемным работником, он несет службу во исполнение своего права на свободу вероисповедания. При этом настоятель не получает доход от своей службы, который бы мог препятствовать получению им региональной надбавки к пенсии. Так Кривошеинский районный суд Томской области рассмотрел дело о наложении административного наказания на настоятеля Местной религиозной организации Православного Прихода храма Архангела Михаила по ст. 15.33.2 КоАП РФ (нарушения установленных порядка и сроков предоставления сведений о застрахованных лицах в Пенсионный фонд). Нарушение заключалось в том, что настоятель не предоставил в органы пенсионного учета отчетность по форме СЗВ-М. Указанная отчетность подавалась (на момент спора) в отношении лиц, подлежащих обязательному пенсионному страхованию. Судом было установлено, что, несмотря на то, что настоятель и иные священнослужители подлежат обязательному пенсионному страхованию, настоятель храма, будучи священнослужителем, не является должностным лицом. А в ходе судебного разбирательства не была установлена его обязанность, подавать такие отчеты в силу Устава Русской Православной Церкви и Устава прихода.

В настоящее время каноническое право является автономным, но, как справедливо указывает Н. С. Суворов, помимо божественного Откровения общим источником права для христианских вероисповеданий

являются существующие в том или ином государстве светские законы [15].

Безусловно, канонические нормы и сегодня оказывают огромное влияние на развитие позитивного права России. Между каноническими и светскими нормами имеется взаимосвязь, которая трансформируется в общих правовых принципах. Например, принцип справедливости закреплён как в светском праве, так и в каноническом. Более того, принцип справедливости, закреплённый в российском праве, берёт своё начало в каноническом праве. Например, в Евангелии от Луки указано: «и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Соломон обращался к Богу со словами: «Та наказываешь с таким снисхождением и пощадою, давая им время и побуждение освободиться от зла» (Прем. 12:20). Справедливость не может быть использована для расправы или произвола. В связи с чем В. А. Вайпан указывает, что так был задан высокий нормативный уровень справедливости светского права [2].

Такой принцип, как гуманизм, также первоначально был закреплён нормами канонического права. В связи с чем А. А. Мохов указывает на то, что в монастырях шло накопление и передача знаний о врачевании, там же лечились отдельные группы больных, осуществлялся уход за ними. Развитие отечественной психиатрии, основанное на принципе гуманизма, позже становится основой российской психиатрической школы. Данный принцип был заложен в период монастырской, церковной медицины [7, с. 66].

Таким образом, можно констатировать, что в России в настоящее время существуют две правовые системы: светского и канонического права. При этом каноническое право, в силу своих исторических и культурных особенностей, является основой, фундаментом для светского права. Накопленный веками опыт успешного взаимодействия права и морали в рамках церковного права должен быть использован в рамках светского права и в современных условиях.

Список источников

1. Вишневский А. А. Реформы канонического права в понтификат папы Франциска: эпохальные изменения в эпоху изменений // Закон. 2021. № 6. С. 61–68.
2. Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика: моногр. М. : Юстицинформ, 2017.
3. Гаранова Е. П. Церковное право в правовой системе российского общества: общетеоретический

и исторический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2004.

4. Ерохина Ю. В. Основы современного российского права — пропедевтический курс учебной дисциплины «церковное (каноническое) право // Праксис. 2024. № 1(14). С. 56–73.

5. Задорнов А. Каноническое право: между нигилизмом и законничеством. Учебный комитет русской православной церкви // URL: <https://uchkom.info/publikatsii/kanonicheskoe-pravo-mezhdu-nigilizmom-i-zakonnichestvom-18636/>

6. Лосев В. О некоторых правовых особенностях служения в церкви в контексте современного законодательства и церковных установлений // Праксис. 2021. № 2. С. 43–55.

7. Мохов А. А. Христианские основы российского права: история и современность: моногр. / под ред. Ю. А. Свирина, В. Лосева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2025.

8. Рагимов И. М. Преступление и его причины: наука и религия // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 140–158.

9. Свирин Ю. А. Христианские основы российского права: история и современность: моногр. / под ред. Ю. А. Свирина, В. Лосева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2025.

10. Свирин Ю. А. Некоторые аспекты установления родственных отношений // Современное право. 2022. № 11. С. 122–126.

11. Соколов Н. К. О влиянии церкви на историческое развитие права. М. : Унив. тип. 180.

12. Сапсай Н. Г. Нужна ли кодификация канонов в Православной Церкви // Праксис. 2020. № 2(4). С. 223–241.

13. Семигин Г. Ю. Антология мировой церковной мысли. В 5 т. Т. 2. Европа: V–XVII вв. М. : Мысль, 1999.

14. Серков П. П. Правоотношения: теория и практика современной правовой политики. В 2 ч. Ч. 1. Правовая доктрина и меры правовой политики. М., 2023.

15. Суворов Н. С. Учебник церковного права. М. : Печатная А. И. Снегиревой, 1908.

References

1. Vishnevsky A. A. Reforms of Canon Law during the Pontificate of Pope Francis: Epochal Changes in an Era of Changes // Law. 2021. No. 6. P. 61–68.

2. Vaypan V. A. Theory of Justice: Law and Economics: monograph. M. : Yustitsinform, 2017.
3. Garanova E. P. Church law in the legal system of Russian society: general theoretical and historical aspects: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Kostroma, 2004.
4. Erokhina Yu. V. Fundamentals of Modern Russian Law — a Propaedeutic Course of the Academic Discipline «Church (Canonical) Law» // Praxis. 2024. No. 1(14). P. 56–73.
5. Zadornov A. Canon Law: Between Nihilism and Legalism. Educational Committee of the Russian Orthodox Church // URL: <https://uchkom.info/publikatsii/kanonicheskoe-pravo-mezhdu-nigilizmom-i-zakonni-chestvom-18636/>
6. Losev V. On Some Legal Features of Church Service in the Context of Modern Legislation and Church Regulations // Praxis. 2021. No. 2. P. 43–55.
7. Mokhov A. A. Christian Foundations of Russian Law: History and Modernity: monograph / edited by Yu. A. Svirin, V. Losev. M. : UNITY-DANA, 2025.
8. Ragimov I.M. Crime and Its Causes: Science and Religion // Journal of Russian Law. 2023. No. 5. P. 140–158.
9. Svirin Yu.A. Christian Foundations of Russian Law: history and modernity: monograph / edited by Yu. A. Svirin, V. Losev. M. : UNITY-DANA, 2025.
10. Svirin Yu. A. Some Aspects of Establishing Family Relations // Modern Law. 2022. No. 11. P. 122–126.
11. Sokolov N. K. On the Influence of the Church on the Historical Development of Law. M. : University Type. 180.
12. Sapsai N. G. Is Codification of Canons Necessary in the Orthodox Church // Praxis. 2020. No. 2(4). P. 223–241.
13. Semigin G. Yu. Anthology of World Church Thought. In 5 vol. Vol. 2. Europe: V–XVII centuries. M. : Mysl, 1999.
14. Serkov P. P. Legal relations: theory and practice of modern legal policy. In 2 parts. Part 1: Legal doctrine and measures of legal policy. M., 2023.
15. Suvorov N. S. Textbook of church law. M. : Printed A.I. Snegireva, 1908.

Информация об авторе

Ю. А. Свирин — профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), профессор Академии труда и социальных отношений, председатель Комиссии по процессуальным и внепроцессуальным формам разрешения споров Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН.

Information about the author

Yu. A. Svirin — Professor of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Academy of Labor and Social Relations, Chairman of the Commission on Procedural and Non-Procedural Forms of Dispute Resolution of the All-Russian Public Organization «Association of Lawyers of Russia», Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-161-167>

EDN: <https://elibrary.ru/njaqpd>

NIION: 2003-0059-5/24-159

MOSURED: 77/27-003-2024-05-358

Особенности управления и контроля экологическими рисками в городских агломерациях: правовой аспект

Наталья Валерьевна Съедина^{1,2}, Мария Юрьевна Яцевич^{2,3}

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, n.sedina@rambler.ru

² Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

³ Российский государственный институт сценических искусств, Санкт-Петербург, Россия, maria762003@list.ru

Аннотация. Представлено исследование специфики социально-экономических факторов, составляющих основу управления экологическими рисками в условиях городских агломераций. Специфика современного управления регионами заключается в необходимости учитывать амбивалентность проблемы охраны окружающей среды, поскольку создание благоприятных природных условий является не только одной из важнейших социальных задач и стратегических целей современного общества, но и выступает в качестве средства (фактора) достижения других фундаментальных целей — роста эффективности общественного производства, повышения качества жизни населения и т. д. Кроме того, рассматриваются основные проблемы, сопровождающие экологически неблагоприятные ситуации в производственно-экономической и социальной сферах общества и анализируются перспективы оптимизации данных областей в условиях их экологизации. Показана роль эколого-ориентированной трансформации системы управления городскими агломерациями, где акцентируется внимание на комплексном подходе к решению проблем загрязнения окружающей среды, сохранения трудовых ресурсов, повышения качества жизни и выполнения гигиенических требований в условиях городской среды. Уделено внимание вопросам экологизации городской инфраструктуры, оптимизации производственной и социально-экономических систем в аспекте совершенствования принципов взаимодействия природной и производственной сред; определены инструменты решения задач управления экологическими рисками в городских агломерациях.

Ключевые слова: загрязнение окружающей среды, экологическая безопасность, социально-экономические условия, экологические риски, человеческий капитал, городские агломерации, управление и контроль

Для цитирования: Съедина Н. В., Яцевич М. Ю. Особенности управления и контроля экологическими рисками в городских агломерациях: правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 161–167. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-161-167>. EDN: NJAQPD.

Original article

Features of environmental risk management and control in urban agglomerations: legal aspect

Natalia V. Sedina^{1,2}, Mariya Yu. Yatsevich^{2,3}

¹ Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, n.sedina@rambler.ru

² T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

³ Russian State Institute of Performing Arts, St. Petersburg, Russia, maria762003@list.ru

Abstract. The study of the specifics of socio-economic factors that form the basis of environmental risk management in urban agglomerations is presented. The specificity of modern regional management is the need to take into account the ambivalence of the problem of environmental protection, since the creation of favorable natural conditions is not only one of the most important social tasks and strategic goals of modern society, but also acts as a means (factor) to achieve other fundamental goals — the growth of efficiency of social production, improving the quality of life, etc. In addition, the main problems accompanying ecologically unfavorable situations in the production-economic and social spheres of society are considered and the prospects for optimizing these areas in the conditions of their greening are analyzed. The role of ecologically-oriented transformation of urban agglomerations management system is shown, where the attention is focused on the integrated approach to solving the problems of environmental pollution, preserving labor resources, improving the quality of life and meeting hygienic requirements in the urban environment. Attention is paid to the issues of urban infrastructure greening, optimization of production and socio-economic systems in the aspect of improving the principles of interaction between natural and production areas; tools for solving the problems of environmental risk management in urban agglomerations are defined.

Keywords: environmental pollution, environmental safety, socio-economic conditions, environmental risks, human capital, urban agglomerations, management and control

For citation: Sedina N. V., Yatsevich M. Yu. Features of environmental risk management and control in urban agglomerations: legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):161–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-161-167>. EDN: NJAQPD.

© Съедина Н. В., Яцевич М. Ю., 2024

Наблюдаемый в последние годы «взрыв» интереса к проблеме взаимодействия человеческого общества и природы, а также междисциплинарный характер заявленного вопроса породили определенную путаницу в терминологии и основных понятиях в обозначенной области. Проблемы окружающей среды понимаются, в одних случаях, как проблемы защиты воздуха, воды и почвы от загрязнения, в других, — как проблемы поддержания экологического равновесия, в иных — как проблемы охраны природы в широком смысле, наконец, иногда — как проблемы «качества жизни» вообще, включая весь комплекс социально-экономических условий развития общества. При этом отметим, что сущностная характеристика рассматриваемого концепта достаточно условна и изменяется в зависимости от социальной природы управления и уровня научно-технического прогресса. Возможности целенаправленного управления взаимодействием окружающей природной среды и человека определяются, прежде всего, общественными условиями и характером производственных отношений, хотя при этом социально-экономические факторы не входят в классическое понятие окружающей природной среды [1; 2]. Данный термин в указанном понимании следует рассматривать как метаинфраструктуру современного производства, поскольку зависимости и связи между темпами и пропорциями развития промышленности и факторами окружающей природной среды становятся все более существенными и многообразными.

Для исследования особенностей взаимосвязи социального и экономического факторов в системе экосоциального взаимодействия были использованы работы: А. Персакиса, И. Тсакалоса, Ж. О. Гусейновой, В. И. Савкина, А. О. Карелина, Г. Б. Еремина, А. Ю. Ломтева и др. [2; 3; 4; 5; 6]. В качестве методологической основы для определения допустимых нагрузок антропогенных загрязнений окружающей среды был использован системный подход и имитационное математическое моделирование, разработанные Ю. А. Анохиным и Ю. А. Изразлем [7]. В основу рассмотрения принципов проблем управления экосоциальными рисками легла концепция устойчивого развития. Это позволило охватить все важнейшие сферы взаимодействия экономики, социальной политики, производства в условиях нарастания экологических рисков, а также определить перспективы их взаимовлияния. Для определения особенностей, характерных для новых тенденций в управлении охраной окружающей среды, а также исследо-

вания социальных и производственно-экономических изменений в современной экологической ситуации городских агломераций применялись методы: рационально-логического и системного анализа, структурно-функционального подхода, последовательного перехода от абстрактного к конкретному.

В последние десятилетия становятся особенно заметны качественные изменения, происходящие в производственной, экономической, социальных сферах городских агломераций, протекающие на фоне ухудшения экологической ситуации как в мировом масштабе, так и региональном измерении [8]. Возникновение новых специализированных отраслей по производству газо- и водоочистного оборудования, противозерозионной техники, «разрыв» традиционных границ между отраслями производства на основе перехода к безотходным технологическим процессам в рамках территориально-производственных комплексов, усиление влияния фактора экологического состояния региона на процессы размещения производительных сил и миграции трудовых ресурсов — все это демонстрирует стремительный рост воздействия не только производства на окружающую природную среду, но и окружающей природной среды на производство [9].

Специфичность проблем управления охраной среды заключается в том, что создание благоприятной природной среды городских агломераций, будучи одной из важнейших социальных задач, стратегических целей современного общества, выступает, в то же время, в качестве средства, фактора достижения других стратегических целей — роста эффективности общественного производства, повышения качества жизни населения. В этой связи перед экономикой ставятся не только вопросы обеспечения потребностей в товарах и услугах, но и качественного изменения подходов к производству, которое будет отвечать принципам устойчивого развития, в частности, минимизации вредного воздействия хозяйственной деятельности на экологию. Разработка новых принципов экоориентированной экономики и формирование альтернативных подходов к охране окружающей среды возможно на основе комплексного анализа тенденций накопления отходов производства и потребления, расходов на экологизацию экономики, а также инвестиций в берегающее развитие производства.

Формирование хозяйственной деятельности, не разрушающей биосферу, а ее сохраняющей, экологодопустимой, не выходящей за пределы несущей (экологической) емкости экосистем — одна из цент-

ральных задач становления «устойчивого» общества, которая может быть достигнута при условии эффективного функционирования социально-экономической системы и ее отдельных элементов [10]. Одной из ключевых задач оптимизации социально-экономической сферы городских агломераций в условиях экологического загрязнения, является проблема сохранения и развития человеческого капитала. Это в первую очередь касается обеспечения здоровья человека и создание условий для благоприятной среды. Особое внимание стоит обратить не только на проблемы ликвидации уже существующих последствий разрушения экосистемы, угрожающие человеческой телесности, но и недопущение условий, которые могут способствовать гибели и деградации природной среды в будущем [9]. Поэтому в рассмотрении проблемы экологической неустойчивости в социально-экономическом аспекте важно учитывать загрязнения, губительные не только для здоровья человека, но и для сохранения окружающих его природных комплексов, исследовать последствия «не только выхода во внешнюю среду токсических веществ, оказывающих неблагоприятное воздействие на здоровье людей, но и поступление любых других веществ, оказывающих нежелательные воздействия на биогеоценозы и материалы, а также излишки тепла, шума и излучений во внешней среде» [7].

Исключение недопустимых по медико-биологическим соображениям уровней загрязнения окружающей среды может быть эффективно достигнуто с помощью такого инструмента управления, как государственная стандартизация качества окружающей среды. В государственных стандартах должны быть зафиксированы критические уровни загрязнений (КУЗ), превышение которых исключает необратимые нарушения здоровья человека и условий функционирования экосистем (рис. 1).

Данная классификация применительно к перспективному планированию чистоты окружающей среды непосредственно вытекает из принципа неухудшения экологической обстановки при перспективном планировании качества окружающей среды. Заявленный принцип, равно как и принцип недопущения необратимых по медико-биологическим последствиям концентраций загрязнений на всех территориях, позволяет выделить из множества возможных состояний окружающей среды в планируемом периоде подмножество допустимых по социально-экологическим критериям состояний (загрязненности) среды. Сложившаяся в России система гигиенического нормирования окружающей среды основана на разработке показателей допустимого загрязнения в форме предельно допустимых концентраций (ПДК) вредностей в окружающей среде. Эти показатели отражают не минимальные, а максимальные требования к ее качеству с точки зрения безопасности для здоровья человека. Принцип определения ПДК вредностей в окружающей среде заключается в том, что при их соблюдении «не оказывается неблагоприятного влияния на здоровье, самочувствие и работоспособность населения и будущих поколений людей, обнаруживаемого современными методами исследования, а также не ухудшаются гигиенические условия жизни населения» [6].

Важным фактором, оказывающим воздействие на окружающую среду, является обращение с отходами. Согласно исследованию, McKinsey&Company, воздействие климата на сектор отходов, по прогнозам, возрастет еще на 20 % к 2030 г. относительно текущего года. Что касается сокращения, то полных 60 % потенциала по сокращению этого увеличения может быть достигнуто за счет вторичной переработки [11].

Для обоснования стратегии перехода от фактического уровня загрязнения к его перспективным значениям (соответствующим ПДК и ниже) необходимо использование экономико-правовых критериев эф-

Характер негативных последствий загрязнения в зависимости от его уровня — интенсивности	Сферы воздействия загрязнения		
	Здоровье человека	Условия функционирования экологических систем	Состояние общественного и личного имущества
Обратимые			
Необратимые			
Условные обозначения:			
	Недопустимые последствия		
	Временно допустимые и подлежащие скорейшему устранению		
	Допустимые по экономическим соображениям		

Рис. 1. Классификация последствий загрязнения по степени их допустимости

фективности снижения загрязнения и связанных с этими критериями понятий экономического и социального оптимумов загрязнения [12].

В составе негативных социально-экономических последствий загрязнения среды можно выделить ближайшие во времени и сравнительно хорошо прогнозируемые последствия, а также отдаленные во времени и плохо прогнозируемые последствия. Рассмотрим сначала экономические аспекты проблемы управления чистотой среды городских агломераций, возникающие в связи с существованием ближайших во времени и хорошо прогнозируемых социальных последствий загрязнения.

Контроль и управление уровнем загрязнения в современных условиях требует использования дорогостоящих автоматизированных информационных систем, сложного контрольно-измерительного оборудования, а также создания специализированной разветвленной сети пунктов и станций наблюдения и специализированной городской инфраструктуры. В условиях экологической нестабильности городских агломераций происходит значительное увеличение нагрузки на эксплуатацию коммунальной сферы. В качестве приоритетных мероприятий, зачастую, вынужденно выдвигаются действия компенсирующего характера (изыскание новых источников водоснабжения взамен загрязненных, восстановление зеленых насаждений вместо уничтоженных, увеличение частоты ремонта коммуникаций и зданий и т. д.) в ущерб мероприятиям, направленным на улучшение условий жизнедеятельности и повышение качества жизни населения [13]. Ускорение износа основных фондов зданий и сооружений в зонах загрязнения обуславливает возникновение дополнительных затрат на их содержание и ремонт, что, при прочих равных условиях, означает известное уменьшение ресурсов для расширения производства.

Ухудшение качества жизни в зонах загрязнения приводит к возрастанию расходов на лечение заболевших в составе затрат на медицинское обслуживание населения, а также соответствующих выплат из фонда социального страхования. Тесная зависимость между атмосферным загрязнением и заболеваемостью населения бронхитом, катаром верхних дыхательных путей, эмфиземой, раком легких и рядом других заболеваний установлена многочисленными исследованиями как российских, так и зарубежных специалистов. Даже малые концентрации вредных веществ в атмосфере могут нанести ущерб здоровью, привести к хроническим заболеваниям и преждевре-

менной смерти, в первую очередь, людей пожилого возраста, а также лиц, страдающих заболеваниями дыхательных путей.

Рост заболеваемости, увеличение количества людей с инвалидностью, особенно, среди трудоспособного населения, становится серьезной финансовой нагрузкой как для центральных органов государственной власти, так и для региональных финансовых структур. Ресурсы социальных фондов всегда ограничены, а в условиях увеличения экологических проблем возможности финансирования профилактических мероприятий, программ диспансеризации населения, компенсации ущерба и т. д. заметно снижаются [14]. В этих обстоятельствах особенно важно усилить контроль за реализацией и распределением финансовых ресурсов, сформировать дополнительные социальные программы, а также разработать новые механизмы пополнения бюджета фонда социального страхования как на краткосрочную, так на долгосрочную перспективу.

Наконец, уменьшение производительности труда и снижение качества человеческих ресурсов в сфере общественного производства (потеря рабочего времени в связи с повышенной заболеваемостью населения, увеличение миграционных потоков из зон загрязнения, дефицит трудовых кадров) означает недопроизводство продукции и услуг в различных отраслях экономики экологически неблагополучного района. Соответствующую величину фактически непродизведенной продукции и услуг можно рассматривать как компенсацию продукции, потерянной из-за недоиспользования ресурсов живого труда.

Важной составляющей экономического ущерба от загрязнения окружающей среды являются также и переработки вследствие нехватки рабочих кадров, потеря свободного времени производителей, которое могло быть направлено на отдых, заботу о здоровье и восстановление трудоспособности. При этом возникающие у населения загрязненных районов увеличение временных затрат на лечение, реабилитацию, передвижение к местам отдыха являются прямым вычетом из фонда их свободного времени и также связано с определенными финансовыми затратами. Денежная оценка потерь свободного времени как элемента ущерба от загрязнения возможна на основе принципа равенства предельных оценок рабочего и свободного времени.

Пусть известна зависимость величины конечного продукта Y от фонда рабочего времени, расходуемого в производственной сфере (Tr):

$$Y = f(T_p) \quad (1.1)$$

Пусть, далее, T_c — фонд свободного времени лиц, занятых в производственной сфере, а a — оценка единицы (человеко-часа) свободного времени, отражающая общественные приоритеты в области увеличения производства и фонда свободного времени.

Легко убедиться, что если общество ставит своей целью одновременную максимизацию производства и фонда свободного времени, то при ограниченном суммарном фонде времени T оценки рабочего и свободного времени должны быть равны друг другу (под суммарным фондом времени понимается сумма рабочего и вне рабочего времени за вычетом затрат времени, связанных с удовлетворением физиологических потребностей, с поездками, домашним трудом и самообслуживанием). Действительно, оптимальное решение задачи.

$$f(T_p) + aT_c \rightarrow \max \\ T_p + T_c = T \quad (1.2)$$

должно удовлетворять условию:

$$f(T_p) = dY/dT_p = a \quad (1.3)$$

Итак, издержки компенсации социальных последствий загрязнения городских агломераций (экономический ущерб от загрязнения) складывается из дополнительных расходов на различные виды обслуживания населения, уменьшения ресурсов рабочего времени и национального дохода, дополнительных затрат на удовлетворение потребности в продукции природоэксплуатирующих отраслей и на обслуживание и ремонт основных фондов в зоне загрязнения [15].

Практически для целей исчисления издержек компенсации сырьевых потерь целесообразно использовать замыкающие затраты (кадастровые цены) на соответствующие виды сырья или топлива, как источник техногенного выброса. Если величина замыкающих затрат неизвестна, то для приближенной оценки издержек компенсации сырьевых потерь можно пользоваться действующими оптовыми ценами.

Таким образом, основные составляющие издержек загрязнения включают в себя: издержки предотвращения, издержки компенсации и сырьевые потери, где все находится в фундаментальной зависимости друг от друга. Экономический оптимум загрязнения окружающей среды городских агломераций должен определяться не на множестве всех возможных уровней ее загрязнения, а на множестве допустимых по социально-экологическим критериям уровней загрязнения.

Особое внимание, при оценке и управлении социально-экономическими рисками в экологически уяз-

вимых городских агломерациях, важно уделить планированию на долгосрочную перспективу. Большинство специалистов едины в признании возможности негативных глобальных климатических изменений антропогенного характера в период на несколько десятилетий [16]. При этом не вызывает сомнения прогнозируемый рост как отдаленных медико-биологических последствий загрязнения, так и увеличение в ближайшем будущем скачка острых респираторных заболеваний в результате атмосферного загрязнения (хотя сроки их наступления и характер проявления далеко не всегда поддаются надежному определению). Социально-экономическая оценка отдаленных во времени и трудно прогнозируемых последствий загрязнения едва ли возможна именно в силу характера этих последствий. Так, суммы возможного ущерба начинают столь сильно зависеть от неопределенности гипотез о масштабах негативных последствий загрязнения, о норме дисконтирования и т. п., что их применение в практических финансовых расчетах порой становится бессмысленным [17].

Кроме того, представляется очевидным, что пренебрежение отдаленными во времени и трудно предсказуемыми последствиями загрязнения противоречило бы самой сути современного мировоззрения, означало бы, по меньшей мере, легкомысленное отношение к судьбам грядущих поколений. А недооценка социально-экономических последствий от отложенных в будущем экологических проблем повлечет за собой труднопрогнозируемые риски как в области человеческих ресурсов, так и в сфере производства.

При разработке стратегии экологического развития городских агломераций важно учитывать не только текущие социально-экономические обстоятельства, но и планировать полноценный комплекс правовых, управленческих, экономических решений, направленных на оптимизацию процессов охраны окружающей среды и повышения качества жизни человека в будущем. В качестве основных ориентиров для сбалансированного развития городских агломераций можно выделить: необходимость усиления внимания к принципам устойчивого развития в системе взаимосвязи экологической, экономической и социальной сфер, совершенствование практики по поддержанию баланса между природой и социальным миром. При этом особое значение в условиях сложной прогнозируемости и малопредсказуемости экологических рисков, приобретает стратегия учета как среднесрочных последствий влияния экологической неопределенно-

сти, так и долгосрочных прогнозов загрязнения окружающей среды на социально-экономическую составляющую развития городских агломераций.

Становится ясно, что без активных инновационных подходов, учитывающих состояние человеческого капитала, уровень загрязнения и другие процессы, степень корреляции экономической, производственной, социальной сферы и экологической обстановки городских агломераций, невозможно поддержание хрупкого равновесия между естественной средой и реализацией потребностей современного человечества. Отсюда следует необходимость поиска новых решений, развитие договоренностей о мерах управления экологическими рисками на основе как общих мировоззренческих и политических принципов, так и единых социально-экономических механизмов оптимизации процессов производственной сферы и окружающей среды.

Список источников

1. Лисина Н. Л. О системе правовых мер, направленных на достижение национальных задач в области обращения с отходами // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 2(182). С. 181–183.
2. Persakis A., Tsakalos I., Gkonis V., Nerantzidis M. Climate policy uncertainty and environmental degradation: Does democracy moderate this relationship? // *Cleaner Environmental Systems*. 2024. Vol. 15. P. 100230.
3. Карелин А. О., Еремин Г. Б., Ломтев А. Ю. Особенности регулирования правоотношений в сфере экологической и гигиенической безопасности населения Российской Федерации на современном этапе // *Гигиена и санитария*. 2012. № 5. С. 12–15.
4. Гусейнова Ж. О. Взаимодействие общества и природы в условиях глобализации: социальные регуляторы и направления гармонизации: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Ростов н/Д., 2013.
5. Савкин В. И. Экологические аспекты охраны окружающей среды // *Вестник аграрной науки*. 2023. № 5(104). С. 157–163.
6. Сидоренко Г. И., Корневская Е. И., Пинигин М. А., Красовский Г. Н. Гигиенические основы охраны окружающей среды // *Всесторонний анализ окружающей природной среды*. Л., 1975.
7. Анохин Ю. А., Израэль Ю. А. Системный анализ и имитационное математическое моделирование как методологическая основа определения допустимых нагрузок антропогенных загрязнений окружающей среды — региональный подход // *Всесторонний анализ окружающей природной среды*. Л., 1975.
8. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. М. : Весь Мир, 2013.
9. Лисина Н. Л. К вопросу о состоянии и тенденциях развития правовой охраны окружающей среды в городах // *Право и государство: теория и практика*. 2019. № 11(179). С. 206–208.
10. Marasova D., Zolotukhin V. M., Zolotukhina N. A., Volkova O., Yazevich M. Chemical monitoring of the socio-ecological situation in resource-producing regions // *E3S Web of Conferences: VI-th International VI-th Innovative Mining Symposium*. Vol. 315 (2021). Kemerovo, October 19–21, 2021, EDP Sciences, 2021.
11. McKinsey & Company, 2009, Pathways to a Low-Carbon Economy // URL: <https://www.mckinsey.com/>
12. Антонова Н. М., Круглова Э. В., Ананьева О. В. Экологизация экономики: практические аспекты перехода к «зеленой» (циклической) экономике на региональном уровне // *Вестник Екатеринбургского института*. 2020. № 1. С. 29–34.
13. Makridin E., Markov S., Murko E. Theoretical Background of Quarry Wastewater Filtering Through Filters of Coarse-Grained Blasted Overburden Rocks // *E3S Web of Conferences*. Kemerovo, 2020. P. 01056.
14. Afzali P., Yeganeh A., Derakhshan F. A novel socio-economic-environmental model to maximize consumer satisfaction in smart residential complexes // *Energy and Buildings*. 2024. Vol. 308. P. 114023.
15. Snikersproge I. Ecological labour or why environmentally friendly practices struggle to become mainstream // *Ecological Economics*. 2024. Vol. 224. P. 108286.
16. Achuo E. D., Nchofoung T. N., Zanfack L., Epoge C. The nexus between labour force participation and environmental sustainability // *Global comparative evidence*. Heliyon. 2023. Vol. 9. Issue 11. P. e21434.
17. Giuliani E. Making it right: socio-environmental conditionalities in regional industrial policies // *Progress in Economic Geography*. 2024. Vol. 2. Issue 1. P. 100007.

References

1. Lisina N. L. On the system of legal measures aimed at achieving national objectives in the field of waste management // *Law and the state: theory and practice*. 2020. No. 2(182). P. 181–183.
2. Persakis A., Tsakalos I., Gkonis V., Nerantzidis M. Climate policy uncertainty and environmental degradation: Does democracy moderate this relationship? // *Cleaner Environmental Systems*. 2024. Vol. 15. P. 100230.
3. Karelin A. O., Eremin G. B., Lomtev A. Yu. Features of regulation of legal relations in the field of envi-

ronmental and hygienic safety of the population of the Russian Federation at the present stage // Hygiene and sanitation. 2012. No. 5. P. 12–15.

4. Huseynova J. O. Interaction of society and nature in the context of globalization: social regulators and areas of harmonization: abstract. diss. ... doctor of psychological sciences. Rostov N./D., 2013.

5. Savkin V. I. Ecological aspects of environmental protection // Bulletin of Agrarian Science. 2023. No. 5(104). P. 157–163.

6. Sidorenko G. I., Korenevskaya E. I., Pinigin M. A., Krasovsky G. N. Hygienic foundations of environmental protection // Comprehensive analysis of the environment. L., 1975.

7. Anokhin Yu. A., Israel Yu. A. System analysis and simulation mathematical modeling as a methodological basis for determining permissible loads of anthropogenic pollution environment — a regional approach // Comprehensive analysis of the natural environment. L., 1975.

8. Human Development Report 2013. The Rise of the South: human progress in a diverse world. M. : The Whole World, 2013.

9. Lisina N. L. On the issue of the state and trends in the development of legal environmental protection in cities // Law and the state: theory and practice. 2019. No. 11(179). P. 206–208.

10. Marasova D., Zolotukhin V. M., Zolotukhina N. A., Volkova O., Yazevich M. Chemical monitoring

of the socio-ecological situation in resource-producing regions // E3S Web of Conferences: VI-th International VI-th Innovative Mining Symposium. Vol. 315 (2021). Kemerovo, October 19–21, 2021, EDP Sciences, 2021.

11. McKinsey & Company, 2009, Paths to a low-carbon economy // URL: <https://www.mckinsey.com/>

12. Antonova N. M., Kruglova E. V., Ananyeva O. V. Ecologization of the economy: practical aspects of the transition to a «green» (cyclic) economy at the regional level // Bulletin of the Catherine Institute. 2020. No. 1. P. 29–34.

13. Makridin E., Markov S., Murko E. Theoretical Background of Quarry Wastewater Filtering Through Filters of Coarse-Grained Blasted Overburden Rocks // E3S Web of Conferences. Kemerovo, 2020. P. 01056.

14. Afzali P., Yeganeh A., Derakhshan F. A novel socio-economic-environmental model to maximize prosumer satisfaction in smart residential complexes // Energy and Buildings. 2024. Vol. 308. P. 114023.

15. Snikersproge I. Ecological labour or why environmentally friendly practices struggle to become mainstream // Ecological Economics. 2024. Vol. 224. P. 108286.

16. Achuo E. D., Nchofoung T. N., Zanfack L., Epoge C. The nexus between labour force participation and environmental sustainability // Global comparative evidence. Heliyon. 2023. Vol. 9. Issue 11. P. e21434.

17. Giuliani E. Making it right: socio-environmental conditionalities in regional industrial policies // Progress in Economic Geography. 2024. Vol. 2. Issue 1. P. 100007.

Информация об авторах

Н. В. Съедина — доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Кемеровского государственного университета, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, кандидат педагогических наук;

М. Ю. Яцевич — доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, доцент Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук.

Information about the authors

N. V. Sedyna — Associate Professor of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure at Kemerovo State University, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences of the T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Candidate of Pedagogical Sciences;

M. Yu. Yatsevich — Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences of the T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Associate Professor of the Russian State Institute of Performing Arts, Candidate of Philosophical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2024; одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 11.10.2024.
The article was submitted 13.08.2024; approved after reviewing 13.09.2024; accepted for publication 11.10.2024.

Научная статья

УДК 343.985.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-168-172>

EDN: <https://elibrary.ru/nqamqu>

NIJON: 2003-0059-5/24-160

MOSURED: 77/27-003-2024-05-359

Научный вклад профессора В. П. Лаврова в развитие криминалистики и формирование научно-педагогических кадров

Василий Юрьевич Федорович

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vfedorovich2@mvd.ru

Аннотация. Рассматривается вклад профессора Владимира Петровича Лаврова в криминалистическую науку, его подход к совершенствованию криминалистических знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий, предупреждению преступлений. Особое внимание уделено современному применению трудов В. П. Лаврова в формировании научной школы и подготовке научно-педагогических кадров. Рассмотрены некоторые дискуссионные вопросы о соотношении криминалистики и судебной экспертизы исходя из взглядов В. П. Лаврова и авторской позиции.

Ключевые слова: В. П. Лавров, криминалистика, формирование научных теорий и учений, подготовка кадров высшей квалификации, криминалистическая профилактика

Для цитирования: Федорович В. Ю. Научный вклад профессора В. П. Лаврова в развитие криминалистики и формирование научно-педагогических кадров // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 168–172. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-168-172>. EDN: NQAMQU.

Original article

Scientific contribution of Professor V. P. Lavrov to the development of criminalistics and the formation of scientific and pedagogical personnel

Vasily Yu. Fedorovich

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vfedorovich2@mvd.ru

Abstract. The contribution of Professor Vladimir Petrovich Lavrov to forensic science, his approach to the improvement of forensic knowledge in the field of information and telecommunication technologies, crime prevention is considered. Particular attention is paid to the modern application of V. P. Lavrov's works in the formation of a scientific school and the training of scientific and pedagogical personnel. Some controversial issues on the relationship between criminalistics and forensic science are considered, based on the views of V. P. Lavrov and the author's position.

Keywords: V. P. Lavrov, criminalistics, formation of scientific theories and teachings, training of highly qualified personnel, forensic prevention

For citation: Fedorovich V. Yu. Scientific contribution of Professor V. P. Lavrov to the development of criminalistics and the formation of scientific and pedagogical personnel. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):168–172. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-168-172>. EDN: NQAMQU.

Владимир Петрович Лавров — Человек-Ученый, о котором хочется писать только с большой буквы. Он всю свою жизнь посвятил решению задач в области раскрытия и расследования преступлений — вначале на ниве практической следственной работы, а в последующем — создавая и развивая научные теории и учения. Труды Владимира Петровича стали основанием формирования многих криминалистических концепций, а его жизнь — результат поразительного трудолюбия и постоянного поиска максимально возможного ответа на вызовы преступности; неустанная работа по формированию

решений, направленных на совершенствование деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

И закономерно, что он стал образцом для подражания для многих молодых ученых. Среди его учеников были не только практические сотрудники правоохранительных органов нашей страны, но и многих государств ближнего и дальнего зарубежья. Под его научным руководством прошли успешную защиту множество диссертаций по криминалистике.

В. П. Лавров являлся вдохновителем, научным редактором и автором многих учебников, учебных

© Федорович В. Ю., 2024

пособий, лекций по криминалистике и, конечно, монографий. Его активная позиция в области повышения научной квалификации педагогических работников и соискателей ученых степеней выражалась в постоянной работе в диссертационных советах, созданных при столичных вузах (Юридический институт МВД России, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Академия управления МВД России). Не могу не отметить его принципиальность и, одновременно, умение слышать аргументы своего собеседника при обсуждении тем диссертационных исследований, а также значимости положений, выносимых на защиту. Его активная позиция по вопросам подготовки научно-педагогических кадров всегда вызвала особенный интерес и дискуссию среди руководителей научных школ и организаторов учебного процесса вузов Министерства внутренних дел [1, с. 352–358].

Владимир Петрович Лавров за глубину и разносторонность своих научных интересов вызывает чувство уважения и неподдельного интереса. В воспоминаниях своих учеников он предстает как увлеченный человек, с азартом и страстью истинного знатока занимающийся исследованием сложных вопросов. Он не только стоял у колыбели новых научных концепций и доктрин, но и неустанно продолжал свою деятельность, направленную на расширение и углубление этих знаний, о чем свидетельствуют его последующие труды в этой области.

Его глубокое убеждение заключалось в том, что человек, считающий себя ученым, никогда не сможет создать что-то новое, полезное для общества, если не познает и не проанализирует глубоко то, что сделано до него в данном направлении. Оценка различных идей, предлагаемых для совершенствования существующих научных положений, всегда осуществлялась им в сочетании фундаментального академического подхода и восприятием новых идей, которые были обусловлены непрерывным развитием научно-технического прогресса.

Следует признать неоспоримую важность для дальнейшего развития криминалистической науки и совершенствования практики раскрытия и расследования преступлений таких направлений, как:

- ♦ расследование организованной преступной деятельности. В настоящее время характеристики такой деятельности, а также характеристики преступлений, совершаемых в ее рамках, претерпевают суще-

ственные изменения вследствие глобальной цифровизации. Это требует изучения постоянно обновляющихся закономерностей механизма преступлений и отображения информации о нем; модернизации подходов к организации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в условиях постоянного развития науки и техники;

- ♦ криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, прежде всего, в части научно-технического обеспечения. Очевидна актуализация проблем расследования преступлений, имеющих «цифровые характеристики», прежде всего, основанных на использовании информационно-телекоммуникационных технологий, совершающихся в виртуальном пространстве, оставляющих цифровые следы и т. п. Выявление, раскрытие, расследование, а также предупреждение таких преступлений нуждается в адекватном научно-техническом обеспечении. При этом эффективность применения современных достижений науки и техники в криминалистической деятельности должна быть обеспечена соответствующим организационным и правовым инструментарием ее использования;

- ♦ выявление и преодоление противодействия расследованию. Новые реалии практики правоохранительных органов определяют новые формы и способы выявления и преодоления противодействия расследованию;

- ♦ расследование нераскрытых преступлений прошлых лет. В настоящее время появляется большое количество современных возможностей для решения задач, которые в недалеком прошлом были препятствием;

- ♦ определение места общей теории судебной экспертизы (экспертологии) в системе частных наук и ее соотношение с криминалистикой.

Важно указать, что на этапе становления теории преодоления противодействия расследованию, Владимир Петрович совместно с А. Ф. Волынским руководил рядом диссертационных работ по этой проблематике, целью которых была разработка способов противодействия расследованию и выработка криминалистических методов его преодоления. Уже в 1996 г. фундаментальным докладом на конференции в Московском областном филиале Юридического института МВД России стало выступление Владимира Петровича на тему «Организованное противодействие раскрытию и расследованию пре-

ступлений и меры по его нейтрализации» [2, с. 93–99]. Хотелось бы отдельно отметить, что именно В. П. Лавров и А. Ф. Волынский одними из первых включили соответствующую главу в учебник по криминалистике [3]. Можно отметить этот факт как один из примеров включения результатов фундаментальных научных исследований в образовательный процесс. В дальнейшем разработка совместно с Б. Я. Гавриловым проблем преодоления противодействия расследованию была реализована в учебнике для спецкурса «Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению» [4].

Владимир Петрович в последних работах указывал на необходимость преломления подходов к изучению проблем преодоления противодействия расследованию с учетом развивающейся цифровизации как экономической жизни, так и уголовного судопроизводства. Важно указать на поступательное развитие научной школы Владимира Петровича именно по этому направлению; в ее развитии приняли участие многие его ученики: И. А. Бобраков, Е. В. Варфоломеев и др.

Владимир Петрович внимательно относился к развитию отдельных криминалистических учений и теории криминалистики в целом. В своих работах он касался и порой достаточно критично, некоторых псевдоновелл. В тоже время, поддерживал необходимость развития отдельных теоретических направлений, в частности, он указывал на необходимость активации важных и для науки, и для практики научных исследований, связанных с предупреждением преступлений при расследовании и по материалам расследования — так называемой криминалистической профилактики [5]. Важно отметить, что по напутствию Владимира Петровича в новый учебник по Криминалистике мы включили отдельную главу о криминалистическом предупреждении преступлений. В нее вошли понятийный аппарат, формы и виды профилактической деятельности, а также вопросы использования помощи населения¹ и средств массовой информации в профилактике преступлений. Представляется, что обеспечение участия общественности в раскрытии, расследовании и профилактике преступлений является не только обязательной частью работы правоохранительных органов [6, с. 6–11], но и предметом дальнейших научных исследований. В продолжение его взглядов на роль достижений научно-технического прогресса в предупреждении

преступлений, необходимо отметить, что одним из важных, на наш взгляд, развивающихся институтов является экспертная профилактика. Нами она рассматривается в контексте использования специальных знаний, в том числе в области информационных, биометрических и других технологий в целях криминалистической превенции. По нашему мнению, судебная экспертиза как вид экспертно-криминалистической деятельности в данном направлении является интегрирующим ядром, результаты которой могут быть направлены как на предупреждение преступлений, так и в дальнейшем на формирование доказательств по уголовному делу.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить, что Владимир Петрович снискал себе славу выдающегося и непреклонного ученого, обладающего собственным видением ключевых аспектов науки и практики. В научных дискуссиях Владимир Петрович всегда аргументировано отстаивал свою позицию, основанную на глубоких знаниях и исследованиях. Как настоящий профессор, Владимир Петрович всегда был способен разъяснить самые сложные научные вопросы предельно ясно, четко и доходчиво, используя простой и понятный язык. Лекции, выступления на конференциях и обсуждения диссертационных исследований Владимира Петровича отличались простотой и ясностью изложения. Я до сих пор вспоминаю острую дискуссию о предмете теории судебной экспертизы и криминалистики на одном из Круглых столов, проводимых профессором Н. П. Майлис. В этой дискуссии Владимир Петрович отстаивал точку зрения, что в аспекте развития судебной экспертизы, а именно, общей теории судебной экспертизы, о которой он писал ранее в своей статье «Криминалистика и судебная экспертиза (место в науке и учебных курсах вуза)», что «...ее научные положения были, есть и всегда останутся важнейшей составной частью криминалистики; отделение или выделение ее в самостоятельную науку приведет лишь к объединению как первой, так и второй» [7, с. 9–10].

Сложно согласиться с такой категорической позицией В. П. Лаврова, так как за прошедшие годы произошли серьезные изменения в аспекте определения места общей теории судебной экспертизы, она

¹ Приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» // СПС «Гарант».

выделена в самостоятельное направление, что подтверждают научные взгляды ученых и практика. Более того, экспертология, как самостоятельная частная теория судебной экспертизы, выделена, наравне с криминалистикой, в научной специальности 5.1.4 в цикле уголовно-правовых наук. Кроме того, в этой же статье Владимир Петрович указывает на предметно-дисциплинарную самостоятельность криминалистики и общей теории судебной экспертизы (включая изучение отдельных видов экспертиз), что само по себе является социальным маркером обособленного формирования предметов этих наук.

Не вдаваясь в большую дискуссию, отметим, что общая теория судебной экспертизы и криминалистика тесно связаны между собой и взаимно обуславливают друг друга. Без назначения той или иной судебной экспертизы, как известно, не может быть раскрыто ни одно преступление. Более того, в настоящее время теория судебной экспертизы по ряду новых подходов обогащает криминалистику, например, по разработке методов и средств исследования цифровой информации, что, несомненно, будет способствовать правильному разрешению уголовных дел.

Безусловно, вся научная деятельность Владимира Петровича была направлена на решение проблем, связанных с совершенствованием научного и методического обеспечения борьбы с преступностью.

Владимир Петрович Лавров — образец руководителя криминалистической научной школы, чьи идеи распространились далеко за пределы России. Можно с уверенностью сказать, что его идеи продолжают развиваться и об этом говорит, в том числе, проведенная в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя посвященная ему Всероссийская научно-практическая конференция «Криминалистика: наука, практика, опыт» [8].

Владимир Петрович оставил своим ученикам наставление, призывающее их продолжать усердно работать над совершенствованием криминалистической теории и практики. Именно поэтому его научное наследие представляет собой не только выдающиеся труды ученого, но и созданную им научную школу, представители которой продолжают развивать его идеи, направленные на служение науке, отчизне и людям.

Список источников

1. Лавров В. П. О некоторых проблемах подготовки научно-педагогических кадров в системе вузов

МВД России // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. Т. 1. 2020. Вып. 1(2).

2. Волынский А. Ф., Лавров В. П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: сб. ст. науч.-практ. конф. М. : Юридический институт МВД России (Рузский филиал), 1997.

3. Криминалистика: учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2008.

4. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / [Б. Я. Гаврилов и др.]; под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.

5. Лавров В. П. Частные криминалистические теории: современное состояние и тенденции развития // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2.

6. Лавров В. П. Проблемы расследования преступлений по горячим следам в современных российских условиях // Белгородские криминалистические чтения: сб. науч. трудов. Вып. 3. Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017.

7. Лавров В. П. Криминалистика и судебная экспертиза (место в науке и учебных курсах вуза): мат. межвуз. науч.-практ. конф. «Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменениями уголовно-процессуального законодательства». Ч. 11. М. : Академия управления МВД России, 2008. С. 9–10.

8. Криминалистика: наука, практика, опыт // всерос. науч.-практ. конференция (29 сентября 2023 г.): сб. науч. тр. / сост. И. В. Тишутина. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

References

1. Lavrov V. P. On some problems of training scientific and pedagogical personnel in the system of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Modern criminal procedure law — lessons of history and problems of further reform. Orel : OrUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. Vol. 1. 2020. Issue 1(2).

2. Volynsky A. F., Lavrov V. P. Organized counteraction to the detection and investigation of crimes (problems of theory and practice) // Organized counteraction to the investigation of crimes and measures to neutralize it: collection of art. scientific and practical conference. M. : Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ruza branch), 1997.

3. Criminalistics: textbook / edited by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. M. : Uniti-Dana : Law and Legislation, 2008.

4. Countering the investigation of crimes and measures to overcome it: textbook for universities / [B. Ya. Gavrilov et al.]; under the general editorship of B. Ya. Gavrilov, V. P. Lavrov. 2nd ed. revision. M. : Yurait, 2023.

5. Lavrov V. P. Private criminalistic theories: current state and development trends // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2016. № 3-2.

6. Lavrov V. P. Problems of investigating crimes in hot pursuit in modern Russian conditions // Belgorod criminalistic readings: collection of scientific papers. Issue 3. Belgorod : Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 2017.

7. Lavrov V. P. Criminalistics and forensic examination (place in science and university courses): mat. inter-university. scientific and practical conference «Problems of management of crime investigation bodies in connection with changes in criminal procedure legislation». Part 11. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. P. 9–10.

8. Criminalistics: science, practice, experience // all-Russian scientific and practical conference (September 29, 2023): collection of scientific papers / comp. I. V. Tishutina. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2023.

Информация об авторе

В. Ю. Федорович — заместитель начальника по научной работе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. Yu. Fedorovich — Deputy Head for Scientific Work of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

Н.П. Майлис К.В. Ярмак В.В. Бушуев Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза Учебник	ДАКТИЛОСКОПИЯ И ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА Учебник Гриф Международного НИЦ судебной экспертизы и исследований Гриф НИИ образования и науки Н. П. Майлис, К. В. Ярмак, В. В. Бушуев Излагается материал по учебной дисциплине «Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза» для обучающихся по специальности высшего образования 40.05.03 «Судебная экспертиза». Рассматриваются научные основы дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы. Раскрываются частные методики экспертных исследований. Для слушателей и преподавателей экспертно-криминалистических факультетов вузов МВД России. Может быть полезен для практических работников экспертных и следственных подразделений, адъюнктов, а также интересующихся данной тематикой.
--	--

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-173-177>

EDN: <https://elibrary.ru/ngatcj>

НИОН: 2003-0059-5/24-161

MOSURED: 77/27-003-2024-05-360

Интерес как общенаучная и правовая категория

Денис Васильевич Шаров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sharovden@gmail.com

Аннотация. Представлен анализ категории «интерес». Рассматривается происхождение данного понятия, а также его современное значение в различных областях знаний, включая право. Делается вывод, что в реальной действительности существуют два схожих, но при этом качественно своеобразных явления, выраженных одним термином «интерес», а именно, интерес психологический (субъективный) и интерес социальный (объективный). В первом значении интерес выражает свойство психики человека, продукт деятельности мозга, во втором — соответствует явлениям социального, общественного характера. При этом, предмет правового регулирования в принципе могут быть только социальные (объективные) интересы, поскольку только интерес, как объективное социальное явление, существующее вне и независимо от сознания субъекта, можно выделить, сформулировать и обеспечить правовыми средствами его реализации.

Ключевые слова: категория «интерес», интерес психологический, интерес субъективный, интерес социальный, интерес объективный

Для цитирования: Шаров Д. В. Интерес как общенаучная и правовая категория // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 173–177. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-173-177>. EDN: NGATCJ.

Original article

Interest as a general scientific and legal category

Denis V. Sharov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

sharovden@gmail.com

Abstract. The category of «interest» is analysed. The origin of this concept is considered, as well as its modern meaning in various fields of knowledge, including law. It is concluded that in reality there are two similar, but qualitatively peculiar phenomena expressed by the same term «interest», namely, psychological (subjective) interest and social (objective) interest. In the first sense, interest expresses a property of the human psyche, a product of brain activity, in the second it corresponds to phenomena of a social, social nature. At the same time, in principle, only social (objective) interests can be the subject of legal regulation, since only interest, as an objective social phenomenon existing outside and independently of the consciousness of the subject, can be identified, formulated and provided with legal means of its implementation.

Keywords: category «interest», psychological interest, subjective interest, social interest, objective interest

For citation: Sharov D. V. Interest as a general scientific and legal category. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):173–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-173-177>. EDN: NGATCJ.

Этимология слова «интерес» своими корнями уходит во времена Древнего Рима.

Согласно устоявшейся в науке точке зрения, первоосновой данного термина выступило латинское словосочетание «inter esse», означающее «находиться между чем-нибудь», «различаться», «иметь важное значение», которое в дальнейшем преобразовалось в юридический термин «interesse», использовавшийся римскими юристами для наименования платы, начислявшейся в виде процентов за предоставление займа [16, с. 12].

С возрождением римского права в период средневековья (вторая половина XIII в.) термин «interesse» получил свое второе рождение путем его использования создателями системы западноевропейского кано-

нического права для обозначения социально одобряемой платы за предоставление займа в противоположность осуждаемому ростовщичеству [3, с. 240].

Из канонического права слово «interesse» было воспринято немецким языком в значении «польза, выгода», откуда в начале XVIII в. в том же значении пришло в русский язык.

Считается, что впервые термин «интерес» был употреблен Петром I в 1703 г. [22, с. 136]. В петровскую эпоху и до середины XVIII столетия под интересом в России понимали исключительно «корысть», «выгоду», «дело» (в смысле «предприятие»).

Со второй половины XVIII в. усилиями французских просветителей понимание интереса начало обогащаться новым содержанием, что, в свою очередь,

© Шаров Д. В., 2024

сформировало новую область применения термина «интерес». Так, Гельвеций применял слово «интерес» ко всему, что может доставить удовольствие или избавить от страданий [9, с. 183].

По прошествии времени, под влиянием уже французского «*interet*», понятие «интерес», наряду с «пользой» и «выгодой», обогатилось таким значением, как «внимание, проявляемое к кому-либо, чему-либо», «занимательность», «увлекательность», «значимость», «важность» [25, с. 97–98] и обрело, таким образом, в русском языке свое современное значение.

Такая многозначность, в свою очередь, привела к существенным сложностям в определении понятия интереса, поскольку столь качественно различные стороны и аспекты данного понятия с трудом охватываются какой-либо одной общей дефиницией.

Действительно, в современном русском языке термин «интерес» несет большую смысловую нагрузку и употребляется в следующих основных значениях: внимание, любопытство, занимательность, увлекательность; то, что составляет предмет мыслей, забот и желания; важность, значительность; корысть, выгода, польза, прибыль, благо; стремления, нужды, запросы, потребности [5, с. 395].

Учитывая столь серьезный разброс значений, категория интереса находит широкое применение как в повседневной жизни, так и в различных областях знаний, включая философию, психологию, экономику, социологию, политологию, юриспруденцию и др. Причем, как мы увидим ниже, все указанные науки подходят к определению интереса далеко не однозначно.

Это становится очевидным, если проанализировать энциклопедическую литературу перечисленных отраслей знаний, в которой содержится наиболее устоявшееся и общепринятое значение понятий.

В первую очередь, вполне естественно обратиться к философии, призванной по своему духу вырабатывать наиболее общее и целостное видение сложных многогранных явлений. Однако применительно к понятию «интерес» философская наука адекватного ответа не дает.

Так, пятитомная философская энциклопедия ограничивается статьями, посвященными интересу в психологии, как явлению психики человека, и интересу в социологии, рассматриваемому в аспекте общественных и личных интересов [23, с. 292–293]. Статья «интерес социальный» входит в состав философского энциклопедического словаря [24, с. 213].

Как можно видеть, какое-либо общее понятия интереса в философской энциклопедической литературе отсутствуют. Тем не менее, здесь четко прослеживается деление интересов на психологические и социальные.

Интерес в психологии — это всегда некое психологическое переживание.

Во всех культурах признается существование по меньшей мере семи базисных эмоциональных состояний: радость, страх, ярость, удивление, боль, стыд и в их числе интерес как определенное желание, ожидание [18, с. 183].

При этом в большинстве случаев интерес в психологии так или иначе связывается с познавательной деятельностью [4, с. 184].

Познавательная составляющая интереса в психологии отчетливо прослеживается в таких его определениях, как сосредоточенность на определенном предмете мыслей, вызывающая стремление быстрее познаться с ним, глубже в него проникнуть, не упустить его из поля зрения [20, с. 525]; избирательная, целеустремленная направленность человека на приобретение тех или иных знаний, на выполнение той или иной деятельности; форма проявления познавательной потребности [12, с. 124] и др.

Таким образом, суть психологического интереса в его наиболее распространенном понимании состоит в направленности на приобретение знания, информации о предмете, познании нового.

При этом интерес в этой области знания целиком и полностью рассматривается как субъективное явление, представляющее собой продукт человеческого сознания. Именно такое понимание интереса в полной мере соответствует целям и задачам психологии как науки, адекватно отражая ее предмет и метод.

Наибольшее внимание интересу уделяется в экономике. В Большом экономическом словаре интерес определяется «как предмет заинтересованности, желания и побудительных мотивов, действий экономических субъектов» [6].

Под экономическими интересами понимаются объективные побудительные мотивы экономической деятельности, связанные со стремлением людей к удовлетворению возрастающих материальных и духовных потребностей, выступающих главной движущей силой прогресса экономики [13, с. 284].

При этом совершенно определенно можно сказать одно. Экономический взгляд на интерес не совместим

с психологической стороной этого явления и, в отличие от психологического видения проблемы, чужд его оценке как состояния индивидуального сознания. Напротив, четко прослеживается социальная составляющая экономических интересов, а также тесная связь с объективными потребностями их субъектов, которыми признаются человек, коллектив, общество.

В социологии термин «интерес» определяется, прежде всего, как реальная причина деятельности социальных субъектов, направленная на удовлетворение определенных потребностей, лежащая в основе непосредственных побуждений, мотивов, идей и т. п., определяющаяся положением и ролью этих субъектов в системе общественных отношений [19, с. 166].

В качестве субъектов интересов рассматриваются как индивиды, так и социальные общности (классы, нации, профессиональные и демографические группы и др.). Интересы воздействуют на социальное поведение в общности и предопределяют ее вероятные социально значимые действия [10, с. 70].

Взаимосвязь интереса и потребности здесь также выходит на первый план, поскольку большинство социологов считает, что потребности людей составляют главное содержание их интересов [14, с. 2]. При этом, как и в случае с экономическими интересами, в понятии интереса в социологии превалирует его объективная составляющая.

Современная юридическая энциклопедическая литература, как ни досадно это осознавать, вообще обходит своим вниманием категорию интереса, ограничившись рассмотрением таких его частных, как: «страховой интерес» [2], «интерес имущественный» [7; 8], а также «публичный интерес» и «действия в чужом интересе» [26].

Редким исключением является Краткая энциклопедия по общей теории права, в которой приводится понятие «правового интереса» как осознанной личностью необходимости использовать правовые средства для удовлетворения существующих потребностей, т. е. юридически значимых действий [1].

Все это означает лишь то, что общепризнанное понятие интереса в юриспруденции еще только предстоит выработать.

Как можно видеть, представители разных отраслей знаний стремятся вложить в понятие «интерес» содержание, прежде всего, адекватно отражающее предмет и метод своей науки, что, в общем-то, совершенно оправданно.

«Известно, — отмечает В. А. Патюлин, — что различные науки изучают и рассматривают одни и те же явления под различным углом зрения, на различных уровнях, «срезах» [17, с. 81].

Вместе с тем, если абстрагироваться от частных, привносимых каждой научной дисциплиной в понятие интереса, то проведенный анализ позволяет выявить существование в реальной действительности двух схожих, но при этом качественно своеобразных явлений, выраженных одним термином «интерес». Речь идет об интересе психологическом и интересе социальном.

Психологический (субъективный) интерес — интерес индивидуальный, относящийся к области сознания конкретного человека.

Социальный (объективный) интерес — интерес общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе.

Не случайно в русском языке за употреблением термина «интерес» закреплено два значения: 1) внимание, любопытство, занимательность, увлекательность; то, что составляет предмет мыслей, забот и желания; 2) корысть, выгода, польза, прибыль, благо; стремления, нужды, запросы, потребности [5, с. 395].

В первом значении интерес выражает свойство психики человека, продукт деятельности мозга, во втором — соответствует явлениям социального, общественного характера. Иначе говоря, термин «интерес» несет двойственное смысловое значение, выражая два качественно относительно самостоятельных явления, хотя и связанных между собой [11, с. 13].

Как явление субъективного порядка интерес преимущественно рассматривается в психологии, и для данного раздела научного знания такой подход представляется более чем обоснованным, поскольку позволяет адекватно решать стоящие перед ней задачи. Будучи же примененным к иной предметной области, в частности, к праву, субъективное понимание интереса существенно ограничивает свои возможности. Аналогичный вывод можно сделать об объективной трактовке интереса, сферой применения которой является не сознание человека, а социальная жизнь общества. При этом как в субъективном, так и в объективном значении термин «интерес» достаточно продуктивен, т. е. позволяет адекватно решать стоящие перед данными областями знаний задачи. Иными словами, каждый из указанных подходов имеет собственное основание и сферу применения.

Однако это не значит, что субъективные и объективные интересы никак не связаны между собой. Это совсем не так. Несмотря на качественные различия, существенно отличающие их друг от друга, субъективные интересы отдельных людей, относящиеся к сфере психической деятельности, в целом, являются основой для возникновения и развития объективных интересов как явлений уже общественной жизни.

Таким образом, наряду с субъективными (психологическими) интересами конкретных лиц, в реальной действительности существует множество различных объективных (социальных) интересов — экономических, социологических, политических, культурных, идеологических и многих других, каждая из которых, обладают своей, присущей только им, частной спецификой.

При этом, совершенно очевидно, что при всем внешнем разнообразии социальных интересов, при всем их полидисциплинарном видении, все они имеют единую качественную основу. Поэтому, вполне обоснованной является мысль С. Н. Сабикенова об общей природе интереса и общих закономерностях его проявления [21, с. 16]. Следовательно, все социальные интересы сущностно едины и различаются только спецификой областей их применения.

Со своей стороны, право оказывается в эпицентре проблемы интересов в плане их выявления, регулирования и защиты. «Право является своеобразным центром, фокусом, средоточием интересов. Оно выступает одновременно и формой выражения интересов, и формой их осуществления, и средством защиты, охраны», — справедливо отмечает Н. И. Матузов [15, с. 209].

При этом, предметом правового регулирования в принципе могут быть только социальные (объективные) интересы. Интерес как явление субъективного порядка, как свойство психики человека просто не способен войти в правовую сферу. Право не имеет дела с явлениями внутреннего мира человека. Поэтому интерес, принадлежащий исключительно к области сознания конкретного лица, никогда не может стать предметом правового регулирования. В этом смысле для права его просто не существует. Все значение субъективных интересов в праве сводится к их отождествлению с мотивами поведения людей, их различными стремлениями и порывами, т. е. к чисто психологическим феноменам и не более того.

Таким образом, применение именно объективных (социальных) интересов является наиболее пло-

дотворным в сфере права. Поскольку только интерес как объективное социальное явление, существующее вне и независимо от сознания субъекта, можно выделить, сформулировать и обеспечить правовыми средствами его реализации.

Список источников

1. Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Н. Новгород, 2007.
2. Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии»). М., 2010.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
4. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2003.
5. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
6. Большой экономический словарь: 26 500 терминов / под ред. А. Н. Азрилияна. 7-е изд., доп. М., 2008.
7. Большой юридический словарь / Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. и др. М., 2001.
8. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2007.
9. Гельвеций К. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1973.
10. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2014.
11. Князев В. В., Куфтырев А. И., Фетисов А. С. О природе интереса как социологического явления // Вестник Московского университета. Серия VIII. Философия. 1968. № 4. С. 11–20.
12. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985.
13. Краткий экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М., 2002.
14. Лавриненко В. Н. Сочетание общественных и личных интересов как характерный принцип социалистических производственных отношений: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М., 1964.
15. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: теоретические вопросы субъективного права. Саратов, 1972.
16. Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском процессе. М., 2002.
17. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. Правовые аспекты взаимоотношений. М., 1974.

18. Психиатрия: учеб. пособие / под ред. В. П. Самохвалова. Ростов н/Д., 2002.

19. Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. М., 1998.

20. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 2. СПб., 2002.

21. Сабикенов С. Н. Право и социальные интересы в период социализма. Алма-Ата, 1986.

22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М., 1986.

23. Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.

24. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

25. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Вып. 7 / под ред. Н. М. Шанского. М., 1980.

26. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. 6-е изд., доп. и перераб. М., 2012.

References

1. Babaev V. K., Baranov V. M. General theory of law: a short encyclopedia. N. Novgorod, 2007.

2. Barikhin A. B. The Great Legal Encyclopedia (Series «Professional reference books and encyclopedias»). М., 2010.

3. Berman G. J. The Western tradition of law: the epoch of formation. М., 1998

4. Big Psychological Dictionary / edited by B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. St. Petersburg, 2003.

5. Big explanatory Dictionary of the Russian language. St. Petersburg, 2000.

6. Big Economic Dictionary: 26,500 terms / edited by A. N. Azriliyan. 7th ed., supplement М., 2008.

7. Big legal dictionary / Dodonov V. N., Ermakov V. D., Krylova M. A. and others. М., 2001.

8. Big Legal Dictionary / edited by A. Ya. Sukharev. 3rd ed., additional and revised М., 2007.

9. Helvetius K. Essays. In 2 vols. Vol. 1. М., 1973.

10. Giddens E. Organization of society: An essay on the theory of structuration. М., 2014.

11. Knyazev V. V., Kuftyrev A. I., Fetisov A. S. On the nature of interest as a sociological phenomenon // Bulletin of the Moscow University. Series VIII. Philosophy. 1968. No. 4. P. 11–20.

12. Concise psychological dictionary / comp. L. A. Karpenko; edited by A. V. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky. М., 1985.

13. Concise economic dictionary / edited by A. N. Azriliyan. М., 2002.

14. Lavrinenko V. N. The combination of public and personal interests as a characteristic principle of socialist industrial relations: abstract diss. ... candidate of philosophical sciences. М., 1964.

15. Matuzov N. I. Personality. Rights. Democracy: theoretical issues of subjective law. Saratov, 1972.

16. Mikhailov S. V. Category of interest in the Russian civil procedure. М., 2002.

17. Patyulin V. A. The state and personality in the USSR. Legal aspects of relationships. М., 1974.

18. Psychiatry: textbook. the manual / edited by V. P. Samokhvalov. Rostov n/D., 2002.

19. Russian Sociological Encyclopedia / edited by G. V. Osipov. М., 1998.

20. Rubinstein S. L. Fundamentals of general psychology. Vol. 2. St. Petersburg, 2002.

21. Sabikenov S. N. Law and social interests in the period of socialism. Alma-Ata, 1986.

22. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. 2 / translated from german. and an addendum by O. N. Trubachev. 2nd ed., ster. М., 1986.

23. Philosophical encyclopedia. Vol. 2. М., 1962.

24. Philosophical encyclopedic dictionary. М., 1983.

25. Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 2. Issue 7 / edited by N. M. Shansky, М., 1980.

26. Legal Encyclopedia / edited by M. Yu. Tikhomirov. 6th ed., supplement and revision. М., 2012.

Информация об авторе

Д. В. Шаров — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. V. Sharov — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Научная статья

УДК 349.227

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-178-185>

EDN: <https://elibrary.ru/qrbxnq>

НИОН: 2003-0059-5/24-162

MOSURED: 77/27-003-2024-05-361

Увольнение работника как вид дисциплинарного взыскания

Сергей Александрович Шаронов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Sharonov345@mail.ru

Аннотация. Исследуются правомочия работодателя при увольнении работника, которое одновременно представляет собой вид дисциплинарного взыскания. Обосновывается вывод о том, что при реализации своей инициативы работодатель должен опираться на системные аспекты, выработанные в изучаемой сфере. Разработана классификация оснований увольнения и выявлены квалифицирующие признаки каждого основания, которые необходимо учитывать работодателю при исполнении своего права на применение дисциплинарного взыскания к работнику в виде увольнения.

Ключевые слова: работник, работодатель, увольнение, вид дисциплинарного взыскания, инициатива работодателя, основания увольнения, квалифицирующие признаки

Для цитирования: Шаронов С. А. Увольнение работника как вид дисциплинарного взыскания // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 178–185. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-178-185>. EDN: QRBXNQ.

Original article

Dismissal of an employee as a type of disciplinary action

Sergey A. Sharonov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

Sharonov345@mail.ru

Abstract. The legal powers of the employer when dismissing an employee, which at the same time represents a type of disciplinary punishment, are investigated. The conclusion is substantiated that in the implementation of its initiative the employer should rely on the systemic aspects developed in the field under study. The classification of grounds for dismissal is developed and the qualifying features of each ground are identified, which should be taken into account by the employer when exercising its right to impose a disciplinary sanction on the employee in the form of dismissal.

Keywords: employee, employer, dismissal, type of disciplinary action, employer's initiative, grounds for dismissal, qualifying signs

For citation: Sharonov S. A. Dismissal of an employee as a type of disciplinary action. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):178–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-178-185>. EDN: QRBXNQ.

Актуальность темы публикации обусловлена тем, что, несмотря на низкий уровень безработицы (2,7%) [8], многие работодатели злоупотребляют своим доминирующим положением на рынке труда и зачастую необоснованно применяют свою «хозяйскую власть» [2, с. 89–99] при реализации инициативы на прекращение трудового договора с работником. Наиболее болезненными для работника являются те основания увольнения, которые одновременно представляют собой и вид дисциплинарного взыскания. Применение этого взыскания зачастую носит, преимущественно, субъективный характер, обусловленный более высоким «иерархическим» положением работодателя как субъекта трудовых отношений и стороны трудового договора [7].

Таким образом, **цель** настоящей публикации заключается в том, чтобы дать комплексную оценку реализации права работодателя на увольнение работника как применение вида дисциплинарного

взыскания. Достижение поставленной цели становится возможным на основании решений научных **задач** по выявлению системных аспектов увольнения, разработке классификации различных оснований увольнения и определению их квалифицирующих признаков.

В качестве **методологической основы** проводимого исследования следует обратить внимание на три обстоятельства. Во-первых, в трудовом праве существует презумпция, согласно которой прекращение трудового договора возможно только в случаях, предусмотренных Трудовым кодексом РФ (далее — ТК) или федеральными законами (далее — ФЗ). При этом инициатива работодателя или его «хозяйская власть» вполне обоснованно ограничена государством [2, с. 89–90]. Во-вторых, термины «увольнение», «прекращение», «расторжение», используемые в связи с термином «трудовой договор» в юридическом значении, являются тождественными (например, в

© Шаронов С. А., 2024

ч. 3 ст. 81 ТК применяется термин «увольнение», ст. 78 называется «Расторжение трудового договора по соглашению сторон», а ст. 79 — «Прекращение срочного трудового договора»). Их использование обусловлено антонимическими отношениями слов: «прием на работу — увольнение с работы», «заключение договора — расторжение договора», «возникновение трудовых отношений — прекращение трудовых отношений» и т. п. В-третьих, в статье будут рассмотрены только те основания увольнения, которые предусмотрены ч. 3 ст. 192 ТК в частности: п. 5, 6, 7, 7.1, 8, 9, 10 ч. 1 ст. 81, п. 1 ст. 336 и ст. 348.11. При этом другие основания увольнения, применяемые для отдельных категорий работников (транспорта, атомной энергетики и др.) и предусмотренные иными ФЗ, рассматриваться не будут. Кроме того, нумерация пунктов, частей и статей ТК в тексте настоящей публикации будет представлена в том порядке, в каком это сделано в самом кодифицированном акте.

Рассмотрим подробнее решения поставленных задач.

В качестве решения **первой задачи** следует дать толкование термину «системный аспект», представляющему собой синтез слов «система» и «аспект». В толковом словаре под системой понимается «нечто целое, представляющее собой единство закономерных расположенных и находящихся во взаимной связи частей» [5, с. 717]. В свою очередь, слово «аспект» означает «точка зрения, взгляд на что-нибудь» [5, с. 34]. Таким образом, в изучаемой сфере «системный аспект — это точка зрения, взгляд на совокупность взаимосвязанных правовых, социальных, экономических и иных элементов, обусловленных увольнением работника как способа применения дисциплинарного взыскания».

Конституционный аспект. Реализация конституционных положений о свободе труда посредством выбора рода деятельности и профессии становится все более актуальной (ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации — далее Конституция). Это обусловлено тем, что официально зарегистрированное низкое количество безработных вовсе не означает, что граждане удовлетворены своей работой и не заинтересованы в поиске работы, приносящей не только заработок (доход), но и являющейся для них подходящей, т. е. отвечающей их способностям и потребностям. При этом названное конституционное право может быть реализовано как в форме занятия предпринимательством, так и в форме прохождения

государственной (муниципальной) службы, а также посредством вступления в трудовые отношения с работодателем [3, с. 220]. Следует отметить, что реализация гражданами своего права на труд в качестве работников базируется на конституционных положениях (ст. 7, 37) и гарантируется основным законом государства. Например, согласно ч. 5 ст. 37 Конституции предоставление гарантий в части продолжительности рабочего времени и времени отдыха становится возможным только для тех лиц, которые заключили трудовой договор, т. е. вступили в трудовые отношения с работодателем.

Социально-экономический аспект. Трудовые отношения, содержание которых гарантировано государством через соответствующие положения Конституции и ТК, могут быть прекращены независимо от воли работника — по инициативе работодателя. Такая ситуация становится для работника наиболее болезненной, поскольку влечет за собой не только прекращение реализации его права на труд в изучаемой сфере, но и исключает или минимизирует предоставление ему и членам его семьи определенных видов социального обеспечения (выплаты заработной платы, оплаты периодов временной нетрудоспособности, учета страхового стажа и др.).

В контексте рассматриваемого аспекта следует обратить внимание и на тот факт, что законодатель отдает предпочтение изучаемой инициативе работодателя даже в отношении работников — членов семьи (супруги или супруга) погибшего или умершего ветерана боевых действий. Так 6 апреля 2024 г. в ст. 264.1 ТК были внесены изменения, согласно которым работодатель не имеет права реализовать свою инициативу по увольнению в отношении названных работников (не вступивших в повторный брак) в течение одного года с момента гибели (смерти) указанной категории ветеранов. Однако такая инициатива работодателя может быть реализована при увольнении указанных работников по тем основаниям, которые предусмотрены п. 5–8, 10 ч. 1 ст. 81 ТК, т. е. когда увольнение одновременно является и видом дисциплинарного взыскания.

Необоснованное увольнение работников, особенно тех, кто имеет высокую производительность труда и квалификацию, безусловно, затронет и экономическую часть деятельности работодателя, поскольку может отразиться на качестве производимых им вещей (иного имущества), результатах работ или оказания услуг, т. е. затронет и экономическую сферу.

Технологический аспект. Реализуя свою инициативу по увольнению работника посредством применения к нему дисциплинарного взыскания, работодатель обязан учитывать характер проступка (его тяжесть) и обстоятельства совершения. Однако, зачастую эти факторы носят оценочный характер в силу их недостаточной упорядоченности нормам ТК и иными ФЗ. Например, неопределенным по своей сути, но главенствующим при наложении или, напротив, не применении дисциплинарного взыскания является термин «уважительные причины» [1, с. 31–34] (ст. 81, 121, 207 ТК и др.). Не раскрывается в ТК и термин «вина» [4], от которого, по сути, зависит квалификация работодателем того иного действия работника в качестве дисциплинарного проступка (ст. 76, 192 ТК и др.).

Морально-дисциплинарный аспект. Согласно ст. 65 ТК сведения о взысканиях в трудовую книжку работника не вносятся. Однако это правило не распространяется на те случаи, когда таковым взысканием является увольнение. Следовательно, внесенная запись может выступать и в качестве морально-дисциплинарного критерия, характеризующего трудовую биографию работника, в том числе наличие (отсутствие) у него соответствующих деловых качеств. Этот критерий может существенно повлиять на дальнейшее трудоустройство работника и его социальную защищенность (например, при регистрации в качестве безработного). Так, в советский период увольнение работника по инициативе работодателя предусматривалось по ст. 33 КЗоТ РСФСР [9]. При этом в качестве предупреждения дисциплинарных проступков и меры морального воздействия работодателю зачастую достаточно было употребить фразу «уволю по 33-й...» для того, чтобы работник понимал моральную сущность таких последствий и не допускал нарушений своих трудовых обязанностей.

Процедурный аспект. Поскольку увольнение работника одновременно является и дисциплинарным взысканием, то работодатель обязан соблюсти установленные ТК процедуры в части наложения такого взыскания. Составными элементами этой процедуры являются: 1) аргументация основания признания действий работника как неисполнение (ненадлежащее исполнение) работником по своей вине трудовых обязанностей, т. е. совершения им дисциплинарного проступка; 2) учет тяжести и обстоятельств дисциплинарного проступка; 3) сбор доказательств совершения проступка, в том числе наличие письменного объяснения работника, а в случае отказа дать такое

объяснение — составление соответствующего акта; 4) учет сроков, в течение которых реализуется право работодателя на применение дисциплинарного взыскания (от одного месяца до трех лет — в зависимости от оснований, предусмотренных ст. 193 ТК и иными ФЗ); 5) ограничение в количестве наложения взысканий за каждый дисциплинарный проступок — только одно взыскание; 6) не допустимость применения взысканий, не предусмотренных уставами и положениями о дисциплине, закрепленными соответствующими ФЗ; 7) подписание приказа (распоряжения) о применении взыскания с обязательным доведением названного акта до работника под роспись не позднее трех рабочих дней со дня его издания; 8) возможность применения работником способов защиты своих трудовых прав посредством обращения в органы, обладающие полномочиями по рассмотрению индивидуальных трудовых споров и (или) полномочиями в области осуществления соответствующего контроля (надзора).

Научный аспект. Решение поставленных в настоящей публикации задач может быть востребовано и при проведении научных исследований. Так, Приказом Минобрнауки [10] утверждена номенклатура научных специальностей, в том числе и специальность 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки». Согласно п. 13 Паспорта специальности, частноправовые аспекты, связанные с правовым регулированием социально-трудовых отношений, в том числе и с их прекращением, относятся к указанной специальности.

Ограничительный аспект. В контексте оснований увольнения работника, предусмотренных п. 5–10 ч. 1 ст. 81 ТК существуют определенные ограничения. Например, не допускается увольнение по этим основаниям в период временной нетрудоспособности работника, а также в период его пребывания в отпуске. Увольнение работников — членов профсоюза (п. 5 ч. 1 ст. 81) будет законным лишь в том случае, если работодатель учтет мотивированное мнение соответствующей профсоюзной организации в порядке, установленном ст. 373 ТК.

В контексте решения второй научной задачи публикации следует обратить внимание на особенности метода правового регулирования трудовых отношений — «сочетание единства и дифференциации». С учетом названного приема базовым основанием классификации будет выступать основание, определяемое как «единые и дифференцированные (дополнительные) случаи к увольнению работника как виду

дисциплинарного взыскания». В первом случае основания увольнения могут быть применены (едины) ко всем работникам, во втором, наряду с едиными основаниями — только к отдельным категориям (например, работникам, непосредственно обслуживающим денежные и иные ценности, работникам, выполняющим воспитательные функции, руководителям, педагогическим работникам, работникам — спортсменам). В свою очередь, базовое основание классификации может быть детализировано по отношению к: 1) количеству проступков — неоднократные и однократные нарушения дисциплины труда; 2) характеру проступка — негрубые и грубые проступки.

В качестве решения **третьей задачи** необходимо выявить классифицирующие признаки вышеуказанных элементов классификации и дать им краткую правовую характеристику.

Единые основания (негрубые и грубые, неоднократные и однократные) предусмотренные п. 5 и 6 ч. 1 ст. 81 ТК.

Пункт 5 ч. 1 ст. 81 ТК допускает увольнение работника за неоднократное неисполнения им без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание. Рассматриваемое основание следует отличать от основания, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК («Несоответствие занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации»). Несмотря на то, что в обоих случаях работник не исполняет свои трудовые обязанности (или исполняет их ненадлежащим образом) несоответствие все же обусловлено отсутствием необходимых знаний, навыков и умений (т. е. квалификацией работника), в то время как применение п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК связано с нарушением трудовой дисциплины. Квалифицирующими признаками этого основания увольнения являются: 1) неоднократное неисполнение работником своей трудовой функции; 2) отсутствие уважительных причин; 3) наличие неснятого или непогашенного дисциплинарного взыскания [11, ст. 33], например, в виде «замечание» или «выговор». Следует подчеркнуть, что увольнение по рассматриваемому основанию возможно только в том случае, если работник не исполнял трудовые обязанности именно без уважительных причин. Так, не может быть основанием увольнения (дисциплинарного взыскания) участие в законной забастовке или прекращение работником работы вследствие задержки выплаты заработной платы более чем на 15 дней (ст. 142 ТК).

Пункт 6 ч. 1 ст. 81 ТК, напротив, характеризуется одновременным наличием грубого и однократного

неисполнения работником его трудовых обязанностей. Эти нарушения указаны в названном пункте кодекса под соответствующими буквами, а их общее количество составляет пять. Под такими же буквенными обозначениями и будут установлены квалифицирующие признаки и дана краткая характеристика этим основаниям:

а) *прогул*, т. е. отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также в случае отсутствия на этом же месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены). Квалифицирующими признаками прогула являются: 1) отсутствие на рабочем месте (не на работе — *прим. авт.*) в течение определенного периода времени; 2) отсутствие уважительных причин. Прогулом считается также самовольный уход работника в отпуск или самовольное использование дополнительных дней отдыха. Из практики трудовых отношений автору настоящей статьи известны случаи, когда работодатель применял указанное основание, но при этом не учитывал наличие уважительных причин. Например, работник (женщина) отсутствовала на рабочем месте в течение рабочего дня по причине госпитализации своего малолетнего ребенка и в силу серьезности его заболевания не могла сообщить об этом работодателю. В этом случае отсутствовал такой квалифицирующий признак прогула, как «без уважительных причин», а значит, названное основание увольнения являлось незаконным;

б) *появление на работе в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного)* независимо от того, отстранялся ли фактически работник от работы (согласно ст. 76 ТК работодатель обязан это сделать — *прим. авт.*). Квалифицирующими признаками этого основания являются: 1) установленный факт состояния опьянения; 2) место совершения проступка — работа, которая включает в себя рабочее место работника, территорию организации-работодателя или иного объекта, на котором работник должен исполнять свои трудовые обязанности. Доказательством нахождения работника в состоянии соответствующего опьянения может служить как медицинское заключение, так и иные факты, например свидетельские показания. При этом обязанность доказывания возлагается на работодателя. Следует отметить, что наиболее эффективным средством доказывания является медицинское заключение, выданное уполномоченными медицинскими организация-

ми [12]. Порядок доставки работника для такого освидетельствования в медицинскую организацию ТК не установлен. Как показывает практика, этот порядок целесообразно установить локальными нормативными актами работодателя;

в) *разглашение охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей известной работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей или персональных данных другого работника*. Увольнение по этому основанию возможно только если обязанность не разглашать определенную тайну прямо предусмотрена трудовым договором с работником, а работодатель принимает меры к охране тайны [6]. Квалифицирующими признаками основания являются: 1) наличие у работодателя режимов соответствующего вида тайны и хранения персональных данных работников; 2) обязанность работника на разглашать тайну, оформленная в качестве дополнительных условий трудового договора; 3) получение работником соответствующих сведений (персональных данных работников) не из открытых источников, а именно в связи с исполнением трудовых обязанностей в нарушение установленного режима хранения соответствующих сведений;

г) *совершение по месту работы хищения (в том числе мелкого) чужого имущества, растраты, умышленного его уничтожения или повреждения, подтвержденных в установленном законом порядке*. Квалифицирующими признаками этого основания являются: 1) факт хищения чужого имущества (имущества работодателя, других работников, третьих лиц); 2) наличие соответствующего юридического акта — приговора суда, вступившего в законную силу или постановления уполномоченного на применение административных взысканий органа (например, в случае совершения мелкого хищения). Исходя из практики трудовых отношений автору настоящей статьи известны случаи, когда работодатель применял увольнение по названному основанию в течение рабочего дня работника при этом, не дожидаясь получения соответствующего юридического акта. В дальнейшем такие решения работодателя отменялись судом, а работник подлежал восстановлению на работе;

д) *нарушение работником требований по охране труда*. Квалифицирующими признаками этого основания являются: 1) наличие тяжких последствий, наступивших в результате рассматриваемого нарушения (например, несчастный случай на производстве, авария, катастрофа и т. п.); 2) возможность заведомого создания реальной угрозы наступления указан-

ных последствий; 3) подтверждение факта нарушения комиссией по охране труда или уполномоченным по охране труда. Обязанности работника соблюдать требования охраны труда закреплены в ст. 215 ТК. Увольнение за нарушение этого требования может применяться только тогда, когда имеется документальное подтверждение допущенного работником нарушения и наличия тяжких последствий или угрозы их наступления (например, акт о несчастном случае на производстве и др.).

Дифференцированные (дополнительные) основания (негрубые и грубые, неоднократные и однократные) применяются в отношении отдельных категорий работников и предусмотрены п. 7, 7.1, 8, 9, 10 ч. 1 ст. 81 ТК, п. 1 ст. 336 ТК и ст. 448.1 ТК.

Пункт 7 ч. 1 ст. 81 ТК квалифицируется двумя признаками: 1) наличием у работника трудовой функции, обусловленной непосредственным обслуживанием денежных или иных товарно-материальных ценностей; 2) совершением работником таких действий в отношении этих ценностей, которые дают основание для утраты к нему доверия со стороны работодателя. Например, согласно решению суда, было установлено, что продавец-кассир (работник — прим. авт.) самовольно забрала из кассы 4 тыс. руб., в результате чего образовалась недостача, о которой менеджер сообщил докладной запиской на имя работодателя. С учетом изложенного, работник был уволен в связи с совершением указанных виновных действий, послуживших основанием для утраты к нему доверия со стороны работодателя [13].

Пункт 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК применяется только в отношении тех работников, которые, в соответствии с ТК, нормативными правовыми актами РФ, должны представлять работодателю соответствующие сведения (например, работники Пенсионного фонда РФ, Фонда медицинского страхования РФ и др.). Квалифицирующими признаками этого основания являются: 1) непринятие работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является; 2) непредставление или представление неполных или недостоверных соответствующего рода сведений о себе и об отдельных членах своей семьи, например, о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, владении (пользовании) иностранными финансовыми инструментами работником и т. п.; 3) совершение перечисленных действий дает основание для утраты доверия к нему со стороны работодателя. Особенности оформления увольнения по

рассматриваемому основанию заключаются в том, что соответствующие сведения вносятся работодателем в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, предусмотренный ФЗ [16, ст. 15].

Пункт 8 ч. 1 ст. 81 ТК как основание для увольнения и вид дисциплинарного взыскания квалифицируется следующими признаками: 1) наличием у работника воспитательных функций (например, учитель, воспитатель детского сада, мастер производственного обучения и т. п.); 2) совершением работником аморального проступка, не совместимого с продолжением данной работы; 3) совершением работником соответствующих виновных действий по месту работы либо в связи с исполнением им своей трудовой функции в другом месте (ч. 3 ст. 192 ТК).

Пункт 9 ч. 1 ст. 81 ТК допускает увольнение только определенной категории работников и квалифицируется следующими признаками: 1) наличием у работников правового положения руководителей организаций (филиалов, представительств), их заместителей и главных бухгалтеров (далее — руководители); 2) принятием названными лицами необоснованного решения, причинившего ущерб имуществу организации; 3) наличием у работодателя правового положения юридического лица (организации). Указанные работники обладают достаточно широкими полномочиями в области распоряжения имуществом организации, что и предопределяет их повышенную ответственность. Вместе с тем, судебная практика исходит из того, что, давая оценку «необоснованности решения», работодателю необходимо оценить наступление неблагоприятных последствий именно как следствие принятых руководителем решений, а также возможность принятия иных решений, при наличии которых эти последствия не наступили бы [11, ст. 48].

Пункт 10 ч. 1 ст. 81 ТК касается только руководителей организаций (филиалов, представительств) и их заместителей, а его квалифицирующими признаками являются наличие: 1) однократного грубого нарушения руководителем своих трудовых обязанностей; 2) обязанности работодателя, заключающейся в сборе и аргументации доказательств факта совершения руководителем грубого нарушения. Поскольку ТК не дает перечень этих нарушений, то очевидно, что в этом случае необходимо руководствоваться материалами судебной практики. Так, «грубость» допущенного нарушения может определяться судом на основании изучения конкретных обстоятельств дела (например, неисполнение руководителем условий

трудового договора, повлекшее за собой угрозу жизни и здоровью работников, наступление вреда имуществу организации и т. п.) [11, ст. 49].

Пункт 1 ст. 336 ТК содержит основания расторжения трудового договора с работниками, допущенными к осуществлению педагогической деятельности. Это основание квалифицируется: 1) субъектным составом — педагогические работники, руководители (заместители) государственных или муниципальных образовательных организаций высшего образования, в том числе и руководители филиалов; 2) совершением названными работниками в течение одного года грубого нарушения устава образовательной организации, в которой они исполняют свои трудовые функции.

Статья 348.11 ТК предусматривает дополнительные основания увольнения работника в качестве вида дисциплинарного взыскания и квалифицируется следующими признаками: 1) наличием у лица правового положения «работник-спортсмен»; 2) совершением этим работником действий, которые привели его к спортивной дисквалификации на срок шесть и более месяцев, а также действий (в том числе и однократных), обусловленных нарушением антидопинговых правил общероссийского и (или) международного характера; 3) признанием совершенного нарушения в качестве решения соответствующей антидопинговой организации.

Поскольку настоящая статья опубликована на страницах журнала, непосредственно связанного с МВД России, то закономерным, является вопрос — применяются ли рассмотренные основания увольнения в деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД)? Ответ на этот вопрос имеет неоднозначный характер, поскольку может быть дан как в утвердительной, так и в отрицательной форме. Например, утвердительная аргументация ответа обусловлена актом Президента РФ, устанавливающим «штатную численность» МВД России [15]. Согласно названному источнику, по субъектному составу на 2025 г. в деятельности ОВД непосредственно должны принимать участие: 1) работники (134 529 единиц); 2) федеральные государственные служащие (18 037 единиц); 3) сотрудники ОВД (786 299 единиц). Таким образом, в правовом регулировании труда (п. 1) названных работников (т. е. в 14,32 % случаев от общей штатной численности) рассмотренные в настоящей статье положения ТК применяются в полном объеме. Что касается других категорий лиц (п. 2 и 3), то их деятельность регулируется законодательством о госу-

дарственной гражданской службе [17] и законодательством о службе в ОВД [18]. Однако изучение названных видов законодательств является перспективной темой для дальнейших научных исследований.

Подводя итоги, можно сделать следующие **выводы**.

1. Увольнение работника как вид дисциплинарного взыскания является правом, а не обязанностью работодателя, реализация которого надлежащим образом может быть достигнута только в случаях, предусмотренных ТК и ФЗ.

2. При исполнении изучаемого права работодатель должен учитывать системные аспекты, обусловленные применением соответствующих оснований увольнения работника. В противном случае увольнение становится не обоснованным и противоречащим действующим правовым нормам, а работник лишается возможности реализации своего конституционного права на труд.

3. При принятии решения об увольнении работника работодателю следует учитывать квалифицирующие признаки соответствующих оснований увольнения, а также особенности метода правового регулирования трудовых отношений «сочетание единства и дифференциации».

Список источников

1. Заржицкая Л. С. «Уважительные причины»: трактовка понятия в трудовом праве // Мировой судья. 2019. № 9. С. 31–34.
2. Куренной А. М. Трудовая дисциплина и пределы хозяйской власти работодателя // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 89–100.
3. Куренной А. М. Конституция и регулирование отношений в сфере труда: теоретические и практические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 6. С. 219–232.
4. Лушникова М. В. Правотворческая трудовая правовая техника: зоны правовой неопределенности в институте вины в трудовом праве // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2022. № 16. С. 16–29.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1989.
6. Чиканова Л. А. Прекращение работнику допуска к государственной тайне как основание расторжения с ним трудового договора // Хозяйство и право. 2020. № 6. С. 37–47.
7. Шаронов С. А., Рыженков А. Я. Теоретические проблемы соотношения предмета, функций и метода трудового права // Современное право. 2023. № 3. С. 19–24.
8. Росстат. Социально-экономическое положение России: январь–март 2024 г. // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2024.pdf/>
9. Кодекс законов о труде Российской Федерации (утв. ВС РСФСР 9 декабря 1971 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24 ноября 2015 г.) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Решение Железнодорожного районного суда г. Воронежа № 2-805/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 2-1732/2022~М-1296/2022 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MZlp76I12bb1/>
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24 ноября 2015 г.) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2022 г. № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Гарант».
16. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Zarzhitskaya L. S. «Valid reasons»: interpretation of the concept in labor law // Justice of the Peace. 2019. No. 9. P. 31–34.
2. Kurennoy A. M. Labor discipline and the limits of the employer's economic power // Yearbook of Labor Law. 2021. No. 11. P. 89–100.
3. Kurennoy A. M. Constitution and regulation of labor relations: theoretical and practical aspects // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law. 2023. No. 6. P. 219–232.
4. Lushnikova M. V. Law-making labor law technique: zones of legal uncertainty in the institute of guilt in labor law // Bulletin of Labor Law and Social Security Law. 2022. No. 16. P. 16–29.
5. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language: 70 000 words / edited by N. Yu. Shvedova. M. : Rus. yaz., 1989.
6. Chikanova L. A. Termination of an employee's access to state secrets as a basis for termination of an employment contract with him // Economy and law. 2020. No. 6. P. 37–47.
7. Sharonov S. A., Ryzhenkov A. Ya. Theoretical problems of correlation of the subject, functions and method of labor law // Modern law. 2023. No. 3. P. 19–24.
8. Rosstat. Socio-economic situation of Russia: January–March 2024 // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2024.pdf>
9. The Labor Code of the Russian Federation (approved by the Supreme Council of the RSFSR on December 9, 1971) // LRS «ConsultantPlus».
10. Order No. 118 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated February 24, 2021 «On Approval of the Nomenclature of Scientific Specialties for which Academic Degrees are Awarded

and Amendments to the Regulations on the Council for the Defense of Dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, for the Degree of Doctor of Sciences, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated November 10 2017 No. 1093» // LRS «ConsultantPlus».

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2004 No. 2 (as amended on November 24, 2015) «On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

12. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated December 18, 2015 No. 933n «On the procedure for conducting a medical examination for intoxication (alcoholic, narcotic or other toxic)» // LRS «ConsultantPlus».

13. Decision of the Zheleznodorozhny District Court of Voronezh No. 2-805/2024 dated February 28, 2024 in case No. 2-1732/2022~M-1296/2022) // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MZlp76I12bb1/>

14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2004 No. 2 (as amended on November 24, 2015) «On the Application of the Labor Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

15. Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2022 No. 878 «On the establishment of the maximum staffing of bodies Internal Affairs of the Russian Federation» // LRS «Garant».

16. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 «On Combating Corruption» // LRS «ConsultantPlus».

17. Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004 «On the State Civil Service of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

18. Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS ConsultantPlus.

Информация об авторе

С. А. Шаронов — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Information about the author

S. A. Sharonov — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.
The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Научная статья

УДК 33.011

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-186-193>

EDN: <https://elibrary.ru/qefuex>

NIJON: 2003-0059-5/24-163

MOSURED: 77/27-003-2024-05-362

Феномен «теневая экономика»: современное состояние понятийно-категориального аппарата

Евгения Владимировна Батурина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ibm600x@mail.ru

Аннотация. Представлен хронологический обзор научной эволюции понятия «теневая экономика» XXI в., начиная с момента публичного издания Энциклопедии статистических терминов Росстата РФ. Путем анализа научной литературы, посвященной проблеме терминологии понятия «теневая экономика», изучены наиболее значимые труды ученых, как экономистов, так и юристов в их междисциплинарных исследованиях, чьи научные положения могут считаться актуальными в существующих реалиях. Внимание уделено 2012–2016 гг. и далее по настоящее время как наиболее показательным моментам научной эволюции из-за несостоятельности предложенной Росстатом РФ терминологии. Актуальность темы обосновывается современным состоянием разрозненного научно-методического материала по изучению теневой экономики и необходимостью развития методологии (методик, методов и приемов) мониторинга теневого денежного потока в контексте деятельности надзорных, контролирующих и правоохранительных органов, а также потребностью в формулировке и обосновании управленческих решений по совершенствованию информационного обеспечения деятельности профильных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции ОВД РФ. Результаты исследования наглядно показывают существующую «путаницу» в понимании рассматриваемого феномена «теневая экономика». В заключении систематизированы рассмотренные теоретико-методологические положения и выделены три научные тенденции, раскрывающие специфику развития научной мысли сегодня: дуализм; дихотомия; трансверсальность.

Ключевые слова: теневого денежный поток, институт, концепция, мониторинг, экономическая безопасность

Для цитирования: Батурина Е. В. Феномен «теневая экономика»: современное состояние понятийно-категориального аппарата // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 186–193. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-186-193>. EDN: QEFUEX.

Original article

The phenomenon of the «shadow economy»: the current state of the conceptual and categorical apparatus

Evgenia V. Baturina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ibm600x@mail.ru

Abstract. A chronological review of the scientific evolution of the concept of «shadow economy» of the XXI century is presented, starting from the moment of the public publication of the Encyclopedia of Statistical Terms of Rosstat of the Russian Federation. By analyzing the scientific literature devoted to the problem of terminology of the concept of «shadow economy», the most significant works of scientists, both economists and lawyers in their interdisciplinary research, whose scientific positions can be considered relevant in the existing realities, are studied. Attention is paid to 2012–2016 and further to the present, as the most significant moments of scientific evolution due to the inconsistency of the terminology proposed by Rosstat of the Russian Federation. The relevance of the topic is justified by the current state of disparate scientific and methodological material on the study of the shadow economy and the need to develop a methodology (techniques, methods and techniques) for monitoring shadow cash flow in the context of the activities of supervisory, supervisory and law enforcement agencies, as well as the need to formulate and justify management decisions to improve information support for the activities of specialized departments of economic security and anti-corruption Department of Internal Affairs of the Russian Federation. The results of the study clearly show the existing «confusion» in understanding the phenomenon of the «shadow economy» under consideration. In conclusion, the theoretical and methodological provisions considered are systematized and three scientific trends are identified that reveal the specifics of the development of scientific thought today: dualism; dichotomy; transversality.

Keywords: shadow cash flow, institution, concept, monitoring, economic security

For citation: Baturina E. V. The phenomenon of the «shadow economy»: the current state of the conceptual and categorical apparatus. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):186–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-186-193>. EDN: QEFUEX.

Введение

Исследование феномена «теневая экономика» представляет как теоретический, так и практический интерес. При этом, с точки зрения формирования и развития единой концепции мониторинга теневой

экономики в России, на передний план выходит именно совершенствование теоретико-методологических экономических расчетных подходов. Здесь имеется в виду, что важно не только охарактеризовать то или иное явление или процесс, а еще и полу-

© Батурина Е. В., 2024

чить параметры его оценки, которые в перспективе и должны стать критериями эффективности государственной политики по противодействию теневым экономическим явлениям.

В связи с тем, что в настоящий момент наблюдается некая разнонаправленность в проводимых прикладных исследованиях, связанное с до сих пор не разрешенной задачей унификации понятийно-категориального аппарата рассматриваемой проблематики, анализ хронологической эволюции термина «теневая экономика» не теряет своей актуальности. В свою очередь, изучение научных подходов следует проводить путем обзора наиболее значимых современных событий, т. е. XXI в., акцентируя внимание на положительной и отрицательной стороне происходящих изменений. И здесь важно не представление как такового хронологического обзора эволюции, так как еще в 1990-х гг. XX в. в научном сообществе предпринимались попытка трактовать изучаемое явление, а именно поэтапное представление различных определений понятия «теневая экономика», которые расширяют перечень идентификационных расчетных характеристик (количественных и качественных параметров/коэффициентов) экономических явлений с целью их отнесения к «теневым».

Сегодня вопросы изучения теневой экономики понятийно-категориального и методического характера претерпевают изменения, которые позволяют иначе взглянуть на задачи мониторинга параметров российской экономики, характеризующих ее теневую составляющую. Стратегическое значение для выработки эффективной государственной политики России приобретают не макроэкономические статистические обобщенные показатели, а система показателей и коэффициентов, структуры и схемы криминализации экономических отношений, позволяющие детально изучить факторы, определяющие извлекаемую нелегальную экономическую выгоду по различным классификационным признакам. Акцент внимания смещается в сторону изучения не только последствий от проявления теневой экономики, но и предпосылок формирования источников теневого обогащения. Формы нелегального присвоения денежных активов изучаются как в ретроспективе, так и на этапе предварительного контроля банковских операций, что, в свою очередь, изменяет направленность научного интереса на разработку эффективной концепции мониторинга интересующих фактов. Параллельно федеральными органами исполнительной власти (Росфинмониторинг, правоохранительные ор-

ганы РФ) осваиваются возможности автоматизированного отслеживания денежных потоков как с целью их блокирования, так и для идентификации плательщиков и получателей денежных средств по сомнительным операциям. В итоге формируется значительный теоретико-практический материал по изучению теневой экономики, который требует, помимо накопления, также систематизации и расширенного анализа, с возможностью неоднократного использования информационных баз по запросам заинтересованных пользователей. С целью формирования предлагаемого информационного контента выработана концепция создания института исследования теневого денежного потока. Одним из научных направлений данного института является теоретико-методологический блок «Параметризация теневой экономики», в котором подразумевается представление достоверных и надлежащим образом подготовленных аналитических данных о статическом и динамическом состоянии изучаемого объекта. Актуальность разработки информационно-аналитической системы мониторинга теневых денежных потоков, адаптированной к специфике правоохранительной деятельности, обусловлена необходимостью создания системы оценивания эффективности государственной политики не только в сфере внутренних дел, но и во взаимодействии с другими государственными органами, непосредственно связанными с выявлением, раскрытием и расследованием уголовно наказуемых преступлений (экономической, коррупционной, террористической и прочей направленности). Полученный таким образом научно обоснованный информационный ресурс может быть положен в основу подготовки информационно-аналитической базы данных для оценки эффективности реализуемых краткосрочных, среднесрочных и стратегических мероприятий и межведомственных административных процедур, призванных обеспечить снижение уровня криминализации экономики и воздействия на нее факторов криминогенной среды.

Теневая экономика: понятие, состав, параметризация

В настоящее время научное пространство вокруг проблемы изучения теневой экономики представлено несколькими теоретико-методологическими подходами: правовой, учетно-статистический, институциональный, или их производными. Указанные научные подходы эволюционировали постепенно, сменяя последовательно друг друга, в том числе за счет эффекта

синергии в результате межпредметного объединения. Если говорить о ретроспективе, то эволюция научной мысли XXI в. наиболее интересна с момента публичного издания Энциклопедии статистических терминов Росстата РФ [16]. Так, начиная с 2011 г., путем критики предложенной терминологии (условно «нулевой» терминологии), учеными предлагались решения, которые, по их мнению, должны были иначе трактовать понятие «теневая экономика» с целью наиболее достоверной ее оценки как социально-опасного явления, а впоследствии — как угрозы экономической безопасности России.

Условно «нулевая» терминология (2011 г.) позволила охарактеризовать теневую экономику в общепризнанной на тот момент единой трактовке следующим образом: *теневая экономика включает в себя криминальную и ненаблюдаемую (подпольную и неформальную) составляющие, основным параметром оценки которых является стоимость товаров, работ, услуг, определяемая через величину дохода, установленного косвенными методами статистического наблюдения, а в отдельных случаях по методу начисления или кассовым методом.*

Путем анализа научной литературы, посвященной проблеме терминологии понятия «теневая экономика», изучены наиболее значимые труды ученых, как экономистов, так и юристов в их межпредметных исследованиях, чьи научные положения могут считаться актуальными в существующих реалиях. При этом важно отметить, что проблема отсутствия единства понятийно-категориального аппарата не разрешена по настоящее время. В этой связи продолжает существовать группа ученых, которые занимаются развитием научной мысли в этом направлении, в том числе в рамках написания диссертационных исследований. Но говорить о том, что теневая экономика изучена как явление в достаточном объеме — очень преждевременно. В отдельных исследованиях встречаются научные разработки, касающиеся ухода от понимания теневой экономики как чего-то, что можно количественно рассчитать. Акцент все больше смещается на пересмотр параметров оценки теневой экономики в область расчетов иных экономических макропоказателей и коэффициентов (идентификаторов и мультипликаторов).

С целью решения исследовательской задачи в виде определения базовых понятий, состава и параметризации теневой экономики в современной научной трактовке проведен хронологический обзор данных информационно-аналитических ресурсов и

научных электронных библиотек, содержащих результаты научных исследований в открытом виде. В частности, внимание уделено 2012–2016 гг. и далее по настоящее время, как наиболее показательным моментам научной эволюции из-за несостоятельности предложенной Росстатом РФ обозначенной выше условно «нулевой» терминологии.

Сначала теоретико-методологические подходы к изучению теневой экономики с позиции раскрытия ее содержания, как экономического, так и правового, эволюционируют разнонаправленно или имеют узкоспециализированный характер. В частности, кандидатом экономических наук Д. А. Морозовой теневая экономика аргументировано рассмотрена как *«непрерывный самовоспроизводящийся механизм взаимодействия экономических агентов в макроэкономическом процессе», который представляет собой «систему отношений хозяйствующих субъектов, не регулирующую и не учитываемую государственными структурами, закрепленную в организационно устойчивые формы, признаваемые всеми участниками данной деятельности и воспроизводимые следующими поколениями занятых ею субъектов»* [9]. Показанная двойственность теневой экономики в воспроизводственном процессе охарактеризована: *«во-первых, тем, что теневая экономика оказывает влияние на официальный воспроизводственный процесс, деформируя его стадии; во-вторых, — при определенных условиях теневая деятельность начинает репродуцироваться как самостоятельные теневые стадии производства, распределения, обмена и потребления»*. Кандидатом юридических наук И. С. Нафиковым предложено криминалистическое содержание понятия «теневая экономика»: *«как антагонистический способ хозяйствования отдельных социальных групп и индивидов, реализуемый через систему деформированных общественных отношений при производстве, распределении, обмене и потреблении материальных и иных благ с целью получения выгоды противоправными (в том числе криминальными) приемами и методами»* [10]. При этом предложен расчет *«емкости теневой экономики в условиях крупного города»*, основанный на *«интеграции оперативно-розыскных и следственных данных, статистических показателей различных ведомств, экспертных оценок теневых цен и средней доходности различных сфер теневой деятельности, показаний участников уголовных процессов, других материалов практики правоохранительных и судебных органов»*.

Далее в основном наблюдается период научной систематизации существующих методологий и пред-

ложения авторских путей решения обозначенной проблемы через расчетно-аналитические научные положения. Так, Г. Г. Ильина и С. А. Шишмарев предлагают методики оценки масштабов теневой экономики, разделяя ее на составляющие — «оперативную», «описательную» и «учитываемую» [6]. Под «оперативной» составляющей понимается тот элемент теневой экономики, который характерен для периода 1917–1960 гг. Тогда само понятие незаконной хозяйственной, а затем и предпринимательской деятельности, спекулянтства и в целом неформальные экономические отношения были непосредственно связаны с рассматриваемым социально-опасным явлением, оценивать которое предполагалось по масштабу нанесенного ущерба. «Описательная» составляющая появляется в период 1960-х и до 1990-х гг. Тогда теневая экономика начинает существовать параллельно с официальной и становится частью экономической системы страны, выполняя не только экономическую (обоганительную), но и социальную функции. При этом многими учеными до сих пор рассматривается социальная функция теневой экономики как положительный момент, позволяющий «выжить» в сложных условиях государственного планирования и контроля. «Учитываемая» составляющая является результатом начала рыночных отношений и период ее формирования датируется началом 1990-х гг. Здесь внимание ученых приковано именно к масштабу изучаемой составляющей, которую предлагается оценивать через четыре группы факторов: экономические, финансово-кредитно-денежные, административные (правовые), общественно-политические. Этой же позиции придерживается Т. В. Арутюнян, развивая учетно-статистический подход к оценке теневых доходов; Ю. С. Хлысталова, изучая баланс денежных доходов и расходов населения; Г. В. Агентова, при этом поддерживая уже сформированную научную идею о создании единой методики учета теневой экономики. В. А. Мордовец, продолжая совершенствовать накопленный научный потенциал, рассматривает проблему выбора метода оценки масштабов теневой экономики, основывая свои выводы на междисциплинарном характере естественнонаучных и гуманитарных подходов к рассматриваемому явлению. И. Ю. Фалинский характеризует теневую экономику через показатели экономической преступности. Д. Ю. Федотов изучает влияние налоговой нагрузки путем корреляционного анализа связи теневой составляющей с показателями налогового обременения. В свою очередь, С. И. Опарина и И. А. Субботин, И. А. Громов,

а также ряд других ученых в своих трудах предлагают оценивать теневую экономику через показатели доходной части бюджета, в перспективе обозначая проблему оценки и прогнозирования влияния теневой экономики на состояние экономической безопасности региона и страны. В исследованиях западных ученых также в основном наблюдается уклон в сторону оценивания теневой экономики с точки зрения ее масштаба относительно ВВП страны. Как наиболее масштабные, особого внимания заслуживают работы Ф. Шнайдера и М. Хасана, в которых оцениваются налоговые убытки, структуры рынка труда и интенсивности государственного администрирования на примере 157 стран – членов Евросоюза и Организации экономического сотрудничества и развития и изучены размеры теневых экономик за 1999–2013 гг.

В итоге, представленные определения наглядно показывают существующую «путаницу» в понимании рассматриваемого феномена «теневая экономика». Одни исследователи определяют ее как категорию и предлагают различные расчетные экономические показатели, характеризующие масштабы теневизации только в целом, без системы четких арифметических параметров. Другие говорят о том, что некие негативные экономические процессы и их последствия в виде убытков могут быть приравнены к критериям теневизации.

Далее накопление значительного научного потенциала и опыта в исследовании теневой экономики логически обуславливает внедрение разработанных алгоритмов расчета в различные базы ведомственных статистических служб как России, так и международных.

Новый веток развития научной мысли условно датируется 2017 г. Теневая экономическая деятельность, продолжая быть предметной областью исследования многих ученых-экономистов, начинает рассматриваться в статусе угрозы экономической безопасности России [15]. Повышенный научный интерес к проблеме терминологии обусловлен развитием цифровой экономики и виртуализацией денежных активов, а также ростом преступности в сфере компьютерной информации, ее защиты и использования для нелегального обогащения теневых субъектов. При этом к поиску альтернативных методик и методологических подходов к оценке рассматриваемого социально-опасного явления добавляются научные изыскания понятийно-категориального плана с позиции угрозы безопасности страны.

В сложившихся российских реалиях предлагаются следующие определения понятия «теневая эко-

номика». Приведенный перечень не является закрытым и с уверенностью обуславливает отсутствие однозначного толкования рассматриваемого термина. И здесь хотелось бы акцентировать внимание на вытекающих из определений параметрах теневой экономики, которые по той или иной причине не позволяют использовать представленные формулировки в качестве «единственно верных».

Если теневая экономика рассматривается следующим образом:

♦ «...как экономическая категория, часть экономики, образуемая преступной (незаконной) экономической деятельностью двух типов — предпринимательской и уголовной, масштаб распространения которой зависит от уровня экономического развития страны» [1], «...как социально вредное, неконтролируемое государством и обществом, деструктивное экономико-правовое явление в области производства, распределения и потребления товаров или услуг, сопряженное с использованием частной, государственной или криминальным образом приобретенной собственности, направленное на получение сверхприбыли для удовлетворения материальных потребностей субъектов, в ней задействованных» [12], «...как неконтролируемая государством напрямую организованная нелегальная деятельность незарегистрированных в государственном реестре субъектов хозяйствования по получению прибыли, оказывающая, чаще всего, негативное влияние на экономическую безопасность страны, скрывающаяся от статистического учета, налогообложения и увеличивающая наличную денежную массу страны» [8], то расчетным параметром оценки может выступать размер материального ущерба, нанесенного в результате совершения преступлений в сфере экономики. Каким образом рассчитывается совокупная величина указанного материального ущерба — вопрос методологического характера, разрешаемый правоохранительными и судебными органами через институт судебной экономической экспертизы. Но можно ли сопоставлять экономические показатели в виде сумм неуплаченных налогов, незарегистрированного дохода и величины недостачи и далее обобщать их через единый параметр — вопрос, отрицательный ответ на который и обуславливает необходимость пересмотра такого подхода в сторону расширения и систематизации параметров оценки теневой экономики;

♦ «...как экономика, которая включает в себя все виды экономической деятельности, которые скрыты от официальных властей по монетарным, регулятор-

ным и институциональным причинам» [3], «...как тот сектор неофициальной экономики, где любое осуществляемое действие или доход, созданный в результате экономической деятельности, находится вне контроля официальных органов и не отражен в официальной статистике» [2], то охарактеризовать параметр оценки здесь очень сложно, так как им выступает извлекаемый доход или прибыль. При этом, в случае убыточности самой деятельности, ее негативное влияние на теневизацию экономики оценить еще сложнее. Что же касается размера извлекаемого дохода, то, чтобы его рассчитать, экономическая деятельность должна быть задокументирована и «открыта», а этого изначально не предполагается. Кроме того, если вдаваться в конкретику, то и само понятие «дохода» может трактоваться по-разному, например: с точки зрения теории бухгалтерского учета через применение метода начисления, с точки зрения положений налогового законодательства, когда размер дохода при общей и упрощенной системе налогообложения в абсолютном значении отличается и др. В итоге неоднозначность толкования других экономических категорий обуславливает необходимость пересмотра такого подхода в сторону конкретизации параметров оценки;

♦ «...как цифровая экономика, которая означает незаконную, несообщаемую или неучтенную деятельность в Интернете, направленную на получение прибыли, уклонение от уплаты налогов или обход правовых норм о торговле или деловой отчетности» [13], то параметр оценки — это «цифровой» след от осуществления такой деятельности, и здесь сразу возникает вопрос: на сколько могут быть достоверны данные, находящиеся в интернет-пространстве, если нарушены принципы электронной идентификации, т. е. имеются только некие сведения в виде электронной переписки, форумов, сайтов и т. п. без непосредственной привязки их к лицам, извлекающим экономическую выгоду от теневой деятельности. Через институт судебной компьютерной экспертизы можно получить доказательства о содержании компьютерной информации, но отождествление ее с данными о фактах хозяйственной жизни — это очень не однозначный экономико-правовой вопрос, ответ на который ставит под сомнение обоснованность выделения из теневой экономики ее цифровой составляющей при решении глобальных вопросов мониторинга;

♦ «...как, во-первых, «неформальная» («серая») деятельность, которая разрешена законом, но не регистрируется формальной статистикой; во-вторых,

«беловоротничковая» скрытая деятельность, не контролируемая государством, направленная на перераспределение доходов без производства; в-третьих, «черная» («подпольная») деятельность, запрещенная законом» [7], то расчетный параметр оценки может быть также охарактеризован как, во-первых, доля влияния незарегистрированной легальной деятельности в формировании финансового результата в целом (что может быть рассчитано по результатам финансового анализа); во-вторых, размер перераспределенного дохода (что может быть установлено через анализ движения денежных средств); в-третьих, размер выгоды, извлекаемой от запрещенной законом деятельности (что может быть установлено только через анализ документов «чернового» учета). Указанные величины в совокупности характеризуют размер теневого сектора наиболее подробно, их расчет предполагает значительные затраты по времени, что может не оправдаться и, тем самым, также обуславливает необходимость пересмотра такого подхода;

♦ «...как экономика теневого капитала, как основы нелегальной деятельности, представляющей собой совокупность денежных средств, формируемых незаконным путем с последующим сокрытием от всех форм легального учета и налогообложения на государственном уровне в целях извлечения доходов для удовлетворения личных или коллективных потребностей ограниченных социальных групп» [14], то параметр оценки — это показатель, характеризующий движение денежных средств, если при их поступлении и/или расходовании извлекается нелегальная экономическая выгода. В этом случае выбор теневого денежного капитала как источника финансирования нелегальной деятельности является перспективным, но требующим методологического обоснования расчета теневого денежного потока. В этом направлении находят свое отражение научные идеи автора настоящей статьи.

Заключение

Систематизация рассмотренных научных позиций позволяет выделить три научные тенденции, раскрывающие специфику развития научной мысли сегодня.

1. Дуализм (сохранение целостности двух четко сформулированных и параллельно существующих научных теорий). Рассмотрение теневой экономики через дуализм нескольких объединенных основополагающих научных подходов, например, системно-институционального и экономико-правового подхо-

дов, что наглядно представлено в диссертационном исследовании доктора экономических наук И. Ю. Фалинского на тему «Организационно-экономические основы противодействия теневой экономике органами внутренних дел Российской Федерации» (2008–2017 гг.). В своих научных трудах И. Ю. Фалинским раскрыты системно-институциональный подход, состоящий из авторского алгоритма оценки региональной теневой экономики, и экономико-правовой подход к оценке «добавочного регионального теневого продукта» и «регионального теневого потока». При этом И. Ю. Фалинский, исследуя сферы производства, обмена и распределения теневых финансовых ресурсов, делает акцент на «использовании противоправных и криминальных схем или недостатков в законодательстве» [15]. Следует отметить, что подобный прием является не новым и в последнее время все чаще встречается в научных исследованиях. Причина этого в понимании необходимости параметризации теневой экономики, а не только дачи общей характеристики ее составных элементов.

II. Дихотомия (представление новых научных положений через обоснование последовательного раздвоения (ветвления) существующей научной теории). Наиболее актуальными в данном контексте можно считать труды доктора юридических наук К. В. Привалова [11] (1998–2023 гг.), который, проводя анализ двух основных подходов: правового и статистического, предлагает третий — естественно-правовой подход. В рамках нового подхода теневая экономика представляет собой две формы — неправовую и правовую экономическую деятельность, запрещенную законодательно. При этом неправовая форма теневой экономики напрямую связана с нарушением естественных прав человека: на жизнь, свободу деятельности, на собственность и др.; правовая форма — с нарушением «неправовых» законов, т. е. тех, которые не соответствуют естественным правам человека. Интерес к дихотомии в научных исследованиях обусловлен тем, что накопленный научный потенциал, основанный на синергии последовательного рассмотрения теневой экономики с разных сторон в рамках разных подходов, и сформированная многочисленная база разрозненных результатов исследований, несопоставимых по своему содержанию, не отвечает повышенным требованиям, предъявляемым сегодня к оценке теневой экономики. В настоящий момент достоверность и объективность результатов научных расчетов свидетельствует о том, что изучению рассматриваемого явления нужно дать

иной «старт». В свою очередь, единственно верным решением глобального вопроса по изучению теневой экономики может стать именно переосмысление проблемы существования теневой экономики через призму взаимосвязи принимаемых управленческих решений на законодательном уровне и сложившейся практики извлечения нелегальной экономической выгоды субъектами теневой экономики.

III. Трансверсальность (рассмотрение совокупности циклически взаимодействующих элементов (триады) разных научных теорий). Наиболее значимой работой, посвященной проблеме комплексного изучения теневой экономики через методологическую триаду системного, институционального и эволюционного подходов, можно считать диссертационное исследование доктора экономических наук М. В. Головки на тему «Теневая экономика в системе угроз национальной экономической безопасности: факторы, эволюция, направления противодействия» (2005–2020 гг.). В данном исследовании М. В. Головка уточняет трактовку понятия «теневая экономика» и обосновывает выделение ее форм следующим образом. Во-первых, теневая экономика представляет собой *«совокупность социально-экономических отношений и их результатов, нерегистрируемых и скрываемых от действующей в данный момент государственной системы учета и контроля, либо представляемых в искаженном, недостоверном виде»* [4]. Важно отметить, что в приведенном определении акцент внимания смещен именно на результат теневой деятельности, а сами экономические отношения являются частью исследуемого явления только при условии наличия конкретизированной характеристики последствия таких отношений — незарегистрированный и скрытый либо искаженный, недостоверный результат. М. В. Головка в рамках прорабатываемого ею институционального подхода однозначно подчеркивает необходимость исключения из понятия «теневая экономика» таких дефиниций, как «коррупция» и «неформализуемая» экономика, т. е. та, которая не должна подвергаться регистрационному учету договорных отношений априори. Во-вторых, основным критерием отнесения социально-экономических отношений к «теневым» М. В. Головка предлагает считать «степень легальности доходов и расходов экономических субъектов». В связи с такой трактовкой М. В. Головка выделяет две области теневой экономики: первая, так называемая «рентоориентированная», характеризуется максимальным обогащением, в том числе при наличии коррупционных взаимосвязей; вторая, «компенсационная»

характеризуется получением расширенных возможностей ведения финансово-хозяйственной деятельности «в условиях неэффективной институциональной среды». В представленном контексте обращает на себя внимание научная статья, в которой М. В. Головка обосновывает перспективность применения модели сбалансированной системы показателей теневой экономики и коррупции, а также рекомендует создание информационно-аналитической базы, основанной на мониторинге теневых экономических транзакций [5].

Список источников

1. Авдийский В. И., Дадалко В. А., Синявский Н. Г. Теневая экономика и экономическая безопасность государства: учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2019.
2. Арутюнян Т. В., Тамазян А. Р. Понятие «Теневая экономика» и аппарат ассоциируемых с ней понятий // Развитие и актуальные вопросы современной науки. 2018. № 4(11). С. 29–38.
3. Афанасьева А. О. Особенности теневой экономики в различных по уровню развития экономики группах стран // Научные записки молодых исследователей. 2019. Т. 7. № 3. С. 74–82.
4. Головка М. В. Теневая экономика в системе угроз национальной экономической безопасности: факторы, эволюция, направления противодействия: дисс. ... д-ра экон. наук. СПб., 2020.
5. Головка М. В. Применение методики сбалансированной системы показателей при разработке государственной антитеневой политики // Экономика и управление. 2019. № 7(165). С. 74–82.
6. Ильина Г. Г., Шишмарев С. А. Научные подходы к оценке эволюции теневой составляющей экономики России // Вестник Российского нового университета. 2013. № 2. С. 26–32.
7. Кунавский С. С. Теоретические аспекты теневой экономики // Форум молодежной науки. 2021. № 2. С. 55–66.
8. Минина Т. И., Останина А. Р. Новые подходы к определению понятия теневой экономики как угрозы экономической безопасности Российской Федерации // Хроноэкономика. 2018. № 3(11). С. 128–131.
9. Морозова Д. А. Теневая экономика в производственном процессе: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 2012.
10. Нифаков Н. С. Теневая экономика как материальная основа организованной преступности в условиях крупного города: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.

11. Привалов К. В. Основные подходы к трактовке содержания теневой экономики: правовой анализ // Закон. Право. Государство. 2023. № 2(38). С. 82–86.

12. Санинский Р. А. Понятие и признаки теневой экономики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 250–254.

13. Сахбиева А. И. Особенности потребительского восприятия «теневого» формата цифровой экономики // Modern Economy Success. 2021. № 1. С. 175–179.

14. Танющева Н. Ю. Теория и методология антиотмывочного финансового регулирования: автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. Ставрополь, 2021.

15. Фалинский И. Ю. Организационно-экономические основы противодействия теневой экономике органами внутренних дел Российской Федерации: дисс. ... д-ра экон. наук. СПб., 2017.

16. Энциклопедия статистических терминов. Официальный сайт Росстата РФ // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/528>

References

1. Avdiyskiy V. I., Dadalko V. A., Sinyavsky N. G. Shadow economy and economic security of the state: studies. handbook. M. : INFRA-M, 2019.

2. Harutyunyan T. V., Tamazyan A. R. The concept of «Shadow economy» and the apparatus of concepts associated with it // Development and topical issues of modern science. 2018. No. 4(11). P. 29–38.

3. Afanasyeva A. O. Features of the shadow economy in groups of countries with different levels of economic development // Scientific notes of young researchers. 2019. Vol. 7. No. 3. P. 74–82.

4. Golovko M. V. Shadow economy in the system of threats to national economic security: factors, evolution, directions of counteraction: diss. ... doctor of economic sciences. St. Petersburg, 2020.

5. Golovko M. V. Application of the balanced scorecard methodology in the development of state anti-

shadow policy // Economics and management. 2019. No. 7(165). P. 74–82.

6. Ilyina G. G., Shishmarev S. A. Scientific approaches to assessing the evolution of the shadow component of the Russian economy // Bulletin of the Russian New University. 2013. No. 2. P. 26–32.

7. Kunyavsky S. S. Theoretical aspects of the shadow economy // Forum of Youth science. 2021. No. 2. P. 55–66.

8. Minina T. I., Ostanina A. R. New approaches to defining the concept of the shadow economy as a threat to the economic security of the Russian Federation // Chronoeconomics. 2018. No. 3(11). P. 128–131.

9. Morozova D. A. Shadow economy in the reproductive process: abstract. diss. ... candidate of economic sciences. M., 2012.

10. Nifakov N. S. The shadow economy as the material basis of organized crime in a large city: issues of theory and practice: abstract. diss. ... candidate legal sciences. Yekaterinburg, 2013.

11. Privalov K. V. Basic approaches to the interpretation of the content of the shadow economy: a legal analysis // Law. Right. State. 2023. No. 2(38). P. 82–86.

12. Saninsky R. A. The concept and signs of the shadow economy // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2(42). P. 250–254.

13. Sakhbieva A. I. Features of consumer perception of the «shadow» format of the digital economy // Modern Economy Success. 2021. No. 1. P. 175–179.

14. Tanyushcheva N. Yu. Theory and methodology of anti-money laundering financial regulation: abstract. diss. ... doctor of economic sciences. Stavropol, 2021.

15. Falinsky I. Yu. Organizational and economic foundations of countering the shadow economy by the internal affairs bodies of the Russian Federation: diss. ... doctor of economic sciences. St. Petersburg, 2017.

16. Encyclopedia of statistical terms. The official website of Rosstat of the Russian Federation // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/528>

Информация об авторе

Е. В. Батурина — докторант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the author

E. V. Baturina — Doctoral Student of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

Научная статья

УДК 336.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-194-199>

EDN: <https://elibrary.ru/qhpruw>

НИОН: 2003-0059-5/24-164

MOSURED: 77/27-003-2024-05-363

Виды нелегальной деятельности и способы их идентификации на финансовом рынке Израиля

Татьяна Григорьевна Бондаренко

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Bondarenko.TG@rea.ru

Аннотация. Анализируются основные виды незаконной деятельности на финансовом рынке Израиля и их влияние на экономику страны. Выявлен ряд проблемных областей, включая финансовые пирамиды, незаконную деятельность на рынке кредитования, ценных бумаг и страхования, а также незаконное использование инсайдерской информации. Каждый вид охватывает несколько подвидов незаконной деятельности, каждый из которых представлен конкретными примерами. Несмотря на усилия правоохранительных органов и финансовых регуляторов в различных сферах, такие преступления продолжают подрывать доверие к финансовым институтам и наносят значительный ущерб, представленный для рассмотренных кейсов. Отмечается отсутствие систематических публикаций и данных по этой теме в научной литературе, а также официальных сообщений государственных органов Израиля, поэтому анализ проводился на основе открытых источников. Приведенные примеры судебных дел демонстрируют ограниченность существующих правоприменительных механизмов, что периодически позволяет преступникам избегать наказания. Обобщены меры по усилению правового контроля, улучшению взаимодействия между государственными и частными структурами, а также повышению прозрачности финансовой деятельности. Своевременное обновление законодательной базы, улучшение межведомственного взаимодействия, внедрение эффективных механизмов мониторинга и проведение просветительских кампаний в совокупности позволяют снизить уровень финансовых преступлений и укрепить доверие к финансовым институтам Израиля.

Ключевые слова: финансовые пирамиды, мошенничество, рынок кредитования, инсайдерская информация, незаконная торговля, алгоритмическая торговля, финансовый рынок Израиля, страховое мошенничество, лицензирование, правовое регулирование

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Бондаренко Т. Г. Виды нелегальной деятельности и способы их идентификации на финансовом рынке Израиля // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 194–199. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-194-199>. EDN: QHPRUW.

Original article

Types of illegal activities and methods for their identification in the financial market of Israel

Tatyana G. Bondarenko

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Bondarenko.TG@rea.ru

Abstract. The main types of illegal activities in the Israeli financial market and their impact on the country's economy are analyzed. A number of problematic areas are identified, including financial pyramids, illegal activities in the lending, securities and insurance markets, as well as the illegal use of insider information. Each type corresponds to several subspecies of illegal activity, identified by specific examples. Despite the efforts of law enforcement agencies and financial regulators in various fields, such crimes continue to undermine confidence in financial institutions and cause significant damage, presented for the considered cases. There is a lack of systematic publications and data on this topic in the scientific literature, as well as official communications from Israeli government agencies, so the analysis was conducted on the basis of open sources. These examples of court cases demonstrate the limitations of existing law enforcement mechanisms, which periodically allows criminals to avoid punishment. The measures to strengthen legal control, improve interaction between public and private structures, as well as increase transparency of financial activities are summarized. Timely updating of the legislative framework, improvement of interagency cooperation, the introduction of effective monitoring mechanisms and awareness campaigns together make it possible to reduce the level of financial crimes and strengthen confidence in Israel's financial institutions.

Keywords: financial pyramids, fraud, credit market, insider information, illegal trading, algorithmic trading, Israeli financial market, insurance fraud, licensing, legal regulation

Acknowledgements: the article was prepared and funded as part of the execution of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the field of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of international legislation and best foreign law enforcement practices in combating illegal activities in financial markets».

For citation: Bondarenko T. G. Types of illegal activities and methods for their identification in the financial market of Israel. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):194–199. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-194-199>. EDN: QHPRUW.

© Бондаренко Т. Г., 2024

Проведенный обзор научных изданий показал, что публикации по вопросу исследования видов нелегальной деятельности и способов их идентификации на финансовом рынке Израиля отсутствуют. В отдельных (чаще англоязычных) изданиях рассматриваются вопросы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма согласно FATF, что, однако, не является объектом данного исследования. Причин такого публикативного вакуума несколько — очевидный языковой барьер, усиливаемый тем, что оригиналы документов публикуются только на иврите (англоязычные версии носят отметку «неофициальный перевод»); закрытость большинства государственных сайтов; отсутствие систематически публикуемой информации на порталах государственных органов исполнительной власти по вопросу нелегальной деятельности (в чем отечественные ведомства по открытости, в частности Банк России, были даже приведены в пример израильским). Исходя из этого наше исследование базировалось на мониторинге открытых научных и деловых изданий, с последующим их анализом. Представим результаты.

Первым типом незаконной деятельности выделяются операции, связанные с возможным введением инвесторов в заблуждение за счет обещания высокой доходности при минимальных рисках, зачастую в очень короткие сроки. Такие схемы обычно функционируют на основе привлечения все новых участников, чьи средства используются для выплат предыдущим инвесторам, а не для реализации реальных инвестиционных целей. В результате, при прекращении притока новых участников, система терпит крах, что приводит к убыткам для большинства вовлеченных. Очевиден пирамидальный характер отношений.

В открытых источниках упоминается сразу о трех громких финансовых пирамидах, представленных в табл. 1, вызвавших общественных резонанс и принесших серьезный ущерб их вкладчикам. Перевод в рубли в таблице и далее по тексту проведен на основании действующих курсов на 6 октября 2024 г.

Судебные процессы по упомянутым делам показали, что даже применяемые строгие меры далеко не всегда оказываются действенными. Так, Амир Брамли признал свою вину, но многие из его жертв до сих пор не получили компенсацию. А Майк Бен-Ари смог сбежать из Израиля, несмотря на то, что находился под домашним арестом. Данные ситуации показывают, что правоохранительные и регулирующие органы не всегда эффективно работают в сфере предотвращения подобных правонарушений.

Отдельным проблемным направлением является сфера краудфандинга, который используется для сбора средств и поддержки коммерческих предприятий, социальных проектов, сбора пожертвований, возможностей для инвестиций и получения социальных кредитов через интернет-платформы. Использование этого инструмента набрало обороты в результате экономического кризиса, вызванного COVID-19, и необходимости поиска альтернативных источников финансирования ввиду решения некоторых финансовых организаций в Израиле и во всем мире о сокращении объемов кредитования для снижения рисков в период кризиса. Для минимизации рисков в данной сфере Управлением по борьбе с отмыванием доходов и финансированием терроризма Министерства Юстиции Израиля были разработаны и представлены красные флажки-индикаторы вероятности незаконной деятельности специально для сферы краудфандинга [1].

Таблица 1

Основные характеристики финансовых пирамид в Израиле

Событие	Суть незаконной деятельности	Последствия	Размер ущерба
Дело Эли Шемеша	Привлечение около 200 инвесторов без лицензии, обещание 5–12 % дохода ежемесячно	Потеря средств инвесторов, пирамида рухнула	17 млн шекелей (около 430 млн руб.)
Дело Майка Бен-Ари	Мошенничество с инвестициями в муниципальные облигации США, обещание 10–14 % годовых	Потеря средств инвесторов, Бен-Ари сбежал	500 млн шекелей (около 12,5 млрд руб.)
Дело Амира Брамли	Создание пирамиды на основе краткосрочных ссуд, обещание высоких доходов	Потеря средств инвесторов, большинство жертв не получили возмещения	340 млн шекелей (около 8,5 млрд руб.)

Источник: составлено на основе открытых данных.

Нелегальные кредиторы в Израиле часто действуют под видом лицензированных организаций или финансовых консультантов. Характерная особенность подобной незаконной деятельности связана с тем, что такие организации требуют от клиентов уплаты значительных сумм еще до заключения каких-либо кредитных соглашений. Так, например, в ситуации с клиенткой по имени Шири, как показано в публикации [2], компания взяла 1500 шекелей (около 38,6 тыс. руб.) за оформление документов, даже не обсудив стоимость услуги заранее. Впоследствии с клиентки потребовали дополнительные 7000 шекелей (около 180,4 тыс. руб.) якобы для запуска процесса получения кредита, затем еще 4000 шекелей (около 103 тыс. руб.) за страхование личности. Подобные случаи приводят к тому, что люди, уже находящиеся в финансово уязвимом положении, попадают в еще более сложные финансовые обстоятельства, задолженность растет, а затраты на такие «услуги» резко понижают уровень жизни граждан.

Отдельной проблемой является нелегальная работа кредитора с клиентами, которым обещаются кредиты под низкие проценты.

Кредиторы и псевдоконсультанты часто выставляют себя в качестве партнеров Министерства финансов или сотрудников иных государственных организаций, чтобы завоевать доверие и оправдать дополнительные сборы. Органы защиты прав потребителей и полиция Израиля, совместно с Банком Израиля и Управлением по рынкам капитала, проводят операции по выявлению подобных незаконно действующих структур и ведут расследования. Управление по защите прав потребителей также установило, что некоторые из таких организаций являются не только нелегальными, но и криминальными группировками, которые, помимо мошенничества, занимаются другими незаконными операциями, включая, например, фальсификацию документов [3].

Отдельной сферой незаконной деятельности является децентрализованное или пиринговое P2P кредитование (от англ. peer-to-peer, равный к равному). Специально для этого направления Управлением по борьбе с отмыванием доходов и финансированию терроризма Министерства Юстиции Израиля были разработаны и представлены красные флажки-индикаторы вероятности незаконной деятельности [3].

Если незаконные посреднические схемы кредитования P2P нацелены на технологически продвину-

тых пользователей, то мошенники не оставляют своим вниманием и пожилых и финансово незащищенных граждан. В этой связи преступные группы целенаправленно выдают себя за официальных представителей финансовых учреждений. Полиция и Банк Израиля предупреждают население о сохранении личных и финансовых данных, неразглашении их незнакомым компаниям, а также рекомендуют проверять лицензии организаций перед проведением кредитных сделок на государственном портале Управления рынков капитала [4].

На основе публикации [5] обобщен ряд мер по регулированию кредитного брокерства для защиты заемщиков, особенно на небанковском рынке. Ключевые предложения условно можно разделить на две группы: регулирование брокерских контрактов (1) и обеспечение правоприменения (2). Представим их более подробно в табл. 2.

Отдельным аспектом нелегальной кредиторской деятельности является международный аспект, проявляющийся в финансировании банковскими структурами Израиля различных проектов на землях Палестины. По сообщениям открытых источников First International Bank на протяжении многих лет активно содействовал расширению незаконного израильского бизнеса, предоставляя кредиты на строительство жилья в израильских поселениях в Палестине, включая Восточный Иерусалим [6]. Банк также финансировал инфраструктурные проекты, такие как: легкорельсовый транспорт и автомагистрали, которые проходят через палестинские земли и соединяют эти поселения с другими частями города. Помимо этого, First International Bank управляет муниципальными счетами и предоставляет кредиты советам незаконных израильских поселений, что усиливает его участие в поддержке этих образований. У банка есть филиалы в самих поселениях и на военных базах Израиля, расположенных на оккупированных палестинских территориях. В 2020 г. банк был официально включен в базу данных ООН о хозяйствующих субъектах [6], ведущих бизнес в незаконных израильских поселениях на оккупированной палестинской территории. Подобная деятельность не порицается с точки зрения израильских регулирующих органов, но является предметом спора на международной арене. Именно поэтому контрольно-надзорные органы Израиля ей не противодействуют.

Таблица 2

Развитие системы кредитного брокерства в Израиле [5]

Раздел	Описание
1.1. Письменное оформление договора и обязательства по раскрытию информации	Все брокерские договоры должны быть в письменной форме с обязательным предоставлением времени на ознакомление заемщику. Необходимо раскрывать полную информацию о типе кредиторов, с которыми брокер взаимодействует
1.2. Ограничение условий эксклюзивности брокера	Условия эксклюзивности для брокеров должны быть ограничены сроком в три месяца с возможностью продления по соглашению сторон, чтобы избежать неопределенных обязательств для заемщика
1.3. Порядок получения брокерского вознаграждения	Брокеры получают вознаграждение только при фактическом получении заемщиком кредита, а не за одобрение. Договор для выплаты комиссионных должен быть в письменной форме
1.4. Запрет на посредничество с кредиторами без лицензии	Запрещается посредничество с нелицензированными кредиторами для защиты заемщиков от незаконных сделок и криминальных элементов
2.1. Создание общественного фонда финансирования исков	Фонд создается для поддержки заемщиков при подаче исков против брокеров, компенсируя судебные затраты
2.2. Введение приоритетных критериев выделения финансирования	Решения о финансировании должны учитывать вероятность выигрыша дела, общественный интерес, тяжесть нарушений, сумму ущерба, наличие повторных нарушений и качество юридического представительства

Рынок ценных бумаг является важным компонентом финансовой системы Израиля, способствующим привлечению капитала конкретными компаниями и в целом инвестиций в страну. Однако, как и любая сложная система, он подвержен различным формам нелегальной деятельности. Выделяется несколько основных видов незаконной деятельности, которые представляют угрозу для инвесторов и подрывают доверие к финансовым институтам. Перечислим каждый вид ниже и кратко охарактеризуем его.

Незаконная алгоритмическая торговля. Алгоритмическая торговля, которая не была лицензирована и не регулируется, представляет значительный риск для инвесторов. Такие компании часто предлагают свои услуги через Интернет и привлекают клиентов, обещая автоматизированное управление инвестициями. «В связи с ростом числа запросов общественности по этому вопросу, в том числе от тех, кто считает себя пострадавшей стороной, Управление по ценным бумагам хочет прояснить, что такое компьютеризированное управление портфелем обычно требует лицензии на управление портфелем от Управления по ценным бумагам и соблюдения положений, перечисленных в законе» [7], — предостерегает регулятор инвесторов на Тель-Авивской фондовой бирже (TASE). Подобные компании не предоставляют полную информацию о своей деятельности, не обеспечи-

вают прозрачности и могут не соблюдать свои обязательства перед клиентами [8].

Финансовые махинации и задержки выплат. Показательным примером является ситуация с выпуском облигаций компанией Wellstone, которая, обещая высокую доходность в короткие сроки, фактически стала откладывать выплаты, ссылаясь на сложности в реализации проектов. Данные о распределении инвестиций и возврате средств были сокрыты, что не позволило инвесторам проверить текущий статус своих вложений. «В деле Уолтстона участвовало около 2000 инвесторов, а судьба 800 млн шекелей (около 20,6 млрд руб.) была неизвестна в течение многих месяцев. <...> Ожидается, что к концу 2024 г. Wellstone вернет инвесторам сумму около 400 млн шекелей (около 10,3 млрд руб.) ... <...> а в ближайшие два или три года вернут остаток, насколько это возможно» [8]. Схемы, подобно представленной, нередко оказываются долгосрочными, и инвесторы не получают обещанной прибыли.

Нарушения в финансовой отчетности. Манипуляции с бухгалтерской отчетностью, использование корпоративных средств для личных расходов, а также выплату подрядчикам инвестиционного фонда средств без должного документационного оформления. Подобное явление иллюстрирует кейс с компанией Hav Security, где бывший генеральный

директор и другие лица подозреваются в растрате. «Незадолго до завершения слияния компания неожиданно сменила генерального директора, а после завершения слияния сообщила о подозрениях в том, что бывший генеральный директор, основатель Эяль Моше, расхищает средства компании и использует их в личных целях» [8].

Манипуляции на рынке через ложные сделки. Осуществление самостоятельных торговых операций с целью искусственного завышения стоимости акций нарушает принципы прозрачности и честной торговли. Подобные схемы включают торговлю между личными счетами и счетами, принадлежащими близким лицам, для создания видимости активности на рынке и повышения цены ценной бумаги. «В период с 2017 по 2022 гг. Элиас совершил более 2 тыс. личных транзакций между своими счетами, а также между своими счетами и счетами, принадлежащими членам его семьи, на общую сумму более 4 млн шекелей. Большинство сделок, которые он совершал, проводились с варрантами и акциями, и в большинстве торговых дней, в которые заключались сделки, они оказывали существенное влияние на колебания курсов и торговые циклы ценных бумаг, в которых он совершал сделки» [8]. Представленная практика вводит в заблуждение других участников рынка и считается формой незаконной манипуляции.

Нелегальная деятельность на страховом рынке в Израиле — серьезная проблема, которая на практике может принимать различные формы. Несмотря на высокий уровень развития израильского страхового сектора, нелегальные схемы остаются актуальной угрозой для его устойчивости и стабильности.

Мошенничество в процессе страховых выплат. Данный вид незаконной деятельности связан с предоставлением ложной информации или сокрытием фактов о страховом случае с целью получения компенсации. Например, застрахованные лица могут завышать сумму ущерба или заявлять о событиях, которые на самом деле не произошли. Такие действия запрещены ст. 25 Закона о договорах страхования 1981 г. [9], и если страховая компания доказывает факт мошенничества, она освобождается от обязательств по выплате. Примером может служить случай, когда владелец автомобиля подал заведомо ложное заявление о дорожно-транспортном происшествии, чтобы получить компенсацию за уже существующий ущерб [10].

Таким образом, финансовый рынок Израиля сталкивается с рядом серьезных проблем, связанных с незаконной деятельностью, которая подрывает доверие инвесторов и негативно влияет на экономику страны. Несмотря на усилия регулирующих органов, выявленные преступления свидетельствуют о недостаточной эффективности существующих механизмов контроля и правоохранительных мер. Более того, отсутствие систематического обмена информацией между различными государственными органами и страховыми компаниями создает дополнительные сложности в борьбе с мошенничеством. Для решения этих проблем проводится ужесточение законодательства, усиление координации между государственными и частными структурами, внедрение более эффективных механизмов мониторинга и правоприменения, а также проведение образовательных кампаний для повышения осведомленности населения о рисках на финансовом рынке.

Список источников

1. Управление по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Типологии краудфандинга в контексте ПОД/ФТ. 2021 // URL: https://www.gov.il/blobFolder/dynamiccollectorresultitem/typologies-crowdfunding-aml-cft-050122/he/professional-docs_typologies_crowdfunding_aml_cft_050122.pdf
2. Шаравит О. Финансовая проблема: вот как они берут с вас тысячи шекелей за услугу, которую вы можете получить бесплатно // Zman Israel. 2020. 17 нояб. // URL: <https://www.zman.co.il/118565/popup/>
3. Предупреждение тем, кто экономит: ложные финансовые советы. 18 марта 2020 г. // URL: <https://www.gov.il/he/pages/fraud-alert>
4. Bank of Israel. As part of an increase in consumer-related enforcement, the Banking Supervision Department has imposed financial sanctions on two banks and one credit card company. 12 февраля 2024 г. Пресс-релиз // URL: <https://www.boi.org.il/en/communication-and-publications/press-releases/as-part-of-an-increase-in-consumer-related-enforcement-the-banking-supervision-department-has-imposed-financial-sanctions-on-two-banks-and-one-credit-card-company>
5. Ланкри М. Транзакции по кредитованию — призыв к регулированию // Hebrew University of Jerusalem. 2024. 11 февр. // URL: <https://lawjournal.huji.ac.il/article/12/1932>

6. Economic Activism Program of the American Friends Service Committee (AFSC). First International Bank of Israel // URL: <https://investigate.afsc.org/company/first-intl-bank-israel>

7. Ben-Israel A. Israel Securities Authority warns on algorithms trading // Globes. 2 августа 2015 г. // URL: <https://en.globes.co.il/en/article-securities-authority-warns-on-algorithms-trading-1001057401>

8. Рынок капитала и инвестиции. Портал Глобус // URL: <https://www.globes.co.il/news/home.aspx?fid=585>

9. Закон о договорах страхования, 1981 г. // URL: https://he.wikisource.org/wiki/חוק_ההוזה_קוח

10. Судебные решения. Ассоциация страховых компаний Израиля // URL: <http://www.igudbit.org.il/?CategoryID=373>

References

1. Anti-Money Laundering and Counter-Terrorism Financing Directorate. Typologies of crowdfunding in the context of AML/CFT. 2021 // URL: https://www.gov.il/blobFolder/dynamiccollectorresultitem/typologies-crowdfunding-aml-cft-050122/he/professional-docs_typologies_crowdfunding_aml_cft_050122.pdf

2. Sharavit O. Financial problem: here's how they charge you thousands of shekels for a service you can get for free // Zman Israel. November 17, 2020 // URL: <https://www.zman.co.il/118565/popup/>

3. Warning for those saving: false financial advice. March 18, 2020 // URL: <https://www.gov.il/he/pages/fraud-alert>

4. Bank of Israel. As part of an increase in consumer-related enforcement, the Banking Supervision Department has imposed financial sanctions on two banks and one credit card company. Bank of Israel. February 12, 2024. Press release // URL: <https://www.boi.org.il/en/communication-and-publications/press-releases/as-part-of-an-increase-in-consumer-related-enforcement-the-banking-supervision-department-has-imposed-financial-sanctions-on-two-banks-and-one-credit-card-company>

5. Lankri M. Lending transactions — a call for regulation // Hebrew University of Jerusalem. February 11, 2024 // URL: <https://lawjournal.huji.ac.il/article/12/1932>

6. Economic Activism Program of the American Friends Service Committee (AFSC). First International Bank of Israel // URL: <https://investigate.afsc.org/company/first-intl-bank-israel>

7. Ben-Israel A. Israel Securities Authority warns on algorithms trading // Globes. August 2, 2015 // URL: <https://en.globes.co.il/en/article-securities-authority-warns-on-algorithms-trading-1001057401>

8. Capital markets and investments. Portal Globe // URL: <https://www.globes.co.il/news/home.aspx?fid=585>

9. Insurance Contracts Law, 1981 // URL: https://he.wikisource.org/wiki/חוק_ההוזה_קוח

10. Court rulings. Association of Insurance Companies of Israel // URL: <http://www.igudbit.org.il/?CategoryID=373>

Информация об авторе

Т. Г. Бондаренко — доцент кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

T. G. Bondarenko — Associate Professor of the Department of Sustainable Development Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

Научная статья

УДК 332

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-200-204>

EDN: <https://elibrary.ru/rafdnm>

ИПОН: 2003-0059-5/24-165

MOSURED: 77/27-003-2024-05-364

Обзор рекомендаций по противодействию нелегальной деятельности на финансовых рынках в отдельных странах ЕАЭС

Зограб Мнацаканович Дохойян

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Dokhoyan.ZM@rea.ru

Аннотация. Рассматривается ряд вызовов, с которыми сталкиваются финансовые рынки стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), связанные с распространением нелегальной деятельности. Это не только подрывает доверие инвесторов, но и наносит ущерб экономике в целом. Противодействие таким угрозам требует комплексного подхода, включая усиление межгосударственного сотрудничества и обмена информацией между странами – участниками ЕАЭС. Приводится обзор рекомендаций по борьбе с незаконными операциями на финансовых рынках в обозначенных странах. При этом важно не только сформулировать перечень рекомендаций, но и провести сравнительный анализ эффективности предлагаемых рекомендаций для каждого государства. Среди методов, задействованных в процессе проводимого исследования, можно выделить следующие: сравнительный метод, описательный метод, системный подход, обобщение данных, а также аналитический метод. Изучены различные публикации в области регулирования финансовых рынков, а также аналитические отчеты стран ЕАЭС, на регулярной основе собирающих информационные данные в рассматриваемой сфере. Формулируется универсальный комплекс мер по борьбе с мошенническими транзакциями на финансовых рынках в странах Евразийского экономического союза. Там, где это наиболее уместно, представлена структурированная иерархия предлагаемых рекомендаций. По результатам анализа некоторых государств представлено подробное описание формулируемого комплекса мер. При этом по мере рассмотрения особенностей стран внедряются элементы сравнительной характеристики в отношении эффективности исследуемой инструкции по противодействию изучаемому явлению в области финансовых рынков.

Ключевые слова: рекомендации, финансовый рынок, мошеннические операции, совершенствование законодательства, финансовая и экономическая безопасность, страны Евразийского экономического союза, инновационные технологии, финансовая грамотность, участники финансовых отношений

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Дохойян З. М. Обзор рекомендаций по противодействию нелегальной деятельности на финансовых рынках в отдельных странах ЕАЭС // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 200–204. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-200-204>. EDN: RAFDNM.

Original article

Review of recommendations for combating illegal activities in financial markets in any EAEU countries

Zohrab M. Dokhoyan

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Dokhoyan.ZM@rea.ru

Abstract. A number of challenges faced by the financial markets of the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) related to the spread of illegal activities is being considered. This not only undermines investor confidence, but also damages the economy as a whole. Countering such threats requires a comprehensive approach, including strengthening interstate cooperation and information exchange between the EAEU member states. An overview of recommendations on combating illegal transactions in financial markets in the designated countries is provided. At the same time, it is important not only to formulate a list of recommendations, but also to conduct a comparative analysis of the effectiveness of the proposed recommendations for each state. Among the methods used in the process of the conducted research, the following can be distinguished: comparative method, descriptive method, systematic approach, data synthesis, as well as analytical method. Various publications in the field of financial market regulation have been studied, as well as analytical reports from the EAEU countries that regularly collect information data in this area. A universal set of measures to combat fraudulent transactions in financial markets in the countries of the Eurasian Economic Union is being formulated. Where it is most appropriate, a structured hierarchy of suggested recommendations is presented. Based on the results of the analysis of some states, a detailed description of the formulated package of measures is provided. At the same time, as the specifics of the countries are considered, elements of comparative characteristics are introduced regarding the effectiveness of the studied instructions on countering the phenomenon under study in the field of financial markets.

© Дохойян З. М., 2024

Keywords: recommendations, financial market, fraudulent transactions, improvement of legislation, financial and economic security, countries of the Eurasian Economic Union, innovative technologies, financial literacy, participants in financial relations

Acknowledgements: the article was prepared and financed within the framework of the execution of the State assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the field of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of international legislation and best foreign law enforcement practices in the field of combating illegal activities in financial markets».

For citation: Dokhoyan Z. M. Review of recommendations for combating illegal activities in financial markets in any EAEU countries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):200–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-200-204>. EDN: RAFDNM.

Введение. Эффективные рекомендации по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовых рынках должны охватывать различные аспекты: от ужесточения контроля за финансовыми операциями до повышения прозрачности и ответственности участников рынка. Важную роль в этом процессе играет применение современных технологий и инновационных подходов для выявления и предотвращения финансовых махинаций.

В рамках современной финансовой системы страны ЕАЭС сталкиваются с различными вызовами, связанными с нелегальной деятельностью на финансовых рынках. Это деятельность может включать в себя отмывание денег, финансирование терроризма, а также различного рода мошенничества и спекуляции, которые подрывают основы стабильности и процветания экономик. В контексте этих вызовов рекомендации по противодействию нелегальной деятельности становятся крайне актуальными, поскольку объединенные усилия могут привести к эффективному урегулированию этой проблемы. Важно учитывать, что международное сотрудничество, согласованная правовая база и взаимная поддержка на уровне стран ЕАЭС играет ключевую роль в борьбе с нелегальной финансовой активностью.

Принятие единых стандартов в области регулирования и контроля за финансовыми операциями, налаживание эффективной системы обмена информацией между регуляторами и исполнительными органами, а также усиление мер по предотвращению вовлечения финансовых учреждений в сомнительные операции являются ключевыми аспектами в противодействии нелегальной деятельности. Кроме того, развитие механизмов мониторинга и анализа рисков, применение современных технологий для отслеживания и блокирования подозрительных транзакций, а также обучение персонала финансовых учреждений являются неотъемлемой частью комплексного подхода к решению данной проблемы.

Введение эффективных мер противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках пред-

полагает не только снижение уровня криминальных рисков, но и способствует повышению доверия инвесторов, укреплению финансовой стабильности и, как следствие, стимулированию экономического роста в странах ЕАЭС. Опыт показывает, что только через совместные усилия, основанные на принципах прозрачности и взаимной поддержки, можно достичь значительных результатов в борьбе с преступностью на финансовых рынках.

Формулирование универсального комплекса мер по противодействию нелегальной деятельности на финансовых рынках в Республике Армения. Для того, чтобы повысить эффективность борьбы с незаконной деятельностью на финансовых рынках, компетентным органам Республики Армения важно своевременно вносить изменения в действующее законодательство. Однако, осуществление данной меры не является единственным необходимым условием на пути противодействия финансовым мошенничествам. Стоит обозначить перечень из нескольких, взаимодополняющих друг друга действий, совершаемых Правительством Армении в целях повышения степени прозрачности финансовых транзакций и укрепления связей на международной арене. Перечислим некоторые из них.

1. *Совершенствование законодательства.* Данная мера характеризуется не только созданием, но и рациональной модернизацией принятых нормативно-правовых актов, регламентирующих основы борьбы с легализацией денег, полученных преступным путем, финансированием терроризма и прочими незаконными финансовыми транзакциями. Стоит отметить, что в рамках усиления нормативной базы особенно актуальным становится обозначение четких правил, понятных для каждого их участников финансового рынка — кредитных учреждений, фондовых бирж, страховых организаций и многих других финансовых посредников [1, с. 535].

2. *Ужесточение требований к проведению финансового мониторинга.* Реализация данной меры способствует повышению эффективности систем финан-

сового мониторинга в том числе за счет активного использования инновационных технологических решений, позволяющих адаптировать механизм отслеживания и обработки финансовых транзакций под условия, формирующиеся в результате глобальной цифровизации. Вместе с тем, усиливается роль Национального центра по борьбе с отмыванием денег в процессе противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках.

3. Проведение обучения и просветительских мероприятий. Развивая данные направления, компетентные органы Республики Армения предоставляют участникам финансового рынка широкие возможности по изучению признаков незаконной деятельности и связанных с ней рисков.

4. Повышение прозрачности информации. Данная мера характеризуется упрощением доступа компетентных органов к финансовой информации за счет использования единой электронной базы данных, позволяющей своевременно находить необходимые сведения об операциях, сделках, банковских счетах и владельцах активов. Стоит отметить, что установленный в Республике Армения алгоритм обязательного раскрытия информации о бенефициарных владельцах организаций значительно систематизирует процесс проведения финансового мониторинга.

5. Расширение возможностей международного сотрудничества. Укрепление связей на международной арене способствует открытию новых мошеннических схем и алгоритмов их выявления. Сотрудничество с международными организациями в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках направлено на координацию действий по борьбе с трансграничной незаконной деятельностью.

6. Создание специализированных подразделений. Формирование специализированных подразделений в составе контролирующих органов способствует более глубокому изучению специфики нелегальной деятельности на финансовых рынках, что, в свою очередь, повышает эффективность механизма противодействия финансовым преступлениям.

Осуществление рассмотренных мер становится возможным благодаря тесному взаимодействию всех органов государственной власти, представителей финансового сектора и граждан в целом. Борьба с незаконной деятельностью на финансовых рынках Республики Армения основывается на объединении усилий всех задействованных в исследуемой сфере лиц.

Таким образом, предложенные рекомендации по минимизации риска вовлечения граждан в мошенничество, распространенные на финансовых рынках, отражают ключевые этапы механизма борьбы Армении с обозначенной проблемой, а именно: ужесточение норм законодательного регулирования, проведение образовательных кампаний, направленных на повышение уровня финансовой грамотности участников финансовых отношений, усиление надзора и прочие превентивные меры.

Формулирование универсального комплекса мер по противодействию нелегальной деятельности на финансовых рынках в Республике Беларусь. Перечень мер по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовых рынках в Республике Беларусь сформирован с учетом особенностей рассматриваемой области и нормативных положений международного масштаба. Так, особое внимание следует уделять механизмам обеспечения прозрачности транзакций, установления требований к лицензированию деятельности, соблюдения норм антикоррупционного законодательства и контроля деятельности финансовых институтов в целом [2, с. 61].

Прежде всего, в целях описания алгоритма эффективной борьбы с незаконной деятельностью, стоит отметить необходимость усовершенствования системы контроля за осуществляемыми клиентами финансовыми транзакциями. Данная мера характеризуется установлением более жестких требований к механизму раскрытия информации, а также связана с активным применением инновационных технологических решений в процессе мониторинга финансовых операций на предмет наличия среди них подозрительных.

Не менее важным методом борьбы является систематическое повышение квалификации сотрудников финансовых организаций в сфере противодействия легализации денежных средств и финансированию терроризма.

В целях предотвращения нелегальной деятельности на финансовых рынках Республике Беларусь необходимо модернизировать нормативно-правовую базу. В связи с этим важно ужесточить юридически закреплённые требования, касающиеся установления ответственности за осуществление нелегальной деятельности на финансовых рынках (внедрить более строгие санкции для правонарушителей).

Применение технологий блокчейн и цифровой идентификации, в свою очередь, способно одновре-

менно повысить прозрачность финансовых транзакций и ограничить возможности для финансовых махинаций. В связи с этим рекомендуется использовать инновационные технологии для обеспечения более быстрой проверки заключаемых клиентами сделок и оптимизации установления идентификационных сведений об участниках финансовых отношений.

Повышению эффективности в процессах выявления и пресечения преступлений в области финансов способствует также укрепление международного сотрудничества. В данном случае неотъемлемым элементом противодействия незаконной деятельности на финансовых рынках является обеспечение регулярного обмена информацией между различными компетентными структурами.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сформулировать вывод о том, что универсальный список мер по борьбе с незаконной деятельностью на финансовых рынках в Республике Беларусь объединяет в себе несколько ключевых аспектов: от ужесточения законодательства и надзора до использования возможностей инновационных технологических решений. Стоит подчеркнуть, что только благодаря совместным усилиям как компетентных органов, так и всего населения в целом реализация данных мер способна привести к наиболее эффективному результату.

Формулирование универсального комплекса мер по противодействию нелегальной деятельности на финансовых рынках в Республике Казахстан. В целях повышения эффективности борьбы с незаконной деятельностью на финансовых рынках в Республике Казахстан должен быть сформулирован универсальный комплекс мер. При этом перечень действий, необходимых для разрешения поднятой проблемы, должен включать как механизмы усовершенствования законодательного регулирования, так и алгоритмы систематизации модернизированных подходов к осуществлению контроля и надзора за совершением финансовых транзакций.

Говоря об оптимизации нормативно-правовой базы в сфере финансов (первая рекомендация), важно подчеркнуть необходимость внесения существенных корректировок в действующее законодательство, регламентирующее основы финансового регулирования. Данные изменения должны касаться, прежде всего, расширения полномочий компетентных органов, повышения ответственности за совер-

шение финансовых преступлений, а также определения более четких и понятных для всех участников финансовых отношений правил функционирования финансовых рынков. Также рекомендуется улучшать механизмы финансового мониторинга за счет внедрения в процесс финансового расследования технологии блокчейн и иных аналитических инструментов проверки участников финансового рынка на благонадежность. Кроме того, в качестве рекомендации можно предложить укрепление сотрудничества между компетентными органами и биржевыми площадками в области обмена сведениями об обнаруженных схемах финансовых махинаций. Еще одна рекомендация касается информирования населения Республики Казахстан о рисках вовлечения в нелегальную деятельность и проведения обучающих тренингов на тему финансовой безопасности. Стоит отметить, что снижение уязвимости граждан перед финансовыми махинациями находится в прямой зависимости от увеличения уровня осведомленности населения об угрозах финансового мошенничества. Кроме того, в качестве рекомендации для Республики Казахстан может выступать предложение укрепить свои позиции на международной арене в области сотрудничества в процессе противодействия незаконной финансовой деятельности. При этом, в целях пресечения международных преступлений в финансовой сфере, необходимо принимать активное участие в обмене информацией с компетентными органами других стран.

Таким образом, универсальный комплекс мер, сформированный на основе рекомендаций, позволит Республике Казахстан осуществлять более эффективную борьбу с незаконной деятельностью на финансовых рынках, обеспечивая устойчивое развитие экономики страны.

Заключение. Таким образом, в борьбе с нелегальной деятельностью на финансовых рынках стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) ключевую роль играет синергия международного сотрудничества и национального регулирования. Эффективное противодействие требует координированных усилий всех стран-участниц и адаптации законодательных и нормативных баз под современные реалии и угрозы. Необходимость введения единой информационной базы для обмена данными о финансовых операциях между странами ЕАЭС и усиление функций мониторинга подчеркивают страте-

гическое направление развития межгосударственного регулирования. Укрепление роли национальных финансовых разведок и регуляторов, а также разработка общих стандартов отчетности и аудита могут значительно повысить эффективность выявления и пресечения мошеннических схем. Привлечение общественности и развитие финансовой грамотности являются еще одним важным аспектом. Информирование граждан о рисках участия в нелегальных финансовых операциях и повышение их способности распознавать подобные схемы поможет снизить спрос на сомнительные услуги и, соответственно, количество мошенничеств. Только через укрепление межгосударственного сотрудничества, совершенствование национального законодательства и активное вовлечение общества удастся достичь значительного прогресса в противодействии нелегальной деятельности на финансовых рынках стран ЕАЭС. Такой подход позволит не только защитить экономику каждой страны от отмывания денег и финансирования терроризма, но и создать благоприятные условия для развития честного и прозрачного финансового рынка.

Таким образом, в статье представлены различные рекомендации по повышению эффективности в сфере борьбы с мошенническими транзакциями на финансовых рынках. Стоит отдельно подчеркнуть масштабность возможностей каждой страны Евразийского экономического союза в рассматриваемой области. Усовершенствованию могут быть «подвержены» не только нормативно-правовые акты в части регулирования субъектов финансовых отношений, но и инструменты автоматизации, использование которых в современных условиях цифровизации становится все более востребованным. Описание последствий внедрения сформулированного перечня рекомендаций в национальные системы го-

сударств ЕАЭС обосновывает эффективность исследуемых мер. Сформулированные выводы по результатам проведенного исследования закрепляют и структурируют характеризующие механизмы противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках.

Список источников

1. Титинкин И. М., Давыдов А. Д., Романовский В. А., Дохоян З. М. Отмывание денежных средств через сектор страхования «красные флажки» и индикаторы риска // МСИ: 10 лет подготовки кадров для международной системы ПОД/ФТ: мат. IX междунар. науч.-практ. конф. Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ (Москва, 22–24 ноября 2023 г.). М., 2023. С. 533–543.
2. Кривов А. В. Совершенствование уголовно-правового регулирования противодействия легализации активов, приобретенных преступным путем, по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации // Юстиция Беларуси. 2024. № 2(263). С. 58–64.

References

1. Titinkin I. M., Davydov A. D., Romanovsky V. A., Dokhoyan Z. M. Money laundering through the insurance sector «red flags» and risk indicators // ISI: 10 years of training for the international AML/CFT system: mat. IX International Scientific and Practical Conference International Network Institute in the field of AML/CFT (Moscow, November 22–24, 2023). M., 2023. P. 533–543.
2. Krivov A. V. Improving the criminal law regulation of countering the legalization of criminally acquired assets under the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation // Justice of Belarus. 2024. No. 2(263). P. 58–64.

Информация об авторе

З. М. Дохоян — доцент кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук.

Information about the author

Z. M. Dokhoyan — Associate Professor of the Department of Sustainable Development Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

Научная статья

УДК 336.027

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-205-211>

EDN: <https://elibrary.ru/swwxcb>

ИПОН: 2003-0059-5/24-166

MOSURED: 77/27-003-2024-05-365

Трансформационные процессы ESG-рейтингования

Алексей Владимирович Дюжов

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Dyuzhov.AV@rea.ru

Аннотация. Рассматриваются изменения в процессе проведения ESG-скоринга. Проведен анализ методологий ESG-агентств. Раскрыты общие и отличительные черты методологии ESG-оценки. Представлена классификация участников процесса ESG-оценки. Доказано отсутствие согласованности результатов рейтинговых агентств и методики трансформации ESG-рейтинга к общепринятому мировому виду, что свидетельствует об отсутствии стандартов предоставления ESG-информации и методологии проведения ESG-рейтингования. В качестве решения проблемы рассмотрена возможность применения формулы расчета коэффициента корреляции Пирсона, что позволит разработать методику трансформации ESG-рейтинга, адаптированную к общепринятому мировому стандарту.

Ключевые слова: ESG-агентств, ESG-оценка, критерии оценки, ESG-рейтинг, методология оценки, индикаторы оценки

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0003 «Методология адаптации публичных и корпоративных финансов к принципам «зеленой экономики»», финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Для цитирования: Дюжов А. В. Трансформационные процессы ESG-рейтингования // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 205–211. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-205-211>. EDN: SWWXCБ.

Original article

Transformational processes of ESG ratings

Alexey V. Dyuzhov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Dyuzhov.AV@rea.ru

Abstract. Changes in the ESG scoring process are being considered. The analysis of the methodologies of ESG agencies is carried out. The general and distinctive features of the ESG assessment methodology are revealed. The classification of participants in the ESG assessment process is presented. The lack of consistency between the results of rating agencies and the methodology for the transformation of the ESG rating to a generally accepted global form is proved, which indicates the lack of standards for providing ESG information and the methodology for conducting ESG ratings. As a solution to the problem, the possibility of applying the formula for calculating the Pearson correlation coefficient is considered, which will make it possible to develop a methodology for transforming the ESG rating adapted to the generally accepted international standard.

Keywords: ESG agencies, ESG assessment, assessment criteria, ESG scoring, assessment methodology, assessment indicators

Acknowledgements: the article was prepared as part of the implementation of project № FSSW-2023-0003 «Methodology for adapting public and corporate finance to the principles of the «green economy»», funded by the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Dyuzhov A. V. Transformational processes of ESG ratings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):205–211. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-205-211>. EDN: SWWXCБ.

Применение ESG-принципов приобретает большое значение при поиске и оценке направлений по инвестированию финансовых ресурсов, а показатели инвестиционной привлекательности, непосредственно связанные с применением принципов устойчивого развития, позволяют оперативно и точно определить инвестиционные риски. Традиционно инвестиционную привлекательность российских эмитентов и финансовых инструментов формирует ряд ESG-принципов, раскрывающих такие направления, как: эко-

логические факторы воздействия, социальные факторы взаимодействия компании и общества, социальная гармонизация компаний и общества. Фундаментом устойчивого развития является сочетание и совместное становление экономической, социальной и экологической составляющих, что, в свою очередь, влечет повышение качества и уровня жизни населения, сохранение и защиту окружающей среды, экономический рост хозяйствующих субъектов. Проводя анализ привлекательности российских эмитентов и

© Дюжов А. В., 2024

финансовых инструментов, следует обратить внимание на мнение участников инвестиционных процессов, затрагивающее основы ответственного инвестирования, в котором:

- ♦ 75 % респондентов одним из доводов принятия решения о вложении средств в проект или компанию называют операционную эффективность и высокий уровень управления устойчивым развитием;

- ♦ в 63 % примеров присутствует прямая связь между применением ESG-факторов и наличия положительного финансового результата;

- ♦ в 60 % компаний предоставление информации по ESG-показателям является залогом инвестиционного успеха¹. При этом достаточно большое коли-

чество компаний готовы пожертвовать получением высокой доли прибыли и выбрать сбалансированную модель развития, при которой стабильный устойчивый инвестиционный результат будет сопутствовать поддержке ESG-факторов.

Интерес мирового сообщества к вопросам ответственного инвестирования проявился в начале 2005 г., когда Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан сформировал на основании группы институциональных инвесторов рабочий коллектив, который участвовал в создании «Принципов ответственного инвестирования» PRI. Интерес к PRI у участников инвестиционного процесса ежегодно растет в среднем на 16 %.

Рис. 1. Динамика участников тренда устойчивого развития за 2006–2024 гг., ед.²

Источник: составлено на основе данных сайта аудиторской организации³.

Применение принципов носит исключительно добровольный характер по желанию инвестора. Раскрытие каждого принципа осуществляется посредством совершения набора определенных действий. Ответственное инвестирование является одним из методов финансового анализа и включает в себя все три вопроса ESG. На рис. 1 заметна положительная динамика по количеству участников тренда устойчивого развития.

Первый принцип декларирует, что будут приниматься во внимание аспекты ESG, которые участвуют в процедуре принятия решений при проведении инвестиционного анализа. В частности, такие действия и процедуры как: проведение семинаров и лекций для специалистов в области инвестиций, поддержка научных исследований в области ESG и т. д.

Второй принцип устанавливает, что разработанные процедуры по ESG будут активно применяться и совершенствоваться. В данном случае рассматри-

¹ ESG-факторы в инвестировании // URL: <https://pcnp.pf/document/1/6/c/6cebe53820e94fcd01f3d74e98923bff.pdf>

² Составлено автором на основании данных // URL: <https://www.unpri.org/signatories/signatory-resources/signatory-directory>

³ Сайт аудиторской организации // URL: <https://www.pwc.com/kz/ru/esg-rating.html#:~:text=ESG%2D%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%20%E2%80%93%D1%8D%D1%82%D0%BE%20%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0,%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D0%B8%20%D0%B4%D1%80>

вается, например, долгосрочное сотрудничество и обмен технологиями с другими компаниями по вопросам ESG.

Третий принцип предполагает, что инвестор активно применяет и выполняет все разработанные ESG-процедуры, при этом, применение процедур не ограничивается научными разработками и прописанными процедурами, а непосредственно применяется в практических целях. Подтверждением, в данном случае, является предоставление инвестиционными менеджерами отчетов о проделанных процедурах и осуществленных взаимодействиях, связанных с ESG.

Четвертый принцип предусматривает поддержку со стороны инвестора продвижения ESG-вопросов в инвестиционной отрасли. Подтверждающей процедурой является пересмотр перечня контрагентов в сторону тех, кто реализует ESG-вопросы.

Пятый принцип предполагает концентрацию единого усилия по повышению эффективности реализации ESG-повестки, которая включает в себя полномасштабный обмен информацией, технологиями и ресурсами, участие в совместных мероприятиях по коллективному решению поставленных задач.

Шестой принцип предусматривает применение системы контроллинга в процедуре внедрения и реализации ESG, что подразумевает раскрытие информации для осведомленности всех заинтересованных в проводимых ESG-процессах и результатах.

Идеи, заложенные в шестом принципе, нашли свое отражение в получившей популярность модели ESG-скоринга, под которой понимается метод анализа, проводимый рейтинговыми ESG-агентствами и частными инвесторами для оценки вероятности появления ESG-рисков.

Возникающий интерес со стороны потенциальных инвесторов по отношению к организации или эмитенту не является праздным любопытством, а есть тщательная и скрупулезная работа по поиску объекта инвестирования, отвечающего всем установленным требованиям. Минимизация появления рисков — главная задача потенциального инвестора. В свою очередь, проведение оценки компании по соблюдению ESG-требований не всегда является ее инициативой. Скорее стоит говорить о сложившемся порядке вещей при анализе нефинансовых параметров. В этом случае каждой национальной компании стоит ориентироваться на международный опыт по раскрытию информации, а также соблюдению требований площа-

док размещения ESG-данных. Правила по предоставлению нефинансовой отчетности содержатся в международных стандартах SASB и GRI, на что обратил внимание Банк России в середине 2021 г., опубликовав соответствующие рекомендации.

Перед началом рейтингования по ESG необходимо изучить ESG-агентство, где оно будет производиться. Это обусловлено, прежде всего, тем, что неожиданный результат может положительно или отрицательно сказаться на положении компании и зависит от того, как построена методология рейтингования, и на какие вопросы необходимо дать ответы. Вне всякого сомнения, рейтингование по ESG проводится в соответствии с принципами независимости и беспристрастности в соответствии с теми критериями, которые определены в методологии ESG-агентства. Причем, главным методом проведения оценки является не скрининг, который сужает количество рейтингуемых субъектов, а скоринг, посредством которого происходит автоматизированная группировка субъектов по количеству набранных баллов. При проведении рейтингования часть потенциальных инвесторов или кредиторов пользуются собственными методологиями проведения ESG-оценки, в то время как другие — пользуются услугами сторонних профессиональных участников этого рынка, а третьи могут воспользоваться несколькими методологиями ESG-оценки для исключения всех возможных рисков. Проблема дублирования проведения ESG-оценки возникает в силу отсутствия четких стандартов ее проведения, каждый профессиональный участник может использовать свои подходы при применении методологии ESG-оценки, причем окончательные результаты могут иметь сильный разброс в рейтинге конкретной компании. Все это требует более внимательного осмысления при выборе методологии ESG-оценки.

Каждая методология ESG-оценки формируется за счет трех групп различных критериев, которые раскрывают экологическое, социальное и управленческое направления. Количественный состав критериев формируется самой организацией и может находиться в диапазоне от десяти до нескольких сотен. Значимость критерия определяется уровнем ответственности и влияет на итоговый результат. На размер балла каждого критерия влияют такие факторы, как место нахождения организации, отрасль, структура и т. д. Таким образом, состав критериев и их вес для разных организаций будут отличаться. В настоя-

щее время на рынке предоставления услуг по проведению ESG-оценки насчитывается более полутысячи компаний, основным отличием которых является методология проведения ESG-оценки⁴:

♦ поставщик ESG-информации — компания, основной деятельностью которой является получение информации по критериям ESG. У данной организации нет цели проведения ESG-оценки в силу отсутствия соответствующих методологий. Все свои выводы она делает на основании информации, по-

лученной из публичных источников. К ним относятся Refinitiv и Bloomberg;

♦ рейтинговое ESG-агентство общей направленности — компания, в распоряжении которой имеется собственная методология по ESG-оценке. Для построения рейтингов она использует как ESG-информацию, поступающую из публичных источников, так и информацию, поступающую на основании запросов напрямую от оцениваемой компании. Наиболее известными примерами таких организаций являются:

Таблица 1

Основные показатели методологии ESG-агентств⁵

№	Название ESG-агентства	Методология
1	Sustainalytics (ESG Risk Ratings)	При составлении рейтингов компании из разных отраслей могут быть сравнены между собой по ESG-критериям
2	S&P Global ESG Evaluation	Методология основана на опыте аналитиков в отрасли и опирается на углубленное взаимодействие с руководством компании для оценки существенного влияния ESG на компанию в прошлом, настоящем и будущем
3	MSCI ESG Rating	Методология предполагает выявление лидеров отрасли и отстающих в зависимости от их подверженности ESG-рискам и того, насколько хорошо они управляют этими рисками по сравнению с аналогами
4	ISS ESG Corporate	Основываясь на анализе существенности, компании оцениваются по стандартному набору универсальных ESG тем, а также по дополнительным отраслевым темам. Подход к оценке существенности охватывает как материальные риски устойчивого развития, так и неблагоприятное воздействие на общество и окружающую среду
5	Bloomberg ESG Disclosure	Аналитики Bloomberg стандартизируют отчетные данные ESG и гарантируют, что они охватывают 80 % операций компании и сотрудников, чтобы данные в полной мере отражали операционное влияние организации
6	CDP (Carbon Disclosure Project)	Оценка выставляется по итогам заполнения опросников CDP. Каждая из анкет CDP имеет индивидуальную методику подсчета баллов
7	Moody's ESG	Оценка основана на подходе «двойной существенности», который учитывает влияние факторов ESG на стоимость предприятия, а также социальное и экологическое воздействие деятельности компании на внешнюю среду
8	Refinitiv	Данные ESG рассматриваются как фундаментальные данные, объективные, а не субъективные или основанные на мнениях. Оценки ESG открыты и прозрачны в отношении того, что и как оценивается
9	RepRisk Rating	Агентство использует сочетание AI и машинного обучения с человеческим интеллектом для преобразования больших данных в практические исследования, аналитику и показатели риска
10	RAEX-Europe	Методика построена по иерархическому принципу. Рейтинговый функционал и собственно ESG-рейтинг определяются на основе оценок по факторам E, S и G. Оценки по факторам, в свою очередь, основываются на оценках по показателям, а те, в свою очередь, рассчитываются на основе оценок по метрикам

⁴ Research Affiliates // URL: <https://www.researchaffiliates.com/insights/esg>

⁵ Рейтинговое ESG-агентство Sustainalytics (ESG Risk Ratings) // URL: <https://www.sustainalytics.com/esg-ratings>; Рейтинговое ESG-агентство S&P Global ESG Evaluation // URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research-insights/esg/esg>; Рейтинговое ESG-агентство MSCI ESG Rating // URL: <https://www.msci.com/sustainable-investing/esgratings>; Рейтинговое ESG-агентство ISS ESG Corporate // URL: <https://www.issgovernance.com/esg/ratings/corporate-rating>; Рейтинговое ESG-агентство Bloomberg ESG Disclosure // URL: <https://www.bloomberg.com/professional/products/data/enterprise-catalog/esg>; Рейтинговое ESG-агентство CDP (Carbon Disclosure Project) Disclosure // URL: <https://www.cdp.net/en>; Рейтинговое ESG-агентство Moody's ESG Solution // URL: <https://ratings.moody's.io/integration-of-esg-into-credit-risk>; Рейтинговое ESG-агентство Refinitiv // URL: <https://eikon.refinitiv.com>; Рейтинговое ESG-агентство RepRisk Rating // URL: [https://www.irplast.com/reprisk-esg-risk-rating-irplast/#:~:text=The%20RepRisk%20Rating%20\(RRR\)%20is,process%20for%20ESG%20and%20Governance](https://www.irplast.com/reprisk-esg-risk-rating-irplast/#:~:text=The%20RepRisk%20Rating%20(RRR)%20is,process%20for%20ESG%20and%20Governance); Рейтинговое ESG-агентство RAEX-Europe // URL: <https://raexpert.eu>

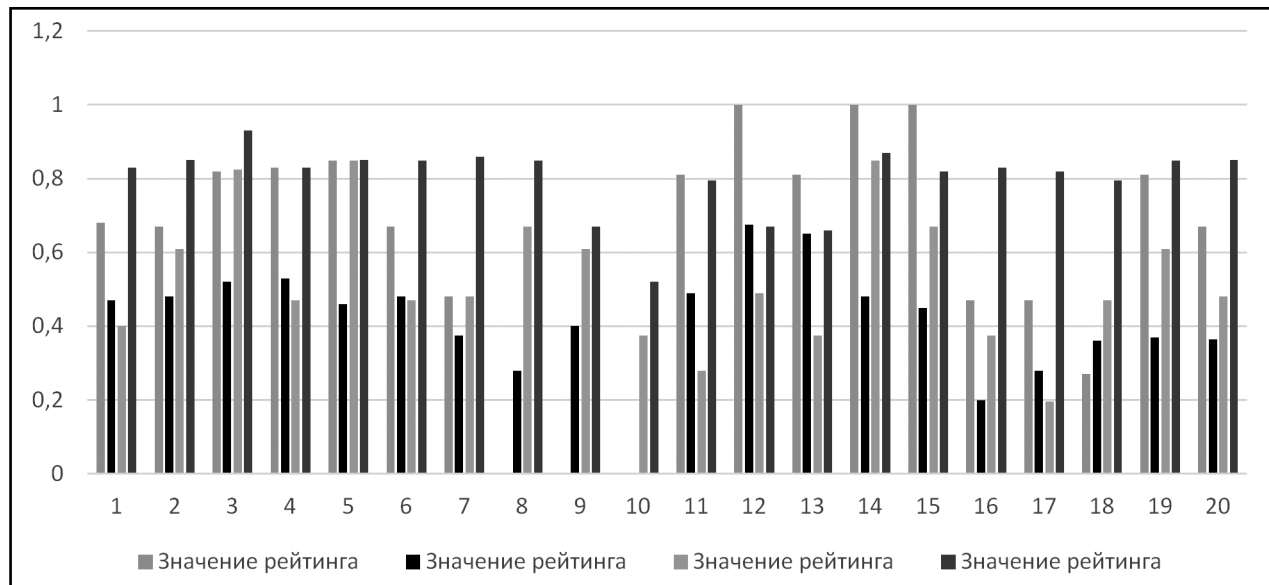

Таблица 2

Взаимозависимость между ESG-рейтингами

	MSCI	Sustainalytics	S&P	Refinitiv
MSCI	-	-	-	-
Sustainalytics	0,74	-	-	-
S&P	0,42	0,46	-	-
Refinitiv	0,4	0,31	0,64	-

Источник: составлено на базе данных сайта аудиторской организации⁶.

Рис. 2. Рейтинг 20 компаний от MSCI, Sustainalytics, S&P Global и Refinitiv⁷

RAEX-Europe, S&P Global и Moody's и более специализированные — MSCI, Sustainalytics, RepRisk и др.;

♦ рейтинговое ESG-агентство специализированной направленности — компания, которая проводит оценку только одного ESG-направления. Например, агентство по оценке воздействия на окружающую среду CDP (Carbon Disclosure Project).

Стоит выделить отдельно применение искусственного интеллекта (далее — ИИ) в проведении мониторинга и обработке данных с целью использования информации в ESG-оценке. Так, рейтинговое ESG-агентство RepRisk использует ИИ в построении прогнозов и проведении анализа, оперируя историческими данными без помощи человека. MSCI и Sustainalytics используют ИИ для работы с большими массивами данных, а также для большей достоверности данных. Дальше всего в применении ИИ зашла рейтинговая ESG площадка Moody's, которая внедрила в свою работу ESG-схему, позволяющую строить прогнозы развития компании.

Основные показатели методологии ESG-агентств представлены в табл. 1.

Примеры показателей рейтингов позволяют прийти к выводу, что разница в методологиях является весьма существенным условием, приводящим к различным результатам по ESG оценке. В табл. 2 приведен анализ разниц в ESG-оценке по разным рейтинговым агентствам на примере сорока компаний по таким отраслям, как электроэнергетика, извлечение и обработка углеводородов, добыча полезных ископаемых и финансовый сектор.

Анализ данных таблицы говорит о наличии, низкой и среднестатистической взаимосвязи между показателями рейтингования компаний.

⁶ Сайт аудиторской организации // URL: <https://www.pwc.com/kz/ru/esg-rating.html#:~:text=ESG%2D%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%20%E2%80%93%D1%8D%D1%82%D0%BE%20%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D0%B8%20%D0%B4%D1%80>

⁷ Там же.

На рис. 2 представлены показатели 20 компаний, по которым используются рейтинги четырех агентств.

Результаты рейтинговых агентств на рисунке переведены в единую систему шкалы и свидетельствуют о несогласованности рейтингов.

Аналогичные выводы демонстрирует автор исследования, где проводится анализ показателей шести рейтинговых агентств и 924 компаний. Взаимозависимость составила от 0,38 до 0,71, что подтверждает выводы, сделанные из табл. 1 и рис. 2 [2]. В работе автор расхождения объясняет различие оценки индикаторов и применением шкалы. Наибольшую долю в интервал расхождения вносит показатель оценки индикатора, оценка которого может варьироваться и качество работы с персоналом может быть оценено на основании его выбытия или наличия трудовых споров. Ярким отличием рейтингования по ESG является наличие или отсутствие определенных показателей.

Следующее отличие состоит в том, как агентства оценивают каждый индикатор. Также отсутствует методика трансформации ESG-рейтинга к общепринятому мировому виду. Таким образом, основной проблемой при проведении ESG-рейтингования является отсутствие стандартов предоставления ESG-информации и методологии проведения ESG-рейтингования. При ознакомлении с рейтингом, потенциальный инвестор, одновременно, получает информацию о том, какие использовались показатели и какой размер их веса.

В качестве одного из вариантов научного решения этой проблемы в целях получения единого ESG-рейтинга возможно применение формулы расчета

коэффициента корреляции Пирсона. Как отмечает В. С. Шкляева среднее значение коэффициента корреляции составляет 0,6 и изменяется в диапазоне от 0,38 до 0,67 [1]. В расчетах используются рейтинговые показатели агентства Sustainalytics, которые хорошо сопоставляются с показателями других агентств (рис. 3).

Точность построения рейтингов способствует повышению корреляционных отношений между показателями, это объясняется тем, что скрытые переменные, лежащие в основе ESG-оценки, позволяют улучшить показатели качества рейтинга.

Продолжением высказанной концепции является расчет единой модели ESG-рейтинга российских эмитентов и финансовых инструментов на основании данных нескольких ведущих рейтинговых агентств. Применение этой модели позволит максимально точно и достоверно учесть показатели компании, которые в будущем позволят сформировать единую, достоверную базу данных ESG-рейтингов. Так как единая модель ESG-рейтинга будет иметь в своей основе данные базовых агентств, то целесообразно ограничить раскрытие части показателей. Расчет включает:

а) расчет показателя ESG-рейтинга российских эмитентов на основании данных нескольких рейтинговых агентств, который рассматривается как средневзвешенное значение ограниченных оценок нескольких ESG агентств (1).

Средневзвешенное ESG score = $([A1 \times XP1] + [A2 \times XP2] + [An \times XPn]) \div (A1 + A2 + An)$ (1)

где, A1;... An — ESG-балльный рейтинг компании от одного агентства;

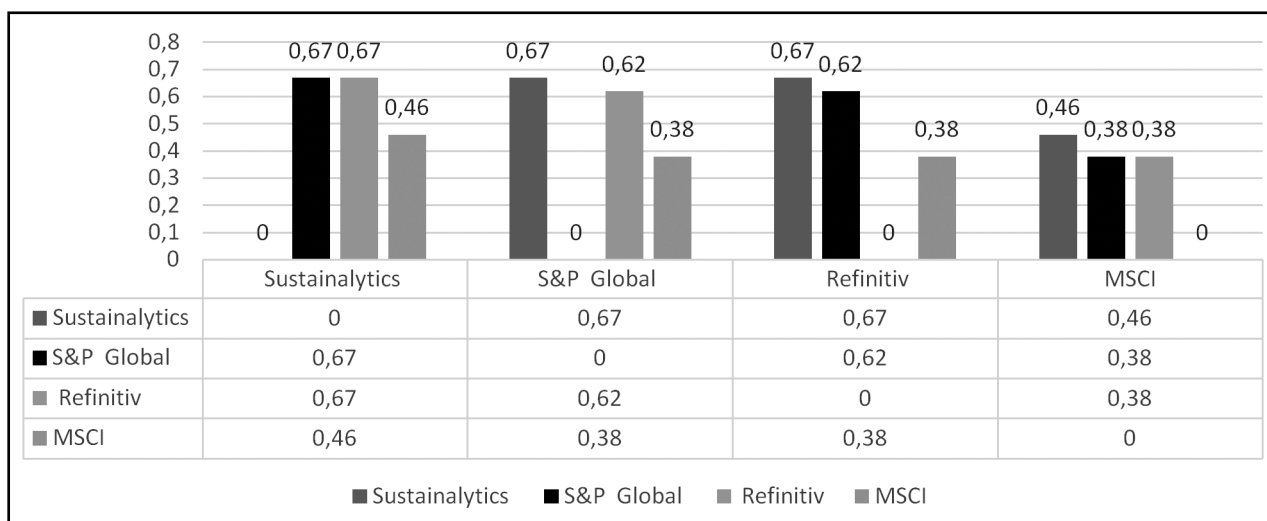

Рис. 3. Корреляция между ESG-оценками ключевых международных рейтингов [1]

n — индикатор переменной агентства n .

В целях унификации шкалы баллов каждого рейтинга проводится корректировка данных путем умножения на X , в целях получения среднего значения, равного нулю, и стандартного отклонения равного единице;

б) расчет показателя уровня профиля ESG-рейтинга финансовых инструментов с учетом весовых индикаторов отдельных акций (2).

Profile financial instrument ESG score $x, y = \sum_{p=1}^{K_{x,y}} I_{y,x,p} * \text{ESG score } x, y$ (2)

где, $I_{y,x,p}$ — весовой коэффициент ценной бумаги p по окончании финансового года;

K — общее количество ценных бумаг.

Полученный показатель позволит смоделировать последствия, которые могут возникнуть при участии в расчете ESG-критериев. Предложенный подход к построению единой модели ESG-рейтинга российских эмитентов и финансовых инструментов может рассматриваться как один из возможных вариантов решения проблемы универсализации ESG-рейтингов, однако выбор конкретных рейтинговых агентств нарушит правила конкуренции на этом рынке и поставит прочие агентства в невыгодное положение. Также применение модели потребует разработки обмена информацией, описание процедуры проведения ESG-оценки и разработки, а также возможное нормативное закрепление методологии применения модели.

Список источников

1. Шкляева В. С. Влияние ESG-рейтинга на инвестиционный профиль компании // Успехи в химии и химической технологии. 2023. Т. 37. № 1(263). С. 84–86.
2. Berg F., Kolbel J. F., Rigobon R. 2022. Aggregate Confusion: the Divergence of ESG Ratings // URL:

https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3438533

References

1. Shklyayeva V. S. The influence of the ESG rating on the investment profile of the company // Successes in chemistry and chemical technology. 2023. Vol. 37. No. 1(263). P. 84–86.
2. Berg F., Kolbel J. F., Rigobon R. 2022. Aggregate Confusion: the Divergence of ESG Ratings // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3438533

Библиографический список

1. Международные стандарты финансовой отчетности (IFRS S1 General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information, IFRS S2 Climate-related Disclosures) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Отраслевые стандарты SASB (Sustainability Accounting Standards Board) // URL: <https://sasb.ifrs.org/>
3. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. International Financial Reporting Standards (IFRS S1 General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information, IFRS S2 Climate-related Disclosures) // LRS «ConsultantPlus».
2. Industry Standards SASB (Sustainability Accounting Standards Board) // URL: <https://sasb.ifrs.org/>
3. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 «On National development goals of the Russian Federation for the period up to 2030» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. В. Дюжов — доцент кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Dyuzhov — Associate Professor of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

Научная статья

УДК 336.71

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-212-217>

EDN: <https://elibrary.ru/smvqqg>

ИПОН: 2003-0059-5/24-167

MOSURED: 77/27-003-2024-05-366

Особенности обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации в современных условиях

Артем Витальевич Иванов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ivanof91@mail.ru

Аннотация. Представлено своеобразие отношений, составляющих содержание финансов как экономической категории, которое заключается в том, что они выражают реально существующие в обществе производственные отношения, имеющие объективный характер и всегда имеют денежную форму выражения. В условиях кризиса значительно усиливается значение государства в обеспечении стабильности финансовой системы страны, а также в создании предпосылок для эффективной работы финансовых рынков и институтов.

Ключевые слова: финансовая безопасность, банковская система, финансовая политика, банковский кризис, инфляция

Для цитирования: Иванов А. В. Особенности обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 212–217. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-212-217>. EDN: SMVQQG.

Original article

Peculiarities of ensuring financial security of the Russian Federation in modern conditions

Artem V. Ivanov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ivanof91@mail.ru

Abstract. Presented the peculiarity of the relations that make up the content of finance as an economic category, which consists in the fact that they express really existing in society production relations that have an objective nature and always have a monetary form of expression. In the conditions of the crisis, the importance of the state in ensuring the stability of the financial system of the country, as well as in creating prerequisites for the effective operation of financial markets and institutions is significantly increased.

Keywords: financial security, banking system, financial policy, banking crisis, inflation

For citation: Ivanov A. V. Peculiarities of ensuring financial security of the Russian Federation in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):212–217. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-212-217>. EDN: SMVQQG.

Финансовая система государства — это «форма организации денежных отношений между национальными субъектами, связанными с распределением и перераспределением совокупного общественного продукта» [2, с. 54]. Финансовая система включает конкретные формы и методы взаимосвязей между государством, предприятиями, домашними хозяйствами, отраслями экономики, регионами страны.

В целом, финансам органично присущи следующие черты [3, с. 49].

Во-первых, наличие денежной формы, которая выделяет эти отношения на фоне натуральных, где деньги не используются.

Во-вторых, распределительный характер отдельных отношений, подразумевающий отсутствие эквивалентного обмена, как это имеет место при купле-продаже товаров.

В-третьих, перераспределение национального дохода с использованием определенных денежных фондов, что отличает его от ценового распределения, не предполагающего наличие таких фондов.

С точки зрения проблемы существования и необходимости снижения системных рисков в национальной экономике нужно отметить, что денежно-кредитное регулирование и денежно-кредитная политика представляют собой разные экономические

© Иванов А. В., 2024

категории. Денежно-кредитное регулирование является элементом системы государственного управления экономикой и представляет собой совокупность мероприятий, проводимых центральным банком. В то же время, денежно-кредитная политика — это государственная стратегия, направленная на изменение параметров денежно-кредитной системы с целью влияния на макроэкономические процессы, такие как инфляция или экономический рост. При этом реализация целей денежно-кредитной политики осуществляется через механизмы денежно-кредитного регулирования.

Среди ключевых вопросов денежно-кредитного регулирования, рассматриваемых в экономической литературе, особое внимание уделяется выбору между следованием установленным правилам и предоставлением центральному банку свободы действий, а также соотношению целей и инструментов монетарной политики. Для достижения промежуточных целей центральный банк применяет традиционный набор инструментов, включающий операции на открытом рынке (покупка и продажа активов, таких как иностранная валюта, государственные облигации и векселя министерства финансов), установление резервных требований (нормативы обязательных резервов для кредитных организаций), а также контроль процентных ставок (учетной ставки, ставок по депозитам, операциям РЕПО и другим видам кредитования). Используя процентные ставки в рамках комплекса инструментов денежно-кредитной политики, центральный банк регулирует уровень ликвидности банковской системы в зависимости от текущей экономической ситуации.

Центральный банк применяет свои инструменты таким образом, чтобы контролировать изменения промежуточных целевых показателей. Наблюдая за динамикой этих показателей, можно определить направление проводимой денежно-кредитной политики. Однако, поскольку основная цель денежно-кредитной политики заключается в достижении определенных результатов, таких как уровень инфляции, объем выпуска и уровень безработицы, управление промежуточными показателями является лишь средством для достижения этих конечных целей. Поэтому значения промежуточных целевых показателей должны устанавливаться таким образом, чтобы способствовать поддержанию конечных показателей на заданном уровне.

В российской банковской системе Центральный банк выступает основным институтом, осуществляющим общее регулирование деятельности коммерческих банков в рамках единой денежно-кредитной системы страны. Его задача заключается в приведении их работы в соответствие с общей экономической стратегией. Центральный банк играет ключевую роль в реализации государственной денежно-кредитной политики, преимущественно применяя экономические методы управления, прибегая к административным мерам лишь в исключительных случаях.

Теперь рассмотрим понятие системного банковского кризиса. Системный банковский кризис — это «состояние корпоративного и финансового секторов страны, испытывающих большое количество взаимных неплатежей, когда финансовые учреждения и нефинансовые корпорации стоят перед большими трудностями, в том числе, в выполнении контрактных обязательств» [1, с. 102]. В результате невыплаты ссуд приобретают массовый, волнообразный характер, что приводит к исчерпанию капитала банковской системы. Данная ситуация может сопровождаться резким снижением цен на активы (прежде всего, акции и недвижимое имущество), увеличением реальных процентных ставок, замедлением движения капитала между секторами экономики.

Кроме системного, можно выделить следующие формы проявления банковских кризисов:

- ♦ частичный или локальный кризис, охватывающий либо отдельные секторы банковской системы, либо отдельные регионы внутри страны;
- ♦ латентный кризис, представляющий собой ситуацию, когда значительная часть банковских институтов (преимущественно банков среднего уровня) оказывается слабо адаптированной к конкретной экономической ситуации и требованиям клиентов, однако продолжает функционирование с заведомо высокими рисковыми ожиданиями (в международной банковской практике такая ситуация расценивается как *bank distress* — «банковское истощение»);
- ♦ открытая форма кризиса, когда большинство банков (среднего и крупного уровня) прекращает платежи по вкладам. Примером такой формы кризиса является волна банкротств банков, которым перед Великой депрессией предшествовали массовые изъятия вкладов клиентами (так называемые «*bank runs*»). Стоит отметить, что в международной практике термин «банковский кризис» чаще всего ис-

пользуется именно для обозначения открытых форм кризисных явлений.

Далее, международный (глобальный) банковский кризис можно определить, как ситуацию, когда расстройство, возникнув в отдельной стране либо группе стран, в силу международной интеграции вызывает кризисные явления в других странах.

Причины кризисов банков и банковских систем следует классифицировать по различным основаниям. Так, основными фундаментальными макроэкономическими причинами (факторами) банковских кризисов являются:

- ♦ инфляция, влияющая на банковский сектор через изменение процентных ставок по кредитам, депозитам и вкладам;
- ♦ снижение реальной мотивации к сбережениям и сокращение объема депозитной базы;
- ♦ утечка национального капитала за границу;
- ♦ усиление несбалансированности и диспропорций между активными и пассивными операциями банков;
- ♦ резкое ухудшение состояния национальной экономики, связанное со спадом производства, неконтролируемым и экономически необоснованным ростом цен и процентных ставок по ссудам и, как следствие, ухудшением платежеспособности и кредитоспособности заемщиков банков;
- ♦ неравномерные колебания цен на основные и неосновные товары, финансовые активы и пр., что служит основным фактором нарастания экономической нестабильности и рисков в банковской деятельности;
- ♦ некоторые последствия стабилизационной политики и резкого пересмотра экономического курса правительства страны;
- ♦ внешнеполитические факторы;
- ♦ рыночные реформы и т. д.

Банковским кризисам, как правило, предшествует этап стремительного роста кредитования, вызванный финансовой либерализацией или внедрением новых финансовых инструментов. Этот период зачастую сопровождается формированием спекулятивных «пузырей», особенно на рынках недвижимости и строительства. Кроме того, кризисы чаще всего возникают в странах, которые в предкризисный период сталкиваются с существенным притоком капитала. В ходе кризиса происходит схлопывание спекулятивных пузырей, резкая девальвация национальной валюты, со-

кращение реального ВВП и снижение объема кредитования относительно уровня ВВП.

Активные операции банка отличаются разнообразием как по своему экономическому содержанию, так и по уровню доходности и качеству. Некоторые из них являются обязательными для обеспечения устойчивой работы банка, хотя и не приносят прибыли. В то же время, другие направления размещения средств могут быть более прибыльными, но сопряжены с повышенными рисками.

Если сравнивать структуру активов коммерческих банков разных стран, то можно отметить ряд статей, преобладающих во всех банках; такими статьями в банках представленных стран, прежде всего, являются вложения в денежные средства. Наименьшее распространение во всех странах получили операции с векселями.

При наличии некоторых общих черт в структуре активов в представленных странах следует выделить и существенные отличия. Эти отличия зависят, в первую очередь, от специфических особенностей законодательства стран, способного ограничить или стимулировать определенные виды деятельности кредитных институтов, а также влиять на другие параметры банковской системы.

Среди причин кризисов выделяют следующие: инфляция, общее снижение реальных стимулов к сбережениям и сужение депозитной базы; «бегство» национальных капиталов за границу; нарастание деструктурированности и диспропорциональности активных и пассивных операций финансовых институтов; резкое ухудшение состояния национальной экономики, некоторые последствия стабилизационной политики и резкого пересмотра экономического курса правительства, внешнеполитические факторы и т. д.

Существуют различные причины, по которым активы банка перестают выполнять свои функции и переходят в разряд некачественных, недействительных активов. Множество факторов, внешних — потеря платежеспособности контрагента, изменение правовых условий, спекулятивные риски, и внутренних — непродуманная кредитная политика банка (принятие неоправданных кредитных рисков, концентрированное кредитование), могут вызвать увеличение объема недействительных активов.

Недействительные активы — это «долг, образовавшийся в результате неисполнения обязательств перед банками» [4, с. 129]. Недействительные активы

включают в себя проблемные кредиты и другие активы, не приносящие доход.

В связи с тем, что кредитование является основным и наиболее рискованным видом активных операций коммерческих банков, основную долю недействительных активов составляют недействительные кредиты. Недействительным кредитом считается кредитный продукт, по которому имеются существенные нарушения сроков исполнения обязательств перед банком, существенное ухудшение финансового состояния должника, существенное ухудшение качества или утрата обеспечения. Проблемные кредиты — дебиторская задолженность, обеспеченная и необеспеченная залогом, по которой просрочка основного долга и процентов составляет, по крайней мере, 180 дней.

В мировой практике используются различные критерии отнесения активов к категории недействительных, и, как уже было отмечено, коммерческие банки вправе самостоятельно определять правила классификации, соблюдая при этом стандарты, установленные надзорными органами. В качестве главных критериев классификации недействительных активов выступают сроки и объемы неисполнения обязательств перед банком, в соответствии с этими критериями недействительные активы классифицируются на группы: нестандартные, сомнительные и убыточные. Очевидно, что в случае банковского кризиса недействительные активы, классифицированные как нестандартные и сомнительные, могут перейти в группу убыточных, и, таким образом, представляют собой угрозу вероятных потерь в той же степени, что и убыточные.

С точки зрения экономики в целом, любые негативные тенденции в реальном секторе способствуют увеличению объема некачественных активов в банковском секторе. Рост недействительных активов способен вызвать еще большее усиление кризисных тенденций в экономике. Происходит цепная реакция, и устранение недействительных активов становится важной проблемой не только для отдельного банка и банковской системы, но и экономики в целом, т. е. возникает системный финансовый кризис.

Задача преодоления кризисных явлений в Российской Федерации в долгосрочном периоде не может быть решена в отрыве от всего комплекса проблем финансового регулирования экономики. Но в условиях, когда Банк России вынужден преследовать

несвойственную ему цель поддержания конкурентоспособности отечественной продукции, часть прироста денежной массы оказывается источником инфляционного давления.

Факторы, воздействующие на совокупный спрос, на цены производственных ресурсов и инфляционные ожидания, увеличивают спрос на деньги. Если повышение спроса на деньги не будет подкреплено соответствующим ростом денежного предложения, неизбежен спад — сокращение выпуска и рост безработицы — явления, которым меры денежно-кредитного регулирования должны противодействовать. Тем не менее, не только монетарные факторы инфляции могут явиться причинами устойчивого роста цен в долгосрочном периоде: они лишь демонстрируют направление изменения относительных цен, продолжительное воздействие которого на общий индекс цен без роста денежной массы невозможно.

Финансовая политика, проводившаяся в целях сокращения негативных последствий кризиса ликвидности, в целом оценивается как эффективная. С началом кризиса были снижены нормативы обязательных резервов, расширен список ценных бумаг, под залог которых банки могли брать кредиты в Центральном банке, организована система выдачи беззалоговых кредитов.

Ставка рефинансирования снижается синхронно с замедлением инфляции. В условиях кризиса ужесточение денежной политики не кажется приемлемой мерой. При инфляции в 10–12 % ставка по кредитам может достигать и до 25–30 %; снижение инфляционной составляющей было бы большим шагом в оживлении экономики. Но, как показывает мировой опыт борьбы с инфляцией, в условиях, в которых функционирует российская экономика, быстро снизить ее невозможно, особенно, при кризисе. Поэтому, наряду с действиями, направленными на снижение инфляции, также необходимо принимать и другие меры, которые в дальнейшем также будут способствовать снижению процентной ставки по кредитам и усилению экономической активности.

Девальвация практически не скажется на уровне экономической активности, если импортозамещения не произошло. Во-первых, значительная часть сокращения закупок товаров за границей обусловлена снижением спроса. А, во-вторых, в условиях общей неопределенности, в связи с мировым кризисом и недоступностью банковских кредитов, возможности для

расширения производства на многих предприятиях крайне ограничены. Тем не менее, как и любой внешний шок, увеличение курса доллара отражается на ценах. При этом вырастают в цене не только импортные товары: отечественные производители схожей продукции также поднимают свои цены.

В настоящее время обсуждаются потенциальные возможности новой девальвации. В условиях относительной стабильности цены на нефть ее вероятность довольно низка. Во-первых, чтобы девальвировать рубль, нужно придерживаться политики фиксированного курса. Последние несколько месяцев Центральный банк практически не вмешивается в работу валютного рынка, по сути, отпустив рубль в свободное плавание. Подтверждением тому — неизменность валютных резервов Банка России. Поэтому в текущей ситуации девальвировать рубль — это значит зафиксировать его на уровне ниже рыночного. Кроме того, девальвация в современных условиях будет означать лишь перераспределение средств от потребителей к экспортерам.

В условиях кризиса, плавающего курса рубля и необходимости поддержания уровня ликвидности в экономике, единственным направлением политики, способным снизить инфляцию, остается стимулирование предложения.

Ускорение роста ВВП зависит от двух основных факторов: во-первых, от институционального укрепления правового государства, во-вторых — от макроэкономической стабильности. Снижение инфляции является важнейшим направлением финансового регулирования экономики, поскольку только при низком уровне инфляции возможно перспективное планирование и привлечение недорогих ресурсов для долгосрочных инвестиций.

Развитие финансовой системы является важным условием для повышения доступности инвестиций. Ключевыми направлениями в этом процессе должны стать усиление позиций национальной банковской системы и страхового рынка. Опыт мировых финансовых кризисов подчеркивает необходимость укрепления ресурсной базы отечественной финансовой системы. Достижение этих целей возможно лишь при внедрении новых механизмов размещения пенсионных накоплений и средств суверенных фондов в рамках российской финансовой системы.

При оценке вероятности банковского кризиса одним из главных индикаторов должны стать показате-

ли ликвидности. Основными показателями уровня ликвидности в банковской системе являются объемы межбанковских кредитов, а также динамика и колебания процентных ставок по данным кредитам. Одним из инструментов поддержания ликвидности на межбанковском рынке является расширение объема государственных облигаций. Финансовая система в российской экономике обеспечивается рядом факторов и условий; решающим из них является стратегически и организационно эффективно построенное управление финансами во всех сферах и на всех уровнях экономической жизни.

С целью преодоления кризиса, государство применяет определенные меры антикризисной политики, которая обычно состоит из двух этапов — сдерживания и урегулирования кризиса.

Учитывая, что ожидаемые структурные сдвиги в экономике в условиях кризиса приведут к снижению доходов государства в основном за счет сокращения удельного веса нефтегазового сектора, снижения доли импорта в ВВП, а также учитывая ожидаемый в будущем рост социальных обязательств государства, важным представляется дальнейшее совершенствование системы государственного финансового контроля.

Функционирование современного банковского сектора в экономике России невозможно без наличия эффективной системы регулирования и надзора, которая способствует достижению банками необходимой степени общественного доверия.

В условиях принятия законодательных мер, направленных на повышение безопасности операций коммерческих банков с вкладчиками, особенно физическими лицами, внедрения системы гарантирования вкладов и перехода на международные стандарты финансовой отчетности, Центральный банк Российской Федерации должен уделять особое внимание совершенствованию банковского надзора. Это включает проведение систематической и качественной диагностики финансового состояния каждого коммерческого банка, оценку устойчивости их деятельности, а также анализ эффективности управления кредитными организациями в банковском секторе страны в соответствии с международными стандартами.

Список источников

1. Деньги. Кредит. Банки / под ред. О. И. Лаврушина. М., 2012.

2. Макроэкономика / под ред. М. И. Плотницкого. М. : Инфра-М, 2013.

3. Полищук А. И. Кредитная система: опыт, новые явления, прогнозы и перспективы. М. : Финансы и статистика, 2013.

4. Хандруев А. А., Чумаченко А. А., Ветрова А. В. Перспективы развития рынка финансовых услуг в России // Информационно-аналитические материалы банковской конференции (Консалтинговая группа БФИ). Сочи, 2013.

References

1. Money. Credit. Banks / edited by O. I. Lavrushin. M., 2012.

2. Macroeconomics / edited by M. I. Plotnitsky. M. : Infra-M, 2013.

3. Polishchuk A. I. Credit system: experience, new phenomena, forecasts and prospects. M. : Finance and Statistics, 2013.

4. Khandruiev A. A., Chumachenko A. A., Vetrova A. V. Prospects for the development of the financial

services market in Russia // Information and analytical materials of the banking conference (BFI Consulting Group). Sochi, 2013.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

2. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп.) // ВСНД РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002 «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» (with amendments and Additions) // CL RF. 2002. No. 28. Art. 2790.

2. Federal Law No. 395-1 of December 2, 1990 «On Banks and banking activities» (with amendments and additions) // VSND RSFSR. 1990. No. 27. Art. 357.

Информация об авторе

А. В. Иванов — доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. V. Ivanov — Associate Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Учебное пособие
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МУМЦ
«Профессиональный учебник»
Г. Я. Остаев, Б. Н. Хосиев,
Н. Д. Эриашвили

Исследованы направления развития теории и методики судебной экономической экспертизы. В пособие включены также тестовые вопросы и задачи ситуационного характера.

Для магистров, аспирантов, преподавателей экономических специальностей, а также аудиторов, экспертов, экономистов, бухгалтеров и финансовых менеджеров организаций.

ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Научная статья

УДК 330.32

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-218-222>

EDN: <https://elibrary.ru/sciisb>

ИПОН: 2003-0059-5/24-168

MOSURED: 77/27-003-2024-05-367

Направления интеграционного взаимодействия бизнес-систем в условиях цифровой трансформации

Мурад Гусейнович Исаев

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, ef.dgu@mail.ru

Аннотация. Исследована проблематика цифровой трансформации, обусловленная влиянием процессов интеграционного взаимодействия между участниками инновационной деятельности. Обосновано, что в парадигме цифровой индустрии образуются партнерства в цифровой среде, что обеспечивает рост конкурентоспособности и оптимизацию бизнес-процессов на всех уровнях. Структурированы типы бизнес-систем в зависимости от степени интеграционного взаимодействия в рамках цифровой трансформации. Предложены направления интеграционного взаимодействия для реализации цифровой трансформации бизнес-систем с учетом их видовой структуры и уровней цифровой зрелости.

Ключевые слова: цифровая трансформация, экосистемный подход, цифровизация, бизнес-системы, цифровая экосистема

Для цитирования: Исаев М. Г. Направления интеграционного взаимодействия бизнес-систем в условиях цифровой трансформации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 218–222. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-218-222>. EDN: SCIISB.

Original article

Directions of integration interaction of business systems in the conditions of digital transformation

Murad G. Isaev

Dagestan State University, Makhachkala, Russia, ef.dgu@mail.ru

Abstract. The problems of digital transformation caused by the influence of the processes of integration interaction between the participants of innovative activity are investigated. It is proved that in the paradigm of the digital industry, partnerships are formed in the digital environment, which ensures the growth of competitiveness and optimization of business processes at all levels. The types of business systems are structured depending on the degree of integration interaction within the framework of digital transformation. The directions of integration interaction for the implementation of digital transformation of business systems, taking into account their specific structure and levels of digital maturity, are proposed.

Keywords: digital transformation, ecosystem approach, digitalization, business systems, digital ecosystem

For citation: Isaev M. G. Directions of integration interaction of business systems in the conditions of digital transformation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):218–222. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-218-222>. EDN: SCIISB.

Введение. Проблематика обеспечения процессов цифровой трансформации имеет широкое обсуждение в научной литературе. Ученые сходятся во мнении, что цифровая трансформация стала ключевым явлением в науке и практике управления инновациями [3] и современными социально-экономическими системами [4]. Т. С. Колмыкова и П. П. Ковалев рассматривают цифровую трансформацию с позиции осуществления цифровых инициатив, способствующих повышению эффективности бизнес-процессов [1].

Проблемное поле цифровой трансформации расширяется в отношении исследования процессов ин-

теграционного взаимодействия между участниками инновационной деятельности. Цифровая трансформация затрагивает не только саму компанию, но и ее «соратников» по экосистеме, объединяя в цифровом пространстве процессы взаимодействия с потребителями, поставщиками и партнерами [5]. Участники инновационной деятельности объединяются в цифровые сети для совместного создания ценности, образуя цифровые экосистемы. Экосистема как цифровая бизнес-модель формирует сетевые взаимосвязи между компаниями и индивидуальными пользователями, применяя цифровые технологии.

© Исаев М. Г., 2024

Экосистемы становятся все более привлекательными и зачастую необходимыми форматами для бизнеса, стремящегося расширить свое присутствие в цифровой среде и получить выгоду от цифровой трансформации. Одна из причин востребованности экосистемного подхода заключается в том, что знания, необходимые для решения конкретной проблемы, связанной с цифровой трансформацией, могут находиться за пределами организации, что приводит к необходимости устранения недостатка в компетенциях [16]. Кроме того, создание собственных экосистем или подключение к имеющимся сетевым структурам может быть стратегическим выбором, например, когда организации сосредотачиваются на динамических возможностях для достижения конкурентного преимущества [15]. Важным условием сохранения устойчивости системы является то, что компании, создающие сеть, должны иметь возможность оркестрировать действия других участников внутри экосистемы [10; 11]. В этой связи функционал участников различается, что составляет основу видового разнообразия бизнес-систем.

Материалы и методы. Для целей настоящего исследования цифровую экосистему представим как сеть, состоящую из нескольких организаций, целью которых является совместное изменение, создание и предоставление потребительской ценности благодаря использованию цифровых сервисов и технологий, а также путем объединения цифровых ресурсов, цифрового опыта и цифровых бизнес-возможностей участников сетевых взаимоотношений.

Компании, применяющие традиционные бизнес-модели, в качестве основной деятельности по созданию добавленной стоимости занимаются производством физического продукта. В новой парадигме цифровой индустрии образуются партнерства в цифровой среде, что обеспечивает рост конкурентоспособности и оптимизацию бизнес-процессов на всех уровнях. Поиск подходящих партнерств или экосистем, а тем более их создание, составляет сложную задачу для современного бизнеса. Инициация таких цифровых партнерств и экосистем часто обусловлена стремлением к развитию цифрового бизнеса, которое может быть обеспечено путем создания инфраструктурных платформенных решений. Цифровые экосистемы, базирующиеся на цифровой платформе, могут реализовать новые возможности цифрового бизнеса, в которых участники предла-

гают коллективное ценностное предложение и одновременно цифровым образом оптимизируют процессы создания и предоставления ценности.

Результаты. Выделим пять типов бизнес-систем, в зависимости от степени интеграционного взаимодействия в рамках цифровой трансформации: изолированная, кластерная, сетевая, подключенная и взаимосвязанная.

Обзор академических работ и практических исследований, посвященных проблематике цифровой трансформации, позволяет заключить, что основная цель цифровизации состоит в создании ценности для клиентов [7; 8]. Данную проблемную область раскрывают в своих трудах отечественные и зарубежные ученые [2; 12; 13].

И. Себастьян и соавторы [14], С. Берман [6], Т. Хесс и соавторы [9], подчеркивают, что измерение ценности можно разделить на само предложение ценности, на инфраструктуру и процессы, которые напрямую или косвенно создают ценность, и на способ взаимодействия организаций с клиентами для доставки этой ценности.

Опишем структуру вектора цифровой трансформации, включающего три направления: исследовательское, навигационное и структурирующее. Эти направления будем учитывать при планировании и реализации цифровой трансформации в бизнес-системах следующим образом.

1. Аналитическая область включает в себя исследование и понимание текущего состояния бизнес-системы, определение потенциальных возможностей и вызовов, а также разработку стратегий и моделей для цифровой трансформации.

2. Проектная область ориентирована на разработку и реализацию конкретных стратегий и планов действий для реализации цифровой трансформации (управление проектами, установление приоритетов).

3. Организационная область сосредотачивается на изменениях в организационной структуре и процессах, необходимых для поддержки цифровой трансформации.

В результате объединения заданных областей представим направления интеграционного взаимодействия между участниками бизнес-системы в процессе реализации цифровой трансформации (табл. 1).

Соответственно, для каждой категории бизнес-систем и направлений реализации цифровой трансформации могут быть рекомендованы цифровые

Таблица 1

Направления формирования вектора цифровой трансформации, заданные исходным типом бизнес-системы

Тип бизнес-системы	Области вектора цифровой трансформации	
Изолированные	Аналитическая	Могут быть ограничены в своих возможностях проведения исследований и анализа. Сосредоточены на изучении своих собственных проблем, не обладают общим стратегическим видением и не проводят всесторонние исследования рынка, технологических трендов и потребительских предпочтений
	Проектная	Имеют отдельные цифровые инициативы, отсутствует общая стратегия. Ограничены в возможностях управления и координации цифровых инициативам. Могут отсутствовать механизмы для определения приоритетов, выделения ресурсов и установления эффективных контрольных механизмов
	Организационная	Могут быть ограничены в своих возможностях изменения организационной структуры и процессов. Не имеют полноценных планов для пересмотра бизнес-моделей, усиления цифровых компетенций, установления эффективных коммуникационных и координационных механизмов
Кластерные	Аналитическая	Находятся на стадии формирования стратегии и имеют начальные цифровые инициативы. Осознали важность исследовательской работы. Могут активно проводить анализ рынка, конкурентной среды, потребительских предпочтений и технологических трендов
	Проектная	Имеют более развитые подходы к управлению и координации своих цифровых инициатив. Способны управлять проектами, определять приоритеты, выделять ресурсы и создавать механизмы контроля для достижения поставленных целей
	Организационная	Осознали важность изменений в организационной структуре и процессах для успешной цифровой трансформации. Могут пересматривать бизнес-модели, усиливать цифровые компетенции, устанавливать эффективные коммуникационные и координационные механизмы
Сетевые	Аналитическая	Активно проводят анализ рынка, конкурентной среды, потребительских предпочтений и технологических трендов. Реализуют некоторые успешные цифровые инициативы, но не достигли полного охвата их внутри организации
	Проектная	Создали основу для цифровой трансформации и готовы продолжать развиваться и улучшать свои возможности. Имеют возможность масштабировать цифровые инициативы. Управляют проектами, определяют приоритеты, выделяют ресурсы и создают механизмы контроля для достижения поставленных целей
	Организационная	Проводят изменения в организационной структуре и процессах, необходимых для поддержки цифровой трансформации. Имеют более эффективные коммуникационные и координационные механизмы, улучшенные рабочие процессы и пересмотренные бизнес-модели
Подключенные	Аналитическая	Продолжают активно проводить анализ рынка, конкурентной среды, потребительских предпочтений и технологических трендов. Продолжают работу над повышением эффективности своих цифровых инициатив и увеличения их воздействия на бизнес
	Проектная	Готовы масштабировать цифровые инициативы. Создали основу для цифровой трансформации и готовы продолжать развиваться и улучшать свои возможности. Компании в подключенной бизнес-системе имеют определенные стратегии и планы действий, которые помогают управлять проектами, определять приоритеты, выделять ресурсы и создавать механизмы контроля для достижения поставленных целей
	Организационная	Компании в подключенной бизнес-системе стремятся объединить амбициозную стратегическую цель с конкретными способностями и поведением, необходимыми для ее достижения. Продолжают работу над ростом эффективности от цифровых инициатив и достижения более широкого организационного влияния

Таблица 1 (окончание)

Направления формирования вектора цифровой трансформации, заданные исходным типом бизнес-системы

Тип бизнес-системы	Области вектора цифровой трансформации	
Взаимосвязанные	Аналитическая	Стремятся быть в курсе текущего состояния бизнес-экосистемы и выявлять новые возможности и вызовы. Компании в взаимосвязанной бизнес-системе позиционируются как цифровые лидеры в своей отрасли. Реализуют мероприятия по достижению амбициозной стратегической цели цифрового лидерства
	Проектная	Разрабатывают и реализуют конкретные стратегии и планы действий для успешной цифровой трансформации. Продолжают развиваться и улучшать свои цифровые возможности
	Организационная	Компании в взаимосвязанной бизнес-системе обладают всесторонним пониманием и интеграцией своих цифровых инициатив, а также привязывают их к общей стратегии развития. Они продолжают работать над развитием структуры экосистемы, чтобы обеспечить более эффективную поддержку своих цифровых инициатив и достичь максимального организационного влияния

Источник: разработано автором.

инструменты и технологии, которые в общем виде представлены:

- ♦ автоматизацией бизнес-процессов;
- ♦ внедрением облачных технологий;
- ♦ совместным использованием данных и аналитики;
- ♦ разработкой цифровых платформ и API-интеграций;
- ♦ масштабированием цифровых инициатив и другими цифровыми решениями.

Обсуждение. Различные типы бизнес-систем — от изолированных до взаимосвязанных — имеют разные уровни сотрудничества и интеграции между компаниями, разные стратегии и инструменты цифровой трансформации. Интеграционное взаимодействие, обеспечиваемое в рамках цифровой трансформации бизнес-систем, позволяет компаниям сотрудничать, обмениваться ресурсами и знаниями, разрабатывать совместные проекты и достигать масштабируемых результатов, формируя условия для более эффективной цифровой трансформации и формирования конкурентных преимуществ. Достижение более высокого уровня цифровой зрелости и эффективной цифровой трансформации требует сотрудничества, интеграции и обмена ресурсами и знаниями между компаниями в рамках интеграционного взаимодействия. Развитие цифровой стратегии, применение передовых технологий, создание цифровых платформ и экосистем, разработка инновационных цифровых продуктов и сервисов становятся ключевыми факторами успеха в реализации процессов цифровой трансформации.

Список источников

1. Колмыкова Т. С., Ковалев П. П. Специфика развития крупных высокотехнологичных компаний в современной инновационной среде // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 1.
2. Колмыкова Т. С., Ковалев П. П. Экосистемы как глобальный тренд цифровизации экономического пространства // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5(118). С. 123–128.
3. Минаков А. В., Эриашвили Н. Д. Внедрение технологий искусственного интеллекта в реальном секторе экономики // Аудиторские ведомости. 2024. № 2. С. 223–230.
4. Сафарян Л. Б. История формирования ценностно-ориентированного менеджмента // Аудиторские ведомости. 2024. № 1. С. 169–172.
5. Ценжарик М. К., Крылова Ю. В., Стешенко В. И. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. № 3. С. 390–420.
6. Berman S. J. Digital transformation: opportunities to create new business models // Strategy & leadership. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 16–24.
7. Bharadwaj A. et al. Digital business strategy: toward a next generation of insights // MIS quarterly. 2013.
8. Fitzgerald M. et al. Embracing digital technology: A new strategic imperative // MIT sloan management review. 2014. Vol. 55. No. 2. P. 1.
9. Hess T. et al. Options for formulating a digital transformation strategy // MIS Quarterly Executive. 2016. Vol. 15. No. 2.

10. Ivarsson F., Svahn F. Becoming a digital ecosystem orchestrator-The Sydved Case. 2020.
11. Majchrzak A., Markus M. L., Wareham J. Designing for digital transformation // MIS quarterly. 2016. Vol. 40. No. 2. P. 267–278.
12. Osterwalder A., Pigneur Y. Business model generation: a handbook for visionaries, game changers, and challengers. John Wiley & Sons, 2010. Vol. 1.
13. Buchaev Ya. G., Abdulkadyrov A. S., Ragulina J. V. et al. Challenges of the Modern Economy Digital Technologies, Problems, and Focus Areas of the Sustainable Development of Country and Regions // Springer Nature Switzerland AG 2023.
14. Piccinini E. et al. Transforming industrial business: the impact of digital transformation on automotive organizations. 2015.
15. Sebastian I. et al. How big old companies navigate digital transformation // MIS quarterly executive. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 197–213.
16. Teece D. J. Business models and dynamic capabilities // Long range planning. 2018. Vol. 51. No. 1. P. 40–49.
17. Wang P. Connecting the parts with the whole: Toward an information ecology theory of digital innovation ecosystems // Mis Quarterly. 2021. Vol. 45. No. 1.
5. Tsenzharik M. K., Krylova Yu. V., Steshenko V. I. Digital transformation of companies: strategic analysis, factors of influence and models // Bulletin of St. Petersburg University. Economy. 2020. Vol. 36. No. 3. P. 390–420.
6. Berman S. J. Digital transformation: opportunities to create new business models // Strategy & leadership. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 16–24.
7. Bharadwaj A. et al. Digital business strategy: toward a next generation of insights // MIS quarterly. 2013.
8. Fitzgerald M. et al. Embracing digital technology: A new strategic imperative // MIT sloan management review. 2014. Vol. 55. No. 2. P. 1.
9. Hess T. et al. Options for formulating a digital transformation strategy // MIS Quarterly Executive. 2016. Vol. 15. No. 2.
10. Ivarsson F., Svahn F. Becoming a digital ecosystem orchestrator-The Sydved Case. 2020.
11. Majchrzak A., Markus M. L., Wareham J. Designing for digital transformation // MIS quarterly. 2016. Vol. 40. No. 2. P. 267–278.
12. Osterwalder A., Pigneur Y. Business model generation: a handbook for visionaries, game changers, and challengers. John Wiley & Sons, 2010. Vol. 1.
13. Buchaev Ya. G., Abdulkadyrov A. S., Ragulina J. V. et al. Challenges of the Modern Economy Digital Technologies, Problems, and Focus Areas of the Sustainable Development of Country and Regions // Springer Nature Switzerland AG 2023.
14. Piccinini E. et al. Transforming industrial business: the impact of digital transformation on automotive organizations. 2015.
15. Sebastian I. et al. How big old companies navigate digital transformation // MIS quarterly executive. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 197–213.
16. Teece D. J. Business models and dynamic capabilities // Long range planning. 2018. Vol. 51. No. 1. P. 40–49.
17. Wang P. Connecting the parts with the whole: Toward an information ecology theory of digital innovation ecosystems // Mis Quarterly. 2021. Vol. 45. No. 1.

References

Информация об авторе

М. Г. Исаев — кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. G. Isaev — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 02.10.2024.

The article was submitted 14.08.2024; approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 02.10.2024.

Научная статья

УДК 332

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-223-227>EDN: <https://elibrary.ru/rylidw>

NIJON: 2003-0059-5/24-169

MOSURED: 77/27-003-2024-05-368

Исследование функций институтов, осуществляющих контрольно-надзорную и регуляторную деятельность в сфере противодействия нелегальным операциям на финансовых рынках в некоторых странах ЕАЭС

Павел Юрьевич Леонов

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, leonov.py@rea.ru

Аннотация. Рассматривается современная тенденция поиска возможностей для укрепления стабильности финансовых систем стран ЕАЭС за счет сокращения масштабов незаконных действий на финансовых рынках. Взаимная информационная поддержка, обмен опытом и координация действий становятся ключевыми для повышения эффективности надзора за финансовыми рынками. Именно эти аспекты определяют актуальность проведения исследования. Цель — исследование функций институтов, которые, реализуя свои полномочия, занимаются регуляторной деятельностью в области борьбы с нелегальными операциями на финансовых рынках в странах ЕАЭС. Таким образом, необходимо не только провести анализ существующих практик, но и выработать рекомендации по усилению контрольно-надзорной функции, что, в свою очередь, обеспечит более качественное противодействие нелегальной деятельности в интересах финансовой безопасности и стабильности региона. В качестве методов исследования выступают: обобщение данных, аналитический метод, сравнительный метод, описательный метод и системный подход. Изучены различные статьи, диссертации и монографии в области регулирования финансовых рынков, а также опубликованные отчеты стран ЕАЭС, на регулярной основе собирающих аналитические данные в рассматриваемой сфере. Результатами проведенного исследования являются: обозначение перечня компетентных органов стран ЕАЭС, обладающих контрольно-надзорной функцией в сфере борьбы с незаконными транзакциями на финансовом рынке, описание ключевых полномочий выявленных субъектов регулирования, а также формирование рекомендаций по усовершенствованию имеющегося на данный момент в странах ЕАЭС механизма противодействия мошеннической деятельности на финансовых рынках.

Ключевые слова: финансовый рынок, страны Евразийского экономического союза, противодействие отмыванию денег, контрольно-надзорная деятельность, недобросовестные участники финансового рынка, финансовое мошенничество, профилактические мероприятия

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных применительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Леонов П. Ю. Исследование функций институтов, осуществляющих контрольно-надзорную и регуляторную деятельность в сфере противодействия нелегальным операциям на финансовых рынках в некоторых странах ЕАЭС // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 223–227. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-223-227>. EDN: RYLIDW.

Original article

Study of the functions of institutions implementing control, supervisory and regulatory activities in the field of combating illegal transactions in financial markets in any EAEU countries

Pavel Yu. Leonov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, leonov.py@rea.ru

Abstract. The current trend of searching for opportunities among the EAEU countries to strengthen the stability of financial systems by reducing the scale of illegal activities in financial markets is considered. Mutual information support, exchange of experience and coordination of actions are becoming key to improving the effectiveness of financial market supervision. It is these aspects that determine the relevance of the study. The purpose is to study the functions of institutions that, exercising their powers, are engaged in regulatory activities in the field of combating illegal transactions on financial markets in the EAEU countries. Thus, it is necessary not only to analyze existing practices, but also to develop recommendations for strengthening the control and supervisory function, which, in turn, will ensure better counteraction to illegal activities in the interests of financial security and stability of the region. The research methods are: generalization of data, analytical method, comparative method, descriptive method and systematic approach. Various articles, dissertations and monographs in the field of financial market regulation have been studied, as well as published reports from the EAEU countries that regularly collect analytical data in this area. The results of the study are: designation of the list of competent authorities of the EAEU countries with a control and supervisory function in the field of combating illegal transactions in the financial market, description of the key powers of the identified regulatory entities, as well as the formation of recommendations for improving the mechanism currently available in the EAEU countries to counter fraudulent activities in financial markets.

© Леонов П. Ю., 2024

Keywords: financial market, countries of the Eurasian Economic Union, combating money laundering, control and supervisory activities, unscrupulous participants in the financial market, financial fraud, preventive measures

Acknowledgements: the article was prepared and financed within the framework of the execution of the State assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the field of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of international legislation and best foreign law enforcement practices in the field of combating illegal activities in financial markets».

For citation: Leonov P. Yu. Study of the functions of institutions implementing control, supervisory and regulatory activities in the field of combating illegal transactions in financial markets in any EAEU countries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):223–227. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-223-227>. EDN: RYLIDW.

Введение. В современном мире, где экономические потоки непрерывно циркулируют между странами, создавая тем самым глобальную финансовую систему, вопрос обеспечения ее стабильности и защиты от нелегальных действий приобретает ключевое значение. Страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС), объединившись в стремлении обеспечить не только экономическую, но и финансовую интеграцию, столкнулись с необходимостью разработки и реализации совместных подходов к осуществлению борьбы с мошенническими операциями на своих финансовых рынках. Эффективность таких мер напрямую зависит от работы институтов, осуществляющих контрольно-надзорную и регуляторную функции. Их деятельность является залогом устойчивости финансового сектора, снижения рисков его использования для целей отмывания денег, финансирования терроризма и других нелегальных операций.

Исследование функций таких институтов позволяет выявить ключевые аспекты и вызовы, с которыми они сталкиваются в процессе осуществления своих задач. Особое внимание в этом контексте уделяется анализу законодательных и нормативных баз, методов работы, а также взаимодействия между различными регуляторами на национальном и межгосударственном уровнях [1]. Таким образом, в процессах усовершенствования регуляторного и надзорного механизмов необходимо учитывать стремительное развитие финансовых инноваций и появление новых вызовов и угроз. Важно своевременно углублять международное взаимодействие и сотрудничество, направленные на повышение эффективности механизмов противодействия мошенническим финансовым операциям.

Состав и полномочия органов, осуществляющих контрольно-надзорную и регуляторную деятельность в сфере противодействия нелегальным операциям на финансовом рынке в Республике Беларусь. В Республике Беларусь регулирование финансового рынка и противодействие осуществлению в его рамках незаконной деятельности выполняют сразу несколько органов государственной власти, каждый из которых уполномочен формировать (на основе принятого за-

конодательства) правила «игры» для инвесторов, контролируя соблюдение установленных требований, а также применяя, в случае необходимости, санкционные меры.

Так, например, Национальный банк Республики Беларусь (далее — НБРБ) является центральным банком страны и выполняет основную роль не только в регулировании денежно-кредитных отношений, но и в стабилизации национальной валюты. НБРБ уполномочен лицензировать деятельность участников рынка, а также выполнять функции по контролю и надзору за работой банковских организаций, страховых компаний, фондового рынка, платежных систем и других финансовых институтов. Помимо прочего, в состав его задач входит противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, в связи с чем периодически создаются правила внутреннего контроля для подконтрольных НБРБ компаний [2, с. 814].

Не менее важную роль в контроле за исполнением бюджетной, налоговой политики и управлением государственным долгом играет Министерство финансов Республики Беларусь. Данный орган координирует функционирование налоговой системы посредством, в том числе, осуществления контроля за соблюдением законодательства в области налогов и сборов. Кроме того, Министерство финансов способствует эффективному использованию государственных финансов и ресурсов, распределяя значительную их долю между компетентными органами, занимающимися противодействием финансовым нарушениям и злоупотреблениям. В области рынков ценных бумаг Министерство финансов Республики Беларусь реализует регулирующие функции через Департамент по ценным бумагам, уполномоченный осуществлять лицензирование и контролировать деятельность участников финансового рынка в целом.

Комитет государственного контроля Республики Беларусь отвечает за регулирование экономической и финансовой деятельности. Он обеспечивает, в том числе, законность, эффективность и результативность применения и распределения выделенных государством ресурсов. Отдельно стоит выделить Департамент финансовых расследований данного Комитета, по-

сколькo его деятельность имеет непосредственное отношение к механизмам обнаружения и дальнейшего предотвращения правонарушений экономического характера. Данный департамент призван проводить финансовые расследования. Так, например, расследуются особенности процесса уплаты налогов участниками финансовых отношений.

Таким образом, осуществление сотрудничества с организациями международного уровня позволяет повысить эффективность контроля финансового рынка Республики Беларусь. Кроме того, деятельность рассмотренных органов направлена на снижение рисков незаконной деятельности. Отдельно стоит отметить, что борьба с незаконной деятельностью на финансовом рынке требует объединения усилий всех задействованных механизмов противодействия финансовым махинациям органов государственной власти Республики Беларусь. Деятельность перечисленных компетентных органов нацелена не только на контроль за соблюдением законодательства в финансовом секторе, но и на то, чтобы сформировать условия для повышения уровня финансовой безопасности граждан.

Состав и полномочия органов, осуществляющих контрольно-надзорную и регуляторную деятельность в сфере противодействия нелегальным операциям на финансовом рынке в Республике Казахстан. Борьбу с незаконной деятельностью на финансовом рынке Республики Казахстан осуществляет ряд компетентных органов. Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка (далее — АРРФР) занимает очень «высокие» позиции в иерархии компетентных органов, функционирующих с целью увеличения эффективности надзора за финансовым рынком и обеспечения защиты интересов потребителей финансовых услуг. Агентство уполномочено осуществлять лицензирование, а также мониторинг деятельности участников финансового рынка посредством проведения проверочных мероприятий и обложения административными штрафами нарушителей.

Национальный Банк Республики Казахстан также принимает участие в решении вопросов регулирования финансового рынка, разрабатывая и реализуя государственную денежно-кредитную политику и обеспечивая стабильность национальной валюты. Кроме того, деятельность Национального Банка направлена на противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Комитет национальной безопасности Республики Казахстан также оказывает существенное влияние на борьбу с незаконной деятельностью на финансовом рынке, поскольку нацелен на укрепление государственной безопасности. Стоит подчеркнуть, что регулирование финансового рынка должно быть основано на применении комплексного подхода, включающего международный обмен необходимой финансовой информацией. Являясь членом Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), Республика Казахстан использует лучшие практики и положения международных стандартов в процессах повышения эффективности национальных контрольно-надзорных механизмов [3, с. 529].

Среди основных направлений деятельности рассмотренных компетентных органов особое внимание уделяется совершенствованию законодательства, внедрению цифровых технологий и повышению квалификации специалистов по обеспечению финансовой безопасности. Налаживание обмена между компетентными органами позволяет предотвращать большое количество финансовых правонарушений.

В Республике Казахстан, кроме того, функционируют специализированные надзорные органы в составе Национального банка. Так, Департамент по защите прав потребителей, в целях повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в борьбе с незаконной деятельностью на финансовом рынке, осуществляет мониторинг соблюдения установленных законодательством норм, регламентирующих основы противодействия легализации денег.

Стоит отметить, что координация деятельности каждого из рассмотренных органов Республики Казахстан становится возможной благодаря функционированию ряда межведомственных и международных рабочих групп. При этом в современных условиях цифровизации особенно актуальным является своевременное внедрение современных технологий в механизмы противодействия нелегальной финансовой деятельности.

Состав и полномочия органов, осуществляющих контрольно-надзорную и регуляторную деятельность в сфере противодействия нелегальным операциям на финансовом рынке в Кыргызской Республике. В Кыргызской Республике вопросы эффективного контроля и надзора за финансовыми операциями становятся особенно актуальными в связи с распространением незаконной деятельности на финансовом рынке [4, с. 768]. Для того, чтобы противодействовать финансовому мошенничеству в стране создана система ком-

петентных органов и специализированных служб, которые уполномочены осуществлять контрольно-надзорную и регуляторную деятельность.

Так, одним из наиболее значимых органов является Государственная служба регулирования и надзора за финансовым рынком при Правительстве Кыргызской Республики. Под надзор Государственной службы попадают как различные финансовые учреждения, так и страховые организации и пенсионные фонды. Деятельность данного органа тесно связана с предотвращением и выявлением нарушений в финансовой системе.

Функции Центрального банка страны выполняет другой важный орган — Национальный банк Кыргызской Республики (далее — НБКР). Помимо регулирования денежно-кредитной политики, НБКР осуществляет надзор за банковским сектором, что включает в себя контролирование банковских транзакций (они должны быть совершены в соответствии с установленными законодательством положениями), пресечение финансовых махинаций и принятие мер, минимизирующих риск использования банковской системы в качестве инструмента мошеннических операций.

Также в рамках борьбы с нелегальной деятельностью на финансовых рынках функционирует Государственная служба по борьбе с экономическими преступлениями при Правительстве Кыргызской Республики (финансовая полиция). Чем занимается данный орган? Он является неотъемлемым звеном в цепи тех уполномоченных субъектов, которые несут ответственность за процессы обнаружения, предотвращения и самого расследования различных преступлений, связанных в том числе с финансовыми махинациями. В данном случае уместно упомянуть такие нелегальные действия, как дача и получение взятки, а также хищение. Подобным преступлениям необходимо противодействовать. И описываемый компетентный орган призван осуществлять такую целенаправленную борьбу, обращая особое внимание на сферу финансового рынка.

Среди прочих государственных структур, еще не упомянутых ранее, контроль и надзор за финансовым рынком осуществляют налоговая служба и служба государственного регистра финансовых отчетов. При этом особое влияние на направленность деятельности данных служб оказывает заключение международных соглашений, закрепляющих обязательство Кыргызской Республики взаимодействовать с иностранными государствами и международными организа-

циями в сфере противодействия незаконной деятельности на финансовом рынке.

Объединение усилий рассмотренных государственных структур и специализированных подразделений позволяет комплексно изучить вопрос нелегальной деятельности на финансовом рынке Кыргызской Республики. Проводимое на регулярной основе совершенствование законодательных норм, обучение сотрудников структур, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность, укрепление взаимодействия на международной арене, а также использование инновационных технологических решений в алгоритмах проведения финансового мониторинга позволяет повышать эффективность противодействия незаконному обороту денежных средств, отмыванию денег и финансированию терроризма.

Вывод, который может быть сформулирован по результатам проведенного исследования, заключается в следующем: система контрольно-надзорной и регуляторной деятельности в Кыргызской Республике в области борьбы с незаконной деятельностью на финансовом рынке основывается на регулярном укреплении взаимодействия ее участников как на национальном, так и на международном уровне.

Заключение. Таким образом, анализ степени влияния представителей институциональной структуры, занимающихся контрольно-надзорной и регуляторной функциями в контексте борьбы с незаконными действиями на финансовых рынках стран ЕАЭС, на общий уровень финансовой безопасности представляет собой многогранное исследование. Основываясь на изучении их работы, можно сделать вывод о значительном влиянии этих организаций на устойчивость и прозрачность финансовых систем участников объединения. Эффективность механизмов контроля и надзора в значительной мере определяется возможностью адаптации к новым вызовам и угрозам, связанным с появлением современных финансовых инструментов и технологий.

Формирование единой методологической и нормативно-правовой базы в рамках ЕАЭС, направленной на борьбу с нелегальной финансовой деятельностью, становится основополагающим аспектом повышения эффективности регуляторных институтов. Синхронизация действий и усилий государств-участников способствует более глубокому анализу финансовых потоков, выявлению и пресечению схем мошенничества и отмывания капитала. Важным шагом в этом направлении является и обмен информацией между контрольными органами различных стран, ис-

пользование цифровых технологий и инновационных подходов к мониторингу.

Тщательное изучение истории и опыта каждого из участников ЕАЭС позволяет выявить наиболее удачные практики и стратегии, которые могут быть адаптированы и внедрены на региональном уровне. Несмотря на различия в законодательных и экономических системах, общая цель по обеспечению финансовой стабильности и защите интересов как инвесторов, так и обычных граждан объединяет страны ЕАЭС. Поэтому гармонизация усилий в сфере регулирования и контроля становится не только возможной, но и необходимой задачей.

Ключевым фактором успешного противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках стран ЕАЭС выступает координация действий контрольно-надзорных институтов, их способность к инновациям, а также постоянное совершенствование правовой базы и методов работы. Это требует не только времени и ресурсов, но и оптимального стимулирования субъектов финансовых отношений в вопросе пресечения экономических преступлений на региональном и международном уровнях.

Таким образом, в исследовании были обозначены компетентные органы, функционирующие в странах ЕАЭС в области борьбы с мошенничеством на финансовых рынках. Стоит отметить многогранность институциональной структуры ПОД/ФТ. Действительно, для каждой страны созданы адаптированные под условия национальной финансовой системы субъекты, уполномоченные осуществлять борьбу в исследуемой области. Предложенные автором рекомендации призваны усовершенствовать уже сложившуюся в странах систему выявления и пресечения мошеннических схем на финансовых рынках.

Список источников

1. Красинский В. В., Леонов П. Ю., Морозов Н. В. Применение искусственного интеллекта в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма // Современное право. 2024. № 5. С. 75–82.

Информация об авторе

П. Ю. Леонов — доцент базовой кафедры финансовой и экономической безопасности Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, аудитор, кандидат экономических наук.

Information about the author

P. Yu. Leonov — Associate Professor of the Basic Department of Financial and Economic Security of the Plekhanov Russian University of Economics, Auditor, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024. The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

2. Исаков О. М., Кадырбек Уулу Б., Юбуров А. А., Леонов П. Ю. Система внутреннего контроля как ключевой инструмент ПОД/ФТ/ФРОМУ / Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой: мат. VI междунар. студ. науч. конф. М., 2024.

3. Зимин К. В., Романовский В. А., Леонов П. Ю. Отмывание денег через «черные» рынки. Сущность и механизмы противодействия // МСИ: 10 лет подготовки кадров для международной системы ПОД/ФТ: мат. IX междунар. науч.-практ. конф. междунар. сетевого института в сфере ПОД/ФТ. М., 2023. С. 526–532.

4. Исаков О. М., Кадырбек Уулу Б., Юбуров А. А., Леонов П. Ю. Риски при внедрении цифрового сома в условиях цифровизации Кыргызской Республики // Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой: мат. VI междунар. студ. науч. конф. М., 2024.

References

1. Krasinsky V. V., Leonov P. Yu., Morozov N. V. Application of artificial intelligence in the field of countering money laundering and terrorist financing // Modern law. 2024. No. 5. P. 75–82.

2. Isakov O. M., Kadyrbek Uulu B., Yuburov A. A., Leonov P. Yu. The internal control system as a key AML/CFT/FROMU / Innovative management mechanisms of digital and regional economy: mat. VI International Student Scientific Conference. M., 2024.

3. Zimin K. V., Romanovsky V. A., Leonov P. Yu. Money laundering through «black» markets. The essence and mechanisms of counteraction // ISI: 10 years of training for the international AML/CFT system: mat. IX International Scientific and Practical Conference of the International network Institute in the field of AML/FT. M., 2023. P. 526–532.

4. Isakov O. M., Kadyrbek Uulu B., Yuburov A. A., Leonov P. Yu. Risks in the implementation of digital SOM in the conditions of digitalization of the Kyrgyz Republic // Innovative mechanisms of digital and regional economy management: mat. VI International Student Scientific Conference. M., 2024.

Научная статья

УДК 336.2:504.062

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-228-232>

EDN: <https://elibrary.ru/rvkia>

ИПОН: 2003-0059-5/24-170

MOSURED: 77/27-003-2024-05-369

Исследование экологической безопасности как составляющей устойчивого развития экономических районов России

Константин Васильевич Ордов¹, Надежда Альбертовна Зацарная²

^{1,2} Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

¹ Ordov.KV@rea.ru

² Zatsarnaya.NA@rea.ru

Аннотация. Исследуется текущее состояние экологической безопасности экономических районов России на основе финансовых и нефинансовых показателей. Разработан обобщенный индекс экологической безопасности экономических районов Российской Федерации. Сформирован рейтинг экологической безопасности экономических районов России и итоговый ранжированный рейтинг, который составляется путем упорядочения точек внутри матрицы, разделяемой на четыре зоны — кластера. Описано и обосновано распределение объектов исследования по зонам матрицы ранжирования экологической безопасности экономических районов России.

Ключевые слова: финансовая оценка, нефинансовая оценка, коэффициент экологической безопасности, зеленые финансы, экологическая безопасность, устойчивое развитие, экономические районы России

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0003 «Методология адаптации публичных и корпоративных финансов к принципам «зеленой экономики»», финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Для цитирования: Ордов К. В., Зацарная Н. А. Исследование экологической безопасности как составляющей устойчивого развития экономических районов России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 228–232. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-228-232>. EDN: RVKIAR.

Original article

Research of environmental safety as a component of sustainable development of Russia's economic regions

Konstantin V. Ordov¹, Nadezhda A. Zatsarnaya²

^{1,2} Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

¹ Ordov.KV@rea.ru

² Zatsarnaya.NA@rea.ru

Abstract. The current state of environmental safety of Russia's economic regions is being investigated on the basis of financial and non-financial indicators. A generalized index of environmental safety of economic regions of the Russian Federation has been developed. A rating of the environmental safety of Russia's economic regions and a final ranking has been formed, which is compiled by arranging points within a matrix divided into four cluster zones. The distribution of research objects by zones of the environmental safety ranking matrix of Russia's economic regions is described and justified.

Keywords: financial assessment, non-financial assessment, environmental safety factor, green finance, environmental safety, sustainable development, economic regions of Russia

Acknowledgements: the article was prepared as part of the implementation of project № FSSW-2023-0003 «Methodology for adapting public and corporate finance to the principles of the «green economy»», funded by the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Ordov K. V., Zatsarnaya N. A. Research of environmental safety as a component of sustainable development of Russia's economic regions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):228–232. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-228-232>. EDN: RVKIAR.

Исследование экологической безопасности как составляющей устойчивого развития требует двустороннего рассмотрения. Его следует осуществлять с учетом не только текущего состояния объектов окру-

жающей среды и его влияния на жизнедеятельность населения, но и процессов, происходящих в финансовой системе, и ожидаемых вследствие их реализации изменений экологических параметров.

© Ордов К. В., Зацарная Н. А., 2024

Проведение анализа существующей ситуации основывается на нефинансовой информации. Наиболее значимыми для этих целей были признаны показатели, описывающие статику и динамику состояния лесного хозяйства, атмосферного воздуха, водных и человеческих ресурсов. Эти четыре элемента, во-первых, участвуют в процессе производства, во-вторых, испытывают на себе самое сильное негативное антропогенное воздействие, в-третьих, обеспечены системой учета. Кроме того, по мнению академика РАН, профессора Б. Н. Порфирьева, эффективность в сфере экологии начинается с лесного комплекса, который не только обладает способностью и потенциалом к поглощению CO₂ и очищению атмосферного воздуха [2, с. 133–134], но одновременно является накопителем пресной воды и хранителем ее чистоты. Обеспечение территорий пресной водой — главная проблема современного природопользования, поскольку водные ресурсы являются главными экосистемообразующими факторами как для биосферы, так и для всех сфер экономической деятельности. Это особенно актуально для России, ресурсы речного стока которой составляют 10 % мирового объема [4]. Осуществление устойчивого развития представляется возможным «только при полной реализации потенциала российских экосистем — лесов, почв, водно-болотных угодий, в первую очередь увеличения их поглощающей способности» [3, с. 87].

В современных научных трудах расчет экологической безопасности и анализ перспектив изменения ее состояния часто базируются на данных о расходах, которые несут хозяйствующие субъекты для восстановления природных и климатических характеристик территорий, а также на информации об используемых долевыми и долговыми финансовыми инструментах, условия применения которых могут быть адаптированы в соответствии с нуждами отдельных компаний (предприятий, организаций) и государства в целом. Рост таких показателей, используемых в качестве факторных, свидетельствует о наличии вероятности улучшения экологической безопасности как результативного показателя. В этом случае оценка объекта исследования основывается на комплексном учете индикаторов, которые могут быть определены экспертным решением как равнозначные; в противном случае им могут быть присвоены корректирующие коэффициенты.

Проведем исследование текущего состояния экологической безопасности экономических районов

России. Коэффициентом экологической безопасности в текущем периоде будем считать T , равный произведению отношений нефинансовых показателей текущего к базисному периоду, если его увеличение свидетельствует об улучшении экологической безопасности, то значение текущего периода делится на значение базисного (прямой показатель), и наоборот (обратный показатель) — базисного к текущему периоду ($T > 1$ — состояние экологической безопасности улучшается, $T = 1$ — состояние экологической безопасности стабильное (свидетельствует об отсутствии изменения во времени нефинансовых показателей, используемых для анализа состояния экологической безопасности), $T < 1$ — состояние экологической безопасности ухудшается).

Для анализа по экономическим районам России коэффициент экологической безопасности был рассчитан исходя из изменений с 2014 по 2023 гг. признаваемых равнозначными показателей загрязнения атмосферного воздуха (выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников) — обратный; загрязнения воды (сброс сточных вод в водоемы) — обратный; лесовосстановления — прямой; естественного прироста населения — прямой.

Итоги расчетов показали, что изменение состояния экологической безопасности регионов в 2023 г. по сравнению с 2014 г. было неоднородным: рубеж коэффициента, равный одному преодолели 4 из 12 экономических районов (Западно-Сибирский (значение коэффициента экологической безопасности — 1,05), Северо-Западный (1,35), Уральский (1,39), Северный (1,39)). Показатель экологической безопасности в остальных районах ухудшился. Обратим внимание, что коэффициент экологической безопасности региона связан с наличием и использованием на его территории очистных сооружений.

Исследование перспектив изменения состояния экологической безопасности экономических районов России было проведено при допущении, что на экологическую безопасность территорий прямо влияют финансовые показатели, признаваемые равнозначными для целей текущих расчетов, включая: объем инвестиций в основные фонды, стоимость основных фондов, доля финансовых результатов организаций, осуществляющих деятельность в регионе, расходы региона на охрану окружающей среды, суммарное поступление экологических налогов, сборов

и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет России.

Для построения оценки экологической безопасности на основе системы финансовых показателей несопоставимых с точки зрения единиц измерения и разнонаправленных по влиянию на результативный показатель, была проведена процедура стандартизации (нормирования). В результате обобщенный индекс экологической безопасности был рассчитан как среднее значение интегральных индикаторов. Таким образом, был получен безразмерный показатель, демонстрирующий отношение к проблемам экологии, отображающий перспективы развития объекта исследования, который может быть использован в качестве корректирующего коэффициента для измерения и прогнозирования экологической безопасности регионов [5].

В результате расчетов по вышеописанной методике были получены данные, отличные от результатов, полученных при расчете с использованием нефинансовых показателей, однако наблюдаются и сходства. Например, Северный экономический район сохранил место в тройке лидеров, Поволжский район остается в аутсайдерах, места Западно-Сибирского,

Восточно-Сибирского и Центрально-Черноземного экономических районов в рейтинге изменились незначительно (на 1), Калининградский экономический район сохранил свою позицию. Описанные результаты свидетельствуют о достаточном уровне достоверности и сопоставимости обоих методов исследования и позволяют рекомендовать их к совместному использованию.

Совместное использование финансовых и нефинансовых показателей для исследования состояния экологической безопасности как составной части устойчивого развития дает возможность их кластеризации с целью построения рэнкинга экологической безопасности, объектами которого могут стать как территориальные экономические образования, так и отдельные хозяйствующие субъекты. Итоговый рэнкинг был составлен путем упорядочивания точек внутри матрицы, разделяемой на четыре зоны — кластера (представлены на рис. 1).

Координаты точек соответствуют значениям, рассчитанным на основе финансовых и нефинансовых показателей.

Получаемое в итоге сопоставления финансовых и нефинансовых показателей распределение (рис. 2) ил-

Зоны поля рэнкинга		Значение обобщенного индекса экологической безопасности, рассчитанного по финансовым показателям (слева направо от минимальных к максимальным значениям)	
		Меньше среднего значения полученного набора результатов	Больше среднего значения полученного набора результатов
Значение коэффициента экологической безопасности, рассчитанного по нефинансовым показателям (снизу вверх от минимальных к максимальным значениям)	Больше норматива, равного 1	Зона 3 Объект исследования экологически безопасен в настоящее время, но улучшения этой характеристики в долгосрочной перспективе не ожидается	Зона 1 Объект исследования экологически безопасен в настоящее время и имеет перспективы улучшения этой характеристики в долгосрочной перспективе
	Меньше норматива, равного 1	Зона 4 Объект исследования экологически опасен в настоящее время, улучшения этой характеристики в долгосрочной перспективе не ожидается	Зона 2 Объект исследования экологически опасен в настоящее время, но имеет перспективы улучшения этой характеристики в долгосрочной перспективе

Рис. 1. Матрица рэнкинга по критерию состояния экологической безопасности как составной части устойчивого развития страны

Источник: составлено автором с использованием методологии, описанной в [1].

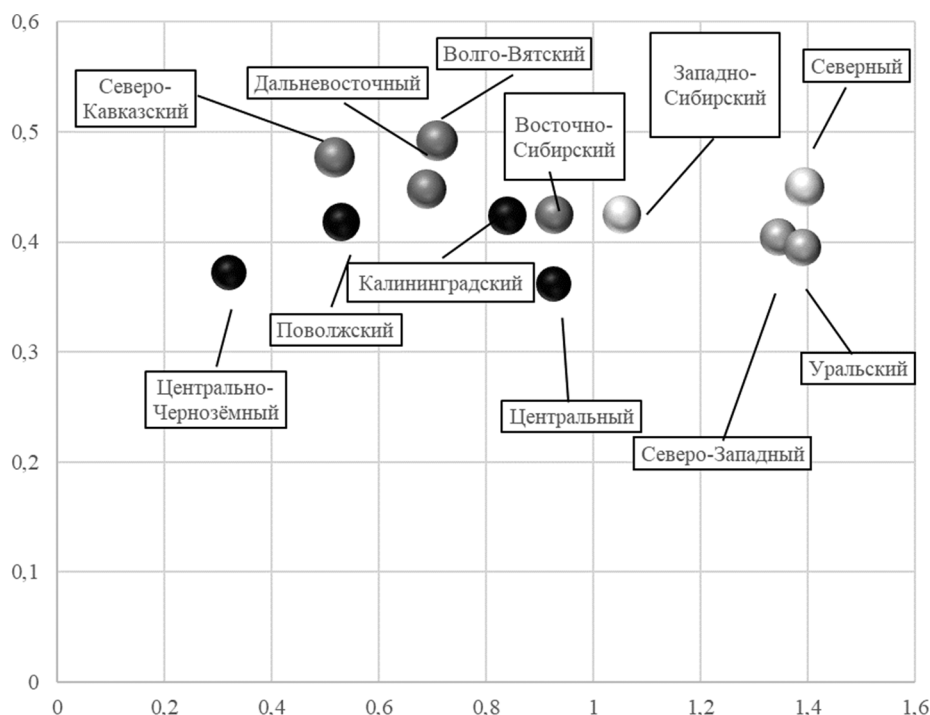

Рис. 2. Рэнкинг экономических районов России по критерию экологической безопасности, 2014–2023 гг.

Источник: составлено автором с использованием методологии, описанной в [1].

люстрирует потенциал безопасности, качества жизни и инвестиционной привлекательности экономических районов с позиции экологии. Другие аспекты устойчивого развития России в ходе составления рэнкинга не учитывались.

Из исследованных территорий наилучшие характеристики как современного, так и ожидаемого в долгосрочной перспективе состояния экологической безопасности у Северного и Западно-Сибирского экономических районов. Потенциал улучшения имеют Уральский и Северо-Западный экономические районы. Наихудшие результаты показали Калининградский, Поволжский, Центральный и Центрально-Черноземный экономические районы.

Таким образом, в ходе проведения исследования доказано наличие связи между состоянием экологической безопасности (определяемым по нефинансовым показателям) и финансовым воздействием на них. Значит, существует возможность эффективного управления экологическими параметрами регионов с помощью финансовых стимулов, включая налоговые инструменты. Ключевым субъектом такого управления является государство. Используя налоги, государство в определенной степени регулирует процесс использования природных ресурсов, негативное и позитивное воздействие хозяйствующих субъектов на окружающую среду. Экологическое налогообложе-

ние в этом случае рассматривается как фактор устойчивого развития страны.

Список источников

1. Зацарная Н. А. Оценка эффективности ESG-трансформации российских компаний в целях устойчивого пространственного развития страны // Глобальная неопределенность. Развитие или деградация мировой экономики?: сб. ст. XI междунар. науч. конф. В 2 т. (Москва, 17–18 мая 2022 г.) / под ред. С. Д. Валентея. Т. 2. М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2022. С. 103–109.
2. Порфирьев Б. Н. О «зеленом» векторе стратегии социально-экономического развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. № 1. С. 128–136.
3. Порфирьев Б. Н., Широв А. А., Колпаков А. Ю., Единак Е. А. Возможности и риски политики климатического регулирования в России // Вопросы экономики. 2022. № 1. С. 72–89.
4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (разработан Минэкономразвития России в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике») // СПС «Гарант».

5. Shuvalova E., Bolvachev A., Zatsarnaya N. Ecological safety and its financial evaluation // В сб.: 6th SWS International Scientific Conferences on social sciences. Conference proceedings. 2019. С. 331–338.

References

1. Zatsarnaya N. A. Evaluation of the effectiveness of the ESG transformation of Russian companies for the purpose of sustainable spatial development of the country // Global uncertainty. The development or degradation of global kinematics?: S. V. XI of the month. scientific conf. In 2 vol. (Moscow, May 17–18, 2022) / edited by S. D. Valentyev. Vol. 2. M. : Plekhanov Russian University of Economics, 2022. P. 103–109.

2. Porfiriev B. N. On the «green» vector of the strategy of socio-economic development of Russia // Scientific

works of the Free Economic Society of Russia. 2021. vol. 227. No. 1. P. 128–136.

3. Porfiriev B. N., Shirov A. A., Kolpakov A. Yu., Edinak E. A. Opportunities and risks of climate regulation policy in Russia // Economic issues. 2022. No. 1. P. 72–89.

4. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 (developed by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation in accordance with Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2012 No. 596 «On long-term state economic policy») // LRS «Garant».

5. Shuvalova E., Bolvachev A., Zatsarnaya N. Ecological safety and its financial evaluation // In the collection: 6th SWS International Scientific Conferences on social sciences. Conference proceedings. 2019. P. 331–338.

Информация об авторах

К. В. Ордов — заведующий кафедрой финансов устойчивого развития, директор, главный научный сотрудник Высшей школы финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент;

Н. А. Зацарная — старший преподаватель кафедры финансов устойчивого развития, младший научный сотрудник Высшей школы финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Information about the authors

K. V. Ordov — Head of the Department of Sustainable Development Finance, Director, Chief Researcher of the Higher School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor;

N. A. Zatsarnaya — Senior Lecturer of the Department of Sustainable Development Finance, Junior Researcher of the Higher School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics.

Вклад авторов

К. В. Ордов — научное руководство; концепция исследования; итоговые выводы;

Н. А. Зацарная — развитие методологии; расчет коэффициента экологической безопасности по нефинансовым показателям и обобщенного индекса экологической безопасности на основе финансовых показателей; разработка ранжирования экологической безопасности экономических районов России; обоснование распределения объектов исследования по зонам матрицы ранжирования экологической безопасности экономических районов.

Contribution of the authors

K. V. Ordov — scientific guidance; research concept; final conclusions;

N. A. Zatsarnaya — methodology development; calculation of environmental safety coefficient by non-financial indicators and generalized index of environmental safety on the basis of financial indicators; development of environmental safety ranking of economic regions of Russia; justification of distribution of research objects by matrix zones.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 07.10.2024.

The article was submitted 12.09.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 07.10.2024.

Научная статья

УДК 336.025

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-233-238>

EDN: <https://elibrary.ru/vfhawa>

ИПОН: 2003-0059-5/24-171

MOSURED: 77/27-003-2024-05-370

Виды нелегальной деятельности на финансовом рынке Великобритании. Системы и методы противодействия

Бахром Асорович Турсунов

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Tursunov.ba@rea.ru

Аннотация. Великобритания, ратифицировав в 1992 г. Конвенцию Совета Европы об отмывании, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, стала первой страной, признавшей необходимость международного сотрудничества в сфере борьбы с отмыванием преступных доходов и их последующей конфискацией. В 1993 г. Великобритания принимает Закон об уголовной ответственности за легализацию доходов, полученных преступным путем и положение о борьбе с преступными операциями клиентов. Принятый закон определяет процедуры проведения внутреннего контроля, связанные с идентификацией клиентов, закрепляет необходимость осуществления учета сомнительных операций, и сотрудничества различных структур по обмену информацией о сомнительных операциях в целях выявления мошенничества.

Ключевые слова: мошенничество, нелегальная деятельность, финансовый рынок, регуляторные институты, финансовая пирамида, рынок ценных бумаг, киберугроза

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Турсунов Б. А. Виды нелегальной деятельности на финансовом рынке Великобритании. Системы и методы противодействия // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 233–238. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-233-238>. EDN: VFHAWA.

Original article

Types of illegal activities in the UK financial market. Systems and methods of counteraction

Bakhrom A. Tursunov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, tursunov.ba@rea.ru

Abstract. The United Kingdom, having ratified the Council of Europe Convention on Laundering, Seizure and Confiscation of Proceeds from Crime in 1992, became the first country to recognize the need for international cooperation in combating money laundering and their subsequent confiscation. In 1993, the United Kingdom passed the Law on Criminal Liability for the Legalization of Proceeds from Crime and the regulation on combating criminal transactions of clients. The adopted law defines the procedures for internal control related to customer identification, establishes the need for accounting for dubious transactions, and cooperation between various structures for the exchange of information on dubious transactions in order to detect fraud.

Keywords: fraud, illegal activity, financial market, regulatory institutions, pyramid scheme, securities market, cyber threat

Acknowledgements: the article was prepared and financed within the framework of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the sphere of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of international legislation and best foreign law enforcement practices in the sphere of countering illegal activities on financial markets».

For citation: Tursunov B. A. Types of illegal activities in the UK financial market. Systems and methods of counteraction. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):233–238. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-233-238>. EDN: VFHAWA.

Нелегальная деятельность на финансовом рынке наносит огромный ущерб не только финансовому сектору, но и обществу, даже имиджу и процветанию Великобритании. В 1992 г. Лондон, официально ратифицировав конвенцию Совета Европы, решил самостоятельно контролировать нелегальную деятель-

ность на финансовом рынке. Таким образом, начиная с 1993 г. Великобритания издает соответствующие законы по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке. Великобритания четко определяет виды мошенничеств и принимает меры по борьбе с преступностью в финансовом секторе [1]. На сего-

© Турсунов Б. А., 2024

дняшний день на финансовом рынке существуют ключевые виды мошенничеств, из которых вытекают все новые и новые схемы нелегальных операций: финансовые пирамиды, нелегальные кредиты, мошенничество с идентификационными данными, мошенничество на рынке ценных бумаг.

Финансовая пирамида. Одной из самых старых и по сей день актуальных мошеннических схем является финансовая пирамида. Пирамидальные схемы возрождаются в Великобритании с первой четверти XVIII столетия. С развитием экономики финансовые пирамиды обретают все новые, сложно-ступенчатые схемы мошеннических афер. Согласно информационному бюллетеню «i news» и в рамках запроса о свободе информации (FOI) в Великобритании наблюдается рост финансовых пирамидальных схем на 27 %. Финансовые пирамиды, которые являются незаконными, выплачивают клиентам несущественные комиссии из сумм, инвестированных в ложный проект новыми клиентами; так и строится пирамида. Пирамидальная схема рухнет только тогда, когда прекращается поток новых потенциальных клиентов, которые должны будут инвестировать в проекты с пирамидальными схемами.

Базовая форма финансовой пирамиды не меняется, но в ней постоянно появляются новые схемы и инструменты привлечения инвесторов. Государство в 2024 г. выявило 4083 случая пирамидальных схем, что на 3220 случаев больше, чем годом ранее. За последний год жители Великобритании от финансовых пирамид потеряли 97,6 млн фунтов стерлингов, а средний размер одного мошенничества составил 22 700 фунтов стерлингов [4]. Несмотря на рост пирамидальных схем, на финансовом рынке Великобритании наблюдается снижение средней суммы потерь. Средняя сумма потерь из-за финансовых пирамид составила 14 332 фун-

та стерлингов за 2024 г., что на 81 % меньше среднего показателя в 74 721 фунт стерлингов за 2023 г.

Постоянная трансформация регуляторных институтов и правовых баз по борьбе с пирамидальными схемами дает существенный эффект сдерживания потерь от них, но все же угроза пирамидальных схем сохраняется, обретая сложно-ступенчатую схему для осуществления более правдоподобных афер.

Наряду с мошенническими пирамидальными схемами, в Великобритании также распространено нелегальное кредитование на финансовом рынке.

Нелегальные кредиты. В Великобритании не принято обсуждать финансовое состояние, доходы, расходы и приобретенные кредиты. Порой, даже внутри семьи скрывают о приобретенных займах, из-за этого часто Великобританию называют «страна денежных секретов». В недавнем опросе Центра социальной справедливости (CSJ) [5] было выявлено, что двое из пяти признались в сокрытии от родных факте приобретения займа, в том числе займа и от нелегальных кредиторов.

Нелегальное кредитование является незаконным в Великобритании и карается законом в виде двух лет лишения свободы. Нелегальное кредитование опирается на ложную информацию, где обещают низкую процентную ставку. Обычно отсутствуют официальные документы (отсутствие или наличие липовой регистрации, отсутствие разрешения на деятельность и отсутствие лицензии), а также применяются угрозы и насилие в отношении клиентов.

За последний год 2,8 млн человек в Великобритании попались в ловушки нелегальных кредиторов.

Учитывая, что Великобритания погрузилась в «кризис стоимости жизни» [6], на кредитном рынке наблюдается рост обращений за мелким кредитом и колоссальный объем обращений британцев за неле-

Таблица 1

Динамика нелегальных кредиторов в Англии

Год	Количество случаев	Источник информации
2020	5000 случаев	Полиция Англии и Уэльса
2021	6500 случаев	Управление финансовым надзором (FCA)
2022	8500 случаев	Национальное агентство по борьбе с преступностью (NCA)
2023	11000 случаев	Управление финансовым надзором (FCA)

Источник: составлено автором.

гальным кредитом. Исследование Creditspring показало, что за 2024 г. более 3 млн граждан Великобритании были вынуждены обратиться за кредитом к нелегальным кредиторам.

К основной причине роста нелегального кредитования можно отнести нехватку краткосрочных кредитных продуктов. Большинство заемщиков, порядка 27 %, обратились к небанковским и нелегальным кредиторам после отказа банковских учреждений. Это демонстрирует нехватку функциональных инструментов по предоставлению потребительского кредитования в финансовом секторе [7].

Мошенничество с идентификационными данными. Мошенничество с использованием личных данных или кража личных данных является нелегальной деятельностью на финансовом рынке. Для кражи личных данных мошенники применяют изощренные схемы похищения номера кредитной карты, номера социального страхования или других конфиденциальных данных. Преступники, овладевая личной информацией жертв, от их имени открывают банковские счета, подают заявки на получение кредитов и кредитных карт и проводят незаконные транзакционные операции. Мошенничество с идентификационными

Таблица 2

Типы и виды нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг

Название	Характеристика
Типы нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг	
«Пирамидальные схемы»	Мошенники предлагают игрокам комиссию от реализованных активов и от привлечения новых игроков
«Pump and dump»	Данная форма мошенничества заключается в искусственном завышении цен на акцию с помощью ложных и, якобы, позитивных информации (pump) с целью реализации заранее купленных неликвидных и дешевых акций по более высокой цене (dump)
«Offshore Scams»	Мошенники предлагают инвесторам минимизировать расходы путем перевода активов в офшоры, а на самом деле активы переходят на счета мошенников
«Precious Metals»	Мошенничество проводится на рынке драгоценных металлов. Мошенники, учредив оценочную компанию, проводят оценку по невероятно низкой цене с целью дальнейшей реализации драгоценных металлов по привлекательной цене на рынке
«Advance fee frauds»	Мошенники предлагают инвесторам внести предоплату/комиссию для будущей сделки, а после их получения исчезают из поля зрения. Сумма комиссии или предоплаты, небольшая, но мошенники ориентируются на массовость
Виды нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг	
Подставные фирмы	Мошенники создают фиктивные фирмы со схожими названиями для создания иллюзии компании. Инвесторы, приобретая ценные бумаги, думают, что берут акции оригинальной компании, но на самом деле ценная бумага является пустышкой
Интернет-мошенничество	Мошенники, с помощью интернет-площадок, корпоративных чатов, форумов и интернет-досок, распространяют ложную информацию в личных целях. Например: могут распространить ложную негативную информацию о каких-либо акциях, чтобы они упали в цене. Затем мошенник закупает эти акции по выгодной ему цене и ожидает определенного роста данных акций для последующей их продажи
Инсайдерская торговля	Инсайдерскую торговлю принято разделять на две группы: законная и незаконная. Торговля корпоративной инсайдерской информацией является законной при выполнении определенных требований в отчетности. Данной информацией располагают обычно руководящие и ключевые сотрудники. Незаконная инсайдерская торговля осуществляется на основе продажи существенной непубличной информации
Microcap Fraud	Неликвидные микрокапитализированные акции компании рекламируют как высоколиквидные акции и распродают втридорога
Boiler Rooms	Это обычно биржевые брокерские конторы, где навязчивые продавцы обзванивают списки потенциальных инвесторов, чтобы торговать спекулятивными, иногда мошенническими ценными бумагами

Источник: составлено автором.

данными становится популярной угрозой для общества и несет не только финансовые потери, но и серьезно влияет на репутацию кредитоспособности жертв.

Исследование CIFAS «Британская служба по предотвращению мошенничества» показывает рост в области мошенничества с использованием личных данных. За последний год 24 % граждан Великобри-

тании стали жертвами мошенничества с персональными данными, что демонстрирует самый высокий показатель мошенничества с персональными данными в Европе. Схемы мошенничества с идентификационными данными появляются во всех отраслях финансового сектора, особенно высоко проявляются в банковской отрасли и телекоммуникации.

Таблица 3

Ключевые институциональные и правовые системы финансового рынка Великобритании

Структурное название	Год основания	Характеристика
Financial Conduct Authority (FCA)	2014 г.	Отдел занимается авторизацией, созданием нормативных баз и внесением в реестр финансовых организаций, которые осуществляют кредитование, в основном, для физических лиц. Также отдел проводит активную работу по борьбе с мошенничеством на финансовом рынке, выявляя нелегальных кредиторов, применяя к ним меры уголовной ответственности
Illegal Money Lending Team (IMLT)	2004 г.	Деятельность оказывает поддержку жертвам, попавшим под уловки нелегальных кредиторов. Осуществляет собственное расследование и преследует нелегальных кредиторов
Centre for Social Justice (CSJ)		CSJ — определяет мошенничество на основе инсайдерской сделки. Оценивает влияние инсайдерской операции на чувствительность ценной бумаги компании
Prudential Regulation Authority (PRA)	2007 г.	Надзорный орган за финансовыми учреждениями, проводящий пруденциальные и надзорные операции по соблюдению правил в предоставлении финансовых услуг
National Crime Agency (NCA)	2013 г.	Это национальное агентство по борьбе с преступностью. Национальное агентство по борьбе с преступностью (NCA), защищает общество от серьезной и организованной преступности, выявляет и преследует преступность и мошеннические схемы на финансовом рынке
Serious Fraud Office (SFO)	1988 г.	Отдел или, так называемое, управление по борьбе с крупными мошенниками (SFO), в судебном порядке расследует и преследует крупные и сложно структурированные схемы мошенничества
Senior Managers and Certification Regime (SMCR)	2016 г.	SM&CR направлен на снижение вреда потребителям и укрепление целостности рынка путем создания системы, которая позволяет фирмам и регулирующим органам привлекать людей к ответственности [10]
Market Abuse Regulation (MAR)	2016 г.	MAR — охватывает проблему инсайдерской операции, незаконного раскрытия информации и манипулирования рынком
The Public Order Act 2023 (2023 Order)	2013 г.	Order Act 2023 — направлен на усовершенствование «Закона об уголовном правосудии 1993г». Благодаря новому приказу (2023 Order), Государство Великобритании контролирует широкий аспект финансовых рынков, уголовный режим теперь применяется к эмитентам и владельцам ценных бумаг, торгуемых на любом контролируемом рынке Великобритании
Association of British Investigators (ABI)	1913 г.	Одна из крупных Ассоциаций по предоставлению частных услуг на финансовом рынке: расследование нелегальной деятельности на финансовом рынке, обслуживание процессов и судебное сопровождение

Источник: составлено автором.

В банковской отрасли мошенники уделяют особое внимание кредитным картам и онлайн транзакциям с помощью расчетных счетов жертв. Мошенники создают фальшивые онлайн магазины с заманчивыми продуктами и услугами для привлечения потенциальных жертв для онлайн покупки; таким образом, мошенники крадут личные и финансовые данные жертв. Это один из различных многоэтапных примеров заполучения конфиденциальными данными британцев. Также нельзя не отметить такую операцию как «денежные мулы», где человек позволяет третьему лицу использовать банковские счета для транзакции денег за небольшое вознаграждение. Такого рода операции также растут и за 2022 г. достигло до 40 тыс. случаев [8].

Телекоммуникационный сектор также имеет популярность у мошенников по заполучению личных данных граждан. С помощью поддельных мобильных гаджетов или внедряя вирусы, мошенники заполучают личные данные или дистанционно контролируют мобильные устройства жертв.

По статистике большинство жертв, попавших в сеть мошенничества с использованием личных данных, — это люди старше 31 года.

Мошенничество на рынке ценных бумаг. На финансовом рынке существует множество видов инвестиционного мошенничества. Мошенники на рынке ценных бумаг применяют различные схемы по привлечению инвестиций. Для этого мошенники демонстрируют популярность своего бизнеса, бесполезного или не существующего продукта, обещая баснословные доходы при инвестициях. Обычно после получения оплаты мошенники прекращают связи с жертвой.

Мошенничество также сопровождается кражей активов у инвесторов под разными предложениями и по различным схемам, манипулированием акциями, искажением финансовой отчетности, неправильной консультационной услугой и незаконной инсайдерской торговлей [2].

На рынке ценных бумаг мошенничество принимает различные формы и виды. Мошенничеством на рынке ценных бумаг занимаются разные игроки, в зависимости от владения и управления корпоративной информацией.

Великобритания ежегодно несет убытки на сумму более 1 млрд фунтов стерлингов из-за инвестиционных мошенников. Часто инвестиционные мошен-

ники заманивают клиентов привлекательными условиями для покупки бесполезных или несуществующих инвестиционных активов.

Мошенничество на рынке ценных бумаг является организованным и сложно структурированным. Данные мошенники финансово подкованы и красноречивы. У них могут быть надежные веб-сайты, отзывы и материалы, которые трудно отличить от настоящих, что усложняет работу надзорных органов в выявлении мошеннических схем на рынке ценных бумаг [9].

Великобритания ведет активную борьбу с нелегальной деятельностью на финансовом рынке. Издаются новые законы и определяются ответственные надзорные институты против каждой распространенной мошеннической схемы.

Как мы видим, против каждой области нелегальной преступности открыты отделы по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, приняты, и по сей день принимаются, новые законопроекты по борьбе с ними.

Лондон разрабатывает и применяет новые подходы и меры для улучшения и сокращения издержек по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке. Государство успешно провело реформирование и, частично отказавшись от Европейских законодательных баз, внедрило новую нормативно-правовую базу, создав этим возможность регуляторным органам проводить официальные полномасштабные операции по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке [3].

Список источников

1. Турсунов Б. А. Институциональные системы противодействия нелегальной деятельности Великобритании на финансовом рынке // Финансовая жизнь. 2024. № 1. С. 34–38.
2. Марк Кот. Финансовые махинации на протяжении многих лет — обзор литературы. Научные труды по экономике и финансам. 2024. № 1. С. 39–60.
3. Тэмми Ли., Евстропова М. Под микроскопом: растущее влияние организованной преступности на финансовых рынках // Kroll: Финансовый комплаенс и регулирование. 2024. № 1. С. 3.
4. Britons lost J450m to pyramid and Ponzi schemes over last three years // URL: <https://inews.co.uk/news/britons-lost-450m-to-pyramid-and-ponzi-schemes-over-last-three-years-3207967>

5. Swimming with Sharks // URL: <https://www.centreforsocialjustice.org.uk/library/swimming-with-sharks>

6. Is the UK in a credit crisis? // URL: <https://www.finextra.com/the-long-read/1067/is-the-uk-in-a-credit-crisis>

7. Lack of credit access forces 6 % of UK adults to turn to loan sharks // URL: <https://www.bobsguide.com/uks-credit-accessibility-problem-forces-6-of-brits-to-turn-to-loan-sharks/>

8. Identity fraud cases reach all-time high as cost-of-living crisis bites // URL: <https://www.cifas.org.uk/newsroom/fraudscape23-release>

9. Fraud // URL: <https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/what-we-do/crime-threats/fraud-and-economic-crime>

10. Senior Managers and Certification Regime // URL: <https://www.fca.org.uk/firms/senior-managers-certification-regime>

References

1. Tursunov B. A. Institutional systems for countering illegal activities in the UK financial market // Financial life. 2024. No. 1. P. 34–38.

2. Mark Cat. Financial frauds over the years — a review of the literature. Scientific works on economics and finance. 2024. No. 1. P. 39–60.

3. Tammy Lee., Evstropova M. Under the microscope: the growing influence of organized crime on financial markets // Kroll: Financial Compliance and Regulation. 2024. No. 1. P. 3.

4. Britons lost J450m to pyramid and Ponzi schemes over last three years // URL: <https://inews.co.uk/news/britons-lost-450m-to-pyramid-and-ponzi-schemes-over-last-three-years-3207967>

5. Swimming with Sharks // URL: <https://www.centreforsocialjustice.org.uk/library/swimming-with-sharks>

6. Is the UK in a credit crisis? // URL: <https://www.finextra.com/the-long-read/1067/is-the-uk-in-a-credit-crisis>

7. Lack of credit access forces 6 % of UK adults to turn to loan sharks // URL: <https://www.bobsguide.com/uks-credit-accessibility-problem-forces-6-of-brits-to-turn-to-loan-sharks/>

8. Identity fraud cases reach all-time high as cost-of-living crisis bites // URL: <https://www.cifas.org.uk/newsroom/fraudscape23-release>

9. Fraud // URL: <https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/what-we-do/crime-threats/fraud-and-economic-crime>

10. Senior Managers and Certification Regime // URL: <https://www.fca.org.uk/firms/senior-managers-certification-regime>

Информация об авторе

Б. А. Турсунов — доцент кафедры мировых финансовых рынков и финансовых технологий Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук.

Information about the author

B. A. Tursunov — Associate Professor of the Department of World Financial Markets and Financial Technologies of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Научная статья
УДК 336.025
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-239-243>
EDN: <https://elibrary.ru/tbhykh>
NIION: 2003-0059-5/24-172
MOSURED: 77/27-003-2024-05-371

Системы и методы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке Индии

Алексей Евгеньевич Фошкин

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, foshkin.ae@rea.ru

Аннотация. Индия, крупнейшая страна в мире по численности населения, имеет самую большую диаспору. Это страна с доходом ниже среднего и одной из самых быстрорастущих экономик мира, которая в настоящее время является пятой экономикой мира.

Индия, как и другие развивающиеся страны, переживает всплеск нелегальной деятельности на финансовом рынке. Мошенничество наблюдается во всех секторах финансового рынка, начиная от кражи личных данных, дохода до рэкетирства и убийства.

Нелегальная деятельность на финансовом рынке обретает сложноструктурированный характер. Потенциальных клиентов привлекают с помощью использования новых технологий, ложными документами и нереалистичными инвестиционными доходами. На сегодняшний день мошеннические схемы нацелены не только на неграмотное, пожилое население страны, но и благодаря сложно структурированным схемам в них попадают молодежь и грамотное население.

Наиболее динамичный рост нелегальной деятельности на финансовом рынке наблюдается в направлении киберпреступности, получившей широкие возможности после пандемии COVID-19 и популярности интернет-торговли. Многие киберпреступники нацелились разрабатывать новые программы для кибератак: дублирование сайтов и приложений; использование незаконных приложений для выдачи кредитных продуктов для населения.

Ключевые слова: мошенничество, финансовый рынок, регуляторные органы, финансовая пирамида, рынок ценных бумаг, киберугроза

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Фошкин А. Е. Системы и методы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке Индии // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 239–243. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-239-243>. EDN: TBHYKH.

Original article

Systems and methods of countering illegal activities in the Indian financial market

Alexey E. Foshkin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, foshkin.ae@rea.ru

Abstract. India is the world's largest country by population and has the largest diaspora. It is a lower-middle income country and one of the fastest growing economies in the world, currently the fifth largest economy in the world.

India, like other developing countries, is experiencing a surge in illegal activities in the financial market. Fraud is observed in all sectors of the financial market, ranging from identity theft to racketeering and murder.

Illegal activities in the financial market are becoming more and more complex. Potential clients are attracted by the use of new technologies, false documents and unrealistic investment returns. Today, fraudulent schemes are targeting not only the illiterate elderly population of the country, but also the youth and literate population through complex structured schemes.

The most dynamic growth of illegal activities in the financial market is observed in the direction of cybercrime, which has received wide opportunities after the COVID-19 pandemic and the popularity of online trading. Many cybercriminals have set their sights on developing new programs for cyber-attacks: duplicating websites and applications, as well as using illegal applications to issue credit products to the population.

Keywords: fraud, financial market, regulatory authorities, financial pyramid, securities market, cyber threat

Acknowledgements: the article was prepared and financed within the framework of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the sphere of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of international legislation and best foreign law enforcement practices in the sphere of countering illegal activities on financial markets».

For citation: Foshkin A. E. Systems and methods of countering illegal activities in the Indian financial market. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):239–243. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-239-243>. EDN: TBHYKH.

© Фошкин А. Е., 2024

Определение видов нелегальной деятельности на финансовом рынке Индии

В Индии существуют разные виды нелегальной деятельности на финансовом рынке. Каждый вид разделяется на свои методологии и классификации.

Рассмотрим основные виды нелегальной деятельности на финансовом рынке:

- 1) **финансовая пирамида;**
- 2) **нелегальные кредиторы;**
- 3) **нелегальная деятельность на рынке ценных бумаг.**

Финансовые пирамиды. Самым популярным видом мошенничества на финансовом рынке является «финансовая пирамида». С каждым годом Индия обретает все новые и новые схемы финансовой пирамиды. Только за 2023 г. было выявлено более 400 новых финансовых пирамид.

Количество финансовых пирамид не только бьет рекорды, но также способствует росту новых, сложно структурированных схем.

Рассмотрим основные схемы финансовой пирамиды в Индии.

1. Схема Понци — здесь мошенники сосредоточены на привлечении новых клиентов, от которых требуют взносы. Суть работы схемы Понци — это бесконечный поток денег. Схема Понци, как правило, рушится, когда становится сложно привлекать новых клиентов.

2. Сетевой маркетинг (MLM) — мошенничество в сфере сетевого или многоуровневого маркетинга представляет собой иерархическую систему вербовки клиентов, которые затем вербуют других, обещая доходы от продажи продуктов или услуг. В Индии до сих пор нет четкого различия между финансовыми пирамидами и сетевыми или же многоуровневыми маркетингами. Их обычно относят к многоуровневым маркетинговым компаниям.

3. Чит фонды — считаются абсолютно законными, если они зарегистрированы в соответствии с законом о чит фондах 1982 г. В чит фондах лицо заключает соглашение с определенным количеством лиц о том, что каждый из них подпишет на определенные взносы в течение определенного времени и каждый подписчик по жребию, аукциону или тендеру имеет право на призовую сумму. Но на деле не всегда так. Каждый год сотни людей в Индии выходят на забастовку о не выполнении обязанности чит фондов [1].

New schemes, old tricks (новые схемы, старые трюки). Одна из быстроразвивающихся финансовых пирамид, сосредоточена на онлайн рынке и на рынке

криптовалют. Появившаяся новая онлайн площадка, дает мошенникам преимущество в глобальном охвате рынка, низком барьере для входа; анонимность и быстрое распространение мошеннических схем привлекает финансовых мошенников создавать все больше финансовых пирамид на онлайн рынке.

Финансовые мошенники создают новые схемы финансовой пирамиды также и на цифровых биржах. Мошенники извлекают выгоду из отсутствия регулирования, анонимности, ограниченной грамотности населения в сфере цифровых продуктов и шумихи вокруг криптовалют. Все это создает идеальную обстановку для мошенников по привлечению доверчивых клиентов в свои сложные аферы.

Финансовая пирамида представляет постоянную угрозу финансовой безопасности страны. Эти схемы вызывают волновые эффекты эмоционального потрясения и подрывают доверие к регуляторным институтам Индии [2].

Нелегальные кредиторы. Нелегальным кредитором в Индии могут быть физические или юридические лица, не имеющие никаких лицензий и официальных адресов. Нелегальные кредиторы неофициально предоставляют услуги и кредитные продукты населению, часто прибегая к изменению условий договора и запугиванию заемщиков.

Нелегальные кредиторы Индии обычно делятся на три вида: «традиционные» формы нелегального кредитования, цифровые нелегальные кредиторы и бандитские группировки, предоставляющие нелегальные кредиты.

К «традиционным» формам нелегального кредитования относятся мошенники, предоставляющие населению мелкие кредиты под высокие проценты и желательно с залогом. Традиционные нелегальные кредиторы не следуют правилам и законам. У нелегальных кредиторов отсутствует разрешение, ясность и прозрачность в документах, присутствуют напористые тактики и чрезвычайно высокие процентные ставки.

Нелегальные цифровые кредиты несут масштабные угрозы для экономики Индии. С развитием интернет-технологий в Индии наблюдается рост провайдеров мгновенных займов, предоставляющих нелегальные кредиты от шести дней до нескольких месяцев без оформления каких-либо договоров.

После авторизации таких займов, нелегальные кредиторы могут запросить немедленного возврата денег в любое время, при отказе нелегальные кредиторы используют так называемый «метод выкручивания рук», где мошенники шантажируют, отправляют

смс-сообщения коллегам, друзьям и родителям, неправдивые сообщения и снимки, добиваясь от клиента вернуть деньги с полным процентом. Таким образом, клиентам приходится переносить займы из одного в другой, что приводит к долговой яме.

Бандитизм и группировки на кредитном рынке распространены в основном в Индийских деревнях, где толком отсутствует кредитная инфраструктура или даже если она и есть, не все попадут под критерии потенциального клиента для банка. По ряду причин (финансовая неграмотность, отсутствие необходимых документов для получения займа и отсутствие банковских и небанковских организаций) жители деревень каждый раз в сезон посева или по другим нуждам сталкиваются с группировками, которые могут предоставить кредиты от 75 до 350 % в месяц. При появлении просрочек нелегальные кредиторы могут отобрать любое имущество заемщика, если это не удастся, они могут применить иные, более жесткие меры по возврату денег.

Нелегальная деятельность на рынке ценных бумаг. Индийский рынок входит в десятку крупнейших мировых рынков ценных бумаг, считаясь одним из самых развивающихся рынков мира. Как и другие крупные рынки ценных бумаг, Индия также подвергается угрозам и запретным мошенническим схемам. На рынке ценных бумаг Индии выявляют различные виды и формы нелегальной деятельности, связанной с мошенническими операциями на рынке ценных бумаг. К примеру, Индийский регулятор за 2023 г. выявил несколько крупных схем, связанных с манипуляциями ценными бумагами — это такие компании как Mauria Udyog Ltd. и 7NR Retail Ltd., которые использовали массовые рассылки SMS с ложными рекомендациями ради привлечения инвесторов. По результатам расследования, регуляторный орган запретил 135 компаниям доступ к рынку ценных бумаг и наложил штраф в размере 126 крор рупий (~ 1 374 282 000 руб.) [3]. Другим выявленным примером является искусственное завышение цен на акции с помощью распространения ложной информации через YouTube каналы. Данной формой махинации занималась компания Sathna Broadcast. Мошенники использовали схему «pump-and-dump», где принимали участие как создатели контента, так и акционеры компании. От искусственного завышения цен, участники махинации успели извлечь 38 крор рупий (~ 414 466 000 руб.) [4].

Что касается объема выявленных махинаций, можно увидеть рост мошенничества на рынке ценных бумаг. За отчетный финансовый 2023 г. регуляторным

органом SEBI было расследовано 152 преступления о нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг.

Регуляторный орган SEBI четко указывает основные проблемные области нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг, которые занимают более 90 % расследований, и это важная проблема касаясь инсайдерской торговли и операций с манипулированием рынка ценных бумаг.

Правовые и институциональные системы, осуществляющие контрольно-надзорную и регуляторную деятельность в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке Индии

В Индии активно ведут борьбу против нелегальной деятельности на финансовом рынке; против каждой распространенной мошеннической схемы создают законы и определяют ответственные надзорные институты (табл. 1).

Все регуляторные институты работают сообща и координируют друг друга, повышая эффективность по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке. Индия не только усиливает регуляторные органы по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, но и активно плетет сеть новых правил по борьбе с мошенничеством. Меры пресечения нелегальной деятельности на финансовом рынке и защиту от нее устанавливает, в основном, уголовный кодекс Индии.

Вся инфраструктура рынка ценных бумаг Индии находится под контролем SEBI PFUTP Regulations, который направлен на борьбу с нелегальной деятельностью на рынке ценных бумаг.

PFUTP был запущен регуляторным органом SEBI по борьбе с нелегальной деятельностью на рынке ценных бумаг Индии [5].

Положения PFUTP запрещают любые мошеннические действия с ценными бумагами и нарушение Закона или положений SEBI.

Меры по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке

В борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке Индии власть прибегает к комплексным мерам, направленным на предотвращение и пресечение мошеннических схем. Рассмотрим основные меры пресечения нелегальной деятельности на финансовом рынке.

Регуляторные меры. К основным регуляторным институтам по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке относятся: Совет по ценным бума-

Таблица 1

Ключевые регуляторные институты по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке

№	Институты	Характеристика
1.	Securities and Exchange Board of India (SEBI)	Совет по ценным бумагам и биржам, регулирует рынок ценных бумаг, защищает интересы инвесторов и выпускает правовые базы по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке (таб. 1.3)
2.	Serious Fraud Investigation Office (SFIO)	Управление по расследованию серьезных случаев мошенничества — является многопрофильным органом при Министерстве корпоративных дел (SFIO), состоит из экспертов в области бухгалтерского учета, судебных экспертов, расследование и судебное преследование за должностные преступления или мошенничество в особо крупном размере
3.	Reserve Bank of India (RBI)	RBI контролирует банковскую систему и финансовые учреждения. Он также следит за операциями с деньгами и инвестициями, обеспечивая защиту потребителей от мошеннических схем
4.	The Directorate of Enforcement (ED)	Организация является многопрофильной, расследует преступления на финансовом рынке (отмыванием денег и нарушения валютного контроля), а также обеспечивает соблюдение государственных законов
5.	Ministry of Corporate Affairs (MCA)	MCA отвечает за регулирование корпоративного сектора в Индии. Может принимать меры против компаний, заподозренных в ведении нелегальной деятельности, и контролировать их деятельность

Источник: составлено автором.

гам и биржам Индии (SEBI), Борьба с отмыванием денег (AML), Управление по регулированию и развитию страхования Индии; регуляторные институты также расширяются в области банковского сектора (RBI), ведут борьбу с распространением инсайдерской информации (FIU_IND), расследование крупных мошенничеств (SFIO), контроль паевых фондов (AMFI), борьбу с терроризмом (NIA), антикоррупционное следствие (CBI), создан дополнительно институт по борьбе с экономическими преступлениями.

Законодательные меры. Правительство, осознав неэффективность старых и не прямых законов по борьбе с мошенничеством, принимает ряд мер в области защиты инвесторов, прозрачности торговли и принятия мер по сохранению целостности финансовой инфраструктуры. Для эффективности законодательных мер в борьбе с финансовым мошенничеством, правительство устанавливает ответственными «Совет по ценным бумагам и биржам Индии» SEBI и «Резервный банк Индии» RBI [6].

Меры по усилению безопасности. Министерство финансов Индии издало директивы для финансового рынка, требующие соблюдать строгий протокол KYC (Это процесс проверки сотрудников, клиентов и других действий внутри компании по борьбе с мошенничеством) [7]. Также директива намекает основным регуляторам финансового рынка проводить проверки финансового рынка по нарушению безопасности на высоком уровне [8].

Борьба с цифровым мошенничеством. Правительство Индии оперативно принимает меры по борьбе с

цифровыми мошенниками — это открытие координационного центра по борьбе с киберпреступностью (I4C), открытие национальной лаборатории киберкриминалистики (NCFL), принятие законов о защите персональных данных (DPDP), и новый Уголовный кодекс, Bharatiya Nyaya Sanhita 2023, направленный на борьбу с организованными финансовыми преступлениями, киберугрозами на финансовом рынке и на обеспечение безопасной цифровой среды. К борьбе с финансовой киберугрозой активно подключаются: Резервный банк Индии (RBI), Министерство внутренних дел, Национальная платежная корпорация Индии (NPCI) и ряд других директивных органов предпринимают меры по борьбе с цифровым мошенничеством [9].

Следует отметить, что в борьбе с финансовым мошенничеством Индия кардинально ужесточает законодательные меры по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, вплоть до открытия узконаправленных директив по борьбе с финансовым мошенничеством.

Список источников

1. Ничего не подозревающие индийцы теряют миллиарды из-за фиктивных инвестиций // URL: <https://www.bbc.co.uk/news/business-29916178>
2. Финансовые пирамиды в Индии: вечная угроза // URL: <https://financialinsights.in/ponzi-schemes-in-india-a-timeless-threat>
3. SEBI запретил 135 субъектам рынка ценных бумаг доступ на фондовый рынок за манипулирование акциями // URL: [242](https://www.fortuneindia.com/in-</div><div data-bbox=)

vesting/sebi-bars-135-entities-from-securities-market-over-stock-manipulation/113135

4. SEBI подтверждает запрет на выход на рынок 22 субъектов в деле о манипулировании акциями // URL: https://www.business-standard.com/markets/news/sebi-confirms-market-ban-on-21-entities-in-stock-manipulation-case-123103101499_1.html

5. Гхош А., Раджан Ш. В центре внимания: государственные меры по борьбе с неправомерными действиями на рынке ценных бумаг в Индии // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ba61e1b3-333e-4c82-b5e9-0670043c1c2c#footnote-013>

6. Мошенничество в Индии: всесторонний обзор финансовых мошенничеств // URL: <https://www.idfy.com/blog/frauds-in-india-a-comprehensive-overview-of-financial-frauds/>

7. «Знай Своего Клиента» в Индии: все, что вам нужно знать // URL: <https://authbridge.com/blog/kyc-in-india/>

8. Министерство финансов вводит более строгие меры по борьбе с финансовым мошенничеством // URL: <https://mas360.moneylife.in/article/finance-ministry-implements-stricter-measures-to-combat-financial-fraud/4575.html>

9. Босале Ч. Борьба с организованной финансовой преступностью в цифровой экономике Индии: проблемы, инициативы и путь вперед // URL: <https://www.legalserviceindia.com/legal/article-16548-combatting-organised-financial-crimes-in-india-s-digital-economy-challenges-initiatives-and-the-path-forward.html>

References

1. Unsuspecting Indians lose billions to bogus investments // URL: <https://www.bbc.co.uk/news/business-29916178>

2. Ponzi Schemes in India: A Timeless Threat // URL: <https://financialinsights.in/ponzi-schemes-in-india-a-timeless-threat>

3. SEBI bars 135 entities from securities market over stock manipulation // URL: <https://www.fortune-india.com/investing/sebi-bars-135-entities-from-securities-market-over-stock-manipulation/113135>

4. Sebi confirms market ban on 22 entities in stock manipulation case // URL: https://www.business-standard.com/markets/news/sebi-confirms-market-ban-on-21-entities-in-stock-manipulation-case-123103101499_1.html

5. Ghosh A., Rajan Sh. Spotlight: public enforcement against securities market misconduct in India // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ba61e1b3-333e-4c82-b5e9-0670043c1c2c#footnote-013>

6. Frauds in India: A Comprehensive Overview of Financial frauds // URL: <https://www.idfy.com/blog/frauds-in-india-a-comprehensive-overview-of-financial-frauds/>

7. KYC In India: Everything You Need To Know // URL: <https://authbridge.com/blog/kyc-in-india/>

8. Finance Ministry Implements Stricter Measures to Combat Financial Fraud // URL: <https://mas360.moneylife.in/article/finance-ministry-implements-stricter-measures-to-combat-financial-fraud/4575.html>

9. Bosale Ch. Combatting Organised Financial Crimes in India's Digital Economy: Challenges, Initiatives, and the Path Forward // URL: <https://www.legalserviceindia.com/legal/article-16548-combatting-organised-financial-crimes-in-india-s-digital-economy-challenges-initiatives-and-the-path-forward.html>

Библиографический список

1. Турсунов Б. А., Асяева Э. А., Перепелица Д. Г. Перспективы воздействия инфляционного пузыря на фондовый рынок // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1(138). С. 122–125.

2. Фошкин А. Е., Наточеева Н. Н. Прогнозирование потребности продуктов кибербезопасности на российском финансовом рынке // Банковское дело. 2024. № 7. С. 6–11.

Bibliographic list

1. Tursunov B. A., Asyaeva E. A., Perepelitsa D. G. Prospects for the impact of the inflation bubble on the stock market // Economy and entrepreneurship. 2022. No. 1(138). P. 122–125.

2. Foshkin A. E., Natocheeva N. N. Forecasting the need for cybersecurity products in the Russian financial market // Banking. 2024. No. 7. P. 6–11.

Информация об авторе

А. Е. Фошкин — доцент кафедры мировых финансовых рынков и финансовых технологий Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. E. Foshkin — Associate Professor of the Department of World Financial Markets and Financial Technologies of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.
The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-244-248>

EDN: <https://elibrary.ru/tgvxiz>

НИОН: 2003-0059-5/24-173

MOSURED: 77/27-003-2024-05-372

Методы машинного обучения с подкреплением: теоретические основы и практическое применение

Каринэ Суменовна Хачатурян¹, Сурен Арутюнович Хачатурян²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, kara111315hks@yandex.ru

² ФГБНУ «Аналитический центр», Москва, Россия, sure1311@gmail.com

Аннотация. Анализируются концепции и методы машинного обучения с подкреплением (RL), подробно раскрывая ключевые элементы этой технологии: агента, среду, стратегию, сигнал вознаграждения, функцию ценности и модель среды. Приводится обзор процесса формирования стратегий RL, который основан на использовании наград для принятия оптимальных решений. Исследуется важность марковских процессов и функции ценности для создания долгосрочных стратегий. Делается акцент на различии между модель-ориентированными и безмодельными подходами RL, выявляются их преимущества для адаптивного поведения и успешного выполнения задач.

Ключевые слова: обучение с подкреплением, агент, стратегия, функция ценности, марковский процесс, модель среды, оптимизация поведения

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России по теме «Развитие методологии производства продукции двойного назначения высокотехнологичными компаниями России с использованием элементов искусственного интеллекта в условиях цифровизации экономики и санкционного давления» № 123011600034-3.

Для цитирования: Хачатурян К. С., Хачатурян С. А. Методы машинного обучения с подкреплением: теоретические основы и практическое применение // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 244–248. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-244-248>. EDN: TGVXIZ.

Original article

Machine learning methods with reinforcement: theoretical foundations and practical applications

Karine S. Khachatryan¹, Suren A. Khachatryan²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, kara111315hks@yandex.ru

² Federal Center of Analyzis, Moscow, Russia, sure1311@gmail.com

Abstract. The concepts and methods of reinforcement learning (RL) machine learning are analyzed, detailing the key elements of this technology: agent, environment, strategy, reward signal, value function, and environment model. An overview is given of the RL strategy formation process, which is based on the use of rewards to make optimal decisions. The importance of Markov processes and the value function in creating long-run strategies is explored. Emphasis is placed on the distinction between model-based and model-free RL approaches, analyzing their benefits for adaptive behavior and successful task performance.

Keywords: reinforcement learning, agent, strategy, value function, Markov process, environment model, behavior optimization

Acknowledgements: the work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on the topic «Development of methodology for the production of dual-use products by high-tech companies of Russia using elements of artificial intelligence in the conditions of digitalization of the economy and sanctions pressure» № 123011600034-3.

For citation: Khachatryan K. S., Khachatryan S. A. Machine learning methods with reinforcement: theoretical foundations and practical applications. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):244–248. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-244-248>. EDN: TGVXIZ.

С конца 1960-х гг. мнение многих специалистов в области искусственного интеллекта заключалось в том, что интеллект формируется за счет различных специализированных техник, процедур и эвристик, не опираясь на универсальные принципы. Приемы, которые базируются на таких общих методиках, как, к примеру, поиск или обучение, считались «слабыми методами», а подходы, которые базировались на конкретных знаниях, получили название «сильных мето-

дов». Данная точка зрения остается распространенной и в настоящее время, но в данный момент она не занимает господствующих позиций. По нашему мнению, такое убеждение возникло преждевременно из-за недостаточных усилий, направленных на изучение общих принципов, а это не позволяет утверждать об их полном отсутствии.

В структуре обучения с подкреплением ключевыми элементами являются агент, его среда и четыре

© Хачатурян К. С., Хачатурян С. А., 2024

структурных компонента: стратегический подход, индикаторы вознаграждений, механизмы оценки и, при необходимости, моделирование среды.

Стратегия устанавливает линию поведения агента, функционирует как путеводитель, который прокладывает курс действий от текущего положения в среде к оптимальному выбору реакций. Рассматриваемый нами процесс напоминает механизм формирования условных рефлексов в психологии, превращает раздражители в целенаправленные ответы. В зависимости от сложности задачи, стратегия может принимать форму простого соответствия или эволюционировать в комплексный вычислительный алгоритм, который нацелен на поиск оптимальных решений. Она лежит в основе адаптации агента, обучающегося через подкрепление, и может быть либо полностью детерминированной, либо стохастической, когда вероятности действий меняются в зависимости от обстоятельств [1].

Сигнал вознаграждения выступает как основополагающий элемент в процессе обучения с подкреплением; определяет цели для агента. На каждом этапе его деятельности окружающая среда предоставляет ему числовое значение, которое отражает эффективность его действий в данный момент. Данное значение служит оценкой того, насколько успешно или неуспешно агент справился с задачей. Основная задача агента заключается в том, чтобы максимизировать сумму получаемых вознаграждений в течение всего времени его функционирования. Сигнал вознаграждения, таким образом, является критерием для определения того, какие действия считаются положительными, а какие отрицательными в контексте поведения агента.

В биологических системах ощущения удовольствия или боли выполняют функции вознаграждения, поскольку они непосредственно воздействуют на поведение организма. Вознаграждение служит ключевым показателем для агента, указывает на значимые аспекты стоящей перед ним задачи и становится центральным элементом при адаптации его стратегии. Если конкретное действие не приводит к ожидаемому вознаграждению, необходима корректировка стратегии, чтобы в аналогичных будущих сценариях выбор пал на более эффективное действие. Сигнал вознаграждения можно описать как стохастическую функцию, зависящую от текущего состояния окружающей среды и выполненных действий [2].

В дискуссии о вознаграждении следует учитывать несколько основных моментов:

♦ вознаграждение не предоставляет прямых инструкций о методах решения задачи или о том, какие действия предпринять;

♦ вознаграждение часто откладывается во времени, а это существенно отличает его от непосредственной обратной связи в обучении с учителем;

♦ вознаграждение выступает в роли сигнала для обучения, указывает на успешность или неудачу предпринятых действий; в отличие от самостоятельного обучения, в нем такой обратной связи не предусмотрено.

Функция ценности служит важнейшим инструментом для оценки перспективности различных состояний в долгосрочной перспективе, выступает как прогнозирующий инструмент, который антисипирует общую сумму вознаграждений, на которые агент может рассчитывать, начиная действовать из данного момента. Вышеописанное отличается от немедленного вознаграждения, которое отражает текущую привлекательность ситуации, в то время как ценность предсказывает долгосрочную пользу; сюда же относятся потенциальные будущие сценарии и соответствующие вознаграждения, которые могут последовать. Например, исходное положение может обеспечивать стабильное, но скромное вознаграждение, однако также может открывать двери к более значимым вознаграждениям впоследствии [8].

Вознаграждение, таким образом, можно ассоциировать с мгновенными ощущениями удовольствия или разочарования, зависящими от его объема. Ценность, в свою очередь, можно сравнить с более глубоким, стратегическим размышлением о том, насколько удовлетворительным или недостаточным является текущее состояние. В этом контексте вознаграждение представляет собой первичный стимул, а ценность выступает в качестве вторичного аспекта, поскольку она представляет собой ожидание будущих вознаграждений и обеспечивает более сложный анализ возможных действий.

Без наличия вознаграждения понятие ценности теряло бы свою актуальность, поскольку основная задача оценки ценности заключается в максимизации получаемого вознаграждения. В контексте принятия решений и анализа их последствий именно ценность выходит на передний план. Решения формируются на основе оценок ценности, и предпочтение отдается тем действиям, которые ведут к наиболее ценным состояниям, а не обязательно к мгновенно большим вознаграждениям. В первую очередь это связано с тем, что такие действия обещают наибольшую выгоду в долгосрочной перспективе.

Вознаграждение непосредственно поступает от внешней среды, а ценность требует активного и непрерывного анализа на основе собранной информации о прошлых взаимодействиях. Ключ к большинству алгоритмов обучения с подкреплением лежит в умении точно оценивать ценность, опираясь на предыдущий опыт.

Модель окружающей среды, занимающая четвертое место в иерархии компонентов системы обучения с подкреплением и изображенная на рис. 1, выполняет функции симулятора. Она позволяет делать предположения о будущем поведении среды в ответ на действия агента, становится незаменимым инструментом для планирования и прогнозирования в динамичных условиях [3; 7].

Рис. 1. Взаимодействие агента со средой [4]

Опираясь на текущие данные о состоянии и выбранных действиях, модель предсказывает будущее состояние и ожидаемые вознаграждения. Рассматриваемые нами прогностические модели служат фундаментом для стратегического планирования, которое включает разработку последовательности действий на основе тщательного анализа возможных будущих событий, еще до их наступления. Такие подходы в обучении с подкреплением, акцентирующие внимание на моделировании и стратегическом планировании, известны как модель-ориентированные. Они формируют явный контраст с более примитивными безмодельными методами, где учебный процесс происходит непосредственно через пробы и ошибки. Современные методики обучения с подкреплением представляют широкий спектр от простых методов испытаний до продвинутых систем стратегического планирования.

Обучение с подкреплением интенсивно использует понятие «состояние», которое занимает центральное место в его структуре. Состояние предоставляет критическую информацию, необходимую для разработки стратегий, вычисления функции ценности, и действует как основной вход и выход для моделирования окружающей среды. Данный параметр можно представить как информационный сигнал, который дает агенту представление о текущих условиях окружающей его среды. Обычно предполагается, что

такой сигнал состояния генерируется встроенной системой предобработки данных, официально интегрированной в окружающую среду агента.

В рамках обучения с подкреплением можно разработать алгоритм, имитирующий процесс обучения через метод проб и ошибок. В отличие от традиционных подходов, в которых используются заранее подготовленные учебные наборы данных, этот алгоритм активно взаимодействует с окружающей средой. Величина вознаграждения, выдаваемая после каждого действия, служит показателем эффективности алгоритма в достижении целей, действует как мера его успеха в каждом конкретном случае взаимодействия.

В рамках обучения с подкреплением, задачи структурируются через марковский процесс принятия решений (MDP), включающий в себя компоненты S , A , P и r :

- ♦ S — пространство состояний, описывает все возможные кондиции, в которых может находиться система. В контексте управления запасами, это может быть, например, количество единиц товара на складе;

- ♦ A — пространство действий, включает в себя все доступные альтернативы действий, которые агент может предпринять в каждый данный момент. К примеру, это может быть, скажем, решение о пополнении запасов или их сохранении без изменений;

- ♦ P — функция переходов, определяет, как изменится среда после того, как агент примет действие a в состоянии s , обычно моделируется как вероятностное распределение, показывающее, с какой вероятностью осуществится переход в новое состояние s' ;

- ♦ r — функция награды, присваивает числовое значение вознаграждению за выполнение действия; в состоянии s , действуя как ключевой мотивационный и обучающий сигнал для агента, стимулирует его к оптимизации действий для достижения максимальной выгоды.

Марковские процессы принятия решений представляют собой элегантное воплощение трех фундаментальных аспектов: восприятия, действия и целеполагания, представленных в удивительно простой, но не банальной форме. Методы, которые эффективно справляются с этими задачами, принято классифицировать как техники обучения с подкреплением.

В этих системах агент следует определенной стратегии, которая регулирует его действия на основе текущего состояния окружающей среды, известной как «policy» или «политика», и представляется как функция распределения $\pi(a|s)$. Именно эта стратегия является центральным объектом разработки.

Динамика управляемой марковской цепи, которая используется для моделирования системы, поведение которой можно описать последовательностью состояний с учетом выбранных действий. В таком подходе на каждом шаге времени, обозначенном t , мы, принимая некоторое управленческое решение a_t , определяем вероятностное распределение, согласно которому система переходит в следующее состояние $s_t + 1$.

Ключевым предположением, лежащим в основе данного подхода, является соблюдение **марковского свойства** [3; 6]. Оно утверждает, что вероятность перехода системы из текущего состояния s_t в следующее состояние $s_t + 1$ зависит исключительно от текущего состояния s_t и текущего действия a_t , без учета предыдущих состояний и действий, которые привели к s_t . Таким образом, вся необходимая информация для принятия решения на следующем шаге содержится в текущем состоянии системы.

Это предположение формально выражается следующим образом:

$$p(s_t + 1 | s_t, a_t, s_{t-1}, a_{t-1}, \dots, s_0, a_0) = p(s_t + 1 | s_t, a_t). \quad (1)$$

Данная формула выражает **марковское условие** (или **условие марковской независимости**), утверждающее, что переходы в системе подчиняются принципу независимости от прошлого при условии текущего состояния и действия. Это свойство упрощает задачи прогнозирования и управления в системе, так как для оптимального управления требуется учитывать лишь текущее состояние и текущее действие, что значительно сокращает объем необходимой информации и вычислительных ресурсов.

В такой системе окружающая среда функционирует как управляемая марковская цепь, в которой каждый выбор действия формирует вероятностное распределение, предсказывающее возможные будущие состояния. Это означает, что последовательность переходов между состояниями определяется исключительно текущим контекстом и не зависит от предшествующих действий или состояний. Также предполагается, что функция переходов не меняется со временем; это придает системе стационарный характер.

При обучении с подкреплением центральным элементом является задача оптимизации определенных функционалов. В отличие от традиционных подходов, в машинном обучении, в которых выбор функции потерь может быть скорректирован инженерным путем, здесь функция вознаграждения предоставляется как данность и служит мерилем для оценки желаемых результатов действий агента, указывает направление для максимизации достижений.

Современные подходы к решению таких задач часто используют динамическое программирование, но для разработки более продвинутых решений важно глубоко понимать структуру задачи, предложенную в рамках MDP. Вышеописанное включает определение текущего состояния s и выбора оптимального действия a , что приводит к награде $r = r(s, a)$, и последующее переходное состояние s' , подготавливая сценарий для аналогичной задачи выбора в новой ситуации.

Большинство рассматриваемых методов обучения с подкреплением построено на оценивании функций ценности, но это необязательно. Функция ценности состояния $V(s)$ определяет ожидаемую суммарную дисконтированную стоимость за бесконечный период времени, начиная с состояния s и далее следуя политике π ; т. е., $V(s)$ показывает «ценность» нахождения в состоянии s с точки зрения минимизации затрат.

Эта функция может быть выражена рекурсивно через функцию ценности следующих состояний s' , в которые может перейти система. Основное уравнение для функции ценности выглядит так:

$$V(s) = \min_{a \in A} [c(s, a) + \gamma \sum_{s' \in S} P(s' | s, a) V(s')], \quad (2)$$

где:

- ♦ $c(s, a)$ — ожидаемые затраты на действие a из состояния s ;
- ♦ γ — коэффициент дисконтирования, который уменьшает вес будущих затрат (обычно $0 \leq \gamma < 1$);
- ♦ $\sum_{s' \in S} P(s' | s, a) V(s')$ — ожидаемая ценность следующего состояния s' , в которое система может перейти из состояния s при действии a .

Это уравнение называется уравнением Беллмана и используется для нахождения минимальной стоимости при переходах между состояниями. Если заменить сумму интегралом, то можно получить непрерывный аналог данного уравнения для задач с непрерывными пространствами состояний и действий.

Для нахождения оптимального действия в каждом состоянии используется функция ценности действия $Q(s, a)$, которая показывает, какие затраты будут при выборе действия a в состоянии s :

$$Q(s, a) = c(s, a) + \gamma \sum_{s' \in S} P(s' | s, a) V(s'). \quad (3)$$

Эта функция помогает агенту оценивать выгоду каждого возможного действия. Функция $V(s)$ показывает минимальные затраты в состоянии s , тогда как $Q(s, a)$ описывает затраты конкретного действия a в этом состоянии. Оптимальное действие выбирается так, чтобы минимизировать значение $Q(s, a)$.

Таким образом выявлена важность обучения с подкреплением как подхода к формированию адаптивного и оптимального поведения агента. Основываясь на

марковских процессах, RL позволяет моделировать ситуации, требующие долгосрочных стратегий, где агент постепенно учится на основании вознаграждений и накопленных данных о среде. Выделение функций стратегии и ценности, наряду с оптимизацией вознаграждений, обеспечивает агенту возможность принимать обоснованные решения, фокусируясь на выгоде в долгосрочной перспективе. Перспективы RL включают интеграцию более сложных алгоритмов, которые могут улучшить точность моделирования, делая систему способной решать задачи высокой сложности.

Список источников

1. Жерон О. Прикладное машинное обучение с помощью Scikit-Learn и TensorFlow. М., 2017.
2. A Neuroevolution Approach to General Atari Game Playing // URL: <https://www.cs.utexas.edu/mhauskn/papers/atari.pdf>
3. Выборнова О. Н. Применение машинного обучения с подкреплением для автоматизированного поиска уязвимостей информационных систем // ММТТ. 2020. Т. 4. С. 110–113.
4. Саттон Р. С., Барто Э. Дж. Обучение с подкреплением. Введение. 2-е изд. М., 2020.
5. Bellman R. E. A Markov decision process // Journal of Mathematical Mechanics. 1957. P. 679–684.
6. Хачатурян К. С., Хачатурян С. А. Технологии искусственного интеллекта для эффективного управления запасами // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 3. № 6(147). С. 283–287.
7. Хачатурян К. С. Влияние процессов цифровой трансформации на глобальную экономику // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. 2024. № 2(49). С. 36–41.
8. Хачатурян А. А., Абдулкадыров А. С. Современные проблемы совершенствования организации и управления высокотехнологическими кластерами // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 230–236.

References

1. Geron O. Simple mechanical learning using Scikit-Learn and TensorFlow. M., 2017.
2. A Neuroevolution Approach to General Atari Game Playing // URL: <https://www.cs.utexas.edu/mhauskn/papers/atari.pdf>
3. Vybornova O. N. The use of machine learning with reinforcement for automated vulnerability search of information systems // MMTT. 2020. Vol. 4. P. 110–113.
4. Sutton R. S., Barto E. J. Reinforcement learning: An introduction. 2nd ed. M., 2020.
5. Bellman R. E., Markov decision-making process // Journal of Mathematical Mechanics. 1957. P. 679–684.
6. Khachaturyan K. S., Khachaturyan S. A. Artificial Intelligence Technologies for Effective Inventory Management // Economics and Management: Problems, Solutions. 2024. Vol. 3. No. 6(147). P. 283–287.
7. Khachaturyan K. S. The Impact of Digital Transformation Processes on the Global Economy // Bulletin of Witte University of Moscow. 2024. No. 2(49). P. 36–41.
8. Khachaturyan A. A., Abdulkadyrov A. S. Modern Problems of Improving the Organization and Management of High-Tech Clusters // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1. P. 230–236.

Информация об авторах

К. С. Хачатурян — профессор кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор;

С. А. Хачатурян — старший научный сотрудник ФГБНУ «Аналитический центр», кандидат экономических наук.

Information about the authors

K. S. Khachaturyan — Professor of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor;

S. A. Khachaturyan — Senior Researcher of the Federal Center of Analysis, Candidate of Economic sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 07.10.2024.

The article was submitted 12.09.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 07.10.2024.

Научная статья

УДК 33.336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-249-253>

EDN: <https://elibrary.ru/ttxlke>

ИПОН: 2003-0059-5/24-174

MOSURED: 77/27-003-2024-05-373

Принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке

Надежда Михайловна Чуйкова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, tchuykova.nm@rea.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы борьбы с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, на которых сконцентрировано внимание представителей органов государственной власти множества стран мира. Цель исследования — изучить и обобщить принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке. Для достижения поставленной цели был проведен анализ законодательства стран Латинской Америки (на примере Федеральной Республики Бразилия, Боливийской Республики Венесуэла), Ближнего Востока (на примере Турецкой Республики), а также стран Содружества Независимых Государств (на примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации). Выявлены общие, наиболее часто встречающиеся принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке.

Ключевые слова: нелегальная деятельность, финансовый рынок, меры, принципы, контроль

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Чуйкова Н. М. Принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 249–253. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-249-253>. EDN: TTXLKE.

Original article

Principles to combat illegal activities in the financial market

Nadezhda M. Chuikova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, tchuykova.nm@rea.ru

Abstract. The issues of combating illegal activities in the financial market are considered, which are the focus of attention of government representatives from many countries around the world. The purpose of the study is to study and summarize the principles of countering illegal activities in the financial market. To achieve this goal, an analysis of the legislation of Latin American countries (on the example of the Federal Republic of Brazil, the Bolivarian Republic of Venezuela), the Middle East (on the example of the Republic of Turkey), as well as the countries of the Commonwealth of Independent States (on the example of the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation) was carried out. The general, most common principles of countering illegal activities in the financial market have been identified.

Keywords: illegal activities, financial market, measures, principles, control

Acknowledgements: the article was prepared and financed within the framework of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the sphere of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of international legislation and best foreign law enforcement practices in the sphere of countering illegal activities on financial markets».

For citation: Chuikova N. M. Principles to combat illegal activities in the financial market. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):249–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-249-253>. EDN: TTXLKE.

Современный финансовый рынок, характеризующийся высокой скоростью происходящих на нем изменений, появлением новых финансовых инструментов, также характеризуется и бурным ростом нелегальных видов деятельности, тормозящих процесс развития секторов финансового рынка, в том числе по причине снижения уровня доверия к их участникам. Нелегальные кредиторы, брокеры, страховщики, иные мошенники заставляют уполномоченные

органы государственной власти по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке перманентно адаптироваться под изменяющиеся условия, новые схемы обмана участников рынка посредством совершенствования стратегических и тактических приемов борьбы с преступниками. Тем не менее, основополагающие принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке, а также базовые меры противодействия нелегальной деятель-

© Чуйкова Н. М., 2024

ности на финансовом рынке остаются, в основном, неизменными, хотя и подвергаются некоторой адаптации (например, к цифровой среде деятельности мошенников, к целям устойчивого развития).

В связи с вышесказанным интересно изучить и обобщить принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке. Для обобщения принципов противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке был проведен анализ законодательства стран Латинской Америки (на примере Федеральной Республики Бразилия [1; 2], Боливарианской Республики Венесуэла), Ближнего Востока (на примере Турецкой Республики [3]), а также группы стран Содружества Независимых Государств (на примере Азербайджанской Республики [4; 5] и Российской Федерации [6]).

Принципы противодействия нелегальной деятельности являются основой для дальнейшей разра-

ботки мер противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке [7]. Наиболее часто встречающиеся принципы противодействия представлены далее (рис. 1).

В целом можно отметить, что изученные и представленные принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке имеют два «уклона». Один из основных аспектов — это четкое, даже жесткое, соответствие принятым законодательным актам. Второй аспект, в основном, касается постоянного совершенствования в области информационных технологий в связи с активизацией онлайн-мошенничества, требующего постоянного прогнозирования действий мошенников в режиме онлайн. В целом борьба с нелегальной деятельности на финансовом рынке, как, впрочем, и на многих других рынках, носит догоняющий характер, требуя от сотрудников уполномоченных органов предугадывания действий

Состояние
Принцип защиты прав участников рынка
Принцип конфиденциальности
Принцип обезличенности
Принцип неизбежности наказания
Принцип актуализации информации
Принцип проверки информации
Принцип обеспечения безопасности
Принцип комплексности
Принцип сотрудничества
Принцип эффективности
Принцип инновационности
Принцип совершенствования
Принцип этичности
Принцип социально-экологической ответственности

Рис. 1. Принципы противодействия незаконной деятельности на финансовом рынке
Источник: составлено автором.

мошенников, что, в свою очередь предполагает высокой квалификации и стрессоустойчивости.

Принцип законности предполагает, что действия органов государственной власти в области противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке должны строго укладываться в соответствующее действующее законодательство; нельзя выходить за границы правового поля, однако можно пользоваться существующими в законодательных актах возможностями, например, отсутствием закрытых перечней преступлений на финансовом рынке.

Принцип защиты прав участников рынка. В данном случае предполагается, что должны быть защищены все участники рынка, в том числе и органы государственной власти, обеспечивающие порядок на финансовом рынке.

Принцип конфиденциальности. В процессе проведения различных кампаний по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке необходимо придерживаться правила ограниченной гласности, не разглашать конфиденциальную информацию, не давать какие-либо несогласованные комментарии средствам массовой информации, в целом минимизировать разглашение информации. Открытая, случайно или намеренно, информация о лицах, проводящих мероприятия по борьбе с нелегальными участниками финансового рынка, может подвергнуть их опасности. Информация, касающаяся методов и методик защиты участников финансового рынка от мошенников, подходов, применяемых для борьбы с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, поступившая в открытый доступ, может поставить под угрозу проведение операций по поимке преступников.

Принцип обезличенности. Принятие того или иного решения не должно зависеть от субъектов, в отношении которых оно принимается. Решения должны носить беспристрастный характер и строго соответствовать действующим законодательным актам. Для принятия того или иного решения целесообразно рекомендовать разработать специальные методики на основе алгоритмических схем, позволяющие быстро, на основе объективно существующих фактов, по заранее известным и понятным, иногда измеримым, критериям принимать решения по важным, но, в то же время простым, и часто повторяющимся вопросам. Такой аналог банковского скоринга позволит, во-первых, ускорить процесс принятия решений, а, во-

вторых, сделает их более беспристрастным, в-третьих, сократит количество формальных ошибок [8].

Принцип неизбежности наказания. Любой участник финансового рынка должен быть уверен, что если он выйдет за границы действующего правового поля и нарушит действующие законодательные акты, то он точно (абсолютно) неизбежно понесет за свои противоправные действия соответствующее им наказание.

Принцип актуализации информации. Применяемые в работе органов государственной власти по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке информационные системы должны постоянно актуализироваться, чтобы максимально соответствовать наблюдаемой на рынке ситуации. Использование в работе, например, устаревших баз данных резко снижает эффективность проводимых операций по борьбе с мошенниками на финансовом рынке.

Принцип проверки информации. Информация должна в обязательном порядке проходить многокритериальную и многоэтапную проверку с целью выявления дезинформации. Источники получения информации не должны быть скрыты для лиц с соответствующими уровнями допуска.

Принцип обеспечения безопасности. Принцип предполагает, что должным образом должна быть защищена информация, касающаяся выполняемой органами государственной власти по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, работы человеческих ресурсов (конкретных сотрудников), технологических и материальных ресурсов, в процессе выполнения мероприятий, проведения операций по предотвращению совершения преступлений на финансовом рынке. Особое внимание целесообразно уделять кибербезопасности. Информационная среда стала одной из наиболее важных точек для защиты; от корректности ее функционирования зависит множество иных направлений.

Принцип комплексности. Принцип предполагает комплексное применение всех возможных мер по борьбе с нелегальной деятельностью на финансовых рынках, легализацией доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма. В частности, предполагается комплексность применения правовых, политических, социально-экономических и организационно-профилактических мер, что позволяет достигать синергетического эффекта в области борьбы с нелегальной деятельностью на финансовых рынках. Требуется высокая степень координации различных

методов борьбы с противоправными действиями на финансовом рынке с целью наказания преступников, пресечения незаконной деятельности, минимизации или даже предупреждения негативных последствий незаконной деятельности, формирования негативного отношения общества к «серым» схемам работы.

Принцип сотрудничества. Реализация указанного принципа нацелена на создание партнерских связей в работе, организацию слаженной, комплексной работы всех органов государственной власти, в той или иной мере отвечающих за борьбу с противоправными действиями на финансовом рынке. Как известно, именно совместные усилия позволяют достигать в кратчайшие сроки необходимого результата и закреплять его на длительный период времени. В рамках реализации принципа сотрудничества рекомендуется обратить внимание на создание и увеличение социального капитала, который ускоряет решение проблем, делает работу более комфортной, повышает производительность труда. В настоящее время не все организации в должной мере уделяют внимание социальному капиталу, его формированию, сохранению и увеличению.

Принцип эффективности. Целесообразно выбирать наиболее эффективные способы достижения поставленных целей, в том числе с экономической точки зрения, сопоставляя затраты на выполнения процесса и результаты, которые можно получить после его успешного выполнения. Тут стоит отметить, что оценивать экономическую эффективность проводимых мероприятий не всегда логично, так как зачастую преследуются неэкономические цели, или же затраты являются существенными, но раскрытие определенной преступной схемы влияет на общество, а также на дальнейшее развитие методов борьбы с преступниками, действующими на финансовом рынке.

Принцип инновационности. В современном динамично развивающемся мире, особенно в части цифровых технологий, необходимо уделять особое внимание внедрению в существующие методики и методы работы новых направлений, инструментов и т. д. Внедрение информационных технологий в работу — приоритетная задача в условиях максимально быстрого и всеобъемлющего перехода нелегальных кредиторов, брокеров, страховщиков в онлайн среду.

Принцип совершенствования. Должна присутствовать постоянная готовность совершенствовать

рабочие процессы, внедряя новые, более эффективные и действенные методы борьбы с нелегальной деятельностью на финансовом рынке.

Принцип этичности. В рамках работы органов государственной власти в области противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке необходимо четко отслеживать корректность, этичность выполнения своих обязанностей сотрудниками, соблюдения ими должного уровня конфиденциальности, неиспользования инсайдерской информации в личных целях и т. д.

Принцип социально-экологической ответственности. Указанный принцип стал включаться в принципы деятельности органов государственной власти по борьбе с нелегальной деятельностью на рынке ценных бумаг в последние годы под влиянием активного проникновения концепции ESG во все сферы жизнедеятельности. Необходимо уделять должное внимание социальным и экологическим последствиям принимаемых решений и выполняемых действий. Внимание социальной части концепции ESG должно, как минимум, быть представлено в рамках выполнения программ социальной ответственности государственных органов [9].

Финансовый инжиниринг играет существенную роль в эволюционном становлении финансового рынка: разрабатываются новые финансовые инструменты [10], часть из которых становится инструментами мошенников. В результате проведенного исследования выявлены и обобщены часто встречающиеся принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке. Представленные принципы в тех или иных формулировках и контекстах применяются в проанализированных странах. Особо следует отметить последний представленный принцип — социально-экологической ответственности. Это новый принцип, который внедрен в Федеративной Республике Бразилия, но который пока не нашел должного отражения в нормативных правовых актах иных стран. Тем не менее, указанный принцип включен в общий перечень, так как имеет прямое отношение к достижению целей устойчивого развития, повышению качества жизни.

Борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке в разных странах посвящено множество законодательных актов, что свидетельствует об актуальности проблемы и необходимости разработки новых методов ее решения с учетом представленных базовых принципов.

Список источников

1. Закон № 1524/1951 «О преступлениях против народного хозяйства» // URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l7492.htm
2. Закон № 6385/1976 «О рынке ценных бумаг» // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l6385.htm
3. Закон о предотвращении отмывания преступных доходов // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=5549&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5>
4. Закон Азербайджанской Республики от 30 декабря 2022 г. № 781-VIQ «О борьбе с легализацией имущества, полученного преступным путем и финансирование терроризма» // URL: <https://e-qanun.az/framework/53369>
5. Закон Азербайджанской Республики от 15 мая 2015 года № 1284-IVQ «О рынке ценных бумаг» // URL: <https://e-qanun.az/framework/30333>
6. Федеральный закон Российской Федерации от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Жданова О. А. Нелегальная деятельность в финансово-экономической сфере // Финансовая жизнь. 2024. № 2. С. 29–33.
8. Васильевский А. С., Усанов А. Ю. Сравнительный анализ принципов банковского риск-менеджмента в российской и международной практике // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № S1.
9. Зацарная Н. А. Финансово-экономические основы «зеленой» экономики как базиса устойчивого развития // Экономические науки. 2023. № 224. С. 253–260.
10. Ордов К. В. Современные финансы и финансовый инжиниринг // Уголовная политика в сфере противодействия экономической преступности: сб.

науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. М. : Проспект, 2022. С. 57–60.

References

1. Law No. 1524/1951 «On crimes against the national economy» // URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l7492.htm
2. Law No. 6385/1976 «On the Securities Market» // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l6385.htm
3. The Law on the Prevention of Money Laundering // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=5549&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5>
4. Law of the Republic of Azerbaijan No. 781-VIQ dated December 30, 2022 «On combating the Legalization of criminally obtained property and the financing of terrorism» // URL: <https://e-qanun.az/framework/53369>
5. Law of the Republic of Azerbaijan dated May 15, 2015 No. 1284-IVQ «On the Securities Market» // URL: <https://e-qanun.az/framework/30333>
6. Federal Law of the Russian Federation dated 7 August 2001 No. 115-FZ «On Counteraction to Legalisation (Laundering) of Proceeds of Crime and Financing of Terrorism» // LRS «ConsultantPlus».
7. Zhdanova O. A. Illegal activity in the financial and economic sphere // Financial life. 2024. No. 2. P. 29–33.
8. Vasilevsky A. S., Usanov A. Yu. Comparative analysis of the principles of banking risk management in Russian and international practice // Bulletin of Eurasian Science. 2024. Vol. 16. No. S1.
9. Zatsarnaya N. A. Financial and economic foundations of the «green» economy as a basis for sustainable development // Economic sciences. 2023. No. 224. P. 253–260.
10. Ordov K. V. Modern finance and financial engineering // In the collection: Criminal policy in the field of countering economic crime: collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference. M. : Prospect, 2022. P. 57–60.

Информация об авторе

Н. М. Чуйкова — доцент кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

N. M. Chuikova — Associate Professor of the Department of Finance for Sustainable Development of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-254-258>

EDN: <https://elibrary.ru/ucpwki>

ИПОН: 2003-0059-5/24-175

MOSURED: 77/27-003-2024-05-374

Субъективно-оценочное восприятие трудных ситуаций сотрудниками полиции

Вера Алексеевна Балашова¹, Надежда Владимировна Ефимкина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ VeraKasatka2014@yandex.ru

² e_n_v@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности субъективного восприятия сотрудниками полиции трудных профессиональных и жизненных ситуаций. Выявлены показатели их нервно-психической устойчивости, тип поведения в конфликтной ситуации. Определена взаимосвязь быстрого активного реагирования с отрицательными переживаниями и оценкой перспективы будущего в трудной ситуации. Даны рекомендации по подготовке сотрудников полиции к преодолению трудных ситуаций.

Ключевые слова: трудные ситуации, конфликтная ситуация, профессиональная ситуация, профессиональная подготовка, психологическая готовность, субъективная оценка, субъективное восприятие, профессиональная деятельность сотрудников полиции, психология служебной деятельности

Для цитирования: Балашова В. А., Ефимкина Н. В. Субъективно-оценочное восприятие трудных ситуаций сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 254–258. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-254-258>. EDN: UCPWKI.

Original article

Subjective and evaluative perception of difficult situations by police officers

Vera A. Balashova¹, Nadezhda V. Efimkina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ VeraKasatka2014@yandex.ru

² e_n_v@inbox.ru

Abstract. The peculiarities of subjective perception of police officers of difficult professional and life situations are considered. The indicators of their neuropsychic stability, type of behavior in a conflict situation are revealed. The correlation of quick active response with negative feelings and assessment of future prospects in a difficult situation is determined. Recommendations on preparation of police officers to overcome difficult situations are given.

Keywords: difficult situations, conflict situation, professional situation, professional training, psychological readiness, subjective assessment, subjective perception, professional activity of police officers, psychology of official activity

For citation: Balashova V. A., Efimkina N. V. Subjective and evaluative perception of difficult situations by police officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):254–258. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-254-258>. EDN: UCPWKI.

Деятельность сотрудников полиции направлена на обеспечение правопорядка, защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан. В пределах своих полномочий сотрудники полиции сталкиваются с различными трудными ситуациями, которые проявляются в служебное и внеслужебное время.

Несомненно, что трудные ситуации в большей степени могут оцениваться субъективно, а оценка может зависеть от уровня профессиональной подготовки сотрудников полиции [1, с. 280], психологической устойчивости и готовности к действию в любых

условиях деятельности [3, с. 64]. Столкновение с экстремальными ситуациями, стрессогенными, конфликтными и факторами риска; наличие психического напряжения, возникающего из-за высокой персональной ответственности, широкого разнообразия задач, дефицита времени и др. негативно влияет на психическое состояние сотрудников полиции. В связи с этим возникает вопрос: как трудные ситуации воспринимают сами сотрудники? Авторами было проведено исследование, направленное на поиск ответа на этот вопрос.

© Балашова В. А., Ефимкина Н. В., 2024

Эмпирическую базу исследования составили 190 действующих сотрудников разных подразделений.

На первоначальном этапе в ходе исследования был проведен опрос респондентов и выявлены основные трудные ситуации в профессиональной деятельности. Результаты оказались следующие:

- 1) конфликтные ситуации — 75 % респондентов;
- 2) ситуации, в которых необходимо быстро и активно принимать решение — 25 % респондентов;
- 3) ситуации, затрагивающие перспективы будущего — 20 % респондентов;
- 4) ситуации, в которых преобладает эмоциональный характер (гнев, страх, отвращение) — 15 % респондентов;
- 5) трудности при взаимодействии с руководителем — 10 % респондентов.

Действительно, профессиональная деятельность сотрудников полиции обладает конфликтным характером, который обусловлен их функциональными полномочиями. В связи с этим особую роль в деятельности сотрудников полиции играет эмоционально-волевая регуляция поведения.

Кроме того, при субъективной оценке конфликтных ситуаций в деятельности испытуемыми наиболее часто отмечалось взаимодействие с правонарушителями (60 % респондентов) и внутриорганизационное взаимодействие (как по вертикали, так и по горизонтали) — 30 % респондентов.

Основными причинами межличностных конфликтов среди сотрудников полиции выступают:

- ♦ несовместимость целей, ценностей и интересов;
- ♦ коммуникативные барьеры, связанные с недостатками обмена информацией и неправильным пониманием намерений другого;
- ♦ психологическая несовместимость личностных особенностей, темпераментов, стилей поведения;
- ♦ нарушение норм профессиональной этики и распределения обязанностей;
- ♦ влияние экстремальных условий работы, высокой напряженности и стрессогенности.

Далее испытуемым было предложено определить самую трудную для них жизненную ситуацию. Результаты оказались следующими: финансовые проблемы отметили 29 %, проблемы со здоровьем (у себя и близких) — 33 %, неблагоприятные условия труда — 25 %, потеря близких — 13 %.

При этом среди способов преодоления перечисленных трудных ситуаций (как профессиональных, так и жизненных) наиболее предпочтительными оказались занятия спортом, прослушивание музыки и встреча с родными/друзьями.

Следующий этап исследования был направлен на оценку психологического состояния испытуемых. Субъективно 81 % из них определили свое психологическое состояние как устойчивое, остальные 19 % — как неустойчивое. Согласно анализу эмпирических данных, полученных при применении методики «Прогноз» (разработанной В. Ю. Рыбниковым) у 58,3 % респондентов выявлен средний уровень и у 25 % отмечен высокий уровень нервно-психической устойчи-

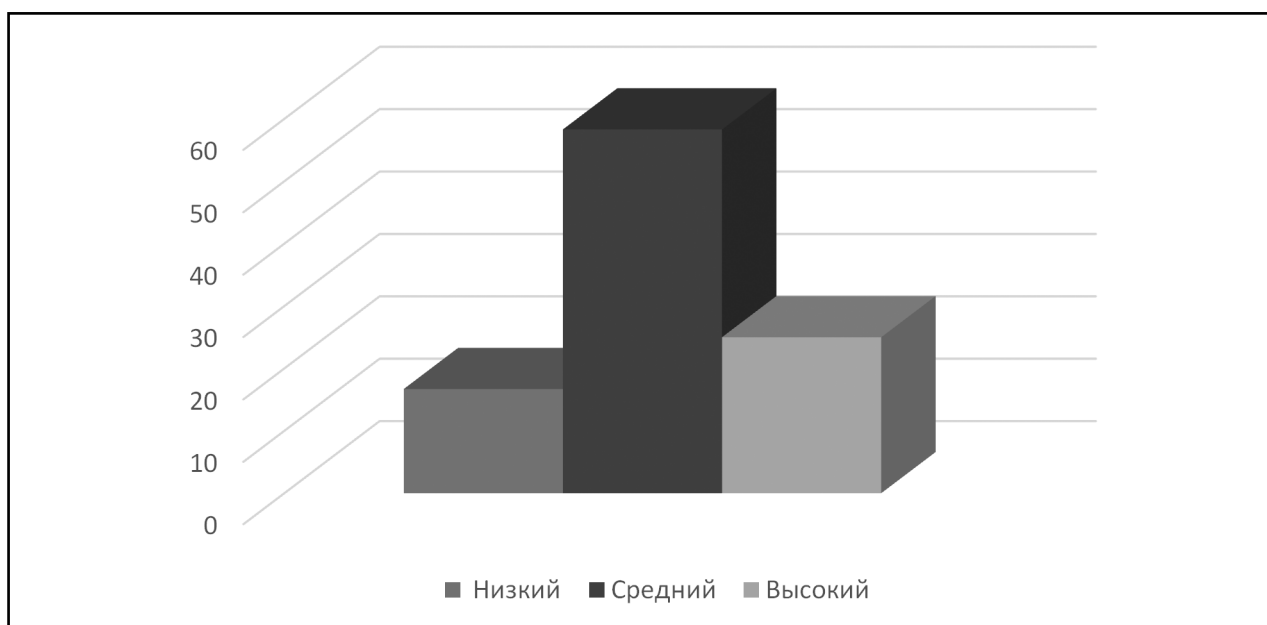

Рис. 1. Уровень нервно-психической устойчивости у респондентов

ности. Это означает, что, в целом, у данных сотрудников достаточно устойчивое состояние, при котором существует низкая вероятность нервно-психических срывов, наличие адекватной оценки себя и окружающей действительности.

Низкий уровень нервно-психической устойчивости отмечен у 16,7 %, что характеризуется высокой вероятностью нервно-психических срывов, склонностью к нарушениям психической деятельности при значительных психических и физических нагрузках (рис. 1). Такие сотрудники включены в группу повышенного психолого-педагогического внимания.

Таким образом, субъективная оценка респондентами своего психологического состояния почти совпала с объективной. Что означает наличие у них адекватного характера самовосприятия и самопонижения психологического состояния.

Поскольку 75 % испытуемых отметили конфликтную ситуацию в профессиональной деятельности как наиболее трудную, постольку следующий шаг в исследовании был направлен на определение ведущего поведения в конфликтной ситуации с помощью методики Томаса-Килманна «Тип поведения в конфликте». Полученные результаты показали следующие особенности:

1) 26,4 % респондентов придерживаются стиля «Сотрудничество»;

2) 26,4 % респондентов применяют стиль «Компромисс»;

3) 20,5 % респондентов ориентированы на стиль «Приспособление»;

4) 17,9 % респондентов ориентированы на стиль «Конфронтация»;

5) 8,8 % респондентов используют стиль «Уклонение».

Компромиссный подход подразумевает взаимные уступки для достижения соглашения, приемлемого для обеих сторон. Такая стратегия может быть эффективной в ситуации, когда стороны конфликта имеют схожие интересы и готовы принимать во внимание потребности друг друга.

Наиболее конструктивной и взаимовыгодной стратегией разрешения конфликта является сотрудничество. Оно предполагает совместный поиск решения, которое учитывает потребности и цели всех участников конфликта. Такой подход требует от сторон психологической готовности понимать друг друга [4, с. 60].

Таким образом, при столкновении с такой трудной ситуацией, как конфликтная, сотрудники полиции предпочитают сотрудничать, идти на компромисс и приспосабливаться. Готовность к конфронтации демонстрирует малая часть респондентов; при этом незначительная часть испытуемых склонна избегать данные трудности.

Качественный анализ результатов исследования показывает, что в трудных ситуациях у сотрудников полиции приоритетным является быстрое

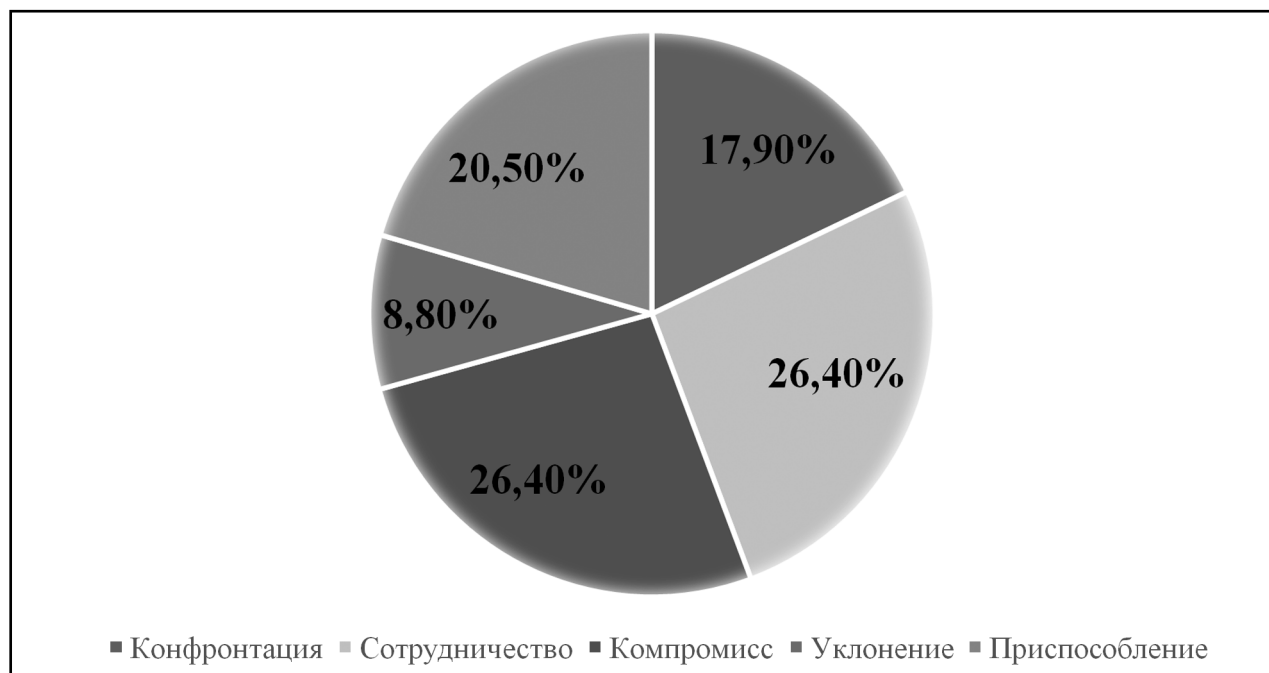

Рис. 2. Особенности поведения и стиля разрешения конфликтной ситуации

активное реагирование. Другими словами, сотрудники нацелены на поиск решения сложившегося затруднения, несмотря на возникающие отрицательные эмоции (коэффициент корреляции между быстрым активным реагированием и отрицательными эмоциями составляет 0,58). Необходимость быстрого активного реагирования взаимосвязана с оценкой перспективы будущего (здесь корреляционная связь составляет 0,62), что позволяет сотрудникам полиции просчитать возможные риски. От чего и зависит результативность их профессиональной деятельности.

Таким образом, специфика служебной деятельности предполагает столкновение сотрудников полиции с различными трудными ситуациями. Особенности субъективной оценки профессиональных и жизненных трудностей определяют выбор стратегии по их преодолению. Данная оценка обусловлена индивидуально-личностными особенностями сотрудников, которые тем или иным образом преобразуются под влиянием факторов служебной деятельности [2, с. 62].

В качестве рекомендаций по преодолению трудных ситуаций сотрудниками полиции можно отметить следующие:

1) осуществление психологической поддержки со стороны служебного коллектива, руководителя и психолога подразделения;

2) реализация просветительской деятельности, направленной на изучение вариативности преодоления трудностей и выработки у них психологической готовности к столкновению с ними: например, освоение методов психической саморегуляции, повышение уровня профессиональной подготовки и др.;

3) моделирование под руководством психолога подразделения профессиональных и жизненных трудностей с целью выработки оптимального алгоритма действий и модели поведения, что может способствовать повышению психологической устойчивости и готовности к столкновению с ними;

4) обеспечение «психологического» мониторинга и оценки условий несения службы и частно-бытовой жизнедеятельности, социально-психологического климата служебного коллектива, эмоциональных состояний у сотрудников с целью своевременного выявления негативных признаков и тенденций, оказания необходимой психологической помощи.

Список источников

1. Гончарова Е. М., Подлесная Т. В., Простяков В. В. Психологические аспекты формирования кадрового резерва в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 279–283.
2. Кравцов О. Г. Проблема девиантного поведения в контексте выстраивания позитивного имиджа сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 60–63.
3. Простяков В. В., Русакова И. В., Шашкова И. А. Психологические условия успешности профессиональной деятельности сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 2. С. 63–66.
4. Родин В. Ф., Марьясис И. Б. Психология разрешения конфликтов в ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 1. С. 59–61.

References

1. Goncharova E. M., Podlesnaya T. V., Prostya-
kov V. V. Psychological aspects of the formation of a personnel reserve in internal affairs bodies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 279–283.
2. Kravtsov O. G. The problem of deviant behavior in the context of building a positive image of employees of internal affairs bodies // Psychology and pedagogy of official activity. 2020. No. 4. P. 60–63.
3. Prostya-
kov V. V., Rusakova I. V., Shashkova I. A. Psychological conditions of success of professional activity of police officers // Psychology and pedagogy of official activity. 2024. No. 2. P. 63–66.
4. Rodin V. F., Maryasis I. B. Psychology of conflict resolution in the Department of Internal Affairs // Psychology and pedagogy of professional activity. 2022. No. 1. P. 59–61.

Библиографический список

1. Аврамцев В. В., Воронин Г. Л., Иванова И. Н. Психологическая подготовка сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел: практ. пособие. М. : ЦОКР МВД России, 2008.
2. Битюцкая Е. В., Кунашенко М. И. Стремление к трудности как тип восприятия жизненных ситуаций // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. Т. 47. № 1. С. 56–87.

3. Битюцкая Е. В., Корнеев А. А. Диагностика субъективного оценивания трудных жизненных задач // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. Т. 46. № 1. С. 247–279.

4. Кравцов О. Г. Профили психологических защитных механизмов у курсантов, слушателей и действующих сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 321–326.

5. Кравченко Ю. Е., Кравцов О. Г., Щепанская А. А. Особенности регуляции негативных эмоций и стресса, сопутствующие выбору профессии следователя // Психология и право. 2023. Т. 13. № 1. С. 1–26.

6. Цветков В. Л. Конфликтология. М. : Новая юстиция, 2019.

Bibliographic list

1. Avramtsev V. V., Voronin G. L., Ivanova L. N. Psychological preparation sotrudnikov operationsparabh sub-division organovnutrennich del: practical. equipment. M. : Central Committee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.

2. Bityutskaya E. V., Kunashenko M. I. Difficulties how type of enterprises vitalandh situation // Bulletin of the Moscow University. Series 14: Psychology. 2024. Vol. 47. No. 1. P. 56–87.

3. Bityutskaya E. V., Korneev A. A. Diagnostics subjective evaluations difficult aposematic assesses vital urgencies // Bulletin of the Moscow University. Series 14: Psychology. 2023. Vol. 46. No. 1. P. 247–279.

4. Kravtsov O. G. Profiles of the psychological protective equipment in the case of cadets, listeners and Acting Police // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 6. P. 321–326.

5. Kravchenko Yu. E., Kravtsov O. G., Shchepanskaya A. A. Features of the regulation of negative emotions and stress accompanying the choice of an investigator's profession // Psychology and Law. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 1–26.

6. Tsvetkov V. L. Conflict science. M. : Novaya Justicia, 2019.

Информация об авторах

В. А. Балашова — заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

Н. В. Ефимкина — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

V. A. Balashova — Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

N. V. Efimkina — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 17.10.2024.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-259-265>

EDN: <https://elibrary.ru/xzjdjn>

НИОН: 2003-0059-5/24-176

MOSURED: 77/27-003-2024-05-375

Психологические особенности влияния цифровых технологий на развитие социальных качеств личности

Елизавета Михайловна Гончарова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, goncharova_e_79@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены психологические особенности влияния цифровых технологий на развитие социальных качеств личности, а также вопросы внедрения информационно-телекоммуникационных ресурсов в повседневную жизнь подростков.

Ключевые слова: цифровые технологии, влияние, развитие, интернет-пространство, киберсоциализация, личность

Для цитирования: Гончарова Е. М. Психологические особенности влияния цифровых технологий на развитие социальных качеств личности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 259–265. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-259-265>. EDN: XZJDJN.

Original article

Psychological features of the influence of digital technologies on the development of social qualities of a person

Elizaveta M. Goncharova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, goncharova_e_79@mail.ru

Abstract. The psychological features of the influence of digital technologies on the development of social qualities of personality are considered, as well as the issues of implementation of information and telecommunication resources in the daily life of adolescents.

Keywords: digital technologies, influence, development, Internet space, cybersocialization, personality

For citation: Goncharova E. M. Psychological features of the influence of digital technologies on the development of social qualities of a person. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):259–265. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-259-265>. EDN: XZJDJN.

Развитие личности является важным психологическим феноменом и объектом изучения различных наук, поскольку человек никогда не существовал вне общества и в процессе его вхождения в общество всегда возникали определенные проблемы. В настоящее время актуальность исследований по проблемам развития личности и ее социализации значительно повысилась, что во многом связано с общественными изменениями, например, с формированием обществ знаний, распространением идей толерантности и т. д. В этой связи возрастает значение эмпирических психологических и социологических исследований, направленных на изучение факторов и показателей социализации в разрезе разных возрастных, социальных, профессиональных и других групп населения. Превращение молодых граждан в полноценных членов общества, осознанно принимающих нормы и правила его жизни, было и остается одной из главных основ деятельности государства. Формирование и развитие информационно-коммуникативных технологий, внедрение человеческих ресурсов на про-

сторках Интернета и повседневное пребывание каждого человека в виртуальном пространстве породили проблемы поведения в киберпространстве. Исходя из этого, важно изучать не просто социализацию людей, но и киберсоциализацию личности.

Стремительное развитие компьютерных и интернет-технологий положили начало принципиально новому миру — виртуальному пространству (киберпространству), существующему «внутри» компьютерных сетей. Для современных людей, особенно представителей молодого поколения, этот мир стал естественной средой обитания и развития, под влиянием которого формируется их личность.

В современном мире развитие и социализация человека происходит в условиях глобальной и всепоглощающей цифровизации. Таковая трансформация процесса социализации определяется современной наукой как цифровая социализация (или киберсоциализация) личности. Данный термин уместно применять к так называемому цифровому поколению, которое имеет свои определенные отличительные ха-

© Гончарова Е. М., 2024

рактические. К цифровому поколению относятся люди, большую часть своей жизни взаимодействующие с цифровыми информационно-коммуникационными технологиями, которые привыкли получать информацию через цифровые каналы. Цифровому поколению противопоставляется аналоговое поколение — люди, родившиеся до цифровой революции.

Процесс социализации человека как основа его интеграции в общественные отношения, адаптации к существующим нормам и правилам на сегодняшний день напрямую зависит от опыта взаимодействия с интернет-пространством. А все потому, что практически все сферы жизнедеятельности человека связаны с медиaprостранством: обучение, выполнение профессиональной деятельности, досуг и межличностное взаимодействие.

Непрекращающееся развитие информационно-телекоммуникационных технологий, жизнь людей во время пандемии COVID-19 и всевозможных ограничений, когда встала острая необходимость людям переходить на дистанционный формат выполнения профессиональных задач, когда приходилось общаться с близкими, используя интернет-ресурсы — все это повлияло на жизнь людей. Имеющиеся информационные технологии повлияли на человека и положительно, что позволило обучаться и развиваться в сфере IT-технологий, и отрицательно, когда возросла зависимость от гаджета, Интернета и различных электронных девайсов.

Появляется обновленная социокультурная среда, в которой, помимо материальной реальности, появляется киберпространство как новая информационно-телекоммуникационная среда, сформированная на основе цифровых технологий с применением средств мобильной связи и сети Интернет.

Важнейшая составляющая техносистемы — знаковая реальность пространства Интернета, представленная в многочисленных онлайн-средах. Л. С. Выготский отводил особое место знакам и знаковым системам. Цифровые устройства сочетают в себе орудийные и знаковые компоненты [9, с. 122]. С психологической точки зрения применение Интернета — современный этап знакового опосредствования деятельности.

Изучение цифровой социализации как процесса адаптации людей к информационно-телекоммуникационной среде Г. У. Солдатов и А. Е. Войскунский рассматривают как процесс гиперподключенности к медиaprостранству как к многофункциональному орудью, что воспринимается как смешанная реаль-

ность человека в его активности как субъекта деятельности.

Цифровая социализация подразумевает качественные изменения самосознания человека под воздействием современных информационных технологий при использовании их в процессе своей жизнедеятельности. Данный процесс влияет на социальное развитие человека через призму интернет-ресурсов и его качественные изменения структуры самосознания.

Внедрение информационно-телекоммуникационных ресурсов и повсеместная компьютеризация в последние годы стремительно распространили свое влияние. Это объясняется не только легкой доступностью и удобством использования электронных девайсов, но и социально-антропогенными факторами, в частности, особенностями существования человечества в условиях карантинных ограничений пандемии COVID-19 [6, с. 302].

В науке существует два основных подхода к определению феномена цифровой социализации личности. Согласно первому подходу, цифровая социализация рассматривается как совокупность феноменов, связанных с вовлечением человека в культуру электронной коммуникации, а также усвоением норм, ценностей и правил, определяющих специфику общения и взаимодействия в киберпространстве [4]; т. е. цифровая социализация сводится к процессу вхождения человека в киберсообщество, принятию норм, ценностей и правил поведения в нем. В данном случае векторы цифровой социализации и традиционной классической социализации могут расходиться — человек может быть успешно социализирован в реальном мире и несоциализирован в виртуальном или наоборот.

Второй подход, основанный В. А. Плешаковым, определяет киберсоциализацию как «процесс качественных изменений структуры самосознания личности и мотивационно-потребной сферы под влиянием информационно-коммуникационных технологий в контексте усвоения и воспроизводства культуры в рамках персональной жизнедеятельности» [8, с. 5]. Такое определение позволяет понимать киберсоциализацию как процесс социализации представителей цифрового поколения в условиях смешанной реальности. Уважая автора приведенного определения, основателя киберонтологической концепции развития личности, мы, тем не менее, не можем согласиться со всеми положениями предложенной им дефиниции. Во-первых, было бы методологической погрешностью считать, что данный процесс происходит спон-

танно, сам по себе, без участия внешних факторов, в частности, без репрезентации определенных идеологем, определенных критериев подачи материала и т. п. В условиях виртуального пространства достаточно сложно отследить все потоки информации, которые могут попасть в поле зрения несовершеннолетнего, однако государство законодательно урегулированными средствами пытается обезопасить молодого человека от негативного влияния социально вредных сведений. Само по себе применение информационно-коммуникативных технологий не может обеспечить социализацию личности. Во-вторых, с нашей точки зрения, киберсоциализация не ограничивается лишь уровнем усвоения и воспроизводства культуры. Она тесно связана с мышлением, поведением, самореализацией человека в масштабах определенного социума, общества и государства.

Современное поколение фактически переходит на сетевой уровень эволюции и деятельности, набирает обороты новый этап становления человечества — цифровая социализация или киберсоциализация. Таким образом, цифровая социализация сегодня дополняет традиционную социализацию, являясь ее важной частью, а развивающаяся цифровая культура дополняет культуру офлайн-повседневности, представляя новый этап развития общества, настоятельно требующий новых взглядов и подходов [10, с. 76]. В контексте изучения подрастающего поколения, как подчеркивает Г. У. Солдатов, этот термин все чаще употребляется, наряду с «информационной социализацией» (Е. П. Белинская, Т. Д. Марцинковская, С. Ливингстон, Ш. Теркл и др.) [11, с. 432].

Особенностью социализации человека в виртуальной среде является его активность: индивид в киберпространстве превращается из социального объекта в социальный субъект. Здесь определяющей является позиция В. А. Плешакова, указывающего на то, что в процессе киберсоциализации должно произойти формирование таких отношений с киберпространством, в которых оно будет не альтернативной средой обитания, а станет качественным дополнением реальной жизни личности, актуализируя реальные социокультурные практики жизнедеятельности в контексте интеграции и слияния двух популярных сред социализации:

- 1) предметной действительности и материальной действительности;
- 2) знаково-символьной действительности киберпространства; обе из которых как потенциально, так и реально влияют на становление и трансформацию субъективной реальности (явлений психики) [8, с. 16].

Однако виртуальный мир привлекателен для молодой аудитории именно возможностью сочетания реальности с иллюзорным, фантастическим миром. Ситуация может осложняться в том случае, когда пользователь виртуального пространства недоволен чем-то в реальной жизни, поэтому виртуальные возможности кажутся более привлекательными и постепенно может формироваться иллюзия возможности замены окружающего мира киберпространством. В таком случае Интернет становится источником неограниченных возможностей получения информации, знаний и лайфхаков, поиска все новых и новых друзей с возможностью легко заканчивать общение, если оно уже не соответствует ожиданиям или надоело, а также выбор досуга на любой вкус. Стирание предела восприятия между киберпространством и реальностью может приводить также к тому, что пользователи будут предъявлять аналогичные требования, как к окружающей действительности, так и к Интернету.

В подростковом возрасте ведущим видом деятельности становятся общение и взаимодействие со сверстниками. Именно в процессе такого общения происходит развитие личности, появление новых психологических новообразований: потребности в самоутверждении в референтных группах, критическое переосмысление системы ценностей, навязанных в детские годы взрослыми (родителями, воспитателями, учителями), развитие личностной и социальной рефлексии и как следствие — потребность в эго-идентичности, самовоспитании/самоизменении. Базовым психологическим новообразованием в подростковом возрасте является возникновение чувства взрослости, которое в реальной жизни очень тяжело воспринимается во «взрослом мире».

В юношеском возрасте это чувство испытывается еще более остро. В этот период подростку становится особенно важно, как относятся к нему другие, прежде всего, лица противоположного пола. Непосредственность межличностного общения исчезает, возникает демонстрация либо безразличия, либо застенчивости, появляется первое чувство влюбленности, вызывающее напряжение и тревогу, поскольку навыки построения межполовой коммуникации только приобретаются, часто реальное общение заменяется более комфортным — коммуникацией в киберпространстве, что приводит к дальнейшему возникновению аддикции [3].

Тем более, что у подростка развивается острая потребность не только в эгоидентичности, но и в этнической идентичности. Подросток перестраивает

собственную «Я-концепцию», начинает осознавать собственную субъектность. Такое осознание достаточно трудно реализовать в реальном мире, что приводит к неудовлетворенности еще одной новообразованной потребности — потребности в самореализации, самоопределении (жизненном, личностном, профессиональном). Личностным вызовом для современной молодежи есть и удовлетворение потребности в любви. Именно в раннем юношеском возрасте развиваются высшие формы эмпатии, трансфинитная эмпатия, лежащие в основе счастливого взаимодействия влюбленных [2].

Информационно-технологические трансформации современного мира не способствуют трансфинитным отношениям в реальной жизни. Поскольку в реальной жизни самоутвердиться, достичь самореализации и удовлетворения социально-психологических потребностей достаточно трудно, происходит перенос этих процессов в цифровое пространство, компенсирующее этот недостаток, предлагая массу возможностей, знакомств, увлечений [7].

Наиболее склонными к интернет-аддикции, кибераддикции и гаджетаддикции, по мнению большинства исследователей [1], являются подростки и молодые люди. Подростковый возраст является своего рода катализатором, который на фоне происходящих в организме мощных эндокринных изменений усиливает все внутренние психологические процессы — такие, как качественные трансформации самосознания, развитие моральной позиции, критическая переоценка ценностных ориентаций и развитие чувства взрослости.

Подростковый и юношеский возраст наиболее сензитивный к возникновению разнообразных эмоциональных, деятельностных и когнитивных отклонений. Именно в подростковом возрасте проявляется конформность к внешнему влиянию коллектива, референтных ровесников, старших и более опытных товарищей. В юношеском возрасте молодые люди являются неконформистами, однако, подвергаются большому влиянию референтных взрослых, ровесников, членов семьи.

При частом использовании компьютера и сети Интернет, возникают психологические проявления интернет-зависимости, проявляющиеся в большом количестве поведенческих проблем и контроле над желаниями. По данным исследователей [5], наиболее актуальны для подросткового и юношеского возраста следующие типы интернет-аддикций: страсть к виртуальным знакомствам, потребность в сети, web-

серфинг, компьютерные игры. Например, зависимость от online-игр формируется как способ побега субъекта социальных отношений в виртуальный мир, который дает «второй шанс» стать лидером или проявить храбрость, т. е. переиграть те жизненные события, которые повлекли за собой психическую травму в реальной жизни.

Цифровая информационная (виртуальная) среда привела к появлению физической социальной депривации. Этот феномен проявляется в том, что личность сознательно дистанцируется от своего социального окружения и начинает удовлетворять базовые социальные потребности в виртуальной среде. Следовательно, уменьшается пространство и возможности общения в физической социальной среде. Это может проявляться наиболее остро в системе общения разных поколений, которые по-разному относятся к информационно-коммуникационным средствам, с помощью которых происходит взаимодействие. В таких обстоятельствах личность не получает достаточно физического взаимодействия для удовлетворения базовых социальных потребностей, что приводит к расстройствам сна, пищевого поведения и т. д.

Поскольку именно для подростков налаживание межличностных связей, общение со сверстниками является ведущей деятельностью, то их реальное недовольство обуславливает пристрастие к виртуальным знакомствам, даже наличие чрезмерного количества знакомых и друзей в социальной сети. Среди современных подростков довольно часто встречаются так называемые «цифровые беспризорники» — их характеризует анонимия, отчуждение, тенденция к изоляционизму, десоциализация, задержка развития и деструкция личности. Современные информационные технологии модифицируют весь образ жизни человека, что закономерно имеет и свои личностные следствия. В наши дни изменяется не только характер коммуникации, но и личностные характеристики человека. Из возможных личностных трансформаций основное внимание исследователей привлекает трансформация и динамика идентификационных структур личности [12, с. 153–154].

Процесс кардинальной цифровизации общественной и экономической жизни в начале XXI в. вызвал появление еще одного нового междисциплинарного понятия, имеющего прямое отношение и содержание связанное с нашими исследовательскими проблемами. Это понятие цифровой культуры. На наш взгляд, явление цифровой культуры указывает на доминирующую форму социализации современного об-

щества — информационно-виртуальную, ее разнообразные творческие практики, которые являются показателями фундаментальных изменений в познании человека и его творчестве.

В связи с вышеизложенным предпринята попытка выяснить подвержены ли несовершеннолетние влиянию цифровизации и киберсоциализации.

Создание комплекса методов и методики исследования предполагало ознакомление с методиками, направленными на исследование цифровой зависимости у несовершеннолетних и их факторов; определение соответствия этих методик концептуальной модели развития цифровой зависимости у несовершеннолетних.

Всем респондентам были озвучены тема и цель исследования; в ходе беседы неоднократно подчеркивалось, что участие в данном исследовании добровольное и конфиденциальное. Респондентам предоставлялось право не отвечать на какие-либо вопросы, и были разъяснены возможности прервать опрос или вообще прекратить участвовать в исследовании, ничего при этом не объясняя.

Благодаря опросу с отобранными для исследования лицами выяснено, что цифровое пространство привлекает их тем, что они чувствуют себя в нем гораздо комфортнее, чем в реальной жизни, что создает угрозу для успешности реализации себя в реальной жизни.

В исследовании принимали участие только те его участники, которые отвечали всем приведенным ниже критериям включения, а именно:

- ♦ способны прочитать и осознать данные, представленные в согласии для участия в исследовании, а также понимали инструкции, приведенные в психологических тестовых методиках;

- ♦ подростки, родители которых дали согласие на участие их детей в исследовании;

- ♦ принадлежали к возрастной группе 12–17 лет.

Экспериментальное исследование было проведено на базе нескольких московских школ. Для проведения эксперимента были привлечены учащиеся 8-х классов. Всего было опрошено 58 школьников.

Для целей исследования использовались тест Кимберли Янг на интернет-зависимость, опросник

на киберкоммуникативную зависимость» А. В. Тончевой.

На основе полученных результатов мы можем заключить, что чрезмерное пользование интернет-ресурсами у 8,7 % обследуемых предполагает наличие у них деструктивных установок относительно сети Интернет (восприятие сети Интернет как необходимый источник коммуникации со сниженными возможностями непосредственного общения).

С легкой степенью цифровой зависимости выявлено 23 (39,7 %) несовершеннолетних. Это означает, что они хотят погружаться в виртуальную реальность при переживании личностью определенных трудностей и конфликтных ситуациях. Однако такое поведение у этих подростков не характеризуется систематичностью. Они воспринимают Интернет как нечто большее, чем информационную технологию, они больше времени проводят в Интернете и воспринимают сеть как одну из важных сфер учебной деятельности.

Кроме того, анализ полученных результатов позволил выявить несовершеннолетних, имеющих умеренную степень цифровой зависимости, а именно: 15 (25,8 %) человек. Следует отметить, что у этих подростков наблюдается погружение в виртуальную реальность при появлении каких-либо незначительных затруднений и при появлении незначительного психологического дискомфорта. Им присуще восприятие Интернета как одной из частей собственной жизни.

Анализ полученных результатов показал, что у подавляющего большинства учащихся обнаруживается высокий и средний уровни компьютерной зависимости, и других видов зависимости от социальных сетей. Это значит, что у них:

- а) возникает желание погружаться в виртуальную реальность при переживании личностью определенных трудностей и конфликтных ситуаций, однако такое поведение не характеризуется систематичностью;

- б) можно выявить тенденции к удовлетворению фрустрированных потребностей через Интернет;

- в) происходит погружение в виртуальную реальность и определенный уход от настоящей жизни; подросток воспринимает Интернет как средство удовлет-

Таблица 1

Результаты эмпирического исследования уровня развития интернет-зависимости у обучающихся согласно тесту Кимберли Янг

Уровни развития, % от количества испытуемых			
Нормальное пользование Интернетом	Легкая степень цифровой зависимости	Умеренная степень цифровой зависимости	Чрезмерное пользование Интернетом
15 (25,8 %)	23 (39,7 %)	15 (25,8 %)	5 (8,7 %)

Таблица 2

Результаты эмпирического исследования видов цифровой зависимости курсантов, полученные при использовании опросника на киберкоммуникативную зависимость» А. В. Тончевой, выборка — 58 человек

Виды цифровой зависимости	Уровни развития, % от количества испытуемых		
	Высокий	Средний	Низкий
Компьютерная зависимость	21 (36,2 %)	33 (56,8 %)	4 (7 %)
Компульсивная навигация в сети	15 (25,9 %)	38 (65,5 %)	5 (8,6 %)
Перегруженность информацией	8 (13,8 %)	40 (69 %)	10 (17,2 %)
Киберсексуальная зависимость	3 (5,1 %)	24 (41,4 %)	31 (53,5 %)
Киберкоммуникативная зависимость	28 (48,3 %)	21 (36,2 %)	9 (15,7 %)

ворения важных потребностей и относится к внешнему миру как к второстепенной сфере деятельности;

г) можно выявить отдельные цели, свидетельствующие о направленности несовершеннолетних на цифровую среду;

д) можно выявить тенденции к изменению отдельных деталей подлинного образа при самопрезентации в Интернете.

Активное становление современного молодого поколения, его мобильность, любознательность и активность побуждают общество создать условия для более свободного доступа к всемирной сети. Как отмечается учеными, одной из важных особенностей современных поколений является высокая оснащенность цифровыми устройствами, подключенными к Интернету [11, с. 438].

Рост цифровой подключенности у несовершеннолетних может быть обусловлен также такими негативными явлениями, как интолерантность, отчуждение, одиночество и т. д. Именно они заставляют несовершеннолетних искать альтернативную комфортную виртуальную реальность. Это позволяет убежать или скрыться от некоторых трудностей, но не решить их.

Цифровая зависимость у несовершеннолетних несет в себе негативные последствия для восприятия детьми материальной реальности. К таким негативным воздействиям можно отнести:

- ♦ обесценивание реальности — киберпространство и реализация в нем приобретает приоритетность, что приводит к отказу несовершеннолетних от реальной межличностной коммуникации;

- ♦ изменение системы ценностей — негативное влияние на формирование и избрание несовершеннолетними жизненных постулатов;

- ♦ формирование целей и самореализации только в цифровом пространстве, т. е. мечтаний и стремлений детей, самореализация несовершеннолетних из реальности переносится в цифровую реальность,

обесцениваются достижения в материальном мире, приобретают значение становления и достижения, полученные в цифровом пространстве.

Все это негативно сказывается на нормальном процессе жизнедеятельности. На первых стадиях цифровой зависимости процесс отказа от аддиктивного поведения протекает гораздо легче, чем на последующих, поэтому до тех пор, пока не развились вторая и третья стадии цифровой зависимости у несовершеннолетнего (когда имеются острые нарушения в социальной среде, психологические изменения личности и нарушения в физиологическом здоровье), следует обращать внимание и внедрять психопрофилактические и психокоррекционные меры. Особое внимание требует выявление лиц группы риска, которые только начинают усваивать аддиктивные паттерны поведения, в частности, в период переживания подросткового кризиса и противоречий между новыми социальными требованиями и устаревшими социальными ролями.

Список источников

1. Wu H. T., Wong K. F. Parenting approaches, family functionality, and Internet-addiction among Hong Kong adolescents // BMC Pediatrics. 2018. Vol. 16. P. 130.
2. Zhu T. Effects of electroacupuncture combined psycho-intervention on cognitive function and event-related potentials and mismatch negativity in patients with Internet-addiction // Chinese journal of integrative medicine. 2017. Vol. 18. № 2. P. 146–151.
3. Абрамов В. А. Представление о функциональности (функциональных возможностях) личности как субъекта самовосприятия // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2019. № 2(46). С. 7–13.
4. Айсина Р. М., Нестерова А. А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42–57.

5. Гончарова Е. М. Компьютерная зависимость несовершеннолетних и ее социально-психологическая профилактика. С. 194–197.

6. Марьясис И. Б., Гончарова Е. М. Формирование социально-психологических потребностей несовершеннолетних в процессе социализации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 301–304.

7. Никулова Е. А. Самореализация личности в цифровом пространстве // Ученые записки ИУО РАО. 2018. № 3(67). С. 123–125.

8. Плешаков В. А. Слово главного редактора: о киберсоциализации человека и ее организации на интернет-портале «Homo Cyberus» // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». 2016. № 1. С. 4–26.

9. Рубцова О. В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (ч. 1) // Культурно-историческая психология. 2019. № 15(3). С. 117–124.

10. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.

11. Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–446.

12. Социальное и личностное развитие современной молодежи в технологическом обществе / О. В. Гребенникова, А. Н. Аянян, Н. И. Юрченко, Н. С. Полева // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2020. № 1. С. 151–166.

References

1. Wu H. T., Wong K. F. Parenting approaches, family functionality, and Internet-addiction among Hong Kong adolescents // BMC Pediatrics. 2018. Vol. 16. P. 130.

2. Zhu T. Effects of electroacupuncture combined psycho-intervention on cognitive function and event-related potentials and mismatch negativity in patients

with Internet-addiction // Chinese journal of integrative medicine. 2017. Vol. 18. No. 2. P. 146–151.

3. Abramov V. A. The idea of the functionality (functional capabilities) of a personality as a subject of self-perception // Journal of Psychiatry and Medical Psychology. 2019. No. 2(46). P. 7–13.

4. Aisina R. M., Nesterova A. A. Cybersocialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks // Social psychology and society. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 42–57.

5. Goncharova E. M. Computer addiction of minors and its socio-psychological prevention. P. 194–197.

6. Maryasis I. B., Goncharova E. M. Formation of socio-psychological needs of minors in the process of socialization // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. P. 301–304.

7. Nikulova E. A. Self-realization of personality in the digital space // Scientific notes of the IUO RAO. 2018. No. 3(67). P. 123–125.

8. Pleshakov V. A. The word of the editor-in-chief: on human cybersocialization and its organization on the Internet portal «Homo Cyberus» // Electronic scientific journal «Homo Cyberus». 2016. No. 1. P. 4–26.

9. Rubtsova O. V. Digital technologies as a new means of mediation (part 1) // Cultural and historical psychology. 2019. No. 15(3). P. 117–124.

10. Soldatova G. U. Digital socialization in the cultural and historical paradigm: a changing child in a changing world // Social psychology and society. 2018. Vol. 9. No. 3. P. 71–80.

11. Soldatova G. U., Voiskunsky A. E. Socio-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 18. No. 3. P. 431–446.

12. Social and personal development of modern youth in a technological society / O. V. Grebennikova, A. N. Ayyanyan, N. I. Yurchenko, N. S. Poleva // Bulletin of the Russian State University. Series: Psychology. Pedagogy. Education. 2020. No. 1. P. 151–166.

Информация об авторе

Е. М. Гончарова — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the author

E. M. Goncharova — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Service Activity Psychology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.
The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-266-273>

EDN: <https://elibrary.ru/yakoam>

НИОН: 2003-0059-5/24-177

MOSURED: 77/27-003-2024-05-376

Психосемантическое исследование динамики социальных представлений о справедливости

Вали Фатехович Енгальчев¹, Александра Александровна Гайворонская²

¹ Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, valiyen@gmail.com

² Научно-исследовательский институт криминалистики Главного Управления криминалистики (Криминалистический центр), Москва, Россия, agajvoronskaya@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается понятие «справедливость» как универсальный стандарт, регулирующий отношения между людьми, как основа для принятия решений в сложных ситуациях морального выбора. Социальные представления о справедливости — это объяснение и описание феномена справедливости в категориях отношений: эквивалентность/равенство, сходство/подобие, отношение «часть/целое»; социальные представления при этом образуют убеждения, создают общественное мнение. Разные по содержанию, представления о справедливости могут становиться причиной протестного поведения, способствовать тревожному состоянию в обществе.

Методы исследования: написание мини сочинений на тему: «Переживание справедливых/несправедливых событий, ситуаций»; последующая обработка с помощью микросемантического и прототипического анализа.

Результаты: изменения в динамике представлений и их содержания были исследованы через анализ их появления или исчезновения как в «прошлых», так и «современных» представлениях. Также был проведен анализ ядра представлений, где учитывалось количество представлений среди всех, а именно в «прошлом» и «настоящем». Это позволило выявить ведущие темы в содержании представления: равенство, идеал, поиск компромисса и др.

Сравнение результатов исследований 2010–2023 гг. свидетельствует о том, что увеличивается объем категориальных оценок справедливости, указывающих на изменения отношений в общественном порядке. Динамика изменений в структуре представлений о справедливости проявляется в иерархичном строении представлений, образующих такие категории, как «честность», «порядочность», а также в появлении новых — «борьба с коррупцией», «служение Родине».

Ключевые слова: социальные представления, справедливость, микросемантический анализ, прототипический анализ, тема, ядро, периферия

Для цитирования: Енгальчев В. Ф., Гайворонская А. А. Психосемантическое исследование динамики социальных представлений о справедливости // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 266–273. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-266-273>. EDN: YAKOAM.

Original article

Psychosemantic study of the dynamics of social perceptions of justice

Vali F. Engalychev¹, Alexandra A. Gaivoronskaya²

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia, valiyen@gmail.com

² Scientific Research Institute of Criminalistics of the Main Department of Criminalistics (Forensic Center), Moscow, Russia, agajvoronskaya@yandex.ru

Abstract. The concept of «justice» is considered as a universal standard regulating relations between people, as a basis for decision-making in difficult situations of moral choice. Social representations of justice are an explanation and description of the phenomenon of justice in the categories of relations: equivalence/equality, similarity/similarity, the «part/whole» relationship; social representations at the same time form beliefs, create public opinion. Conceptions of justice that differ in content can cause protest behavior and contribute to an anxious state in society.

Research methods: writing mini essays on the topic: «Experiencing fair/unfair events, situations»; subsequent processing using microsemantic and prototypical analysis.

Results: changes in the dynamics of representations and their content were investigated through the analysis of their appearance or disappearance in both «past» and «modern» representations. An analysis of the core of representations was also carried out, which took into account the number of representations among all, namely in the «past» and «present». This made it possible to identify the leading themes in the content of the presentation: equality, the ideal, the search for compromise etc.

A comparison of research results from 2010–2023 indicates that the volume of categorical assessments of justice is increasing, indicating changes in relations in the public order. The dynamics of changes in the structure of ideas about justice is manifested in the hierarchical structure of ideas that form such categories as «honesty», «decency», as well as in the emergence of new ones — «fighting corruption», «serving the Motherland».

Keywords: social representations, justice, micro semantic analysis, prototypical analysis, theme, core, periphery

For citation: Engalychev V. F., Gaivoronskaya A. A. Psychosemantic study of the dynamics of social perceptions of justice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):266–273. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-266-273>. EDN: YAKOAM.

© Енгальчев В. Ф., Гайворонская А. А., 2024

Справедливость в самом широком смысле обычно, понимается как универсальный нравственный стандарт, который регулирует отношения между людьми и служит инстанцией для принятия решений в сложных ситуациях морального выбора. В историческом контексте идеи справедливости формулируются по-разному, что обусловлено культурными, экономическими и политическими причинами. Например, в одних обществах акцент может делаться на индивидуальных правах и свободах, тогда как в других — на коллективных интересах и социальной ответственности. От идей «справедливой войны», до основ социальной справедливости, каждая эпоха вносит свои коррективы в понимание должного, того, что считается справедливостью. Эти различия формируют уникальные подходы к разрешению конфликтов.

Психосемантические исследования направлены на изучение форм и способов категоризации значения в групповом и индивидуальном сознании, где значение выступает связующим звеном между психологией познавательных процессов и психологией личности, раскрывая функциональный (поведенческий) смысл явлений психического отражения и психологический (субъективный) смысл явлений деятельности (В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, 1983, 1997) [1; 2]. Использование социальных представлений как единицы анализа помогает получить значения (групповые, индивидуальные), описывающие в категориях исследуемый феномен.

Справедливость как научный феномен в отечественной психологии связан с появлением работ А. В. Юревича (1981), В. А. Сосниной и Л. М. Збанкэ (1997), И. Б. Бовиной (2005), О. А. Гулевич (2007, 2011) и др.

Как отмечает О. А. Гулевич, справедливость является «одним из тех критериев, по которым люди оценивают события, происходящие вокруг них» [3].

Французской психологической школой (С. Московиси, Ж.-К. Абрик, Д. Жоделе, В. Дуаз и др.) была разработана концепция социальных представлений, которая была положена в основу этого исследования, так как рассмотрение социальных явлений связано с изучением общественного и группового сознания, где единицей анализа выступают социальные представления [4].

Ж.-К. Абрик, разработав структурный подход, описал социальное представление как структурное образование, содержащее ядро и периферический строй. Основным смысл представления содержится в

ядре, а в периферической системе разъясняется значение ядра, образуется сеть представлений, объясняющих содержание, проявления описываемого феномена или явления [5]. В социальных представлениях отражаются знания, личный опыт, которые становятся суждениями, приобретая устойчивость и личную значимость. Обыденное (наивное) знание или социальные представления характеризуются личным опытом, способами построения отношений, взаимодействиями на разных уровнях.

Социальные представления о справедливости — это объяснение и описание феномена справедливости в категориях отношений: эквивалентность/равенство, сходство/подобие, отношение «часть/целое»; при этом социальные представления личности, объединяясь, образуют групповые представления, формируются установки, создается общественное мнение.

В некоторых случаях, представления о справедливости отражают архетипическую память и передаются старшими поколениями последующим. Есть архетипы войны, где главное действующее лицо — воин, архетипы справедливости связаны с искателем, мудрецом, учителем. Архетипическая память о справедливых событиях в жизни и переживание несправедливых представляет собой воспоминания исторических событий, которые, затем, передаются следующим поколениям. Мифология справедливости находит отражение в сказках, былинах и легендах, где все решается по справедливости: «зло наказано, негодяи повержены».

Социальные представления могут быть изменчивы, пластичны, а могут быть, наоборот, ригидными и малоподвижными. В силу этих особенностей социальные представления раскрывают особенности социального мышления (по К. А. Абульхановой), используя такие инструменты, как интерпретация, репрезентация и категоризация [6].

Цель исследования: изучить динамику изменения, сопоставив представления о справедливости: «предварительные» за 2010 г., «буферные» 2017 г., «переходные» за 2021 г. и «актуальные» за 2023 г. (после начала СВО), а именно выявление в представлениях структурно-содержательной трансформации.

Динамика изменений представлений отражает разные временные особенности оценок справедливости за разные периоды с 2010 по 2023 гг.

Перед исследованием стояли следующие задачи: проанализировать предварительные переходные буферные и актуальные представления о справедливости, выявив их содержание, структуру, взаимосвязи.

Методы исследования.

Изучение происходило в несколько этапов:

- ♦ для получения социальных представлений у респондентов использовался метод мини-сочинений (М. И. Воловикова) с последующей обработкой микросемантическим анализом [7];

- ♦ для изучения динамики изменений с 2010 по 2023 гг. в содержании представлений использовался прототипический анализ П. Вержеса [8].

Прототипический анализ был направлен на выявление стабильной, устойчивой части представлений — центрального ядра и периферической системы, а также зоны изменений.

Для определения границ ядра и периферии использовались следующие критерии: изучение, как в представлении отражается смысл изучаемого явления, а именно ассоциативная сила (количество лексико-семантических вариантов), а также совпадение мнений у респондентов, и то значение, при помощи которого определялся смысл справедливости у большинства респондентов.

Зона ядра содержит представления, которые имеют низкий ранг и высокую частоту встречаемости, к периферии были отнесены представления с высоким рангом и низкой частотой встречаемости. Так как в ядре представления находятся идеи, образы, которые наиболее распространены и часто используются в повседневной жизни, это позволяет им быть более доступными для понимания и восприятия.

К представлениям, содержащимся в периферии, относят жизненный опыт, переживание жизненных ситуаций. Эти представления могут быть более сложными, иногда даже уникальными и, следовательно, встречаются реже. Их понимание требует более глубокого анализа, интерпретации, так как они обусловлены личным опытом или специальными знаниями.

Переходная область (зона изменений) была представлена дескрипторами с низким и с высоким рангом и частотой. Эта область представляет собой динамичное пространство, где происходит взаимодействие между распространенными представлениями и редкими, что может способствовать возникновению нового знания, идей, концепций [9].

В исследовании приняло участие всего 519 человек в возрасте от 17 до 60 лет; использование в выборке респондентов от 17 до 60 лет объясняется тем, что в данной возрастной категории представлены служащие, специалисты, студенты вузов и колледжей, работающие на разных предприятиях г. Смоленска и Смоленской области, г. Москвы и Московской области.

Этническая группа: русские. Религиозная идентичность не выражена. Для принявших участие в исследовании характерна активная гражданская позиция.

В 1-ой группе (2010 г.) приняло участие 142 человек (36 % — женщины, 64 % — мужчины). Возраст респондентов — от 17 до 46 лет. Среднее значение возраста 24,5, дисперсия 40,1, стандартное отклонение 6,3 [10].

Во 2-ой группе (2017 г.) приняло участие 93 человека (46 % — женщины, 54 % — мужчины). Возраст респондентов — от 17 до 55 лет. Среднее значение возраста 26,2, дисперсия 74, стандартное отклонение 8,6.

В 3-ей группе (2021 г.) приняло участие 130 человек (64 % — женщины, 36 % — мужчины). Возраст респондентов — от 17 до 36 лет. Среднее значение возраста 23,7, дисперсия 26,9, стандартное отклонение 5,2.

В 4-ой группе (2023 г.) приняло участие 152 человек (51 % — женщины, 49 % — мужчины). Возраст респондентов — от 17 до 60 лет. Среднее значение возраста 42,3, дисперсия 21,4, стандартное отклонение 3,8.

На первом этапе исследования респондентов просили в виде свободных рассказов описать представления о справедливости/несправедливости, вспомнить конкретные примеры из жизни, ситуации несправедливого характера.

В сочинениях изучались тема, подтемы и субтемы, в которых главная мысль содержала представления о справедливости, примеры жизненных ситуаций. Критерием значимости темы выступала эмоционально-смысловая нагрузка, ее доля в изучаемых сочинениях.

Определение темы, подтем и субтем происходило от распознавания и обозначения (перефразирования) справедливости до более глубокой интерпретации и реконструкции описания, которое могло быть скрыто в пояснениях респондентов.

Описание результатов исследования. В результате исследования были выявлены ведущие темы, при помощи которых описывался феномен справедливости (табл. 1). Выбор темы в сочинении о справедливости (описание событий, явлений, проблем) отражал ценности, взгляды, интересы респондентов.

В первой группе (2010) ведущая тема: справедливость как «равенство»: «Для меня справедливость — это соблюдение равенства для всех, равенство перед законом, равенство в распределении премии, повышении на работе» (Сергей, 36 лет). Понимание справедливости через вежливость связано с уважением к

Таблица 1

Ведущие темы о справедливости

Темы, описывающие справедливость			
1-я группа (2010)	2-я группа (2017)	3-я группа (2021)	4-я группа (2023)
Равенство; вежливость; объективность; честность; способ оценки.	Отношения между людьми; свобода, вежливость; равноправие; идеал.	Компромисс; равный обмен; соблюдение закона, беспристрастность; доброжелательность.	Возможность для всех развиваться; соблюдение прав и обязанностей; служение обществу, государству; отсутствие коррупционных действий.

другому человеку, соблюдением его прав: «...тот, кто справедлив, уважает другого только потому, что он человек» (Елена, 27 лет). Представления о справедливости, по мнению респондентов, являются тем основанием, на котором строятся оценки разнообразных поступков: «Правильно ли я поступила? Справедливо ли я сделала? Эти вопросы я стараюсь задать себе в сложных ситуациях» (Ангела, 32 года). «Справедливость, когда соблюдаются все правила, приказы, законы, нормативы, правовые акты, уставы» (Стас, 23 года).

Во второй группе (2017) были получены следующие темы представлений, определяющие справедливость: отношения между людьми и свобода. «Справедливый человек строит отношения с другими понимая их особенности» (Эльвира, 43 года), «Ты тогда свободен, когда ко всем относишься по справедливости, по правилам» (Юрий, 38 лет). «Для меня честный человек — прежде всего справедливый человек, он не может обмануть, он поступает так, как велит его совесть» (Марина, 27 лет). Очень часто справедливость определялась как равноправие, т. е. предоставление всем равных возможностей и прав: «Справедливость — это равенство прав, когда я могу, имея знания по истории поступить в институт археологии и мне надо для этого только подготовиться и сдать ЕГЭ» (Максим, 17 лет).

Часто встречалась интерпретация справедливости как нечто идеальное, должное и недостижимое: «Найти справедливость сложно, это надо всю жизнь искать что это...» (Дмитрий, 22 года); «Справедливость, мне сложно определить, возможно, это идеал, где каждый понимает свою как надо и уважает мнение другого» (Света, 28 лет).

В третьей группе (2021) в протоколах сочинений часто встречалась тема о справедливости как соблюдении взаимных интересов, уважение к другому человеку, его правам. Например, «Справедливость — это когда интересы каждого соблюдаются одинаково» (Антон, 36 лет); «Человек должен относиться

к другому человеку, так как к нему относится тот человек» (Валентина, 35 лет); «Поиск компромиссов — это поиск справедливого отношения» (Александр, 27 лет); «...чтобы все было справедливо надо соблюдать законы всем и чиновникам и уборщикам и молодежи» (Елена, 25 лет). Поиск компромиссов (выгоды и уступки) отражает проявления справедливости. Законность, ее соблюдение передает то, что правовое государство основано на справедливости и ее соблюдении: «Справедливость находится на службе у власти» (Сергей, 29 лет). Несправедливость, несправедливые действия ослабляют и разрушают общество в том числе и человека. «Закон защищает справедливость» (Юрий, 31 год). Тема справедливости как поиск компромисса или взаимной выгоды в 2021 г. носит личный характер и находит свое отражение в жизни респондентов: «Мама и брат должны понять, что спорить нет смысла. Что надо прийти к решению, которое устроит их и будет справедливо» (Алена, 19 лет).

В четвертой группе (2023) наиболее часто встречалась тема о том, что справедливость — это больше всего воздаяние (результат) тех действий, которые были связаны с несправедливыми действиями (коррупционные махинации, подкуп, мошенничество). Например: «Справедливость — это когда коррупционные действия пресекаются государством, наказывают жадных чиновников» (Ирина, 28 лет). Другие темы в содержании протоколов связаны с получением образования, насколько равны возможности для абитуриентов в оценке знаний: «Для того, чтобы поступить моему другу пришлось искать справедливость, так как в списках поступивших его не было. Хотя баллов у него было столько, сколько нужно» (Алексей, 17 лет). Справедливость (справедливое поступление) — это единые правила предоставления и получения информации для всех вузов. Среди сочинений, описывающих справедливые или несправедливые ситуации, впервые проявилась тема про отсутствие или наличие коррупции, где ее проявления выступают индикатором справедливого общества: «Для

меня справедливость — это когда чиновника сажают в тюрьму, если он использует в своей деятельности мошеннические схемы» (Юрий, 51 год). А также хотелось бы отметить, что в условиях проведения специальной военной операции объяснение справедливости было связано с выполнением долга, служением Родине: «Наше государство ведет справедливую войну» (Татьяна, 22 года), «Понимание справедливости СВО изменило общество» (Андрей, 48 лет).

Для всех групп в протоколах наблюдались исправления, зачеркивания. Были отказы от участия в исследовании в первой группе 9 %, во второй — 7 %, в третьей — 5 %, в четвертой — 8 %, что, по нашему мнению, свидетельствует о сложности и многозначности этой темы.

Тема объяснения справедливости, связанная с уважением, вежливым обращением (2017 г.) — это тема «равенства», «честности», «объективности» переходит в тему «соблюдения прав и обязанностей» «предоставление равных возможностей для развития» (2023 г.) Поиск равных возможностей, избегание неравноправия выступает показателем зрелости общества, выражающееся в отношении к людям с инвалидностью, пожилым и детям. Тема объяснения справедливости как эталона/идеал (представления 2017 г.) связана с воплощением свободы, гуманизма, равенства и соблюдением прав и обязанностей (представления в 2023 г.). Соблюдение норм справедливости приносит выгоду участникам общественных отношений. Изменение содержания ведущих тем носит постепенный характер: от интерпретации справедливости как ценности («равенство», «вежливость», «объективность») 2010 г., затем справедливость объясняется как отношения между людьми (2017 г.), представление справедливости как поиск компромиссов и взаимной выгоды («компромисс», «равный обмен», «доброжелательность») (2021 г.) и соблюдение прав и обязанностей (2023 г.). В протоколах за последний год (2023 г.) тема справедливости, связанная с равными возможностями, была представлена в протоколах за 2023 г. Особенно прозвучала тема антикоррупционной деятельности, отражающая «социальный запрос и политический ответ». Например: «Высшая форма несправедливости — это коррупция» (Кирилл, 32 года).

Достаточно часто за все время и во всех группах была представлена тема, где отрицалось существование феномена справедливости: группа 1 — «Справедливости — нет, это глупость, придуманная для управления, тех, кто слабее» (Виталий, 24 года) или «Справедливости нет... это никому не нужно» (Лина,

26 лет); группа 2 — «Справедливость — это Бог. А ты видел Бога? Поэтому справедливости нет и никто ее не видел» (Сергей, 34 года). Группа 3 — «Я справедливости не видел, может она есть где-то там...» (Кирилл, 42 года). Большая часть респондентов во всех группах, связывали справедливость с нравственностью, моралью, порядочностью: «Мораль и справедливость связаны между собой, если ты воспитан, благороден ты будешь поступать справедливо» (Виктор, 24 года); «Справедливый человек живет в согласии со своей совестью» (Настя, 20 лет). В некоторых протоколах справедливость рассматривается как высшая инстанция, божественное провидение, фатум, рок: «Справедливость — это Бог на земле» (Настя, 26 лет); «Справедливость — это высший суд и не важно, слуга закона или простой водитель» (Игорь, 27 лет). Встречались объяснения справедливости как компромисса между интересами общества и индивида: «Справедливость — это равные возможности, равные условия» (Антон, 22 года), «Под справедливостью я понимаю карму, где происходит ответ за совершенные плохие дела» (Вера, 28 лет).

В своих протоколах испытуемые отмечают, что справедливость как явление носит сложно объясняемый характер и нет однозначного, точного определения: «Ее нельзя купить или продать. Мы получаем только, что заслуживаем и это справедливо» (Сергей, 21 год); «Справедливость — это когда вознаграждение и наказание соответствуют сделанному. Справедливость не зависит от мнения большинства» (Александра, 21 год).

Изучение динамики в содержании структуры социальных представлений происходило в разные временные периоды — 2010 г. предварительные (самое первое исследование), 2017 г. буферные (промежуточные), 2021 г. переходные и 2023 г. актуальные исследования. В табл. 2 представлено ядро социальных представлений, где первое число в скобке указывает частоту, а второе ранг употребления.

В группе 1 (2010) ядро «предварительных» (прежних) представлений о справедливости выражает понятие «ценность», далее объясняется через понятие «свобода» и замыкает ядро прежних представлений в понимании, что такое справедливость, как «честность, порядочность, равноправие». Выражение такого элемента, как «ценность» можно объяснить тем, что, для общества очень важны ценности, выступающие универсальными стандартами поведения и сохраняющие стабильность в обществе. «Свобода» представляет совокупность норм и оценок, регламенти-

Таблица 2

Ядро социальных представлений о справедливости

2010 г.	2017 г.	2021 г.	2023 г.
Ценность (15; 36); свобода выбора, решений (6; 21); честность (5; 2); правда (5; 1); порядочность (3; 2); равноправие (3; 4)	Равенство (8; 7); должное/идея (7; 8); способ оценки (5; 6); свобода выбора (4; 3)	Взаимная выгода (10; 9); договор (9; 8); исполнение законов (8; 7); честность (8; 6)	Соблюдение договоренностей (12; 8); равноправие (9; 6); выполнение долга (8; 5); антикоррупция (5; 4); правдивость (4; 3)

рующих поведение людей, и отражающее объективные свойства материальных, экономических отношений — справедливость. Справедливое отношение связано с распределением благ, статусов между этническими и религиозными группами, политическими партиями и государством. Справедливость как «честность» объясняется нравственными категориями: порядочность, правдивость. Равноправие подразумевает равное отношение ко всем гражданам. Ответственность и справедливость выражаются в соблюдении законов, тех норм по которым живет общество.

Зона изменений выражена такими представлениями о справедливости, как «выполнение прав», «свобода», «соблюдение законов», «совесть» и др. *Периферия* представления: «выполнение долга», «равное положение», «равенство в отношениях», «равенство в доходах» и др.

В группе 2 (2017) в ядре «буферных» представлений занимает ведущую позицию представление «равенство», далее следует понимание справедливости через «должное/эталонное». Замыкает ядро «буферных» представлений понимание справедливости как один из способов оценки жизненных событий. Равенство предполагает понимание «меры, мерности». Середина между крайностями представляет собой так называемую «золотую середину».

Представления «о должном» — внутренний компас, указывающий на то, как должен быть устроен мир. Эти представления формируются под воздействием разных факторов, начиная от личного опыта и заканчивая культурными и религиозными нормами. «Способ оценки» — это метод, с помощью которого происходит измерение возможностей. Ключевым понятием является дистрибутивная справедливость или справедливое распределение благ и возможностей.

Уравнительная справедливость предполагает равенство всех. Неважно, кто совершил преступление, преступник должен быть наказан. Становясь целью, идея справедливости превращается в средство, которое объединяет, мобилизует людей. Например, в теориях классового неравенства, классовой борьбы и

социальной революции (идеи К. Маркса) справедливость, ее эталоны и представления могут изменять общество, государственное устройство. Вообще, идея справедливости всегда служила опорой, средством интерпретации других важнейших ценностей и идеалов, нередко образуя с ними единство. В содержании ядра выражена архетипическая память, где справедливость относится к общечеловеческим универсалиям, проявлениям менталитета.

В зону изменений представлений о справедливости вошли беспристрастность, доверие, помощь, соблюдение законов и др. Периферия представления: принципиальность, прямота, уважение, верность идеалам и др.

В группе 3 (2021) в ядре «переходных» представлений лидирует представление «взаимная выгода», далее следует понимание справедливости как «договор» и замыкает ядро представлений понимание справедливости как «исполнение законов». «Взаимная выгода» связана с выполнением действий «по справедливости» и строится на принципах сотрудничества, уважения. Договорная справедливость — это опыт совместной деятельности, поиск компромисса, где для общей пользы лучше договориться и не терпеть несправедливости от других. Поиск справедливости, справедливые решения отражаются в законах. Правовые акты создаются исходя из ситуаций, в которых надо принять справедливые решения. Справедливое рассмотрение сложных ситуаций выступает фундаментом правовой системы и охватывает законодательство. Обнаружено, что представления о справедливости (равное уважение, соблюдение прав и др.) устойчивы и стабильны в пространственно-временном отношении.

В зону изменений представлений о справедливости вошли выполнение долга, выполнение договоренностей, доброта, уважение, вера, правда и др. Периферия представления: помощь бедным, соблюдение законов, уважение прав, честная оценка и др.

В группе 4 (2023) в ядре «актуальных» представлений выражено понятие «соблюдение договоренно-

стей», т. е. выполнение обязательств помогает избежать кризиса в отношениях, так как, проявляя уважение к тому, с кем эта договоренность заключена, выстраиваются партнерские отношения. Равноправие раскрывается в соблюдении договоренностей и выполнении их. Коррупционная деятельность обостряет проявления несправедливости, злоупотребление властными полномочиями, получение выгоды в обмен на необходимые решения подрывает доверие граждан к системе правосудия. Обсуждение социально значимых проблем, диалог между представителями общественных организаций и органов власти происходил и способствовал укреплению доверия общества к власти.

В зону изменений представлений о справедливости вошли: «распределение благ», «равенство перед законом», «соблюдение законов». Периферия представления связана с такими понятиями: «честность», «вежливость», «благородство» и др.

Таким образом, изменения в динамике представлений, в их содержании, были исследованы через анализ их появления или исчезновения как в «прошлых», «промежуточных: буферных и переходных», так и «современных» представлениях. Также был проведен анализ ядра представлений, где учитывалось количество представлений среди всех, а именно в «прошлом» и «настоящем». Это позволило выявить ведущие темы в содержании представления.

Динамика в структуре представления показывает следующие трансформации: во-первых, представления, ранее считавшиеся «основными» («справедливость как ценность», «свобода выбора, решений»), утрачивают свою ведущую роль и перемещаются на периферию. В центре внимания актуальных представлений оказываются новые представления, связанные с «соблюдением договоренностей», «выполнением долга». Во-вторых, исчезают представления, отражающие «должное/идея». В-третьих, происходит перемещение представлений из периферии, таких как «честность», в центр актуальных представлений. Количество представлений («равноправие», «антикоррупция» и др.) в этой группе также увеличивается, а «равноправие» занимает второе место по значимости в актуальных представлениях.

Динамика в структуре представлений о справедливости проявляется в изменении иерархичности ценностей, связанных со справедливостью, таких как «честность», «порядочность», а также в появлении новых «антикоррупционность», «служение Родине».

Сравнение результатов исследований 2010–2023 гг. свидетельствует о том, что увеличивается объем кате-

гориальных оценок справедливости, указывающих на изменения отношения в общественном порядке. При сходстве общих категорий, образующих представление о справедливости, возникает несовпадение ядра представления в разные временные периоды. Ведущая категория описывающая справедливость — это равенство, исполнение законов; устойчивым является указание на исполнение законов, порядочность, равенство. Появление в актуальных представлениях о справедливости понятия «антикоррупция» отражает нарушение прав и свобод человека в обществе, снижение уровня жизни и развитие криминала. Предотвращение коррупции укрепляет справедливость и обеспечивает равноправие. Также были выявлены представления, связанные со служением Родине, обществу, «выполнение долга» как отражение современной обстановки в связи с проведением специальной военной операции.

Выявлено, что ключевыми темами представлений о социальной справедливости, определяющими их суть на уровне общественного сознания, являются идеи равенства, сильной государственной власти и потребности в социальной защите.

Важно отметить, что различия в восприятии социальной справедливости между основными социальными группами населения оказались незначительными.

Список источников

1. Шмелев А. Г., Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М. : МГУ, 1997.
2. Шмелев А. Г., Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М. : Изд-во Московского университета, 1983.
3. Гулевич О. А. Межгрупповая дифференциация в сфере справедливости // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 198.
4. Moscovici S. Why a theory of social representations? // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogine. Oxford : Blackwell Publishers, 2001. P. 18–61.
5. Abric J-C. A Structural Approach to Social Representations // Representations of the Social: bridging theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogine. Oxford : Blackwell Publishers, 2001. P. 42–47.
6. Российский менталитет. Психология личности, сознание, соц. представления / под ред. К. А. Абульхановой-Славской и др. М. : ИПРАН, 1996.

7. Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М. : ИПРАН, 2004.

8. Verges P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de psychology. 1992. Т. XLV. No 405. P. 203–209.

9. Гайворонская А. А. Психосемантический анализ представлений молодежи о фашизме // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 4. С. 43–52.

10. Гайворонская А. А. Содержание социальных представлений о справедливости у студентов // Актуальные проблемы нравственного воспитания в высшем учебном заведении: мат. всерос. науч.-практ. конф. Смоленск, 2010.

References

1. Shmelev A. G., Petrenko V. F. Fundamentals of psychosemantics. M. : Moscow State University, 1997.

2. Shmelev A. G., Petrenko V. F. Introduction to experimental psychosemantics: theoretical and methodological foundations and psychodiagnostic possibilities. M. : Publishing House of Moscow University, 1983.

3. Gulevich O. A. Intergroup differentiation in the field of justice // Questions of psychology. 2008. No. 1. P. 198.

4. Moscovici S. Why a theory of social representations? // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogine. Oxford : Blackwell Publishers, 2001. P. 18–61.

5. Abric J-C. A Structural Approach to Social Representations // Representations of the Social: bridging

theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogine. Oxford : Blackwell Publishers, 2001. P. 42–47.

6. Russian mentality. Personality psychology, consciousness, social representations / edited by K. A. Abulkhanova-Slavskaya et al. M. : IPRAN, 1996.

7. Volovikova M. I. Russian ideas about the moral ideal. M. : IPRAN, 2004.

8. Verges P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de psychology. 1992. Т. XLV. No. 405. P. 203–209.

9. Gaivoronskaya A. A. Psychosemantic analysis of youth's ideas about fascism // Scientific notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2023. Vol. 3. No. 4. P. 43–52.

10. Gaivoronskaya A. A. The content of social ideas about justice among students // Actual problems of moral education in higher education: mat. all-Russian scientific and practical conf. Smolensk, 2010.

Библиографический список

1. Гайворонская А. А., Мусиенко А. В. Содержание социальных представлений о справедливости (на примере студентов колледжа) // Психология XXI столетия: сб. по мат. ежегодного конгресса. Смоленск, 2017. С. 72–76.

Bibliographic list

1. Gaivoronskaya A. A., Musienko A. V. The content of social ideas about justice (on the example of college students) // Psychology of the XXI century: collection on mat. the annual Congress. Smolensk, 2017. P. 72–76.

Информация об авторах

В. Ф. Енгальчев — профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, доктор психологических наук;

А. А. Гайворонская — инспектор отдела исследования проблем технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

V. F. Engalychev — Professor of the Department of General and Social Psychology, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Doctor of Psychological Sciences;

A. A. Gaivoronskaya — Inspector of the Department of Research of Problems of Technical Criminalistic and Expert Support of Crime Investigation of the Department of Scientific Research (Research Institute of Criminology) of the Main Department of Criminology (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024. The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-274-277>

EDN: <https://elibrary.ru/ykggeg>

ИПОН: 2003-0059-5/24-178

MOSURED: 77/27-003-2024-05-377

Особенности социально-психологической реадaptации несовершеннолетних, признанных виновными в совершении преступления

Ирина Борисовна Марьясис

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, talismmm@mail.ru

Аннотация. Рассматривается состоятельность программы по формированию и структурированию социальных потребностей несовершеннолетних в условиях их социально-психологической реадaptации; необходимость ранней социально-педагогической коррекции воспитания; постановка задач формирования социальных потребностей подростков в условиях недостаточного использования современных подходов и педагогических условий.

Ключевые слова: несовершеннолетний, реадaptации несовершеннолетних, социального воспитания, развития личности, профилактика повторной преступности

Для цитирования: Марьясис И. Б. Особенности социально-психологической реадaptации несовершеннолетних, признанных виновными в совершении преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 274–277. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-274-277>. EDN: YKGGEГ.

Original article

Features of the socio-psychological readaptation of minors recognized as guilty of a crime

Irina B. Maryasis

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, talismmm@mail.ru

Abstract. The validity of the program on formation and structuring of social needs of minors in the conditions of their socio-psychological readaptation; the necessity of early socio-pedagogical correction of upbringing; setting of tasks of formation of social needs of adolescents in the conditions of insufficient use of modern approaches and pedagogical conditions is considered.

Keywords: juvenile, juvenile readaptation, social education, personality development, prevention of repeat crime

For citation: Maryasis I. B. Features of the socio-psychological readaptation of minors recognized as guilty of a crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):274–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-274-277>. EDN: YKGGEГ.

Сейчас большинство несовершеннолетних целью своей жизни считает достижение материального благополучия любой ценой, стремление к красивой жизни любыми способами. Труд и учеба утратили общественную ценность и значимость, стали носить прагматический характер — больше получать благ, меньше работать и учиться. Такая позиция несовершеннолетних порождает потребительское отношение и провоцирует поведенческие девиации [2].

Занятость современных взрослых приводит к тому, что родители, стремясь обеспечить детей всеми материальными благами, не уделяют внимания их духовному воспитанию, из-за чего дети чувствуют эмоциональную отверженность со стороны родите-

лей и подвергаются опасности «улицы» в поисках недостающего тепла и заботы.

Много семей с неблагополучными условиями для воспитания — пьющие, ведущие асоциальный образ жизни родители, не дающие своим детям ничего, кроме дурного примера. Более того, есть те, кто открыто эксплуатирует и ущемляет своих детей. Такие условия воспитания приводят несовершеннолетних на скамью подсудимых.

Поэтому современное понимание социально-психологической реадaptации несовершеннолетних определяется созданием оптимальных условий, необходимых для успешного социального становления личности ребенка, стимулирующих его развитие. Ос-

© Марьясис И. Б., 2024

новой целью социального воспитания является оказание содействия развитию ребенка как полноценной личности, реализации его возможностей и способностей в рамках того общества, в котором он существует, посредством накопления собственного социального опыта и формирования социальной компетентности.

Существует несколько важных принципов социально-психологической реадaptации несовершеннолетних, которые способствуют формированию определенных функций в школах, воспитательных организациях, армии, трудовых коллективах. В них создаются все условия для развития личности, образования и накопления опыта социальных отношений.

Основанием для разработки программы явились выявленные противоречия между воспитанием несовершеннолетних и результатом социального формирования личности; уровнем социальных потребностей подростков и необходимостью ранней социально-педагогической коррекции воспитания; правильной постановкой задач формирования социальных потребностей подростков и недостаточным использованием современных подходов и педагогических условий [1, с. 38].

Совокупность факторов направлена на ресоциализацию несовершеннолетних осужденных. Ошибки в организации педагогического взаимодействия приводят к непредвиденным и отрицательным последствиям, в частности и у педагогов, и у осужденных подростков могут возникнуть агрессивные формы

поведения, выраженная жестокость, наглость, цинизм, отрицание норм права.

Основные мероприятия программы направлены на достижение устойчивых социально-значимых результатов деятельности в области организации и осуществления социальной работы с несовершеннолетними, отбывающими наказание за совершение преступления.

Реализация осуществляется с периодичностью один раз в квартал в течение года. Цикл групповых занятий включает в себя десять встреч (встречи проходят два раза в неделю).

Целевая группа: несовершеннолетние в возрасте 14–16 лет, совершившие преступление.

Цель программы — профилактика повторной преступности, повышение уровня социальных потребностей среди несовершеннолетних в возрасте 14–16 лет, совершивших преступление.

Реализация модели профилактики с несовершеннолетними, совершившими преступление, нацелена на осуществление социально-психологической работы с несовершеннолетним и его семьей, социально-педагогическую коррекцию поведения несовершеннолетнего, совершившего преступление, защиту его прав и интересов, а также предупреждение возможности совершения несовершеннолетними повторных преступлений в будущем.

Результативность проводимой работы в рамках реализации программы осуществляется через анализ данных, полученных с помощью итогового анкетирования.

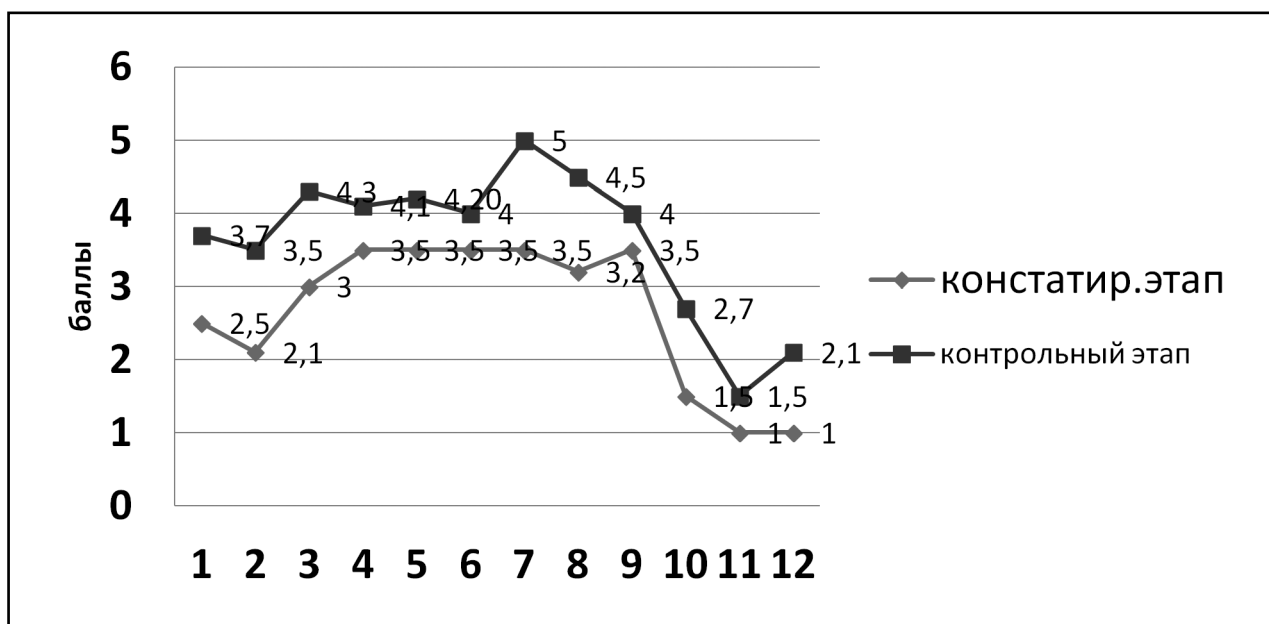

Рис. 1. График социального развития подростка в динамике, средние показатели

рования и сравнения полученных данных в ходе первичной и заключительной психодиагностики.

Диагностика показателей уровня социального развития воспитанников на контрольном этапе в виде анкетирования по вопросам представлена на рис. 1.

Контрольное тестирование показателей социального развития подростков показало положительную динамику сформированности уровня социальных потребностей воспитанников:

- ♦ планы на будущее в основном определились, хотя у многих воспитанников нет активной подготовки к будущей профессии (3,7 баллов);

- ♦ отношение к учебе проявилось избирательно, но уже больше половины контингента понимает для чего необходимы знания (3,5);

- ♦ уровень развития спортивных, трудовых, технических, художественных навыков увеличился (4,3), под влиянием занятий произошел сдвиг в сторону углубленных самостоятельных занятий;

- ♦ в отношении к педагогическим воздействиям тоже наблюдается положительная динамика (4,1), что говорит о том, что подростки стали более восприимчивы к замечаниям, адекватно реагируют на критику, стараются прислушиваться ко мнению взрослых;

- ♦ на смену пренебрежения к товарищам, коллективу приходит способность считаться с интересами и нормами коллективной жизни (4,2);

- ♦ посредством тренингов проявились умения различать «плохие» и «хорошие» поступки и поведение, осуждать и одобрять их (4);

- ♦ способность к сопереживанию проявилась у всех после бесед с психологом и посредством разбора типов характера (5), эмпатия хоть и была развита, но в большинстве случаев касалась или близких родственников или животных. После работы с психологами ребята научились сопереживать друг другу, помогать в сложных ситуациях;

- ♦ хорошо себя зарекомендовали тренинги, которые выработали у воспитанников волевые качества, позволяющие противостоять чужому влиянию (4,5);

- ♦ внешняя культура поведения проявляется в том, что воспитанники стремятся иметь аккуратный, подтянутый внешний вид (4);

- ♦ отношение к алкоголю у большинства претерпело изменения, хотя и не очень значительные; воспитанники по-прежнему не считают употребление алкоголя чем-то вредным и страшным, значительная часть подростков терпимо относятся к алкоголю (2,7);

- ♦ в отношении к курению закрепившаяся привычка так просто не уходит, воспитанники к курению относятся положительно, только совсем небольшой процент подростков пересмотрел отношение к пагубной привычке (1,5);

- ♦ в культуре речи есть подвижки (2,1), употребление нецензурных выражений в присутствии взрослых снизилось.

Обобщение результатов работы позволяет сделать следующие выводы.

1. У участников программы отмечается снижение показателей уровня агрессивности и враждебности (по данным психодиагностических методик интегративные показатели показывают снижение на 15 %).

2. Отмечается положительная динамика в снижении ситуативной и личностной тревожности (по данным психодиагностических методик интегративные показатели свидетельствуют о снижении на 15 %).

3. В результате анализа эффективности реализации программы установлено, что в среднем 95 % несовершеннолетних заинтересованы в получении социальной психолого-педагогической помощи. По мнению 70 % участников, в группе складываются теплые, доверительные отношения и атмосфера комфорта, что повышает уровень продуктивности в работе. Участие в программе способствует самоанализу, умению высказывать свою точку зрения, в среднем 80 % несовершеннолетних получают в ходе групповых и индивидуальных занятий новую информацию, что предполагает повышение уровня информированности подростков по актуальным темам (конструктивное общение и постановка жизненных целей), 90 % подростков указывают на возможность лучше узнать себя и других людей. Для 80 % полученные знания являются доступными и возможными для практического применения. Желание участвовать при возможности в подобной программе выражают 95 % несовершеннолетних, что указывает на высокий уровень мотивации и полезность для осужденных реализуемых мероприятий.

Список источников

1. Балашова В. А., Колотаева А. И. Особенности адаптивной стратегии поведения молодежи в проблемных ситуациях // В сб.: «Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи»: сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. А. Базулина. М., 2022. С. 37–41.

2. Цветков В. Л., Балашова В. А., Кравцов О. Г. и др. Психологическая помощь несовершеннолетним с суицидальными намерениями. М. : Русайнс, 2022.

References

1. Balashova V. A., Korotaeva A. I. Features of the adaptive strategy of youth behavior in problematic situations // In the collection: «Prevention of aggression and destructive behavior of youth»: collection of scientific tr. all-Russian scientific and practical conf. / comp. A. A. Bazulina. M., 2022. P. 37–41.

2. Tsvetkov V. L., Balashova V. A., Kravtsov O. G. etc. Psychological assistance to minors with suicidal intentions. M. : Rusains, 2022.

Библиографический список

1. Вачков И. В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Ось-89», 2001.

2. Волков Б. С. Возрастная психология. В 2 ч. Ч. 2. От младшего школьного возраста до юношества: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям / под ред. Б. С. Волкова. М. : Владос, 2005.

3. Заворотных Е. Н. Социально-психологические особенности одиночества как субъективного переживания. СПб., 2009.

4. Коломинский Я. Л., Реан А. А. Социально-педагогическая психология. Серия «Мастера психологии». СПб., 2000.

5. Никольская Л. А. Психологическая защита подростков. М., 2000.

Bibliographic list

1. Vachkov I. V. Fundamentals of group training technology. Psychotechnics: studies. stipend. 2nd ed., reprint. and additional M. : Publishing house «Axis-89», 2001.

2. Volkov B. S. Age psychology. In 2 parts. Part 2: From primary school age to adolescence: textbook for university students studying in pedagogical specialties / ed. by B. S. Volkov. M. : Vlados, 2005.

3. Zavorotnykh E. N. Socio-psychological features of loneliness as a subjective experience. St. Petersburg., 2009.

4. Kolominsky Ya. L., Rean A. A. Socio-pedagogical psychology. The series «Masters of Psychology». St. Petersburg, 2000.

5. Nikolskaya L. A. Psychological protection of adolescents. M., 2000.

Информация об авторе

И. Б. Марьясис — заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

I. B. Maryasis — Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-278-282>

EDN: <https://elibrary.ru/xjxitu>

ИПОН: 2003-0059-5/24-179

MOSURED: 77/27-003-2024-05-378

Особенности влияния информационных технологий на морально-психологическое состояние сотрудников полиции

Дарья Александровна Пустовитова¹, Ирина Алексеевна Чеснокова²

¹ Московский экономический институт, Москва, Россия, danja1993@inbox.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, malder1717@yandex.ru

Аннотация. Анализируются проблемы информационной безопасности и информационных технологий, их влияние на индивидуально-психологические особенности, социальное взаимодействие и идентичность личности. Особое внимание уделяется процессу подмены человеческих ценностей компьютерными технологиями. Рассматривается такое явление, как фаббинг, его схожесть с другими аддикциями и зависимостями.

Ключевые слова: информационные технологии, психологические особенности, социальное взаимодействие, информационная безопасность, идентичность личности, влияние СМИ

Для цитирования: Пустовитова Д. А., Чеснокова И. А. Особенности влияния информационных технологий на морально-психологическое состояние сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 278–282. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-278-282>. EDN: XJXITU.

Original article

Features of the influence of information technology on the moral and psychological state of police officers

Darya A. Pustovitova¹, Irina A. Chesnokova²

¹ Moscow Economic Institute, Moscow, Russia, danja1993@inbox.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, malder1717@yandex.ru

Abstract. The problem of information security and information technologies, their influence on individual-psychological features, social interaction and identity of a person is analysed. Special attention is paid to the process of substitution of human values by computer technologies. Such phenomenon as phabbing, its similarity with other addictions and dependencies is considered.

Keywords: information technology, psychological characteristics, social interaction, information security, personal identity, media influence

For citation: Pustovitova D. A., Chesnokova I. A. Features of the influence of information technology on the moral and psychological state of police officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):278–282. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-278-282>. EDN: XJXITU.

Знаменитая фраза Натана Ротшильда «Кто владеет информацией, тот владеет миром» до сих пор не теряет своей актуальности, и даже приобретает все большую значимость в эпоху расцвета цифровых технологий.

В век информационных технологий информация выходит на другой уровень — она становится самостоятельным фактором производства, важнейшим и независимым от других факторов ресурсом. Сфера информационных услуг постоянно развивается, привлекает внимание все большего числа людей, становится престижной и востребованной.

Современному человеку тяжело представить себя вне информационного поля, постоянно ускоряющийся темп жизни требует от него постоянно быть в курсе происходящих событий, знать о ситуации в стране и мире, следить за многочисленными изменениями, происходящими ежедневно в окружающей его среде, все это необходимо для нормального функционирования и взаимодействия с другими членами социума. Человек вынужден ежедневно обрабатывать огромный поток новой информации, который он должен анализировать, сопоставлять, выделять наиболее значимые аспекты, что стало практически

© Пустовитова Д. А., Чеснокова И. А., 2024

невозможным без использования гаджетов и Интернета. Своевременное поступление информации позволяет достичь человеку те цели, которые он ставит перед собой, эффективно выполнять свою трудовую и служебную деятельность.

По мнению Т. И. Ежевской, «в современном мире информационная среда становится средством, с помощью которого человеку транслируются социальные нормы и ценности, установки и стереотипы поведения» [2, с. 38].

В. Д. Аносов и В. Е. Лепский дают следующее определение негативным информационно-психологическим воздействиям: это «манипулятивные воздействия на личность, на ее представления и эмоционально-волевую сферу» [1, с. 7–11; 4].

Перед современным обществом последнее время возникает дилемма: чего все-таки больше приносят в нашу жизнь Интернет и компьютер — вреда или пользы? Насколько важно овладеть умением быстро ориентироваться в виртуальном пространстве и находить нужную информацию? В современном обществе человек должен шагать в ногу со временем и не отставать в информационном развитии, иначе он не сможет добиваться желаемых результатов и состояться как профессионал, не сможет добиться индивидуально-личностного развития.

Для детального изучения основных аспектов, оказывающих влияние на психику человека, нами было проведено исследование. В выборку вошли сотрудники полиции. Таким образом, анкета была заполнена сотрудниками подразделения полиции в количестве 216 человек. У респондентов стаж службы в полиции составляет: до 3 лет — 28 %; от 3 до 5 лет — 19 %; от 5 до 10 лет — 42 %, более 10 лет — 11 %.

На вопрос «сколько времени в день вы проводите в Интернете/за компьютером?» ответили: от 2-х до 3-х часов в день 20 % респондентов и от 3-х до 6-ти часов в день 34 %. Значительно меньше опрошенных (19 %) отметили, что используют компьютер исключительно из-за объективной необходимости.

Компьютер и Интернет стали неотъемлемой частью нашей жизни. Только 10 % респондентов ответили, что компьютер не играет в их жизни особой роли, а 16 % не могут себе представить трудовую деятельность без компьютера и мобильного телефона, 23 % опрошенных указали на то, что компьютер необходим для дела, а без социальных сетей они могут обойтись. Две трети свободного времени

большинство людей проводят за экраном компьютера или телефона.

В процессе проведенного исследования 38 % респондентов указали, что отмечают у себя наличие признаков психологической зависимости от телефона и состояние острого беспокойства при его отсутствии; присутствует неконтролируемое желание постоянно проверять почту, новости, стремятся просмотреть свою страницу в социальных сетях.

Если человек забывает телефон (или он ломается) у него начинают проявляться признаки невроза: раздражительность, гнев, тревога, агрессия, отчаяние, навязчивые или истерические проявления, снижение умственной и физической работоспособности. Потеря телефона, по мнению респондентов, способна вызвать настоящую панику, ведь в телефоне содержится «вся его жизнь».

На утверждение в анкете, «если внезапно исчезнут все гаджеты, телефоны и у меня не будет возможности пользоваться Интернетом», только 14 % опрошенных ответили, что не боятся этого. 27 % сообщили, что будут чувствовать себя тревожно, а 16 % считают, что работа остановится. Большинство людей уже не может спокойно работать, если не открыта электронная почта или мессенджеры. Ожидание обновления новостной ленты и проверка новых сообщений в рабочих чатах не позволяет сосредоточиться на чем-то другом, что подтверждает высокий фактор тревожности. Респонденты отметили, что приходя домой, первым делом проверяют компьютер или телефон.

В данном случае можно говорить о наличии существенной деформации психологических потребностей, что может представлять собой существенную угрозу для психического и физического здоровья современного поколения. Согласно разработанной американским психологом А. Маслоу пирамиде потребностей, базовые, физиологические потребности (basic needs) больше не являются первостепенными, так как большинство людей готовы от них отказаться в пользу проведения времени за компьютером и гаджетами. Человек часто действительно забывает о своих насущных потребностях, из которых самым опасным является отказ от сна или существенное сокращение времени, отводимого на него. Урон, который при этом наносится психике давно изучен специалистами и включает в себя весьма тяжкие последствия: снижение памяти (вплоть до провалов в памяти), непроходящее чувство усталости, раздражи-

тельность, ухудшение концентрации, ослабление иммунитета [6, с. 97].

К тому же ученое сообщество выявило, что данное явление стало носить характер реального психического отклонения, которому было дано официальное название — фаббинг (от англ. phubbing). Это отклонение представляет собой неудержимое стремление человека отвлекаться на телефон даже во время важных переговоров; при этом человек сознательно отказывается от общения с близкими, игнорирует семейные встречи, не участвует в обсуждении повседневных дел — так как все время он тратит на Интернет [3]. В мае 2012 г. Университет Сиднея под руководством крупного рекламного агентства организовал съезд писателей, лингвистов и литературоведов, чтобы придумать название данному явлению. Благодаря их усилиям была проведена масштабная акция Stop Phubbing, в результате которой и был закреплен данный термин. В настоящее время его используют психиатры, психологи, социологи и другие специалисты, занимающиеся изучением феномена зависимости от технических средств.

С тех пор ситуация значительно ухудшилась, так как количество зависимых людей — фабберов — существенно выросло. Это подтверждено исследованием, проведенным костромским отделением Российского общества социологов в 2019 г.; ими были получены следующие показатели: 75 % людей в возрасте 17–29 лет никогда не оставляют телефон вне поля зрения, постоянно заглядывают в него, а 33 % без него чувствуют себя неполноценными.

В данном исследовании участвовали 525 девушек и юношей в возрасте от 17 до 29 лет. К анализу полученных данных были привлечены специалисты Высшей школы экономики. Подробно данное исследование описано в статье А. А. Максименко, О. С. Дейнека, Л. Н. Духанина, М. В. Сапоровская «Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи» [5, с. 345–362].

Наше исследование также не противоречит перечисленным выше фактам, так как в ходе его проведения было установлено, что большинство опрошенных пользуются различными социальными сетями и состоят в интернет-группах, на что уходит значительная часть времени. 57 % зарегистрированы «в контакте», в «telegram» состоят 64 %, в других социальных сетях 41 %. Полученные данные во многом свидетельствуют о том, что симптоматика фаб-

бинга аналогична другим аддикциям: например курению и т. д.

Деятельность сотрудников ОВД наполнена стрессами. В том числе на сотрудника полиции постоянно оказывается информационное воздействие. Информационный стресс снижает функциональные резервы организма вплоть до их полного истощения. Следует отметить, что вопрос психологической устойчивости сотрудника ОВД к информационному воздействию является очень важным, ведь это определяет и эффективность его служебной деятельности.

Итак, на основе проведенного нами теоретического и эмпирического анализа влияния информационной безопасности и информационных технологий на человека, можно выделить следующие проблемы и рекомендации.

1. Компьютер способен вызывать психологическую зависимость, что приводит к неврозам, снижению памяти и бессоннице. Необходимо выработать оптимальный подход, позволяющий использовать цифровые технологии исключительно с пользой или выгодой.

2. С использованием информационных технологий люди упростили выполнение многих задач. В ряде подразделений служебная деятельность автоматизирована и связана с работой за компьютером и электронным документооборотом, что приводит к малоподвижному образу жизни. Однако, для правильного функционирования организма и для сохранения психологического здоровья необходима активность, движение и физические нагрузки.

3. Смартфоны и мессенджеры упростили коммуникацию. Люди получили возможность общаться с собеседниками из любой точки планеты, в любое время, при этом, чаще всего, они никогда не встречаются с ними в реальной жизни. Для отдельных граждан становится проще переводить профессиональную коммуникацию в офлайн режим, могут проявляться трудности в межличностном взаимодействии (установление психологического контакта, разрешение конфликтных ситуаций и др.). При такой форме взаимодействия люди полностью исключают невербальный компонент общения, который, по мнению большинства ученых, оказывает значительно большее влияние, чем речь.

Рекомендации.

1. Больше внимания уделять общению: реальные встречи с людьми, совместная деятельность.

2. Усиление самоконтроля за своими импульсами: ограничение времени, проводимого за компьютером и телефоном.

3. Переключение внимания на увлечения и интересы: запись в спортивные секции и т. д.

4. При необходимости выполнения рабочих задач за компьютером планировать 10–15-минутные перерывы.

5. Недопущение сокращения времени, отводимого на сон, в целях возможности полноценного восстановления деятельности головного мозга и избегания неврологических заболеваний.

6. Обучение тайм — менеджменту в целях достижения более высоких результатов в работе и существенного снижения уровня переживаний и стресса.

Список источников

1. Аносов В. Д., Лепский В. Е. Исходные посылки проблематики информационно-психологической безопасности. М. : Институт психологии РАН, 1996.

2. Ежовская Т. И. Психологическое воздействие информационной среды на современного человека // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 2(37). С. 38–41.

3. Екимчик О. А., Крюкова Т. Л. Адаптация методик измерения фаббинга в близких отношениях: шкала фаббинга Карадага и шкала партнерского фаббинга Робертса // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 3(117). С. 112–128.

4. Перфилова О. В. О значимости компьютера (интернета) в жизни подрастающего поколения // Современная психология: мат. IV междунар. науч. конф. (Казань, октябрь 2016 г.). Казань : Бук, 2016. С. 7–9.

5. Смолян Г. Л., Зараковский Г. М., Розин В. М., Войсунский А. Е. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). М. : Институт системного анализа РАН, 1997.

6. Цветков В. Л., Шарафутдинова Н. В., Гончарова Е. М. Психология воздействия: учеб. пособие. М. : Юстиция, 2023.

References

1. Anosov V. D., Lepsky V. E. The initial assumptions of the problems of information and psychological security. M. : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 1996.

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И ПЕРЕГОВОРОВ

Учебное пособие

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф НИИ образования и науки

Караяни А. Г., Цветков В. Л.

Психология общения и переговоров

А.Г. Караяни
В.Л. Цветков

Раскрыты теоретические основы психологии общения и переговорного процесса, а также психологически обоснованные пути и способы овладения сотрудниками правоохранительных органов умениями и навыками эффективного взаимодействия. Кроме того, представлены технологии и конкретные психотехники вербального и невербального общения в различных обстоятельствах, в том числе и ведения переговоров с преступниками, захвативших заложников. Предложены способы эффективного ведения переговоров, построения контактов с партнерами-манипуляторами, продуктивного разрешения конфликтных ситуаций. Показаны возможности социально-психологического тренинга (СПТ) в развитии коммуникативной компетентности специалиста-переговорщика.

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, сотрудников органов внутренних дел, а также всех, кто интересуется данной проблематикой.

2. Yezhevskaya T. I. The psychological impact of the information environment on a modern person // *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2009. No. 2(37). P. 38–41.

3. Ekimchik O. A., Kryukova T. L. Adaptation of fabbing measurement methods in close relationships: the Karadag fabbing scale and the Roberts partner fabbing scale // *Consultative psychology and psychotherapy*. 2022. Vol. 30. No. 3(117). P. 112–128.

4. Perfilova O. V. On the importance of the computer (Internet) in the life of the younger generation // *Modern psychology: mat. IV International Scientific Conference (Kazan, October 2016)*. Kazan : Buk, 2016. P. 7–9.

5. Smolyan G. L., Zarakovsky G. M., Rozin V. M., Voiskunsky A. E. Information and psychological security (definition and analysis of the subject area). M. : Institute of System Analysis RAS, 1997.

6. Tsvetkov V. L., Sharafutdinova N. V., Goncharova E. M. Psychology of impact: textbook. the manual. M. : Justitia, 2023.

Библиографический список

1. Андреев И. Л., Назарова Л. Н. Эволюция психического ландшафта информационной эпохи // *Психическое здоровье*. 2014. № 7. С. 74–80.

2. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии ин-

формационно-психологического воздействия. М. : Алгоритм, 2000.

3. Зинченко Ю. П. Психология безопасности как социально-системное явление // *Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология»*. 2011. № 4. С. 6.

4. Максименко А. А., Дейнека О. С., Духанина Л. Н., Сапоровская М. В. Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 4(164). С. 345–362.

Bibliographic list

1. Andreev I. L., Nazarova L. N. The evolution of the mental landscape of the information age // *Mental health*. 2014. No. 7. P. 74–80.

2. Grachev G. V., Melnik I. K. Personality manipulation: organization, methods and technologies of informational and psychological influence. M. : Algorithm, 2000.

3. Zinchenko Yu. P. Psychology of security as a socio-systemic phenomenon // *Bulletin of the Moscow University. Episode 14 «Psychology»*. 2011. No. 4. P. 6.

4. Maksimenko A. A., Deineka O. S., Dukhanina L. N., Saporovskaya M. V. Fabbing: features of addictive behavior of youth // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021. No. 4(164). P. 345–362.

Информация об авторах

Д. А. Пустовитова — доцент кафедры психологии и управления Московского экономического института, кандидат психологических наук;

И. А. Чеснокова — преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

D. A. Pustovitova — Associate Professor at the Department of Psychology and Management of the Moscow Institute of Economics, Candidate of Psychological Sciences;

I. A. Chesnokova — Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-283-288>

EDN: <https://elibrary.ru/vzmdzk>

NION: 2003-0059-5/24-180

MOSURED: 77/27-003-2024-05-379

Психологические особенности правосознания сотрудников полиции

Вячеслав Лазаревич Цветков¹, Татьяна Александровна Хрусталева²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, czvetkov_slava@inbox.ru,

ORCID: 0000-0002-4692-8045

² Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево,

Россия, khrustalev100@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9709-2121

Аннотация. Проанализирована сущность и структура правового сознания. Представлены результаты исследования уровня правового и гражданского сознания сотрудников полиции.

Ключевые слова: правовое сознание, гражданское сознание, сотрудники полиции

Для цитирования: Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Психологические особенности правосознания сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 283–288. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-283-288>. EDN: VZMDZK.

Original article

Psychological features of the legal awareness of police officers

Viacheslav L. Tsvetkov¹, Tatiana A. Khrustaleva²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

czvetkov_slava@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-4692-8045

² Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia, khrustalev100@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9709-2121

Abstract. The essence and structure of legal consciousness is analyzed. The results of the study of the level of legal and civic consciousness of police officers are presented.

Keywords: legal consciousness, civic consciousness, police officers

For citation: Tsvetkov V. L., Khrustaleva T. A. Psychological features of the legal awareness of police officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):283–288. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-283-288>. EDN: VZMDZK.

В становлении личности сотрудников полиции важнейшее место занимает формирование профессионального правосознания. В современной научной литературе исследование структуры и содержания правосознания связано с изучением когнитивной, этической и психологической составляющих деятельности сотрудников. Это является основой эффективного выполнения профессиональных задач. Правосознание при конфликтном характере профессионального общения, высокой стрессогенности деятельности сотрудников правоохранительных органов, нормированности труда, постоянного цейтнота и многоплановости работы выступает источником его мотивационной активности и эффективности профессиональной деятельности. Правосознание отражает от-

ношение к закону как к высшей ценности. Борьба за законность, охрана правопорядка осмысливается как личное призвание, а отношение к правоохранительной деятельности, созвучное с личными потребностями и общественным долгом, определяет установки на использование законных и цивилизованных способов решения профессиональных задач.

Сложившиеся в современной научной литературе и ставшие традиционными научные представления о структуре правосознания личности представлены в четырех основных компонентах: правовая идеология; правовая психология; правовая аксиология; правовые установки.

Анализ структурных элементов правосознания позволяет определить их основное назначение.

© Цветков В. Л., Хрусталева Т. А., 2024

Задача компонента правовой идеологии подразумевает обоснование и защиту научных правовых идей, взглядов, теорий, которые наиболее значимы для групповых правовых интересов. Эти идеи и взгляды могут возводиться даже в высокое положение правовой политики.

Компонент правовой идеологии проявляется тогда, когда обладает объективным научным характером. В этом случае идеи и теории личности облекаются в категории юриспруденции, что, в свою очередь, повышает эффективность правового регулирования. Вместе с тем, исторический анализ правовых систем показывает, что в правовую идеологию вплетен и субъективный компонент, поскольку всякая социальная общность независимо от ее масштабов и уровня, стремится юридизировать в том числе и свои власть, привилегии, претензии и проч.

Появление научных работ постсоветских исследователей И. Е. Фарбера, И. Ф. Рябко, Е. В. Назаренко, Г. С. Остроумова, Е. А. Лукашевой позволило дополнить прежний образ понимания правосознания только как правовой идеологии. После утраты обществом коммунистической идеологии ее психологические объективные и субъективные компоненты стало невозможно игнорировать в социально-правовом анализе. Эти компоненты осуществляют регуляцию правового поведения на уровне социальных стереотипов, субъективных претензий на власть различных социальных групп, борьбу за привилегии и др.

Правовая психология как структурный элемент правосознания подразумевает систему гражданских чувств, эмоций, настроений и переживаний, сопровождающих поведение правовых субъектов. Эти чувства и переживания могут формироваться на основе правовой идеологии и часто являются производными от ее идей и теоретических знаний людей, включенных в правовые отношения.

В то же время, осмысленный поведенческий опыт в правовом поле является результатом, порой, случайного выбора стратегий взаимодействия (конструктивного или деструктивного) субъектов права. Так, правовая психология как функция правовых знаний и умений, т. е. правовой идеологии в частности и правовой культуры в целом, есть и результат, и основание для правового поведения.

При всей изменчивости и подвижности правовых эмоций и чувств, проявляющихся, как правило, на обыденном уровне правосознания граждан, важно

отметить, что и сама правовая психология отличается нестабильностью и спонтанным характером, высокой амплитудой эмоционального реагирования на правовые явления. Но при этом часть психологических компонентов правосознания отличается стабильностью и консерватизмом. Как правило, это относится к таким регуляторам общественных отношений, как обычаи, привычки, традиции, предрасудки и, часто, убеждения. Примером могут служить этнопсихологические особенности, выраженные в анекдотах о русских, евреях, англичанах и др., представления о немецком педантизме как природе их поразительной законопослушности, о непреодолимом и необузданном стремлении русских найти любой альтернативный путь обхода проблемы, в том числе, минуя правовой механизм.

Бывает и обратный процесс взаимосвязи правовой идеологии и психологии. Из-за нестабильности и стремительности общественных отношений, по сравнению с нормативно-правовым ответом на них в виде законодательной нормы, простой обыватель именно на уровне правовой психологии дает субъективную первичную оценку юридической практики и принципов законодательства. И только по итогам прошедшего события оно рационально истолковывается и приобретает форму идеологического конструкта в сознании субъекта. Из сказанного выше следует, что задача правовой психологии состоит в регулировании поведения человека в правовом поле с помощью эмоциональных ориентиров и чувств, возникающим по отношению к правовым явлениям.

Таким образом, правовая психология и идеология в сознании и поведении субъекта правоотношений сливаются во взаимозависимые динамические компоненты правовой картины мира и выражаются в правовых убеждениях, правовом поведении, правовых идеях.

В реальности мы часто сталкиваемся с отсутствием цельной и полной картины правосознания у сотрудников полиции, что, конечно, мешает эффективному выполнению служебных обязанностей, а иногда способствует реализации личных (резко отличных от профессиональных) потребностей, мотивов, целей.

Видоизменение структурных элементов правосознания, их несогласованность, а иногда и конфликтное сосуществование может выступать одним

из факторов дисциплинарных нарушений, коррупционного поведения и пр. Например, сотрудник может иметь глубокие правовые знания в профессиональной области, связанной с его непосредственными функциональными обязанностями, но установки и целеполагание деятельности будут определяться корыстными мотивами личного обогащения, а не достижением эффективности своей служебной деятельности. Иными словами, искажения правосознания делают явным внутренний посыл: знать закон и владеть должностными полномочиями в рамках закона такому сотруднику нужно для того, чтобы его умело обходить в угоду своим личным интересам. Эффективно выполняемые должностные обязанности на благо закона становятся лишь побочным продуктом профессиональной деятельности такого сотрудника до тех пор, пока он снова не столкнется с конфликтной ситуацией выбора между личным интересом и профессиональным долгом.

Особое значение в эффективности служебной деятельности сотрудников полиции приобретает профессиональное правосознание. Правосознание юристов качественно отличается от правосознания представителей других профессий по набору критериев. Масштаб, полнота и глубина правовых знаний, аналитический подход к исследованию правовой действительности, объект-субъектное видение ситуаций в сфере правоотношений, а также включенность традиционных исторических и этнокультурных мировоззренческих позиций позволяет правоохранителям решать профессиональные юридические задачи. Структура сознания сотрудников полиции не однородна из-за узкой специфики профессиональных компетенций сотрудников отдельных подразделений и служб.

Профессиональное правосознание — это и основание, и результат профессионально формируемой системы правовых взглядов, чувств, идей, ценностных ориентаций, определяющих образ жизни и мотивы поведения в служебной сфере представителей юридической профессии, обусловленную спецификой социальной роли и правоохранительной деятельности. Известно, например, что в мышлении и деятельности следователей часто преобладает обвинительный уклон, а сознание адвоката ориентировано на защиту интересов клиента, поиск ошибок и просчетов в деятельности следователей с целью от-

стаивания своей позиции по юридическому делу. Полагаем, что видовые различия профессионального правосознания характеризуются особенностями сложившихся правовых установок у представителей типичных юридических профессий.

Правовая установка профессионального правосознания формируется как деонтический стереотип психологической структуры личности, определяющий ее готовность к деятельности. В направленности личности формируется набор психологических установок действовать в соответствии с требованиями правовой нормы.

В силу многообразия функциональных видов правоохранительной деятельности формируется и своеобразие социально-ролевых установок. К ним можно отнести настрой на правомерное поведение, склонность к правовому анализу, профессиональную законопослушность. В то же время, для представителей конкретных отраслевых сфер правоприменения можно отметить такие тенденции, как склонность к даче оценок, усреднению и типизации правовых оценок, стремление действовать по процессуально однородным алгоритмам, узость поля аргументированных допущений из-за специализации в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, игнорирование творческого начала, например, у следователей. Все эти особенности профессионального сознания позволяют выделить в его структуре не только позитивные, но и негативные элементы.

К позитивным установкам структуры правосознания сотрудника полиции можно причислить все то, что способствует быстрому, с минимальными материальными и эмоциональными затратами, эффективному достижению результата. К таким установкам можно отнести субъективно усвоенные ценности, создающие позитивную мотивацию труда. Это идеи законности, чувство профессионального долга, справедливости, гуманизма, ориентация на поиски истины. Такие ориентиры определяют согласованность и взаимосвязь структурных элементов правосознания должностного лица, обеспечивая его целостность и полноту, и характеризуют его как «нормальное».

Наряду с позитивными элементами структуры профессионального сознания, в нем обнаруживаются и проявляются элементы негативные. Понятие нормы сопряжено с ее отклонениями, дефектами в сфере содержания (идейно-психологической струк-

туры) и соотношения элементов, от чего происходит и нарушение функций.

Показателями этого являются негативный настрой личности в сфере права и конкретные акты неправомерного поведения. Деформация правосознания предполагает некоторый изначальный запас правовых по своей природе взглядов, знаний, установок, которые, в силу различных причин, превратились в какие-то неправомерные конструкции или остались правовыми лишь номинально или частично.

Правовая деформация сотрудника полиции представляет собой негативно-правовой стиль его мышления, отношения и поведение в служебной деятельности.

Основными видами правовой деформации у сотрудников полиции являются: правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой радикализм, правовой популизм, правовой конформизм.

С целью изучения особенностей правосознания сотрудников полиции мы провели исследование, в

котором приняли участие 75 слушателей заочной формы обучения образовательных организаций МВД России — сотрудников различных подразделений: уголовного розыска, службы участковых уполномоченных полиции и следователей (по 25 человек соответственно). Возраст респондентов составил от 18 до 45 лет. Стаж службы — от 1 до 15 лет.

Психологическое обследование проводилось с использованием теста правового и гражданского сознания Л. А. Ясюковой, который позволяет выделить три относительно самостоятельных сферы функционирования правосознания: бытовую, профессионально-деловую и социально-гражданскую.

Сравнение результатов тестирования по методике оценки правового и гражданского сознания (автор Л. А. Ясюкова) позволило установить достоверно значимые различия (при $p \leq 0,05$) между значениями групп по двум шкалам из пяти (табл. 1, 2).

Анализ табличных значений позволяет заключить, что оперативные сотрудники полиции:

Таблица 1

Сравнение значений показателей уровня правосознания группы следователей и оперативных сотрудников полиции

№	Сферы правосознания	Следователи, $M \pm \sigma$	Оперативные сотрудники полиции, $M \pm \sigma$	$P \leq$
1.	Общий уровень правосознания*	$14,82 \pm 3,49$	$13,89 \pm 3,45$	0,01
2.	Бытовая сфера*	$6,76 \pm 1,23$	$5,13 \pm 1,6$	0,001
3.	Деловая сфера	$4,21 \pm 2,59$	$3,78 \pm 2,09$	-
4.	Гражданская сфера	$3,26 \pm 1,19$	$3,67 \pm 1,6$	-
5.	Правовые знания	$5,44 \pm 1,19$	$4,84 \pm 1,97$	-

* Статистически значимые различия между группами при $p \leq 0,05$.

Таблица 2

Сравнение показателей уровня правосознания группы участковых уполномоченных полиции и группы оперативных сотрудников полиции

№	Сферы правосознания	Участковые уполномоченные полиции, $M \pm \sigma$	Оперативные сотрудники полиции, $M \pm \sigma$	$P \leq$
1.	Общий уровень правосознания*	$16,72 \pm 3,19$	$13,89 \pm 3,45$	0,001
2.	Бытовая сфера*	$6,96 \pm 1,23$	$5,13 \pm 1,6$	0,001
3.	Деловая сфера	$4,41 \pm 2,59$	$3,78 \pm 2,09$	-
4.	Гражданская сфера	$3,44 \pm 1,19$	$3,67 \pm 1,6$	-
5.	Правовые знания	$5,62 \pm 1,5$	$4,44 \pm 1,97$	0,001

* Статистически значимые различия между группами при $p \leq 0,05$.

- ♦ обладают более низким и несколько противоречивым общим уровнем правосознания по сравнению с участковыми уполномоченными и следователями;

- ♦ склонны более эмоционально, а не рационально оценивать высказывания и поступки людей, о чем свидетельствуют установленные достоверно низкие значения по шкале «бытовая сфера правосознания»;

- ♦ являются потенциально конфликтными в межличностных взаимоотношениях;

- ♦ демонстрируют более низкий уровень правовых знаний, осведомленности о законодательном регулировании, что может быть связано с тем, что их интересы не охватывают социально-политическую сферу.

Показатели, представленные в таблицах, свидетельствуют о том, что различия между группами установлены по тем же сферам правосознания, однако общий уровень правосознания группы оперативных сотрудников полиции характеризуется правовым нигилизмом, что включает следующие позиции:

- ♦ ориентация преимущественно на морально-нравственные нормативы в том варианте, который признается лично;

- ♦ отрицательное отношение к морально-этическим нормам и жизненным ценностям, которые не совпадают с собственными;

- ♦ непоследовательность в поведении;

- ♦ склонность действовать, исходя из собственных соображений, мнения, понимания ситуации.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в сознании наших соотечественников моральные представления и правовые основы, наряду с правовыми оценками, установками и поведением, имеют сложный системно-динамический конструкт и долгий путь историко-культурного развития. Развитое многостороннее правосознание сотрудников полиции во всей его системной устойчивой и динамической структуре, открытое для содержательного взаимодействия, является залогом эффективности выполнения служебных задач и гарантом надежности сотрудников. Но в то же время, оно является крайне уязвимым, зависимым от объективных и субъективных факторов деятельности правоохранителей.

Сотрудники полиции стоят на страже правового порядка. Доверие российских граждан к правовой системе и ее защитникам сегодня оставляет желать лучшего. Граждане не видят в правовой системе и ее

механизмах возможности обеспечить правопорядок, часто критикуют деятельность государства, правоохранительных органов.

Задача образовательных организаций состоит в необходимости приложить все усилия для повышения эффективности профессиональной деятельности, укрепления законности и правопорядка, улучшения имиджа сотрудника полиции. Все это достижимо при условии отношения к закону как высшей ценности.

Библиографический список

1. Бреднева В. С. Уровни правосознания и юридическая деятельность. Южно-Сахалинск : Сахалинский государственный университет, 2010.

2. Кобозев И. Ю. Личностные особенности стресс-преодолевающего поведения бывших сотрудников, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2(65). С. 26–30.

3. Кобозев И. Ю. Прогнозирование риска коррупционного поведения сотрудников ОВД // Актуальные проблемы психологического обеспечения практической деятельности силовых структур: сб. мат. четвертой всерос. науч.-практ. конф. специалистов ведомственных психологических и кадровых служб с междунар. участием (Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2015 г.). СПб. : Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, 2015. С. 273–278.

4. Петров В. Е., Абасов М. М. Профилактика и актуальные проблемы дисциплинирования личного состава // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 85–96.

5. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Ценностные ориентации как основа правового и гражданского сознания сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 263–268.

6. Ясюкова Л. А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2000. № 4. С. 34–40.

Bibliographic list

1. Bredneva V. S. Levels of legal awareness and legal activity. Yuzhno-Sakhalinsk : Sakhalin State University, 2010.

2. Kobozev I. Y. Personal characteristics of stress-overcoming behavior of former employees convicted of committing corruption-related crimes // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2016. № 2(65). P. 26–30.

3. Kobozev I. Y. Forecasting the risk of corrupt behavior of police officers // Actual problems of psychological support for the practical activities of law enforcement agencies: collection of materials of the Fourth All-Russian scientific and practical conference of specialists of departmental psychological and personnel services with international participation (St. Petersburg, November 25–27, 2015). St. Petersburg : St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy, 2015. P. 273–278.

4. Petrov V. E., Abasov M. M. Prevention and actual problems of personnel discipline // Policing. 2018. No. 5. P. 85–96.

5. Tsvetkov V. L., Khrustaleva T. A. Value orientations as the basis of legal and civil consciousness of police officers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. P. 263–268.

6. Yasyukova L. A. Legal awareness: diagnostics and patterns of development // Applied psychology. 2000. No. 4. P. 34–40.

Информация об авторах

В. Л. Цветков — начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Т. А. Хрусталева — доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

V. L. Tsvetkov — Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Service Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

T. A. Khrustaleva — Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024. The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

	ПСИХОЛОГИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 3-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие Гриф НИИ образования и науки Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований Под ред. В. Л. Цветкова, Н. А. Кузьмина, И. Б. Лебедева, А. Ю. Федотова Учебное пособие включает систему основных понятий психологии оперативно-розыскной деятельности, рекомендации эффективного самоопределения в ситуациях взаимодействия с лицами, представляющими оперативный интерес, а также основы психотехники решения профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел. Его содержание соответствует рабочим программам учебной дисциплины для обучающихся по специальностям 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» и 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка». Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, практических работников и всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.
---	--

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-289-294>

EDN: <https://elibrary.ru/zqsgug>

НИОН: 2003-0059-5/24-181

MOSURED: 77/27-003-2024-05-380

Психологические условия развития профессионального самосознания субъектов служебной деятельности

Наталья Владимировна Шарафутдинова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Shnv_70@mail.ru

Аннотация. Раскрыта необходимость уточнения категории «развитие» и применения ее к анализу изучаемой проблемы. Представлен материал по анализу психологических условий развития профессионального самосознания субъекта служебной деятельности, раскрыты понятия «развитие», «развитый», «развить», уточнено понятие «развитие профессионального самосознания». Осуществлен теоретический анализ проблемы, указана цель работы, описана и раскрыта примерная схема исследования и развития профессионального самосознания, кратко описаны психологические особенности изучаемой выборки. Выведен ряд важных положений, уточнены функции изучаемого феномена, описаны психологические условия развития профессионального самосознания субъекта служебной деятельности и намечены пути дальнейшей работы.

Ключевые слова: развитие, развитый, развивать, условия развития, профессиональное самосознание, субъект, служебная деятельность

Для цитирования: Шарафутдинова Н. В. Психологические условия развития профессионального самосознания субъектов служебной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 289–294. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-289-294>. EDN: ZQSGUG.

Original article

Psychological conditions for the development of professional self-awareness of subjects of official activity

Natalia V. Sharafutdinova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Shnv_70@mail.ru

Abstract. The necessity of clarification of the category «development» and its application to the analysis of the problem under study is revealed. The material on the analysis of psychological conditions of development of professional self-awareness of the subject of service activity is presented, the concepts of «development», «developed», «develop» are disclosed, the concept of «development of professional self-awareness» is specified. The theoretical analysis of the problem is carried out, the purpose of the work is specified, the approximate scheme of research and development of professional self-awareness is described and disclosed, the psychological features of the studied sample are briefly described. A number of important provisions are deduced, functions of the studied phenomenon are specified, psychological conditions of development of professional self-awareness of the subject of service activity are described and ways of further work are outlined.

Keywords: development, developed, develop, conditions of development, professional identity, subject, official activity

For citation: Sharafutdinova N. V. Psychological conditions for the development of professional self-awareness of subjects of official activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(5):289–294. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-289-294>. EDN: ZQSGUG.

Введение. Понятие «развитие» является центральным как в научно-теоретической, так и практической психологии, в том числе психологии труда. В справочной, научной и учебно-методической литературе оно зачастую трактуется по-разному. Развитие — это «процесс перехода от одного состояния в другое, более совершенное. Степень сознательности, просвещенности, культурности» [3, с. 477]. Развитие — «прогрессивное изменение чего-либо, связанное с его совершенствованием, приобретением новых, положительных качеств и свойств. Психологическое развитие человека — это совершенствова-

ние его психических процессов, состояний и свойств, их переход на более высокий уровень развития, способствующий лучшему приспособлению человека к условиям жизни» [6, с. 352]. Р. С. Немов, конкретизирует понятие развитие как «совокупность изменений, ведущая к переходу того, что изменяется (развивается), на более высокий уровень функционирования или совершенства» [6, с. 352].

Как показывает анализ специальной литературы, малое число авторов уточняет значение и содержание понятия «развитие». Отдельное внимание в литературе уделяется развитию когнитивных процессов, но

© Шарафутдинова Н. В., 2024

таких примеров также крайне мало с учетом того, что психика — сложная форма отражения реальности. Социальная ситуация требует пересмотра и разработки новых программ, технологий, средств и способов развития субъекта служебной деятельности, его профессионального самосознания, предварительного теоретического анализа научных категорий, понятий, процесса и условий самого развития.

Если обратиться к толковому словарю русского языка, то слово «развитый» раскрывается как — «достигший высокого уровня развития» [3, с. 477], а «развить» — «постепенно совершенствуя, довести до высокого уровня, до высокой степени проявления тех или иных положительных свойств. <...>. Расширить, углубить содержание или применение чего-нибудь» [3, с. 477].

Иными словами, развитие профессионального самосознания — это последовательный, постепенный процесс изменения, перехода к новому уровню развития, качественным изменениям показателей его структурных компонентов, например, самооценки, самовыражения или самоэффективности субъекта труда.

Изучив справочную, научную и учебно-методическую литературу по обсуждаемой проблеме, стоит отметить то, что, на наш взгляд, анализ понятий «развитие», «развитие профессионального самосознания» в психологии на современном этапе развития науки и практики не доведен до конца.

Цель исследования — теоретический анализ и раскрытие психологических условий формирования профессионального самосознания.

Теоретический анализ проблемы. Рассматриваемая в материалах статьи категория «развитие» может применяться к анализу процесса развития профессионального самосознания в контексте того, что в структуре профессионального самосознания постоянно что-то изменяется, появляется что-то новое, образуются новые связи между его показателями. В литературе, посвященной исследованиям профессионального самосознания, исследователи отмечают необратимость процесса развития, и движения прогрессивного и регрессивного характера, его неравномерность. Среди ведущих психологических методов исследования профессионального самосознания и особенностей его развития выделяют такие как, наблюдение, эксперимент, тестирование, анкетирование, интервьюирование, беседа, анализ продуктов деятельности.

Психологическая деятельность психолога по изучению и развитию профессионального самосозна-

ния может быть различной: оптимизация социальной ситуации развития в условиях получения высшего образования; подготовка субъектов к служебной деятельности, развитие необходимых умений, навыков, способностей и их компетенций; формирование новых возрастнo-психологических образований, включая предварительную диагностику и его оценку.

Учеными в решении вопросов, связанных с развитием показателей профессионального самосознания, затрагиваются различные аспекты: от описания условий, предпосылок, факторов и критериев до способов его развития. Рядом авторов затрагивается проблема стадийности (этапности) развития профессионального самосознания или отдельных его компонентов и показателей, его связи со становлением профессионализма, эффективностью деятельности в контексте соотношений «профессионального» и «личного».

В. В. Столин, изучая проблему познания себя и отношения к себе в структуре самосознания личности, отметил влияние самосознания на внешнюю социально-предметную деятельность и общение [14, 381–393]. А. А. Рубин одним из первых раскрыл генезис и структуру самосознания личности [12]. А. В. Захарова особое внимание уделила проблеме изучения самооценки, входящей, на наш взгляд, в компонентный состав профессионального самосознания. Раскрыла основные линии развития самооценки как системного образования и условия его формирования [2, с. 61–294]. А. В. Захарова отмечала то, что «самооценка как психологический механизм саморегуляции выступает в качестве важного фактора продуктивности деятельности» [2, с. 301].

Т. Л. Миронова, раскрывая теоретический контекст проблемы профессионального самосознания, обратила внимание на развитие человека как субъекта труда на этапе его профессиональной подготовки, исследовав особенности профессионального самосознания учащейся молодежи в условиях обучения и взаимодействия в различных профессиональных общностях [5, с. 69–125]. Изучая структуру актуальной положительной Я-концепции обучающихся как субъектов учебно-профессиональной деятельности, автором были описаны условия и особенности развития профессионального самосознания, даны рекомендации, например, «ставить обучающихся (и выпускников) в условия, когда им необходимо обратиться к опыту других людей» и др. [4, с. 142].

Е. Ю. Пряжникова в своих исследованиях важное место уделила вопросам развития и саморазвития профессионального самосознания и их целенаправ-

ленному формированию, основанному на принципах субъект-субъектных отношений, осознания целей деятельности, самостоятельности, учета профессиональных и личных особенностей обучающихся, групп, в которые они включены и др. [10, с. 299–301]. Исследовала профессиональную мотивацию обучающихся и представила практические аспекты организации их психологического сопровождения [9, с. 151–156].

В. С. Агапов, И. Е. Смирнова, Н. Н. Красноштанова и М. О. Титова представили результаты теоретической и эмпирической рефлексии практики исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности, обратили внимание на необходимость создания психотехнологий, концептуально обоснованных программ и модулей психологического обеспечения изучаемого процесса, апробации и внедрения в психологическую практику новых прикладных разработок [15, с. 320–324].

Обобщая вышесказанное, отметим, что развитие профессионального самосознания — это сложный и длительный процесс трансформации связей в его структуре и появления новых образований. Работу по развитию и саморазвитию профессионального самосознания необходимо выстраивать, начиная с образовательных организаций. Планировать ее в рамках учебного процесса и воспитательной работы с обучающимися, уделяя внимание как индивидуальным, так и групповым формам работы с обучающимися, учитывать накопленные научные знания и принципы его формирования.

В исследовании профессионального самосознания субъектов труда и условий, специфики его развития важным остается анализ и подбор не только методов и методик, но и предварительный анализ основных принципов, подходов, стадий развития изучаемого феномена и др. (рис. 1)

В связи с тем, что на программы высшего образования поступают лица в возрасте от 17 до 20 лет и продолжают свое обучение либо 4 года, либо 5 (без учета магистратуры, адъюнктуры, аспирантуры), их психосоциальную стадию развития можно обозначить как «Юность» или «Юношество». Эта стадия характеризуется сложным и важным периодом психосоциального развития личности, начиная с 12–13 лет и примерно до 20. Именно на этом этапе развития личности формируется ее психологическое и социальное благополучие.

В возрасте 20–25 лет личность проходит стадию развития «Молодость», получает профессию, создает семью, «отрывается» от родительской семьи, начиная

жить самостоятельно. Важной в этом периоде остается проблема достижения близости, взаимности с другими, установления доверительных отношений без снижения самооценки, возникновения чувств разочарования, никчемности и одиночества. Именно в этом периоде для молодых людей важными в отношениях являются романтическая и сексуальная составляющие, выбор надежного партнера и пути верности этим отношениям, уступок, компромиссов, заботы, уважения и принятие ответственности не только за себя, но и за другого. В профессиональной среде — принятие ответственности за свое поведение, результаты служебной деятельности, прогнозирование ее эффективности, изменение отношения к будущему, создание образа, картины своего будущего и выбор средств достижения желаемого и пр.

Данная стадия характеризуется и как стадия проб и поиска, на которой жизненные цели зачастую бывают нереалистичными и подверженными изменениям, а оценки социальных событий и самих себя, своих отношений с другими — нестабильными. Ведущими видами деятельности в юношеском возрасте будут труд и учение. Иногда к этому набору добавляются и профессиональное самоопределение «как ведущей деятельности в ранней юности» [16, с. 366]. «В современном понимании профессиональное самоопределение рассматривается не только как конкретный выбор профессии, но как непрерывный процесс поиска смысла в выбираемой, осваиваемой и выполняемой профессиональной деятельности. <...> Это процесс чередующихся выборов, каждый из которых рассматривается как важное жизненное событие, определяющее дальнейшие шаги на пути профессионального развития личности» [16, с. 367], в том числе ее профессионального самосознания. В этом возрасте повышаются потребности «на изменение своего бытия в процессе познания и самопознания, на актуализацию внутреннего стремления совершать определенные усилия по «самоочеловечиванию», на обретение и поддержание собственной аутентичности» [13, с. 532]; на стабилизацию Я-концепции. «Чем больше уверены юноши и девушки в своих достоинствах, тем

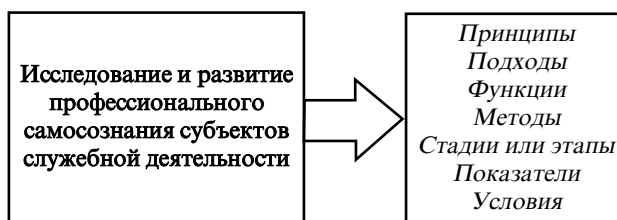

Рис. 1. Схема исследования и развития профессионального самосознания

меньше они рискуют потерять себя в результате взаимных уступок, предполагаемых социальными интеракциями» [11, с. 720]. Развиваясь, молодые люди начинают оценивать себя, пытаясь сохранить свою индивидуальность в системе межличностных профессиональных и личных отношений.

Рассматривая развитие профессионального самосознания субъектов труда, необходимо отразить следующие важные положения:

1) подход к исследованию, анализу процесса развития профессионального самосознания включает изучение стадии социализации личности и учета особенностей психосоциальной стадии развития личности, на которой она находится, воздействий социальных институтов на развитие профессионального самосознания в предшествующий период обучения по программе высшей школы, поиск средств оптимизации развития на этапе обучения в вузе;

2) исследования профессионального самосознания ведутся на основе личностного, структурно-динамического, ресурсного и других подходов;

3) выявление особенностей развития профессионального самосознания должно строиться с учетом принципов развития, личностного подхода, единства сознания и деятельности и др.;

4) развитие профессионального самосознания осуществляется с учетом функций и конкретных научных задач: описания, объяснения и прогноза, коррекции показателей изучаемого феномена (рис. 2);

5) процесс развития профессионального самосознания включает в себя развитие показателей когнитивного, мотивационного, эмоционального, рефлексивного, регулятивного компонентов;

6) профессиональное самосознание включает в себя различные показатели вышеперечисленных компонентов, которые могут быть взаимосвязанными;

7) развитие профессионального самосознания как личностного образования, обладающего сложнейшей структурой, происходящего под воздействием профессиональной среды и посредством участия субъекта в служебной деятельности, находится в постоянной динамике;

8) изменение в компонентном составе структуры профессионального самосознания рассматривается как сложный поэтапный процесс новообразований и изменений его показателей, обеспечивших выпол-

нение служебной деятельности, нормализацию межличностных отношений;

9) процесс развития профессионального самосознания рассматривается как целенаправленный, обусловленный внешними условиями и вмешательствами, наряду с процессами саморазвития и саморегулирования.

Движущими силами развития профессионального самосознания субъекта служебной деятельности могут выступать внутренние противоречия между самопониманием и самооэффективностью, представления об истинном и идеальном Я, самообвинениями и самоуважением в профессии и др.

Развитие профессионального самосознания проходит ряд стадий или периодов на дотрудовом, трудовом и послетрудовом этапах социализации личности. На этих этапах имеются значительные различия в развитии профессионального самосознания, зависящие от возрастных, гендерных, индивидуальных особенностей личности и специфики служебной деятельности. Необходим учет постепенно происходящих изменений в его структуре, анализ событий и воздействий на личность и их вклад в трансформацию структурных элементов профессионального самосознания.

Работа по разъяснению целей и задач служебной деятельности; осознание субъектами служебной деятельности важности принятия этих целей и задач; приложение максимальных усилий для достижения поставленных целей и решения задач; четкое распределение ролей и обязанностей в иерархии отношений; соотнесение субъектами личных и профессиональных планов и намеченных целей; тренировка, применение новых знаний, умений и навыков в непосредственном решении служебных задач; планирование карьерного роста; формирование ценностного отношения к нормам, традициям коллектива и общества в целом будут способствовать развитию профессионального самосознания субъекта труда.

К психологическим условиям развития профессионального самосознания субъекта, на наш взгляд, можно также отнести особенности служебной деятельности и отношений, самообразование и саморазвитие субъекта труда, другие виды его деятельности, способствующие новым психическим образованиям в виде знаний, умений, навыков, применимых в профессии. Включенность субъекта служебной деятель-

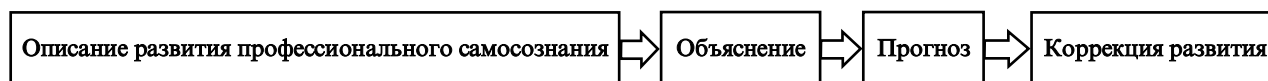

Рис. 2. Функции изучаемого феномена

ности в различные просоциальные институты, такие как коллектив, спортивные сообщества и др., также является условием, влияющим на формирование «позитивной профессиональной Я-концепции личности» [7, с. 535].

Условиями развития послужат осознание ценности служебной деятельности; умения ориентироваться в изменяющихся условиях жизнедеятельности и коррекции целей, планов, ожиданий и перспектив в профессиональной служебной деятельности; согласование этих целей и планов с личными, семейными целями и планами; расстановка приоритетов; знание и учет внутренних и внешних барьеров достижения поставленных целей и др.

Исследуя особенности и условия развития профессионального самосознания обучающихся, важно обратить внимание на этапы: включения субъекта в группу; профессиональной адаптации, обусловленной, с одной стороны, необходимостью осваивать вузовскую программу (учебная деятельность), с другой, — выполнять служебные обязанности (трудовая деятельность), соблюдения их баланса; изменения модели отношения субъекта к конкретной профессиональной служебной деятельности и формирования адекватной профессиональной самооценки.

Как показывают И. А. Прокудин и Ю. Г. Хлоповских, «приобретение совокупности теоретических знаний, выработка профессиональных умений в практической деятельности, повседневное взаимодействие с преподавателями и офицерами курсового звена, осуществляющими учебно-воспитательную деятельность, в целом образовательная среда ведомственной образовательной организации способствуют формированию и развитию профессионального самосознания курсантов» [8, с. 63]. Т. Ц. Дугарова, подводя итоги исследования профессионального самосознания студентов, обращает внимание и на «очевидную необходимость обсуждения и решения методологических, научно-методических, технологических проблем в области психолого-педагогической теории и практики профессионального образования [1, с. 60].

Выводы. Таким образом, на основании анализа специальной литературы, учета психологических условий развития профессионального самосознания возможно уточнение стратегии развития профессиональной субъектности и самосознания в труде субъектов служебной деятельности, определение содержания программы преодоления психологических барьеров и затруднений развития профессионального самосознания.

Список источников

1. Дугарова Т. Ц., Прохоренко Е. О. Профессиональное самосознание студентов магистратуры, обучающихся по направлениям «Психология» и «Педагогика» // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 8(76). С. 53–60.
2. Захарова А. В. Генезис самооценки: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1989.
3. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Малый толковый словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1990.
4. Миронова Т. Л. Структура актуальной положительной Я-концепции учащегося профтехучилища как субъекта учебно-профессиональной деятельности // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 5. С. 134–142.
5. Миронова Т. Л. Структура и развитие профессионального самосознания: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1999.
6. Немов Р. С. Психологический словарь. М. : Владос, 2007.
7. Общая психология и психология личности / под ред. А. А. Реана. М. : АСТ ; СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009.
8. Прокудин И. А., Хлоповских Ю. Г. Профессиональное самосознание курсантов ведомственной образовательной организации: сущность, структура, динамика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2019. № 4. С. 60–63.
9. Пряжникова Е. Ю. Исследование профессиональной мотивации иностранных студентов, обучающихся в университетах России // Современные направления исследований в психологии: вызовы третьего десятилетия XXI века: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, доктора философских наук, профессора Георгия Викторовича Телятникова, 30-летию факультета психологии Тверского государственного университета (Тверь, 1–2 июня 2023 г.). Тверь : Тверской государственный университет, 2023. С. 151–157.
10. Пряжникова Е. Ю. Психологические основы развития профессионального самосознания профконсультанта: дисс. ... д-ра психол. наук. Тверь, 2001.
11. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 200.
12. Рубин А. А. Генезис и структура самосознания личности: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Ленинград, 1979.

13. Сапогова Е. Е. Психология развития и возрастная психология: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2025.

14. Столин В. В. Познание себя и отношение к себе в структуре самосознания личности: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1985.

15. Теория и практика исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности / В. С. Агапов, И. Е. Смирнова, Н. Н. Красноштанова, М. О. Титова // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 320–325.

16. Шаповаленко И. В. Психология развития и возрастная психология: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024.

References

1. Dugarova T. Ts., Prokhorenko E. O. Professional self-awareness of graduate students studying in the fields of Psychology and Pedagogy // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. No. 8(76). P. 53–60.

2. Zakharova A. V. The genesis of self-assessment: diss. ... doctor of psychological sciences. M., 1989.

3. Lopatin V. V., Lopatina L. E. Small explanatory dictionary of the Russian language. M. : Rus. yaz., 1990.

4. Mironova T. L. The structure of the actual positive self-concept of a vocational school student as a subject of educational and professional activity // Bulletin of the Buryat State University. 2011. No. 5. P. 134–142.

5. Mironova T. L. Structure and development of professional self-awareness: diss. ... doctor of psychological sciences. M., 1999.

6. Nemov R. S. Psychological dictionary. M. : Vlados, 2007.

7. General psychology and personality psychology / ed. by A. A. Rean M. : AST ; St. Petersburg : Prime-EUROZNAK, 2009.

8. Prokudin I. A., Khlopovskikh Yu. G. Professional self-awareness of cadets of departmental educational or-

ganizations: essence, structure, dynamics // Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of higher education. 2019. No. 4. P. 60–63.

9. Pryazhnikova E. Y. Research of professional motivation of foreign students studying at Russian universities // Modern research directions in psychology: challenges of the third decade of the XXI century: mat. international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor Georgy Viktorovich Telyatnikova, 30th anniversary of the Faculty of Psychology of Tver State University (Tver, June 1–2, 2023). Tver : Tver State University, 2023. P. 151–157.

10. Pryazhnikova E. Y. Psychological foundations of the development of professional self-awareness of a professional consultant: diss. ... doctor of psychological sciences. Tver, 2001.

11. Psychological encyclopedia. 2nd ed. / edited by R. Corsini, A. Auerbach. St. Petersburg : Peter, 200.

12. Rubin A. A. Genesis and structure of self-awareness of personality: abstract diss. ... candidate of philosophical sciences. Leningrad, 1979.

13. Sapogova E. E. Psychology of development and age psychology: textbook. stipend. 2nd ed., reprint. and additional M. : Infra-M., 2025.

14. Stoln V. V. Self-knowledge and self-attitude in the structure of self-awareness of a personality: diss. ... doctor of psychological sciences. M., 1985.

15. Theory and practice of research on Self-concepts of subjects of official activity / V. S. Agapov, I. E. Smirnova, N. N. Krasnoshtanova, M. O. Titova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. P. 320–325.

16. Shapovalenko I. V. Developmental psychology and age psychology: textbook and practical course for universities. 3rd ed., revised and additional. M. : Yurait, 2024.

Информация об авторе

Н. В. Шарафутдинова — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Sharafutdinova — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.